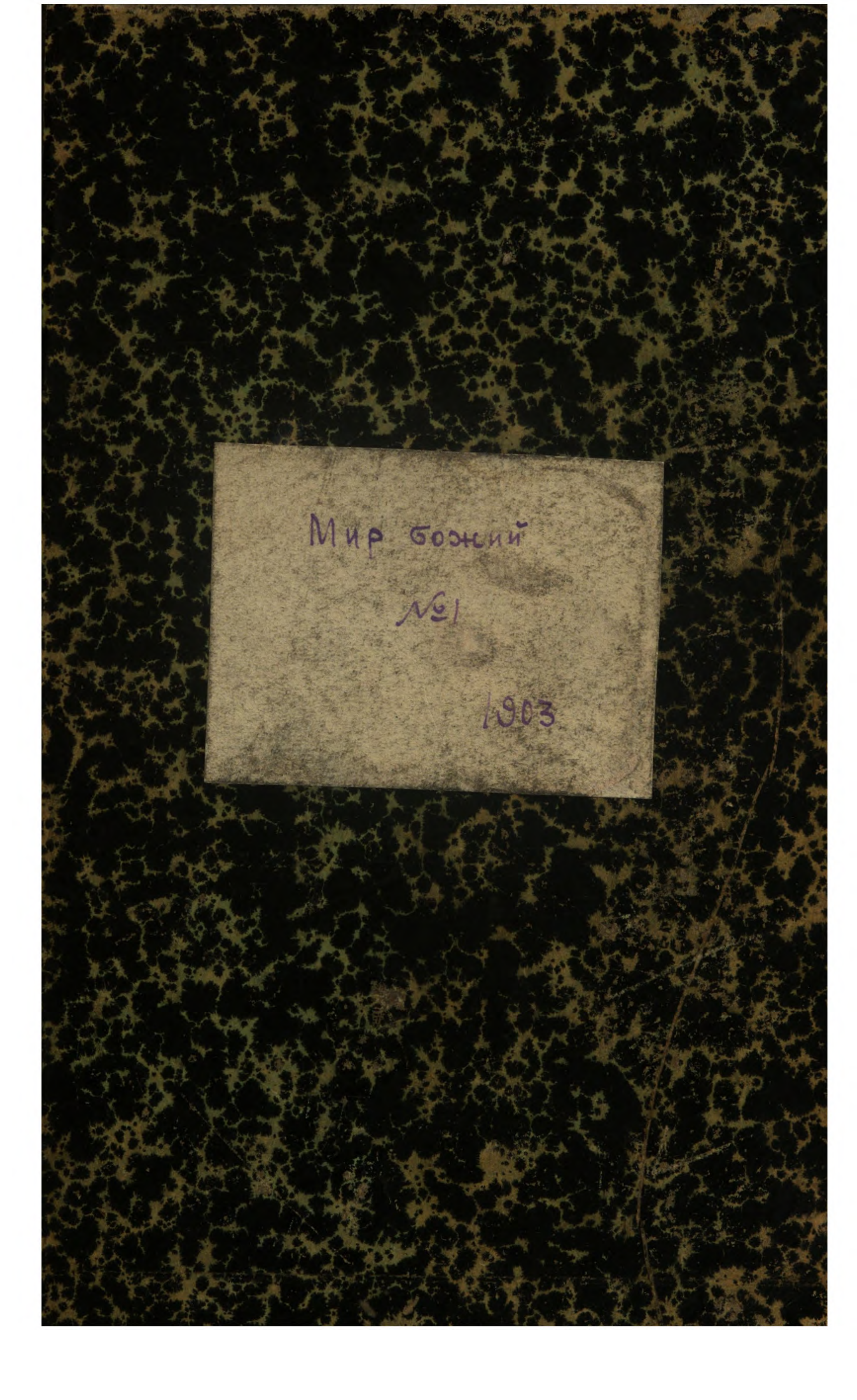

Мир божий
№1
1903

Годъ XII-й. № 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ XII-й. № 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

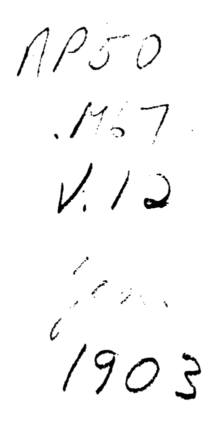
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

Дозволено цензурою 24-го декабря 1902 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

О ЖИЗНИ ВЪ ПОЧВѢ.

Какъ ни велика разница между живыми существами и міромъ неорганическимъ, первичныя химическія вещества, входящія въ составъ первыхъ и въ составъ безжизненной природы, окружающей ихъ—одни и тѣ же. Изъ окружающей природы живыя существа почерпаютъ вещества, изъ которыхъ строятъ свое тѣло. Одни изъ этихъ веществъ находятся въ громадномъ количествѣ вокругъ нихъ и всегда представляются къ услугамъ живыхъ веществъ, какъ, напримѣръ, кислородъ, вода, угольная кислота, большинство солей. Другія же, какъ, напримѣръ, соединенія азота, встрѣчаются въ очень ограниченномъ количествѣ.

Фактъ, лежащій въ основѣ этого утвержденія, извѣстенъ каждому крестьянину: не унавозишь земли, и она не родитъ достаточно хлѣба, т.-е., если мы не введемъ искусственно въ почву азотистыхъ соединеній, то урожай получится плохой; на той же площади земли выростетъ меньше растительной массы и соотвѣтственно меньшее количество прокормится на ней животныхъ и людей. Если земледѣлецъ не унавозитъ пашню, то рожь выростетъ чахлая, зерна уродится мало, потому что растеніе нашло въ почвѣ мало азотистыхъ веществъ.

На первый взглядъ это кажется страннымъ, какъ это азотъ, громадныя количества котораго со всѣхъ сторонъ окружаютъ живыя существа (азотъ сотавляетъ одну изъ главныхъ составныхъ частей воздуха), является въ своихъ соединеніяхъ рѣдкимъ и цѣннымъ элементомъ. Это объясняется тѣмъ, что азотъ имѣетъ мало сродства къ другимъ элементамъ, съ трудомъ съ ними соединяется; живыя же существа могутъ его усвоивать только въ его соединеніяхъ. Такъ что громадныя количества свободнаго, ни съ чѣмъ не соединеннаго азота, находящіяся въ воздухѣ, являются безразличными для живыхъ существъ.

Въ примѣрѣ, который мы привели выше — чахломъ ростѣ ржи на неунавоженномъ полѣ,—растеніе выросло чахлымъ, потому что нашло въ почвѣ мало азотистыхъ соединеній. Несмотря на то, что его листья и корни постоянно омывались свободнымъ азотомъ воздуха, растеніе, выросшее изъ сѣмени, не могло его усвоить и могло при прочихъ рав-

ныхъ условіяхъ создать только столько новаго живого вещества, сколько нашло въ почвѣ азотистыхъ соединеній. Можно предполагать, что количество жизни на землѣ обусловливается количествомъ связаннаго въ соединеніяхъ азота, такъ какъ другихъ веществъ, необходимыхъ для образованія живого вещества находится избытокъ.

Жизнь можетъ существовать потому, что происходитъ постоянный круговоротъ азота. Соединенія его постоянно переходятъ отъ мертвыхъ къ живымъ. Лишь только живое существо умерло, соединенія, изъ которыхъ состояло его тѣло, снова поступаютъ въ общій круговоротъ веществъ. Изъ нихъ растенія опять строятъ новое органическое вещество, растеніями питаются животныя и т. д.

Въ этомъ процессѣ круговорота необыкновенно важная роль принадлежитъ мельчайшимъ живымъ существамъ—микроорганизмамъ. Только благодаря имъ происходитъ гніеніе. Если бы ихъ не было, земля покрылась бы трупами животныхъ, мертвыми остатками растеній, и жизнь на землѣ замерла. Дѣло въ томъ, что растенія не могутъ усваивать тѣхъ сложныхъ тѣлъ, изъ которыхъ состоитъ тѣло главныхъ существъ. Бѣлки, напримѣръ, которые, какъ составныя части нашихъ главныхъ родовъ пищи—мяса, хлѣба, такъ необходимы для насъ, не усвояются растеніями. Все равно, высохшій листъ или умершій человѣкъ должны превратиться въ землю, то-есть ихъ тѣло должно быть разложено на простѣйшія химическія соединенія, и только тогда оно можетъ служить растеніямъ на построеніе новаго живого вещества.

Все живое на землѣ мы можемъ представить себѣ, какъ обладателей извѣстнаго богатства — извѣстной суммы азотистыхъ соединеній. Богатство это остается почти одно и то же, медленно увеличиваясь, но зато постоянно переходитъ къ новымъ и новымъ обладателямъ за смертью прежнихъ. Но этотъ переходъ ихъ, возобновленіе жизни, не могъ бы происходить, какъ говорили мы выше, безъ дѣятельности микроорганизмовъ.

Вотъ изъ этой-то исторіи перехода азота мы остановимся сперва на одной только главѣ. Сложныя азотистыя вещества подвергаются гніенію. Гніеніе это сопровождается развитіемъ массы бактерій, въ чемъ легко убѣдиться изслѣдованіемъ подъ микроскопомъ. Благодаря имъ, происходитъ гніеніе. Въ конечномъ результатѣ послѣднимъ продуктомъ длиннаго ряда измѣненій, которыя происходятъ, благодаря вмѣшательству столь же многочисленныхъ родовъ бактерій, является тѣло очень простого состава—амміакъ. Оно извѣстно каждому, такъ какъ растворъ его въ водѣ — такъ называемый нашатырный спиртъ, часто употребляется и въ домашнемъ обиходѣ, и въ медицинѣ.

Растенія могутъ усваивать амміакъ, но для нихъ наиболѣе пригодной формой для усвоенія азота является азотная кислота. Послѣдняя тоже всѣмъ извѣстна, хотя бы по наслышкѣ, въ видѣ соединеній съ металлами подъ названіемъ селитры. Селитра составляетъ сама по себѣ очень

дѣнное въ агрономіи удобреніе; она сильно увеличиваетъ урожай, но дорога по цѣнѣ. Въ почвѣ амміакъ окисляется въ азотную кислоту.

Вотъ на этомъ процессѣ превращенія амміака въ азотную кислоту мы и остановимся. Онъ постоянно, такъ сказать, происходитъ въ почвѣ и имѣетъ капитальное значеніе для жизни всего растительнаго міра и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ, для всего живого. Носитъ этотъ процессъ названіе процесса нитрификаціи.

Французскіе ученые Шлезингъ и Мюнцъ показали, что процессъ превращенія амміака въ азотную кислоту—процессъ нитрификаціи совершается благодаря дѣятельности живыхъ существъ—микробовъ почвы. Если почву поставить въ условія, дѣлающія невозможными проявленія жизни, процессъ нитрификаціи прекращается. Опытъ въ общемъ былъ поставленъ такъ: чрезъ трубу, наполненную землей, медленно пропускался слабый растворъ амміака: этотъ растворъ при прохожденіи чрезъ землю окислялся и вода содержала по выходѣ изъ прибора азотную кислоту. Достаточно было подвергнуть почву, заключенную въ трубкѣ, какому-нибудь вліянію, не мѣшающему ходу химическихъ реакцій, но останавливающему проявленія жизни, напр., пропустить пары хлороформа, чтобы процессъ нитрификаціи остановился.

Такимъ образомъ основной фактъ былъ открытъ: процессъ нитрификаціи оказался процессомъ, обусловленнымъ дѣятельностью живыхъ существъ. Но это былъ выводъ, сдѣланный въ самой общей формѣ, и нужно было подробнѣе изучить этотъ процессъ. А это было бы возможно сдѣлать, только получивъ въ чистомъ видѣ разводку микробовъ, производящихъ нитрификацію. Этимъ мы обязаны, главнымъ образомъ, русскому ученому С. Н. Виноградскому, работы котораго и выяснили во всѣхъ деталяхъ процессъ нитрификаціи.

Каждый разъ, когда мы предполагаемъ, что какой-либо процессъ, напр., химическое измѣненіе въ какомъ-либо веществѣ или болѣзненныя явленія въ живомъ организмѣ, обусловливается микробами, для того, чтобы вполнѣ изучить процессъ, который происходитъ передъ нашими глазами, и микробовъ, которые его производятъ, мы должны получить чистую разводку послѣднихъ. Вернемся къ нашему примѣру, который послужитъ намъ исходнымъ пунктомъ. Мы знаемъ, что процессъ нитрификаціи въ почвѣ происходитъ благодаря дѣятельности микробовъ. Но, спрашивается, какихъ микробовъ? Въ почвѣ находятся миріады безконечно многочисленныхъ сортовъ микробовъ, такъ что мы находимся въ полномъ недоумѣніи, какіе же изъ нихъ являются виновниками процессовъ, интересующихъ насъ. Кромѣ того, нѣтъ возможности сколько-нибудь полно изучить ходъ самого процесса, такъ какъ имѣя передъ собою такую смѣсь микробовъ, въ средѣ, въ которой они живутъ, мы будемъ имѣть цѣлую серію разнообразныхъ химическихъ процессовъ, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ происходить во взаимно обратномъ направленіи и такимъ образомъ совершенно затемнять картину.

*

Полученіе чистыхъ культуръ ведетъ свое начало отъ Пастера, отца всего ученія о микроорганизмахъ, грандіозная фигура котораго все выростаетъ по мѣрѣ того, какъ растетъ и расширяется созданная имъ отрасль знанія. Наука о микроорганизмахъ могла начать прочно развиваться съ того момента, когда онъ доказалъ, что не существуетъ *самопроизвольнаго зарожденія*. До него думали, что когда въ оставленной органической жидкости, напр., настоѣ сѣна и молока, развиваются безчисленныя низшія существа—бактеріи и инфузоріи, то они зародились самопроизвольно изъ химическихъ веществъ жидкости. Пастеръ доказалъ, что если въ этихъ случаяхъ развиваются живыя существа, то это происходитъ или отъ того, что въ жидкости заключаются зародыши этихъ организмовъ, которыхъ не съумѣли предварительно уничтожить, или же сосудъ съ жидкостью былъ плохо закупоренъ и эти зародыши попали въ жидкость вмѣстѣ съ пылью изъ воздуха. Если же въ жидкости дѣйствительно убить всѣ зародыши, напр., достаточно долгимъ кипяченіемъ, или удалить дѣйствительно ихъ всѣхъ изъ нея, напр., пропусканіемъ ея чрезъ стѣнки сосуда изъ пористой глины, которыя задержатъ всѣхъ микробовъ, то такую жидкость можно сохранять безконечно долго безъ измѣненія и въ ней уже не разовьются самопроизвольно живыя существа. Но достаточно ввести въ нее ничтожное количество микробовъ и ихъ зародышей, чтобы жидкость въ скоромъ времени оказалась переполненной массой живыхъ существъ. Разъ явилась возможность получать обезпложенныя жидкости, то сама собой отсюда вытекала мысль получить чистыя разводки микробовъ. Для этого нужно въ сосудъ съ обезпложенной жидкостью ввести только одинъ зародышъ и тогда онъ размножившись наполнитъ сосудъ только своими безчисленными потомками. Выгоды, вытекающія для научнаго изслѣдованія изъ полученія чистыхъ культуръ, неизмѣримы. Напримѣръ, предположеніе о возможности химическаго анализа микроба на первый взглядъ кажется неосуществимымъ. Какъ производить анализъ микроскопическаго существа, на какихъ вѣсахъ его взвѣшивать? Но, если вы имѣете чистую культуру этого микроба, то задача ваша значительно упрощается: вы можете развести и собрать его въ какихъ угодно большихъ количествахъ. Такъ, напр., дрожжи вы можете имѣть хоть пудами. Имѣя чистую культуру вы можете изслѣдовать тѣ химическія измѣненія, которыя этотъ микробъ производитъ въ окружающей его средѣ. Введя его въ организмъ животнаго, вы можете видѣть тѣ болѣзненныя измѣненія, которыя онъ въ немъ производитъ и можете изучать, какъ организмъ старается побороть и уничтожить незванныхъ пришельцевъ.

Первый пріемъ полученія частыхъ культуръ былъ очень простъ по идеѣ, но очень труденъ при выполненіи: это методъ разведенія. Представьте, что вы хотите изъ смѣси микробовъ, напр., почвы или гніющей органической жидкости, гдѣ ихъ находится громадное богатство

отдѣльныхъ формъ, получить въ чистомъ видѣ какой-нибудь одинъ микробъ. Вы берете изъ изслѣдуемой жидкости каплю и переносите ее въ другой сосудъ, но уже со стерелизованною жидкостью. Капля, которую вы взяли заключила въ себѣ массу микробовъ, при взбалтываніи второго сосуда они равномѣрно распредѣлятся по всей жидкости. Если теперь мы возьмемъ опять каплю изъ второго сосуда, то въ ней уже будетъ заключаться значительно меньшее количество микробовъ. Эту процедуру мы можемъ опять повторить и такъ продолжать до тѣхъ поръ, пока не разведемъ жидкости съ микробами до такой степени, что въ каждой каплѣ будетъ заключаться не болѣе одного микроба. Тогда сосуды, засѣянные каплями изъ послѣдняго разведенія, дадутъ чистую культуру отдѣльныхъ микробовъ. Вотъ тотъ способъ, которымъ были получены первыя чистыя культуры микробовъ. Но само собой понятно, онъ мѣшкотенъ и труденъ. Какое большое количество колбочекъ требуется для этого, сколько приходится для этого заготовлять жидкости. Наконецъ, его важный недостатокъ заключается въ томъ, что изслѣдователь во время хода этого процесса не гарантированъ отъ того, что его культуры загрязнятся посторонними зародышами, попавшими съ частичками пыли, носящимися въ воздухѣ, во время переноса капель изъ одного сосуда въ другой.

Въ виду того, въ высшей степени важное значеніе въ ученіи о микробахъ имѣло введеніе болѣе простого и совершеннаго метода полученія чистыхъ культуръ. Это такъ называемый методъ культуры на твердыхъ средахъ, введенный, главнымъ образомъ, Кохомъ. Принципъ его очень простъ, и явленіе, наглядно демонстрирующее его, можетъ быть, было замѣчено многими изъ нашихъ читателей. Если взять формочку желе или студня и оставить ее стоять нѣсколько дней, то мы увидимъ, что на ней выросли отдѣльные маленькіе кустики плѣсени. Отчего это происходитъ? Дѣло объясняется тѣмъ, что на желе падали частички пыли, среди которыхъ были и зародыши плѣсени. Тамъ, гдѣ упалъ такой зародышъ, развился кустикъ опредѣленной плѣсени. Если бы стоялъ сосудъ съ жидкостью, а не твердый субстратъ, тогда потомство разныхъ зародышей перемѣшалось бы между собою, и мы бы имѣли смѣсь бактерій, но на твердомъ веществѣ каждый упавшій зародышъ начинаетъ размножаться на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ, и остается окруженный своимъ потомствомъ; оттого въ каждомъ отдѣльномъ кустикѣ мы будемъ имѣть чистую культуру опредѣленнаго микроба.

Явленіе, которое совершенно случайно и къ своему неудовольствію наблюдаютъ иногда хозяйки, систематически утилизируется именно въ такой формѣ при бактеріологическомъ изслѣдованіи воздуха. При этомъ въ изслѣдуемомъ помѣщеніи ставятъ пластинки, покрытыя застывшимъ питательнымъ веществомъ, и послѣ сосчитываютъ число развившихся колоній изъ упавшихъ изъ воздуха зародышей и опредѣляютъ ихъ виды.

Также просто получить чистыя культуры бактерій изъ смѣси ихъ въ жидкости. Для этого берется обезпложенная питательная жидкость, къ которой прибавлено небольшое количество желатины. Въ нагрѣтомъ состояніи такая смѣсь будетъ жидкой, при остываніи же она дѣлается плотной. Въ ней и разбалтывается капля, взятая изъ изслѣдуемой жидкости. При разбалтываніи зародыши, бывшіе въ этой каплѣ, равномѣрно распредѣлятся во всей массѣ, и если мы выльемъ ее въ плоскую чашечку, то она застынетъ и каждый отдѣльный зародышъ окажется прикрѣпленнымъ на то мѣсто, на которое онъ попалъ; размножаясь, онъ произведетъ вокругъ себя цѣлую колонію, но его потомство уже не можетъ смѣшаться съ другими бактеріями, и мы опять получимъ цѣлый рядъ чистыхъ культуръ отдѣльныхъ микробовъ.

Если работы Пастера положили начало наукѣ о микробахъ и дали ея основные факты, то введенные Кохомъ методы культуры мокробовъ на твердыхъ субстратахъ подвинули ее сразу быстро впередъ. Съ помощью этихъ методовъ въ короткій промежутокъ времени было изолировано много микробовъ, причиняющихъ болѣзни человѣку и животнымъ и прямо необозримое количество микробовъ изъ воды, почвы, изъ гніющихъ органическихъ веществъ и т. д. Методъ этотъ далъ такъ много новыхъ видовъ сразу, что онъ, такъ сказать, ослѣплялъ изслѣдователей. Ученымъ, выросшимъ на этой методикѣ, казалось, что то, что не поддается изслѣдованію этими методами, несущественно.

Такая точка зрѣнія оказываетъ свое вліяніе на весь ходъ работы въ значительной степени и до сихъ поръ. Такъ, напримѣръ, когда говорятъ о бактеріологическомъ изслѣдованіи воды или воздуха, то это значитъ, что дѣло идетъ о разливкахъ на желатинѣ и другихъ подобныхъ веществахъ способомъ, о которомъ мы говорили выше, и счетѣ и опредѣленіи выросшихъ колоній. Между тѣмъ при этомъ мало принимается въ разсчетъ, что на этихъ веществахъ можетъ расти только часть, можетъ быть, незначительная, изъ всѣхъ микробовъ, населяющихъ воду, такъ называемыя «банальныя формы», а остальныя, можетъ быть, болѣе важныя по своимъ жизненнымъ свойствамъ, останутся внѣ круга изслѣдованія совершенно неизвѣстными.

Этотъ вопросъ имѣетъ большой интересъ для насъ, потому что нитрифицирующіе микробы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, именно принадлежатъ къ тѣмъ существамъ, которыя отказываются расти на веществахъ, примѣняемыхъ обыкновенно учеными для выращиванія микробовъ, какъ-то на разныхъ бульонахъ и студняхъ. Каждый разъ, какъ пробовали выдѣлить изъ почвы, въ которой происходилъ процессъ превращенія амміака въ азотную кислоту, микробовъ, вызывавшихъ этотъ процессъ, на посѣвахъ и разливкахъ находили множество разныхъ микробовъ, но это были, такъ сказать, «банальныя формы», и ни одна изъ нихъ, выдѣленная въ чистомъ видѣ, не способна была произвести процессъ нитрификаціи.

Какъ мы уже говорили выше, человѣкъ обыкновенно является рабомъ своей привычной манеры думать и работать. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что нашелся нѣмецкій ученый, столь убѣжденный въ непогрѣшимости своихъ бульоновъ и студней, что позволилъ себѣ придти къ слѣдующему выводу: «Разъ на всѣхъ приготовленныхъ мною веществахъ мнѣ не удалось получить нитрифицирующихъ микробовъ, то ихъ и совсѣмъ не существуетъ».

Въ такомъ положеніи былъ вопросъ, когда за разрѣшеніе его взялся Виноградскій. Для него ясно было, что для того, чтобы получить въ чистомъ видѣ микробовъ нитрификаціи, нужно идти совершенно новыми путями. И дѣйствительно, обычные пріемы выдѣленія этихъ микробовъ не дали ихъ и ему, и такимъ образомъ еще разъ была подтверждена невозможность добиться чего-либо новаго на этомъ пути.

Путь, намѣченный имъ, былъ слѣдующій, и его можно назвать путемъ избирательныхъ культуръ. Задача заключалась въ томъ, чтобы приготовить такія жидкости, въ которыхъ рѣзко происходилъ бы процессъ нитрификаціи, обильно размножились бы соотвѣтствующіе микробы, другіе же микробы не находили бы веществъ, необходимыхъ для ихъ развитія. Давно уже извѣстно было, что присутствіе большого количества органическихъ веществъ въ почвѣ задерживаетъ процессъ нитрификаціи. Въ виду этого, Виноградскій приготовилъ растворъ крайне простой по составу, къ которому намѣренно не было прибавлено никакихъ органическихъ питательныхъ веществъ, обычно употребляемыхъ для разводки бактерій, какъ-то настоя мяса, желатины и т. п. Растворъ этотъ состоялъ изъ одного грамма сѣрнокислой соли амміака, одного грамма фосфорнокислаго калія на литръ воды изъ Цюрихскаго озера, возлѣ котораго жилъ и работалъ тогда Виноградскій. Въ этой смѣси органическія вещества заключались, но заключались въ ничтожномъ количествѣ въ видѣ случайныхъ примѣсей и загрязненій. Въ этой жидкости большинство микробовъ не можетъ развиваться, такъ какъ они для своего развитія требуютъ жидкостей, очень богатыхъ органическими веществами, какъ-то бѣлкомъ, крахмалистыми веществами и продуктами ихъ разложенія.

Между тѣмъ, жидкость, о которой мы говоримъ, содержала въ достаточномъ количествѣ амміакъ, необходимый для микробовъ нитрификаціи, и ничего, чѣмъ могли бы воспользоваться другія бактеріи. И дѣйствительно, если въ эту жидкость ввести частичку почвы, то въ первое время въ ней развиваются многочисленные микробы на счетъ органическихъ веществъ, внесенныхъ вмѣстѣ съ почвою, а также ничтожныхъ слѣдовъ ихъ, находившихся въ самой жидкости. Но скоро запасъ ихъ истощится, и развитіе этихъ, не интересующихъ насъ, микробовъ остановится. Такъ и поступилъ Виноградскій. Между тѣмъ, судя по тому, что процессъ нитрификаціи энергично продолжался, можно было

предполагать, что микробы нитрификаціи обильно размножаются. Тогда изъ перваго сосуда былъ сдѣланъ пересѣвъ во второй сосудъ съ такою же жидкостью; когда во второмъ прецессъ нитрификаціи пошелъ энергично, то сдѣланъ былъ пересѣвъ въ третій сосудъ, съ тою же жидкостью и т. д., до тѣхъ поръ, пока, такимъ образомъ, не удалось освободиться отъ громаднаго большинства микробовъ, бывшихъ въ почвѣ, несмотря на то, что процессъ нитрификаціи шелъ по прежнему энергично. Получить частныя культуры, однако, такимъ путемъ не удалось, въ жидкости все-таки находилось около пяти разныхъ сортовъ микробовъ. Тогда Виноградскій попробовалъ взять тотъ же растворъ солей, какъ и раньше, но самымъ тщательнымъ образомъ освобожденныхъ отъ всякой примѣси органическаго вещества. При продолженіи пересѣвовъ въ этомъ растворѣ всѣ микробы, кромѣ двухъ, исчезли, не будучи въ состояніи жить при этихъ условіяхъ. Уже раньше можно было предполагать, что одинъ изъ этихъ двухъ микробовъ и есть микробъ нитрификаціи, но получить его въ чистомъ видѣ путемъ дальнѣйшихъ пересѣвовъ не удавалось.

Тогда Виноградскій попробовалъ опять примѣнить методъ посѣва на твердыхъ веществахъ, но изолировать нитрифицирующаго микроба ему и на этотъ разъ не удалось.

На посѣвахъ выросталъ неинтересный спутникъ, колоніи же нитрифицирующаго микроба не получились. Наоборотъ, посѣвъ на обычныхъ средахъ, о которыхъ мы говорили выше, являлся лучшимъ средствомъ убѣдиться, что какой-нибудь микробъ не есть нитрифицирующій—разъ получается на этихъ средахъ ростъ его, значитъ, этотъ микробъ не при чемъ въ процессѣ нитрификаціи.

Чтобы преодолѣть послѣднюю трудность, Виноградскій примѣнилъ опять новый, совершенно оригинальный пріемъ. До него разливками пользовались, какъ мы говорили выше, чтобъ получить отдѣльные колоніи микробовъ, изъ нихъ и брался для отливки въ небольшомъ количествѣ матеріалъ, который и переносился въ новую питательную среду. Виноградскій поступилъ наоборотъ. Изъ предыдущаго выяснилось, что нитрифицирующіе микробы не могутъ развиваться на этихъ разливкахъ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы брать матеріалъ для прививки изъ колоніи, какъ это до сихъ поръ всегда дѣлалось, онъ взялъ для отливки частицы изъ тѣхъ мѣстъ разливки, гдѣ ничего не развилось. Относительно этихъ мѣстъ можно было быть вполнѣ увѣреннымъ, что здѣсь нѣтъ зародышей постороннихъ микробовъ, въ противномъ случаѣ, они, размножившись, дали бы колоніи, но въ этихъ мѣстахъ были шансы захватить зародыши нитрифицирующихъ микробовъ, которые не могли развиться на неподходящей для нихъ средѣ, но перенесенные въ жидкость, благопріятствующую процессу нитрификаціи и вообще ихъ жизнедѣятельности, могли бы развиться. Предположеніе это оправдалось: когда изъ этихъ посѣвовъ на

твердомъ веществѣ были взяты тѣ мѣста, относительно которыхъ было доподлинно извѣстно, что на нихъ попали капли жидкости съ энергичнымъ процессомъ нитрификаціи, колоній же постороннихъ микробовъ не развилось, то при внесеніи этихъ кусочковъ въ растворъ описанный выше, развилась чистая культура микробовъ нитрификаціи.

II.

Такимъ образомъ, чистая культура микробовъ нитрификаціи была получена, и представлялась возможность изучить ихъ форму и проявленія ихъ жизни. При подробномъ изученіе первое, что выяснилось, это крайняя спеціализація ихъ функцій. При переходѣ амміака въ азотную кислоту, процессѣ, называемомъ окисленіемъ, такъ какъ при этомъ происходитъ соединеніе азота съ кислородомъ, образуется, въ видѣ промежуточной стадіи, азотистая кислота—вещество, содержащее меньшее количество кислорода, чѣмъ азотная; при дальнѣйшемъ же окисленіи азотистой кислоты изъ послѣдней образуется азотная кислота. Давно уже извѣстно было, что при окисленіи амміака въ почвѣ часто имѣется налицо азотная кислота, но предполагали, что она является случайнымъ, побочнымъ продуктомъ окисленія амміака, который въ общей массѣ превращается прямо въ азотную кислоту.

Тщательное изученіе этого процесса, какъ онъ происходитъ въ чистыхъ культурахъ, показалъ, что это не такъ. Амміакъ предварительно окисляется въ азотистую кислоту, а послѣдняя уже окисляется въ азотную кислоту, причемъ каждый процессъ производится спеціальнымъ видомъ микробовъ. Одинъ переводитъ амміакъ въ азотистую кислоту, а другой послѣднюю переводитъ въ азотную кислоту. Послѣ того, какъ первый сдѣлалъ свое дѣло, второй продолжаетъ и доводитъ его до конца.

Изслѣдованія образчиковъ почвы, полученныхъ со всѣхъ концовъ земли, показали, что микробы нитрификаціи распространены на сушѣ по всему земному шару, да иначе и быть не можетъ, такъ какъ безъ нихъ не происходилъ бы процессъ нитрификаціи, а онъ необходимъ для правильнаго хода процесса жизни на землѣ. Образчики микробовъ, изолированные изъ почвъ странъ, такъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга, какъ Европа, Ява и Чили, показали, что микробы изъ этихъ странъ отличаются нѣсколько другъ отъ друга, но, несомнѣнно, представляютъ родственныя формы.

Характерною особенностью микробовъ нитрификаціи является свойство, о которомъ мы уже говорили—это способность ихъ развиваться въ средѣ, абсолютно лишенной всякихъ органическихъ соединеній. Въ то время, какъ другіе микробы для своей жизни нуждаются въ присутствіи хотя бы малыхъ количествъ этихъ веществъ, микробы нитрификаціи могутъ совершенно обходиться безъ нихъ. Мало того, какъ

показали изслѣдованія С. Н. Виноградскаго и его ученика В. Л. Омелянскаго, такія не только безвредныя, но даже необходимыя для жизни другихъ живыхъ существъ вещества, какъ сахаръ, бѣлокъ или продукты перевариванія бѣлковъ, такъ называемые пептоны, не только излишни для жизни микробовъ нитрификаціи, но прямо вредятъ имъ. Такъ, растворъ винограднаго сахара въ дозѣ 1 части на 4.000 уже задерживаетъ развитіе этихъ микробовъ, а 2 части на 1.000 совершенно его останавливаютъ. Такимъ образомъ это не только безвредное, но и необходимое для жизни другихъ живыхъ существъ вещество, на микробовъ нитрификаціи вреднѣе дѣйствуетъ, чѣмъ на другихъ микробовъ карболовая кислота, креозолъ, салициловая кислота.

Какимъ же образомъ могутъ существовать и работать въ почвѣ микробы нитрификаціи, когда мы знаемъ, что въ почвѣ всегда находятся органическія вещества, попадающія туда съ отмершими частями растенія, трупами животныхъ и отбросами животной жизни? Дѣло объясняется тѣмъ, что въ почвѣ микробы нитрификаціи живутъ въ сообществѣ съ массой другихъ бактерій, для которыхъ эти органическія вещества необходимы, которыя жадно нападаютъ на эти вещества. Послѣ ихъ жизнедѣятельности крахмалистыя, сахаристыя вещества разрушаются совсѣмъ, а азотистыя вещества разлагаются до тѣхъ поръ, пока азотъ не окажется въ видѣ амміака. Только тогда, когда всѣ органическія вещества будутъ разрушены и въ почвѣ ничего не останется, кромѣ амміака и неорганическихъ солей, начинаютъ свою работу и жизнедѣятельность микробы нитрификаціи.

Эта чувствительность микробовъ нитрификаціи къ органическимъ веществамъ, заставляющая ихъ пріостанавливать процессъ превращенія амміака въ азотную кислоту, играетъ громадную роль въ круговоротѣ азота и въ экономіи жизни на землѣ.

Рядомъ съ процессомъ нитрификаціи, о которомъ мы говоримъ все время, существуетъ процессъ *денитрификаціи*—разложенія азотистой и азотной кислоты съ выдѣленіемъ свободнаго, непригоднаго уже для усвоенія растеніями азота. Этотъ процессъ денитрификаціи тоже производится въ почвѣ соотвѣтствующими микробами, но въ присутствіи органическихъ веществъ. Легко представить себѣ, какое гибельное значеніе имѣетъ процессъ разложенія азотистыхъ соединеній, сопровождающійся выдѣленіемъ свободнаго азота для развитія вообще жизни на землѣ. Вѣдь количество азотистыхъ соединеній на землѣ въ данный моментъ опредѣленное, запасъ ихъ, накопленный за весь періодъ существованія жизни на землѣ, увеличивается только крайне медленно. Жизнь возможна только въ силу того, что азотистыя соединенія постоянно переходятъ отъ мертвыхъ къ живымъ. Съ этой точки зрѣнія процессъ разложенія азотистыхъ соединеній съ выдѣленіемъ свободнаго азота равносиленъ уменьшенію суммы жизни на землѣ, а микро-

бовъ денитрификаціи можно назвать «расточителями накопленныхъ богатствъ». Процессъ гніенія и разложенія бѣлковыхъ веществъ, производимый микробами гніенія и продолжающійся до тѣхъ поръ, пока весь азотъ органическихъ соединеній не превратится въ амміакъ, который микробы нитрификаціи уже превращаютъ въ азотную кислоту, усвояемую растеніями—можно назвать нормальными процессами круговорота азота въ почвѣ. Тогда процессъ денитрификаціи можно назвать болѣзнью почвы. Правильный ходъ процесса круговорота азота и обусловливается этою способностью бактерій нитрификацій прекращать свою работу въ присутствіи органическихъ соединеній. Микробы денитрификаціи могутъ разрушать азотную и азотистую кислоту только въ присутствіи органическихъ соединеній. Наоборотъ, нитрифицирующіе микробы могутъ начать свою работу образованія азотистой и азотной кислоты изъ амміака только тогда, когда уже всѣ органическія соединенія разрушены. Такимъ образомъ, когда есть налицо органическія вещества, то хотя условія жизни благопріятствуютъ микробамъ, разрушающимъ азотную кислоту, но имъ разрушать нечего, такъ какъ еще не начался процессъ образованія азотной и азотистой кислоты изъ амміака. Когда же всѣ органическія соединенія окажутся разрушенными дѣйствіемъ микробовъ, начинается образованіе азотистой и азотной кислоты изъ амміака; продуктъ, который могъ бы быть разрушенъ, налицо, но разрушители не могутъ уже начать своей работы, такъ какъ для жизни ихъ необходимы органическія соединенія, а они всѣ уже разрушены. Такимъ образомъ въ природѣ и достигается правильный путь превращенія азота.

III.

Вѣроятно, большинство нашихъ читателей, незнакомыхъ съ основными фактами науки о проявленіяхъ жизни, отнеслось безъ особеннаго вниманія къ факту, выясненному изученіемъ процесса нитрификаціи — къ тому, что микробы нитрификаціи не только не могутъ развиваться въ присутствіи, сколько-нибудь значительнаго количества органическихъ веществъ, но и *могутъ жить при полномъ отсутствіи всякихъ органическихъ веществъ*. Между тѣмъ этотъ новый фактъ имѣетъ капитальнѣйшее значеніе, и имъ поколеблены основныя наши представленія о процессѣ жизни.

Въ какой бы формѣ мы ни взяли жизнь, проявленіе жизни будетъ извѣстная трата силъ, переходъ скрытой силы въ явное состояніе. Если мы подымемъ опустившуюся гирю часовъ или заведемъ пружинные часы, то поднятая гиря, лежащая, положимъ, на полкѣ, будетъ заключать въ себѣ энергію въ скрытой формѣ; то же самое будетъ и съ заве-

денной и неподвижной пружиной. Лишь только гиря въ часахъ начнетъ опускаться или пружина раскручиваться, и та и другая приведутъ въ движеніе весь механизмъ часовъ, начнутъ передвигаться стрѣлки, придетъ въ дѣйствіе бой часовъ—энергія изъ скрытой формы переходитъ въ явную. Еще примѣръ энергіи въ скрытой формѣ мы имѣемъ въ зарядѣ пороха, которымъ заряжена пушка: при выстрѣлѣ опять-таки эта сила изъ скрытой формы переходитъ въ явную, ядро летитъ на громадное разстояніе и, попавъ въ цѣль, производитъ разрушеніе.

Въ какой бы формѣ мы ни взяли жизнь, проявленіе жизни есть переходъ извѣстнаго запаса силъ изъ скрытой формы въ явную и трата этого запаса силъ. Вполнѣ ясно, что передвиженіе человѣка, механическая работа, которую онъ дѣлаетъ, движенія грудной клѣтки, которыми для насъ выражается дыханіе и разговоръ—всѣ эти движенія представляютъ трату извѣстнаго запаса силъ. Наконецъ, человѣкъ, какъ и теплокровныя животныя поддерживаетъ свое тѣло постоянно тепломъ, большею частью гораздо выше окружающей среды, и слѣдовательно постоянно теряютъ тепло чрезъ лучеиспусканіе и нагрѣвая непосредственно окружающій ихъ воздухъ. Они должны сожигать въ себѣ извѣстныя вещества, чтобы развивать въ себѣ тепло, совершенно такъ же, какъ мы должны зимою топить домъ, чтобы въ немъ было тепло. Откуда же берется этотъ запасъ силъ, который тратится животными безпрерывно все время, пока они живы? Берется онъ изъ пищи. Чѣмъ болѣе тяжелую работу приходится человѣку дѣлать, тѣмъ больше и болѣе питательной пищи онъ долженъ поглощать. Чѣмъ холоднѣе климатъ, гдѣ онъ живетъ, и чѣмъ холоднѣе время года, тѣмъ опять-таки больше онъ долженъ поглощать пищи, чтобы сохранить въ равновѣсіи свои силы. Можетъ быть, прямая зависимость между исполняемой работой и обстановкой съ одной стороны и необходимымъ количествомъ пищи, съ другой, не вполнѣ ясна горожанину-интеллигенту, но она вполнѣ ясна для крестьянина. Онъ хорошо знаетъ, что чѣмъ тяжелѣе работа, тѣмъ больше необходимо принимать пищи и тѣмъ богаче она должна быть питательными веществами. Чѣмъ тяжелѣе работа, тѣмъ большую часть своего скуднаго заработка онъ тратитъ на пищу. Точно также онъ хорошо знаетъ, что чѣмъ хуже помѣщеніе для скотины, чѣмъ оно холоднѣе, тѣмъ больше нужно истратить на нее за зиму корму.

Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между живымъ существомъ и машиной: чѣмъ больше работы должна сдѣлать машина, тѣмъ больше топлива должны мы затратить, то же и въ живыхъ существахъ. Разница заключается только въ томъ, что живыя существа—машины гораздо болѣе совершенныя, чѣмъ машины, созданныя людьми. Въ то время, какъ въ нашихъ машинахъ большая часть энергіи, скрытой въ топливѣ, теряется безплодно, утилизація живымъ

существомъ энергіи, заключенной въ пищѣ, очень совершенна и приближается къ величинѣ, вычисленной теоретически.

Итакъ, жизнь есть постоянная трата запаса силъ, восполняемаго принимаемой пищей. Но что же изъ себя представляетъ пища? Это вещества, заключающія въ себѣ энергію въ скрытомъ состояніи, очень сложнаго состава или растительнаго, или животнаго происхожденія. Чѣмъ бы ни питалось животное—растеніями или другими животными, конечный источникъ ихъ будетъ все-таки растительный міръ, такъ какъ плотоядныя животныя питаются травоядными.

Въ виду всего этого весь міръ живыхъ существъ раздѣлился для насъ на двѣ большія группы—животныхъ и растеній. Растенія накопляютъ запасы энергіи, животныя же, питаясь растеніями, тратятъ эти запасы.

Химическіе процессы, которые происходятъ въ растеніяхъ, распадаются на двѣ группы. Самъ процессъ жизни построенъ въ растеніяхъ по тому же типу, какъ и въ животныхъ—это трата запаса силъ, переходъ энергіи изъ скрытой формы въ явную. Рядомъ съ этимъ общимъ для всего живого процессомъ жизни въ растеніяхъ, окрашенныхъ въ зеленый цвѣтъ, идетъ накопленіе энергіи, созиданіе запасовъ, на счетъ которыхъ живутъ и сами растенія, и весь остальной міръ живыхъ существъ.

Изъ ничего можно получить только ничего. Откуда же растенія берутъ запасы энергіи, на счетъ которыхъ живетъ все живое? Всѣ окрашенныя въ зеленый цвѣтъ части растеній обладаютъ способностью задерживать наиболѣе дѣятельные въ химическомъ отношеніи лучи солнца; на счетъ этихъ лучей солнца и составляются въ растеніяхъ запасы энергіи. Представимъ себѣ, что на берегу вѣчно волнующагося моря мы установили рядъ аппаратовъ, которые бы приводились въ движеніе постоянными волнами. Въ этихъ аппаратахъ могли бы накопляться громадные запасы энергіи. Въ такомъ же родѣ мы можемъ представить себѣ роль царства зеленыхъ растеній: они уловляютъ лучи солнца и накапливаютъ на счетъ ихъ запасы энергіи. Такимъ образомъ все живое, что только мы видимъ вокругъ себя, будетъ ли это движеніе инфузоріи, ростъ мельчайшей водоросли или геніальное научное или поэтическое произведеніе—все это есть не что иное, какъ видоизмѣненные лучи солнца.

На основаніи всего сказаннаго выше, весь міръ живыхъ существъ распадается на двѣ большихъ группы—міръ растеній, окрашенныхъ въ зеленый цвѣтъ, созидающихъ на счетъ лучей солнца запасы энергіи, и міръ животныхъ, питающихся растеніями и такимъ образомъ тратящихъ эти запасы. Не всѣ растенія обладаютъ способностью связывать энергію лучей солнца, а только тѣ, которыя окрашены въ зеленый цвѣтъ. Такимъ образомъ цѣлые классы растеній, какъ грибы,

бактеріи, хотя они по своему происхожденію и строенію принадлежатъ къ растительному міру, по ходу своихъ жизненныхъ процессовъ примыкаютъ къ животному міру. Они не накопляютъ запасовъ энергіи, наоборотъ — они тратятъ ихъ. Точно также, какъ животныя, они разрушаютъ сложныя органическія вещества, какъ бѣлки, углеводы, жировыя вещества, и живутъ на счетъ освобождающейся при разрушеніи этихъ веществъ энергіи.

Между этими двумя большими отдѣлами живыхъ существъ—однихъ, накапливающихъ богатства, и другихъ, тратящихъ ихъ, совершенно своеобразное мѣсто занимаютъ микробы нитрификаціи, которымъ было посвящено начало этого очерка. Точно также какъ и другія бактеріи, они не окрашены въ зеленый цвѣтъ и не могутъ утилизировать лучей солнца и при помощи ихъ собирать запасы энергіи, какъ это дѣлаютъ растенія; съ другой стороны, хотя по своему строенію они относятся къ бактеріямъ, но они совершенно не нуждаются въ сложныхъ, органическихъ веществахъ, разложеніемъ которыхъ и живутъ остальныя бактеріи. Единственнымъ источникомъ энергіи, пользуясь которымъ нитрифицирующіе микробы живутъ, это—окисленіе амміака. Между тѣмъ, амміакъ соединеніе крайне простого состава, которое можно получить въ лабораторіи.

Нитрифицирующіе микробы, точно также какъ и изученные С. Н. Виноградскимъ микробы, окисляющіе закись желѣза въ окись и окисляющіе сѣрнистый водородъ *), представляютъ совершенно своеобразную группу существъ, не укладывающихся въ тѣ рамки, въ которыхъ течетъ жизнь всѣхъ остальныхъ живыхъ существъ. Всѣ они живутъ не на счетъ запаса энергіи, почерпаемой непосредственно отъ лучей солнца, какъ дѣлаютъ растенія, и не на счетъ сложныхъ органическихъ соединеній, питаясь послѣдними. Источникомъ силъ служатъ для нихъ простыя неорганическія соединенія, которыя они окисляютъ—амміакъ, закись желѣза и сѣрнистый водородъ.

Правда, эти соединенія они получаютъ большею частью изъ того же источника, откуда получаютъ вещества, на счетъ которыхъ они развиваются, и другіе микробы, разлагающіе бѣлки, сахаръ и т. п. Послѣ смерти живого существа его тѣло дѣлается добычей и источникомъ жизни для бактерій, которыя разлагаютъ вещества, входящія въ его составъ, на все болѣе и болѣе простыя соединенія, наконецъ, когда въ концѣ этой работы получатся только неорганическія соединенія, въ томъ числѣ амміакъ, закись желѣза и сѣроводородъ, то и они тоже являются источникомъ жизни для спеціальной группы живыхъ существъ. Такимъ образомъ, эта группа живыхъ существъ пользуется,

*) См. Міръ Божій 1893 г., ноябрь, статью В. К. Агафонова: «Почва и ея микроорганизмы».

такъ сказать, послѣдними крохами той энергіи, которую растенія получили отъ лучей солнца и на счетъ которой жили и они сами, и животныя, питающіяся растеніями, и міръ бактерій, разлагающихъ и отбросы животныхъ, и мертвыя тѣла животныхъ и растеній.

Но, несмотря на это, положеніе группы микробовъ, къ которой принадлежатъ нитрофицирующіе микробы, все-таки совершенно своеобразно. Во-первыхъ, источникомъ силъ для нихъ являются крайне простыя химическія соединенія, какъ амміакъ, сѣроводородъ, закись желѣза; къ тому же эти соединенія хотя только въ незначительномъ относительно количествѣ, но могутъ получиться помимо разложенія органическихъ веществъ: амміакъ отъ дѣйствія электрическаго разряда; сѣроводородъ—какъ результатъ геологическихъ процессовъ въ землѣ. Такимъ образомъ, эти живыя существа хоть отчасти, но все-таки могутъ быть независимы отъ той энергіи, которую получаетъ земля съ лучами солнца.

IV.

До сихъ поръ мы все время говорили о процессѣ круговорота азота. Напомнимъ читателю, что хотя въ воздухѣ заключается громадный запасъ азота, но этотъ запасъ не утилизируется непосредственно растеніями; они могутъ усваивать азотъ только въ видѣ азотистыхъ соединеній, свободный же азотъ воздуха представляетъ для нихъ нѣчто безразличное, непригодное. Мы говорили выше, что количество этихъ азотистыхъ соединеній ограничено и что жизнь на землѣ можетъ продолжаться только въ силу того, что эти азотистыя соединенія по смерти живыхъ существъ утилизируются другими живыми существами, и при этомъ важную роль въ качествѣ посредниковъ играютъ бактеріи, переводящія азотъ изъ сложныхъ химическихъ соединеній, непригодныхъ для усвоенія растеній, въ болѣе простыя, усвояемыя растеніями.

Такимъ образомъ, въ видѣ этого связаннаго азота, какъ называютъ азотъ соединеній въ отличіе отъ свободнаго азота воздуха, въ обладаніи всего живого на землѣ находится извѣстное богатство, суммою котораго обусловливается количество жизни на землѣ. Теперь намъ нужно выяснить, какимъ образомъ накопилось это богатство и какъ оно увеличивается.

Раньше единственнымъ источникомъ азотистыхъ соединеній считали атмосферныя явленія; такъ, во время грозы, при разряженіи электричества, образуется небольшое количество азотистыхъ соединеній, съ дождемъ падающихъ на землю. Вотъ эти-то минимальныя количества азотистыхъ соединеній и являлись долгое время, по мнѣнію ученыхъ, источникомъ азота для всего живого. Но изслѣдованія послѣдняго времени пролили новый свѣтъ на этотъ вопросъ. Такъ, Гельригель и Виль-

фартъ нашли, что въ клубенькахъ, находящихся на корняхъ бобовыхъ растеній, находятся бактеріи, которыя обладаютъ способностью связывать свободный атмосферный азотъ. Здѣсь мы имѣемъ передъ собою новый родъ сотрудничества, такъ называемаго симбіоза. Бактерія получаетъ отъ растенія нужныя ей питательныя вещества—а у растенія есть неисчерпаемый источникъ для добыванія сахаристыхъ веществъ—углекислота воздуха и лучи солнца; въ свою очередь, бактерія снабжаетъ растеніе столь необходимыми для него азотистыми соединеніями. Открытіе это имѣло громадное значеніе для агрономіи. Теперь мы знаемъ, почему для хозяина такъ важно разводить клеверъ и другія бобовыя. Но, безъ сомнѣнія, это открытіе съ общебіологической точки зрѣнія охватываетъ только часть явленій, относящихся сюда. Несомнѣнно, накопленіе азотистыхъ соединеній происходило и до появленія бобовыхъ на землѣ; кромѣ того, бобовыя распространены далеко не повсюду. Нужно ли изъ этого предположить, что на томъ клочкѣ земли, гдѣ не растетъ бобовое растеніе, не происходитъ усвоенія азота? Послѣднее было бы невѣроятно.

Дѣйствительно, С. Н. Виноградскому удалось получить культуру микроба, который способенъ усваивать атмосферный азотъ. Микробъ этотъ принадлежитъ къ тѣмъ микробамъ, которые разлагаютъ сахаристыя вещества, и названъ Виноградскимъ въ честь Пастера *Clostridium Pasteurianum*. Чтобы выдѣлить его, Виноградскій и здѣсь шелъ своимъ излюбленнымъ путемъ избирательныхъ культуръ. Чтобы получить нитрофицирующаго микроба, онъ взялъ жидкость, содержащую амміакъ и не содержащую никакихъ органическихъ соединеній, вродѣ сахара и т. п. Въ такой жидкости могли развиваться почти исключительно только микробы, окисляющіе амміакъ. Здѣсь же онъ взялъ жидкость, совершенно не содержащую никакихъ соединеній азота и, наоборотъ, содержащую органическое, лишенное азота, вещество—сахаръ, который бы могъ служить для микроба источникомъ энергіи. Въ такой жидкости, если мы засѣемъ ее частичкой почвы, мы можемъ ожидать роста микроба, обладающаго способностью связывать свободный азотъ воздуха, такъ какъ безъ азота микробъ, какъ и всякое живое существо, не можетъ развиваться, а получить азотъ онъ можетъ только изъ воздуха. Оттуда Clostridium Pasteurianum его и получаетъ. Разрушая сахаръ, онъ освобождаетъ энергію, которую и тратитъ, какъ на поддержаніе своей жизни, такъ и на связываніе азота.

Эта работа С. Н. Виноградскаго «Объ усвоеніи свободнаго азота атмосферы микробами» вышла только въ 1896 г. и пока имѣетъ только чисто научное значеніе. Но въ виду громадной важности вопроса объ обогащеніи почвы соединеніями азота, вѣроятно, будетъ имѣть значеніе и въ практическомъ отношеніи. Вѣдь до сихъ поръ источникомъ азотистаго удобренія въ земледѣліи было или удобреніе навозомъ, ко-

личество, котораго всегда ограничено или посѣвъ бобовыхъ растеній, или удобреніе селитрой, которая очень дорога.

V.

Нашъ очеркъ былъ пока посвященъ микробамъ, участвующимъ въ процессахъ круговорота азота; теперь, на основаніи всего того, что мы узнали объ ихъ свойствахъ и объ особенностяхъ ихъ жизни, мы можемъ представить себѣ болѣе полную картину о томъ значеніи, которое имѣютъ вообще микробы въ природѣ *).

Живыя существа постоянно почерпаютъ изъ окружающей ихъ природы простыя химическія соединенія. Первое звено въ этой цѣпи явленій составляютъ растенія; изъ простыхъ соединеній на счетъ энергіи, приносимой лучами солнца, они строятъ очень сложныя химическія тѣла. Растеніями питаются животныя. Такимъ образомъ постоянно происходитъ процессъ преобразованія простыхъ соединеній неорганическаго міра въ сложныя органическія соединенія. Очевидно, этотъ процессъ не можетъ идти все въ одну сторону. Еслибъ это было такъ, то несомнѣнно нѣкоторыя вещества, какъ углеродъ или связанный азотъ, цѣликомъ перешли бы въ тѣла животныхъ и растеній и по ихъ смерти накопились бы въ видѣ громадныхъ массъ, неспособныхъ уже больше къ дальнѣйшей утилизаціи живыми существами. Земля превратилась бы въ кладбище.

Такимъ образомъ, чтобы жизнь на землѣ могла продолжаться, необходимо, чтобы сложныя соединенія были разрушены, опять превращены въ крайне простыя по своему составу неорганическія соединенія—минеральныя соли, угольную кислоту и т. п. Работа эта и совершается повсюду и постоянно микробами. Мы такъ привыкли къ ней, что уже не удивляемся ей. Часто намъ приходится бороться съ проявленіями этой работы, и успѣхъ не за нами. Такъ, мы привыкли считать пищевые продукты — мясо, молоко и т. п. за нѣчто крайне непрочное, и хозяйки принимаютъ рядъ мѣръ, чтобы предохранить ихъ отъ порчи, хотя бы на самое короткое время. Но то, что мы привыкли считать за неизбѣжный, происходящій самъ собою процессъ, зависитъ только лишь отъ дѣятельности микробовъ. Если мы примемъ мѣры, чтобы не допустить развитіе микробовъ, то увидимъ, что разрушить эти «непрочныя» тѣла имѣющимися въ распоряженіи людей средствами крайне трудно. Для этого требуется дѣйствовать на нихъ крѣпкими минеральными кислотами при нагрѣваніи, а чтобы получить полное ихъ разложеніе на углекислоту, воду и азотъ, нужно накаливать ихъ при обильномъ доступѣ воздуха. Между тѣмъ, на поверхности земли та-

*) Въ этой части нашей статьи мы будемъ пользоваться рѣчью С. Н. Виноградскаго «О роли микробовъ въ общемъ круговоротѣ жизни», С.-Петербургъ, 1897.

кія высокія температуры и крѣпкія минеральныя кислоты отсутствуютъ, и если на землѣ происходятъ процессы разрушенія органическихъ веществъ, то это зависитъ отъ того, что микробы являются могучими разрушителями, обладающими для этого особыми химическими реактивами.

Процессы разрушенія происходятъ повсюду и въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, и это зависитъ отъ того, что, хотя вообще живыя существа могутъ существовать при очень разнообразной обстановкѣ,—рамки, въ которыхъ микробы могутъ развиваться,—еще шире. Что касается температуры, то микробы могутъ жить въ предѣлахъ отъ 0° до 70°. Кромѣ того, въ то время, какъ остальныя живыя существа требуютъ для своей жизни присутствія кислорода, множество микробовъ могутъ жить при полномъ отсутствіи кислорода. Благодаря этому, процессы разложенія могутъ происходить не только на поверхности, но и внутри труповъ, въ глубокихъ слояхъ почвы и въ глубинѣ морей.

Тѣла животныхъ и растеній состоятъ изъ очень большого числа крайне разнообразныхъ веществъ. Разложеніе ихъ происходитъ такимъ образомъ, что каждое изъ нихъ превращается въ вещества болѣе простыя по составу и этихъ промежуточныхъ ступеней разложенія между первоначальнымъ веществомъ и послѣдними продуктами разложенія крайне большое количество. Когда дѣло шло о нитрифицирующихъ микробахъ, мы видѣли, что дѣятельность этихъ микробовъ очень спеціализирована. Такъ, при окисленіи амміака, сперва образуется азотистая кислота, а потомъ изъ послѣдней азотная. Какъ мы говорили, каждый изъ этихъ процессовъ производится спеціальнымъ микробомъ: сперва одинъ видъ микробовъ окисляетъ амміакъ въ азотистую кислоту, а потомъ уже другой видъ обращаетъ ее въ азотную. Эти процессы могутъ намъ служить примѣромъ крайней спеціализаціи въ дѣятельности микробовъ. Можетъ быть, для каждаго изъ громаднаго количества разнообразныхъ химическихъ соединеній, образующихся во время хода процесса разложенія органическихъ веществъ, существуютъ спеціалисты-микробы, совершающіе дѣло разрушенія въ каждой отдѣльной стадіи этого процесса. Это происходитъ не отъ того, что отдѣльный микробъ можетъ развиваться на счетъ разрушенія только одного вещества. Большинство микробовъ можетъ жить въ гораздо болѣе широкихъ рамкахъ, чѣмъ микробы нитрификаціи, эти спеціалисты изъ спеціалистовъ, приспособленные къ крайне узкимъ условіямъ существованія и прекращающіе свою дѣятельность при наличности органическихъ веществъ. Другіе микробы являются менѣе прихотливыми, и разведенные въ чистыхъ культурахъ, могутъ питаться разнообразными веществами въ различныхъ смѣсяхъ. Совсѣмъ не то мы видимъ въ природѣ. Если мы оставимъ гнить какое-нибудь вещество, напримѣръ, молоко, мы увидимъ, что процессъ разложенія будетъ происходить при смѣнѣ формъ микробовъ. Въ каждый моментъ наиболѣе пышное раз-

витіе получитъ опредѣленный видъ, совершающій химическое измѣненіе въ одной изъ стадіи этого послѣдовательно развертывающагося процесса. Зависитъ это отъ борьбы за существованіе между отдѣльными микробами, каждый изъ которыхъ способенъ преодолѣть всѣхъ остальныхъ при опредѣленныхъ условіяхъ состава среды. Чуть только подъ вліяніемъ его же жизни этотъ химическій составъ измѣнился, эти микробы вытѣсняются другими, наиболѣе приспособленными къ новымъ условіямъ.

Такимъ образомъ, весь этотъ длинный процессъ сопровождается постоянною смѣной дѣйствующихъ лицъ.

Чѣмъ же объясняется повсемѣстность процессовъ разложенія? Какимъ образомъ происходитъ то, что какое бы мы органическое тѣло ни взяли, обыкновенно появляются микробы, начинающіе его разлагать, и съ наступленіемъ въ немъ измѣненій для этихъ микробовъ сейчасъ же находятся замѣстители, продолжающіе этотъ процессъ дальше? Объясняется это способностью микробовъ давать стойкіе зародыши, распространенные повсюду, носящіеся по воздуху. Чуть только въ средѣ, гдѣ жили микробы, наступаютъ измѣненія, вслѣдствіе которыхъ эти микробы вытѣсняются новыми, въ первыхъ—жизненные процессы замираютъ, и они въ покоющемся состояніи пережидаютъ, пока не наступитъ новое совпаденіе благопріятныхъ условій для того, чтобы наши микробы опять могли быстро размножиться.

Вотъ грандіозная картина той роли, которую играютъ микробы въ ряду другихъ живыхъ существъ, какъ она вырисовывается на основаніи, главнымъ образомъ, работъ Пастера. Существованіе микробовъ есть непремѣнное условіе возможности жизни на землѣ. Въ сложной системѣ отношеній живыхъ существъ они представляютъ звено, которое нельзя выкинуть безъ того, чтобы окончательно не исчезла возможность существованія цѣлаго.

Мы видимъ теперь, какъ далека эта точка зрѣнія отъ того взгляда на роль микробовъ, какъ исключительно враговъ живыхъ существъ, вызывающихъ заболѣванія и смерть. Въ чемъ же замѣчается роль болѣзнетворныхъ микробовъ въ общей системѣ отношеній живыхъ существъ, которую мы нарисовали выше? Прежде всего нужно отмѣтить, что между микробами, живущими на мертвыхъ органическихъ веществахъ и нападающими на живыя существа и размножающимися въ ихъ тканяхъ, нѣтъ рѣзкой границы. Правда, есть такіе болѣзнетворные микробы, которые приспособились къ столь узкимъ условіямъ существованія, что могутъ размножаться только внутри живыхъ существъ, и мало того—часто только въ одномъ опредѣленномъ видѣ живыхъ существъ, напр., только въ человѣкѣ. Зато другіе не такъ прихотливы и могутъ развиваться на мертвыхъ веществахъ и нападать на живыя существа.

*

Роль микробовъ, какъ мы старались выяснить, заключается въ томъ, чтобы разрушить сложныя органическія вещества и свести ихъ къ простымъ неорганическимъ соединеніямъ, которыя при посредствѣ растеній могли бы опять поступить въ круговоротъ жизни. Большинство этихъ микробовъ начинаютъ эту работу съ момента смерти живого существа. Микробы болѣзнетворные не дожидаются этого момента, они являются какъ бы авангардомъ этой арміи разрушителей органическаго вещества и нападаютъ на живые организмы. «Живой субстратъ,—говоритъ С. Н. Виноградскій,—не остается безразличнымъ къ появленію непрошенныхъ гостей: завязывается борьба, истинный характеръ которой значительно выяснился, благодаря замѣчательнымъ трудамъ Мечникова,—борьба болѣе или менѣе упорная въ зависимости отъ вооруженія противниковъ. Хорошо, если удастся уничтожить дерзкихъ пришельцевъ, что часто обходится не безъ урона, если же нѣтъ, то приходится возвратить свои элементы въ общій круговоротъ».

Заканчивая этотъ очеркъ, мы должны замѣтить, что, какъ ни животрепещущи для человѣчества вопросы борьбы съ болѣзнетворными микроорганизмами, все-таки эти вопросы представляютъ только одну главу въ общей исторіи отношеній микробовъ къ другимъ живымъ существамъ, — исторіи, въ которой изслѣдованія, касающіяся круговорота азота, занимаютъ блестящія страницы.

Д-ръ **А. Яроцкій.**

ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Здравствуй, новая жизнь! Промелькнули печальныя тѣни
Догорѣвшихъ безрадостныхъ дней!
И опять создаю я мечтою моей
Къ недоступному счастью ступени...

И опять новый годъ я воскресшей надеждой встрѣчаю
Дышетъ легче усталая грудь,
Будто долгій, тяжелый, наскучившій путь
Въ новогоднюю ночь я кончаю...

И я вѣрить хочу, что не ложь этотъ мигъ обновленья,
Что о счастьи мечта—не обманъ,
И что старая боль незакрывшихся ранъ—
Новыхъ радостныхъ дней искупленье.

Г. Галина.

ГЛАФИРИНА ТАЙНА.

Повѣсть.

I.

Въ табачной лавочкѣ старой вдовы Хороводовой происходили событія—тревожныя, необычайныя, прямо сказать можно: загадочныя.

Событія эти были совершенно интимнаго свойства.

На равнодушный взглядъ всякаго, кто случайно попадалъ сюда съ улицы, съ тѣмъ, чтобы, сдѣлавъ покупку, забыть навсегда, что онъ былъ когда-нибудь въ этой лавочкѣ (мало ли ихъ въ Петербургѣ!), отнюдь ничего не могло быть замѣтно. Даже и тѣ, кто состоялъ въ числѣ ея болѣе или менѣе постоянныхъ кліентовъ (ибо лавочка вдовы Хороводовой, помимо того, что потребно курящимъ, торговала еще массой предметовъ, принадлежащихъ къ отдѣлу такъ называемыхъ галантерейныхъ товаровъ), едва-ли могла поразиться чѣмъ-либо выходящимъ изъ области повсегдашнихъ явленій. Таковыхъ было нѣсколько, начиная, напр., отъ нѣкоего молчаливаго немолодого чиновника, съ пухлымъ, бритымъ лицомъ, покупавшаго здѣсь, въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ, нюхательный «бергамотный» табакъ, и кончая шустрымъ малышомъ въ гимназической формѣ, идучи въ классы, нырявшимъ сюда за покупкой грифеля или тетрадки, и всегда уносившаго въ себѣ назойливое впечатлѣніе отъ большого картоннаго мальчика, съ вытаращенными фарфоровыми глазами, какъ бы изумленно привѣтствовавшаго появленіе каждаго посѣтителя вдовы Хороводовой, выглядывая изъ-за пестрой коллекціи маленькихъ, щегольски разодѣтыхъ дѣвицъ, барабановъ, лошадокъ и т. п. предметовъ, выставленныхъ на соблазнъ невиннаго дѣтскаго возраста Такъ же невозмутимо караулили входъ изображавшіе вывѣску, съ одной стороны, выкрашенный во всѣ цвѣта радуги турокъ, неустанно тянувшій свой безконечный кальянъ, а съ другой—голый арапъ, предлагавшій прохожимъ большую, чуть не съ самого себя ро-

стомъ, сигару. И картонный мальчикъ, растопыривъ по старому руки, все такъ же изумленно таращилъ глаза на всѣхъ приходящихъ въ табачную.

Единственное, что можно бы было, пожалуй, отмѣтить, только то обстоятельство, что вмѣсто немолодой, довольно суроваго вида особы женскаго пола, старшей изъ двухъ дочерей г-жи Хороводовой, за прилавкомъ всегда теперь появлялась сама старушка-хозяйка или ея младшая дочь. Эту послѣднюю прежде приходилось видать очень рѣдко, въ видѣ исключительныхъ случаевъ. О ней имѣлось понятіе, какъ о дѣвицѣ съ мечтательнымъ и разсѣяннымъ взоромъ, словно блуждающимъ вѣчно въ какихъ-то нездѣшнихъ мірахъ, и съ неизмѣнно торчащей въ рукѣ разогнутой книгой, того или другого формата, безъ чего ее даже невозможно ыло представить. При этомъ ея миловидное и блѣдное, какъ бы даже прозрачное личико обладало постоянно однимъ выраженіемъ, которое всякій мало-мальски опытный чтецъ чужихъ мыслей могъ-бы перевести на общепонятный языкъ таковыми или въ подобномъ родѣ словами:

«О, вы, покупающіе здѣсь табакъ, гильзы, конверты, мыло иголки и прочую дрянь, которой торгуетъ наша противная лавочка! Еслибъ вы знали, какъ вы ничтожны и глупы въ глазахъ моихъ передъ д'Артаньяномъ, Атосомъ, Портосомъ, не говоря уже про самого великаго Монте-Кристо, и предъ всѣмъ этимъ очаровательнымъ обществомъ, гдѣ вращаюсь я постоянно!.. Получили что нужно? Отдали деньги? Ну, и прекрасно. Теперь исчезайте, ибо я должна вернуться немедля въ мой міръ храбрецовъ и красавцевъ!»

Этотъ самый отгадчикъ мыслей едва ли прочелъ бы теперь нѣчто подобное на лицѣ этой дѣвицы. Какъ всегда, миловидное, оно стало какъ будто еще болѣе блѣднымъ, и, вмѣсто самоуглубленной мечтательной думы, на немъ лежала печать затаенной тревоги и по временамъ даже какой-то растерянности. Таковыми же чувствами проникнуты были и черты старческаго, въ глубокихъ морщинахъ, лица самой вдовы Хороводовой. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство не могло никого поражать, ибо старушка всегда казалась унылою, подавленною. Всѣ, кто зналъ Авдотью Макаровну, привыкъ отъ нея слышать одни только охи да жалобы на удручавшіе ее постоянно недуги, дороговизну провизіи, плохую торговлю табачной и проч. Въ иной часъ она не прочь была поболтать съ покупателемъ—изъ тѣхъ, кто ходилъ постоянно, — но всѣ ея разговоры вращались исключительно въ кругѣ упомянутыхъ темъ. Теперь она стала скупа на бесѣды, отвѣчала даже иногда невпопадъ, какъ бы подъ вліяніемъ какой-то непрестанно ее грызущей заботы, которую раздѣляла всецѣло и молодая мечта-

тельница. Надо при этомъ прибавить, что никакихъ уже книжекъ при ней не оказывалось. Наблюдая ея неловкіе пріемы, замѣтные въ случаяхъ, когда ей нужно было найти и подать покупателю вещь, повидимому неизвѣстную ей, причемъ ясно было, какъ она тогда терялась почти до отчаянія, можно было сравнить ее съ человѣкомъ, котораго разбудили внезапно и заставили продѣлывать неожиданно то, для чего ему предварительно требуется нѣсколько времени, чтобы только опомниться.

Отсюда можно было сдѣлать догадку о какой-то таинственной причинѣ разстройства, существующей гдѣ-то тамъ, за этою маленькою дверью, откуда вызываетъ безжалостно хозяйку или ея младшую дочь стремительнымъ дребезжаніемъ своимъ колокольчикъ, возвѣщающій присутствіе покупателя въ лавочкѣ. Отдѣлавшись отъ него, та и другая спѣшатъ тотчасъ обратно, къ предмету ихъ непонятной заботы.

Туда онѣ входятъ на цыпочкахъ, и обыкновенный ихъ голосъ, какимъ онѣ говорятъ съ посторонними, мгновенно спадаетъ до тихаго, осторожнаго шопота.

II.

Вся суть въ томъ, что старшая дочь Авдотьи Макаровны, дѣвица Глафира, тяжко и серьезно больна.

Она лежитъ въ небольшой, крайней комнатѣ, второй изъ двухъ, составляющихъ все помѣщеніе вдовы Хороводовой и ея дочерей, которая была прежде спальней обѣихъ дѣвицъ. Кровать младшей дочери, Вѣры, вынесена въ ту, что побольше, соединявшую въ себѣ назначенія столовой, гостиной и просто именуемую «чистою», и гдѣ спала, на диванѣ, сама Авдотья Макаровна. Свѣтленькое дѣвичье ложе поставлено недалеко отъ дивана. Чтобы больной было болѣе воздуха, вынесены изъ спальни сюда всѣ лишнія вещи, такъ что, по первому взгляду на эту, нагроможденную во всѣхъ углахъ мебель, можно было подумать, будто здѣшніе жильцы только что въѣхали и не успѣли еще разобраться. Въ обѣдахъ и чаепитіяхъ былъ большой безпорядокъ, ѣли и пили кое-какъ и урывками, среди суеты, шептанья и ежеминутныхъ волненій.

— Скоро ли ледъ-то? Господи, да несите скорѣе!

— Ну, что на дорогѣ-то стали? Только мѣшаете!

— Да тише, Лукерья! Чего ты орешь?

— Ничего не ору! Сами вы, барыня, тычетесь зря!

И все въ такомъ же раздраженномъ, суматошливомъ духѣ, какъ бываетъ среди обитателей тѣсныхъ жилищъ, гдѣ всякое, выходящее хотя бы мало-мальски изъ области повседневныхъ

явленій событіе опрокидываетъ вверхъ дномъ весь порядокъ вещей.

Болѣе всѣхъ, надо быть, ощущалъ все неудобство новыхъ порядковъ любимецъ Глафиры, тучный котъ бѣлой шерсти Матросъ, какъ и вообще всякій представитель этой породы, не склонный къ реформамъ, тѣмъ паче, если онѣ влекутъ за собою лично для нихъ какой-нибудь матеріальный ущербъ. Не говоря ужъ про то, что теперь никому, кажется, не было дѣла, сытъ-ли онъ, или голоденъ, онъ потерялъ даже свое давнишнее и излюбленное мѣсто на креслѣ, которое куда-то исчезло, и, кромѣ того, перенесъ за короткое время столько шлепковъ и пинковъ, что изъ этого могъ придти къ заключенію, будто онъ здѣсь нежелателенъ, лишній, будто онъ прямо даже кому-то мѣшаетъ. Когда же онъ, какъ-то разъ, попытался было проникнуть въ ту комнату, гдѣ привыкъ себя чувствовать весьма близкимъ и всегда привѣчаемымъ гостемъ, то получилъ такой жестокій пинокъ, который заставилъ его отлетѣть чуть не на другой конецъ комнаты.

«Ну, и чортъ побери васъ совсѣмъ!» обиженно подумалъ Матросъ. «Я ничего не могу тутъ понять».

Можетъ быть, онъ почувствовалъ бы себя значительно удовлетвореннымъ въ своемъ самолюбіи, если бы ему было извѣстно, что и всѣ въ этой квартирѣ, начиная съ самой Авдотьи Макаровны, затѣмъ дочь ея Вѣра и, наконецъ, кухарка Лукерья, разсуждая по всей справедливости, должны сказать про себя то же самое, т.-е., что онѣ ошеломлены, сбиты съ толку, у всѣхъ у нихъ голова идетъ кругомъ, и всѣ онѣ *ничего не могутъ понять*...

Часовъ въ десять вечера, Глафира, никому не сказавши ни слова, ушла со двора и пропадала цѣлую ночь напролетъ. Она вернулась домой уже утромъ, совсѣмъ сама не своя, безъ шляпы, вмѣсто которой, голова ея оказалась повязанною чьимъ-то платкомъ, опять-таки никому не сказавши ни слова, какъ была, повалилась, какъ снопъ, на постель и стала тотчасъ же бредить...

Приглашенный въ скорости докторъ опредѣлилъ у нея начало тифозной горячки.

Сперва бредъ ея имѣлъ всѣ признаки тревоги и страха. Судя по ея отрывочнымъ и безсвязнымъ рѣчамъ, ей чудились чьи-то преслѣдованія, отъ которыхъ она искала спасенія, и умоляла о помощи.

— Я здѣсь, здѣсь, Глафирушка!—убѣжала ее совсѣмъ растерявшаяся Авдотья Макаровна.—Никто не тронетъ тебя, успокойся... Здѣсь вотъ я... вотъ и Вѣрушка... Видишь?

Графира расширенными дико глазами смотрѣла на мать и сестру, послѣ чего ея взоръ принималъ выраженіе безпредѣльнаго ужаса, и, прижимаясь къ стѣнѣ, какъ бы стараясь вся куда-то уйти, схорониться, она бормотала жалобнымъ голосомъ, въ кото-

ромъ звучало въ то же время желаніе кому-то внушить, что она никого не боится:

— Не смѣйте тащить меня! Слышите?.. Городового сейчасъ закричу!

— О, Господи!—шептала, въ отчаяніи, Авдотья Макаровна.

Горячечныя рѣчи Глафиры порождали въ старухѣ самыя ужасныя мысли. Несомнѣнно было одно, что въ ту ночь, когда Глафира невѣдомо гдѣ пропадала, съ нею произошло приключеніе, столь необычайное, столь потрясающее, что она вотъ теперь въ жару и бреду. Очевидно, кто-то ее жестоко и тяжко обидѣлъ... Въ чемъ состояла эта обида—Авдотья Макаровна боялась догадываться!.. Вся одежда ея, включая и обувь, была слегка сыровата, однако, въ полномъ порядкѣ, нигдѣ не разорвана, и ничто не показывало, что Глафирѣ пришлось отъ кого-нибудь отбиваться... Зато крайне важно было отсутствіе шляпы и еще болѣе то, что на Глафирѣ оказался чей-то платокъ.

Этотъ платокъ всего пуще мучилъ Авдотью Макаровну, всего пуще сбивалъ ее съ толку. Она очень внимательно, съ какимъ-то неопредѣленнымъ страхомъ и даже замираніемъ сердца, разсмотрѣла его. Это былъ шерстяной, довольно дрянненькій, совершенно заношенный и мѣстами поѣденный молью, сѣрый, съ бахромкой, платокъ, который могъ принадлежать, самое большее, какой-нибудь горничной. Изъ этого ясно слѣдовало то заключеніе, что Глафира провела ту ночь не одна, что съ нею были какіе-то люди.

Но гдѣ она могла потерять свою шляпу? Украсть ее врядъ ли кто нибудь могъ-бы польститься. Она была совсѣмъ немудрящая, старенькая. Да если бы и захотѣли поживиться чѣмъ-нибудь отъ Глафиры, то первымъ дѣломъ, конечно, отобрали бы имѣвшіяся у нея въ карманѣ деньжонки, а между тѣмъ, при ней оказалось въ цѣлости ея портмонэ, гдѣ лежали шесть гривенъ серебряной мелочью и двѣ мѣдныхъ копейки... Нѣтъ, о простыхъ, обыкновенныхъ ворахъ тутъ нечего думать!.. Но почему же Глафирѣ мерещится, что ее кто-то тащитъ, зачѣмъ про городового она поминаетъ?.. Если ее забрали въ полицію, то за что, за какія такія провинности?.. А главное — почему этотъ платокъ? откуда этотъ платокъ?!.

— Подите сюда!—разъ сказала Глафира, совсѣмъ раздѣльно и ясно, и Авдотья Макаровна немедленно къ ней подошла. Глафира, приподнявшись на кровати и упершись локтемъ въ подушку, смотрѣла на мать пристальнымъ, ожидательнымъ взглядомъ.—Да подойдите же ближе... вотъ такъ... наклонитесь.

— Ну, что, что ты хочешь, Глафирушка?—поспѣшила ее успокоить Авдотья Макаровна и нагнулась совсѣмъ близко къ пылающему лихорадочнымъ румянцемъ лицу. Больная сейчасъ

какъ будто все понимала, и это отрадно всколыхнуло старуху. Чтобы пуще себя въ этомъ увѣрить, она спросила ее:—Ты меня видишь?

— Ну, да, конечно!—съ гримаской раздражительнаго нетерпѣнія, пробѣжавшей у нея по лицу, подтвердила Глафира.—Какіе это все пустяки!

— Конечно, конечно, Глафирушка,—стараясь попасть ей въ ладъ, немедленно согласилась Авдотья Макаровна. — Что ты хотѣла сказать?

— Тссс...—прошептала больная, глянувъ опасливо въ сторону.

— Да нѣтъ никого, никого, успокойся.

— Мы однѣ?

— Однѣ, однѣ. Вотъ я и дверь притворю, если хочешь.

— Не надо, стойте здѣсь.

— Ну, хорошо, я стою. Вотъ видишь, стою... Что ты хочешь, скажи?

— Охъ, какъ мнѣ больно... — жалобно простонала Глафира.

— Голова болитъ, а?

— Нѣтъ, совсѣмъ не то хочу я сказать,—нетерпѣливо мотнула головою Глафира. — Только смотрите, вы никому...

Она опять боязливо оглянулась по комнатѣ.

— Да ужъ я никому, никому, будь спокойна, —успокоивала ее Авдотья Макаровна, жадно ожидая какихъ-то признаній.

— Маменькѣ тоже молчите.. Пусть и Вѣра не знаетъ...

— Охъ, Господи!—прошептала въ отчаяніи Авдотья Макаровна.

— Перестаньте! Что вы возражаете?... Голова... Что голова?. Пустяки! У всякаго есть голова... *Хвостъ* растетъ у меня... Понимаете?.. *Вѣдьминъ хвостъ*!.. «Старая вѣдьма», сказали... Ну, да. Только хвоста раньше не было... А вотъ этотъ мальчишка такъ и устроилъ... А такой тихоня, вѣдь, кажется... воды не замутитъ!.. Чего смѣешься? Самъ старый дуракъ!.. Ха! Стоитъ и не видитъ, что у самого ноги каменныя, да еще грязныя, съ трещинами, какъ у всѣхъ у васъ въ Лѣтнемъ саду... да и то на нихъ еле держишься... Тьфу! Самого тебя нужно въ Фонтанку!.. Букетъ тоже принесъ... Туда же!.. «Старая вѣдьма»... Скажите пожалуйста!.. Самъ ты пьяный оселъ!

Авдотья Макаровна ловила этотъ безсмысленный лепетъ, и на сердцѣ у нея горько щемило, а бѣдная, старая ея голова совершенно терялась. И больно, и жутко ей было слушать Глафиру, но она стояла и слушала жадно, стараясь, сквозь застилавшія глаза ея слезы, прочесть что-нибудь на этомъ, пылавшемъ лихорадочнымъ жаромъ лицѣ и проникнуть въ загадочный смыслъ безпорядочныхъ словъ, слетавшихъ съ воспаленныхъ и запекшихся

устъ... Но что тутъ можно было понять? Было что-то такое, что Глафиру томило и мучило, что кипѣло въ ея головѣ, какъ бы біясь въ тщетныхъ усиліяхъ прорваться сквозь хаосъ одолѣвавшихъ ее безсмысленныхъ образовъ, и надъ всѣмъ этимъ носилось далекое вѣяніе какой-то смутно чуемой тайны... И все это цѣплялось за какія-то напоминанія о фактахъ, отчасти изъ тѣхъ, что произошли на глазахъ Авдотьи Макаровны, отчасти такихъ, о коихъ пришлось только теперь ей узнать изъ сообщенія Вѣры.

— Все вотъ про «старую вѣдьму» заладила... И вотъ еще хвостъ поминаетъ... Про букетъ тамъ какой-то...—повѣряла ей мучительныя свои недоумѣнія Авдотья Макаровна, изнемогая въ попыткахъ разобраться въ этой больной чепухѣ.—Ничего не могу понять тутъ я, Вѣрушка! Только чувствую, что это не даромъ... Тебѣ, можетъ, виднѣе... Можетъ, ты что нибудь знаешь... Что-нибудь она тебѣ говорила... Постарайся, припомни.

Вѣра, дѣйствительно, кое-что знала и помнила.

Происходившія дома событія тоже выбили эту дѣвицу изъ ея колеи. Вся привычная компанія Атосовъ и д'Артаньяновъ, съ ихъ похожденіями, окружавшая ее постоянно, среди лѣнивой бездѣятельности, въ коей текли дни юной мечтательницы, не тревожимой никакими заботами, такъ всецѣло лежавшими на плечахъ ея матери и старшей сестры, что, казалось, и не могло быть иначе, съ грубою безжалостностью была прогнана новымъ порядкомъ вещей. Вѣру постоянно теперь тормошили, ни на минуту она не могла остаться съ собою... И она тоже металась и суетилась, растерянная и озобоченная, въ недоумѣломъ испугѣ предъ неожиданною и необычайною напастью. Безумныя рѣчи сестры возбуждали жалость и страхъ въ пугливой дѣвицѣ, никогда еще не видавшей такого рода больныхъ. Голова Вѣры тоже была взбудоражена, и она старалась припомнить все, что могла, изъ происшествій послѣдняго времени и тѣхъ нѣсколькихъ дней, кои предшествовали таинственному исчезнованію Глафиры на цѣлую ночь. «Старая вѣдьма» сразу вызвала въ Вѣрѣ воспоминаніе объ ея гуляньѣ съ сестрою въ Лѣтнемъ саду и о томъ, что за этимъ случилось.

— Я понимаю, маменька! все понимаю!—заявила она торжествующе матери.—Помните, когда мы съ Глашей вернулись изъ Лѣтняго сада?.. Когда еще Мартынъ Матвѣичъ къ вамъ приходилъ и букетъ здѣсь оставилъ, и васъ просилъ передать ей, что хочетъ жениться?.. Еще она на то, помните, такъ тогда разсердилась?

— Ну, да, ну, да,—подтвердила Авдотья Макаровна, въ головѣ у которой стало кое-что озаряться...—Съ того вѣдь все и пошло...

— А вѣдь вотъ вы не знаете, отчего она тогда была такая сердитая!—торжествовала все болѣе Вѣра.

— Отчего?

— Пьяный тогда обидѣлъ ее...

— Господи-Исусе! Что такое? Какой такой пьяный?—всколыхнулась Авдотья Макаровна.

— Мы гуляли по набережной и на Неву смотрѣли, только вдругъ подходятъ къ намъ двое пьяныхъ...

— Двое, ты теперь говоришь?..

— Ну, да, двое ихъ было, только одинъ еще ничего, а другой ужъ совсѣмъ еле-еле... И сталъ этотъ, другой-то, къ намъ приставать... То-есть онъ ко мнѣ присталъ собственно, и я тогда испугалась ужасно, а Глафира къ нему привязалась, потомъ городового стала кричать, и онъ тутъ ее обругалъ...

— Городовой обругалъ?

— Не городовой, а этотъ-то пьяный... «Морда ты», говоритъ, «старая вѣдьма».

— А городовой-то что же смотрѣлъ?

— Городовой ужъ потомъ подошелъ, когда они успѣли уйти, а съ Глашей истерика сдѣлалась... Насилу въ себя пришла, такъ ее этотъ пьяный разстроилъ... Чуть насъ въ полицію не взяли тогда... То еще удивительно! Видно, городовой еще хорошій попался...

— А пьяные такъ и ушли?—съ негодованіемъ переспросила Авдотья Макаровна.

— Такъ и ушли. Потомъ мы вернулись домой, и Глаша была всю дорогу разстроенная.

— Господи Боже! Такъ вотъ какія были ваши гулянки! И ты все время молчала! Хоть бы одно мнѣ словечко!—съ упрекомъ прибавила Авдотья Макаровна.

Вѣра ничего не возразила въ свое оправданіе, и старуха погрузилась въ тяжкую думу, разбираясь въ томъ, что сейчасъ неожиданно привелось ей узнать. Истолкованіе, данное Вѣрой, было очень похоже на правду, но оно не помогало ничуть разъясненію самаго главнаго.

— Ну, а зачѣмъ ей занадобилось уйти-то тогда? Что за нужда ей приспичила?—принялась снова мучиться Авдотья Макаровна, между тѣмъ какъ въ умѣ ея, на основаніи вѣриныхъ словъ, вдругъ сложилась цѣпь новыхъ догадокъ, но такихъ неожиданныхъ, смѣлыхъ, что она сама оробѣла предъ ними и начала ихъ повѣдывать Вѣрѣ съ большою нерѣшительностью.—Ужъ не къ Мартыну ли Матвѣичу вздумалось ей побѣжать?.. Сидѣла-сидѣла, да и придумала... А? что ты скажешь на это?

— Зачѣмъ же къ нему это, маменька?—спросила съ недоумѣніемъ Вѣра.

— А вотъ зачѣмъ, объясню. Опомнилась, видишь, она, послѣ,

какъ злость-то прошла, что нехорошо поступила, ему отказавши, ну и вздумала ему объявить, что обдумалась, молъ, и согласна, за него замужъ пойти... А онъ вѣдь очень гордый старикъ... Ты и представить не можешь, какъ тогда онъ обидѣлся... Вотъ онъ ее и прогналъ.

— Какъ? Мартынъ Матвѣичъ Глашу прогналъ?—переспросила съ изумленіемъ Вѣра.

— Ну, да. Можетъ, еще какой-нибудь разговоръ у нихъ былъ... Вѣдь ты знаешь, какая она всегда у насъ странная. А онъ гордый, очень гордый старикъ.

— Ну, и что-же?

— Ну, и все... Что-жъ еще?

— Богъ знаетъ, какія глупости говорите вы, маменька!—замѣтила Вѣра, пожавъ сожалительно плечиками.

Авдотья Макаровна созналась сама про себя, что, дѣйствительно, черезчуръ ужъ далеко хватила и что ея предположенія совершенно не вяжутся съ загадочнымъ появленіемъ у Глафиры неизвѣстно чьего головного платка, туманившаго больше всего мысли старухи.

Разговоръ о Мартынѣ Матвѣичѣ обратилъ ея думы къ злополучной исторіи, что произошла недавно въ этихъ стѣнахъ, и, по объясненію Вѣры, служитъ теперь предметомъ горячечнаго бреда Глафиры. Недаромъ, дѣйствительно, поминаетъ она этотъ «букетъ»... Удивительно только, какъ сама Авдотья Макаровна не могла сразу же о томъ домекнуться! А вѣдь кому, какъ не ей, всѣхъ жесточе досталось тогда, и ужъ ей ли не помнить, сколько горя причинила ей эта исторія! И когда умирать она будетъ, даже и тогда ей вспомянется тотъ вечеръ проклятый! И никому изъ нихъ не прошелъ даромъ тотъ вечеръ... Вотъ и Вѣрушка ничего не забыла, и Глафира послѣ того сдѣлалась совершенно другая, да, можетъ быть, и теперь-то больна изъ-за него, окаяннаго.. Что бы тамъ ни было, послѣ того съ нею случившееся, оно и случиться-то было должно непремѣнно изъ-за этого самаго! А что́ ужъ самой-то Авдотьѣ Макаровнѣ привелось тогда испытать — только одинъ знаешь Ты, Господь милосердный! Лишь вотъ теперешнія неожиданныя опять передряги вышибли изъ головы ея все, что только единственно наполняло собою и крушило ее въ безконечно-тоскливые дни и мучительно-безсонныя ночи передъ этою новою напастью... Стара стала, глупа стала, послѣдній свой умъ растеряла... И къ чему только земля ее еще носитъ?!

И опять все всплыло въ ея памяти.

Но это случилось ужъ ночью.

III.

Былъ поздній часъ, и тишина стояла вокругъ. Табачная была заперта, и все въ квартирѣ покоилось. Вѣра спала крѣпкимъ сномъ молодости, а Авдотья Макаровна бодрствовала въ ветхомъ, продавленномъ креслѣ. Она не уступала ночного дежурства у постели Глафиры ни Лукерьѣ, ни дочери, мало довѣряя ихъ бдительности, ея же старческій сонъ былъ всегда коротокъ и чутокъ.

У изголовья, на столикѣ, горѣла лампа подъ молочно-бѣлаго стекла колпакомъ, съ прикрѣпленнымъ сбоку листомъ газетной бумаги, чтобы свѣтъ не безпокоилъ Глафиру. Въ окно шлепалъ дождикъ.

Больная прерывисто и тяжко дышала, и плотно остриженная ея голова, съ рѣзко-обострившимся профилемъ, была запрокинута навзничъ, придавленная на темени клеенкой со льдомъ. Въ черной тѣни, падавшей на нее отъ заслонявшей свѣтъ лампы преграды, съ сомкнутыми плотно рѣсницами и неподвижнымъ лицомъ, которое было бы похоже на мертвое, если бы не дыханіе, бурно, со свистомъ, вылетавшее изъ страдальчески раскрытаго рта, Глафира представляла столько безпомощно-жалкаго, что казалась какимъ-то новымъ, совсѣмъ неизвѣстнымъ здѣсь существомъ, не похожимъ ни единою чертою на ту рѣзкую, властную, порывистую во всѣхъ своихъ рѣчахъ и поступкахъ дѣвицу, каковою привыкли всѣ ее видѣть и никогда не знали иною.

И теперь, въ глухой полуночный часъ, наединѣ съ этою, распростертою въ безпамятствѣ передъ нею на постели фигурой, Авдотья Макаровна особенно живо, по закону контрастовъ, вспоминала ее, свою старшую дочь, полную бѣшенства, съ крикомъ и топаньемъ изливающую на ея бѣдную голову потокъ безжалостно-обидныхъ рѣчей... А она сидѣла, понурившись, безъ слова, безъ звука, вся замеревъ въ тупомъ страхѣ и рѣшившись покорно снести до конца истязаніе, какъ загнанная старая кляча, на которую сыплется градъ нещадныхъ ударовъ. Затѣмъ наступили тишина и безмолвіе ночи. Все спало въ квартирѣ, какъ вотъ спитъ и теперь, лишь одна она не могла сомкнуть глазъ, бодрствуя, какъ вотъ и теперь она бодрствуетъ, наединѣ со своими скорбными думами, и многое-многое она тогда переворошила внутри у себя, маясь чуть не до самаго бѣлаго свѣта, и послѣдняя мысль, которою завершилось все это, передъ тѣмъ, когда сонъ, наконецъ, завелъ ея вѣки—это хорошо она помнитъ—была горькая мысль, что отнынѣ, навсегда, безвозвратно, Глафира ей стала чужою...

А Глафирѣ какъ будто того только и было нужно достичь. Никакого раскаянія, ни малѣйшей даже попытки загладить, смяг-

чить сколько-нибудь нанесенныя ею оскорбленія матери, точно она и въ самомъ дѣлѣ рѣшила ей показать, что стала чужою. И все это только за то, что ея старая мать хотѣла добра ей и передала предложеніе человѣка — немолодого, правда, но солиднаго, денежнаго, который могъ бы осчастливить ихъ всѣхъ. И только лишь потому, что Авдотья Макаровна резонно замѣтила дочери, что и ей-то, Глафирѣ самой, не мало ужъ лѣтъ, она наговорила ей такихъ обидныхъ вещей, что даже сама кроткая Вѣра — и та не стерпѣла и пристыдила ее. И хоть-бы сколько-нибудь жалости къ матери! Напротивъ, всѣмъ дальнѣйшимъ своимъ поведеніемъ Глафира какъ бы намѣренно хотѣла всѣмъ показать, что она никого знать не хочетъ, что она сама по себѣ и что ее не заботитъ нисколько, какъ тутъ, у нея подъ бокомъ, мучатся ея близкіе люди. Работу себѣ какую-то на швейной машинкѣ достала и принялась стучать съ утра до ночи. Всѣхъ извела этимъ стукомъ! А потомъ отвезла куда-то шитье, деньги получила и принесла часть изъ нихъ матери.

Авдотья Макаровна и теперь помнитъ отчетливо, какъ это было.

Былъ вечеръ,—часъ, должно быть, десятый. Собирались пить чай. Авдотья Макаровна доставала посуду изъ шкафчика, а Вѣра, примостившись къ столу, книжку читала. Вдругъ Глафира вышла изъ спальни, держа что-то въ рукѣ. Она положила это на столъ и сказала:

— Вотъ, маменька, возьмите себѣ на хозяйство.

(Это были двѣ десятирублевыхъ бумажки).

Вѣроятно, ей думалось, что мать за нихъ такъ и схватится, такъ имъ и обрадуется... Но Авдотья Макаровна не повела даже ухомъ и продолжала ставить посуду на столъ изъ шкафчика.

Глафира, помолчавши, сказала:

— Я знаю, что я лишній ротъ. Я не хочу быть вамъ въ тягость.

(Понимайте, дескать, что я у васъ не даромъ живу, а плачу за столъ и квартиру, и потому вамъ ничѣмъ не обязана).

Авдотья Макаровна приняла это, какъ новое себѣ оскорбленіе. Она сухо отвѣтила, что не нуждается въ глафириныхъ деньгахъ, и та можетъ взять ихъ обратно. Глафира буркнула что-то, повернулась и вышла, а деньги такъ и остались лежать на столѣ. (Онѣ и до сихъ поръ цѣлы, и Авдотья Макаровна ни единою копейкой изъ нихъ не воспользовалась). Потомъ мать съ младшею дочерью стали пить чай, позвали Глафиру, но та, сквозь двери, отвѣтила имъ: «Не хочу».

«Ничего, матушка, злись себѣ, на здоровье», подумала Авдотья Макаровна. (Нужно признаться, кипѣло сердце у нея на Глафиру!)

Отпили чай. Лукерья унесла самоваръ. Вѣра опять въ свою книжку уткнулась, а Авдотья Макаровна усѣлась на стулъ у прилавка и принялась опять за чулокъ. Она видѣла краешкомъ глаза, какъ мимо нея промелькнула Глафира, совсѣмъ одѣтая, въ шляпкѣ, и, не сказавъ ей ни слова, вышла на улицу.

Авдотья Макаровна сдѣлала видъ, что ничего не замѣтила.

— Куда еще прынцесса-то наша помчалась? — спросила она у Вѣры, немного спустя.

— Почемъ - же я знаю? Она мнѣ ничего не сказала,— отвѣтила Вѣра.

— Ну, ладно, и Богъ съ ней! Свои, знать, дѣла теперь у нея завелись!—произнесла съ горечью мать.

Въ одиннадцать часовъ, какъ всегда, заперла она лавочку и усѣлась у себя на диванѣ въ столовой. Все думалось ей про Глафиру, куда могла та уйти. Правда, особеннаго безпокойства она не испытывала. Вспомнила Авдотья Макаровна, что Глафира передъ тѣмъ, какъ засѣсть за шитье, все куда-то ходила. Знать, и теперь, думалось ей, къ своимъ новымъ знакомымъ отправилась. Съ тѣмъ и заснула старуха.

Утромъ, на другой день, поднявшись отъ сна, по привычкѣ, съ разсвѣтомъ, Авдотья Макаровна, первымъ долгомъ, заглянула въ спальню обѣихъ дѣвицъ. Вѣра была погружена въ крѣпкій сонъ, отвернувшись къ стѣнѣ. Постель старшей дочери оставалась въ томъ видѣ, какъ была приготовлена съ вечера.

И тутъ не дрогнуло сердце старухи.

«Вотъ это совсѣмъ ужъ прекрасно,—проворчала она про себя;— видно, у чужихъ людей лучше... Да она уже, просто-на-просто, не хочетъ ли съѣзжать отъ насъ?»—домекнулась, наконецъ, Авдотья Макаровна.

На дворѣ была слякоть, и сѣялся мелкій дождь, какъ сквозь сито, но все-таки она, по всегдашнему, пошла на Сѣнную.

— А вѣдь Глаши-то, маменька, все еще нѣтъ, — заявила ей, по приходѣ, только что вставшая Вѣра.

Стали пить кофе. Начались звонки въ лавочкѣ, заставлявшіе то и дѣло старуху вставать и удовлетворять покупателей. Это отвлекало мысли ея отъ Глафиры. Вѣра сидѣла, уткнувши носъ въ книгу, подолгу надъ одной и тою же страницей. Очевидно, мысли ея постоянно возвращались къ Глафирѣ.

Послѣ того, какъ отпили кофе, Авдотья Макаровна перемыла и спрятала въ шкафчикъ посуду, потомъ хотѣла приказать что-то Лукерьѣ и съ этимъ намѣреніемъ шла было въ кухню, какъ вдругъ оттуда, навстрѣчу ей, шагнула женская фигура въ сѣромъ платкѣ...

Авдотья Макаровна сперва совсѣмъ не узнала Глафиры... Вѣ-

роятно, то же было съ Лукерьей, смотрѣвшей на нее вытаращенными недоумѣло глазами... Авдотья Макаровна даже вопросительно воскликнула что-то и попятилась въ сторону. Вѣра, вскочившая съ мѣста, тоже попятилась, потомъ произнесла съ изумленіемъ: «Глаша!..» Такъ измѣнялъ наружность Глафиры повязанный на ея головѣ сѣрый платокъ.

А та, спотыкаясь, пошатываясь, не глядя ни на сестру, ни на мать, какъ бы не замѣчая ихъ вовсе, прошла прямо въ спальню, сорвала платокъ, разстегнула и бросила на полъ бурнусъ и, все не молвя ни слова, повалилась, какъ снопъ, на постель.

Сперва Авдотья Макаровна подумала съ ужасомъ, что она подъ хмѣлькомъ... То же, какъ потомъ она признавалась, мелькнуло у Вѣры.

— Откуда ты? Что съ тобой, Глаша?!—воскликнули обѣ.

Лежавшая съ закрытыми глазами Глафира дико воззрилась на мать и сестру, потомъ снова зажмурилась и, какъ будто отталкивая что-то руками, быстро - быстро забормотала о какихъ-то свѣчахъ, на которыя ей больно смотрѣть, о баркѣ съ дровами, о печкѣ какой-то и мужикахъ съ бородами,—словомъ, совсѣмъ непонятную чушь... Только тогда уразумѣла Авдотья Макаровна, что Глафира больна и находится въ жестокомъ бреду.

Припоминая всѣ эти событія, Авдотья Макаровна теперь приводила ихъ въ связь съ сватовствомъ Мартына Матвѣича, о которомъ передала она дочери, какъ оказывается, въ такія минуты, когда та была еще вся подъ живымъ впечатлѣніемъ вынесеннаго ею предъ тѣмъ оскорбленія отъ какого-то пьянаго нахала на улицѣ.. О, какъ теперь она понимала всю тогдашнюю дикую сцену и все, что за этимъ дальше послѣдовало!

Вся горечь, копившаяся въ сердцѣ старухи послѣ той сцены, ежедневно поддерживаемая дальнѣйшимъ поведеніемъ дочери, исчезла въ одно мгновеніе ока тогда же, какъ только она увидала ее предъ собою въ бреду, и душу ея пронзила сейчасъ же догадка о чемъ-то ужасномъ, происшедшемъ съ Глафирой, и именно въ эту самую ночь, когда она, Авдотья Макаровна, безмятежно спала, послѣ того, какъ отлично вѣдь видѣла, что та уходитъ куда-то, въ поздній часъ вечера, и хотя это показалось ей странно, но она не остановила ее, не молвила ей ни словечушка,между тѣмъ какъ отъ этого только, быть можетъ, зависѣло удержать ее отъ какой-то невѣдомой страшной бѣды... Все, все вспоминала теперь Авдотья Макаровна и во всемъ себя обвиняла. Она вспоминала всѣ горькія, злобныя мысли, кои такъ долго, упорно питала противъ Глафиры, и чѣмъ недостойнѣе были онѣ, эти мысли, тѣмъ жесточе она за нихъ себя обвиняла. О, какъ несправедлива, безжалостна была она во всемъ своемъ поведеніи съ дочерью! Положимъ, от-

куда могла она знать, что было на душѣ у Глафиры въ несчастный тотъ вечеръ, и Богъ судья Вѣрѣ за то, что она объ этомъ такъ долго молчала, но какъ у самой-то, самой-то у ней, Авдотьи Макаровны, не хватило догадки, что съ Глафирой творится нѣчто неладное, что она никогда еще не бывала такою!..

«Да, да, я *старая вѣдьма*, я знаю!» повторяла она въ неистовствѣ, топоча ногами, и не даромъ это она повторяла, да вотъ и теперь, среди прочаго бреда, толкуетъ о томъ же, что она «старая вѣдьма... И подтолкнулъ же вѣдь бѣсъ тогда Авдотью Макаровну брякнуть Глафирѣ, что ей не мало ужъ лѣтъ!.. Точно не знала она свою дочь съ колыбели, точно неизвѣстно ей было, какъ мучится своимъ дѣвствомъ Глафира, какъ ей хочется замужъ... Нѣтъ, просто затменіе какое-то нашло тогда на Авдотью Макаровну!

«Я здѣсь живу какъ въ гробу, я руки на себя наложу, на шею первому встрѣчному брошусь!» далѣе припоминала опять, терзая себя, Авдотья Макаровна, тогдашнія злобныя рѣчи Глафиры, и сердце ея замирало отъ ужаса.

— Господи! да неужели же тогда-то, на ночь-то глядя, вышла она со двора, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы...—вся холодѣя, шептала теперь Авдотья Макаровна.—Да нѣтъ же, нѣтъ, Господи милостивый, не можетъ этого быть!—обрывала она свою страшную мысль.

Нѣтъ, не можетъ, не можетъ, конечно, этого быть! Тѣ слова у Глафиры въ безуміи, въ безпамятствѣ вырвались, потому что она находилась тогда внѣ себя, и это были такія же дикія, сумасшедшія рѣчи, какъ и все, что привелось тогда услыхать Авдотьѣ Макаровнѣ. Вѣдь если бы она говорила, что думала, она могла бы въ туже самую ночь это исполнить, съ первымъ прохожимъ,—въ отчаяніи, злобѣ, понятно, исполнить,—но лишь не иначе, какъ въ ту же самую ночь... А вѣдь она пошла спать, на другой день поднялась, какъ ни въ чемъ не бывало, и цѣлую недѣлю послѣ того вела себя преспокойно, даже шитьемъ занялась...

— Нѣтъ, не то, совсѣмъ тутъ не то...—шептала Авдотья Макаровна, сама себя успокоивая.

И мысли ея, въ своемъ безсильномъ и безрезультатномъ круженіи все около одного и того же предмета, возвращаются опять къ тому же платку, въ которомъ Глафира появилась домой послѣ своихъ таинственныхъ ночныхъ похожденій... Вотъ онъ валяется, платокъ этотъ самый, брошенный тамъ, на стулѣ, въ углу... Авдотья Макаровна не прятала его далеко, считая почему-то немыслимымъ, чтобы онъ могъ находиться въ сосѣдствѣ, не говоря уже—соприкасаться, лежать вмѣстѣ съ другими, собственными ея, Авдотьи Макаровны, или принадлежащими Вѣрѣ вещами, словно

онъ былъ зачумленный. Старуха ощущала къ нему не то отвращеніе, не то какой то мистическій страхъ. А между тѣмъ. онъ, то и дѣло, привлекалъ къ себѣ вниманіе Авдотьи Макаровны, и она, нѣтъ - нѣтъ, да и возьметъ его въ руки и примется снова разсматривать, Богъ вѣсть въ который ужъ разъ...

Вотъ и сейчасъ она поднялась тихохонько съ кресла, осторожно, чтобы не потревожить больную, пошла и достала платокъ, потомъ усѣлась попрежнему и, едва къ нему прикасаясь, какъ бы преодолѣвая себя, разостлала его на колѣняхъ...

Трудно сказать, что тянуло къ нему Авдотью Макаровну, наперекоръ даже тѣмъ чувствамъ, которыя онъ въ ней возбуждалъ. Вѣроятно, существовало тутъ нѣчто въ родѣ смутной надежды, при новомъ осмотрѣ найти еще что-то, въ качествѣ признака, который былъ ею раньше упущенъ, а теперь вдругъ разрѣшитъ ей загадку... Но онъ былъ все тотъ же, уже изслѣдованный во всѣхъ мелочахъ Авдотьей Макаровной, поточенный молью, съ порванною мѣстами бахромкой, шерстяной сѣрый платокъ, заявлявшій только о томъ, что онъ давно уже отслужилъ кому-то, вѣрой и правдой, свой вѣкъ, а дальше не давалъ никакихъ указаній...

Авдотья Макаровна сидитъ и смотритъ на этотъ платокъ, будто не въ состояніи отъ него оторваться, а въ головѣ у нея начинаютъ плестить какія-то несуразныя мысли... Ей смертельно хочется спать, но она всѣми силами старается побѣдить въ себѣ это желаніе. А дождь все стучитъ и стучитъ въ оконныя стекла. Эти мѣрные, однообразные звуки въ ночной тишинѣ дѣйствуютъ такъ усыпительно, и Авдотья Макаровна противится всѣмъ существомъ своимъ слушать ихъ, эти звуки, ибо иначе она непремѣнно заснетъ... «Эхъ, надо бы положить туда, на мѣсто, этотъ платокъ,» думаетъ Авдотья Макаровна, но для этого нужно встать и пойти, чего ей ужасно не хочется... «Нѣтъ, не надо, не встану», размышляетъ дальше старуха, «неравно Глафирушку еще потревожу...» А дождь все стучитъ и стучитъ себѣ, знай... Стучитъ онъ и въ окно, и въ стѣны, и въ высокую, покатую крышу. А крыша изъ простыхъ деревянныхъ досокъ, какъ бываетъ въ сараѣ... Авдотья Макаровна сидитъ одна одинехенька въ этомъ сараѣ, крѣпко сжимая въ рукахъ сѣрый платокъ... Боже сохрани, если кто нибудь отниметъ его у нея или онъ пропадетъ... Что тогда скажетъ Глафира?... «Никому не отдамъ,»—шепчетъ Авдотья Макаровна, стискивая пальцы въ кулакъ, и вдругъ замѣчаетъ, что платка уже нѣтъ... «Что-жъ это, Господи!» — говоритъ въ испугѣ старуха.—«Кто-жъ его взялъ? Экая дура, что я его не спрятала давеча!...»—«Хе-хе-хе!»—смѣется Мартынъ Матвѣичъ Телѣжниковъ, поднимаясь съ кровати, гдѣ онъ все время лежалъ, повернувшись спиною къ Авдотьѣ Макаровнѣ, и теперь усаживается

противъ нея такимъ, каковымъ она въ послѣдній разъ его видѣла, въ черномъ сюртукѣ, въ бѣломъ галстухѣ, съ сѣдыми бакенбардами, спадающими на грудь въ видѣ двухъ большихъ треугольниковъ. На головѣ у него повязанъ глафиринъ сѣрый платокъ...—«Попробуйте-ка, сударыня, съ меня его снять?»—подмигиваетъ насмѣшливо онъ Авдотьѣ Макаровнѣ;—«что-съ? Вотъ захочу, да и не отдамъ вамъ платка... Н-да-съ! Какъ лягушки скачутъ, видали?» И онъ показываетъ Авдотьѣ Макаровнѣ фигу...—«Этого, Мартынъ Матвѣичъ, я никакъ не ожидала отъ васъ, пожилого, такого почтеннаго...»—произноситъ, съ достоинствомъ, Авдотья Макаровна.—«А зачѣмъ Глафира Андреевна мнѣ носъ наклеила? Ага! Вотъ зато она теперь и сидитъ у меня подъ платкомъ. И зато вы никогда уже больше ее не увидите,» киваетъ онъ головою Авдотьѣ Макаровнѣ, и лицо его дѣлается жестокимъ, зловѣщимъ,—«вотъ она вся здѣсь, у меня-съ, подъ этимъ самымъ платочкомъ-съ... вся въ такомъ вотъ комочкѣ-съ... Потому, она теперь вотъ такая, вотъ эдакая-съ, вотъ какая малюсенькая, не больше наперсточка, и совсѣмъ уже мертвенькая-съ... Хе-хе-хе!»—«Умерла?!»—вскрикиваетъ Авдотья Макаровна и принимается плакать.

— Маменька! маменька!—раздается въ ушахъ ея, и она въ одинъ мигъ просыпается.

— А? а? Что такое?

Надъ нею стоитъ Вѣра, только что вставшая, въ одной рубашкѣ и юбкѣ, и расталкиваетъ ее за плечо.

— О, Господи Исусе,—шепчетъ Авдотья Макаровна и начинаетъ креститься.

Въ комнату глядитъ раннее утро, ненастное, сумрачное. Съ визгомъ и воемъ носится по улицамъ вѣтеръ, плюетъ дождемъ въ оконныя стекла и гремитъ желѣзными листами подъѣздовъ и водосточными трубами.

Авдотья Макаровна совсѣмъ приходитъ въ себя. Она поднимается на ноги и устремляетъ первый свой взглядъ на Графиру.

Больная лежитъ неподвижно, попрежнему, сомкнувъ плотно рѣсницы, съ закинутою назадъ головой, съ широко зіяющимъ, запекшимся ртомъ, и тяжко, прерывисто дышитъ.

IV.

Наступилъ двѣнадцатый день болѣзни Глафиры. Часовъ въ десять утра навѣстилъ ее докторъ, потрогалъ, послушалъ и, обернувшись къ слѣдившей за нимъ съ жаднымъ ожиданіемъ Авдотьѣ Макаровнѣ, объявилъ ей успокоительнымъ тономъ:

— Все хорошо. Показалась испарина, и вы только, пожалуйста, не мѣшайте ей спать. Поздравляю, сударыня.

— Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!—прошептала Авдотья Макаровна, перекрестившись широкимъ крестомъ, и, какъ ни удерживалась, все таки всхлипнула.

Въ кухнѣ, надѣвая пальто и калоши, докторъ преподалъ нѣсколько необходимыхъ совѣтовъ, съ напрактикованною ловкостью поймалъ протянутою для пожатья рукою приготовленную старухою мзду, въ видѣ желтенькой, и, подтвердивъ еще разъ напослѣдокъ, что все теперь хорошо и въ порядкѣ, ушелъ.

Роняя слезинки, на цыпочкахъ, Авдотья Макаровна приблизилась къ глафириной комнатѣ и, притворивъ тихохонько дверь, заглянула. Больная спала спокойно и крѣпко.

Притворивъ съ тою же осторожностью дверь, старушка прошептала все время слѣдовавшей за ней по пятамъ младшей дочери:

— Слышала, Вѣрушка, что докторъ-то а?.. Слава Тебѣ, Христе Боже!

— Да, слава Богу, маменька,—съ чувствомъ подтвердила и Вѣра.

Авдотья Макаровна положила земной поклонъ передъ образомъ и, поднявшись съ колѣнъ, продолжала озабоченнымъ шопотомъ:

— Надо будетъ молебенъ отслужить завтра за ранней... А сейчасъ Лукерьѣ велѣть, чтобъ въ зеленной взяла курицу да супъ чтобъ сварила!.. Охъ, кабы провалиться вамъ всѣмъ, окаяннымъ!—испуганно пробормотала она, такъ какъ въ табачной звякнулъ звонокъ, возвѣстивъ приходъ покупателя, и пошла за прилавокъ.

Словно нарочно, звонки въ этотъ день слышались то и дѣло, возбуждая каждый разъ тревогу въ Авдотьѣ Макаровнѣ, боявшейся, что они разбудятъ Глафиру.

Но безпокойства ея были напрасны. Больная все время непрерывно спала здоровымъ, укрѣпляющимъ сномъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ въ квартирѣ шептались и ходили на цыпочкахъ.

. . . .

Глафира открыла глаза, узнала знакомыя стѣны и, подъ вліяніемъ первой сознательной мысли, что она заспалась и пора ужъ вставать, пошевелилась въ постели, съ попыткой подняться и сѣсть, но голову ея потянуло внизъ, къ изголовью, а обѣ руки, выпростанныя было изъ подъ одѣяла, упали безсильно, какъ плети. И тутъ только почувствовавъ, что она очень слаба, совсѣмъ слаба, какъ малый ребенокъ, Глафира опять закрыла глаза.

Ей захотѣлось что-то сообразить, что-то припомнить... Но мысль совершенно отказывалась работать, и при первой попыткѣ связать что-нибудь въ своей головѣ, Глафира испытала лишь утомленіе. Ну, и не надо, потомъ, все равно!.. Она сознавала только, что ей мягко, тепло, что очень хорошо такъ лежать и ни очемъ ровно не думать... И она лежала, наслаждаясь покоемъ, и чувствовала, что вся она, всѣмъ своимъ тѣломъ, каждымъ

его малѣйшимъ суставчикомъ, наслаждается этимъ покоемъ, и ей всей, всей—легко, хорошо, такъ хорошо, какъ еще никогда не бывало!

А вокругъ тихо, такъ тихо, что даже и странно. Куда всѣ подѣвались? Ей хотѣлось бы видѣть маменьку, Вѣру... Она желаетъ позвать ихъ, но ей трудно кричать, и губы могутъ издать только шопотъ. Но даже и при этомъ усиліи наступаетъ тотчасъ же слабость, такая сладкая, пріятная слабость... и Глафира опять смыкаетъ отягченныя вѣки.

Но она все сознаетъ, все понимаетъ, все слышитъ—слышитъ и то, что кто-то ворошится около ея изголовья... Она открываетъ глаза, повертываетъ на подушкахъ съ усиліемъ голову и встрѣчаетъ наклонившееся надъ нею лицо. Это маменька. Тотчасъ же сзади, у нея за плечомъ, она примѣчаеть и заглядывающую голову Вѣры.

— Что, Глафирушка, что? Какъ себя чувствуешь?—спрашиваетъ тихо Авдотья Макаровна. Въ голосѣ ея слышны безпокойство, боязнь, и это совершенно напрасно. Графира желала бы ей это сказать, но она не въ состояніи издать громкаго звука и потому только шепчетъ, что ей хорошо.

— Покушать не хочешь ли?—спрашиваетъ опять Авдотья Макаровна.

Да, Глафирѣ хочется ѣсть. Только теперь она вдругъ ощущаетъ, что ей ужасно хочется ѣсть.

— Ну, вотъ, славу Богу, отлично. Курочки, супцу...—говоритъ обрадованнымъ голосомъ мать и повертываетъ голову къ Вѣрѣ, которая быстро исчезаетъ изъ комнаты.

Появляется у постели Лукерья и говоритъ, кивая Глафирѣ:

— Здравствуйте, барышня... Ну, вотъ, слава Богу.

Голосъ ея грубъ отъ природы, но въ немъ теперь слышна ласковость, а на лицѣ даже сіяетъ улыбка. Съ этою улыбкой, она ставитъ на столикъ, у изголовья, кастрюлечку съ супомъ, промолвивъ:

— Покушайте-ка вотъ, на здоровье.

Вѣра ставитъ рядомъ съ кастрюлькой приборъ. Потомъ Авдотья Макаровна подхватываетъ Глафиру одною рукою за спину, другою поддерживая ее за затылокъ, между тѣмъ какъ Вѣра ставитъ сзади торчкомъ обѣ подушки, и Глафира оказывается сидящей теперь на постели. Потомъ ей подвязываютъ подъ горломъ салфетку, и мать принимается осторожно кормить ее съ ложки, предварительно подувъ на нее, чтобъ жидкость остыла.

— Хорошо ли, вкусно ли кажется, а?—спрашиваетъ Авдотья Макаровна.

Сдѣлавъ первый глотокъ, Глафира вдругъ убѣждается, что у нея совсѣмъ нѣтъ апетита. Но все-таки она дѣлаетъ утвердительный знакъ, потому что супъ долженъ быть очень вкусенъ, и курица тоже вкусна. И все хорошо, все пріятно Глафирѣ, даже и то вотъ, что ее кормятъ словно ребенка, а главное—это любовное, нѣжное прикосновеніе къ ней родныхъ и близкихъ людей... Вонъ какъ добродушно и ласково лучатся морщинки около этихъ старческихъ глазъ, заботливо сопровождающихъ медленное путешествіе отъ тарелки до глафириныхъ губъ ложки съ бульономъ, трепетно вздрагивающей въ жилистой слабой рукѣ старой матери... Какимъ любовнымъ вниманіемъ, какимъ усерднымъ желаніемъ сдѣлать лучше, пріятнѣе то, что она умѣетъ и можетъ, дышатъ черты постоянно лѣнивой и неохотно все дѣлающей младшей сестры, которая разрѣзываетъ тутъ же, на столикѣ, курицу и старается выбрать получше кусочки... Да, все хорошо, все отлично.

— Еще?—спрашиваетъ Авдотья Макаровна.

— Довольно... Сыта...—шепчетъ Глафира.

Мать опять же, какъ прежде, подхватываетъ ее за спину и голову, между тѣмъ какъ сестра, наскоро взбивъ пышнѣе подушки, укладываетъ въ прежнее ихъ положеніе, и больная осторожно и бережно на нихъ опускается. Она чрезвычайно устала и закрываетъ глаза.

— Можетъ, ты хочешь уснуть?—спрашиваетъ Авдотья Макаровна.

— Да,—шопотомъ отвѣчаетъ Глафира.

— Спи, Христосъ надъ тобой,—произноситъ, тоже шопотомъ, мать, потомъ слышится шелестъ удаляющихся осторожно шаговъ и легкій скрипъ притворяемой двери. Больная остается одна.

Тихо, свободно, легко!

Она оборачиваетъ къ стѣнкѣ лицо и, при треніи головы о подушки, снова испытываетъ то ощущеніе, которое уже было и давеча, и она сейчасъ же вспоминаетъ его, а именно то, что голова ея стала какъ-то странно легка, словно на ней нѣтъ волосъ... Она пытается опять что-то сообразить и припомнить... Нѣтъ, все равно, не стоитъ, потомъ! Теперь ей только смертельно хочется спать.

И она погружается въ глубокій и сладостный сонъ.

V.

На Петербургской Сторонѣ, въ одной изъ тихихъ и отдаленнѣйшихъ улицъ ея, въ деревянномъ домѣ, выкрашенномъ въ шоколадную краску, имѣвшемъ четыре окошка на улицу и постольку же выходившихъ во дворъ и прилегавшій съ другой стороны переулокъ

не считая двухъ полукруглыхъ оконъ мезонина, тоже происходили событія свойства не малозначительнаго.

Супруга бухгалтера «N-скаго коммерческаго общества» (Невскій, д. № 00) Ивана Еремѣевича Равальяка, отца пятерыхъ дѣтей обоего пола, съ минуты на минуту должна была его подарить новымъ членомъ семьи.

Все это было въ порядкѣ вещей, къ этому событію давно всѣ были готовы, даже избраны были и имена для новаго гостя, грядущаго въ міръ (если окажется мальчикъ—назвать его Леонидомъ, въ случаѣ дѣвочки—Аменаидой), и оно, это долженствующее совершиться событіе, не представляло заранѣе особенно чего-либо тревожнаго, такъ какъ всѣ предыдущіе роды въ теченіе двадцатилѣтней жизни супруговъ совершались самымъ благополучнѣйшимъ образомъ, но въ теперешнемъ случаѣ были два обстоятельства, которыми это событіе долженствовало отмѣтиться, какъ выходившее изъ ряду вонъ.

Во-первыхъ, оно ожидалось и произойти должно было не ранѣе, какъ дней черезъ семь. Во вторыхъ, и въ сущности это заслуживало быть поставленнымъ въ первыхъ, было то обстоятельство, что самъ глава этой семьи, стоявшій до сихъ поръ образцомъ, какъ заботливый и нѣжный отецъ и вѣрный супругъ, впервые за двадцать лѣтъ, провелъ эту ночь гдѣ-то внѣ дома и явился лишь утромъ...

Вчера онъ долженъ былъ получить свое жалованье и обѣщался непремѣнно быть дома къ обѣду. Однако, къ обѣду онъ не пришелъ, не прислалъ даже записки, какъ это дѣлалось прежде, въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось ему запоздниться. Жена его, Анна Егоровна, сперва удивлялась, потомъ принялась волноваться. Старшій сынъ, Вася, посланъ былъ «въ городъ», навести объ отцѣ точныя справки въ его мѣстѣ служенія. Швейцаръ и всѣ сторожа завѣрили его самымъ положительнымъ образомъ, что Иванъ Еремѣичъ былъ въ тотъ день на службѣ и ушелъ, какъ всегда, въ свое обычное время.

Вечеръ протекалъ своимъ чередомъ, о хозяинѣ не было ни слуху, ни духу, и безпокойство Анны Егоровны дошло до крайнихъ предѣловъ, граничившихъ чуть не съ отчаяніемъ. При этомъ она почувствовала себя до такой степени скверно, что сочла даже нужнымъ послать за Варварой Семеновной Луковкиной, веселой сорокалѣтней особой, жившей тамъ же, на Петербургской, въ домикѣ съ вывѣской надъ воротами, золотыми литерами по черному полю: «*Hebamme. Sage-femme*», очень извѣстной и популярной въ окружности. Г-жа Луковкина принимала у Анны Егоровны двухъ ея послѣднихъ дѣтей, Володю и Петю, и должна была также участвовать и въ теперешнихъ родахъ.

Эта живая, румяная дама сумѣла до значительной степени разсѣять тревожныя мысли Анны Егоровны, хлопотливо возясь въ уголку съ принесеннымъ ею съ собой большимъ ридикюлемъ, служившимъ неизмѣннымъ хранилищемъ ея акушерскихъ припасовъ. Распорядившись перевести дѣтей на ночь подальше отъ спальни и установивъ нѣсколько другихъ распорядковъ, она уложила самое хозяйку въ постель и принялась развлекать ее разговорами изъ области разныхъ курьезовъ, коими изобиловала ея обширная практика, не забывая, время отъ времени, заглянуть, все ли въ порядкѣ въ комнатѣ младшихъ дѣтей, и между дѣломъ; попивая чаекъ, который сама наливала, хозяйничая вокругъ самовара, разогрѣтаго по случаю ея появленія. Сама Анна Егоровна, за компанію съ нею, съ удовольствіемъ выпила чашечку.

Одинъ уже видъ этой толстенькой, суетливой фигурки, съ юмористически вздернутымъ носикомъ, которая каталась, какъ шарикъ, внушалъ надежду и бодрость. Даже несовмѣстнымъ казалось въ обществѣ Варвары Семеновны думать о какихъ-нибудь печальныхъ вещахъ, и отсутствіе хозяина дома, благодаря ея объясненіямъ, получило значеніе, не только отнюдь не внушающее чего-либо зловѣщаго, но, пожалуй, если смотрѣть съ другой точки зрѣнія, даже комическое.

Однако, состояніе Анны Егоровны становилось часъ отъ часу серьезнѣе. Схватки повторялись все сильнѣе и чаще, и веселое лицо акушерки постепенно приняло озабоченный видъ. Теперь уже не могло быть сомнѣній въ близости великаго акта нарожденія въ міръ человѣка.

Въ промежуткахъ мучительныхъ болей Анна Егоровна подзывала кухарку Афимью и освѣдомлялась о мужѣ. Но это было только въ началѣ. Во всю остальную часть ночи она перестала о немъ любопытствовать, перемученная усиливавшимися все больше и больше страданіями.

Медленно и безконечно-томительно протекала эта тяжкая осенняя ночь, пока, наконецъ, еле-еле занялся мутный, дождливый разсвѣтъ.

Вася ушелъ на Васильевскій Островъ, въ гимназію. Немного спустя, отправилась въ свою школу и Катя. Соня, Володя и Петя пили тихонько чай въ уголку плотно затворенной дѣтской, подъ бдительнымъ наблюденіемъ Афимьи, отвлекаемой безпрестанно отъ этого дѣла врывавшейся въ комнату Варварой Семеновной, за которой она со всѣхъ ногъ устремлялась во слѣдъ. Къ тому же афимьино присутствіе здѣсь было и совершенно излишне, ибо дѣти вели себя очень чинно, проникнутыя необычайностью всей обстановки и строгимъ воспрещеніемъ шалить и громко между собой разговаривать, «потому что мамаша больна», какъ объяснила

имъ семилѣтняя Соня, принявшая на себя роль няньки надъ маленькими и съ чрезвычайнымъ достоинствомъ поддерживавшая авторитетное значеніе старшей.

Часу уже въ девятомъ утра, наконецъ, появился домой и самъ долгожданный хозяинъ.

— Здравствуйте, Иванъ Еремѣичъ. Гдѣ это вы пропадали?— спросила Варвара Семеновна, выглянувъ въ эту минуту въ прихожую, такъ какъ, очутившись зачѣмъ-то поблизости, услышала изъ-за притворенной двери голоса его и Афимьи. Въ заданный ею Равальяку вопросъ она сочла нужнымъ вложить, сколько могла, совсѣмъ ей несвойственной и непривычной суровости, ибо, въ тайнѣ души, глубоко возмущалась его поведеніемъ. И въ томъ выраженіи кухарки Афимьи, съ какимъ она совлекала съ барина его верхнее платье, тотъ долженъ былъ тоже прочесть самое строгое себѣ осужденіе.

Блуждая своими черными, огромными глазами, на выкатѣ, Иванъ Еремѣичъ вопрошалъ дикимъ, всполошеннымъ голосомъ:

— Что? Больна? Ну? Да ну? говори же!

Онъ имѣлъ такой жалкій, растерянный видъ, что Варвара Семеновна въ ту же минуту смягчилась. Сообщивъ о положеніи Анны Егоровны, она постаралась его успокоить, но Иванъ Еремѣичъ только отчаянно схватилъ себя за голову и опрометью бросился въ комнаты. Устремившись за нимъ по пятамъ, акушерка насилу его удержала ворваться въ спальню къ родильницѣ и достигла того, что онъ кое-какъ обуздалъ свои смятенныя чувства. Послѣ того, какъ онъ, наконецъ, успокоился, Варвара Семеновна сама отворила передъ Иваномъ Еремѣичемъ дверь, и онъ, весь какъ-то сжавшись и сгорбившись и втянувъ свою повинную голову въ плечи, на цыпочкахъ, медленно приблизился къ постели жены.

Тутъ онъ вдругъ опустился передъ ней на колѣни, потомъ схватилъ лежавшую поверхъ одѣяла блѣдную руку родильницы, припалъ къ ней лицомъ и облилъ слезами...

— Ну-ну, чтó ты, чтó ты... Господь съ тобой!—произнесла слабымъ шопотомъ Анна Егоровна, отнявъ свою руку у мужа и проводя ею по его, вскосмаченнымъ шапкой, густымъ, чернымъ, какъ смоль, волосамъ.

Но онъ опять поймалъ эту руку и, вновь припавъ къ ней губами, лепеталъ среди всхлипываній:

— Прости... меня... подлеца...

— Ну, полно же, полно... Ты живъ, здоровъ... слава Богу,— успокоивала его Анна Егоровна.

— Нѣтъ мнѣ прощенья!.. негодяю!.. мерзавцу!..—продолжалъ свое покаяніе Иванъ Еремѣичъ, проливая горючія слезы.

— Перестань... успокойся...

— Успокойтесь, пожалуйста, Иванъ Еремѣичъ, — попробовала утихомирить его, съ своей стороны, и Варвара Семеновна.—Вамъ лучше уйти.. Вы ее только тревожите..

— Хорошо... я уйду... — вскликнулъ въ послѣдній разъ грѣшникъ, потомъ поднялся съ колѣней и, попрежнему сгорбившись, втянувъ голову въ плечи, сморкаясь и отирая съ глазъ своихъ слезы, на ципочкахъ вышелъ изъ спальни...

Онъ прошелъ прямо въ дѣтскую, сѣлъ на одну изъ кроватокъ, вблизи своего, занятаго питьемъ чая, потомства, и удрученно понурился.

— Здластуй, папа! — сказалъ любимецъ отца, самый маленькій, Петя, слѣзая со стула, и, слегка ковыляя на своихъ кривенькихъ ножкахъ, подошелъ къ нему поздороваться.

— Здравствуй, голубчикъ, — совсѣмъ безучастно отозвался Иванъ Еремѣичъ, погладилъ голову сына и снова понурился.

— Ты гдѣ былъ? Въ гостяхъ? — спросилъ другой сынъ, года на два постарше, Володя, усердно жуя сладкую плюшку.

Иванъ Еремѣичъ вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Налить тебѣ чаю, папаша?—задала, со своей стороны, вопросъ Соня озабоченнымъ тономъ солидной дѣвицы, выглядывая изъ-за самовара, гдѣ маленькая фигурка ея совершенно скрывалась, и потянулась было ручонкой къ горячему чайнику, но въ ту же минуту стремительно была остановлена въ своемъ хозяйскомъ усердіи появившеюся съ чистымъ стаканомъ Афимьей.

— Куда ты, куда ты, сударыня?! Хочешь обжечься? Ишь, стрекоза!

Сохраняя прежнее свое выраженіе глубокаго порицанія барину, она налила ему стаканъ чаю, опустила туда два куска сахару и подвинула къ Ивану Еремѣичу, не удостоивая его ни словомъ, ни взглядомъ.

— Спасибо... — молвилъ угасшимъ голосомъ тотъ и тихо, удрученно вздохнулъ.

Афимья, уже намѣревавшаяся было уйти, скользнула по немъ быстрымъ, искоса, взглядомъ.

Иванъ Еремѣичъ сидѣлъ, все понурившись въ землю, неподвижно, какъ замороженный. Онъ имѣлъ совсѣмъ безпорядочный видъ. Пиджакъ его былъ смятъ и въ пуху, низки панталонъ, едва прикрывавшіе грязные его сапоги, были совершенно мокрехоньки. Великолѣпная черная борода, которою владѣлецъ ея не мало гордился, была тоже смята и всклочена, лицо какъ-то странно опухло и вмѣстѣ съ этимъ осунулось, и, кромѣ того, по нему пробѣгало время отъ времени, то выраженіе, какое бываетъ у человѣка, перемогающаго въ себѣ жестокую боль... Въ общемъ, весь видъ его возбуждалъ состраданіе.

— Можетъ, умыться желаете? — послѣ недолгаго, но пристальнаго, въ глубокомъ молчаніи, созерцанія не замѣчавшаго ея наблюденій хозяина, спросила Афимья, съ прежнимъ, однако, выраженіемъ суровости въ голосѣ.

Иванъ Еремѣичъ, не поднимая глазъ на кухарку, отрицательно мотнулъ головою.

— Аль, можетъ, самого нужно почистить?. На службу-то пойдете, аль нѣтъ?

— Нѣтъ... Какая тутъ служба... — совсѣмъ тихо, даже не шопотомъ, а какъ-то однимъ придыханіемъ, отозвался Иванъ Еремѣичъ, и лицо его подернулось снова тою же самой гримасой.

— Нездоровится, што-ль? — спросила Афимья значительно мягче и даже подвинулась ближе.

— Съ чего ты? Я совершенно здоровъ, — совсѣмъ уже громко отвѣчалъ Инанъ Еремѣичъ, въ первый разъ вскинувъ глаза на кухарку. (Огромные, черные, выпуклые, напоминавшіе собою шары, глаза эти были теперь воспаленные, съ красными жилками и, какъ показалось Афимьѣ, сдѣлались будто нѣсколько меньше). Затѣмъ онъ досадливо дернулъ плечомъ и опять уставился въ землю.

— Охъ-хо-хо.. —тихо привздохнула Афимья и двинулась было, чтобы уйти, но такъ какъ ледъ былъ теперь уже сломленъ, то ей стало не въ силу дольше сдерживать клапанъ, который она долго въ себѣ зажимала...

— А какъ барыня наша вчерась-то по васъ безпокоилась... И-и-и, Боже мой!

Тутъ Афимья махнула рукой и головой покрутила.

Еслибы она въ эту минуту наблюдала за бариномъ, то увидѣла бы, какое глубокое выраженіе страданія разлилось у него по лицу и застыло... Но онъ попрежнему сидѣлъ не шелохнувшись, только какъ-то особенно крякнулъ и проронилъ тихимъ голосомъ:

— Что-жъ было? Какъ? Разскажи...

Ясно и очень послѣдовательно Афимья сообщила, какъ Ивана Еремѣича ждали къ обѣду, какъ изъ-за этого обѣдъ запоздалъ, потому что Анна Егоровна все откладывала садиться за столъ, хотя Афимья и напоминала ей безпрестанно, что всѣ кушанья пережарились и переварились; но барыня возражала на это: «нѣтъ, подождемъ еще десять минутъ», а когда эти десять минутъ проходили, опять говорила: «нѣтъ, немножко еще подождемъ»... А сама все ходила по комнатамъ, заглядывала поминутно въ окно и шептала: «Что жъ это значитъ? Какъ это странно! Что жъ, наконецъ, это значитъ?»... За обѣдомъ же барыня почти ничего и не кушала, все безпокоилась и сейчасъ же послѣ обѣда Васеньку въ городъ послала—на службѣ узнать, не приключилось ли чего-

нибудь съ бариномъ, а сама все по комнатамъ ходитъ, все ходитъ и руки ломаетъ.. А потомъ стало ей нездоровиться, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, только она все терпѣла, но часу эдакъ въ десятомъ ужъ вечера ей стало не въ мочь, и она послала за Варварой Семеновной... «И тутъ-то вотъ у насъ началось», заключила разсказъ свой Афимья.

Разсказала она это все до чрезвычайности быстро и, вѣроятно, успѣла бы прибавить еще что-нибудь, но акушерка ей крикнула въ дверь: «Афимья, иди поскорѣе, что ты тутъ растабарываешь!» И кухарка опрометью устремилась изъ дѣтской.

Иванъ Еремѣичъ все время внимательно слушалъ разсказъ, съ лицомъ человѣка, рѣшившагося безропотно перенести до конца жестокую пытку, и когда Афимья ушла, онъ медленно распрямился на стулѣ и простоналъ самъ съ собою:

«Охъ, Боже мой, Боже мо-ой!»

Потомъ онъ всталъ на ноги, какъ бы дѣлая надъ собою усиліе, и съ жалкимъ видомъ, какой бываетъ у прибитой собаки, побрелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Тутъ бѣлѣлись простыня и подушки, съ вечера для него приготовленной на диванѣ постели... Это Ивану Еремѣичу тотчасъ напомнило его похожденія сегодняшней ночи... Онъ нервически-болѣзненно вздрогнулъ, тряхнувшись всѣмъ тѣломъ, и тупо оглядѣлся по комнатѣ.

Вотъ онѣ, эти мирныя, милыя стѣны, въ коихъ былъ онъ такъ счастливъ! Вотъ оно, все это, знакомое, давнымъ-давно съ нимъ сроднившееся и въ каждую минуту могущее ему разсказать что-нибудь пережитое изъ исторіи его любознательнаго и всегда неспокойнаго духа! Вонъ стеклянный ящикъ, на высокой подставкѣ, съ пересохшей землею и обломками маленькаго подобія грота изъ туфа, гдѣ нѣкогда проживали печально двѣ жабы, а въ водѣ сидѣли тритоны... Вонъ тамъ, на окошкѣ, цѣлый арсеналъ изъ области химіи, въ видѣ разныхъ колбъ, ретортъ и разныхъ другихъ пыльныхъ склянокъ, рядомъ съ искусною моделью Кельнскаго собора изъ картонной бумаги... Вонъ футляръ отъ віолончели въ углу, вонъ токарный станокъ, вонъ мольбертъ, съ прислоненнымъ къ нему, изнанкой наружу, начатымъ когда-то портретомъ жены, возбуждавшимъ въ каждомъ, кто видѣлъ здѣсь въ первый разъ этотъ образчикъ искусства хозяина, наивный вопросъ—кого должна изображать эта особа съ свѣтлолиловымъ лицомъ и косыми глазами?..

Иванъ Еремѣичъ отвернулся отъ этихъ знакомыхъ предметовъ, сдѣлавшихся теперь для него совершенно постылыми, чуждыми, словно они глядѣли на него изъ какого-то дальняго прошлаго, отъ котораго онъ отошелъ. И все, все отошло отъ него, вся его прежняя жизнь, вплоть до сегодняшней ночи, положившей неистребимую

грань, которая отнынѣ должна отдѣлить на два особенныхъ міра то, что было въ прошедшемъ, и то, что должно наступить послѣ сегодняшней ночи...

«Судьба, роковая судьба... Отъ нея не уйдешь!» — шепталъ Иванъ Еремѣичъ, прижавшись въ уголъ дивана и обхвативъ руками свою побѣдную голову.

Голова эта адски-мучительно ныла, и въ ней кипѣла неизобразимая каша... Вь такомъ состояніи онъ ѣхалъ всю дорогу домой, но тогда, среди этой туманной сумятицы, горѣла одна яркая мысль, которой онъ не давалъ ни на минуту потухнуть, съ которою соскочилъ онъ передъ калиткой съ извозчика и ворвался въ квартиру... Это было намѣреніе тотчасъ же, какъ только останется онъ глазъ на глазъ съ женою, прямо, съ мѣста въ карьеръ, все, все разсказать ей, во всемъ повиниться,—а потомъ пусть будетъ, что будетъ! Пусть она дастъ ему даже пощечину, пусть обольетъ ледянымъ, безпощаднымъ презрѣніемъ—онъ готовъ ко всему, приметъ безропотно все, какъ достойное себѣ воздаяніе! Чѣмъ ни захочетъ его жена покарать—это будетъ все-таки легче того, что теперь онъ испытываетъ и отъ чего нужно какъ можно скорѣе освободить свою душу!

И вдругъ Афимья сообщаетъ извѣстіе, грянувшее надъ нимъ, какъ громовой ударъ. Онъ его совершенно не ждалъ и къ нему не готовился... Оно окончательно его придавило.

И опять же никто, какъ именно онъ, негодяй, причиной всему! Богъ вѣсть, чѣмъ еще это окончится... Что, если на этотъ разъ Анюта не вынесетъ?!.. И если ей суждено умереть, то окажется, что онъ былъ убійцей...

«Тогда я размозжу себѣ черепъ!» — произнесъ вслухъ Иванъ Еремѣичъ и съ этимъ рѣшеніемъ стремительно поднялся съ дивана... Но тутъ его такъ хватило въ виски, что у него даже въ глазахъ потемнѣло.

«Ой, какая чертовская боль!»—простоналъ онъ страдальчески и ухватилъ себя за голову.

Онъ растерянно, въ полномъ безсмысліи, не зная какъ быть и что собой дѣлать, протащился по комнатѣ... Его взглядъ тупо остановился на зеркалѣ. Онъ подошелъ и взглянулъ на свое отраженіе. Ему передъ этимъ подумалось, что онъ не узнàетъ себя, что на него изъ зеркала выглянетъ совсѣмъ другой человѣкъ...

Зеркало показало ему косматую голову съ багровымъ лицомъ и вытаращенными дико зрачками на налившихся кровью бѣлкахъ.

«Совсѣмъ разбойничья рожа! Тьфу, гнусность какая!»—пробормоталъ Иванъ Еремѣичъ и даже попятился.

Тутъ ему вспомнилось давишнее предложеніе Афимьи умыться. Да, это первое, что пока нужно сдѣлать!

Онъ прошелъ въ кухню (умывальникъ былъ въ спальнѣ, гдѣ лежала жена), и, поливая самъ себѣ на руки изъ желѣзнаго ковшика, которымъ черпалъ холодную воду изъ тутъ же помѣщавшейся кадки, онъ благополучно умылся и окатилъ даже голову, отъ чего ей сдѣлалось значительно легче, а мысли стали бодрѣе, яснѣе.

Затѣмъ онъ переодѣлся въ свой домашній костюмъ и получилъ еще новое себѣ облегченіе, а мысли его потекли болѣе нормальнымъ путемъ.

«Однако о чемъ же я думаю?!» пронеслось въ его головѣ и какъ-бы всколыхнуло все существо приливомъ новой, ближайшей заботы. «Что тамъ теперь происходитъ?»

Онъ осторожно вышелъ изъ кабинета и, отворяя и опять притворяя тщательно двери, тихо приблизился къ спальнѣ и началъ прислушиваться... Тамъ слышались глухо звуки какой-то возни, потомъ дверь, передъ которой близко стоялъ онъ, быстро притворилась и опять, такъ же быстро, захлопнулась, выпустивъ изъ спальни Афимью. Она чуть не наткнулась на барина, успѣвшаго попятиться въ сторону. Онъ собирался задать кухаркѣ вопросъ, но та промелькнула и скрылась. Впрочемъ Иванъ Еремѣичъ и самъ не зналъ хорошенько, что именно хотѣлъ онъ спросить. Вообще онъ сознавалъ себя до чрезвычайности глупо, и при взглядѣ, который Афимья бросила на него, проходя, опять испыталъ давишнее чувство смущенія наблудившей и прибитой собаки. Впрочемъ онъ успѣлъ все же подмѣтить, что на лицѣ этой женщины была лишь одна озабоченность, при отсутствіи чего либо зловѣщаго. Это значительно его успокоило. Протекло еще двѣ-три минуты, пока онъ стоялъ и топтался на мѣстѣ, какъ за дверью послышался протяжный и жалобный стонъ...

Этого Иванъ Еремѣичъ не могъ ужъ снести и, зажимая уши, бросился назадъ, въ кабинетъ. Нѣсколько времени онъ просидѣлъ на диванѣ, съ зажатыми плотно ушами, потомъ полегоньку открылъ ихъ, одно за другимъ, осторожно прислушиваясь... Вокругъ было тихо.

«Бѣдная, бѣдная мученица»...—прошепталъ Иванъ Еремѣичъ, и ему захотѣлось поплакать,—«за что ты страдаешь?»—прошепталъ онъ еще, какъ бы стараясь пуще растрогать себя, и залился въ три ручья. Онъ источалъ слезы долго, обильно, можно даже сказать, съ большимъ аппетитомъ, и послѣ того, какъ наплакался вдосталь, на сердцѣ у него стало спокойнѣе, а по всему существу разлилась какая-то безразличная тупость. Продолжая сидѣть на диванѣ, онъ привалился къ подушкамъ и принялся вспоминат обстоятельства, сопровождавшія прежніе роды жены. Онъ помнилъ ясно рожденіе двухъ послѣднихъ дѣтей. Во время тѣхъ и другихъ онъ отсутствовалъ изъ дому. Когда Анна Егоровна рожала Во-

лодю, Иванъ Еремѣичъ сидѣлъ на службѣ въ конторѣ, при рожденіи Пети онъ нарочно ушелъ и бродилъ долго по улицамъ. Это было уже позднимъ вечеромъ, и онъ вернулся домой значительно послѣ полуночи. Еще только на дняхъ, гадая объ этомъ, долженствующемъ вновь совершиться событіи, онъ рѣшилъ опять удалиться и пробыть гдѣ-нибудь... И вотъ какъ все это вышло! Знать, сама судьба того захотѣла. Уйти? Нѣтъ, онъ теперь не уйдетъ, онъ не долженъ, не имѣетъ права уйти. .

«Я обязанъ претерпѣть до конца, казниться и тѣмъ искупить»... размышлялъ Иванъ Еремѣичъ, закрывая глаза и зарываясь носомъ въ подушки.

Но такое положеніе тѣла было совсѣмъ неудобно. Онъ приподнялъ медленно ноги, уложилъ ихъ рядкомъ на диванѣ и, перевернувшись на спину, принялся думать объ ожидаемомъ давно «Леонидѣ»... «Аменаида» или «Леонидъ»?.. Нѣтъ, пусть женѣ хочется дочери,—онъ настаиваетъ, чтобы *это* былъ «Леонидъ».

На этомъ его мысли стали мало-по-малу туманиться, путаться—и Иванъ Еремѣичъ крѣпко уснулъ.

Въ кабинетѣ теперь раздавался мѣрно, раздѣльно, сладостный храпъ.

. . . .

Иванъ Еремѣичъ проснулся отъ быстрыхъ и короткихъ толчковъ, которые испытывала его голова, вслѣдствіе кѣмъ-то производимаго дерганья лежавшихъ подъ нею подушекъ. Съ трудомъ раскрылъ онъ глаза и тотчасъ же зажмурился отъ ударившихъ въ нихъ прямо лучей свѣчного огарка.

Въ первую минуту онъ даже не понялъ, гдѣ онъ, и что съ нимъ... Словно все ранѣе происшедшее до момента забвенія провалилось въ какую-то черную яму, и онъ очутился въ густой, обступавшей его со всѣхъ сторонъ темнотѣ, гдѣ только мерцалъ передъ самымъ носомъ его огарокъ въ подсвѣчникѣ, который держала Афимья, продолжая безостановочно дергать подушки.

— Да вставайте, вставайте же!—повторяла при этомъ Афимья.

— А? Ну? Что такое?—вскочилъ Иванъ Еремѣичъ.

— Ну, слава Богу, на силу-то! Экъ разоспались! Барыня зоветъ васъ... Ступайте!

— Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ,—растерянно бормоталъ Иванъ Еремѣичъ, шатаясь, какъ пьяный, и протирая глаза.

— Съ новорожденнымъ честь имѣю проздравить,—присовокупила Афимья.

Онъ сразу все понялъ, и послѣдніе остатки въ немъ сна въ одинъ мигъ разлетѣлись.

Спальня освѣщена была ярко горѣвшею лампой. На постели лежала Анна Егоровна, слабая, блѣдная и улыбавшаяся издали

мужу тихой и свѣтлой улыбкой... Тутъ же, вблизи, виднѣлась спина наклонившейся надъ чѣмъ-то акушерки Варвары Семеновны. Она обернулась, попятилась въ сторону, и Иванъ Еремѣичъ увидѣлъ два вмѣстѣ приставленныхъ плотно сидѣньями кресла, а въ нихъ лежащія рядомъ подушки, гдѣ шевелилось нѣчто живое, багровое, очень похожее на большую лягушку, которая громко орала...

— *Леонидъ...*—прошепталъ, улыбаясь, счастливый отецъ.

VI.

Все вступило въ свой обычный порядокъ изо дня въ день повторяющихся однихъ и тѣхъ же домашнихъ явленій, и хотя хозяйка лежала въ постели, она сохраняла во всей прежней силѣ своего притяженія значеніе главной планеты, вокругъ которой вращались всѣ прежніе спутники. Такъ же подбѣгали къ ней по утрамъ поздороваться дѣти, подходилъ, передъ путешествіемъ «въ городъ» на службу, поцѣловать руку жены Иванъ Еремѣичъ, шмыгала то и дѣло къ постели, за разрѣшеніемъ барыней какого-либо вопроса по части стряпни, кухарка Афимья. Однако, теперь все это сплеталось съ новымъ цикломъ явленій, необходимо наступающихъ въ домѣ, гдѣ есть новорожденный ребенокъ, который деспотически властвовалъ надъ умами всѣхъ домочадцевъ и, кромѣ того, послужилъ причиною водворенія здѣсь новой личности, въ образѣ юркой пятнадцатилѣтней дѣвицы, съ парой неестественно выпуклыхъ, какъ бы готовыхъ выскочить и раскатиться въ разныя стороны глазъ и фыркавшимъ вздернутымъ носомъ, поминутно привлекавшимъ къ себѣ, съ движеніемъ молніи, указательный перстъ этой дѣвицы, носившей имя Марфуши и ангажированной въ качествѣ няньки. Анна Егоровна кормила сама.

Въ первые дни послѣ родовъ Иванъ Еремѣичъ былъ особенно нѣженъ съ женою, и въ его рѣчахъ и движеніяхъ присутствовало нѣчто подавленное, словно онъ находился подъ постояннымъ тяготѣніемъ мысли о своей передъ ней виноватости, часто хмурился, а затѣмъ тяжко и глубоко задумывался. Какъ-то, въ одномъ разговорѣ съ Анной Егоровной, было упомянуто, къ слову, объ его, такъ ее растревожившемъ, отсутствіи ночью, и Иванъ Еремѣичъ вдругъ объяснилъ, что засидѣлся въ ту ночь въ ресторанѣ, со своимъ сослуживцемъ Чепыгинымъ, котораго, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, слѣдовало ему угостить. При этомъ было здорово выпито, и что случилось затѣмъ, когда онъ съ Чепыгинымъ вышелъ на улицу, Иванъ Еремѣичъ ничего ровно не помнилъ...

— А ночевалъ у Чепыгина?—спросила Анна Егоровна.

— У Чепыгина,—отвѣчалъ Иванъ Еремѣичъ.

Онъ это отвѣтилъ тихо, потупившись, причемъ лицо его приняло какой-то болѣзненный видъ.

Да и вообще онъ теперь выглядѣлъ какъ-то болѣзненно, былъ вялъ, апатиченъ, объясняя свое состояніе погодой, которая, дѣйствительно, была отвратительная. Дождь лилъ почти непрерывно, и вѣтеръ свирѣпствовалъ съ отчаянной силою. Со службы Иванъ Еремѣичъ приходилъ совершенно измученный и промокшій до нитки. Послѣобѣденный сонъ его былъ глубокъ и тяжелъ, а выспавшись, Иванъ Еремѣичъ чувствовалъ себя словно разваренным. Онъ безцѣльно слонялся по комнатамъ, какъ-бы не находя себѣ мѣста, удрученно вздыхалъ или насвистывалъ, что всегда служило въ немъ признакомъ дурного настроенія духа.

Подъ конецъ третьяго дня послѣ той ночи, напившись вечерняго чаю, Иванъ Еремѣичъ вдругъ объявилъ Аннѣ Егоровнѣ:

— Пойду къ Самострѣлову.

Затѣмъ крикнулъ Афимьѣ запереть за нимъ дверь и ушелъ.

Такъ какъ до обиталища Емельяна Иваныча Самострѣлова было всего какихъ-нибудь полтора десятка шаговъ, то Иванъ Еремѣичъ вышелъ въ чемъ былъ, не надѣлъ даже шляпы, и вступивъ въ надворную темень, проплясалъ вдоль стѣны коротенькій танецъ подъ лившимъ ливмя съ черного неба дождемъ, а затѣмъ ринулся въ дверь, которая вела въ мезонинъ.

Поднявшись по узенькой лѣстницѣ вверхъ и очутившись въ темныхъ сѣнцахъ, Иванъ Еремѣичъ нашарилъ привычной рукою знакомую дверь, которая оказалась незапертою, а потому онъ отворилъ ее и вошелъ.

Въ узкой и длинной, съ покатымъ, какъ дѣлаютъ крышки гробовъ, потолкомъ, у полукруглаго окна, глядѣвшаго въ темень двора, шипѣлъ на столѣ самоваръ, въ сосѣдствѣ прикрытой зеленымъ абажуромъ керосиновой лампы, бросавшей сосредоточенный свѣтъ на тутъ же стоявшее кресло, съ помѣщавшейся въ немъ массивною фигурой хозяина.

При звукѣ отворившейся двери, Самострѣловъ медленно пошевелился, взглянулъ, и, узнавъ въ вошедшемъ пріятеля, протянулъ привѣтливымъ басомъ:

— А-а!

Иванъ Еремѣичъ безмолвно поздоровался съ нимъ и опустился на прислоненную къ стѣнкѣ кровать. Отъ него вѣяло принесенною съ воздуха сыростью.

— Дождь?

Гость махнулъ только рукою.

— Стаканчикъ налить?—спросилъ опять Самострѣловъ.

— Только что пилъ,—отвѣчалъ Иванъ Еремѣичъ.

*

Хозяинъ прихлебнулъ изъ своего, налитаго чаемъ стакана и задалъ новый вопросъ:

— Анна Егоровна какъ?

— Ничего, слава Богу.

Самострѣловъ набилъ коротенькую черную трубку табакомъ изъ стоявшей тутъ же жестянки изъ-подъ монпансье, всунулъ въ ротъ и снова спросилъ:

— А новорожденный что?

— Пищитъ... ничего... — отвѣтилъ Иванъ Еремѣичъ и тихо просвисталъ съ задумчивымъ видомъ какую-то арію...

Самострѣловъ раскурилъ методически трубку и сдѣлалъ затяжку. Иванъ Еремѣичъ глубоко и протяжно вздохнулъ.

— Эхъ-хе-хе-хе... — задумчиво произнесъ Самострѣловъ.

— Охъ-хо-хо...—тѣмъ-же тономъ отвѣчалъ Равальякъ.

— Ты что?

Ничего...

— Скучный какъ будто?.. — пояснилъ свою мысль Самострѣловъ.

— Такъ... нездоровится что-то...—промямлилъ, поморщившись, Иванъ Еремѣичъ.

— Мм... Простудился?

— Да... вѣроятно... — отозвался, словно бы находясь въ какомъ-то внутреннемъ съ самимъ собою бореніи, Иванъ Еремѣичъ и воскликнулъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно: — мнѣ нужно о многомъ тебѣ разсказать!

Самострѣловъ грузно и медленно воздвигся изъ кресла, тяжело ступая ногами, обутыми въ туфли, прошелся взадъ и впередъ и спросилъ:

— Ну? Что такое случилось?

Иванъ Еремѣичъ слѣдилъ нѣсколько времени, какъ двигалась его большая фигура отъ двери до стола съ самоваромъ, чуть не касаясь потолка головою, и тоже задалъ вопросъ:

— Водки нѣтъ у тебя?

— Водки?.. Нѣтъ, водки нѣтъ у меня,—отвѣчалъ Самострѣловъ, не прерывая хожденія.

Иванъ Еремѣичъ помолчалъ съ полминуты и сказалъ, съ раздраженіемъ:

— Сядь, Бога ради! Не могу я разсказывать, когда ты вотъ такъ, передъ самымъ носомъ, мелькаешь!

— Ну, что-жъ, хорошо. Можно сѣсть.

Самострѣловъ усѣлся на прежнее мѣсто и, приготовившись внимательно слушать, уставился въ гостя неподвижнымъ и пристальнымъ взглядомъ. Со своимъ бородатымъ лицомъ, длинными, до плечъ, волосами и въ черной лѣтней крылаткѣ, замѣнявшей

Самострѣлову халатъ и напоминавшей нѣсколько рясу, онъ особенно теперь походилъ на соборнаго дьякона.

Иванъ Еремѣичъ сдѣлалъ опять короткую паузу, очевидно поборая волненіе, и сказалъ, въ видѣ вступленія:

— Ты знаешь, конечно, что въ ту ночь, когда начались анютины роды, меня не было дома?.. Небось, всѣ языки здѣсь объ этомъ трезвонили!

— Ну, знаю... Ну?

— Еще бы не знать... Чего ты на меня глаза-то таращишь? Что ты подумалъ сейчасъ обо мнѣ? Нѣтъ, ты скажи, что подумалъ?—прицѣпился вдругъ Иванъ Еремѣичъ.

— Ничего не подумалъ... И глаза совсѣмъ не таращилъ. Чего глаза мнѣ таращить?—оправдывался передъ нимъ Самострѣловъ.

— Я терпѣть не могу, когда ты вотъ эдакъ уставишься!—въ волненіи вскричалъ Иванъ Еремѣичъ.—Ей-Богу, я не могу такъ разсказывать! Не гляди на меня! Отвернись!

— Ну, ну, ну, хорошо. Отвернусь,—согласился Самострѣловъ съ величайшею покорностью.—Погоди, я вотъ трубочку только...—Тутъ онъ выколотилъ изъ трубки золу на подносъ, замѣнилъ ее табакомъ и принялся раскуривать.

— Знаешь, гдѣ я тогда ночевалъ?.. Долженъ разсказать тебѣ все по порядку. Вышелъ я тогда изъ конторы вмѣстѣ съ Чепыгинымъ... Помнишь Чепыгина?

— Разъ какъ-то видѣлъ... Тощій такой. Не понравился мнѣ,—отвѣчалъ Самострѣловъ, обративъ глаза въ уголъ и тѣмъ исполняя приказъ—не глядѣть на разсказчика.

— Ну, да. Я и самъ его терпѣть не могу... Только штука тутъ въ томъ, что давно имѣлъ я намѣреніе обѣдомъ его угостить... (По одному тамъ обстоятельству нѣкоему нужно было такъ сдѣлать... Ну, да это, все равно, тебя не касается...). А тутъ какъ разъ жалованье мы получили... Значитъ, и кстати... Вотъ и отправились въ «Вѣну». Пообѣдали, потомъ вина я спросилъ... бутылку, другую, еще... и, въ концѣ концовъ, порядочно-таки нахватались! Онъ ничего, даромъ что тощій, какъ губка сосетъ, а я въ лоскъ насвистался... Просидѣли мы за полночь, и онъ говоритъ мнѣ: «домой»... Ну, хорошо, домой, такъ домой! Я расплатился. Пошли. У подъѣзда онъ извозчика нанялъ, сѣлъ и поѣхалъ, а я остался одинъ... Домой бы тоже, кажется, а? Самое простое вѣдь, а? Нанять бы сейчасъ же извозчика, да и ѣхать тоже себѣ, по добру, по здорову... Такъ нѣтъ же, словно бѣсъ какой въ ухо мнѣ шепчетъ: пройдись да пройдись! Положимъ, и самъ чувствую тоже, что пройтись не мѣшаетъ: сильно ужъ пьянъ, на извозчикѣ-то хуже, молъ, еще развезетъ... Ну, и отправился въ путь!

Послѣднюю фразу разсказчикъ произнесъ, понуривъ голову, и продолжалъ все дальнѣйшее, уже избѣгая взоромъ хозяина. Предыдущее было дословнымъ почти повтореніемъ того, что Иванъ Еремѣичъ сообщилъ уже женѣ, но то, что теперь готовился онъ разсказать, составляло главную суть его тайныхъ терзаній.

— Иду... Ночь превосходная. А было у меня такое намѣреніе, чтобы съ Невскаго свернуть отъ Аничкина моста, дойти до Лѣтняго сада, а оттуда черезъ Неву переѣхать. Такъ я и сдѣлалъ. Иду по Фонтанкѣ, какъ вдругъ—что такое? На набережной, у барокъ съ дровами, толпа... Мужики, дворниковъ нѣсколько, городовой... Словомъ, какой-то скандалъ. Подхожу и смотрю. Оказывается, какая-то женщина бросилась въ воду, только ее тотчасъ же вытащили, и городовой собирается ее отправить въ участокъ. И она тутъ же, на тумбочкѣ, сидитъ, вся мокрёхонькая, вода съ нея такъ и льется... ручьями. Одѣта въ бурнусѣ, въ перчаткахъ, словомъ, не изъ простыхъ. Мужики глядятъ, городовой хочетъ ее на дрожки сажать, а она ни за что! Умоляетъ въ отчаяніи, чтобы ее отпустили, упирается, рвется... Просто жалость смотрѣть. Тутъ ужъ я не стерпѣлъ... Ты знаешь, какъ я ненавижу нашу полицію, когда она начальство разыгрываетъ, да и дѣло такое, что нельзя пройти равнодушно. Подхожу, говорю: «такъ и такъ, молъ, я знаю эту особу и требую, чтобы ее отпустили, а вотъ, коли нужно, и моя визитная карточка». А самъ сейчасъ ее за руку, скорѣе на извозчика—маршъ! Ѣдемъ. Разспрашиваю. Молчитъ, только трясется... Понятно, послѣ эдакой ванны-то! Предлагаю домой отвезти—ни-ни-ни! ни за что! даже съ извозчика было долой!.. Что тутъ подѣлаешь?.. И вдругъ у меня блеснула идея... Кричу извозчику: «Въ «Москву» поѣзжай!» Подкатываемъ къ подъѣзду съ Владимірской, звонюсь, на ноги всѣхъ поднимаю, требую номеръ, ввожу мою незнакомку... Словомъ, дѣйствую самымъ энергическимъ образомъ, потому, иначе нельзя: можешь, понять, въ какомъ она положеніи! Требую краснаго вина, коньяку, горничную велю разбудить... Хмель давно ужъ успѣлъ съ меня соскочить и разсуждаю самымъ правильнымъ образомъ, что требуется мнѣ мою даму скорѣй обсушить, обогрѣть и оставить здѣсь ночевать до утра, ну, а тамъ видно будетъ, что потомъ дѣлать... Вѣдь такъ? Разсужденіе правильное?.. Ну, вотъ, хорошо, переодѣлась она въ сухое платье, бѣлье—горничная это все оборудовала, заставилъ ее выпить горячаго чаю съ краснымъ виномъ... Потомъ говорю: «Ну, а теперь, говорю, желаю вамъ успокоиться и покрѣпче уснуть, самъ же я отправляюсь домой, а завтра утромъ здѣсь васъ навѣщу, и вмѣстѣ придумаемъ, какъ и что дѣлать...» (Было у меня даже намѣреніе съ Анютой обо всемъ посовѣтоваться). Прощаюсь эдакъ я съ ней и уходить собираюсь—только она, какъ бы ты

думалъ?.. не отпускаетъ меня, да и кончено! «Не могу, не могу одна оставаться!» Чуть не въ истерикѣ... Ну, словомъ, совсѣмъ сумасшедшая! Вотъ положеніе!.. Какъ ни убѣждаю, что этого нельзя, что дома меня ждутъ, безпокоются... Ничто не беретъ!.. Ахъ, наказаніе! Съ одной стороны, понимаю, необходимо домой, а съ другой—какъ оставить, дѣйствительно, полоумную эту одну? Чортъ ее знаетъ, еще что-нибудь надъ собой натворитъ!.. Ну, думаю, была ни была, сердце не камень... Остался. Только опять затрудненіе: что дальше съ ней дѣлать?... Теряюсь, ну, вотъ, совершенно теряюсь! А тутъ еще чувствую, самому какъ-то скверно: не то лихорадка, не то... Ну, словомъ, скверно совсѣмъ. Надо выпить... Вотъ и выпилъ я коньяку... рюмку... другую... А тамъ и не помню, что дальше ужъ было... Помню только, что сидѣли мы вмѣстѣ, на диванѣ, обнявшись... Я ей что-то мололъ... Хоть убей, чортъ меня знаетъ — что ей я мололъ... А потомъ еще помню, бросилась она мнѣ въ объятія, я ее тоже эдакъ прижалъ... Ну, и все, что тамъ слѣдуетъ... Дальше совсѣмъ уже крышка... Безпамятство!.. Только утромъ проснулся — смотрю: оба съ ней на диванѣ... Батюшки-свѣты!! Вотъ такъ исторія! Такъ я тутъ схватилъ себя за виски.. Господи! А дома-то что?! Что Анюта про меня теперь думаетъ?!.. Гляжу на диванъ. Дама моя спитъ какъ убитая, лицомъ къ стѣнѣ повернулась... Ну, слава Богу, значитъ, ничего не услышитъ — поскорѣе одѣлся и маршъ, безъ оглядки домой! Можешь представить, что я дорогой испытывалъ... Вдругъ, пріѣзжаю—новый сюрпризъ! Анюта родить собралась... Что? Каково? Какъ тебѣ нравится вся эта исторія?..

Задавъ этотъ вопросъ угасающимъ, измученнымъ голосомъ Иванъ Еремѣичъ умолкъ... Пролетѣло нѣсколько секундъ тишины... Самострѣловъ то же молчалъ, не глядѣлъ на пріятеля и только сипѣлъ усиленно трубкой...

— Каково? Хорошо?—повторилъ съ горькою ироніей Иванъ Еремѣичъ.

Самострѣловъ только вздохнулъ, но ничего не отвѣтилъ.

— Нѣтъ, ты погоди, вѣдь еще это не все, — помолчавъ, продолжалъ дальше разсказчикъ.—Ты хорошо можешь понять, какъ провелъ я весь этотъ день, когда Анюта родами мучилась... Слава Богу, къ вечеру кончилось.. Только теперь новая мука: что-то тамъ, въ «Москвѣ» происходитъ?.. На другой день отправляюсь на службу и первымъ дѣломъ туда. Разыскалъ того корридорнаго и ту самую горничную, которые за моей незнакомкой ухаживали, и они мнѣ разсказали, что она послѣ того, какъ я такъ сбѣжалъ, еще поспала, а потомъ проснулась и домой захотѣла. При этомъ она имъ совсѣмъ больной показалась: словно сама не своя, на ногахъ еле держится... Какъ же, спрашиваю, вы ее отпустили? Съ трактирнымъ мальчишкой, оказывается, ее отпустили, тотъ ей

и извозчика нанялъ, и, по ея указанію, домой ее предоставилъ... Кто такой, что за мальчишка? Привели ко мнѣ и мальчишку одного изъ лакеишекъ... «Дѣйствительно такъ, я барышню домой отвозилъ, до самыхъ ейныхъ воротъ проводилъ»,—говоритъ мнѣ этотъ мальчишка,—«только она сама съ дрожекъ сошла и съ извощикомъ сама расплатилась».—Ну, а потомъ? — «А потомъ ничего ужь не знаю-съ». Я его сейчасъ за бока: вези и показывай! Поѣхали. Повезъ онъ меня по Садовой, за Екатерингофскій проспектъ, и указалъ одинъ домъ и ворота. «Вотъ здѣсь, говоритъ, она съ извощика слѣзла и въ эти ворота вошла». Ну, ладно. Далъ полтинникъ мальчишкѣ и къ чорту прогналъ, а самъ справки сталъ наводить. Къ дворникамъ—никто ничего не видалъ и объяснить мнѣ не можетъ. Просто, хоть назадъ поворачивай. Только тутъ, на дворѣ, на мое счастье, одинъ изъ жильцовъ, мастеровой какой-то, случился и разсказалъ, что у хозяйки табачной, въ этомъ же домѣ, старшая дочка въ прошлую ночь пропадала, невѣдомо гдѣ, а на другой день вернулась и вотъ теперь въ горячкѣ лежитъ... Кухарка изъ этой самой табачной по двору о томъ разнесла... Какая такая эта старшая дочка, какъ изъ себя она выглядитъ?... Описалъ мнѣ наружность. А я, вѣришь-ли почти даже не помню ее, словно, все это я видѣлъ во снѣ... Только кому же другому и быть, какъ не ей?

Иванъ Еремѣичъ умолкъ. Самострѣловъ тоже молчалъ.

— Ну и, вотъ, какъ теперь быть? заговорилъ снова Иванъ Еремѣичъ.—Понимаешь ты мое положеніе? Могу-ли я это дѣло оставить? А?.. Да отвѣчай же мнѣ, наконецъ!

— Мм...—промычалъ Самострѣловъ.—Да, оно точно... дѣйствительно... Охъ-хо-хо, Боже мой!...

— Ну, и что, что ты мнѣ теперь посовѣтуешь? Какими глазами могу я смотрѣть?.. Пойми ты, пойми, что мнѣ приходится чувствовать! А?! Каково мнѣ теперь?!—восклицалъ Иванъ Еремѣичъ, бія кулакомъ себя въ грудь.—Понимаешь ты меня? Отвѣчай! Понимаешь?

— Понимаю,—глухо, со вздохомъ, отвѣчалъ Самострѣловъ.

— Что бы ты на моемъ мѣстѣ сталъ дѣлать? А?.. Отвѣчай!

— Погоди... Это не такъ... Это сразу нельзя...—понуро и медленно сказалъ Самострѣловъ.—Все это надо обдумать...

— Ну, и будемъ обдумывать!

— Будемъ обдумывать,—отозвался, какъ эхо, хозяинъ и погрузился въ глубокую думу. Иванъ Еремѣичъ тоже погрузился въ глубокую думу. Воцарилось молчаніе.

Мих. Альбовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

—

ЛОРДЪ АРЧИБАЛЬДЪ РОЗБЕРИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТІИ ВЪ АНГЛІИ.

I.

За послѣдніе годы англійская пресса многократно возвращалась къ современному положенію либеральной партіи; не говоря уже о боевыхъ статьяхъ-эфемеридахъ большихъ политическихъ газетъ, ежемѣсячные журналы посвятили этому вопросу достаточно мѣста и вниманія. Всѣ, кому приходилось внимательно слѣдить за англійской періодической печатью, несомнѣнно уловили общій характеръ политическихъ статей въ ежемѣсячникахъ и трехмѣсячникахъ: въ отличіе отъ общаго типа газетныхъ сообщеній эти этюды стремятся крупными, обобщающими чертами характеризовать цѣлый кругъ явленій, которыя въ отраженномъ газетами быстромъ круговоротѣ политической жизни далеко не всегда выдаютъ типичныя свои стороны. Принципіальныя объясненія съ противниками, «открытыя письма» правительственнымъ дѣятелямъ, подписанныя, а нерѣдко и анонимныя характеристики политическаго момента, критика и антикритика партійной дѣятельности за извѣстный премежутокъ времени членомъ или противникомъ той или иной партіи,—все это находитъ себѣ мѣсто въ «reviews», которыя, пожалуй, только этимъ элементомъ и интересны. Въ послѣдніе годы эти журнальныя статьи все чаще и чаще ставятъ въ связь окончательный упадокъ либеральной партіи съ измѣненіями въ образѣ мыслей лорда Розбери, бывшаго либеральнаго лидера. Ознакомившись съ журнальной литературою, сюда относящейся *), а также

---

*) Передаемъ названіе статей, отчасти нами здѣсь использованныхъ и показавшихся намъ наиболѣе характерными: «The general election» («The downfall of liberalism» и «The vindication of democracy») первая статья—Dicey, вторая анонимная («Fortnightly Rev.» Nov. 1900), «The political crisis» («The cry of men--анонимн., Liberalism in extremis»—Dicey)—«Fort. R. Ang.» 1901. «Future of the liberal party» («Fortn. Review», 1900, № 12) «Liberal party in 1900». «Wanted a leader» («XIX century». 1900—7), by Rogers. «Liberalism and intransigeance» («XIX cent.», 1900, № 6), Ward'a «How to reunite the liberal party» (D. S. A. Cosby), «Westm. Review», 1899—1893. «What should be the policy of liberal party?» («Westm. Review», 1899—7). «Collapse of

съ книгами, посвященными лорду Розбери, имперіализму послѣднихъ лѣтъ и либеральному кризису **), мы можемъ, на основаніи этихъ постоянно растущихъ матеріаловъ до извѣстной степени разобраться въ двухъ вопросахъ: 1) дѣйствительно ли лордъ Розбери есть «роковой человѣкъ» въ судьбахъ англійскаго либерализма, или же онъ является пассивною жертвою этихъ судебъ, безъ него слагавшихся и обнаруживавшихся; 2) какова роль имперіализма, охватившаго весьма большіе круги англійской націи за послѣдніе годы въ разложеніи либеральной партіи. Оба эти вопроса тѣсно связаны другъ съ другомъ, и только то или иное рѣшеніе ихъ позволитъ намъ «смѣть свое осужденіе имѣть» о многочисленныхъ пророчествахъ, которыя раздаются въ послѣдніе $1^1/_2$ года въ довольно вліятельной англійской прессѣ и которыя сулятъ лорду Розбери въ близкомъ будущемъ большое и самостоятельное значеніе. Въ немъ склонны иногда видѣть вождя новой слагающейся большой партіи, которая въ будущемъ должна занять историческое мѣсто либераловъ; иногда его разсматриваютъ, какъ главу будущаго правительства Великобританіи.

«Какова бы ни была окраска нашихъ политическихъ убѣжденій,—говоритъ Гаммертонъ, новѣйшій біографъ лорда Розбери,—мы должны признать, что нѣтъ въ современной англійской государственной жизни болѣе интересной фигуры, нежели графъ Розбери. Онъ человѣкъ тайны, человѣкъ съ будущимъ, человѣкъ съ блестящимъ прошлымъ».

Мы считаемъ этотъ отзывъ слишкомъ велерѣчивымъ, но назвать его въ основѣ своей ложнымъ, совсѣмъ лишеннымъ основанія, затрудняемся Нынѣшняя позиція Розбери, дѣйствительно, въ глазахъ многихъ нѣсколько загадочна, а его прошлое нѣсколькими моментами связано съ исторіей Англіи весьма прочно. Во всякомъ случаѣ, это не рядовой человѣкъ; скорѣе можно было бы сказать, что *изъ выдающихся* людей онъ—самый посредственный. Отчего не допустить и такую категорію, если различаются *primi inter pares*, «первые между равными»? Звѣзда звѣздѣ разнствуетъ во славѣ, и, добавимъ, весьма сильно разнствуетъ, но такъ какъ въ современной исторіи—«звѣздъ», вообще, до унынія мало, то уже поэтому наблюдателямъ не слѣдуетъ быть особенно капризными относительно ихъ калибра и свѣтозарности. Впрочемъ, чисто біографическая часть предлагаемой статьи имѣетъ

---

the liberal party» («XIX cent.», 1899—1). «Edinburgh Review», 1902—1, критическая (анонимная) статья, посвященная книгѣ Holland'a и рѣчи Розбери 17 дек. 1901 г.. рѣчи Розбери въ отчетахъ «Times'a» и т. д., и т. д.

**) Назовемъ слѣдующія новѣйшія книги, имѣющія значеніе вслѣдствіе находящихся въ нихъ документовъ или интересныя по общей своей содержательности, и легшія также въ основу предлагаемаго очерка: *Анонимъ*. «The foreign policy o lord Rosebery» (London, 1901); I. A. *Hammerton*, «Lord Rosebery Imperialist (London, 1901); *Bernhard Holland*. «Imperium et libertas, a study in history and politics» London, 1901); Henry *C. Morris*, «The History of colonization from the earliest times to the present day» (Vols 1—2), New.-York., 1900 и т. д.

единственною своею цѣлью подготовить читателя къ пониманію истинной роли лорда Розбери въ настоящій моментъ англійской политической жизни; по существу дѣла, трудно трактовать о разложеніи либеральной партіи въ Англіи, не предпославъ этому біографіи бывшаго либеральнаго лидера *).

II.

Лордъ Розбери—либералъ по семейнымъ традиціямъ. Эта семья шотландскихъ аристократовъ всегда тяготѣла къ вигамъ и дѣдъ героя нашего очерка принималъ даже довольно дѣятельное участіе въ борьбѣ за парламентскую реформу 1832 года. Впрочемъ, ни отдаленные предки, ни родители лорда Розбери ничѣмъ особеннымъ не прославились, если не считать того, что его отецъ былъ нѣкоторое время (въ 30-хъ) лордомъ адмиралтейства, а его мать считалась близкой подругою королевы Викторіи, шлейфъ которой удостоилась въ числѣ прочихъ восьми избранницъ судьбы нести во время коронаціи. Семья была очень богатая, очень высокопоставленная и наглухо замкнутая для всѣхъ, кромѣ небольшого общества ей равныхъ. Англійская аристократія дѣлится не по закону, но по обычаю, на своего рода этажи, столь же опредѣленные, какъ извѣстные «круги» дантовской эпопеи; Розбери вмѣстѣ со своими родственниками Стэнгопами и герцогами Кливлэндами находятся на одномъ изъ самыхъ высокихъ этажей.

Въ этой-то семьѣ 7-го мая 1847 года родился сынъ, котораго назвали Арчибальдомъ-Филиппомъ. До 15-ти лѣтъ онъ воспитывался дома, а потомъ поступилъ, согласно аристократическимъ традиціямъ, въ итонскій колледжъ. Итонскія преданія гласятъ, что онъ съ весьма большимъ увлеченіемъ занимался лошадинымъ и разными другими спортами. Кромѣ спорта, онъ очень интересовался чтеніемъ (особенно историческихъ и поэтическихъ вещей), и, повидимому, съ возрастомъ этотъ вкусъ къ чтенію все усиливался. Пробывъ въ Итонѣ четыре года, Арчибальдъ поступилъ въ оксфордскій университетъ. Тутъ біографъ Розбери наталкивается на такую мѣшанину впечатлѣній, которая съ континентальной точки зрѣнія весьма удивительна, а съ англійской—ни въ какомъ случаѣ: во-первыхъ, мы узнаемъ, что онъ въ университетѣ много читалъ и развивался; во-вторыхъ, что онъ много путешествовалъ (въ эти же университетскіе годы) по всей Европѣ; въ-третьихъ, что онъ былъ горячимъ сторонникомъ радикальныхъ мнѣній; и въ-четвертыхъ, что онъ бросилъ университетъ, разсердившись на начальство по поводу неполученія голубой ленточки, приза на лошадиныхъ скачкахъ, устраиваемыхъ студентами. Лордъ Розбери настаивалъ, что онъ заслужилъ голубую ленточку, а начальство дер-

*) Мы слѣдуемъ въ ближайшихъ главахъ раньше указаннымъ книгамъ Hamerton'a и Анонима относительно фактовъ біографіи.

жалось насчетъ этого другихъ воззрѣній. Такъ онъ и не окончилъ курса въ оксфордскомъ университетѣ.

Вскорѣ послѣ его выхода изъ университета скончался его дѣдъ, и титулъ лорда Розбери, а также мѣсто въ палатѣ лордовъ перешло къ Арчибальду, который 21 года отъ роду сдѣлался, такимъ образомъ, наслѣдственнымъ и пожизненнымъ законодателемъ. Вотъ какія мнѣнія выражалъ впослѣдствіи лордъ Розбери о подготовкѣ своихъ товарищей по верхней палатѣ въ ихъ важной роли: «У насъ нѣтъ пожизненныхъ врачей или священниковъ, или солдатъ, или юристовъ, но мы имѣемъ большое собраніе наслѣдственныхъ законодателей... Объ ихъ спеціальномъ воспитаніи не заботятся и даже не размышляютъ о немъ. Мы соглашаемся, что ремесленникъ не можетъ какъ слѣдуетъ дѣлать свое дѣло безъ спеціальнаго обученія, но отъ тѣхъ, кому мы ввѣряемъ нашу судьбу, наше имущество и нашу честь, такой подготовки не требуется. Ожидается и предполагается, что пэръ примется за политику такъ, какъ утка принимается плавать». Изъ этихъ ироническихъ словъ можно сдѣлать (и дѣлаютъ) выводъ, не имѣющій, впрочемъ, прямой фактической основы, что лордъ Розбери, съ своей стороны, не могъ признать себя самого на 21-мъ году жизни готовымъ къ выпавшей на его долю карьерѣ и озаботился пополнить пробѣлы своего образованія. Въ 1868 году онъ вошелъ въ палату лордовъ, но въ первыя нѣсколько лѣтъ выступалъ мало и по довольно незначущимъ вопросамъ. Онъ очень много въ эти годы путешествовалъ, между прочимъ, посѣтилъ Канаду и съ живымъ интересомъ отнесся къ политическимъ условіямъ этой страны; многіе не безъ основанія разсматриваютъ отношенія между Канадой и Англіей, какъ идеальный и образцовый федеративный modus vivendi, и съ этой стороны канадское путешествіе могло быть для будущаго имперіалиста весьма интересно.

А что уже тогда, совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, лордъ Розбери былъ занятъ вопросами того порядка, которые его въ наше время совсѣмъ поглотили, явствуетъ изъ его рѣчи, произнесенной въ Глазго 30-го сентября 1874 года на конгрессѣ соціальныхъ наукъ. Почему этотъ конгрессъ выбралъ двадцатисемилѣтняго лорда своимъ предсѣдателемъ, мы сказать затрудняемся; во всякомъ случаѣ президентская рѣчь Розбери была весьма удачна и произвела нѣкоторый эффектъ. Онъ коснулся сначала вопроса объ образованіи, на который взглянулъ, между прочимъ, съ точки зрѣнія необходимости образованія для успѣшнаго соревнованія англичанъ съ другими коммерческими націями. Онъ призналъ положеніе бѣдныхъ классовъ въ городахъ, ихъ квартиры и питаніе совершенно неудовлетворяющими требованіямъ человѣколюбія и разумной политики, но чрезвычайно вскользь коснулся вопроса объ общей соціальной реформѣ. Эмиграцію онъ считаетъ (въ своей рѣчи) неизбѣжнымъ—не зломъ, а скорѣе благомъ, ибо она распространяетъ англо-саксонскую расу по лицу всего земного шара. Все дѣло въ мо

ральномъ и физическомъ здоровьѣ эмигрантовъ, о чемъ и нужно позаботиться англійскимъ правящимъ кругамъ. Слѣдуетъ устроить такъ, чтобы колонисты «были достойны страны, которую они покидаютъ, и своей участи, которую они ищутъ». Англичане «раса королей», и необходимо остерегаться, чтобы она не увозила съ собою на новыя мѣста зародыши упадка. Объ Англіи, «если мы всѣ хорошо исполнимъ свой долгъ», смогутъ вспоминать, какъ о «матери великихъ республикъ и мирныхъ имперій». При всѣхъ недомолвкахъ и неопредѣленностяхъ касательно, напр., рабочаго вопроса, эта рѣчь характерна своею подчеркнутою имперіалистскою тенденціею, хотя и выраженною въ самой общей формѣ.

Въ 1874 году пало министерство Гладстона, и консерваторы съ Дизраэли во главѣ получили власть. Русско-турецкая война поглотила все вниманіе правительства Дизраэли въ 1877—1878 гг., и никогда консерваторы не были такъ сильны, какъ именно въ это время ихъ успѣшной борьбы съ русскою политикою. Быть можетъ, этимъ сознаніемъ своихъ успѣховъ и объясняется рѣзкость, допущенная (въ іюлѣ 1878 г.) министромъ иностранныхъ дѣлъ Салисбюри по отношенію къ Розбери. Дѣло въ томъ, что Розбери не нравилась глубочайшая скрытность дизраэлевской дипломатіи и онъ сдѣлалъ однажды запросъ по этому поводу; лордъ Салисбюри отвѣтилъ, что благородный графъ «обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство» съ характеромъ правительственныхъ дѣлъ, о которыхъ онъ разсуждаетъ. Рѣзкость противниковъ не помѣшала лорду Розбери осенью того же 1878 года напасть на Дизраэли и Салисбюри по поводу захвата острова Кипра; говорилъ онъ на этотъ разъ не въ палатѣ лордовъ, но на либеральномъ митингѣ въ Эбердинѣ. Въ эбердинской рѣчи Розбери еще типичный либералъ-гладстонецъ именно въ томъ вопросѣ, въ которомъ впослѣдствіи обыкновенно онъ расходился со своими товарищами, сначала безъ особаго шума, а потомъ съ большимъ шумомъ. Здѣсь, въ рѣчи 1878 г., Розбери называетъ англійскихъ правителей «соучастниками преступленія», за «грабежъ» старой союзницы Англіи, турецкой имперіи. Точка зрѣнія его здѣсь—строго либеральная. Онъ подчеркиваетъ, что, пріобрѣтая новыя земли, необходимо взять на себя трудъ ввести тамъ необходимыя гражданскія реформы, а «готовы ли мы къ этой отвѣтственности?» «Мы имѣемъ Канаду, которой, я полагаю, домогались другіе,—мы имѣемъ Австралію, у насъ въ рукахъ бо̀льшая часть Африки; у насъ вся Индія. Развѣ недостаточно для Англіи брать на себя отвѣтственность за эти страны?» Какъ увидимъ, графъ очень скоро разучился говорить такія слова.

Старый принципъ виговъ—бороться до послѣдней капли крови за національныя вольности противъ королевскихъ посягательствъ—находилъ въ лордѣ Розбери горячаго апологета. Въ 1880 году его выбрали «лордомъ ректоромъ» эдинбургскаго университета; еще раньше, въ

1878 г. этого же почетнаго званія его удостоилъ эбердинскій университетъ. Новый лордъ-ректоръ произнесъ двѣ рѣчи по этому поводу— одну въ Эбердинѣ, другую въ Эдинбургѣ. Въ первый рѣчи онъ возвеличивалъ Шотландію за то, что она явилась застрѣльщицей, піонеркой борьбы въ одинъ изъ наиболѣе критическихъ моментовъ исторіи всего острова, при Карлѣ I-мъ, когда абсолютизмъ чуть было не водворился въ Англіи и связанной уже съ нею Шотландіи. Особенно онъ подчеркивалъ доблесть шотландскаго народа потому, что Шотландія была бѣдна и имѣла какихъ-нибудь полмилліона населенія, а въ борьбѣ за свободу «указала путь богатому населенію (Англіи), въ десять разъ болѣе многочисленному». Еще характернѣе его эдинбургская рѣчь о патріотизмѣ: «Прежде всего,—сказалъ онъ, между прочимъ,—позвольте мнѣ замѣтить, что нѣтъ слова, настолько проституированнаго (so prostitued), какъ слово патріотизмъ... Оно предписываетъ молчаніе и рѣчь, дѣйствіе и бездѣйствіе, вмѣшательство и воздержаніе. Съ неизмѣнною силою и легкостью «патріотизмъ» безпристрастно пускается въ ходъ и при принятіи, и при оставленіи государственнаго поста. Онъ побуждаетъ людей войти въ общественную жизнь и покинуть ее съ одинаковымъ правомъ и одинаковой стремительностью. Онъ подвигаетъ на героизмъ, на самопожертвованіе, на убійство, на поджигательство. Онъ заново выстроилъ Іерусалимъ и сжегъ Москву. Онъ закололь Марата и помѣстилъ его кости въ Пантеонъ. Онъ былъ лозунгомъ царства террора и motto для гильотины. Онъ воздвигаетъ статуи тѣмъ людямъ, которыхъ онъ же помѣщаетъ въ темницы. Онъ покровительствуетъ почти всякому преступленію и всякой добродѣтели въ исторіи. Капризы, которымъ подвержено это несчастное слово, компанія и одѣяніе, въ которыхъ оно находится, преступленія, изворотливость и доблесть, которыя оно внушаетъ,—все это заслуживаетъ особой исторіи». Мы просимъ нашихъ читателей сопоставить эти слова либеральнаго графа со словами (о патріотизмѣ) Фруда, одного изъ родоначальниковъ новѣйшаго имперіализма, книгу котораго мы разбираемъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ; выводъ станетъ самъ собою ясенъ: въ наше время имперіалисты давно оставили въ сторонѣ сужденія своего теоретика, а лордъ Розбери многое извинилъ людямъ, которые, главнымъ образомъ, и «проституируютъ» слово «патріотизмъ».

Въ этой же рѣчи «патріотизмъ», какъ его понимаетъ лордъ Розбери, вѣрнѣе, какъ онъ понималъ его двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ,— обрисовывается еще яснѣе словами объ ирландскомъ гомрулѣ. Ораторъ заявилъ, что, желая крѣпости англійской державѣ, онъ стоитъ за полное самоуправленіе Ирландіи; это мѣсто рѣчи замѣчательно сильно, ибо подкрѣплено внушительными примѣрами изъ континентальной исторіи, доказывающими правильность его мысли о связи «лояльности» съ самоуправленіемъ подчиненной страны. Мы лишены удовольствія привести эти примѣры въ томъ видѣ, какъ они украшаютъ рѣчь Розбери.

Если принять во вниманіе, что дѣло было еще до включенія ирландскаго гомруля въ программу либеральной партіи, то нужно будетъ признать тогдашняго лорда Розбери весьма послѣдовательнымъ, строго принципіальнымъ и убѣжденнымъ либераломъ, а не только оффиціально числящимся членомъ либеральной партіи. Приблизительно въ это же время, въ 1879—80 гг., произошло довольно тѣсное личное сближеніе между Гладстономъ и Розбери, что̀, конечно, является рѣшительнымъ моментомъ въ оффиціальной карьерѣ послѣдняго. Въ Англіи лидеръ оппозиціи (особенно въ тѣ времена относительнаго равновѣсія двухъ партій) есть первый министръ in spe такъ же, какъ первый министръ есть будущій лидеръ оппозиціи. Лидеръ долженъ исподволь выбирать и намѣчать членовъ своего будущаго кабинета, чтобы, въ случаѣ желаемаго исхода парламентскихъ выборовъ, имѣть наготовѣ составъ правительства. Гладстонъ всегда такъ и дѣлалъ, и въ нужный моментъ королева никогда не заставала его въ затрудненіи, когда поручала ему составить кабинетъ. Въ концѣ 1879 года, когда уже началась предвыборная агитація, Гладстонъ во время агитаціонной поѣздки встрѣтился съ Розбери и даже гостилъ у него въ замкѣ вмѣстѣ съ женою. Нужно сказать, что Розбери въ это время былъ уже два года какъ женатъ на урожденной Аннѣ Ротшильдъ, чрезвычайно красивой женщинѣ, вращавшейся и до свадьбы въ великосвѣтскомъ кругу. Въ видѣ приданаго она принесла своему мужу многомилліонное состояніе, замки, дома, земли и т. д. Гладстона съ его женою чета Розбери принимала съ необыкновенною пышностью и почетомъ; весною 1880 г. Гладстонъ вторично гостилъ у Розбери, и они въ непосредственной связи другъ съ другомъ пребывали почти во все время этихъ памятныхъ выборовъ. 5-го апрѣля 1880 года Гладстонъ былъ выбранъ въ мидлотіанскомъ округѣ, гдѣ кандидатомъ торіевъ выступилъ графъ Далкептъ, членъ стараго шотландскаго рода Боклю. (Эти Боклю поминаются, замѣтимъ кстати, въ балладѣ Вальтеръ Скотта «Замокъ Смальгольмъ» *). При шотландской любви къ традиціямъ и мѣстнымъ людямъ поддержка шотландскаго аристократа лорда Розбери была вовсе нелишней для Гладстона въ борьбѣ съ такимъ противникомъ. Вообще, выборы этого года были благопріятны для либераловъ, но избраніе Гладстона въ Мидлотіанѣ, гдѣ до сихъ поръ избирались только консерваторы и, частнѣе, исключительно представители семейства Боклю, надѣлало шуму во всей Англіи. Послѣ выборовъ, вечеромъ огромная дружественная Гладстону демонстрація состоялась подъ окнами дома Розбери, гдѣ остановился старый лидеръ. Толпу благодарили Гладстонъ и Розбери; послѣдній произнесъ чрезвычайно взволнованную рѣчь:

*) «...Анкраморскія битвы баронъ не видалъ, гдѣ потоками кровь ихъ лилась, гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ, гдѣ за родину бился Дугла̀съ». (Перев. Жуковскаго). Баллада относится къ событіямъ 1545 года.

«Какъ мидлотіанецъ, я могу сказать вамъ, что ни одинъ мидлотіанецъ, какъ бы онъ старъ ни былъ или сколько бы ему ни предстояло еще прожить, не проведетъ болѣе славную ночь, нежели эта. Это—великая ночь для Мидлотіана, великая ночь для Шотландіи, великая ночь для члена вашего графства, великая ночь для Великобританіи, великая ночь для всего міра... Судьба сдѣлала это графство центральнымъ пунктомъ поля битвы для спора, который теперь рѣшался. Въ мидлотіанскомъ графствѣ шла борьба не между вигами и торіями, не между либералами и консерваторами, но борьба за конституціонное правительство и за угнетенныя національности по всему свѣту». Судя по послѣднимъ словамъ, отношеніе Гладстона къ балканскому славянству въ 70-хъ гг., явившееся такимъ контрастомъ политикѣ Дизраэли, особенно плѣнило его молодого партизана. Вскорѣ послѣ выборовъ Гладстонъ сталъ во главѣ правительства, но Розбери уклонился отъ предстоявшаго ему почетнаго назначенія. Его біографы, повидимому, имѣютъ свѣдѣнія, довольно точныя, что онъ не пожелалъ стать министромъ, чтобы противники не могли обвинить его въ карьеризмѣ, въ своекорыстныхъ мотивахъ агитаціи и сближенія съ Гладстономъ въ 1879—80 гг. Газета «Times» даже въ одной изъ своихъ передовицъ коснулась «рѣдкой скромности», не позволившей молодому графу стать министромъ.

Счастливые и, можетъ быть, невозвратные дни стояли для либеральной партіи. Она правила государствомъ, ея вождь, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, поражалъ бодростью духа и тѣла, свѣжестью ума, живостью вниманія и пониманія. Одинъ безпокойный и опасный врагъ былъ у нея—Парнель, но никакъ не консерваторы, почти раздавленные своимъ недавнимъ пораженіемъ. Что же касается ирландскаго вопроса, то онъ, дѣйствительно, все болѣе и болѣе занималъ умы. Парнелевскіе разъѣзды по Ирландіи, его рѣчи и успѣхъ рѣчей, его обструкціи въ парламентѣ, оживленіе феніанства,—все это стояло прямо предъ глазами премьера и требовало какого-нибудь разрѣшенія. Когда изучаешь судьбы либеральной партіи за послѣднее двадцатилѣтіе, когда припоминаешь угрюмую фигуру ирландскаго лидера, который послѣ невѣроятныхъ усилій погубилъ свое дѣло, сдѣлалъ Гладстона изъ врага своимъ другомъ и погубилъ партію Гладстона, и самъ погибъ *),—тогда невольно приходишь къ заключенію, что въ исторіи иногда происходитъ нѣчто подобное появленіе тѣни Гамлета-отца изъ могилы, куда онъ, въ концѣ концовъ, уводитъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Правда, ирландское дѣло не считало еще себя окончательно похороненнымъ, и Парнель говорилъ отъ имени страны, требующей своего національнаго воскрешенія, но отъ этого судьба его и тѣхъ людей,

*) О Парнелѣ см. нашу статью «Чарльзъ Парнель», «Міръ Божій», 1899 г., янв., февр., мартъ.

которыхъ онъ привлекъ къ себѣ, представляется въ еще болѣе трагичномъ свѣтѣ. Тутъ было нѣчто роковое: либералъ Гладстонъ *логически* долженъ былъ стать, въ концѣ концовъ, гомрулеромъ, либерализмъ, оставаясь самимъ собою, не допуская въ себѣ и къ себѣ фальсификацій и софистическихъ нотъ, не могъ впредь до безконечности бороться съ принципомъ самоуправленія.

Это отнюдь не значитъ, что такъ все и должно было случиться, какъ случалось, — вовсе нѣтъ Гладстонъ былъ слишкомъ англичанинъ, чтобы безпрекословно повиноваться общимъ принципамъ, и слишкомъ политикъ, чтобы считать логику необходимой вершительницей историческихъ судебъ. Не будь Парнеля, не начни онъ своей упорной борьбы, не выкажи онъ столько ума и организаторскаго таланта въ мобилизаціи всѣхъ ирландскихъ силъ, не обнаружь онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, такой сосредоточенной и непримиримой ненависти, словомъ—не поставь онъ предъ либералами альтернативы либо гомруль, либо ежедневная и непрестанная парламентская и внѣпарламентская, словесная и огнестрѣльная война,—партія Гладстона и самъ Гладстонъ такъ же мало думали бы объ истинномъ отношеніи своего политическаго credo къ гомрулю, какъ въ тѣ годы, когда ирландская партія была въ парламентѣ quantité negligeable. Когда ирландцы не боролись, а только угрожали, о нихъ совсѣмъ не думали: такъ было, напр., въ 50-хъ годахъ; когда они боролись слабо въ парламентѣ и съ оружіемъ въ рукахъ на улицѣ, о нихъ мало думали и ихъ много вѣшали: такъ было въ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг.; когда они начали съ одинаковою яростью, хотя и не одинаковымъ оружіемъ бороться и въ парламентѣ, и внѣ его, тогда—и только тогда—была сдѣлана попытка дать имъ гомруль: это и произошло во время парнелизма и тотчасъ послѣ смерти Парнеля. За всю вторую половину XIX-го столѣтія эпоха парнелизма была единственнымъ моментомъ, когда ирландская борьба привела не только къ висѣлицамъ и «законамъ объ усмиреніи», но и къ начатымъ съ англійской стороны переговорамъ о компромиссѣ и мирѣ. Парнеллизмъ поставилъ ирландскія требованія на неотложную очередь дня; Гладстонъ сначала боролся, около пяти лѣтъ съ короткими промежутками длилась эта борьба. И феніевъ вѣшали, и Парнель сидѣлъ въ тюрьмѣ, и земельная лига была закрыта, однако ничего не помогало. Другіе феніи убили намѣстника Ирландіи, лорда Кавендиша и Борка, Парнель вышелъ изъ тюрьмы какъ бы съ еще возросшей энергіей, идеи и требованія земельной лиги распространились и послѣ ея закрытія — и конца этому не предвидѣлось. Уже земельный билль 1880 года, проведенный премьеромъ, былъ уступкою движенію, но и до, и послѣ него борьба между парнелитами и либералами свирѣпѣла почти безъ промежутковъ. А если ужъ дѣло такъ было поставлено, тогда поневолѣ либералы и ихъ глава обратились къ размышленіямъ о томъ, что требуемый гомруль, въ сущности, прямо

вытекаетъ изъ ихъ же собственной политической программы. Но какъ только вопросъ перешелъ на эту почву, рѣчь пошла уже о томъ, продолжать ли съ явнымъ искаженіемъ (не пассивнымъ, а самымъ активнымъ) всѣхъ своихъ принциповъ преслѣдованіе тюрьмой и веревкой ирландскихъ борцовъ за гомруль, безъ опредѣленной надежды укротить парнелитовъ и съ почти несомнѣнной перспективой хроническаго броженія въ Ирландіи,—или же дать гомруль.

III.

И все-таки эти годы (1880—1885) были послѣднимъ временемъ могущества либеральной партіи, по крайней мѣрѣ, пока, въ 1902 г., можно такъ выразиться. Партія была у власти, имѣла большинство въ парламентѣ, жила полною жизнью. Либераловъ въ нижней палатѣ находилось 349 (противъ 243 консерваторовъ и 60 ирландцевъ). Правительство Гладстона ощущало подъ собою твердую почву. Въ этотъ періодъ у лорда Розбери былъ самый блестящій либеральный салонъ; Гладстонъ еще больше съ этой семьей сблизился. Несмѣтныя денежныя богатства графа позволяли ему обставлять пріемы гостей такъ, что нѣкоторые его біографы, говоря объ этомъ, не могутъ даже воздержаться отъ почтительнаго восхищенія. Нѣкоторое время Розбери занималъ постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, по спеціальному отдѣленію шотландскихъ дѣлъ. Должность эта была невидная, сравнительно скромная, требующая много труда, и Розбери принялъ ее, такъ сказать, изъ шотландскаго патріотизма; впрочемъ, онъ ее оставилъ по разнымъ лишеннымъ общаго интереса причинамъ.

Не только волшебная роскошь дома сдѣлала дворецъ Розбери средоточіемъ и общепринятымъ rendez-vous членовъ кабинета и выдающихся представителей либеральной партіи; графъ, судя по разнообразнымъ свѣдѣніямъ о немъ, обладаетъ (въ этомъ всѣ сходятся) большимъ умѣньемъ привлекать къ себѣ людей и, сверхъ того, весьма живымъ и быстрымъ умомъ, живымъ интересомъ не только къ политикѣ, но и къ литературѣ, искусству, наукѣ. Онъ и самъ литераторъ и написалъ нѣсколько этюдовъ. Какъ почти всѣ люди съ непритворными и разнообразными умственными интересами, онъ никому не кажется скучнымъ, а для многихъ положительно симпатиченъ. По крайней мѣрѣ, послѣ Гладстона, Брайса и Морлея онъ почти вплоть до послѣднихъ лѣтъ пользовался наибольшею популярностью въ либеральной партіи и наибольшею любовью.

Сближался онъ съ либеральною партіею больше у себя въ салонѣ, нежели въ парламентѣ; въ палатѣ лордовъ онъ очень мало выступалъ въ эти годы. Ораторъ онъ блестящій, но одно дѣло говорить предъ шотландской дружественной демонстраціей на улицѣ и другое дѣло убѣждать въ чемъ-нибудь свѣтскихъ и духовныхъ лордовъ британской

короны, когда они не желаютъ убѣждаться. Онъ и въ теченіе послѣдующей своей карьеры гораздо охотнѣе говорилъ въ либеральныхъ клубахъ, частныхъ обществахъ, на банкетахъ, нежели въ парламентѣ. Либеральная партія можетъ ассоціировать послѣднюю эпоху своего блеска съ политическимъ салономъ лорда и леди Розбери, а владѣлецъ салона въ правѣ ссылаться на эту эпоху, какъ на то время, когда его имперіалистскія чувства усилились новыми, невѣдомыми ему до сихъ поръ впечатлѣніями. Дѣло въ томъ, что въ 1883 году лордъ Розбери отправился въ долгое путешествіе по англійскимъ владѣніямъ.

Онъ путешествовалъ съ прямыми цѣлями — изучить бытъ колоній, узнать ихъ настроеніе по отношенію къ метрополіи. Мы увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, что съ тѣми же цѣлями отправился по колоніямъ почти въ то же время и Фрудъ, одинъ изъ выдающихся теоретиковъ имперіализма. Но путешествіе Фруда обратило на себя тогда гораздо меньше вниманія, нежели путешествіе лорда Розбери. Имперіалистскіе интересы ученаго несравненно меньше занимали колонистовъ, нежели рѣчи виднаго члена всемогущей тогда либеральной партіи и личнаго друга премьера; тѣмъ не менѣе хронологическая близость этихъ двухъ поѣздокъ весьма знаменательна, какъ признакъ времени, а рѣчи Розбери и книга Фруда любопытны, какъ громкое выраженіе назрѣвавшей въ обществѣ идеи.

Особенно много времени и вниманія Розбери посвятилъ Австраліи. Онъ всюду былъ принятъ съ большимъ почтеніемъ и даже торжествомъ: въ эту эпоху колоніи больше стояли за сближеніе съ метрополіей, нежели метрополія за сближеніе съ ними. Изъ политическихъ рѣчей, произнесенныхъ въ Австраліи лордомъ Розбери, одна, сказанная на банкетѣ у мэра Мельбурна 9-го января 1884 года, произвела въ колоніи необыкновенно сильное впечатлѣніе и въ Англіи также была напечатана въ главныхъ газетахъ и обратила на себя вниманіе. «Я не думаю,—сказалъ онъ между прочимъ,—чтобы такой конгломератъ земель (какъ британская имперія) когда-либо былъ видѣнъ отъ начала міра, и я не думаю, чтобы кто-нибудь — здѣсь или внѣ этой комнаты могъ дать логическому уму какой-либо удовлетворительный отчетъ объ основѣ, на которой покоится эта имперія, ибо она не есть дѣло условія или гражданскаго договора. Связь между Великобританіей и колоніями есть бракъ по страсти или же она есть ничто. Очень недавно было сказано однимъ писателемъ, который посѣтилъ Австралію, мистеромъ Форбсомъ, имѣющимъ самъ по себѣ большой вѣсъ, что связь Австраліи съ метрополіей не переживетъ войны (т.-е. войны Англіи съ кѣмъ-либо). Конечно, ни я, ни вы — мы не можемъ по опыту судить, такъ ли это будетъ, или не такъ. Но я вѣрю, что связь лойяльности между метрополіей и Австраліей переживетъ войну и продлится столько же, сколько времени не измѣнятся другія обстоятельства, сколько времени метрополія и страна — дочь смогутъ сохранить свои

отношенія взаимной независимости и взаимнаго почтенія... Есть одна старая традиція—я не знаю, остается ли она еще въ силѣ, по которой во всякой веревкѣ выдѣлываемой на британскихъ королевскихъ докъярдахъ, отъ самаго громаднаго каната до самой тоненькой веревочки есть одно красное волокно; это волокно проходитъ сквозь всю веревку, и если его вымотать оттуда, — вся веревка портится... Хотя я не довѣряю метафорамъ, я полагаю, что эта метафора примѣнима до извѣстной степени къ британской имперіи. Имперія держится одною красною нитью, и эта нить есть единство расы. Когда я говорю объ единствѣ расы, я понимаю подъ этимъ общность воспоминаній, труда, цѣлей и стремленій,—общность, которая предполагается расовою общностью. Я всегда надѣялся, что эта расовая общность будетъ существовать, по крайней мѣрѣ до конца дней моихъ, но со времени посѣщенія Австраліи моею страстью сдѣлается стремленіе упрочить это единство и служить Австраліи, о которой я могу сохранить лишь самыя радостныя и хорошія воспоминанія». Громъ апплодисментовъ сопровождалъ эту рѣчь. Вообще Розбери сталъ въ Австраліи предметомъ самыхъ горячихъ овацій и чествованій; онъ и теперь тамъ чуть ли не наиболѣе популяренъ изъ всѣхъ имперіалистовъ. Не обошлось дѣло и безъ нѣкотораго тогда не замѣченнаго, но, по нашему, очень многозначительнаго инцидента. Вѣдь, въ сущности, либеральная партія, проникнутая фритредерскими принципами, вовсе не видѣла особой нужды въ слишкомъ тѣсномъ сближеніи съ колоніями, и если Розбери говорилъ объ этомъ предметѣ съ такимъ жаромъ, то говорилъ онъ отъ своего лица, а не отъ лица своего лидера и тогдашняго премьера. Конечно, тогда не было и тѣни воинствующаго имперіализма нашихъ дней, а потому сюжетъ рѣчей лорда Розбери, съ партійной точки зрѣнія, ни въ какомъ случаѣ предосудительнымъ не могъ считаться. Но, въ существѣ дѣла, графъ своими рѣчами начиналъ довольно явственно новую линію въ либеральной партіи и это-то съ исконною своею прямотою и неуклюжестью сочли своимъ долгомъ отмѣтить австралійцы. Одинъ австралійскій сановникъ въ своей рѣчи въ честь англійскаго гостя замѣтилъ, что греки, итальянцы и болгары получили много знаковъ симпатіи къ нимъ со стороны г. Гладстона и онъ ораторъ надѣется, что, можетъ быть, лордъ Розбери убѣдитъ этого маститаго государственнаго мужа показать хоть немножко симпатіи также «къ тремъ милліонамъ людей одной съ нимъ плоти и крови» (т.-е. къ австралійскимъ колонистамъ). Эту наивную и аляповатую постановку точки надъ і чрезвычайно дипломатично тогда замолчали; только черезъ 13—14 лѣтъ суждено было либеральной партіи начать понимать, что убѣжденія Гладстона и убѣжденія Розбери не вполнѣ тожественны и что точка расхожденія правильно указана неотесаннымъ колонистамъ.

Изъ своего полугодового путешествія лордъ Розбери вернулся вполнѣ убѣжденнымъ имперіалистомъ въ томъ смыслѣ, какъ тогда это слово

понималось, т.-е. сторонникомъ возможно большаго сплоченія колоній съ метрополіей. Но злоба дня была другая, и Розбери сразу вошелъ въ интересы момента. Гладстонъ въ 1884 году проводилъ съ большимъ трудомъ свой билль объ избирательной реформѣ, по которому къ избирательной урнѣ вмѣсто прежнихъ трехъ милліоновъ граждавъ допускались пять милліоновъ. Лорды оказали биллю отчаянное сопротивленіе. Розбери былъ главнымъ защитникомъ билля въ палатѣ лордовъ, а когда все-таки законопроектъ тамъ провалили, графъ сталъ дѣятельнымъ помощникомъ Гладстона въ грандіозной апелляціи къ общественному мнѣнію, къ которой прибѣгнулъ старый премьеръ. Въ палатѣ лордовъ, прямо обращаясь къ чувству самосохраненія своихъ товарищей, Розбери грозилъ имъ народнымъ негодованіемъ, уничтоженіемъ верхней палаты, если они изъ рутины и партійной вражды будутъ противиться новому гладстоновскому биллю. Во время митинговъ и агитаціонной поѣздки Гладстона Розбери снова, какъ и въ 1880 году, ему отчасти сопутствовалъ, и членъ палаты лордовъ, громящій это собраніе во имя расширенія правъ вотума на самые низшіе слои народа, имѣлъ всюду огромный успѣхъ. Его популярность росла не по днямъ, а по часамъ. Лѣтомъ къ нему пріѣхалъ въ Дольменикэстль, одно изъ огромнѣйшихъ его помѣстій, погостить принцъ Уэльскій (нынѣшній король) со своею семьею, и во время ихъ совмѣстныхъ выѣздовъ хозяина привѣтствовали почти такъ, какъ гостя. Гладстонъ пріѣзжалъ къ Розбери въ 1884 году нѣсколько разъ,—они дѣлались совсѣмъ друзьями. Старикъ съ чрезвычайнымъ выборомъ и очень рѣдко заводилъ новыя дружественныя связи, такъ что его отношеніе къ Розбери всѣмъ бросалось въ глаза и еще больше поднимало фонды графа въ странѣ и въ парламентѣ. Къ концу 1884 года билль о реформѣ прошелъ въ верхней палатѣ и сталъ закономъ, но этотъ годъ весьма сильно испортилъ позицію Розбери между лордами, которые не могли забыть слишкомъ непріятныхъ для нихъ угрозъ своего товарища. Нужно сказать, что онъ всегда смотрѣлъ на палату лордовъ, какъ на учрежденіе отсталое и несогласное съ современными государственными принципами. Мы не знаемъ ни одной его рѣчи, гдѣ бы онъ отозвался положительно о конституціонной цѣнности палаты лордовъ въ ея нынѣшнемъ видѣ, и, напротивъ, знаемъ относящуюся уже къ тому же 1884 году попытку Розбери выработать сообща съ другими лордами проектъ реформы верхней палаты. Но лорды поспѣшили обнаружить полное пренебреженіе къ этой попыткѣ, а Гладстонъ ее не поддержалъ, ибо до поры, до времени палата лордовъ, только что, наконецъ, принявшая его избирательный билль, ему не мѣшала. Такъ попытка Розбери и кончилась ничѣмъ.

Наступилъ 1885 годъ, первый зловѣщій годъ изъ серіи тѣхъ, которые пришлось еще пережить либеральной партіи. Возстаніе махдистовъ въ Суданѣ вспыхнуло, какъ это бываетъ только въ восточныхъ

странахъ и только при взрывахъ религіознаго фанатизма: внезапно и съ непреодолимой силою. Хартумъ былъ взятъ, генералъ Гордонъ убитъ. Въ печати, обществѣ и парламентѣ начались самыя запальчивыя нападенія на Гладстона, и, дѣйствительно, его положеніе сразу стало шаткимъ. Парнель, не сближаясь пока формально съ консерваторами, вотировалъ противъ кабинета вмѣстѣ съ ними, и партія его во дни вотумовъ приходила въ палату въ полномъ составѣ. Розбери всѣми зависящими отъ него мѣрами старался поддержать министерство; онъ даже согласился занять постъ въ дѣйствующей администраціи съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ кабинета. Это было своего рода великодушіемъ въ такой моментъ, какой переживалъ тогда Гладстонъ. Далеко не одинъ только Махди стоялъ на очереди дня и вовсе не въ Суданѣ, несмотря на всю его важность, заключался гнетущій вопросъ ближайшаго будущаго: русскія войска непрерывно двигались къ Афганистану, столкновеніе русскихъ съ афганцами грозило повлечь за собою русско-англійскую войну и Гладстону надобно выбирать между этою войною и миромъ. Вдругъ лордъ Розбери поѣхалъ въ Берлинъ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ въ Европѣ, ничуть не потѣскнѣло отъ того, что поѣздка объяснялась якобы необходимостью для лорда Розбери отдать визитъ сыну канцлера Герберту Бисмарку, своему пріятелю, гостившему у него незадолго до того. Не успѣлъ лордъ Розбери исполнить этотъ свой свѣтскій долгъ, какъ Гладстонъ потребовалъ и получилъ отъ парламента кредитъ въ одинадцать милліоновъ фунтовъ (т.-е. около ста десяти милліоновъ рублей) на внезапные военные расходы. Объяснялось это оффиціально суданскими затрудненіями, но и кредитъ, и визитъ всѣ почти безъ исключенія приписывали не Герберту Бисмарку и не суданскимъ дѣламъ, а русско-англійской ситуаціи у Афганистана. Кредитъ былъ данъ 21-го апрѣля 1885 года, а спустя нѣсколько дней обмѣнъ нотъ между Петербургомъ и Лондономъ разрѣшилъ мирно грозный для обѣихъ странъ вопросъ. Нѣкоторыя газеты склонны были ставить въ связь энергичное поведеніе Гладстона въ афганскомъ вопросѣ съ вліяніемъ на премьера его молодого друга лорда Розбери. Какъ увидимъ, Розбери, дѣйствительно, обнаруживалъ далеко не традиціонную въ либеральной партіи «энергію» относительно дѣлъ иностранной политики; это качество вполнѣ послѣдовательно вязалось съ присущими ему націоналистическими чувствами и всегда составляло характерную его черту.

Едва миновалъ русскій вопросъ, нападенія на министерство Гладстона, на время прекратившіяся, возобновились съ удвоенной силой. 8-го іюня по вопросу о налогахъ на спиртные напитки голоса раздѣлились такъ, что за министерство подали голосъ 252 члена (далеко не всѣ либералы случились въ палатѣ), а противъ него 225 консерваторовъ и 49 парнелистовъ (т.-е. 264). Гладстонъ тотчасъ же подалъ въ отставку и глава оппозиціи маркизъ Салисбюри сталъ во главѣ консер-

вативнаго кабинета. Конечно, въ виду того, что провалъ либеральнаго кабинета былъ чистою случайностью, истинное мнѣніе страны могло быть узнано только посредствомъ новыхъ общихъ парламентскихъ выборовъ. Вся вторая половина 1885 года была занята предвыборной агитаціей; положеніе было такое, что обѣ партіи (и особенно консерваторы) старались привлечь Парнеля на свою сторону, ибо для опытнаго политическаго глвссаао нт излоаьясно рѣшающее значеніе голосовъ ирландской партіи въ будущемъ парламентѣ. Лордъ Розбери довольно неопредѣленно высказался въ томъ смыслѣ, что всѣ до сихъ поръ перепробованныя надъ Ирландіей мѣры оказались тщетными, спокойствія государству не дали и что поэтому будущіе опыты должны быть произведены въ направленіи дарованія Ирландіи мѣстнаго самоуправленія. О размѣрахъ и характерѣ этого самоуправленія онъ не распространялся, также какъ и Гладстонъ, который еще суше и сдержаннѣе говорилъ объ этомъ предметѣ. Выборы кончились такъ, что противъ 335 либераловъ очутились 249 консерваторовъ и 86 ирландцевъ. Парнель заслонилъ дорогу къ власти обѣимъ партіямъ, и заставить его очистить путь можно было только однимъ способомъ: дать Ирландіи гомруль. Салисбюри не захотѣлъ этого совершить, и въ первые же дни сессіи новаго парламента, 26-го января, при баллотировкѣ одной поправки къ отвѣтному адресу на тронную рѣчь, — Парнель примкнулъ къ либераламъ и низвергъ консерваторовъ, которые могли держаться, только если бы всѣ парнелисты были за нихъ, ибо только тогда у нихъ было бы 335 голосовъ противъ 335 либераловъ. Онъ низвергъ Салисбюри, какъ полгода назадъ онъ низвергъ Гладстона. Теперь опять власть попала въ руки Гладстона, — и критическій моментъ настала: либеральная партія была въ страшномъ возбужденіи; и она, и консерваторы знали, какою цѣною возможно купить власть; Англія и Европа строили самыя разнообразныя предположенія о намѣреніяхъ Гладстона; Парнель ждалъ.

IV.

Что было дѣлать? Когда люди, не имѣющіе и приблизительнаго понятія о механикѣ сложной конституціонной жизни, о структурѣ и жизни партій, какъ самостоятельныхъ политическихъ особей, берутъ на себя трудъ указывать заднимъ числомъ Гладстону на его ошибки, то они, несомнѣнно, и не догадываются о всей комичности и основной фальши своей критики. Вообще, подобная критика историческихъ дѣйствій чаще всего бываетъ, въ мало-мальски сложныхъ случаяхъ, произвольной и фантастичной. Такова она и здѣсь. Гладстонъ внесъ расколъ въ свою партію—это вѣрно; онъ положилъ начало ея упадку—это тоже вѣрно; погубивъ надолго свою партію, онъ, даже этою страшною цѣною, не достигъ того, что поставилъ цѣлью,—гомруля Ирландія не получила,—

это опять-таки вѣрно. Что же, Гладстонъ меньше понималъ въ положеніи партіи, въ англо-ирландскихъ отношеніяхъ, нежели, напримѣръ, хотя бы нѣкій Gros-gros, сотрудникъ «Journal amusant» (или «Le rire», не помнимъ хорошенько), рисовавшій на Гладстона каррикатуры и высмѣивавшій его ошибки?

То, что было ясно всякому бульварному фельетонисту post factum, никому не было и не могло быть извѣстно ante factum, хотя враги Гладстона и грозили ему уже тогда, въ началѣ 1886 года, всякими ужасами. Вѣдь еще большими ужасами грозили ему буквально при каждой затѣваемой имъ реформѣ; вѣдь писали же въ 1884 году, что Гладстона нужно спрятать «отъ свѣта и людей» за то, что онъ «рушитъ» Англію своею избирательною реформою 1884 г.; однако реформа состоялась, и Англія не разрушилась. А если оставить въ сторонѣ партійныхъ Кассандръ, которыя пророчатъ не то, чего онѣ знать не могутъ, но то, чѣмъ онѣ хотятъ запугать противника,—такъ кто можетъ похвалиться яснымъ и мотивированнымъ предсказаніемъ будущаго либеральной партіи? Мы уже сказали и опять повторяемъ, что пять лѣтъ кряду, почти безъ паузъ Гладстонъ, при помощи приставовъ а также тюремщиковъ, полиціи и даже палачей боролся съ Ирландіей; онъ до послѣдняго избѣгалъ роковыхъ для партій шаговъ; Парнель имѣлъ въ немъ страшнаго противника, который не даромъ сказалъ въ отвѣтъ на дѣйствія ирландскаго агитатора въ концѣ 1881 года: «Еще не исто щены всѣ средства борьбы, даваемыя цивилизаціей». Съ тѣхъ поръ Гладстонъ эти средства истощилъ, если даже считать, вопреки смыслу, висѣлицу также «средствомъ цивилизаціи». Не помогло ничего, но Гладстонъ все еще не сдавался, онъ ждалъ выборовъ. Теперь, послѣ того, какъ Парнель очутился вершителемъ парламентскихъ судебъ, Гладстонъ круто повернулъ на новый путь. Этотъ новый путь подсказывался общими партійными принципами, сулилъ спокойствіе въ странѣ, горящей почти революціоннымъ пожаромъ въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Англіи, этотъ путь давалъ могущественную рѣшающую поддержку ирландской партіи, онъ озарялся надеждою покончить долголѣтнія страданія, наконецъ, онъ одобрялся исторіею: вѣдь до 1800 года, до «уніи» Вильяма Питта младшаго, существовалъ отдѣльный ирландскій парламентъ, и не погибла же Ирландія для англійскаго владычества, хотя времена стояли грозныя: весь XVIII-й вѣкъ прошелъ въ войнахъ съ Франціей, вѣчно грозившей послать дессантъ въ католическую и англофобскую Ирландію.

Вильямъ Питтъ, защищая въ 1800 году унію, которую онъ и провелъ, увѣрялъ, что съ теченіемъ времени эта унія повлечетъ за собою смѣшеніе и сліяніе двухъ народовъ, въ родѣ того, какъ произошло между Англіей и Шотландіей. Это оказалось полнѣйшею ошибкой. Конечно, когда хочешь и имѣешь физическую власть что-нибудь сдѣлать, тогда всегда къ услугамъ оказываются и аналогіи, и доказатель-

ства отъ логики, и аргументы отъ писанія, и благословеніе отъ преданія. То, что русскій писатель назвалъ «мошенничествомъ ума», нигдѣ не наблюдается болѣе часто и въ столь выпукломъ видѣ, какъ въ иныхъ «оправдательныхъ» документахъ, политическихъ спичахъ и докладныхъ запискахъ. Аналогія съ Шотландіей оказалась ложною; унія дала не покой, но хроническое броженіе; расовая антипатія не исчезла, но обострилась. Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, обратившемъ на себя уже всеобщее вниманіе въ литературныхъ кругахъ Англіи,—въ вышедшей осенью 1901 года книгѣ: «Imperium et libertas», авторъ (Бернгардъ Холлэндъ) подчеркиваетъ очень интересный фактъ; всякое расширеніе избирательнаго права въ XIX-мъ столѣтіи сказывалось въ Ирландіи усиленіемъ партіи гомруля, партіи враждебной Англіи. Эта партія была совсѣмъ ничтожна въ странѣ до реформы 1832 года, она усилилась въ 1884 году и почти на половину возросла послѣ реформы 1884 года, что ясно показали выборы 1885 года, отдавшіе въ распоряженіе Парнеля 86 парламентскихъ голосовъ. Значитъ, общія либеральныя реформы были для Ирландіи лишь средствомъ къ болѣе сильной и успѣшной борьбѣ съ англичанами,—и только. Къ этому же выводу могъ привести Гладстона и анализъ судьбы его благопріятнаго фермерамъ ирландскаго земельнаго билля 1880 года, послѣ котораго умножились феніанскія покушенія и освирѣпѣла парнелевская обструкція. Исторія XIX-го вѣка каждою своею страницею кричала, что силою Ирландію не задушишь и никакими уступками, кромѣ гомруля, не успокоишь, и вѣдь эта исторія не была для Гладстона только историческою книжкою, вѣдь онъ самъ ее отчасти дѣлалъ, вѣдь онъ самъ пробовалъ душить и пробовалъ успокаивать!

Оставался гомруль. Призъ предпріятія былъ великъ; рискъ тоже оставался огроменъ. Но въ силахъ ли ума человѣческаго было предвидѣть всѣ размѣры этого риска? Гладстонъ зналъ, что Гартингтонъ, лордъ Гошенъ и многіе другіе члены его партіи противъ гомруля, но онъ же зналъ, что Джонъ Морлей, лордъ Розбери и *большинство* партіи—за гомруль. Въ отложеніи, въ формальномъ *уходѣ* уніонистовъ изъ либеральной партіи, въ ихъ коалиціи съ Салисбюри, онъ не могъ ни въ какомъ случаѣ быть увѣренъ напередъ, потому что рѣшительныя угрозы зазвучали изъ устъ уніонистовъ почти одновременно съ ихъ уходомъ, и ушли они не всѣ въ одно время. Но если бы даже и такъ, если бы Гладстонъ зналъ о неминуемости формальнаго раскола, значитъ ли это, что его поступки были непродуманы? Вѣдь у него была надежда и она, по крайней мѣрѣ, на первые полгода—вовсе не обманула его, что уходъ уніонистовъ компенсируется приходомъ ирландцевъ, что гомруль будетъ проведенъ. А если бы гомруль былъ проведенъ, то шансы возсоединенія либераловъ разомъ возросли бы. Точные подсчеты были невозможны, и они-то прежде всего обманули Гладстона.

26-го января 1886 года палъ кабинетъ Салисбюри, а 6-го февраля уже въ управленіе страною вступило либеральное министерство. Страшныя бури на частныхъ собраніяхъ слѣдовали одна за другою въ средѣ либераловъ; уніонисты ни за что не хотѣли мириться съ гомрулемъ. Къ началу лѣта партія уже рѣзко раскололась, и 7-го іюня, во время баллотировки министерскаго законопроекта, обѣ ея фракціи помѣрялись силами: 93 либерала-уніониста голосовали вмѣстѣ съ консервативной оппозиціей (250 чел.), и эта потеря не уравновѣсилась 85 парнелитскими голосами, поданными за Гладстона вмѣстѣ съ 228 вѣрными ему либеральными вотумами. Этотъ тяжкій ударъ не пошатнулъ старика. Онъ распустилъ парламентъ и назначилъ новые выборы. Гартингтонъ, Брайтъ и другіе вожди либераловъ-уніонистовъ уже вполнѣ открыто высказывались на выборахъ противъ Гладстона и гладстонцевъ, и ихъ дѣло побѣдило. Гладстоновцевъ было избрано 191 чел., уніонистовъ 74, а консерваторовъ 317,—84 парнелита оказались безсильны поддержать премьера, оставшагося въ меньшинствѣ. Послѣ полугодового пребыванія у власти Гладстонъ подалъ въ отставку.

Въ это полугодовое министерство иностранными дѣлами завѣдывалъ лордъ Розбери. Но для насъ не вполнѣ будетъ понятенъ характеръ его дѣятельности на этомъ посту и, что еще важнѣе, мы погрѣшимъ противъ хронологіи послѣдовательнаго разложенія либеральной партіи, если не прервемъ нашего изложенія и не коснемся любопытнаго явленія, имѣвшаго мѣсто въ этомъ же 1886 году и часто, не безъ основанія, называемаго литературнымъ началомъ новѣйшаго имперіализма. Ознакомивъ читателя съ имперіалистскими идеями, все настоятельнѣе уже тогда дававшими о себѣ знать, мы сможемъ продолжать нашъ разсказъ, который покажетъ, какъ эти идеи отражались на министерской дѣятельности Розбери и какъ онѣ повліяли на окончательное ослабленіе либеральной партіи. Новый ударъ уже падалъ на либеральную партію.

V.

Въ 1886 году въ Лондонѣ вышла въ свѣтъ книга Джемса Энтони Фруда подъ страннымъ названіемъ: «Oceana». Авторъ назвалъ такъ свое произведеніе въ память и въ честь трактата публициста XVII-го вѣка Гаррингтона *), который подъ этимъ словомъ понималъ единую республику, заключающую въ себѣ Англію со всѣми ея настоящими и будущими владѣніями. Книга Фруда можетъ быть разсматриваема, какъ одна изъ первыхъ ласточекъ новѣйшаго имперіализма, столь пышно расцвѣтшаго въ послѣдніе годы, и мимо ея успѣха и значенія не смо-

*) О Гаррингтонѣ см. работу проф. Р. Виппера «Общественныя ученія и историческія теоріи теоріи XVIII и XIX вв.», «Міръ Божій», 1899 г., мартъ—сент. Есть отдѣльное изданіе. *Ред.*

жетъ пройти ни одинъ будущій историкъ имперіалистскихъ тенденцій. Фрудъ написалъ свою книгу, будучи уже знаменитымъ ученымъ, снискавъ себѣ широкую извѣстность своими изслѣдованіями по исторіи Англіи въ XVI и XVIII вв.; къ его слову всегда прислушивались еще и потому, что о какомъ бы общественномъ (или религіозномъ) вопросѣ онъ ни говорилъ, его убѣжденность въ правотѣ своего взгляда выливалась съ необыкновенною искренностью, иногда даже со страстью. И въ молодости, когда онъ раздѣлялъ воззрѣнія пюзеизма и католической тенденціи въ епископальной церкви, и въ зрѣломъ возрастѣ, когда онъ поссорился съ университетомъ изъ-за крутого своего поворота къ свободомыслію, и въ старости, когда изъ-подъ его пера изошелъ литературный призывъ къ имперіализму,—Фрудъ не былъ и не считался празднымъ болтуномъ, желающимъ привлечь къ себѣ вниманіе общества оригинальностью выходокъ или потворствомъ вкусамъ толпы. Въ срединѣ 80-хъ гг. имперіализмъ еще только зрѣлъ и подготовлялся; о современномъ его распространеніи не было и рѣчи, и, поэтому, всякая имперіалистская теорія являлась скорѣе оригинальностью, пробнымъ камнемъ, нежели разсчитанною безпроигрышною спекуляціею. Вотъ почему ее представилъ добросовѣстный ученый, а не литературный промышленникъ, — Фрудъ, а не Киплингъ и не разновидность Киплинга.

Одна изъ основныхъ мыслей книги Фруда заключается въ томъ, что вся политика англійскаго правительства по отношенію къ заокеанскимъ колоніямъ была и осталась (писано въ концѣ 1885 года) одною сплошною ошибкою. Благодаря цѣлому ряду нелѣпостей со стороны Георга III-го и его министровъ, возмутились противъ Англіи сѣвероамериканскія колоніи, и отъ великаго англо-саксонскаго ствола отвалилась весьма значительная вѣтвь. Съ тѣхъ поръ англичане пріобрѣли и пріумножили владѣнія въ Австраліи, Африкѣ, на Тихомъ океанѣ; образовалась цѣлая колоніальная имперія, которая въ эпоху войны Соединенныхъ Штатовъ за независимость была лишь въ зародышѣ (говоря, конечно, сравнительно). Тѣмъ не менѣе, ошибки, сдѣланныя въ свое время Георгомъ III, повторялись англійскимъ правительствомъ, если не въ тѣхъ же внѣшнихъ формахъ, то въ томъ же духѣ. Во-первыхъ, колоніи не имѣли ни малѣйшаго представительства въ англійскомъ парламентѣ и такъ какъ некому было поддерживать ихъ интересы то при всякомъ случаѣ эти интересы страдали; метрополія сдѣлала, напримѣръ, изъ Австраліи каторжную колонію, отъ чего страна, конечно, страшно терпѣла, и это измѣнилось только тогда, когда неминуемъ былъ общій бунтъ австралійцевъ противъ Англіи; только тогда высылка каторжниковъ прекратилась. Во-вторыхъ, министры колоній, сидя въ Лондонѣ и не имѣя часто никакого представленія о мѣстныхъ нуждахъ и обстоятельствахъ, весьма нерѣдко своею сбивчивою, перемѣнчивою политикою вносили жестокую путаницу въ больной и острый вопросъ всякой колонизаціи, въ вопросъ объ отношеніяхъ окрестныхъ

туземцевъ и колонистовъ. То дикарямъ говорили объ ихъ полной независимости, то ихъ грабили и выгоняли изъ селеній, то снова признавали ихъ независимость. Конечно, плодомъ этихъ колебаній и безтактностей лондонскаго правительства были вѣчныя возстанія туземцевъ, усмиренія и новыя возстанія, отъ чего колонисты страдали самымъ ужаснымъ образомъ, а метрополія, не признавая своей же собственной вины, непріятно поражалась расходами на новыя и новыя войны противъ кафровъ въ южной Африкѣ или дикарей Новой Зеландіи и Австраліи. «Политико-экономисты начали спрашивать, какая польза отъ колоній, которыя ничего не приносятъ императорскому казначейству, но являются вѣчною статьею расхода для плательщика налоговъ». Фрудъ, собственно, не разбиваетъ этого аргумента; націоналистическая идеологія кажется ему сокровищницей до того сильныхъ доводовъ, что онъ спѣшитъ къ ней обратиться: «Мы не остановились надъ тѣмъ размышленіемъ, что если даже колоніи для насъ въ настоящее время являются тягостью, то въ правѣ ли мы отрѣзать отъ себя и оставить на произволъ судьбы людей нашей крови и нашей расы, послѣ того, какъ мы поощряли ихъ заводить поселенія подъ нашимъ флагомъ». Въ результатѣ такого отношенія къ колоніямъ Англія убрала свои войска изъ Канады, изъ Австраліи и Новой Зеландіи, уменьшила отрядъ, стоявшій въ южной Африкѣ. Колоніи были снабжены конституціями, въ основу которыхъ былъ положенъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ принципъ самоуправленія, и такимъ-то путемъ, наскоро и небрежно, метрополія постаралась ослабить связь между собою и ненужными ей колоніями. «Казалось, вторая группа территоріальныхъ пріобрѣтеній, которыя обезпечила (за Англіей) англійская предпріимчивость, должна послѣдовать за первою. Американскія провинціи были потеряны вслѣдствіе нарушенія ихъ правъ. Остальное должно было быть отброшено прочь, какъ не имѣющее цѣнности». Конечно, разстались съ внѣшней стороны по-дружески, и истинный смыслъ дѣла былъ затемненъ уклончивыми выраженіями, которыми правительство хотѣло успокоить національное чувство. «Намъ говорили, что самоуправленіе дано было колоніямъ лишь съ цѣлью болѣе привязать ихъ къ намъ», тогда какъ въ дѣйствительности никто изъ свѣдущихъ государственныхъ людей Англіи не сомнѣвался, что колоніи вскорѣ совсѣмъ потеряютъ какую бы то ни было оффиціальную связь съ Великобританіей. «Безполезно дольше говорить объ этомъ,—сказалъ Фруду одинъ (не называемый имъ) важный сановникъ:—дѣло сдѣлано, большія колоніи потеряны. Вопросъ лишь въ одномъ годѣ или въ двухъ».

Такъ все обстояло въ срединѣ XIX-го вѣка. Съ ироніей вспоминаетъ Фрудъ это время, эти первые годы послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, когда капиталистическая буржуазія окончательно ощутила подъ ногами твердую почву, когда вѣра въ «дешевый трудъ и въ дешевый уголь» дѣлала очень многихъ энтузіастами промышленнаго ка-

питализма. Говорилось о потокахъ золота, которые зальютъ предпринимателей, о мирномъ рѣшеніи соціальнаго вопроса, о томъ, что при дешевомъ хлѣбѣ и постоянномъ требованіи на рабочія руки, голодать въ Англіи неимущіе классы не могутъ и не будутъ. По обыкновенію своему уклоняясь отъ детальнаго разсмотрѣнія экономической стороны этой оптимистической теоріи средины вѣка, Фрудъ довольствуется въ отношеніи ея ироніей тона *) и углубляется въ то свойственное ему настроеніе, которое мы назвали бы политическимъ романтизмомъ. Такъ какъ жизнь взрослыхъ и подростающихъ поколѣній въ городахъ и на фабрикахъ безъ солнца, безъ чистаго воздуха, безъ полей ведетъ рано или поздно къ вырожденію націи и такъ какъ города соединеннаго королевства сами по себѣ становятся слишкомъ малы для все увеличивающагося народонаселенія, то Фруду кажется, будто «геній Англіи, предвосхищая неизбѣжное возрастаніе» народа, напередъ озаботился о его размѣщеніи. Англійская предпріимчивость заняла огромныя мѣстности на земномъ шарѣ и этимъ сослужила, по мнѣнію автора, великую услугу родинѣ. Бѣднымъ дѣтямъ англійской націи есть куда уйти отъ дыма и чада тѣсной метрополіи; укрѣпляя свои связи съ колонистами, англійская нація могла бы мощно развивать свою силу, давать сильныя физически и духовно поколѣнія, родившіяся и выросшія на просторѣ солнечнаго свѣта и воздуха, она могла бы стать «царицею между націями, неуязвимою извнѣ, мирною и здоровою внутри». Въ противоположность другимъ благамъ, думаетъ авторъ, это было легко достижимо: стоило только протянуть руку, чтобы обезпечить его за собою. И однако, «какъ бы подъ вліяніемъ чаръ», англичане ничего въ этомъ смыслѣ не дѣлали, они не брали примѣра съ американцевъ!

Здѣсь мы наталкиваемся на явленіе, которое характерно не только для такой зарницы новѣйшаго имперіализма, какъ «Oceana», но и для всего послѣдующаго теченія: англійскіе имперіалисты съ завистью и почтеніемъ склонны смотрѣть на Соединенные Штаты и ставить ихъ въ примѣръ своимъ соотечественникамъ. Теперь, когда Штаты бросились въ колоніальную политику, когда по праву завоеванія захватываются Филиппины и безъ всякаго права Сандвичевы острова, — немудрено, что между «англо-саксонскими кузенами «возникла своего рода jalousie de mêtier и что за каждымъ удачнымъ ходомъ Америки англійскіе имперіалисты слѣдятъ съ завистливымъ и почтительнымъ удивленіемъ. Пишущій эти строки весьма интересовался вакханаліей, разыгрывавшейся лѣтомъ 1898 года на страницахъ англійской имперіалистской печати по поводу испано-американской войны; здѣсь было нѣчто помимо расоваго соучастія,—нѣчто въ родѣ, такъ сказать, профессіональнаго торжества. Если не ошибаемся, Шатобріанъ въ своихъ «Mémoires d'outre-tombe» говоритъ, что Наполеонъ I-й, ограбивъ Прус-

*) «It was a theory» etc. («Oceana», 7).

сію, оставилъ ей въ числѣ немногихъ другихъ владѣній Силезію, которую за полстолѣтія сама Пруссія силою отняла у Австріи, и что этимъ поступкомъ насильникъ какъ бы оказывалъ почтеніе чужому, давнишнему насилію. Въ радости англійскихъ патріотовъ по поводу американскихъ побѣдъ чувствуется нѣчто аналогичное. Но все это происходитъ теперь, а тогда, когда писалась «Oceana», Сѣверо-Американскіе Штаты привлекли сочувствіе ученаго автора другимъ. «Невозможно (Англіи сплотиться съ колоніями)!—сказали политики.—Но вѣдь не оказалось же, однако, невозможнымъ для Соединенныхъ Штатовъ отказаться отъ того, чтобы быть отдѣленными. Соединенные Штаты раскрыли свои вены и пролили потоками свою кровь, чтобы имѣть возможность остаться единымъ народомъ». Этотъ намекъ на кровопролитную войну между сѣверными и южными штатами изъ-за уничтоженія рабовладѣльчества, кончившуюся закрѣпленіемъ единства союза, указываетъ, что авторъ даже и очень крупную цѣну въ иныхъ случаяхъ считаетъ недорогою. Океанъ не только раздѣляетъ, но и соединяетъ, онъ изборожденъ телеграфными кабелями и пароходствомъ, поэтому Фрудъ не признаетъ возможности такого возраженія, что сѣверные и южные штаты лежатъ на одномъ континентѣ и ихъ легче удержать въ единствѣ, нежели англійскія колоніи, разбросанныя по всему земному шару. «Невозможность есть слово политиковъ, у которыхъ нѣтъ охоты или нѣтъ способности понимать новыя условія. Имперіи «Океаны» не можетъ быть. Англійская раса не любитъ быть частями имперіи. Но республика «Океана», держащаяся единствомъ крови, общими интересами, общею гордостью вслѣдствіе положенія, которое можетъ быть обезпечено единеніемъ, — такая республика можетъ вырасти сама собою, если бы возможно было внушить политикамъ мысль оставить ее въ покоѣ». Фрудъ, такимъ образомъ, подчеркиваетъ (онъ многократно возвращается къ этому), что единеніе возможно лишь на началахъ полной внутренней свободы и взаимнаго уваженія правъ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ. Современная «Океана», какъ извѣстно, называетъ себя именно имперіей, а не республикою, но если не привилась терминологія Фруда, то его мысль не была опровергнута исторіей: полное самоуправленіе, политическая свобода царятъ въ Новой Зеландіи, въ австралійскихъ колоніяхъ и въ Канадѣ и, въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ, между англійскими колонистами Каплэнда. Въ этомъ смыслѣ имперіализмъ не внесъ никакой новой струи въ сложившіеся до него и безъ него колоніальные порядки. Словомъ, единство британской имперіи утверждается въ послѣдніе годы не на почвѣ деспотизма, столь характернаго для колоніальной исторіи Испаніи, Франціи и иныхъ странъ, а на почвѣ свободы и взаимнаго уваженія. Только это и хотѣлъ сказать Фрудъ, противополагая «имперію»—«республикѣ». (Въ дальнѣйшемъ изложеніи увидимъ, впрочемъ, сколько принципіальнаго «свободомыслія» содержится въ имперіализмѣ).

«Колоіни,—продолжаетъ авторъ,—британскія, и хотятъ остаться британскими и подобно тому, какъ два куска стали можно спаять не иначе, какъ подогрѣвъ ихъ до извѣстной температуры, точно также, когда жажда объединенія возрастетъ въ Англіи и въ колоніяхъ,—невозможное станетъ возможнымъ и даже легчайшею изъ политическихъ возможностей». Великолѣпіе Океаны, гдѣ будетъ всегда вѣрный, прочный и обширный рынокъ для сбыта англійскихъ товаровъ, гдѣ бѣдняки-эмигранты превратятся въ маленькихъ земельныхъ собственниковъ, гдѣ дѣти будутъ расти здоровыя, крѣпкія, «съ краскою на щекахъ и съ шансомъ человѣческаго существованія въ будущемъ»—это великолѣпіе носится предъ умственнымъ взоромъ Фруда. Онъ отказывается дать государственнымъ людямъ рецептъ того, какъ именно, какими актами и конституціями скрѣпить связь метрополіи съ колоніями. «Англійскій народъ создалъ колоніи. Народъ Англіи (метрополіи) и народъ колоній — одинъ народъ». Чувство единства есть сила, которая создастъ все: «Если народъ желаетъ этого, оно (единство) приметъ органическую форму, остальное же будетъ легко».

Придавая столь благотворное значеніе непосредственному національному чувству, Фрудъ снова и снова настаиваетъ на глубочайшей ошибочности всей англійской колоніальной политики, царившей до его времени. «Мы и колонисты жили отдѣльно другъ отъ друга» и не поняли. Колонистовъ слѣдуетъ, какъ ему кажется, убѣдить, что никогда англійскій народъ въ этомъ отношеніи не раздѣлялъ взглядовъ своихъ правителей. «Мы были индифферентны и занимались своими собственными дѣлами, но мы, народъ, всегда смотрѣли на нихъ, какъ на кость отъ костей нашихъ, какъ на плоть отъ плоти нашей. Они никогда не подчинятся тому, чтобы быть управляемыми Англіею. Вѣтка не управляется стволомъ; листъ не спрашиваетъ у вѣтки, какую форму ему принять, а цвѣтокъ не спрашиваетъ, какова должна быть его окраска; но если колонисты узнаютъ, что наши чувства къ нимъ подобны ихъ чувствамъ къ намъ,—тогда вѣтка, листъ и цвѣтокъ останутся соединенными на одномъ стволѣ, стремясь къ нераздѣльному существованію, и тогда всѣ вмѣстѣ, необходимые другъ другу, они образуютъ одинъ величественный организмъ, который сможетъ презирать всѣ бури рока».

Фрудъ отправился въ путешествіе; онъ посѣтилъ Капскую землю, Австралію, Новую Зеландію, и встрѣчи съ руководящими политиками и съ общественными дѣятелями этихъ странъ, личныя впечатлѣнія, частые разговоры, все утвердило его въ изложенныхъ выше мысляхъ. «Я отправился путешествовать по странамъ, гдѣ патріотизмъ не есть чувство, вызывающее насмѣшку, гдѣ онъ не есть, какъ опредѣлялъ его Джонсонъ, «послѣднее убѣжище для бездѣльника...» Какъ кстати припомнилъ честный романтикъ имперіализма ядовитыя джонсоновскія слова предъ самымъ расцвѣтомъ джингоистскихъ чувствъ въ *Англіи*, и до какой степени это опредѣленіе извѣстнаго сорта патріо-

тизма (the last refuge of a scoundrel) кажется вольнымъ переводомъ щедринскихъ эпитетовъ: «Патріотъ своего отечества и мерзавецъ своей жизни!» Тѣмъ-то и любопытна новѣйшая исторія имперіализма, что въ ней, «какъ солнце въ малой каплѣ воды», отразилось и повторилось въ характерной своей чертѣ прошлое чуть ли не всего многообразнаго европейскаго національнаго движенія: сначала Фихте и Кернеръ, а потомъ вжесненское сѣченіе польскихъ школьниковъ; сначала Криспи-гарибальдіецъ, а потомъ Криспи-жандармъ и авторъ абиссинской войны, въ данномъ случаѣ—сначала мечты Фруда о розовыхъ щечкахъ эмигрантскихъ дѣтей въ заморскихъ владѣніяхъ Океаны, а потомъ набѣгъ Джемсона на Трансвааль, бурская война, концентраціонные лагери, стѣсненіе Чэмберленомъ итальянскаго языка на Мальтѣ. Впрочемъ, здѣсь, въ Англіи, эта эволюція, въ виду огромной разницы во всемъ, прошла гораздо быстрѣе, а потому и незамѣтнѣе. Романтическій періодъ новѣйшаго имперіализма, кромѣ книги Фруда и ея успѣха, кажется ничѣмъ выдающимся отмѣченъ не былъ. Въ этомъ смыслѣ «Океана» произведеніе историческое и мы только потому воздерживаемся отъ самаго подробнаго ея анализа, что въ настоящемъ этюдѣ имперіализмъ интересуетъ насъ только лишь съ точки зрѣнія судебъ англійской либеральной партіи, и слишкомъ детальное углубленіе въ его литературную исторію было бы здѣсь излишне. Но передавая главныя мысли «Океаны», мы не можемъ пройти мимо того, что ея авторъ, говоритъ, напримѣръ, о Трансваалѣ, съ которымъ Англія въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ вела войну, кончившуюся миромъ послѣ пораженія англичанъ при Маюба-хиллѣ (весною 1881 г.). Многіе негодовали на Гладстона за то, что онъ заключилъ миръ съ бурами. Вотъ что говоритъ объ этомъ Фрудъ: «Я не могу порицать правительство за то, что оно уклонилось отъ дальнѣйшаго веденія кровавой борьбы за дѣло, которое оно уже осудило» (такъ какъ Гладстонъ, принявъ войну въ 1880 г. отъ своего предшественника, велъ ее совершенно противъ воли)... «Если бы мы упорствовали (въ войнѣ),—превосходство въ силѣ и средствахъ должно было бы, въ концѣ концовъ, побѣдить. Но война перешла бы за границы Трансвааля. Она должна была бы стать завоевательною войною противъ всего голландскаго населенія, которое все приняло бы участіе въ ней. *Мы бы навлекли безчестіе на наше имя* (...brught a scandal on our name). Мы бы привели и должны были бы привести на край гибели храбрый и почтенный народъ. Мы бы вызвали порицаніе, можетъ быть, даже вмѣшательство другихъ державъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ возвращается къ бурскому вопросу. Если бы, пишетъ онъ—англійское правительство, англійскій парламентъ и англійская пресса попытались сдѣлать лучшее, что они могутъ, т.-е. оставить южную Африку въ покоѣ,—несчастная страна вздохнула бы свободно, и «при хорошей почвѣ и хорошемъ климатѣ, при богатствѣ минераловъ и дра-

гоцѣнныхъ камней, англичане, голландцы, базутосы, кафры и зулусы могли бы («зарыть въ землю сѣкиру») заключить прочный миръ и жить благоденствовать одни рядомъ съ другими». Мы видимъ, что старый историкъ не извѣрился въ людяхъ и, предполагая возможность мирнаго и равноправнаго сожительства на югѣ Африки бѣлой и черной расы, былъ не только о своихъ соотечественникахъ, но и о бурахъ лучшаго мнѣнія, нежели они заслуживали. Не трудно было бы только по приведеннымъ цитатамъ установить всю разницу между имперіализмомъ Фруда и имперіализмомъ Чэмберлена.

Коренную свою мысль о необходимости тѣснѣйшаго сплоченія колоній съ метрополіей Фрудъ повторяетъ много разъ въ своихъ путевыхъ очеркахъ, составляющихъ по объему главное содержаніе книги; возвращается къ этой идеѣ и въ заключительной главѣ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ Англіей управляли аристократы и ихъ ошибки лишили Англію сѣверо-американскихъ колоній; съ парламентской реформы 1832 года у кормила правленія стали люди средняго класса, которые совершенно равнодушны оказались къ колоніямъ, ихъ потерѣ или сохраненію; будущее принадлежитъ демократіи, и Фрудъ ставитъ вопросъ, окажется ли демократія «умнѣе» своихъ предшественниковъ и захочетъ ли для милліоновъ людей, изъ которыхъ она состоитъ, сохранить плодоносныя территоріи, «и воздухъ, и свѣтъ солнца, и возможность поселеній для количества людей, въ десять разъ большаго сравнительно съ нынѣшнимъ числомъ». Что колоніи жаждутъ сплоченія, онъ не сомнѣвается, и не только національное чувство побуждаетъ ихъ къ тому: «Въ наши дни, когда свѣтъ сталъ такъ малъ, а руки великихъ державъ сдѣлались столь длинны, независимая Викторія, или Новый Южный Уэльсъ, или Новая Зеландія очутились бы во власти честолюбиваго завоевателя, который бы имѣлъ въ своемъ распоряженіи флотъ и армію». Фрудъ не вѣритъ въ преимущества демократическаго строя вообще, но именно для дѣла скрѣпленія связи съ колоніями демократія кажется ему единственно пригодною. Пусть будетъ услышанъ свободный голосъ народа колоній и метрополіи, и «единая британская имперія» будетъ организована. Какъ видимъ, Фрудъ не особенно стоитъ за свое названіе объединеннаго государства; «республика», «commonwealth» въ «United British Empire», но основной смыслъ, идея—осталась та же: полная политическая свобода, демократизованный строй, полное самоуправленіе, вотъ что только и можетъ спаять «Океану».

Книга кончается словами—пріобрѣтающими особый интересъ въ наши дни. Авторъ признаетъ, что его родина переживаетъ «кризисъ въ національномъ существованіи» и что самые мудрые не могутъ предугадать будущее. Величіе Англіи можетъ возрасти, ея владѣнія смогутъ гордиться ею, «если англійскій характеръ выйдетъ изъ испытанія вѣрнымъ своимъ старымъ традиціямъ», если англичане попрежнему будутъ «смѣлы сердцемъ и зорки глазомъ, не ища того, что имъ не принадлежитъ, но въ

рѣшимости удерживать свое достояніе мечомъ». Если же, напротивъ, «будетъ продолжаться ошибочная политика, которой дивился въ послѣдніе годы міръ, если мы покажемъ, что у насъ нѣтъ установленныхъ принциповъ дѣйствія, если мы будемъ ввязываться въ нелѣпыя войны и невызванное кровопролитіе», словомъ, если міру станетъ ясна «перемѣна въ натурѣ» англичанина,—тогда колоніи отчаятся въ метрополіи, и если не отпадутъ отъ нея, то будутъ знать, что ждать отъ нея хорошаго—нечего. Тутъ можно внести только одну поправку: «міръ» рѣшилъ бы, что «натура» англичанина измѣнилась, именно, только въ томъ невѣроятномъ случаѣ, если бы послѣдній пересталъ «искать того, что ему не принадлежитъ»; къ чему Фруду понадобилось такъ идеализировать англійскія «старыя традиціи»—неизвѣстно, ибо его соотечественники отнюдь не уступали никогда прочимъ народамъ въ посильномъ присвоеніи всего, плохо на земномъ шарѣ лежащаго. Эта идеализація прошлаго типична для романтика, даже если романтическая мечта витаетъ въ будущемъ, какъ обстоитъ дѣло въ настоящемъ случаѣ. О предсказаніи же, заключенномъ въ послѣдней цитатѣ, въ наше время забыли и думать именно тѣ, которые спеціально заняты сплоченіемъ и расширеніемъ «Океаны».

Книга Фруда не показалась откровеніемъ новыхъ истинъ; когда она появилась, вниманіе общества уже было направлено въ извѣстную сторону, ибо агрессивная политика другихъ державъ во внѣевропейскихъ странахъ уже нѣсколько лѣтъ внушала довольно большой къ себѣ интересъ среди правящихъ круговъ Англіи. Это литературное произведеніе только пропагандировало имперіалистскую идею въ широкой читающей публикѣ. Промышленное развитіе Германіи, почти безпримѣрное по своему темпу въ исторіи Европы, неуклонное движеніе французовъ съ сѣвера къ югу и востоку Африки, то прикрываемое разными будто бы не военными миссіями, то совсѣмъ ничѣмъ не прикрываемое, даже эфемерные успѣхи Италіи въ Эритреѣ и Тигре—все это въ концѣ 80-хъ годовъ и въ первой половинѣ 90-хъ гг. приводило въ безпокойство англійскіе промышленные и особенно торговые круги. Старое популярное изреченіе, что «торговля слѣдуетъ за флагомъ», стало лозунгомъ дня. Какъ-то очень быстро измѣнилась физіономія всего вопроса объ имперіи: сближеніе съ колоніями, о которомъ мечталъ Фрудъ, стало уже не одною изъ главныхъ цѣлей, а лишь средствомъ къ военному подкрѣпленію метрополіи; многообразнымъ предметомъ всѣхъ стремленій сдѣлалось для вліятельныхъ слоевъ англійскаго народа, именно, «то, что ему не принадлежитъ» (выражаясь честнымъ въ своей наивности языкомъ автора «Oceana»); подъ имперіализмомъ начали понимать не сплоченіе всѣхъ англійскихъ владѣній, вѣрнѣе, не только это сплоченіе, но и завоевательное расширеніе границъ уже имѣющейся колоніальной имперіи. Книгу Фруда продолжали считать чуть ли не библіей новѣйшаго имперіализма, но уже къ концу первой

половины 90-хъ гг. рѣчи съ платформъ, статьи въ газетахъ (а потомъ и въ журналахъ), памфлеты, спичи въ партійныхъ клубахъ создали нѣчто новое, своего рода «традицію» имперіализма, которая, какъ почти всѣ традиціи, очень замѣтно разошлась съ «библіей».

При такихъ-то условіяхъ прожило и пало послѣднее либеральное правительство, которое пока видѣла исторія Англіи, т.-е. кабинетъ Розбери. Мы прервали очеркъ исторической жизни либеральной партіи на томъ моментѣ, когда ирландскій вопросъ рѣшительно эту партію раскололъ, когда дѣло ея обезсиленія явственно началось. Впереди ей предстояли еще болѣе черные дни, дни трансваальской войны. Въ 1895 г. партія ушла отъ власти вмѣстѣ со своимъ вождемъ Розбери; въ 1895—1901 гг. лордъ Розбери пережилъ весьма знаментальную эволюцію, отразившую на себѣ судьбы либеральной партіи и, можетъ быть, на нихъ, въ свою очередь, повліявшую. Посмотримъ же, что этотъ человѣкъ дѣлалъ отъ того времени, какъ Гладстонъ впервые назначилъ его министромъ,—до 1895 года, въ чемъ и какъ проявилъ онъ себя отъ начала и до конца своей министерской карьеры; намъ кажется, что такой обзоръ приготовитъ отчасти читателя къ пониманію той позиціи, которую бывшій либеральный лидеръ занялъ послѣ взрыва и разгара имперіалистскихъ страстей. На этой позиціи онъ не одинокъ; писать о томъ, какъ повліялъ на него имперіализмъ, значитъ писать исторію вчерашняго и сегодняшняго дня либеральной партіи. Очертивъ дѣятельность Розбери до начала трансваальской войны, мы дальше перейдемъ къ характеристикѣ того, чѣмъ теперь сталъ имперіализмъ, всего шестнадцать лѣтъ тому назадъ переживавшій свой короткій романтическій періодъ, и попытаемся опредѣлить, каковы пока для либеральной партіи результаты ея сшибки съ этимъ могущественнымъ политическимъ теченіемъ.

Ев. Тарле.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ДВА МОМЕНТА ВЪ РАЗВИТІИ ТВОРЧЕСТВА АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА.

(Критическій очеркъ).

Просматривая томъ за томомъ, безчисленные очерки и разсказы г. Чехова, пристально вглядываясь въ нихъ, улавливая сходныя черты, вы легко поддаетесь странной иллюзіи: вы уже не у себя въ кабинетѣ, а въ мастерской художника, гдѣ на стѣнахъ рядами развѣшаны картины. Вы окидываете взглядомъ комнату, и прежде всего вамъ бросается въ глаза разнообразная окраска картинъ. Основныхъ тоновъ, повидимому, немного. Но сколько разнообразныхъ, неуловимыхъ оттѣнковъ! Вотъ рядъ картинъ съ розовой окраской. Этотъ розовый цвѣтъ начинаетъ, наконецъ, раздражать ваши глаза, и вы переходите къ другому ряду. Здѣсь другая окраска, синевато-зеленая, успокаивающая, и другія картины, ласкающія, манящія. Но и въ томъ, что раньше казалочь вамъ розовымъ, вы начинаете улавливать синеватые и свѣтло-зеленые оттѣнки. Дальше темная, мрачная окраска, и сколько такихъ картинъ! Мрачный тонъ утомляетъ и удручаетъ васъ, но теперь и то, что раньше слегка раздражало вашъ глазъ, начинаетъ отливать красновато-багровымъ блескомъ... И вдругъ все смѣшалось въ вашихъ глазахъ. Розовыя, синія, зеленыя, темныя полосы быстро мелькаютъ одна за другой, и вы все начинаете видѣть въ новомъ, какомъ то фантастическомъ освѣщеніи. Какая то странная, тусклая, однообразно-сѣрая пелена заслонила отъ васъ живую игру цвѣтовъ и ихъ безконечно-разнообразныхъ оттѣнковъ. Вы встряхиваетесь, чтобы освободиться отъ этого страннаго впечатлѣнія, и догадываетесь, что художникъ и картины тутъ не при чемъ: это просто у васъ зарябило въ глазахъ...

Освободившись отъ этой странной иллюзіи, вы снова начинаете, теперь уже медленно, одну за другой, разсматривать картины и легко убѣждаетесь, что тутъ разныя цвѣта и очень много оттѣнковъ. Вы находите дальше, что сами картины различны и по исполненію и по значенію. Тутъ и простыя фотографіи, безукоризненныя по отдѣлкѣ, но ничего не говорящія ни уму, ни сердцу. Вы окидываете ихъ взгля-

домъ и быстро проходите мимо. Вотъ цѣлый рядъ набросковъ, этюдовъ, разнообразныхъ по содержанію, но одинаковыхъ или сходныхъ по темѣ. Вы чувствуете, что это не простыя фотографіи, что художникъ вложилъ въ нихъ что то свое, лично ему принадлежащее, наложилъ на нихъ печать своей нравственной личности. Но тема слегка затронута, съ какой-нибудь одной стороны, или въ разныхъ картинахъ съ разныхъ, но близкихъ сторонъ, и вы, чувствуя легкую досаду и неудовлетворенность, проходите дальше. И вдругъ вы остановились передъ картиной, которая сразу поразила васъ и надолго приковала къ себѣ. Картина какъ будто знакома вамъ. Линіи, краски, фигуры, положенія—все это вы раньше видѣли на фотографіяхъ и набраскахъ. Но въ нихъ есть что-то новое, одухотворенное. То же лицо, но иначе смотритъ. Вы пристально всматриваетесь въ подробности, заходите съ разныхъ сторонъ и наконецъ угадываете замыселъ художника. То, что раньше слегка тревожило васъ, здѣсь, возведенное въ перлъ созданія, озарилось новой красотой, и вы испытываете чувство полнаго, глубокаго удовлетворенія, и многое изъ раньше видѣннаго, но незамѣченнаго или непонятаго, всплываетъ въ вашемъ сознаніи и становится яснымъ. Идете дальше—и опять наброски, этюды, но здѣсь уже другая тема; и снова картина, глубокая, одухотворенная. Весь процессъ творчества художника въ своихъ результатахъ проходитъ передъ вами, и на примѣрѣ г. Чехова очень удобно вы можете прослѣдить развитіе, постепенный ростъ художественнаго таланта.

Но не только художественнаго таланта. Глѣбъ Успенскій въ своей автобіографической запискѣ писалъ, что его біографія—это его сочиненія. Съ такимъ же правомъ это можетъ сказать про себя г. Чеховъ. По крайней мѣрѣ то, что больше всего интересуетъ насъ въ біографіи писателя—его духовная личность, ея постепенный ростъ, его думы, настроеніе, міровоззрѣніе—все это, несмотря на всю сдержанность и корректность г. Чехова, а порой и неясность его полупризнаній, достаточно отразилось въ его произведеніяхъ. Правда, у него нѣтъ ничего кричащаго, рѣзкаго, бьющаго въ глаза. Вы не услышите отъ него ни воплей, ни рыданій, ни негодующаго крика, ни презрительнаго смѣха. И когда онъ рисуетъ наиболѣе отвратительные типы, повидимому, онъ совершенно спокоенъ, какъ будто дѣлаетъ дѣло, лично ему совершенно чуждое, постороннее. Но это спокойствіе—просто сдержанность воспитаннаго человѣка, за которой скрывается натура, глубоко чувствующая, тоскующая, страстно чего-то ищущая. Стоитъ только взять его, почти любое, описаніе природы, которая смѣется, плачетъ, тоскуетъ, томится, чтобы составить о немъ представленіе, какъ о писателю глубоко субъективномъ. Въ сущности его произведенія есть исторія его души, сначала безпечной, потомъ глубоко тоскующей и наконецъ, повидимому, нашедшей удовлетвореніе. Современемъ, конечно, біографія дастъ намъ настоящій ключъ къ всестороннему пониманію

его произведеній. Но пока что будетъ, попытаемся только на основаніи его произведеній отмѣтить главнѣйшіе моменты въ его развитіи.

I.

А. П. Чеховъ началъ свою литературную дѣятельность очень мелкими, иногда миніатюрными, въ страничку или двѣ, очерками, которые собраны теперь въ первыхъ трехъ томахъ изданія Маркса. Это изящныя, тщательно обработанныя бездѣлушки, хотя встрѣчаются разсказы и малообработанные, представляющіе, очевидно, черновые наброски. Встрѣчаются и такіе расказы, гдѣ фантазія автора и наблюденныя черты дѣйствительности не слиты органически, а лежатъ полосами другъ возлѣ друга, какъ двѣ химически несходныя жидкости. Такихъ разсказовъ, впрочемъ, мало. Зато, почти всѣ они написаны просто такъ, pour rire, чтобы позабавить читателя. Напрасно мы стали бы искать здѣсь опредѣленное міровоззрѣніе художника, но есть то, что принято называть настроеніемъ.

Преобладающее настроеніе автора за этотъ періодъ его дѣятельности можно сравнить съ тѣми чувствами, которыя испытываетъ туристъ, въ первый разъ отправляясь путешествовать въ какую-нибудь незнакомую страну просто для развлеченія или отдыха. Сколько тамъ новаго, интереснаго, любопытнаго! Какіе виды, костюмы, типы! Какіе странные и смѣшные обычаи, сколько вообще занимательнаго, любопытнаго! И онъ все одинаково осматриваетъ, ему одинаково любопытно и ничтожное и важное. Но не зная страны, онъ по всему скользитъ бѣглымъ взглядомъ, ни во что не всматривается пристально, ко всему относится съ легкою ироніей. Ему все любопытно и ничто въ частности не успѣло его заинтересовать. Приблизительно такое же настроеніе было и у г. Чехова въ первое время. На литературное поприще онъ выступилъ, какъ туристъ, безъ всякихъ претензій. Бѣгло схватитъ какое-нибудь душевное движеніе или вообще явленіе жизни, вставитъ его въ изящную рамку и любуется имъ или смѣется надъ нимъ то заразительно весело, то слегка иронически. Вмѣстѣ съ нимъ любуется и смѣется читатель. Да и какъ не любоваться, когда все это такъ красиво выходитъ! И какъ не смѣяться, когда въ сущности въ жизни такъ много смѣшного, особенно въ той сѣренькой, будничной жизни, которую изображаетъ г. Чеховъ. Сколько смѣшного разскажутъ про себя или другъ про друга ея незамѣтные, ничтожные герои—всѣ эти пьяненькіе, праздноболтающіе, мелочно-самолюбивые, глуповатые, глупенькіе и дубинно-головые, эти дамочки, порхающія, интригующія, неугомонно-щебечущія. Какіе все это смѣшные уроды, какіе чудаки! Въ этомъ беззаботномъ смѣхѣ, который звучитъ почти въ каждомъ разсказѣ, для г. Чехова характерно именно то, что здѣсь смѣхомъ все начинается и смѣхомъ кончается, подобно тому, какъ это было съ Го

големъ въ первое время его литературной дѣятельности. Въ этомъ смѣхѣ нѣтъ нравственнаго элемента, и его миніатюрныя комедіи въ сущности настоящіе водевили. Рѣдко среди этого смѣха раздается грустная нота и очень рѣдко она переходитъ въ мрачное настроеніе, за которымъ чувствуется глубокая драма.

Съ теченіемъ времени эта, изрѣдка звучавшая, безотрадная нотка раздается все чаще и чаще и становится интенсивнѣе. Это уже замѣтно на второй половинѣ третьяго тома. Въ разсказахъ четвертаго и пятаго томовъ отъ прежняго беззаботнаго настроенія не остается и слѣда. Какъ въ настроеніи, такъ и въ другихъ сторонахъ его творчества происходитъ какой-то переломъ или вѣрнѣе болѣзненный надломъ. Прежній балагуръ-разсказчикъ о чемъ-то загрустилъ и глубоко задумался. Даже когда онъ, по старой привычкѣ, собирается пошутить, впадаетъ въ прежній тонъ, то шутка выходитъ какою-то странною, тяжелою, неумѣстною, словно пошутили въ комнатѣ, гдѣ лежитъ трудно больной («Ванька»). Что же такое случилось?

Можетъ быть, лично съ нимъ случилось что-нибудь такое, что заставило его призадуматься; можетъ быть, жизнь, съ которою онъ все больше знакомился, утомила его своимъ однообразіемъ, какъ та безграничная степь, которую онъ описалъ съ такимъ безнадежно-тоскливымъ настроеніемъ; можетъ быть, онъ увидѣлъ, что въ жизни далеко не все такъ понятно и просто, какъ кажется съ перваго взгляда. Съ настроеніемъ безпечнаго туриста прогуливаясь по палестинамъ родной дѣйствительности, все расширяя кругъ своихъ наблюденій, ближе присматриваясь къ дѣйствительности, онъ не могъ не замѣтить, что въ жизни ужъ вовсе не такъ много смѣшного, какъ это кажется человѣку, у котораго бьющее черезъ края веселье молодости окрашиваетъ все въ розовый цвѣтъ. Сама жизнь, изображаемая имъ, не могла не показать ему, какъ часто смѣхъ и слезы идутъ рука объ руку, и какъ часто за тѣмъ, что кажется смѣшнымъ съ перваго взгляда, скрывается глубокая драма. Но, несомнѣно, не малую долю вліянія оказалъ на него и тотъ переворотъ въ настроеніи и міропониманіи общества, который начинался въ концѣ 70-хъ годовъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ переворотѣ одинъ изъ его персонажей. Тогда новое міропониманіе «начинало входить въ моду публики и потомъ въ началѣ 80-хъ годовъ изъ публики стало переходить въ литературу, науку и политику. Мнѣ было тогда не больше 26-ти лѣтъ, но я уже отлично зналъ, что жизнь безцѣльна и не имѣетъ смысла, что все обманъ и иллюзія, что по существу и результатамъ каторжная жизнь на островѣ Сахалинѣ ничѣмъ не отличается отъ жизни въ Ниццѣ, что разница между мозгомъ Канта и мозгомъ мухи не имѣетъ существеннаго значенія, что никто на этомъ свѣтѣ ни правъ, ни виноватъ» («Огни»). По всей вѣроятности, эта новая волна и захватила г. Чехова. По крайней мѣрѣ, «красивая, сочная мысль о безцѣльности жизни и загробныхъ потемкахъ», съ ея

уродливыми крайностями, полною безвыходностью и пустотою, несомнѣнно отразилась на его творчествѣ. Такъ, напр., разсказъ «Поцѣлуй» какъ будто нарочно выдуманъ на заранѣе составленную тему—о безсмысленности жизни. Здѣсь разсказывается, какъ одинъ поручикъ, Рябовичъ, подъ вліяніемъ случайно и ошибкой полученнаго имъ поцѣлуя, цѣлое лѣто мечталъ о любви, о «ней», о семейной жизни, какъ онъ нетерпѣливо ждалъ, что на возвратномъ пути онъ встрѣтится съ прекрасною незнакомкой, и какъ изъ этого ничего не вышло по той простой и понятной причинѣ, что его никто не ждалъ и имъ никто не интересовался. Странный разсказъ, не правда ли? Но этотъ, несомнѣнно, вымышленный разсказъ нуженъ былъ г. Чехову, чтобы оправдать тѣ мысли, которымъ предается разочарованный поручикъ. Стоя на берегу рѣчки, онъ думалъ: «Вода бѣжала неизвѣстно куда и зачѣмъ. Бѣжала она такимъ же образомъ и въ маѣ; изъ рѣчки въ маѣ мѣсяцѣ она влилась въ большую рѣку, изъ рѣки въ море, потомъ испарилась, обратилась въ дождь и, быть можетъ, она, та же самая вода, опять бѣжитъ передъ глазами Рябовича... Къ чему? Зачѣмъ? И весь міръ, вся жизнь показались Рябовичу непонятною, безцѣльною мистификаціей».

Герой разсказа «Пари» презираетъ все человѣчество, со всѣми его великими и малыми дѣлами, великими и малыми мыслями и это на томъ единственномъ основаніи, что, въ концѣ концовъ, все исчезнетъ и самъ земной шаръ обратится въ ледяную глыбу. Въ разсказѣ «Перекати-поле», описывая скитальца, который искалъ оправданія своей безпокойной жизни, и раздумывая о томъ, какъ много на Руси подобныхъ скитальцевъ, г. Чеховъ «воображалъ себѣ, какъ бы обрадовались всѣ эти люди, если бы нашлись разумъ и языкъ, которые съумѣли бы доказать имъ, что ихъ жизнь такъ же мало нуждается въ оправданіи, какъ и всякая другая». Изъ подобныхъ мыслей и отдѣльныхъ замѣчаній, описаній въ раннихъ произведеніяхъ г. Чехова, напр., въ разсказахъ «Степь», «Счастье» и др., можно бы набрать цѣлый букетъ.

Трудно по однимъ разсказамъ, лишеннымъ къ тому же хронологическихъ помѣтъ *), при отсутствіи другихъ біографическихъ данныхъ,

---

*) Было бы желательно, чтобы г. Чеховъ къ одному изъ послѣдующихъ томовъ своихъ сочиненій приложилъ хронологическій указатель. Насколько можно судить, въ изданіи г. Маркса сочиненія расположены въ хронологическомъ порядкѣ, хотя этотъ порядокъ и не вездѣ выдержанъ. Нѣкоторые разсказы не вошли въ собраніе—«Отставной рабъ», «Огни». Мѣстами, очевидно, измѣнена редакція. Я имѣю въ виду одно мѣсто въ разсказѣ «Три года», гдѣ редакція измѣнена неудачно. Юлія Сергѣевна, одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ разсказѣ, любуется картиной на выставкѣ. «На переднемъ планѣ рѣчка, черезъ нее бревенчатый мостикъ, на томъ берегу тропинка, исчезающая въ темной травѣ, поля, потомъ справа кусочекъ лѣса... А вдали догараетъ вечерняя заря». Юлія вообразила, «что если все идти и идти по тропинкѣ, то захочется вѣчной жизни». Это въ первой редакціи («Русская Мысль» 1895 г.). Въ изданіи Маркса послѣдняя фраза, удачная и простая, замѣнена

прослѣдить, какъ подобное міропониманіе, или, лучше, міро*не*пониманіе повліяло на молодого писателя. Насколько сильно все-таки было это вліяніе, показываетъ то обстоятельство, что слѣды его остаются на немъ до сихъ поръ. Именно до сихъ поръ осталась у него привычка на все смотрѣть подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, не съ точки зрѣнія причины и слѣдствія или какой-нибудь моральной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія смысла и цѣли. Хорошъ поступокъ или дуренъ, красиво явленіе или безобразно, понятно или нѣтъ—г. Чеховъ, прежде всего, ищетъ въ нихъ *смысла и цѣли.* Это, за первыми мимолетными набросками, и есть рано опредѣлившаяся спеціально *чеховская* точка зрѣнія на вещи.

Указанное настроеніе, овладѣвшее г. Чеховымъ, и по тону, и по интенсивности далеко не однообразно. Иногда это просто грусть, порой глубокая грусть.

Вотъ, напр., какъ жалуется степная трава на свою безвременно погибшую жизнь. «Она, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну, она увѣряла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивою, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенія и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя». («Степь»). И это прекрасное мѣсто можно бы прямо поставить эпиграфомъ ко многимъ произведеніямъ г. Чехова.

Иногда слышится глубокая, затаенная тоска по идеалу, которому нѣтъ мѣста на землѣ, тоска по скрытой въ жизни красотѣ, мимо которой равнодушно проходятъ люди и которая гибнетъ никому ненужная и никѣмъ не воспѣтая. Вспомнимъ, напримѣръ, описаніе ночи въ «Степи», или другой его разсказъ «Красавицы».

Эта тоска по идеалу слышится и въ другихъ разсказахъ, о чемъ мы еще будемъ говорить.

Временами писателемъ овладѣваетъ скука, уныніе, какое-то подавленное настроеніе, происходящее отъ сознанія пустоты и безцѣльности жизни, отъ чувства глубокаго одиночества, потерянности человѣка съ его мечтами, порывами среди безграничнаго міра, который, можетъ быть, таитъ въ себѣ глубокія тайны, можетъ быть, не имѣетъ никакихъ особенныхъ тайнъ, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ одинаково непонятнаго человѣку, равнодушнаго къ нему, порой безсмысленно грубаго и жестокаго.

Въ другихъ сторонахъ творчества писателя происходятъ также значительныя перемѣны, появляются новыя черты. Въ это именно время вырабатывается своеобразный, чисто «чеховскій», пунктирный стиль.

другою, неясною и неудачною: «Тамъ, гдѣ была вечерняя заря, покоилось отраженіе чего-то неземного, вѣчнаго».

Сами разсказы становятся значительно больше по объему и гораздо продуманнѣе. Изъ массы случайныхъ, ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ произведеній, начинаетъ замѣтно выдѣляться та общая тема, которая подъ конецъ періода, именно въ разсказахъ 6-го и 8-го томовъ, почти всецѣло овладѣваетъ писателемъ.

Чтобы выяснить эту общую тему, а также отчасти найти, чѣмъ вызывалось и поддерживалось новое настроеніе автора, нужно всмотрѣться въ типы и персонажи, созданные г. Чеховымъ за указанное время, и съ этой цѣлью ихъ довольно удобно можно соединить въ нѣсколько группъ.

Животная сторона въ человѣкѣ, кажется, раньше всего и сильнѣе всего поразила г. Чехова. Припомните, напр., одинъ изъ первыхъ его разсказовъ: «Сирену». По болѣе позднему разсказу «Тифъ» мы можемъ прослѣдить, какъ смѣняется настроеніе человѣка подъ вліяніемъ больного, а потомъ выздоравливающаго организма. Но особенно г. Чеховъ мастеръ рисовать цѣльныя звѣриныя, животныя фигуры. Таковъ, напр., Вася въ разсказѣ «Степь». Когда онъ заглянулъ въ ведро съ рыбой, «глаза его замаслились, и лицо стало сентиментальнымъ... Онъ вынулъ что-то изъ ведра, поднесъ ко рту, и сталъ жевать. Послышалось хрустѣнье.

«— Братцы,—удивился Степка,—Васька пескаря живьемъ ѣстъ! Тьфу!

«— Это не пескарь, а бобырикъ,—покойно отвѣчалъ Вася, продолжая жевать. Онъ вынулъ изо рта рыбій хвостикъ, ласково поглядѣлъ на него и опять сунулъ въ ротъ. Пока онъ жевалъ и хрустѣлъ зубами, Егорушкѣ казалось, что онъ видитъ передъ собой не человѣка. Пухлый подбородокъ Васи, его тусклые глаза, необыкновенно острое зрѣніе, рыбій хвостикъ во рту и ласковость, съ какою онъ жевалъ пескаря, дѣлали его похожимъ на животное». Таковъ и старый чабанъ («Счастье») со своими «овечьими думами» о счастьѣ, въ видѣ кладовъ зарытомъ въ землѣ. На вопросъ парня Саньки, что онъ будетъ дѣлать съ кладомъ, если найдетъ его, старикъ не съумѣлъ отвѣтить.

«— Я-то?—усмѣхнулся старикъ.—Гм... только бы найти, я-то... показалъ бы я всѣмъ кузькину мать... Гм... Знаю, что дѣлать...

«За всю жизнь этотъ вопросъ представлялся ему въ это утро, вѣроятно, впервые, а судя по выраженію лица, легкомысленному и безразличному, не казался ему важнымъ и достойнымъ размышленія». Старикъ стоитъ и думаетъ свои безсмысленныя думы. Но вѣдь и «овцы также думали». «Ихъ мысли, длительныя и тягучія, вызываемыя представленіями только о широкой степи и небѣ, о дняхъ и ночахъ, вѣроятно, поражали и угнетали ихъ до безчувствія.

Такова, дальше, горничная Поля въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка». У этой упитанной, избалованной, «цѣльной, вполнѣ законченной натуры не было ни Бога, ни совѣсти, ни законовъ», и если бы понадобилось «убить, поджечь или украсть», то нельзя было бы найти «луч-

шаго сообщика»; или въ томъ же разсказѣ — Кукушкинъ, «человѣкъ съ манерами ящерицы».

Такова княгиня («Княгиня»), порхающая «птичка», въ которой даже суровыя, жаркія слова доктора не могли пробудить ничего человѣческаго; или этотъ Рашевичъ («Въ усадьбѣ») — «жаба», каждое слово котораго «дышитъ злобой и комедіантствомъ»; или Аріадна («Аріадна»)— натура чувственная, прожорливая, лукавая. «Она хитрила постоянно, каждую минуту, повидимому, безъ всякой надобности, а какъ бы по инстинкту, по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ воробей чирикаетъ, или тараканъ шевелитъ усами». Это «самка», главною цѣлью которой было нравиться самцу и умѣть «побѣдить» этого самца.

А вотъ въ разсказѣ «Супруга» на семейной фотографіи доктора цѣлая звѣриная группа: «Тесть, теща, его жена Ольга Димитріевна... Тесть—бритый, пухлый, водяночный тайный совѣтникъ, хитрый и жадный до денегъ: теща—полная дама съ мелкими и хищными чертами, какъ у хорька, безумно любящая свою дочь и во всемъ помогающая ей; если бы дочь душила человѣка, то мать не сказала бы ей ни слова и только заслонила бы ее своимъ подоломъ. У Ольги Димитріевны тоже мелкія и хищныя черты лица, но болѣе выразительныя и смѣлыя, чѣмъ у матери, это уже не хорекъ, а звѣрь покрупнѣе!»

Припомните затѣмъ героя разсказа «Крыжовникъ», который вотъ-вотъ «хрюкнетъ въ одѣяло», Наташу въ «Трехъ сестрахъ»—это «шершавое животное», или Аксинью «Въ оврагѣ» съ ея наивными, немигающими глазами, съ маленькою головкой на длинной шеѣ и стройною фигурой, глядѣвшей, «какъ весной изъ молодой ржи глядитъ на прохожаго гадюка, вытянувшись и поднявъ голову».

Все это, очевидно, явленія одного и того же порядка. И этотъ старый чабанъ, и Вася, и Поля, Рашевичъ, Аксинья и всѣ они—люди-звѣри, люди-животныя, съ ихъ чисто животною, и потому, съ точки зрѣнія г. Чехова, безсмысленной психологіей, ничѣмъ не отличаются, напр., отъ этихъ овецъ, которые «тоже думаютъ», отъ этихъ грачей, которые летаютъ, неизвѣстно зачѣмъ, но повинуясь инстинкту,—даже больше, ничѣмъ не отличаются отъ этихъ «свирѣпыхъ и безобразныхъ» волнъ «жестокаго, безсмысленнаго» моря, изъ которыхъ «всякая старается подняться выше всѣхъ и давитъ, и гонитъ другую»; они готовы пожрать всѣхъ людей, «не разбирая святыхъ и грѣшныхъ» («Гусевъ»). Обратите вниманіе на эти эпитеты—жаба, хорекъ, ящерица, птичка, овечьи мысли, гадюка, которыми г. Чеховъ любитъ характеризовать подобныхъ персонажей. Если прослѣдить по разсказамъ ихъ психологію, то въ ней не окажется ничего чисто человѣческаго, разумнаго. Это совершенно цѣльныя, звѣриныя фигуры, иногда болѣе ловкіе, умные и жестокіе, чѣмъ тѣ звѣрки, которыхъ они напоминаютъ. Они воруютъ, убиваютъ, лукавятъ, дышатъ ненавистью и злобой, они способны на все, и въ ихъ душѣ, ограниченной инстинктами, не воз-

никаетъ даже вопроса, зачѣмъ они такъ дѣлаютъ и вообще зачѣмъ они живутъ, какъ подобный вопросъ не можетъ возникуть, напр., у собаки. Они стоятъ ниже этой границы, которая, съ точки зрѣнія г. Чехова, отдѣляетъ человѣческое, осмысленное, разумное отъ животнаго, безцѣльнаго, безсмысленнаго.

Другіе персонажи г. Чехова поднимаются выше этой границы, но только затѣмъ, чтобы мелькнувъ свѣтлой точкой, снова погрузиться, слиться съ окружающей пошлостью. Такова, напр., Софья Львовна въ разсказѣ «Володя большой и Володя маленькій». Жена богатаго полковника, она не имѣетъ никакого дѣла и никакой цѣли въ жизни. Длинные, скучные, однообразные дни, которые наполняются ѣздой по роднымъ и знакомымъ и катаньемъ на тройкахъ; длинныя, томительныя ночи, близость нелюбимаго мужа, за котораго она вышла по разсчету и «par dépit»; затаенная любовь къ другу дѣтства, Володѣ, который недавно кончилъ курсъ и пишетъ диссертацію, но такъ же развратенъ и пошлъ, какъ и ея мужъ и какъ все общество, которое окружаетъ ее— вотъ жизнь Софьи Львовны. Но она не совсѣмъ еще вросла въ эту жизнь. Временами ей хочется начать новую жизнь, хочется «быть хорошимъ, честнымъ, чистымъ человѣкомъ, не лгать, имѣть цѣль въ жизни». Съ этими вопросами она обращается къ другу дѣтства, который, добившись своего, черезъ недѣлю бросаетъ ее. И Софьѣ Львовнѣ «становилось жутко отъ мысли, что для дѣвушекъ и женщинъ ея круга нѣтъ другого выхода, какъ не переставая кататься на тройкахъ и лгать, или же идти въ монастырь, избивать плоть».

Въ томъ же родѣ и Вѣра Ивановна Кардина («Въ родномъ углу»). Послѣ смерти отца она поселилась въ своей степной усадьбѣ. Сосѣди помѣщики и служащіе на ближнемъ заводѣ доктора и инженеры—все какіе-то «равнодушные и беззаботные люди». «Казалось, что у нихъ нѣтъ ни родины, ни религіи, ни общественныхъ интересовъ». Они давно уже ничего не читаютъ, да забыли и то, что и знали. Что дѣлать, куда дѣваться молодой, изящной, говорящей на трехъ языкахъ, много читавшей и путешествовавшей женщинѣ? Служить народу? Но она не знаетъ народа и не умѣетъ къ нему подойти. Онъ чуждъ и неинтересенъ. Сдѣлаться врачомъ? Но она боится труповъ и болѣзней. А нужно дѣлать что-нибудь, «отдать бы свою жизнь чему-нибудь такому, чтобы быть интереснымъ человѣкомъ, нравиться интереснымъ людямъ, любить, имѣть свою настоящую семью... Но что дѣлать, съ чего начать?» И ей стало ясно, что эта безконечная, однообразная равнина, окружающая ея усадьбу, гдѣ нѣтъ ни одной живой души, это «спокойное зеленое чудовище поглотитъ ея жизнь, обратитъ въ ничто. Ей стало ясно, что у нея одинъ выходъ: «дѣлать все, что дѣлаютъ другія женщины ея круга» и такую жизнь «считать своей настоящей жизнью, которая суждена ей» и не ждать лучшей. «Вѣдь лучшей и не бываетъ! Прекрасная природа, грезы, музыка говорятъ одно, а дѣйствительная жизнь

другое. Очевидно, счастье и правда существуютъ гдѣ-то внѣ жизни. Надо не жить, надо слиться въ одно съ этой роскошной степью, безграничной и равнодушной, какъ вѣчность, съ ея цвѣтами, курганами и далью, и тогда будетъ хорошо».

Что Софья Львовна, женщина замужняя, слабая и, очевидно, неопытная въ жизни не можетъ найти себѣ выхода—это еще понятно. Но непонятно, почему Вѣра Ивановна отдалась во власть зеленому чудовищу. Вѣдь она же много читала, путешествовала, говоритъ на трехъ языкахъ. Неужели она за всю свою жизнь такъ и не могла столкнуться съ хорошимъ человѣкомъ, осуществить свои очень скромныя мечты, найти подходящее для себя общество, конечно, не въ той ямѣ, гдѣ она поселилась, а гамъ, гдѣ она раньше жила, и жила, повидимому, разумной, человѣческой жизнью? Г. Чеховъ, повидимому, самъ это чувствовалъ, и нарисовалъ картину, какъ Вѣра, окруженная пошлостью, наконецъ, не выдержала и устроила дикую сцену, послѣ которой и рѣшила выйти замужъ за мѣстнаго доктора, недалекаго субъекта, чѣмъ окончательно отдалась въ лапы зеленому чудовищу. Но это нисколько не помогаетъ дѣлу: вѣдь прямой-то выходъ, когда она сама ужаснулась своей выходки,—не связать себя съ этой ямой, а бѣжать изъ нея. Это должно быть первымъ инстинктивнымъ движеніемъ человѣка, порядочнаго, честнаго, изящнаго, несомнѣнно искренняго.

Нужно замѣтить, что Вѣра Ивановна, какъ и многіе другіе персонажи г. Чехова, совсѣмъ не борется съ жизнью. Они какъ-то слишкомъ скоро, не сдѣлавъ даже перваго шага для осуществленія своей мечты, своихъ порывовъ, или при первой попыткѣ сдѣлать его, тотчасъ убѣждаются, что ихъ порывы безразсудны и нелѣпы или просто неосуществимы, и притомъ часто очень скромные мечты и порывы. Получается такое впечатлѣніе, что эти мечты и ихъ носители уже заранѣе обречены на гибель и притомъ никѣмъ другимъ, какъ самимъ г. Чеховымъ.

Одинокій мечтатель среди общества, живущаго животными интересами, и неизмѣнно гибнущій—подобная картина очень занимала г. Чехова. Вотъ еще примѣръ. Въ знаменитой «Палата № 6» два такихъ мечтателя: докторъ, Андрей Ефимовичъ, и Иванъ Дмитріевичъ Громовъ. Исторія ихъ извѣстна, и когда въ концѣ концовъдоктора, признававшаго только одинъ человѣческій умъ, объявляютъ сумасшедшимъ и отправляютъ въ ту же палату № 6, гдѣ находился Иванъ Дмитріевичъ, вѣчно протестовавшій, но оказавшійся неспособнымъ къ активной борьбѣ, Андрею Ефимовичу приходится на собственномъ опытѣ убѣдиться, что его философія квіэтизма не только нелѣпа, но и преступна. Онъ понялъ это, когда сторожъ Никита избилъ его въ первый же день за попытку выйти изъ палаты.

Однако, идея разсказа вовсе не въ томъ, чтобы показать несостоятельность квіэтизма, хотя и это здѣсь есть. Вѣдь вотъ же Громовъ—

бурная, протестующая натура, но и онъ сидитъ въ домѣ умалишенныхъ. Тамъ, гдѣ нормальнымъ закономъ жизни служатъ полное одичаніе, тупая, сонная жизнь, одни животные инстинкты, гдѣ кругомъ царитъ безправіе, невѣжество, деспотизмъ и тупая, вѣками воспитанная покорность судьбѣ,—тамъ честные, благородные люди или люди съ высокими умственными интересами оказываются аномаліей, странною, бьющею всѣмъ въ глаза. Они или сами не выдерживаютъ своей оторванности, отчужденности отъ общества и сливаются съ нимъ, какъ Вѣра Кардина; или же, если слишкомъ рѣзко имъ бьетъ въ глаза безправіе человѣка въ этомъ обществѣ, то они сходятъ съ ума, какъ Громовъ; или, наконецъ общество само не перевариваетъ ихъ и зачисляетъ въ число сумасшедшихъ. Какая, въ самомъ дѣлѣ, странная и страшная картина! Во всемъ городѣ только два порядочныхъ, честныхъ человѣка; только они живутъ духовно-разумною жизнью, да и тѣ, въ концѣ концовъ, оказываются въ домѣ умалишенныхъ.

Подобно доктору и Громову, въ разсказѣ «Гусевъ» гибнетъ больной, добродушный парень Гусевъ, мечтающій о деревнѣ и хозяйствѣ, среди «безсмысленнаго, жестокаго» моря; гибнетъ и его спутникъ, Павелъ Ивановичъ, несмотря на свое критическое отношеніе къ дѣйствительности.

Смыслъ всѣхъ этихъ разсказовъ можно выразить словами самого г. Чехова, на этотъ разъ его собственными словами. Вотъ что онъ говоритъ въ «Островѣ Сахалинѣ» объ интеллигенціи на каторгѣ. «Въ прежнее время на каторгѣ служили по преимуществу люди нечистоплотные, небрезгливые, тяжелые, которымъ было все равно, гдѣ ни служить, лишь бы ѣсть, пить, спать да играть въ карты; порядочные же люди шли сюда по нуждѣ и потомъ бросали службу при первой возможности или спивались, сходили съ ума, убивали себя, или же мало-по-малу обстановка затягивала ихъ въ свою грязь, подобно спрутуосьминогу, и они тоже начинали красть, жестоко сѣчь».

II.

Въ только что разобранныхъ разсказахъ главное вниманіе г. Чехова направлено на внѣшнія условія, какъ на причину гибели мечты и мечтателей. Внутреннія условія—слабость, болѣзненность дѣйствующихъ лицъ, за исключеніемъ Вѣры Кардиной,—имѣются налицо. Но ихъ слабо оттѣняетъ г. Чеховъ; очевидно, не въ нихъ дѣло. И если бы читатель спросилъ, почему же г. Чеховъ не покажетъ намъ, какъ живетъ и борется среди пошлости сильный человѣкъ, то г. Чеховъ, по всей вѣроятности, отвѣтилъ бы, что сильному человѣку здѣсь не мѣсто—онъ или бѣжитъ изъ подобныхъ ямъ, или, если остается, то въ этомъ концертѣ пошлости начинаетъ играть первыя роли или, вообще, вырождается во что-нибудь крайнее, уродливое, безобразное; вѣдь «жи-

вой организмъ обладаетъ способностью приспособляться и принюхиваться къ какой угодно атмосферѣ» («Дома»).

Это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что «приспособляются» только къ атмосферѣ низменной, чувственной, животной, какова бы она ни была, но не къ атмосферѣ возвышенной, разумной, прекрасной. Бываетъ именно такъ (по крайней мѣрѣ у г. Чехова бываетъ), что внѣшнія условія для выполненія какого-нибудь полезнаго, гуманнаго дѣла, для проявленія какого-нибудь прекраснаго человѣческаго чувства или просто для того, чтобы человѣкъ остался человѣкомъ всѣ налицо. И однако, полезное, гуманное дѣло не выполняется или выполняется другими людьми, прекрасное, человѣческое чувство не проявляется, прекрасный, прямо рѣдкій, человѣкъ теряетъ человѣческій образъ.

Вотъ, напр., статистикъ Огневъ въ разсказѣ «Вѣрочка». Цѣлое лѣто проведя въ семьѣ предсѣдателя земской управы, онъ привыкъ къ ней, какъ къ родной. Когда онъ собрался въ Петербургъ и простился, то дочь предсѣдателя, Вѣрочка, вышла его проводить. Представьте себѣ, что Огневъ былъ молодъ, чистъ душей, подогрѣтъ виномъ, ни разу не испыталъ въ жизни романа и чувствовалъ этотъ пробѣлъ; представьте чудную лунную ночь и рядомъ съ Огневымъ Вѣрочку, нравивившуюся Огневу, и «въ каждой пуговкѣ и оборочкѣ» которой онъ «умѣлъ читать что-то теплое, уютное, наивное, что-то такое хорошее, поэтичное»; представьте дальше, что Вѣрочка признается ему въ любви, признается молодо, страстно, горячо. Тутъ-то бы и раскрыться чувству Огнева, распуститься бы ему пышнымъ цвѣткомъ! Но какъ ни много было жизни, поэзіи, смысла въ томъ, что она говорила, до такой степени много, что «камень бы тронулся»; какъ ни возмущалось въ немъ и не шептало ему чувство, «что все, что онъ видитъ и слышитъ теперь, съ точки зрѣнія природы и личнаго счастья, серьезнѣе всякихъ статистикъ, книгъ, истинъ»; какъ онъ ни «злился, сжимая кулаки и проклиная свою холодность»; какъ ни «старался возбудить себя, глядя на красивый станъ Вѣрочки, на ея косу и слѣды»; какъ ни ясно понималъ, что «лучше Вѣры никогда не встрѣчалъ женщинъ и никогда не встрѣтитъ»,—несмотря на все это, «онъ испытывалъ не наслажденіе, не жизненную радость, какъ бы хотѣлъ, а только чувство состраданія къ Вѣрѣ, боль и сожалѣніе, что изъ-за него страдаетъ хорошій человѣкъ»; «все это только умиляло его, но не раздражало его души; онъ былъ «глупъ и нелѣпъ» и не могъ сказать «да», потому что «не находилъ въ своей душѣ даже искорки». Отыскивая причину своей холодности, онъ понялъ, что «она лежала не внѣ, а въ немъ самомъ»—«въ безсиліи души, неспособности воспринимать глубоко красоту, ранней старости, пріобрѣтенной путемъ воспитанія, безпорядочной борьбы изъ-за куска хлѣба, номерной, безсемейной жизни». Очевидно, Огневъ просто дряблая натура, пораженная нравственнымъ маразмомъ.

Любопытенъ также инженеръ Асоринъ въ разсказѣ «Жена», человѣкъ богатый, вліятельный, со строгими правилами, безусловно честный. Въ уѣздѣ голодъ и онъ желаетъ организовать помощь окрестнымъ крестьянамъ. Да кому же лучше всего и взяться за дѣло, какъ не ему? Но тутъ-то, при первой же попыткѣ вмѣшаться въ народную нужду, разоблачается вся его дрянная, мелкая, черствая натура. Оказывается, за его возвышенными убѣжденіями и строгими правилами скрывается эгоистъ и человѣконенавистникъ, который никого не любитъ, никому не довѣряетъ, всѣхъ подозрѣваетъ. Сосѣдъ Брагинъ говоритъ ему: «Съ виду вы какъ будто и настоящій человѣкъ. Наружность у васъ и осанка, какъ у французскаго президента Карно... Говорите вы высоко, умны вы, и въ чинахъ, рукой до васъ не достанешь, но, голубчикъ, у васъ душа не настоящая... Силы въ ней нѣтъ... Да». Любопытно, что Асоринъ, понявъ это, а также и то, что нужно любить жизнь и людей, хотя уже не мѣшаетъ другимъ дѣлать дѣло, но самъ попрежнему занимается своими личными дѣлами *).

Еще любопытнѣе старый профессоръ въ «Скучной исторіи». Это— знаменитый ученый, превосходный педагогъ, а какъ частный человѣкъ—настоящій «король». Онъ никогда не протестовалъ, не возмущался, а только совѣтовалъ и убѣждалъ, «никогда не судилъ, былъ снисходителенъ, охотно прощалъ всѣхъ направо и налѣво». Съ дѣтства онъ «привыкъ противостоять внѣшнимъ вліяніямъ и закалилъ себя». Даже его извѣстность, генеральство, такія знакомства, какъ Пироговъ, Кавелинъ, Некрасовъ, дарившіе его самою теплою дружбой— все это едва коснулось его, и онъ остался «цѣлъ и невредимъ». Это рѣдкій, чудный цвѣтокъ, а вся его прошлая жизнь—«талантливая, красиво сдѣланная композиція». И, однако, къ концу жизни съ нимъ совершается катастрофа, мастерски очерченная авторомъ. Въ «Скучной

*) Г. Чеховъ въ процессѣ творчества додумывается иногда до очень оригинальныхъ мыслей. Такъ, Асоринъ, разсматривая въ квартирѣ Брагина замѣчательно прочную мебель, которую дѣлалъ еще крѣпостной столяръ Бутыга, предается такимъ размышленіямъ: «Если со временемъ какому-нибудь толковому историку искусствъ попадется на глаза шкапъ Бутыги и мой мостъ, то онъ скажетъ: «Это два въ своемъ родѣ замѣчательныхъ человѣка: Бутыга любилъ людей и не допускалъ мысли, что они могутъ умирать и разрушаться и потому, дѣлая свою мебель, имѣлъ въ виду безсмертнаго человѣка; инженеръ же Асоринъ не любилъ ни людей, ни жизни; даже въ счастливыя минуты творчества ему не были противны мысли о смерти, разрушеніи и конечности, и потому посмотрите, какъ у него ничтожны, конечны, робки и жалки эти линіи». Выражая эту мысль въ такой формѣ, г. Чеховъ, очевидно, подчеркиваетъ ее, какъ основную мысль разсказа, хотя она шире и глубже разсказа. Къ сожалѣнію, впослѣдствіи г. Чеховъ не останавливался на этой глубокой и оригинальной мысли, если не считать архитектора Полознева въ «Моей жизни», человѣка сухого и черстваго, у котораго и въ жизни все, не исключая и построекъ, выходило сухо, черство, бездарно, да, пожалуй, «Человѣка въ футлярѣ», который, впрочемъ, не столько не любитъ жизни и людей, сколько боится ихъ.

исторіи» описанъ именно процессъ паденія человѣка, въ которомъ обнажилась вся его мелкая, дрянная, животная подкладка. И дано ему оригинальное объясненіе. Все это случилось потому, что «въ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ» профессора не было «чего-то главнаго, чего-то очень важнаго», того, что называется «общею идеей, или богомъ живого человѣка». «Когда въ человѣкѣ нѣтъ того, что выше и сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ вліяній, то, право, достаточно для него хорошаго насморка, чтобы потерять равновѣсіе и начать видѣть въ каждой птицѣ сову и въ каждомъ звукѣ слышать собачій вой». Очевидно, и у профессора душа не настоящая—чего-то въ ней нѣтъ и притомъ «чего-то главнаго, чего-то очень важнаго». Почему же, спроситъ читатель, вѣра въ науку не могла замѣнить профессору бога живого человѣка? Г. Чеховъ какъ будто предвидѣлъ такое возраженіе. На простой, но мучительный для его воспитанницы Кати вопросъ—что ей дѣлать?—профессоръ не нашелся хоть что-нибудь отвѣтить и это не только тогда, когда онъ самъ «оравнодушѣлъ» ко всему, а и раньше, когда онъ былъ полонъ жизни и силъ. Передъ такимъ простымъ вопросомъ, на который съумѣлъ отвѣтить каждый, имѣющій въ себѣ «бога живого человѣка», и вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ важнымъ, такъ бьющимъ прямо въ цѣль—профессоръ оказался безсиленъ, а стало быть, онъ безсиленъ и передъ жизнью, потому что давно и хорошо сказано, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Мысль г. Чехова ясна: никакой нравственный законъ, никакое самое ясное міросозерцаніе, никакая вѣра въ науку не способны удержать человѣка отъ паденія, отъ потери всего человѣческаго—въ томъ числѣ отъ потери и вѣры въ науку, если у человѣка нѣтъ еще чего-то, «самаго главнаго», «самаго важнаго». Она была бы совершенно ясною, если бы онъ указалъ, что̀ онъ понимаетъ подъ «общею идеей», «богомъ живого человѣка». Но г. Чеховъ остановился у этого порога, и читатель остается въ нѣкоторомъ недоумѣніи, передъ запертыми дверями. Но по этому, самому глубокому его произведенію за этотъ періодъ, мы можемъ судить, какъ близко онъ подошелъ къ тому міровоззрѣнію, которое онъ развиваетъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ. И другое недоумѣніе возникаетъ у читателя. Новое настроеніе профессора выростаетъ, какъ будто, на голомъ мѣстѣ. Куда же дѣвался его нравственный закалъ, его вѣра въ науку, его выдержка, ну, его привычки? Все это старое такъ привычное, укоренившееся уступаетъ мѣсто новому, мелкому и нехорошему, безъ всякой борьбы, и процессъ паденія человѣка вышелъ неполнымъ, одностороннимъ.

Ивановъ въ извѣстной драмѣ Чехова имѣетъ много общаго съ старымъ профессоромъ «Скучной исторіи». Профессоръ былъ королемъ—прощалъ направо и налѣво. И Ивановъ, когда, бывало, возмущался, то не говорилъ: «наши женщины испорчены», или: «женщина вступила на ложную дорогу», а «былъ только благодаренъ и больше

ничего!» Да и вообще въ прошломъ, по словамъ автора, онъ былъ рѣдкій въ уѣздѣ человѣкъ. Старый профессоръ измѣнился: онъ ненавидитъ, негодуетъ, презираетъ, боится; его чувства и мысли—чувства и мысли раба и варвара. Ивановъ также измѣнился: «стоитъ только больной женѣ уколоть мое самолюбіе—говоритъ онъ,—или не угодитъ прислуга, или ружье дастъ осѣчку (профессоръ говоритъ,—«достаточно хорошаго насморка»), какъ я становлюсь грубъ, золъ, непохожъ на себя». «Съ тяжелой головой, съ лѣнивой душой, утомленный, надорванный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачѣмъ живу, чего хочу? И мнѣ уже кажется, что любовь—вздоръ, ласки—приторны, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что пѣсня и горячія рѣчи—пошлы и стары. И всюду я вношу съ собой тоску, холодную скуку, недовольство, отвращеніе къ жизни». Какъ видно психологія, и тамъ, и здѣсь,—одна и та же. Вся разница между ними въ томъ, что причина этой перемѣны у профессора кроется въ отсутствіи общей идеи, а Ивановъ объясняетъ свою перемѣну тѣмъ, что онъ надорвался и утомился. Вслѣдъ за нимъ это объясненіе повторяютъ и критики и, разумѣется, находятъ его страннымъ и непонятнымъ. Но Ивановъ самъ говоритъ, что это объясненіе «не то, не то». Если мы обратимъ вниманіе, что «Ивановъ» явился раньше, но немного раньше «Скучной исторіи» (оба произведенія были напечатаны въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» въ 1889 г.—«Ивановъ» въ III-ей, а «Скучная исторія» въ XI-й книжкахъ), то мы найдемъ нѣсколько иную разгадку этой, въ отдѣльности взятой, довольно странной драмы. Съ г. Чеховымъ вообще бываетъ, что какая-нибудь тема, настроеніе, образъ овладѣютъ имъ, и онъ тотчасъ заноситъ ихъ на бумагу—оттого, можетъ быть, у него такъ много набросковъ, этюдовъ, но безсознательный творческій процессъ, очевидно, продолжается, въ результатѣ чего и появляется болѣе законченный, продуманный образъ. Съ этой точки зрѣнія, Ивановъ, не вполнѣ законченный, выношенный профессоръ, а профессоръ—тотъ же Ивановъ, до конца продуманный, разумѣется, оставляя въ сторонѣ ихъ положеніе, возрастъ, профессію и пр. Когда появятся хронологическія данныя къ сочиненіямъ г. Чехова, то подобный критическій пріемъ прольетъ много свѣта на его сочиненія.

Отмѣтимъ еще одну подробность изъ разсказа «Убійство», которая проливаетъ много свѣта на воззрѣнія г. Чехова въ данный періодъ его творчества: когда герой этого разсказа, Яковъ Иванычъ, потерялъ вѣру, то «жизнь стала ему казаться странною, безумною и безпросвѣтною, какъ у собаки... Ему казалось, что это ходитъ не онъ, а какой-то звѣрь, громадный, страшный звѣрь, и что, если онъ закричитъ, то голосъ его пронесется ревомъ по всему полю и лѣсу и испугаетъ всѣхъ»...

Есть, наконецъ, у г. Чехова разсказы, въ которыхъ мечта, порывъ

также неизмѣнно гибнутъ, часто едва родившись на свѣтъ, но въ нихъ не разберешь, гдѣ кроется причина ихъ гибели, во внѣшнихъ или во внутреннихъ условіяхъ. И тѣ и другія имѣются на лицо и, повидимому, играютъ одинаковую роль.

Такъ, въ разсказѣ «Мечты»,—жалкій, бездомный бродяга, котораго конвоируютъ въ уѣздный городъ двое сотскихъ, мечтаетъ вслухъ о привольной жизни въ Сибири, куда онъ расчитываетъ попасть ссыльно-поселенцемъ. «Какъ ни наивны его мечтанія, но они высказываются такимъ искреннимъ, задушевнымъ тономъ, что трудно не вѣрить имъ. Маленькій ротикъ бродяги перикосило улыбкой, а все лицо, и глаза, и носикъ застыли и отупѣли отъ блаженнаго предвкушенія далекаго счастья. Сотскіе слушаютъ и глядятъ на него серьезно, не безъ участія. Они тоже вѣрятъ»... Они рисуютъ себѣ картины вольной жизни, «какъ раннимъ утромъ, когда съ неба не сошелъ румянецъ зари, по безлюдному крутому берегу маленькимъ пятномъ пробирается человѣкъ; вѣковыя мачтовыя сосны, громоздящіяся террасами по обѣ стороны потока, сурово глядятъ на вольнаго человѣка и угрюмо ворчатъ; корни, громадные камни и колючій кустарникъ заграждаютъ ему путь, но онъ силенъ плотью и бодръ духомъ, не боится ни сосенъ, ни камней, ни своего одиночества, ни раскатистаго эхо, повторяющаго каждый его шагъ». Но отъ этого вольнаго края сотскихъ отдѣляетъ «страшное пространство», котораго они не могутъ даже «обнять воображеніемъ». Одинъ изъ сотскихъ грубо обрываетъ мечты бродяги:

«— Такъ-то оно такъ, все оно хорошо, только, братъ, не доберешься ты до привольныхъ мѣстовъ. Гдѣ тебѣ? Верстъ триста пройдешь, и Богу душу отдашь. Вишь ты какой дохлый! Шесть верстъ прошелъ только, а никакъ отдышаться не можешь!»

Въ воображеніи бродяги выростаютъ другія картины: «судебная волокита, пересильныя и каторжныя тюрьмы, арестантскія барки, томительныя остановки напути, студеныя зимы, болѣзни, смерти товарищей». «Онъ весь дрожитъ, трясетъ головой, и всего его начинаетъ корчить, какъ гусеницу, на которую наступили».

А вотъ студентъ, Васильевъ, въ разсказѣ «Припадокъ»,—человѣкъ крайне нервный, впечатлительный, не разъ подвергавшійся душевнымъ припадкамъ. Въ первый разъ побывавши въ домахъ терпимости, онъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ тяжелыхъ впечатлѣній и мрачныхъ мыслей.

— «Живыя, живыя!—повторяетъ онъ—въ отчаяніи хватая себя за голову. Если я разобью эту лампу, то вамъ станетъ жаль, но вѣдь тамъ не лампы, а люди! Живыя!» Онъ перебираетъ въ умѣ всѣ средства, какими можно спасти несчастныхъ и, наконецъ, рѣшаетъ стать на углу переулка и говорить каждому прохожему:

«— Куда и зачѣмъ вы идете? Побойтесь вы Бога!»

Но этотъ порывъ скоро смѣнился общей растерянностью и недо-

*

вѣріемъ къ своимъ силамъ. Зло представлялось ему слишкомъ громаднымъ и давило его своей массой. Люди, окружающіе его, беззаботны и равнодушны ко злу. Между тѣмъ, начался припадокъ. Студента, метавшагося по комнатѣ, отвезли къ психіатру. Когда онъ, успокоенный, выходилъ отъ доктора, «ему уже было совѣстно».

Анна Акимовна, молодая фабрикантша («Бабье царство»), чувствуетъ себя безпомощной и одинокой. На ея рукахъ милліонное дѣло, но она не любитъ и не понимаетъ его. Кругомъ упущенія, непорядки, «рабочіе въ баракахъ живутъ хуже арестантовъ». Она знаетъ это, но не знаетъ и не умѣетъ, какъ взяться за дѣло. Временами ей стыдно и совѣстно, что люди «глохнутъ и слѣпнутъ», работая на нее, ей неловко и жутко, когда ихъ увольняютъ съ фабрики; она чувствуетъ, что должна отвѣтить за все. Кромѣ того, ее томитъ одиночество. Выйти замужъ и притомъ за человѣка, знающаго фабричное дѣло, мелькаетъ въ ея мечтахъ, какъ единственный выходъ. Она уже намѣтила и будущаго мужа, простого мастера на ея фабрикѣ, Пименова. Ея мечты «были честны, возвышенны, благородны», однако, длились недолго. Она скоро поняла, что для нея, дочери простого работника, которому фабрика досталась по наслѣдству, въ далекомъ дѣтствѣ спавшей съ матерью подъ однимъ одѣяломъ, а теперь богатой, образованной, воспитанной—какой-нибудь адвокатъ Лысевичъ, уже поношенный и потертый, но элегантный и интеллигентный, былъ «ближе, чѣмъ всѣ рабочіе, взятые вмѣстѣ». Она вообразила Пименова, обѣдающаго вмѣстѣ съ Лысевичемъ и «его робкая, неинтеллигентная фигура показалась ей жалкой, безпомощной, и она почувствовала отвращеніе». Но досаднѣе всего ей было то, что въ ея жизни, гдѣ такъ много было пошлаго, ея возвышенныя мечты выдѣлялись «изъ цѣлаго, какъ фальшивое мѣсто, какъ натяжка». «И она думала также, что ей уже поздно мечтать о счастьѣ, что все уже для нея погибло и вернуться къ той жизни, когда она спала съ матерью подъ однимъ одѣяломъ, или выдумать какую-нибудь новую, особенную жизнь уже невозможно».

И здѣсь не совсѣмъ ясно, почему Анна Акимовна не можетъ найти для себя лучшей жизни. Если ея мечта о бракѣ съ простымъ рабочимъ оказалась нелѣпою, почему она не можетъ устроить какую-нибудь новую другую жизнь? Вѣдь она богата, образована, ей всѣ дороги открыты. Если нельзя устроить человѣческой жизни въ той ямѣ, гдѣ она живетъ, почему она не можетъ уйти изъ нея? Повидимому, просто потому, что она, какъ и Лаптевъ въ разсказѣ «Три года», раба своего положенія. Но это не освѣщено въ разсказѣ.

Вотъ еще примѣръ. Инженеръ Кучеровъ («Новая дача») построилъ себѣ дачу около деревни. И самъ онъ, и его жена, Елена Ивановна, оба славные, хорошіе, симпатичные люди, особенно она. Болѣзненная женщина, Елена Ивановна не имѣетъ своей полосы въ жизни, у нея нѣтъ любимаго дѣла. И вотъ она мечтаетъ о помощи крестьянамъ и

помогаетъ, чѣмъ можетъ и какъ умѣетъ. Крестьяне все также больше хорошій народъ—смирные, совѣстливые, съ душой. И однако, мечтамъ Елены Ивановны не суждено было исполниться. Крестьяне захватили кучеровскихъ лошадей на лугу и взяли за потраву, хотя крестьянскій скотъ свободно гулялъ по лугамъ Кучерова. Кто-то изъ крестьянъ унесъ уздечки и клещи у Кучерова и подмѣнилъ колеса у новой телѣги. Эти и подобныя мелочи раздражали и мучили и Кучерова и его жену. А когда Елена Ивановна пообѣщала крестьянамъ построить школу, кто-то изъ толпы грубо насмѣялся надъ нею. Дача была продана.

Довольно и этихъ примѣровъ, хотя ихъ можно бы значительно увеличить. Теперь мы можемъ уяснить себѣ ту тему, которая больше всего занимала г. Чехова за этотъ періодъ и которую онъ варьировалъ на разные лады. Какъ неустойчива, обманчива, иллюзорна идеальная сторона человѣческой жизни. Какъ быстро и какъ безслѣдно гибнутъ всѣ эти высокіе, благородные порывы, гибнутъ среди окружающаго мрака, животныхъ интересовъ, обыденной пошлости, которая затягиваетъ ихъ въ свою грязь, «подобно спруту-осьминогу». На какой зыбкой и шаткой почвѣ покоится все это прекрасное, человѣческое, пріобрѣтенное долгими годами и, повидимому, прочно укоренившееся, какъ у стараго профессора. Какъ этотъ культурный налетъ быстро сползаетъ съ человѣка, подъ вліяніемъ такихъ ничтожныхъ обстоятельствъ, какъ болѣзнь, страхъ смерти и т. п., и какая дрянная животная подкладка обнажается даже подъ такимъ цвѣткомъ жизни, какъ старый профессоръ. И какъ часто безсиленъ человѣкъ вызвать въ себѣ какой-нибудь благородный порывъ, какое-нибудь прекрасное чувство, а вызвавъ («Непріятность», «Сосѣди»), какъ онъ безсиленъ удержать его, а тѣмъ болѣе провести въ жизнь. Какая дрянная, дряблая душонка скрывается часто подъ наружнымъ видомъ человѣка, часто съ приличною, а то и гордою осанкой. Какъ легко и какъ прочно, до могилы, укореняется въ человѣкѣ злоба, несправедливость («Враги»). А вотъ искренняя потуга къ полезной дѣятельности скользитъ по поверхности души, не задѣвая ее глубоко, и безслѣдно пропадаетъ («Кошмаръ»). Какъ сильны въ человѣкѣ требованія его животной природы и какъ безсильны передъ ними разныя высокія слова, какъ, напр., семейныя основы, честь, разумные доводы, сила воли и пр. («Несчастье»). Какое вообще животное этотъ человѣкъ, животное жалкое, безпомощное, потерянное среди безграничнаго, непонятнаго міра.

Вотъ та канва, по которой г. Чеховъ долгое время вышивалъ свои узоры, узоры—нужно отдать ему справедливость,—несмотря на все ихъ внутреннее однообразіе, все-таки безконечно разнообразные. По крайней мѣрѣ, трудно указать другого писателя, который сравнялся бы съ нимъ по широтѣ захвата. Каждое, выводимое имъ, лицо, отъ мужика и бабы до петербургскаго сановника, отъ бродяги до захолуст-

наго философа, отъ послушника до архіерея, выходитъ у него живымъ яркимъ, типичнымъ.

Но г. Чеховъ не сатирикъ, по крайней мѣрѣ, по основному тону своихъ произведеній. Для сатирика онъ слишкомъ мягкая, гуманная натура. Про него можно сказать то же, что студентъ Васильевъ говоритъ про себя. «Онъ обладаетъ тонкимъ, великолѣпнымъ чутьемъ къ боли вообще» («Припадокъ»), а стало быть, и ко всему тому, что можетъ причинять боль, страданіе, ко всему «крупному, сильному, сердитому», ко всякой дикой, грубой силѣ, подобно Полозневу, герою разсказа «Моя жизнь». Припомните, напр., тѣ сопоставленія, какія не разъ дѣлаетъ Полозневъ («Моя жизнь»)—бойни, своего объясненія съ губернаторомъ, поступка доктора Благово. Подобныя сопоставленія могъ сдѣлать только авторъ, который самъ чутокъ къ боли вообще, къ страданію. Какъ онъ внимателенъ къ человѣку, къ его доброму имени, даже тогда, когда это имя у него отнято. «Къ сожалѣнію,—говоритъ г. Чеховъ,—нерѣдко глумятся надъ уже осужденными привилегированными преступниками и въ тюрьмѣ, и на улицѣ, и даже въ печати. Въ одной ежедневной газетѣ я читалъ про бывшаго коммерціи совѣтника, что будто бы гдѣ-то въ Сибири, идучи этапомъ, онъ былъ приглашенъ завтракать, и когда послѣ завтрака его повели дальше, то хозяева не досчитались одной ложки: укралъ коммерціи совѣтникъ! Про бывшаго камеръ-юнкера писали, будто въ ссылкѣ ему не скучно, такъ какъ шампанскаго-де у него разливанное море и цыганокъ сколько хочешь. Это жестоко» («Островъ Сахалинъ», 250—1, примѣчаніе). Это говоритъ самъ г. Чеховъ. И не смотря на то, что онъ, кромѣ «Острова Сахалина», нигдѣ не говоритъ отъ себя, а всегда прячется за своими героями, вы угадываете, что, рисуя своихъ людей-звѣрей, одинокихъ, безсильныхъ мечтателей, своего профессора, онъ пишетъ не сатиру на человѣка, онъ не смѣется надъ ними, не говоритъ съ торжествомъ—посмотрите, какое животное!—Нѣтъ, онъ страдаетъ душой за нихъ, что у нихъ нѣтъ ни Бога, ни совѣсти, ни законовъ; ему грустно и больно за эти безслѣдно гибнущія мечты, и хотя его профессоръ равнодушенъ ко всему, но авторъ, создавшій его, несомнѣнно, тоскуетъ по «общей идеѣ», по «богу живого человѣка», иначе онъ не могъ бы создать подобнаго произведенія.

Во власти этого глубокого противорѣчія—противорѣчія, можетъ быть, усвоеннаго міровоззрѣнія и глубоко скрытой въ душѣ художника потребности въ возвышающемъ душу обманѣ—долго, слишкомъ долго находился г. Чеховъ. Онъ слишкомъ обезцѣнивалъ мечту, идеалъ во имя дѣйствительности. Но онъ не любитъ и этой дѣйствительности, не любитъ даже просто разбираться въ ней, въ цѣпи причинъ и слѣдствій, что здѣсь и къ чему. Подобно Треплеву въ «Чайкѣ», онъ бѣжитъ отъ нея, «какъ Мопассанъ бѣжалъ отъ Эйфелевой башни, которая давила ему мозгъ своею пошлостью». Это странное, неопредѣ-

ленное, промежуточное положеніе между двумя мірами, міромъ дѣйствительности и міромъ мечты и идеала, чрезвычайно характеристично для г. Чехова за этотъ періодъ его дѣятельности. Въ жизни онъ никакъ не можетъ стать твердой ногой. Изображая пустоту и безсиліе мечты, обнажая жизнь, онъ понимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта обнаженная жизнь, жизнь безъ мечты «необыкновенна скудна, безцвѣтна и убога» («Поцѣлуй»). Глубоко любя и понимая природу, онъ сливается съ нею. Онъ готовъ бы слиться и съ человѣческою жизнью, если бы люди не были такими меленькими, какъ карандашики, воткнутые въ землю, по краямъ богатырской степной дороги (см. «Степь»; ср. «Три сестры»), и если бы жизнь ихъ не была такою скудною, ограниченною инстинктами. И вотъ онъ тоскуетъ по идеалу, которому нѣтъ мѣста на землѣ, по скрытой въ жизни красотѣ, мимо которой равнодушно проходятъ люди. Принижая человѣка до животнаго, онъ тоскуетъ по общей идеѣ, по Богу живого человѣка, которая сдѣлала бы его «выше и сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ вліяній», связала бы прочно въ одно цѣлое его мечты, порывы, все, что есть въ немъ человѣческаго, разумнаго. Только мечта и идеалъ даетъ цѣль и смыслъ жизни, только она дѣлаетъ жизнь радостною и счастливою. Пусть это будетъ какая угодно мечта, хотя бы бредъ сумасшедшаго, все-таки она лучше, чѣмъ эта гнетущая душу дѣйствительность («Черный монахъ»). Эта потребность въ мечтѣ необыкновенно сильна у писателя, неискоренима. И мы сейчасъ увидимъ, къ какому любопытному міровоззрѣнію она его привела, какъ она заставила его измѣнить взглядъ на жизнь, окрылила его и перевернула все вверхъ дномъ въ его взглядахъ на жизнь и человѣка.

III.

Въ послѣдніе годы въ творчествѣ г. Чехова намѣчается новый и очень важный переломъ. Временами прорывается еще прежнее настроеніе *), но нѣтъ ужъ и слѣда прежняго унынія, подавленности, отчаянія. Напротивъ, все сильнѣе слышится что-то новое, бодрое, жизнерадостное, глубоко волнующее читателя и порой необыкновенно смѣлое. Самый талантъ его какъ будто впервые расправляетъ крылья и легко и свободно, безъ всякихъ усилій и безъ всякаго насилія, создаетъ необыкновенно прелестные образы, дышущіе глубокою художественною

*) Хотя бы, напр., въ драмѣ «Три сестры». Впрочемъ, окончательно судить объ этой драмѣ еще рано. Въ ней много неяснаго. Думается, это просто одинъ изъ тѣхъ предварительныхъ этюдовъ, изъ которыхъ потомъ, какъ изъ зерна, выростаютъ истинно художественныя вещи. Думать такъ насъ заставляетъ одна изъ сестеръ, Ирина, «душа которой, какъ дорогой, запертый рояль, ключъ отъ котораго потерянъ». Можетъ быть, въ одномъ изъ послѣдующихъ произведеній г. Чеховъ раскроетъ намъ душу Ирины, какъ онъ съумѣлъ раскрыть душу Липы («Въ оврагѣ»), можетъ быть, онъ въ наблюденіяхъ или фантазіи найдетъ потерянный ключъ и тогда, можетъ быть, зазвучатъ новыя, до сихъ поръ нетронутыя струны.

правдой. Нѣтъ и слѣда прежней надуманности, отъ чего не свободны даже лучшія его произведенія прежняго времени, какъ, напр., «Жена», «Скучная исторія» и др. Чувствуется, что у него подъ ногами какая-то твердая почва, что онъ нашелъ, наконецъ, то, что онъ такъ долго искалъ.

Эти новыя черты уже замѣтно и, кажется, впервые сказались въ маленькомъ разсказѣ «Студентъ». Великопольскій, студентъ духовной академіи, разсказываетъ огородницѣ Василисѣ и ея дочери Лукерьѣ объ отреченіи апостола Петра. Подъ вліяніемъ его разсказа, «Василиса вдругъ всхлипнула, слезы, крупныя, изобильныя, потекли у нея по щекамъ, и она заслонила рукавомъ лицо отъ огня, какъ бы стыдясь своихъ слезъ, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснѣла, и выраженіе у нея стало тяжелымъ, напряженнымъ, какъ у человѣка, который сдерживаетъ сильную боль». Простившись съ ними, студентъ думалъ: «Если Василиса заплакала, а ея дочь смутилась, то, очевидно, то, о чемъ онъ только что разсказывалъ, что происходило девятнадцать вѣковъ назадъ, имѣетъ отношеніе къ настоящему — къ обѣимъ женщинамъ и, вѣроятно, къ этой пустынной деревнѣ, къ нему самому, ко всѣмъ людямъ. Если старуха заплакала, то не потому, что онъ умѣетъ трогательно разсказывать, а потому, что Петръ ей близокъ, и потому, что она всѣмъ своимъ существомъ заинтересована въ томъ, что происходило въ душѣ Петра». И радость вдругъ заволновалась въ его душѣ, и онъ даже остановился на минуту, чтобы перевести духъ. «Прошлое,—думалъ онъ,—связано съ настоящимъ непрерывною цѣпью событій, вытекавшихъ одно изъ другого». И ему казалось, что онъ только что видѣлъ оба конца этой цѣпи: дотронулся до одного конца, какъ дрогнулъ другой».

Студентъ думалъ дальше, «что правда и красота, направлявшія человѣческую жизнь тамъ, въ саду и во дворѣ первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, повидимому, всегда составляли главное въ человѣческой жизни и вообще на землѣ; и чувство молодости, здоровья, силы—ему было только 22 года—и невыразимо сладкое ожиданіе счастья, невѣдомаго, таинственнаго счастья овладѣвали имъ мало-по-малу, и жизнь казалась ему восхитительною, чудесною и полною высокаго смысла».

Отмѣтимъ сейчасъ же, что Великопольскому первому изъ персонажа г. Чехова жизнь показалась «полною высокаго смысла».

Далѣе. Въ разсказѣ «Моя жизнь» главное лицо, Полозневъ, такъ равзсуждаетъ о мужикахъ: «Въ большинствѣ это были нервные, раздраженные, оскорбленные люди, это были люди съ подавленнымъ воображеніемъ, невѣжественные, съ бѣднымъ, тусклымъ кругозоромъ, все съ однѣми и тѣми же мыслями о сѣрой землѣ, о сѣрыхъ дняхъ, о черномъ хлѣбѣ, люди, которые хитрили, но, какъ птицы, прятали за дерево только одну голову,—которые не умѣли считать. Они не шли къ

вамъ на сѣнокосъ за двадцать рублей, но шли за полведра водки, хотя за двадцать рублей могли бы купить четыре ведра. Въ самомъ дѣлѣ, были и грязь, и пьянство, и глупость, и обманы, но при всемъ томъ, однако, чувствовалось, что жизнь мужицкая, въ общемъ, держится на какомъ-то крѣпкомъ, здоровомъ стержнѣ. Какимъ бы неуклюжимъ звѣремъ ни казался мужикъ, идя за своею сохой, и какъ бы онъ ни дурманилъ себя водкой, все же, приглядываясь къ нему поближе, чувствуешь, что въ немъ есть то нужное и очень важное, чего нѣтъ, напр., въ Машѣ, въ докторѣ, а именно, онъ вѣритъ, что главное на землѣ—правда, и что спасеніе его и всего народа въ одной лишь правдѣ, и потому больше всего на свѣтѣ онъ любитъ справедливость».

Это что-то ужъ совсѣмъ новое, раньше намъ не встрѣчавшееся. Лаевскій въ «Дуэли» также мечтаетъ о правдѣ. Объ ней нашептываетъ магистру Коврину черный монахъ. О правдѣ мечтаетъ и сумасшедшій Громовъ въ «Палатѣ № 6». Правдой же, только не земною, а небесною, утѣшаетъ и Соня дядю Ваню. Но все это правда далекаго будущаго. Здѣсь же... Правда и красота оказывается не за горами и не за вѣками въ будущемъ, и не на небѣ, а здѣсь, на этой грязной и скучной землѣ. На ней, или на вѣрѣ въ нее, какъ на стержнѣ, держится жизнь народа; она отъ сѣдой древности до нашихъ дней непрерывно направляла и направляетъ человѣческую жизнь и всегда составляла главное и самое важное въ человѣческой жизни; она дѣлаетъ жизнь восхитительною, чудесною и полною высокаго смысла. И эти устои жизни не въ головѣ сумасшедшаго, а въ трезвомъ сознаніи сѣраго люда, въ сердцѣ старухи огородницы, въ душѣ жизнерадостнаго студента. Итакъ, правда, справедливость, красота, какъ элементы самой жизни и притомъ основные, главные—вотъ, наконецъ, отвѣтъ на вопросъ—въ чемъ смыслъ жизни, чѣмъ люди живы.

По всей вѣроятности, для г. Чехова этотъ новый взглядъ, или, вѣрнѣе, цѣлая философія въ зародышѣ, былъ настоящимъ открытіемъ. Это у него заволновалась радость въ груди, когда онъ послѣ долгихъ исканій открылъ эту новую для него истину. Что студентъ Великопольскій и Полозневъ въ данномъ случаѣ высказываютъ мысли самого г. Чехова или близкія и дорогія ему мысли—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Вотъ что говоритъ самъ г. Чеховъ въ «Островѣ Сахалинѣ». «Каторжникъ, какъ бы глубоко онъ ни былъ испорченъ и несправедливъ, любитъ всего больше справедливость, и если ея нѣтъ въ людяхъ, поставленныхъ выше его, то онъ изъ года въ годъ впадаетъ въ озлобленіе, въ крайнее невѣріе. Сколько, благодаря этому, на каторгѣ пессимистовъ, угрюмыхъ сатириковъ, которые съ серьезными, злыми лицами толкуютъ безъ умолку о людяхъ, о начальствѣ, о лучшей жизни, а тюрьма слушаетъ и хохочетъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, выходитъ смѣшно». На что, кажется, яснѣе. Каторжникъ и самъ бываетъ несправедливъ и г. Чеховъ знаетъ, что часто бываетъ жестоко неспра-

ведливъ и все-таки больше всего любитъ справедливость, такъ что даже впадаетъ въ озлобленіе, невѣріе и угрюмый пессимизмъ. Справедливость такая же необходимая стихія человѣческой жизни, какъ воздухъ и вода.

Вообще нужно отмѣтить чрезвычайно гуманное отношеніе г. Чехова къ мужику, которое не разъ сказалось въ томъ же «Островѣ Сахалинѣ», а также и въ «Моей жизни».

Новое міровоззрѣніе г. Чехова еще лучше выяснится намъ изъ разсказа «Случай изъ практики», который и можетъ быть понятъ только съ высоты этого міровоззрѣнія. Докторъ Королевъ былъ вызванъ фабрикантшей Ляликовой для леченія ея дочери. Наблюдая фабричную жизнь, онъ предается такимъ размышленіямъ: «Тысячи полторы-двѣ фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситецъ, живутъ впроголодь и только изрѣдка въ кабакѣ отрезвляются отъ этого кошмара; сотня людей надзираютъ за работой и вся жизнь этой сотни уходитъ на записываніе штрафовъ, на брань, несправедливость, и только двое-трое, такъ называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсѣмъ не работаютъ и презираютъ плохой ситецъ. Но какія выгоды, какъ пользуются ими? Ляликова и ея дочь несчастны, на нихъ жалко смотрѣть; живетъ въ свое удовольствіе только одна Христина Димитріевна, пожилая, глуповатая дѣвица въ pince-nez. И выходитъ такъ, значитъ, что работаютъ всѣ эти пять корпусовъ и на восточныхъ рынкахъ продается плохой ситецъ для того только, чтобы Христина Дмитріевна могла кушать стерлядь и пить мадеру... Но это такъ кажется, она здѣсь только подставное лицо. Главный же, для кого здѣсь все дѣлается—это дьяволъ... та невѣдомая сила, которая создала отношенія между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничѣмъ не исправишь. Нужно, чтобы сильный мѣшалъ жить слабому, таковъ законъ природы, но это понятно и легко укладывается въ мысль только въ газетной статьѣ или учебникѣ, въ той же кашѣ, какую представляетъ изъ себя обыденная жизнь, въ путаницѣ всѣхъ мелочей, изъ которыхъ сотканы человѣческія отношенія, это уже не законъ, а логическая несообразность, когда и сильный, и слабый одинаково падаютъ жертвой своихъ взаимныхъ отношеній, невольно покоряясь какой-то направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку». Королеву при видѣ фабрики невольно думалось «о свайныхъ постройкахъ, о каменномъ вѣкѣ, чувствовалось присутствіе грубой, безсознательной силы».

Оглядываясь съ высоты своего новаго міровоззрѣнія на пройденный имъ путь, г. Чеховъ долженъ былъ чувствовать себя такъ же, какъ докторъ Королевъ при видѣ фабрики, или какъ человѣкъ, только что выбравшійся изъ грязнаго, засасывающаго болота, по которому онъ бродилъ среди темной ночи. Та дѣйствительность, которая давила его своею пошлостью и изъ которой онъ долго не могъ выбраться,

это только видимая поверхность жизни, грязная, мутная накипь. Люди барахтаются въ этой грязной пѣнѣ, тоскують, ведутъ пошлую жизнь, поѣдаютъ, убиваютъ другъ друга. Слой за слоемъ разбирая эту накипь, пробираясь мимо мыслей, чувства, настроеній людей, навѣянныхъ этою нечистью, онъ увидѣлъ, наконецъ, чистый, кристальный родникъ жизни. Онъ понялъ, что правда, справедливость, красота — вотъ что скрывается въ глубокихъ тайникахъ жизни, вотъ чѣмъ держится жизнь и въ чемъ спасеніе всего народа. А эта грязная пѣна—нѣчто «постороннее человѣку», «стоящее внѣ жизни», чуждое ей, «грубая ошибка», «логическая несообразность», нѣчто навѣянное со стороны какими-то темными стихійными силами, хотя и властное, направляющее жизнь, чему невольно покоряются люди. И это потому, что они въ громадномъ большинствѣ случаевъ смутно сознаютъ идеальныя основы жизни, и это служитъ источникомъ ихъ неудовлетворенности жизнью, ихъ страданій, тоски. Такъ тоскуетъ и страдаетъ Лиза, дочь Ляликовой, которая производила «впечатлѣніе существа несчастнаго, убогого, которое изъ жалости пригрѣли здѣсь и укрыли, и не вѣрилось, что это была наслѣдница пяти громадныхъ корпусовъ». Она страдаетъ сердцебіеніемъ и припадками, но, оказывается, она не столько болѣетъ, сколько мучится неразрѣшимыми вопросами. Ей хотѣлось бы поговорить не съ докторомъ, а съ близкимъ человѣкомъ, который убѣдилъ бы ее, «права она или неправа». Для доктора стало ясно, «что ей нужно поскорѣе оставить эти пять корпусовъ и милліонъ, если онъ у нея есть». «Для него было ясно также, что такъ думала и она сама, и только ждала, чтобы кто-нибудь, кому она вѣритъ, подтвердилъ это». А «сколько отчаянія, сколько скорби на лицѣ у старухи! Она, мать, вскормила, выростила дочь, не жалѣла ничего, всю жизнь отдала на то, чтобы обучить ее французскому языку, танцамъ, музыкѣ, приглашала для нея десятокъ учителей, самыхъ лучшихъ докторовъ, держала гувернантку, и теперь не понимала, откуда эти слезы, зачѣмъ столько мукъ, не понимала и терялась, и у нея было виноватое, тревожное, отчаянное выраженіе, точно она упустила еще что-то очень важное, чего-то еще не сдѣлала, кого-то еще не пригласила, а кого—неизвѣстно».

Открыть это неизвѣстное, то, о чемъ люди тоскуютъ, найти въ самой жизни элементы правды, справедливости, красоты, свободы—съ этихъ поръ и становится главною задачей г. Чехова. Мы разберемъ всѣ извѣстныя намъ попытки освѣтить жизнь съ этой новой точки зрѣнія.

Первую попытку въ этомъ родѣ едва ли можно назвать удачною. Я разумѣю его разсказъ «Моя жизнь». Герой этого разсказа, Полозневъ, въ отличіе отъ всѣхъ, положительно отъ всѣхъ прежнихъ героевъ г. Чехова, руководится въ жизни опредѣленнымъ идеаломъ. Это идеалъ правды, справедливости и гуманнаго, мягкаго, почти любовнаго отношенія къ людямъ. Для Полознева самый нужный и важный про-

грессъ—это прогрессъ нравственный. «Если вы не заставляете,—говоритъ онъ—своихъ ближнихъ кормить васъ, одѣвать, возить, защищать васъ отъ враговъ, то въ жизни, которая вся построена на рабствѣ, развѣ это не прогрессъ? По моему, это прогрессъ самый настоящій и, пожалуй, единственно возможный и нужный для человѣка». Исключенный изъ гимназіи и прослужившій нѣсколько лѣтъ по разнымъ вѣдомствамъ, онъ, наконецъ, исполняется презрѣнія къ канцелярской работѣ, не требовавшей «ни напряженія ума, ни таланта, ни личныхъ способностей, ни творческаго подъема духа», и не думаетъ, чтобы такой трудъ «хотя одну минуту могъ служить оправданіемъ праздной, беззаботной жизни». Онъ рѣшаетъ добывать себѣ кусокъ хлѣба физическимъ трудомъ. «Надо быть справедливымъ,—говоритъ онъ.—Физическій трудъ несутъ милліоны людей». И въ людяхъ его больше всего поражаетъ «совершенное отсутствіе справедливости, именно то самое, что у народа опредѣляется словами: «Бога забыли». И что отличаетъ его отъ другихъ героевъ г. Чехова, такъ это то, что свою жизнь онъ, дѣйствительно, строитъ на идеалахъ правды, дѣйствительно становится рабочимъ. И несмотря на все это, первая попытка дать положительный типъ вышла у г. Чехова неудачною. Его герой не сектантъ, не толстовецъ и вообще не какой-нибудь доктринеръ. Такъ, у него вовсе нѣтъ предубѣжденія къ настоящему умственному труду. Вы понимаете его, какъ человѣка, вы сочувствуете ему. Онъ славный, симпатичный человѣкъ, кромѣ того, онъ глубоко страдаетъ. Но онъ не увлекаетъ васъ, у васъ нѣтъ желанія послѣдовать за нимъ. Онъ вышелъ какимъ-то блѣднымъ. Такою же блѣдною вышла и его сестра, которая также порвала съ прошлымъ и хочетъ жить своимъ трудомъ, «пойдетъ въ учительницы или фельдшерицы... будетъ сама мыть полы, стирать бѣлье». Зато третье лицо, подрядчикъ Рѣдька, который также руководится въ жизни справедливостью, необыкновенно типиченъ. Вы даже его гдѣ-то видѣли и слышали его рѣчи: «Я такъ понимаю, ежели какой простой человѣкъ или господинъ беретъ даже самый малый процентъ, тотъ уже есть злодѣй. Въ такомъ человѣкѣ не можетъ правда существовать». Тощій, блѣдный, страшный Рѣдька закрылъ глаза, покачалъ головой и изрекъ тономъ философа: «Тля ѣстъ траву, ржа—желѣзо, а лжа—душу».

Гораздо важнѣе другая попытка. Я разумѣю разсказъ «Въ оврагѣ», переходнымъ звеномъ къ которому служатъ «Мужики»: къ нимъ мы ниже вернемся. Что же касается разсказа «Въ оврагѣ», то, на мой взглядъ, по глубокой правдѣ, по глубинѣ мысли и по тонкости рисунка — это лучшее изъ всего, что написано г. Чеховымъ. Особенно хороши женскія фигуры—Аксинья, Липа, Варварушка.

Фабула разсказа очень проста и достаточно извѣстна, да и дѣло не въ ней.

Передъ нами старая исторія о торжествѣ зла и неправды;

они торжествуютъ грубо, нахально, дерзко. Зло вездѣ и во всемъ. И въ этихъ фабрикантахъ Хрыминыхъ, которые, катаясь, «носились по Уклееву и давили телятъ»; въ старшинѣ и писарѣ, которые «до такой степени пропитались неправдой, что даже кожа на лицѣ у нихъ была какая-то особенная, мошенническая»; и въ центральной фигурѣ разсказа, Аксиньѣ, женѣ Степана, старшаго сына Григорія Цыбукина, кулака и ростовщика (вспомнимъ сцену, когда Аксинья, въ порывѣ злобы, хотя вполнѣ сознательно—любопытная подробность—ошпарила кипяткомъ ребенка безотвѣтной Липы, за которымъ старикъ, чтобы, въ случаѣ его смерти, его внука не обидѣли, записалъ впередъ небольшое имѣніе Бутекино). Главнымъ же образомъ зло въ томъ, что̀ сильнѣе отдѣльныхъ людей и на что намекаетъ Анисимъ короткою фразой: «кто къ чему приставленъ». Именно, кто къ чему приставленъ. Припомните думы доктора Королева о «направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку». Одна Варвара Николаевна, вторая жена Цыбукина, со своей чистотой и милостыней скрашиваетъ эту жизнь, но она живетъ въ верхнемъ этажѣ, откуда «вѣетъ довольствомъ, покоемъ и невѣдѣніемъ». Ея попытки вмѣшаться въ жизнь оканчиваются неудачей.

«— Ужъ очень народъ обижаемъ,—говоритъ она Анисиму.—Сердце мое болитъ, дружокъ, обижаемъ какъ—и Боже мой! Лошадь ли мѣняемъ, покупаемъ ли что, работника ли нанимаемъ—на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ. Постное масло въ лавкѣ горькое, тухлое, у людей деготь лучше. Да нешто, скажи на милость, нельзя хорошимъ масломъ торговать?

«— Кто къ чему приставленъ, мамаша!

«— Да вѣдь умирать надо? Ой, ой, право, поговорилъ бы ты съ отцомъ!..

«— А вы бы сами поговорили.

«— Нну! Я ему свое, а онъ мнѣ, какъ ты, въ одно слово: кто къ чему приставленъ. На томъ свѣтѣ такъ тебѣ и станутъ разбирать, кто къ чему приставленъ. У Бога судъ праведный.

«— Конечно, никто не станетъ разбирать,—сказалъ Анисимъ и вздохнулъ.—Бога-то вѣдь все равно нѣтъ, мамаша. Чего ужъ тамъ разбирать».

Почему разговоры Варвары съ мужемъ, а теперь съ сыномъ, такъ и кончились ничѣмъ, это мы видимъ изъ другой ея попытки вмѣшаться въ жизнь. Она вѣдь дала мысль старику записать Бутекино на имя внука. А когда Аксинья разскандалилась, «Варвара такъ оторопѣла, что не могла подняться съ мѣста, а только отмахивалась обѣими руками, точно оборонялась отъ пчелы...»

Варвара помирится съ какимъ угодно зломъ, лишь бы все было чисто, прилично, чтобы люди не видѣли, да ея бы не трогали. Когда старикъ сталъ забывчивъ, и если не дадутъ ему поѣсть, то самъ онъ

не спрашиваетъ, тогда «привыкли обѣдать безъ него и Варвара часто говоритъ: «А нашъ вчерась опять легъ не ѣвши». И говоритъ равнодушно, потому что привыкла».

Въ сущности Варвара со своею чистотой и милостыней составляетъ необходимое дополненіе и защиту зла, тѣ ширмы, за которыми такъ удобно скрыться. И у Цыбукиныхъ всѣ прекрасно понимаютъ ея необходимость и пользу.

Эту роль Варвары въ системѣ зла выясняетъ самъ авторъ. «Въ томъ, что она подавала милостыню, было что-то новое, что-то веселое и легкое, какъ въ лампадкахъ и красныхъ цвѣточкахъ. Когда въ табельные дни или престольный праздникъ, который продолжался три дня, сбывали мужикамъ протухлую солонину съ такимъ тяжкимъ запахомъ, что трудно было стоять около кадки, и принимали отъ пьяныхъ въ закладъ косы, шапки, женины платки, когда въ грязи валялись фабричные, одурманенные плохою водкой, и грѣхъ, казалось, сгустившись, уже туманомъ стоялъ въ воздухѣ, тогда становилось какъ-то легче при мысли, что тамъ, въ домѣ, есть тихая, опрятная женщина, которой нѣтъ дѣла ни до солонины, ни до водки; милостыня ея дѣйствовала въ эти тягостные, туманные дни, какъ предохранительный клапанъ въ машинѣ».

Варвара вполнѣ обрисовывается передъ нами, не скажу, какъ оправданіе зла—это слишкомъ много,—а какъ его защита, какъ «предохранительный клапанъ въ машинѣ», которая, пожалуй,—чего добраго—можетъ вѣдь и лопнуть... По тонкости рисунка и по продуманности въ цѣломъ рядѣ эпизодовъ, которыхъ не выписываемъ, такъ какъ пришлось бы переписать почти весь разсказъ, что ни слово, то золото,—я не припомню другого подобнаго типа.

Итакъ, зло торжествуетъ по всей линіи. Однако, разсказъ не производитъ того гнетущаго, безысходно-мрачнаго впечатлѣнія, какъ многіе прежніе разсказы г. Чехова, даже такіе маленькіе, какъ «Мужъ», «Необыкновенный». Иллюзія это или нѣтъ, если иллюзія, то иллюзія властная, неотразимая: читателю при чтеніи этого разсказа все время кажется, какъ будто кто-то, не нынче — завтра, произведетъ надъ этою неправдой свой судъ; кто-то какъ будто уже занесъ надъ ней свою руку. Кажется, вотъ-вотъ еще немного, еще одно небольшое усиліе,—и неправда исчезнетъ, разсѣется, какъ дымъ. И тогда откроется нормальный законъ жизни, законъ правды, которая теперь подавлена этимъ безобразнымъ призракомъ зла. И тогда всѣмъ будетъ ясно, что зло что-то случайное и временное, что-то призрачное и обманчивое, какой-то безобразный кошмаръ. Именно такое, смутное, не то настроеніе, не то убѣжденіе живетъ въ душѣ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ этого разсказа.

Ужъ если понадобился предохранительный клапанъ, если за него всѣ ухватились и крѣпко держатся, то, стало быть, что-нибудь да не

ладно. Зло какъ будто задрожало и прячется, какъ мгла ночная дрожитъ и прячется отъ пробивающагося дневного свѣта.

«Когда меня вѣнчали, — говорилъ Анисимъ мачихѣ,—мнѣ было не по себѣ. Какъ вотъ возьмешь изъ-подъ курицы яйцо, а въ немъ цыпленокъ пищитъ, такъ во мнѣ совѣсть вдругъ запищала, и пока меня вѣнчали, я все думалъ: есть Богъ! а какъ вышелъ изъ церкви — и ничего!» Когда его вѣнчали, «на душѣ у него было умиленіе, хотѣлось плакать»...

Подрядчикъ Костыль такъ разсказываетъ Липѣ о своемъ разговорѣ съ фабрикантомъ Костюковымъ, который, будучи купцомъ первой гильдіи, считалъ себя старше его, Костыля, простого плотника: «Вы, говорю, купецъ первой гильдіи, а я плотникъ, это правильно. И святой Іосифъ, говорю, былъ плотникъ. Дѣло наше праведное, богоугодное, а ежели, говорю, вамъ угодно быть старше, то сдѣлайте милость, Василій Данилычъ. А потомъ этого послѣ, значитъ, разговору я и думаю: кто же старше? Купецъ первой гильдіи или плотникъ? Стало быть, плотникъ, дѣточки!» Костыль подумалъ и добавилъ:

«— Кто трудится, кто терпитъ, тотъ и старше».

Подъ вліяніемъ этого разговора «Липѣ и ея матери, которыя родились нищими и готовы были прожить такъ до конца, отдавая другимъ все, кромѣ своихъ испуганныхъ, кроткихъ душъ, быть можетъ, имъ примерещилось на минуту, что въ этомъ громадномъ, таинственномъ мірѣ, въ числѣ безконечнаго ряда жизней и онѣ сила, и онѣ старше кого-то; имъ было хорошо сидѣть здѣсь наверху, онѣ счастливо улыбались и забыли о томъ, что возвращаться внизъ (въ село) все-таки надо».

А ночью, въ тотъ же день, Липа говорила матери:

— И зачѣмъ ты отдала меня сюда, маменька!

— Замужъ идти нужно, дочка. Такъ ужъ не нами положено.

И чувство безутѣшной скорби готово было овладѣть ими. Но казалось имъ, кто-то смотритъ съ высоты неба, изъ синевы, оттуда, гдѣ звѣзды, видитъ все, что происходитъ въ Уклеевѣ, сторожитъ. И какъ ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью...

Во власти этого не то настроенія, не то убѣжденія въ необходимости и глубокой *реальности* правды г. Чеховъ все время держитъ читателя. Въ словахъ Костыля, въ мечтахъ Липы и ея матери, несмотря на пассивный характеръ ихъ идеала правды, уже чувствуется его зрѣющая сила... «Кто трудится, кто терпитъ, тотъ и старше». «Старше» не только «почтеннѣе» (таково значеніе фразы въ народной средѣ)— что указывало бы только на пробуждающееся сознаніе личности среди народа. «Старше» больше, чѣмъ только «почтеннѣе». Эти испуганныя,

кроткія души съ ихъ идеаломъ правды, которая въ Божьемъ мірѣ «есть и будетъ» и съ которою все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться—и «онѣ сила, и онѣ старше кого-то». Здѣсь «старше», очевидно, *жизненнѣе*. Кого? Да, разумѣется, прежде всего, всей этой уклеевской неправды. И это имъ не просто примерещилось, а «*быть можетъ*, примерещилось», т.-е. въ этомъ есть несомнѣнно нѣчто авторское...

А что г. Чеховъ давно сравнительно подходилъ къ подобной постановкѣ вопроса, это показываетъ такой его разсказъ, какъ «Мужики». Среди моря невѣжества, варварства, нужды онъ съумѣлъ уловить въ мужикѣ что-то хорошее, свѣтлое, что, какъ лучъ солнца, мгновенно прорѣзало глубокій мракъ и тотчасъ же исчезло. Припомните, какъ во время крестнаго хода «и старикъ, и бабка, и Кирьякъ—всѣ протягивали руки къ иконѣ, жадно глядѣли на нее и говорили плача:

«— Заступница, Матушка! Заступница!

«Всѣ какъ будто вдругъ поняли, что между землей и небомъ не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжкой, невыносимой нужды, отъ страшной водки»...

IV.

Вообще, ни за кѣмъ изъ современныхъ русскихъ писателей не слѣдишь съ такимъ глубокимъ интересомъ, какъ за г. Чеховымъ. Каждымъ новымъ его произведеніемъ нельзя достаточно налюбоваться. Художественная концепція, овладѣвшая за послѣднее время его творчествомъ, превосходна и глубока и сродни его таланту, спокойному, вдумчивому, созерцательному. Его разсказы—это характеристики, картины, пластика. Въ нихъ, какъ намъ приходилось отмѣчать, нѣтъ дѣйствія, нѣтъ борьбы или слишкомъ мало. Зато каждый штрихъ подогнанъ къ цѣлому, каждая черточка тщательно вырисована, одна подробность нанизана на другую. Вотъ почему, можетъ быть, г. Чеховъ не даетъ намъ большого романа, съ массой дѣйствующихъ лицъ, со сложною интригой. Можетъ быть, онъ инстинктивно чувствуетъ, что подобная картина потеряетъ въ глубинѣ проникновенія въ жизнь. Ему именно мало думать, мало разсуждать, «надо еще имѣть даръ проникновенія въ жизнь», подобно герою разсказъ «По дѣламъ службы». У него своя дорога, широкая и свѣтлая.

А что г. Чеховъ, дѣйствительно, идетъ по этой дорогѣ, это доказываютъ и другіе его разсказы, какъ, напр.,—«О любви», «Дама съ собачкой» и самый послѣдній: «Архіерей».

Первые два разсказа интересны въ томъ отношеніи, что даже такую избитую тему, какъ любовь, г. Чеховъ, вѣрный своей новой точкѣ зрѣнія, съумѣлъ изобразить оригинально. Помѣ-

щикъ Алехинъ и замужняя женщина Анна Алексѣевна полюбили другъ друга искренно и глубоко. Но они скрываютъ другъ отъ друга свое чувство. Онъ думалъ: «Къ чему можетъ повести наша любовь, если у насъ не хватитъ силъ бороться съ нею. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, что эта моя тихая, грустная любовь вдругъ грубо оборветъ счастливое теченіе жизни ея мужа, дѣтей, всего этого дома, гдѣ меня такъ любили и гдѣ мнѣ такъ вѣрили. Честно ли это?.. Что было бы съ нею, въ случаѣ моей болѣзни, смерти или, просто, если бы мы разлюбили другъ друга?»

«И она, повидимому, разсуждала подобнымъ же образомъ. Она думала о мужѣ, о дѣтяхъ, о своей матери, которая любила ея мужа, какъ сына. Если бы она отдалась своему чувству, то пришлось бы лгать или говорить правду, а въ ея положеніи то и другое было бы одинаково страшно и неудобно. И ее мучилъ вопросъ: «Принесетъ ли мнѣ счастье ея любовь».

Такъ они таились другъ отъ друга, и это не удовлетворяло ни его, ни ее. Минутами его роль благороднаго существа становилась ему до слезъ тяжела. У ней тоже появилось «дурное настроеніе», «сознаніе неудовлетворенной, испорченной жизни». Наконецъ, они объяснились, и только тогда онъ понялъ, «какъ ненужно, мелко и обманчиво было все то, что намъ мѣшало любить. Я понялъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить съ высшаго, съ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе».

Въ разсказѣ «Дама съ собачкой» москвичъ Гуровъ, самый обыкновенный жуиръ, и провинціальная скучающая дамочка Анна Сергѣевна случайно знакомятся въ Ялтѣ. «Онъ былъ привѣтливъ съ нею и сердеченъ, но все же въ обращеніи съ нею, въ его тонѣ и ласкахъ сквозила тѣнью легкая насмѣшка». А въ ней впервые проснулось «молодое, угловатое, несмѣлое чувство». Осенью они разстались, и Гуровъ съ головой окунулся въ омутъ столичной жизни. Но то «легкое очарованіе», какое онъ испыталъ въ Крыму, незамѣтно выросло въ сильное и яркое чувство. И только теперь онъ впервые замѣтилъ всю нелѣпость своей праздной и безтолковой жизни—безсонныхъ ночей, игры въ карты, ненужныхъ разговоровъ, дикихъ лицъ и дикихъ нравовъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ и уѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ жила Анна Сергѣевна. Когда онъ здѣсь встрѣтился съ нею, то ясно понялъ, что «для него теперь на всемъ свѣтѣ нѣтъ ближе, дороже и важнѣе человѣка».

Теперь у Гурова было двѣ жизни: «одна явная, которую видѣли и знали всѣ, кому это нужно было, полная условной правды и условнаго обмана, похожая совершенно на жизнь знакомыхъ и друзей, и другая—протекавшая тайно. И по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, быть можетъ, случайному, все, что было для него важно, интересно,

необходимо, въ чемъ онъ былъ искрененъ и не обманывалъ себя, что составляло зерно его жизни, происходило тайно отъ другихъ, все же, что было его ложью, его оболочкой, въ которую онъ прятался, чтобы скрыть правду, какъ, напр., его служба въ банкѣ, споры въ клубѣ, его «низшая раса», хожденіе съ женой на юбилеи,—все это было явно»...

Хотя фабула разсказа обрывается на выдвинутой авторомъ дилеммѣ, однако смыслъ ея очевиденъ: или постепенное разрушеніе, медленное умираніе въ оболочкѣ лжи, обмана, условной морали; или нужно разорвать эту оболочку, какъ что-то «ненужное,легкое и обманчивое» и освободить «сдавленное ею зерно жизни».

Представьте себѣ, какъ обработалъ бы г. Чеховъ послѣдній разсказъ, если бы это было раньше, ну, хотя бы лѣтъ на пять (разсказъ былъ напечатанъ въ «Русской Мысли» 1899 г., № 12). То легкое очарованіе, какое испыталъ Гуровъ, мелькнуло бы въ его жизни свѣтлою точкой; онъ, можетъ быть, помечталъ бы о чистой, невинной любви, подумалъ бы о томъ, зачѣмъ такъ нелѣпо устроена жизнь, что вотъ онъ женатъ, а она—замужемъ; потомъ перешелъ бы къ міровымъ вопросамъ—о смыслѣ и цѣли жизни вообще—и потомъ всѣ эти порывы и мечты безслѣдно исчезли бы въ омутѣ столичной жизни. Все то, что дѣлаетъ разсказъ глубокимъ, что такъ выдѣляетъ его изъ всѣхъ прежнихъ подобныхъ разсказовъ, этотъ процессъ нравственнаго перерожденія человѣка, эта другая жизнь, «протекавшая тайно» подъ оболочкой обмана, лжи и условной правды—все это, разумѣется, отсутствовало бы въ разсказѣ. Тогда г. Чеховъ за этой оболочкой не усматривалъ ничего. Тогда онъ ходилъ по краю какой-то страшной пропасти, между двумя мірами, міромъ дѣйствительности, отъ котораго онъ бѣжалъ, и міромъ мечты и идеала, дорогу къ которому онъ долго не могъ нащупать.

Подобно Алехину и Гурову, и преосвященный Петръ («Архіерей») почувствовалъ всю ненужную тяготу своей оболочки, которая придавила въ немъ живого человѣка, и онъ почувствовалъ освобожденіе отъ нея только при смерти. Когда же преосвященный померъ, о немъ скоро «совсѣмъ забыли». И только старуха-мать, въ своемъ уѣздномъ городишкѣ, когда «сходилась на выгонѣ съ другими женщинами, то начинала разсказывать о дѣтяхъ, о внукахъ, о томъ, что у нея былъ сынъ архіерей, и при этомъ говорила робко, боясь, что ей не повѣрятъ...

«И ей, въ самомъ дѣлѣ, не всѣ вѣрили».

Послѣднее замѣчаніе вполнѣ въ духѣ г. Чехова, который склоненъ теперь смотрѣть на дѣйствительность, какъ на нѣчто неустойчивое, обманчивое, иллюзорное. Онъ именно ищетъ корней жизни, идеальныхъ основъ высшей реальности, чѣмъ эта грубая внѣшняя оболочка жизни.

Съ г. Чеховымъ случилась любопытная метаморфоза. То, что раньше, очевидно, представлялось ему существующимъ на поверхности жизни, какъ неустойчивый и обманчивый налетъ на чисто жи-

вотной основѣ, теперь очутилось въ самомъ низу, въ глубокихъ тайникахъ жизни, и именно какъ ея непреходящая реальность. И именно съ этого времени его талантъ пріобрѣтаетъ болѣе общее значеніе. «Самое нужное», «самое важное» (за послѣднее время одно изъ любимыхъ выраженій г. Чехова) нужно и важно одинаково для всѣхъ людей. Правда, на этомъ новомъ пути г. Чеховъ далъ сравнительно немного. Но хочется думать, что такіе шедевры, какъ «Въ оврагѣ», «Дама съ собачкой», «Архіерей»—только первыя попытки освѣтить жизнь съ новой точки зрѣнія.

И не намъ учить его, что писать и какъ писать. Онъ—оригинальнѣйшій цвѣтокъ въ русской литературѣ и не менѣе оригинальный и глубокій мыслитель, и многому у него можно поучиться. У него именно нужно учиться любить и понимать человѣка, любить и понимать жизнь въ томъ глубокомъ значеніи словъ, въ какомъ они къ нему приложимы. Вѣдь, думается, только эта любовь ко всему человѣческому и прекрасному въ жизни и вывела г. Чехова изъ дремучаго лѣса фактовъ, черезъ болота и трясины, на широкій просторъ Божьяго міра, гдѣ, чудится ему, когда-нибудь обновленный и возрожденный человѣкъ, стряхнувъ съ себя мертвыя цѣпи, на всей свободѣ, бодро и весело, «постукивая палочкой», устроитъ, наконецъ, новую, прекрасную жизнь.

В. Альбовъ.

МОЛОХЪ.

Романъ Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой*.

1.

Госпожа Анзорге.

Между Падолиномъ и Ломницемъ, тамъ, гдѣ равнина изъ плоской котловины постепенно переходитъ въ незначительную возвышенность, раскинулся хуторъ Анзорге. Службы его обращены заднею стороной къ живой изгороди, окружающей обширный садъ, болѣе похожій на паркъ. Бѣлый выштукатуренный домъ, точно изъ упрямства, глубоко и прочно засѣлъ въ землю; благодаря каменной лѣстницѣ у подъѣзда и стариннымъ украшеніямъ вокругъ оконъ, онъ представляетъ нѣчто среднее между крестьянскимъ домомъ и господскою усадьбой. Низко свѣсившаяся черепитчатая крыша ярко-краснаго цвѣта, точно огненная шапка, пламенѣла среди окружающаго ландшафта. Изъ всего села здѣсь видна была одна колокольня, такъ какъ, по странной прихоти природы, около самаго Падолина, совершенно неожиданно, поднимался крутой холмъ, вслѣдствіе чего рѣчонкѣ, лѣниво струящей свои волны, въ этомъ мѣстѣ приходилось дѣлать большой изгибъ. Само село Падолинъ раскинулось по отлогому склону холма, а съ южной стороны спускалось къ самому берегу, такъ что главная его улица вытянулась въ видѣ французскаго S. Его окружала слегка волнистая долина, съ разсѣянными кое-гдѣ деревьями и кустами.

Между селомъ и хуторомъ лежалъ большой незаселенный и невоздѣланный пустырь. Лишь по берегу рѣки тянулась широкая полоса, гдѣ плотники заготовляли свой матеріалъ и откуда зимой и лѣтомъ разносился запахъ свѣже отесанныхъ древесныхъ стволовъ.

Большинство сторожиловъ этой мѣстности еще ясно помнили тотъ день, когда госпожа Анзорге, въ сопровожденіи служанки Урсулы, державшей на колѣняхъ пятилѣтняго Арнольда, въ старинной неуклюжей каретѣ прибыла въ деревню по дорогѣ изъ Острау. Тогдашній бургомистръ проводилъ ее на хуторъ, болѣе ста лѣтъ принадлежавшій когда-то

богатому, а теперь совершенно разорившемуся крестьянскому роду. Вскорѣ на немъ началась неторопливая, но непрерывная работа по улучшенію запущеннаго имѣнія. Сараи и конюшни постепенно приводились въ надлежащій порядокъ, ставились новые заборы, пріобрѣталась новая мебель и новыя орудія, нанимались новые рабочіе; засоренный колодезь очистили и углубили, хлѣва улучшили, а домъ покрыли крышей, которая такъ удивительно ярко горѣла и больно рѣзала глаза, дерзко выдѣляясь въ ясные дни на голубомъ небѣ.

Между тѣмъ, не прошло еще трехъ мѣсяцевъ съ того времени, когда всѣ помыслы госпожи Анзорге были направлены на совершенно иныя жизненныя цѣли, когда у нея еще не было ни малѣйшаго желанія искать въ уединенной моравской деревенькѣ отдыха отъ суеты свѣта. Она любила общество, любила свѣтскую жизнь съ ея удовольствіями, которыми могла пользоваться въ полной мѣрѣ, благодаря богатству мужа. Альфредъ Анзорге былъ однимъ изъ крупныхъ собственниковъ каменноугольныхъ копей въ округѣ Остpayэръ. Правда, дѣла вынуждали его проводить бо́льшую часть года въ скучномъ и почернѣвшемъ отъ каменноугольной копоти городѣ Острау, но зато въ сравненіи съ этою жизнью еще ослѣпительнѣе казалось время, которое они проводили въ Вѣнѣ или въ путешествіяхъ и горныхъ экскурсіяхъ. Послѣ одной изъ подобныхъ поѣздокъ они всею семьей, мужъ, жена и ребенокъ, возвращались въ началѣ декабря къ себѣ домой. Ужасная зимняя ночь, которую имъ пришлось пережить, рѣшила дальнѣйшую судьбу этихъ троихъ людей. За четверть часа до прибытія къ цѣли, поѣздъ попалъ не на тотъ путь и на полномъ ходу столкнулся съ пассажирскимъ поѣздомъ, шедшимъ изъ Силезіи. Врѣзавшіяся другъ въ друга части вагона размозжили вскочившему въ испугѣ мужу голову и раздробили ему руку, но какимъ-то чудомъ послужили защитой для жены, прикрывъ ее съ ребенкомъ, точно гробовыми досками. Когда, наконецъ, ихъ освободили, ребенокъ оказался цѣлъ и невредимъ—онъ, точно въ въ кроваткѣ, покоился у ногъ матери. Только по выраженію глазъ послѣдней можно было догадаться, что̀ она пережила въ своемъ заключеніи, слыша завываніе вѣтра и не зная, возможно ли спасеніе, не зная, что сталось съ ребенкомъ. Двѣ недѣли она не была въ состояніи ходить, говорить и слушать. Казалось, ея душа окаменѣла и не въ состояніи ничего постичь, кромѣ ужасныхъ звуковъ, слышанныхъ ею въ тотъ часъ, когда она находилась на границѣ жизни и на порогѣ смерти. И въ то же время, подобно тому, какъ вода продолжаетъ течь и подъ ледяною корой, сковывающей рѣку, такъ и ея, повидимому, безсознательный инстинктъ, заставлялъ жаждать новой формы существованія.

Присяжный повѣренный Барромео изъ Вѣны, братъ г-жи Анзорге, принялъ на себя всѣ хлопоты по похоронамъ мужа и наслѣдству и одновременно взялъ на свое попеченіе мальчика. Но вскорѣ и сама г-жа Анзорге успокоилась, какъ наружно, такъ и внутренно, стала зани-

маться текущими дѣлами и даже выказала въ этомъ отношеніи болѣе вдумчивое и глубокое пониманіе ихъ, нежели опытный и дѣловитый ея братъ. Что бы она ни предпринимала, все непосредственно приближало ее къ цѣли, которую она себѣ молча, но вполнѣ сознательно поставила. Продавъ недвижимое имущество, она озаботилась о наиболѣе прибыльномъ помѣщеніи капиталовъ въ процентныя бумаги, а потомъ купила, не безъ выгоды для себя, хуторъ около Падолина, причемъ на ея выборъ имѣла громадное вліяніе отдаленность этого мѣста отъ центра.

Точно слѣпая, она дѣлала каждый шагъ ощупью, необыкновенно осторожно, избѣгала всякаго излишняго движенія, возненавидѣла всякую торопливость, бѣготню, прыжки, танцы. Все, что двигалось на колесахъ и хоть отдаленно напоминало паровозъ, возбуждало въ ней отвращеніе. У себя въ домѣ она не допускала тиканья стѣнныхъ часовъ; передъ окнами засадила кусты, потому что — какъ это ни странно—не выносила вида открытаго горизонта или дороги. Ни зеркалъ, ни картинъ она не любила, вообще ничего, что вѣшается на потолокъ или стѣны. Постель ей стлали прямо на полу.

Въ такой-то обстановкѣ безусловной тишины выросъ Арнольдъ. На черномъ фонѣ громаднаго несчастья его молодая жизнь выростала какъ нѣчто нѣжное, розовое... Постоянная боязнь матери окружала его какъ бы стѣной, но стѣною невидимой. И на него эта заботливая охрана дѣйствовала не какъ нѣчто случайное, измѣнчивое а какъ вѣчныя и неизмѣнныя силы природы. Поэтому она легла въ основу всѣхъ его привычекъ; словно чудомъ, изъ печальнаго возникало нѣчто свѣтлое, оцѣпенѣніе порождало жизнь. Словно рѣка текущая по руслу, которое она сама себѣ прорыла, шла изъ году въ годъ его жизнь. Ему была совершенно чужда всякая мечательность, также какъ и распущенность или чувство соревнованія, которыя прививаются благодаря безпорядочному общенію съ людьми. Онъ жилъ себѣ спокойный и довольный, точно подъ призоромъ самого Господа Бога. Г-жа Анзорге, не вслѣдствіе убѣжденія или разъ принятаго рѣшенія, а просто побуждаемая разъ навсегда выработавшейся въ ея характерѣ странной привычкѣ выжидать, предоставила въ вопросахъ религіи Арнольда самому себѣ. Ей казалось, что такъ нужно, потому что Господь—подобно добродушному и всегда готовому на благой совѣтъ патріарху, благосклонно взираетъ со своей высоты на ея мальчика. И вотъ по мѣрѣ того, какъ выросталъ Арнольдъ, расширялись и его понятія о Богѣ, причемъ они, однако, никогда не расплывались въ безконечность, а всегда оставались въ кругу чисто человѣческихъ, проникнутыхъ человѣческими чувствами, отношеній.

Въ раннемъ дѣтствѣ онъ часто обнаруживалъ упрямство, угрюмость, даже наклонность къ мрачности. Насупивъ брови и какъ-то до смѣшного широко разставляя ноги, онъ, словно маленькій медвѣжонокъ, тяжело расхаживалъ по дому. Само собою разумѣется, это сильно потѣ-

шало прислугу, особенно Урсулу, на которую по временамъ, при его видѣ нападало чисто ребяческое желаніе дурачиться и она очень похоже передразнивала манеры ребенка. Это вызывало въ немъ взрывъ необузданнаго гнѣва, потому что какъ и тогда, такъ и позднѣе, онъ совершенно не умѣлъ понимать шутокъ, всегда казавшихся ему въ высшей степени несправедливыми поползновеніями на его личную свободу. Въ такихъ случаяхъ онъ втягивалъ голову въ плечи и молча, исподлобья смотрѣлъ на своихъ враговъ, если же насмѣшки не прекращались, онъ раскрывалъ ротъ и начиналъ запальчиво пыхтѣть; потомъ, прижимая кулаки въ видѣ буферовъ справа и слѣва къ груди, бросался на своего мучителя и начиналъ его тузить и кусать. Съ годами подобные взрывы бѣшенства стали появляться все рѣже и рѣже и замѣнились молчаливостью и замкнутостью. Онъ скупился даже на взгляды; то и другое вытекало изъ сознанія своей физической силы и имѣло очень комичный видъ.

Между семью и восьмью годами Арнольдъ пріобрѣлъ себѣ товарища въ лицѣ сына почтмейстера Падолина—Цирилла. Это былъ слабенькій мальчуганъ, на годъ моложе Арнольда, глупенкій, но на рѣдкость добродушный. Игры ихъ не походили на игры другихъ дѣтей того же возраста. Маленькій Цириллъ, по натурѣ болтунъ, взялъ себѣ въ данномъ отношеніи за образецъ дѣловитость и сухость Арнольда; когда онъ, преисполненный сознаніемъ собственнаго достоинства, шелъ рядомъ съ товарищемъ, то походилъ на крохотнаго старика. Въ хорошую погоду они вдвоемъ катались въ старой лодкѣ взадъ и впередъ по рѣкѣ или же пускали бумажнаго змѣя, но все это дѣлалось съ необыкновенною степенностью и важностью. Но вскорѣ почтмейстеръ умеръ, и у маленькаго Цирилла, оставшагося на попеченіи мачехи, не хватало болѣе силъ разыгрывать стоика. Ему пришлось испытать и голодъ, и побои, да и смерть отца сильно огорчила его, такъ что весь его искусственный героизмъ разлетѣлся, какъ дымъ, тутъ же, на глазахъ Арнольда. Того это удивило и смутило. Онъ, съ своей стороны, никакъ не могъ примириться со смертью почтмейстера, какъ съ чѣмъ-то вѣчнымъ и неизмѣннымъ. Желая утѣшить товарища, онъ предложилъ ему вечеромъ или рано утромъ, когда на улицахъ не бываетъ народу, захвативъ съ собою веревку и лопату, отправиться на кладбище, чтобы вытащить изъ могилы старика Цирилла. Лопатами, думалъ онъ, можно раскопать могилу, а на веревкѣ вытащить покойника и вернуть его жизни. Онъ, Арнольдъ, присутствуя на его похоронахъ, къ своему крайнему удивленію собственными глазами видѣлъ, какъ на тѣло этого человѣка бросали землю и камни; и вотъ теперь онъ беретъ на себя трудъ его освобожденія; онъ вызволитъ его изъ темницы, въ которую тотъ попалъ безвинно. Маленькій Цириллъ робко возражалъ, что то, что умерло—умерло и ничего съ этимъ уже подѣлать нельзя. Но Арнольдъ, глубоко убѣжденный въ успѣхѣ своего труднаго предпріятія,

лишь осыпалъ его насмѣшками. Съ наступленіемъ сумерекъ, они стащили въ бесѣдкѣ двѣ лопаты, а въ сараѣ длинную веревку, потомъ, волоча ихъ за собою и дѣлая далекій обходъ вокругъ села, пробрались къ кладбищу и перелѣзли черезъ низкую ограду. Маленькій Цириллъ мало-по-малу началъ вѣрить въ возможность благополучнаго исхода предпринятаго дѣла и хотя у него отъ страху по тѣлу бѣгали мурашки, онъ такъ же храбро, какъ и Арнольдъ, принялся копать землю. Но кончилась эта затѣя менѣе удачно, чѣмъ началась. Пономарь увидалъ съ колокольни, что на кладбищѣ копошатся какихъ-то два карлика, поспѣшилъ сдѣлать тревогу, всполошилъ все населеніе и въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ отправился на могилу почтмейстера. Понятно, благодаря ихъ злому вмѣшательству, послѣднему пришлось и впредь оставаться во власти смерти.

Нѣсколько дней спустя Цириллы навсегда покинули село, а Арнольдъ, хотя постепенно и научился понимать, что никакія лопаты или веревки не могутъ помочь покоящимся подъ землей, однако, все же вспоминалъ о достопамятномъ вечерѣ на кладбищѣ съ упрямой досадой человѣка, которому не дали воспользоваться результатами своихъ трудовъ.

Благодаря уединенности мѣстечка, Арнольдъ былъ избавленъ отъ обязательнаго обученія; а благодаря обширнымъ связямъ Фридриха Барромео, госпожа Анзорге еще за много лѣтъ до срока призыва сына на военную службу, уже могла быть вполнѣ спокойна на *этотъ* счетъ, Читать и писать она выучила его сама; много лѣтъ подрядъ, точно любознательная дѣвочка, она усердно училась, чтобы потомъ быть въ въ состояніи самой дать ему и дальнѣйшее образованіе; такимъ образомъ она учила его языкамъ, исторіи и другимъ общеобразовательнымъ предметамъ. Ей казалось опаснымъ оставлять его въ невѣжествѣ и въ пятнадцать лѣтъ онъ приблизительно обладалъ такими же понятіями, какія вообще полагаются мальчикамъ этого возраста. Что касается его, то у него не было ни малѣйшаго честолюбія въ пріобрѣтеніи знаній или умственнаго развитія, но физическій трудъ доставлялъ ему удовольствіе. Свободный отъ всякихъ нездоровыхъ порывовъ, онъ не заглядывалъ за кругъ, очерчивающій его повседневную, мирную жизнь. Мать желала, чтобы онъ оставался во всемъ зауряднымъ человѣкомъ, и въ этомъ видѣла наибольшую гарантію противъ ударовъ судьбы. И все, что она въ немъ видѣла, удовлетворяло ее въ этомъ отношеніи.

Одно время—это было какъ разъ въ періодъ самаго сильнаго пробужденія въ немъ половой зрѣлости—въ немъ появилось какое-то безпокойство и чрезмѣрная наклонность къ мечтательности, въ сущности совершенно несвойственной его натурѣ и впослѣдствіи оказавшейся также рѣшительно ей чуждой. Тутъ-то, однажды, случилось, что онъ цѣлую лѣтнюю ночь напролетъ пробродилъ по лѣсу, глядя на звѣзды, прислушиваясь къ дыханію земли и съ какимъ-то необыкновеннымъ трепетомъ поджидая солнечнаго восхода. Въ другой разъ онъ ушелъ

изъ дому рано утромъ, а вернулся лишь черезъ день; четырнадцать часовъ подрядъ проходилъ онъ, чтобы узнать, что находится за лѣсомъ и синѣющими вдали холмами. А когда убѣдился, что и тамъ такія же поля и луга, такіе же невзрачные домишки по обѣ стороны такой же неприглядной улицы, какъ и у нихъ въ Падолинѣ, то грустно повернулъ домой. Конечно, онъ и не разсчитывалъ увидать какое-нибудь сказочное царство, но невѣдомая даль казалась ему столь заманчивой и прекрасной, что грезы о ней прямо-таки преслѣдовали его. Но одного этого опыта оказалось достаточнымъ, чтобы онъ, еще болѣе довольный и спокойный, чѣмъ раньше, окончательно отдался тихой, окружающей жизни.

Вскорѣ послѣ періода возбужденности, исчезнувшаго безъ слѣда, наступила другая крайность: Арнольдъ сталъ производить впечатлѣніе сухого, угрюмаго и флегматичнаго юноши, шедшаго по разъ намѣченной дорогѣ, безъ колебанія, но и безъ какихъ бы то ни было высшихъ стремленій, заставляющихъ человѣка возноситься—въ хорошемъ смыслѣ слова, надъ повседневной дѣйствительностью. Онъ даже не замѣчалъ, какъ лѣто смѣняется зимой, потомъ зима лѣтомъ, по крайней мѣрѣ, не обнаруживалъ по этому поводу никакой радости, хотя именно эти смѣны, а не какія-либо міровыя событія, были для него самыми значительными и интересными зрѣлищами на циферблатѣ времени, и онъ слѣдилъ за ними съ чувствомъ равнодушнаго удовлетворенія. Лѣнивый по природѣ, онъ и молчалъ больше изъ лѣности, даже съ матерью. У нихъ совершенно не появлялось потребности въ болѣе интимномъ обмѣнѣ чувствъ, но зато не было и желанія замкнуться, окруживъ себя таинственностью. Повидимому, каждый жилъ въ своемъ собственномъ мірѣ и по собственнымъ законамъ. Несложность распредѣленія дня и занятій опредѣляла сущность и характеръ ихъ взаимныхъ отношеній. Арнольдъ никогда не выказывалъ по отношенію къ матери упрямства или заносчивости, никогда не говорилъ, что знаетъ или дѣлаетъ то или другое лучше ея, но въ то же время она была для него лишь старшимъ товарищемъ, а не человѣкомъ, котораго онъ глубоко чтилъ. Позднѣе, въ его короткихъ разговорахъ съ нею, стало проскальзывать хотя и внимательное, но слегка ироническое отношеніе къ ней. Это очень шло къ нему и только потому немного безпокоило мать, что заставляло предположить въ сынѣ что-то похожее на духовное пробужденіе. Въ сущности все дѣло было въ томъ, что Арнольдъ сталъ видѣть въ ней не только мать, но и женщину. Впрочемъ подобное отношеніе совсѣмъ не обусловливалось желаніемъ подмѣтить въ ней что-либо плохое. Просто, самъ онъ началъ кое въ чемъ сомнѣваться, вдумываться въ нѣкоторыя явленія жизни, а это доказывало появленіе въ немъ новыхъ чувствъ и новыхъ мыслей.

Отношенія половъ никогда не составляли для него томительной тайны, какъ для всякаго жителя деревни. Рано проснувшаяся чув-

ственность, облагороженная и ослабленная трудомъ и физическими упражненіями, не возбуждала въ немъ смутныхъ и нездоровыхъ грезъ.

Теперь Арнольду было двадцать лѣтъ, а вскорѣ должно было исполниться двадцать одинъ. Дѣло шло къ лѣту, и временами онъ ощущалъ внутри себя какое-то странное стѣсненіе и волненіе. Часто ему казалось, что сердце его переполняется громаднымъ избыткомъ никому не нужныхъ силъ, и что онѣ, эти силы, по ночамъ, иногда даже во время сна, стремятся проявить себя и того и гляди потрясутъ и разорвутъ его тѣло на части.

Какъ разъ въ это время ихъ работница вышла замужъ за сосѣдняго крестьянина и ушла отъ нихъ. Новая служанка, полька по происхожденію, была въ своемъ родѣ красавица: смуглая, какъ каштанъ, свѣжая и порывистая; звали ее Зальша. Когда Арнольдъ увидалъ ее впервые—она стирала у колодца и всѣ ея движенія были какъ-то особенно дики и вызывающи—онъ поблѣднѣлъ, а потомъ глубоко задумался, глядя, прищуривъ глаза, на залитыя солнцемъ окрестности. Но это не помогло: его такъ и тянуло къ ней. Передъ притягательной силой женщины у него вдругъ оказалось воли не больше, чѣмъ у ребенка. Онъ не сталъ долго церемониться и, вторично встрѣтившись съ Зальшей, попросту спросилъ ее, желаетъ ли она сдѣлаться его возлюбленной? Голосъ его при этомъ звучалъ строго и видъ былъ мраченъ, точно онъ требовалъ чего-то давнымъ давно принадлежавшаго ему по праву, что у него удерживали совершенно неправильно. Въ отвѣтъ работница расхохоталась, повернулась къ нему спиной и ушла. Но двѣнадцать часовъ спустя, она уже принадлежала ему. Не крадучись, не подкарауливая и не хитря—все это было не по нутру Арнольду,—онъ сошелся съ нею и сталъ къ ней приходить по ночамъ въ ея коморку или же послѣ обѣда, когда все засыпало подъ отвѣсными лучами солнца, на сѣновалъ. Нѣкоторое время Зальша думала, что забеременѣла, но это оказалось вздоромъ. Когда же лѣтняя жара стала понемногу спадать, внезапно исчезъ и любовный пылъ Арнольда. Теперь Зальша стала для него не болѣе, какъ пустымъ сосудомъ, содержимое котораго онъ вынужденъ былъ выпить, чтобы предохранить собственное тѣло отъ порчи. Сердце его вновь успокоилось, и духъ прояснился.

2.

Листва окрашивалась уже въ осенніе цвѣта—красновато-желтый, фіолетовый, пурпурный, цвѣта киновари и сафьяна, и всѣ они перемѣшивались и сливались въ вечернемъ воздухѣ. На фонѣ солнечнаго заката—Арнольдъ шелъ прямо на него—дальніе лѣса казались свѣшивающимися съ неба гирляндами. Въ долинѣ раздавалось пѣніе крестьянъ и октябрьскій вѣтерокъ то относилъ его, такъ что оно почти становилось неслышнымъ, то, наоборотъ, звуки его долетали съ чрезвычайною ясностью. На лугу, около

лужи, стоялъ учитель изъ Падолина Максимъ Шпехтъ и древесною вѣткой расплескивалъ залитую красноватымъ солнечнымъ свѣтомъ воду. Время отъ времени онъ, точно поджидая кого-то, поглядывалъ на хуторъ Анзорге. Не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ какъ онъ поселился въ Падолинѣ, и Арнольду еще ни разу не приходилось разговаривать съ нимъ. Дойдя теперь до калитки своего дома, онъ небрежно прислонился къ столбу и сталъ смотрѣть на куръ, мирно и медленно проходившихъ мимо него по направленію къ сараю, гдѣ былъ насѣстъ, иногда онѣ вдругъ принимались тихо кудахтать, точно желая другъ другу спокойной ночи. Вдали, на пламенѣющемъ небѣ рѣзкимъ силуэтомъ чернѣла фигура Максима Шпехта.

Шуршанье женскихъ платьевъ заставило Арнольда повернуться; къ своему удивленію онъ увидалъ двухъ женщинъ, направляющихся въ его сторону. Одна изъ нихъ, молодая дѣвушка, полуотвернулась въ сторону и смущенно, однако не безъ лукавства, улыбалась. «Неужели онѣ были у насъ?» удивленно задалъ себѣ вопросъ Арнольдъ и взглядомъ проводилъ женщинъ. Въ это же время учитель съ необыкновенною торопливостью поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу и вмѣстѣ съ ними направился къ селу.

Стало темнѣть. Войдя въ комнату, онъ спросилъ, кто это былъ у нихъ. Мать медленно повернула къ нему лицо, все покрытое морщинками, какъ древесный листъ бываетъ покрытъ жилками.

— Онѣ дѣлаютъ визиты,—уклончиво отвѣтила она.—Таковъ обычай. Имъ по наслѣдству достался домъ покойнаго Михаила Бекера, вотъ почему онѣ переселились въ Падолинъ. Ихъ фамилія Ханка.

Урсула подала ужинъ, состоящій изъ картофеля, масла, молока, селедокъ и хлѣба. Проголодавшійся Арнольдъ сѣлъ къ столу. Его любопытство было удовлетворено, онъ и не замѣтилъ что посѣтительницы заставили его мать призадуматься, въ ея глазахъ каждый новый человѣкъ былъ въ то же время и новою опасностью. Но Арнольдъ замѣчалъ въ матери только отраженіе собственнаго душевнаго покоя. Учитель, священникъ, докторъ, почтовый и судебный чиновникъ были единственными людьми, помимо крестьянъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Но о нихъ онъ никогда не думалъ.

Только что успѣли зажечь лампу, какъ раздался стукъ въ дверь и вошелъ Максимъ Шпехтъ.

— Прошу тысячу извиненій—очень развязно и необыкновенно любезно сказалъ онъ,—барышня Ханка забыла у васъ свою шаль.

Онъ улыбнулся и это еще ярче подчеркнуло его любезность, но наряду съ этимъ въ немъ сквозило сознаніе собственнаго превосходства, какъ у человѣка, умѣющаго наблюдать окружающее и радующагося своей способности.

Шаль висѣла тутъ же на спинкѣ стула. Арнольдъ подалъ ее учителю.

— Ухъ, и желтая же она, эта вязаная штука, — сказалъ онъ, потомъ потянулъ носомъ воздухъ, понюхалъ и прибавилъ:—фу!

— Да вѣдь это духи!—съ удивленіемъ замѣтилъ Шпехтъ.—Развѣ вамъ это не нравится?—И онъ посмотрѣлъ на него, словно на молодого медвѣдя, силища котораго такъ и подмываетъ приняться за его дрессировку и попробовать продѣлать съ нимъ разные любопытные опыты. Въ Падолинѣ онъ много наслушался всякой всячины о жизни на хуторѣ Анзорге. Арнольдъ съ своей стороны съ такимъ вниманіемъ всматривался въ лицо учителя, ярко освѣщенное лампой, точно боялся проглядѣть хоть единый волосокъ на немъ. Въ немъ одновременно шевельнулось и недовѣріе и неясно сознанная потребность товарищества.

Тактъ и скромность повелѣвали учителю, чувствовавшему на себѣ неодобрительный взглядъ хозяйки дома, откланяться. Легкимъ движеніемъ, перекинувъ черезъ плечо желтую шаль, онъ отвѣсилъ вѣжливый поклонъ и пожелалъ хозяевамъ спокойной ночи.

3.

Арнольдъ проснулся еще до зари. Пока онъ умылся, одѣлся и отправился въ конюшню, уже совсѣмъ разсвѣло. Онъ любилъ эти ранніе часы, особенно въ ясную и свѣжую октябрьскую пору. Опушка лѣса на горизонтѣ, окрашенная розоватымъ свѣтомъ, походила на темную завѣсу, мѣстами зубчатую, мѣстами убѣгающую вдаль ровною лентой. Скотину поили и она ласково мычала. За заборомъ клохтали куры и съ важностью кричали три пѣтуха. Въ саду воевала стая воробьевъ.

Прежде чѣмъ отправиться въ Падолинъ, гдѣ нужно было переговорить съ мясникомъ Ураваромъ насчетъ одной коровы, Арнольдъ вернулся въ домъ закусить. Онъ засталъ у матери еврея разносчика, Алассера, два три раза въ мѣсяцъ доставлявшаго имъ матеріи, шерсть и разные другіе товары. Госпожа Анзорге много занималась рукодѣліемъ, это искусство сохранилось у нея еще отъ прежнихъ временъ.

Здороваясь съ Арнольдомъ, Алассеръ какъ-то особенно присѣлъ, въ то же время вытирая синимъ платкомъ лобъ и лысину, покрытые несмотря на ранній часъ, потомъ. Длинная темная борада почти скрывала добродушное выраженіе его лица. Получивъ деньги, онъ необыкновенно заботливо спряталъ ихъ въ старый, грязный, кожаный кошелекъ, затѣмъ взвалилъ себѣ на спину увѣсистый тюкъ съ товаромъ, почтительно ухмыляясь, поклонился и вышелъ.

Допивъ молоко, Арнольдъ объявилъ, что отправляется въ село; мать кивнула головой. Онъ лѣниво потянулся, вѣки его были полуопущены.

Благодаря живительному, прянному воздуху, дорога въ село показалась ему вдвое короче чѣмъ обыкновенно. Все кругомъ дышало миромъ.

На блѣдномъ, осеннемъ небѣ не было ни облачка. Бодро шагая впередъ, Арнольдъ почувствовалъ, что готовъ идти такимъ образомъ много дней подрядъ; движенія его становились все свободнѣе, взглядъ нетерпѣливѣе... У дороги лежалъ толстый сукъ, онъ поднялъ его, переломилъ, какъ тростинку и швырнулъ въ рѣку, лѣнивыя волны которой совершенно не отражали чистаго неба.

Село Падолинъ раскинулось довольно широко. Только въ одномъ мѣстѣ грязные и жалкіе домики тянулись не улицей, а образовывали по склону холма просторную площадь; на ней расположилась церковь, домъ священника, школа, почта и зданіе сельскаго суда. Лавка Уравара помѣщалась на верхнемъ углу площади. Войдя въ нее, Арнольдъ, къ своему удивленію увидалъ тамъ разносчика еврея, что то горячо объяснявшаго красному, какъ ракъ, мяснику и возбужденно размахивавшаго во всѣ стороны руками. На краю длиннаго прилавка, покрытаго кусками мяса и выпачканнаго кровью, небрежно засунувъ въ карманъ руки, сидѣлъ Ураваръ; онъ то поскрипывалъ зубами, то хохоталъ во все горло. Лицо у него было красное и блестящее, точно сырая говядина и безъ малѣйшаго признака какой бы то ни было растительности; только на подбородкѣ торчала бородавка съ пятью длинными волосами; благодаря ей казалось, что къ его губамъ все время подползаетъ паукъ.

— Если вы не хотите отдать мнѣ мои деньги,—говорилъ разносчикъ, я пожалуюсь на васъ въ судъ. Знаю, что изъ-за этого будетъ пропасть разной возни, но да проститъ мнѣ Богъ, моя жизнь и безъ того ни на что не похожа.

Съ этими словами онъ отеръ себѣ лобъ громаднымъ платкомъ и безпокойно засмѣялся.

Ураваръ ударилъ себя по ляшкамъ, осклабилъ ослѣпительно бѣлые зубы и сказалъ:

— Убирайся вонъ, жидюга, не то я свисну собаку,—и онъ посмотрѣлъ на спокойно стоящаго у порога Арнольда, точно ожидая отъ него одобренія.

Разносчикъ заволновался.

— Я не боюсь вашей собаки,—сказалъ онъ.—Отдайте мнѣ мои деньги и дѣлу конецъ.

Его лицо сразу поблѣднѣло, осунулось, а усталые и печальные глаза ввалились еще глубже. Какъ бы ища защиты на безлюдной площади, онъ глядѣлъ на нее, мимо Арнольда. Ураваръ вскочилъ съ своего мѣста, громадными шагами направился къ Элассеру, обхватилъ его за талію, поднялъ съ земли, точно зарѣзаннаго теленка, и потащилъ къ дверямъ. Но въ эту минуту кто-то съ такою силою впился въ его плечи, что у него хрустнули ключицы, руки сами собою разомкнулись и вывернулись назадъ. Рыча отъ бѣшенства, онъ выпустилъ еврея, такъ что тотъ соскользнулъ на землю, затѣмъ неуклюже обернулся,

пригнулъ голову къ груди и съ затаенною злобой посмотрѣлъ на осмѣлившагося вмѣшаться въ его дѣло человѣка. Но Арнольдъ отвѣтилъ на этотъ взглядъ съ такимъ спокойнымъ сознаніемъ своей силы, что мясникъ почти покорно съежился, отошелъ къ сторонкѣ и опустилъ подбородокъ, отчего паукъ крестовикъ на его губѣ тоже какъ-то трусливо сморщился.

Элассеръ, пыхтя, подобралъ съ полу свой товаръ.

— Господинъ отвѣтитъ мнѣ за это,—сказалъ онъ, указывая на Уравара.—Пословица говоритъ: что возу съ сѣномъ, что пьяному всегда уступай дорогу. Но противъ самоуправства есть законы.—Онъ съ трудомъ присѣлъ Арнольду и вышелъ изъ лавки. Избавленіе изъ рукъ мясника казалось ему столь справедливымъ, что не заслуживало даже благодарности.

Арнольдъ между тѣмъ забылъ зачѣмъ, собственно, пришелъ сюда, а потому, не сказавъ ни слова Уравару, вышелъ на площадь. Защитивъ рукой глаза отъ ослѣпительнаго солнечнаго свѣта, онъ смотрѣлъ вдаль. И все же ему казалось, что солнышко свѣтитъ теперь какъ-то тусклѣе или что горизонтъ отодвинулся дальше, а у него уже не хватаетъ свѣту для такого большого пространства.

— Чего-чего только не продѣлываетъ такой мясникъ,—подумалъ онъ про себя.

Вслѣдъ за дѣтьми, высыпавшими теперь изъ школы на противоположной сторонѣ площади, показался Максимъ Шпехтъ. Онъ безъ дальнихъ околичностей направился прямо къ Арнольду и, не то желая задобрить его, не то воздать должное за его поступки, заявилъ:

— Превосходно! Очень хорошо! Я все изъ окна видѣлъ. Наконецъ то этотъ Ураваръ наказанъ.—Приэтомъ онъ разразился мелкимъ смѣшкомъ, слегка напоминающимъ блеяніе козы, а ласковые глаза сдѣлались совсѣмъ маленькими. Онъ предложилъ Арнольду проводить его до половины дороги, ему уже такъ давно хотѣлось поближе съ нимъ познакомиться. Одѣтъ Шпехтъ былъ бѣдновато, но держалъ себя чрезвычайно ловко и развязно, разговаривалъ непринужденно, хотя и сдержанно. Его очень интересовало все касающееся Арнольда, однако, онъ умѣлъ скрыть свое любопытство; благодаря какой-то особенной смѣси непосредственности и разсудительности, присущимъ его натурѣ, ему это особенно легко давалось. Помимо этого въ его словахъ звучала увѣренность въ себѣ, пониманіе и знаніе людей и общественныхъ условій, а также и умѣнье держать себя. Послѣднее какъ бы даже преобладало надо всѣмъ остальнымъ, и онъ, повидимому, сильно полагался на это свое качество. Всякое его слово относилось именно къ тому, съ кѣмъ онъ разговаривалъ; о чемъ бы онъ ни говорилъ, онъ всегда зналъ основательно, что хочетъ сказать, и этимъ сильно импонировалъ своему собесѣднику; въ концѣ концовъ даже наиболѣе наивные люди и тѣ не могли постичь, какъ это онъ до сихъ поръ былъ всего только сель-

скимъ учителемъ и какъ вообще онъ могъ очутиться въ столь глухомъ мѣстечкѣ.

Шпехтъ спросилъ Арнольда, неужели ему по вкусу здѣшняя однообразная жизнь и неужели его никогда и ничто не манитъ вдаль, въ общество, въ городъ?

— Вы никогда не были въ городѣ?—спросилъ онъ, на что Арнольдъ безъ малѣйшаго смущенія, совершенно просто отвѣтилъ, что нѣтъ.

— Странно, очень странно!—продолжалъ Шпехтъ.—Разговариваете вы, какъ горожанинъ, лицо у васъ, въ сущности, тоже какъ у городского жителя, внутренній міръ тоже не соотвѣтствуетъ міросозерцанію крестьянина, а между тѣмъ, вы все-таки крестьянинъ или, по крайней мѣрѣ, хотите имъ казаться... странно!

Арнольдъ съ удивленіемъ покачалъ головой. Ему стало жарко, онъ остановился и началъ стаскивать съ себя куртку, причемъ разсматривалъ учителя недоумѣвающимъ и все-таки проницательнымъ взглядомъ. Но Шпехтъ не обратилъ на это вниманія.

Они пришли къ сѣверной части села. Здѣсь, фасадомъ на улицу, стояла мыза; и самый домикъ, и конюшни, и сараи—все было хорошенькое, чистенькое и окружено новенькимъ заборомъ. Точно аппетитное кушанье на тарелочкѣ, такъ и эта небольшая усадьба красовалась среди равнины. У подъѣзда стояла молодая дѣвушка и какъ-то дѣтски-невинно улыбалась. Когда Шпехтъ распрощался съ Арнольдомъ, она плотнѣе закутала плечи и грудь желтымъ платкомъ и, стараясь во что бы то ни стало казаться веселою, пошла къ нему на встрѣчу.

4.

Послѣ полудня Арнольдъ сидѣлъ на берегу рѣки и спокойно наблюдалъ за удилищемъ, громадною дугой спускавшимся въ воду. Воротъ его рубашки былъ разстегнутъ—стояла страшная духота.

Ни одна, даже самая маленькая рыбешка не клюнула сегодня; черная поверхность рѣки не подергивалась ни малѣйшею рябью... все небо заволокло тучами, а надъ силезскими лѣсами на горизонтѣ уже разразилась гроза.

Зальша, возвращаясь изъ села, остановилась около Арнольда и принялась болтать. Исторія еврея съ Ураваромъ была уже ей извѣстна. Весь свѣтъ знаетъ, что жиды умѣютъ заговаривать скотину, что они закалываютъ христіанскихъ младенцевъ, но и Ураваръ—собака. У Алассера девятеро ребятишекъ, и деньги ему куда какъ нужны... а все-таки ему ни за что не выиграть тяжбы съ Ураваромъ...

Зальша сѣла на камень рядомъ съ Арнольдомъ, широко разставивъ колѣни подъ юбкой, она не сводила глазъ съ его обнаженной

груди. Далеко кругомъ не было ни души; казалось чего же лучше, можно бы съ четверть часика побаловаться...

Но въ концѣ-концовъ увѣрившись въ полномъ равнодушіи Арнольда, она съ презрѣніемъ покосилась на удочку, встала и пошла. Еще долго спустя до Арнольда доносилось ея притворно спокойное, а въ сущности гнѣвное пѣніе. Что до него самого, то онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли объ евреѣ, которому ни за что не добиться своего права по отношенію къ Уравару. А такъ какъ Арнольдъ, разъ какая-нибудь мысль западала ему въ голову, не умѣлъ ограничиваться лишь поверхностными размышленіями, то и теперь ощущалъ настоятельную потребность продумать все до конца, все окончательно уяснить себѣ.

И несмотря на это, въ данномъ случаѣ передъ нимъ точно выдвигалась какая-то стѣна. Неужели же есть на свѣтѣ человѣкъ, которому не добиться своихъ правъ и только потому, что онъ слишкомъ бѣденъ, жалокъ, ничтоженъ и презираемъ?

Такъ какъ гроза приблизилась, Арнольдъ вытащилъ изъ воды удочку и отправился домой. Надъ Падолиномъ уже сверкала молнія. Перекинувъ удилище черезъ плечо, онъ твердыми шагами направился черезъ засохшее пустое поле къ усадьбѣ. Мать онъ засталъ сидящею посреди комнаты, блѣдной отъ испуга—она очень боялась грозы, особенно осенней.

Но тучи понемногу разсѣялись.

— Что у тебя вышло съ Ураваромъ? — спросила госпожа Анзорге сына.

Онъ разсказалъ.

— Гораздо лучше, Арнольдъ, жить спокойно. Они только собьютъ тебя съ толку, а сами пусты, какъ солома.

— А я разговаривалъ также и со Шпехтомъ,—охотно продолжалъ повѣствовать Арнольдъ.—Онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, что бы я ни разу до сихъ поръ не побывалъ въ городѣ.

— Городѣ... городѣ...—пробормотала госпожа Анзорге, какъ бы охваченная тяжелымъ предчувствіемъ. Подойдя затѣмъ къ окну, она стала смотрѣть на небо, гдѣ широко раскинулась радуга.

— Подойди сюда, Арнольдъ,—позвала она сына и, когда онъ сталъ рядомъ съ нею, продолжала.—Видишь радугу? Отсюда тебѣ ее всю цѣликомъ видно... Если же ты пойдешь на улицу, гдѣ со всѣхъ сторонъ будешь окруженъ домами, то тебѣ будетъ видно лишь часть ея. А насколько твой глазъ будетъ охватывать меньшее пространство, настолько ты утратишь и счастья...

Арнольда поразило образное сравненіе матери и онъ задумался.

5.

У Ханка, новыхъ жителей Падолина, былъ гость; изъ Вѣны пріѣхалъ братъ Агнесы Ханка, Александръ. Намѣревался онъ пробыть у

нихъ три дня, только чтобы переговорить о дѣлахъ по наслѣдству и одновременно обсудить все, касающееся Беаты, опекуномъ которой состоялъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Агнеса, уступая его желанію, взяла ее къ себѣ; тогда онъ только что вырвалъ бѣдную сиротку изъ рукъ недобросовѣстныхъ родственниковъ, семьи своего управляющаго въ Богеміи. Александръ Ханка, котораго весь свѣтъ считалъ за приверженца рутинной семьи и за воплощенное благоразуміе, въ то время неожиданно задался совершенно фантастическимъ планомъ: онъ составилъ себѣ идеалъ женщины, сбросившей съ себя всѣ оковы общепринятаго, внутренно освободившейся, сильной, правдивой и ничѣмъ не ослѣпленной. Съ тѣхъ поръ прошло восемь лѣтъ, и онъ съ легкою досадой вспоминалъ о своемъ тогдашнемъ легковѣріи. Что касается Беаты, то она считала его довольно равнодушное отношеніе весьма удобнымъ для себя; не чувствуя себя связанною благодарностью, она, по крайней мѣрѣ, относилась къ своему покровителю прямо, отдавала должное его достоинствамъ, признавала, что онъ для нея много сдѣлалъ, часто даже выказывала ему своего рода довѣріе, но какъ-то совсѣмъ по своему, не безъ нѣкотораго высокомѣрія. Докторъ Ханка прибылъ въ Падолинъ, когда уже солнце близко склонялось къ западу. Весь воздухъ былъ пропитанъ запахомъ смолы; проходящіе крестьяне кланялись ему; на выгонѣ паслись коровы и неодобрительно смотрѣли на пріѣзжаго изъ города.

Ни Агнесы, ни Беаты не было дома. Съ помощью нѣсколькихъ извѣстныхъ ему богемскихъ словъ онъ разспросилъ служанку и узналъ, что сестра у пастора, а Беата неизвѣстно гдѣ. Отвѣтъ вполнѣ удовлетворилъ его и онъ усѣлся ждать ихъ на скамью передъ домомъ, скрестивъ свои необычайно длинныя ноги, и закурилъ. Царившая кругомъ тишина и небо, которое онъ не привыкъ видѣть столь необъятнымъ, изгладили изъ его памяти досаду, вызванную необходимостью этой поѣздки въ деревню. Легкимъ движеніемъ вѣкъ, какъ бы одобряя себя, онъ благосклонно предался самосозерцанію и анализу собственныхъ мыслей.

Вдругъ, когда онъ весь погрузился въ свои думы—за это время уже начало смеркаться,—до его ушей донесся возгласъ удивленія. Сзади подошла къ нему Беата въ сопровожденіи Максима Шпехта. Неловкимъ и дѣланнымъ жестомъ, однимъ изъ тѣхъ, которымъ обучаютъ во время уроковъ танцевъ, дѣвушка представила мужчинъ другъ другу. Какъ у учителя, такъ и у нея лица были нѣсколько возбужденныя и имъ, повидимому, было очень весело. Шпехтъ, очевидно самъ наслаждаясь своимъ умѣньемъ передавать видѣнное, сталъ разсказывать о встрѣчѣ на Ломницкой дорогѣ съ Арнольдомъ Анзорге, съ которымъ они превесело провели время.

— Онъ спросилъ, есть ли у меня возлюбленный,—со смѣхомъ выпалила Беата.

— Но забавно, главнымъ образомъ, не то, что онъ говоритъ,—глубокомысленно замѣтилъ Шпехтъ,—а то, какъ онъ васъ слушаетъ, какъ его удивляетъ и какъ онъ взвѣшиваетъ каждое сказанное вами слово. Какъ бы то ни было, онъ далеко не глупъ.

— А кто такой этотъ Арнольдъ Анзорге?—холодно спросилъ Ханка; ихъ возбужденіе и шутливый разговоръ ему были не по вкусу. Между тѣмъ, вернулась и Агнеса Ханка; встрѣча брата и сестры была самая сердечная. Александръ поздоровался съ нею со свойственною ему вѣжливостью и нѣсколько насмѣшливою сдержанностью, а Агнеса съ выраженіемъ безграничнаго уваженія и нѣжнаго вопроса въ добрыхъ глазахъ. Такъ какъ она была глуховата, то изъ боязни чего-либо не разслышать и еще больше изъ опасенія слишкомъ затруднить своего собесѣдника она вообще говорила мало.

Всѣ четверо вошли въ домъ, но Шпехтъ вскорѣ откланялся, потому что тактъ и болѣзненно развитая впечатлительность подсказали ему, что онъ здѣсь лишній, и что Ханка не совсѣмъ доволенъ присутствіемъ посторонняго, хотя непроницаемое лицо доктора ничѣмъ не выдавало этого чувства. Когда Агнеса ушла хлопотать на кухню, Ханка спросилъ Беату, что собственно представляетъ изъ себя этотъ учитель?

Въ отвѣтъ Беата посмотрѣла на расхаживающаго по комнатѣ Ханка съ истинно женскою снисходительностью. Обхвативъ колѣни руками, она нѣсколько перегнулась впередъ и, тихонько покачиваясь, начала осыпать похвалами Шпехта. Онъ хотя и бѣденъ теперь, но зато въ будущемъ, она твердо убѣждена, добьется чего-нибудь очень значительнаго; только нужда загнала его сюда, но скоро онъ пошлетъ къ чорту свое учительство, потому что вѣдь онъ весь, какъ есть весь, «соціалистъ», но это глубокая тайна, и Ханка не долженъ объ этомъ болтать.

Ханка остановился прямо передъ нею, широко разставивъ ноги и всѣмъ корпусомъ раскачиваясь взадъ и впередъ, причемъ добродушно посмѣивался, хотя вокругъ полнаго мясистаго рта змѣйкой пробѣгала иронія. Каждое движеніе его длиннаго, худого тѣла выражало благоволѣніе съ примѣсью нѣкоторой доли насмѣшки.

Въ первый разъ за весь день заглянулъ онъ прямо и внимательно въ лицо Беаты; оно нравилось ему, особенно узенькія, черныя брови надъ переливающимися всѣми оттѣнками словно перламутровыми глазами. Потомъ онъ взглянулъ на самого себя, такъ какъ за темною головкой дѣвушки висѣло зеркало. Ему показалось, что никогда раньше онъ не видывалъ ничего столь безобразнаго: длинный и мясистый носъ, низкій лобъ, лицо блѣдное, напоминающее своимъ окладомъ Мефистофеля. Пораженный, онъ ужаснулся.

— А вѣдь уже два года, какъ мы не видались съ тобою, Беата, сказалъ онъ.—Какъ же ты поживаешь? Агнеса писала мнѣ, что ты

потихонечку убѣжала изъ дому, чтобы гдѣ-то потанцовать. Какъ же было дѣло?

Отъ избытка чувства его голосъ вибрировалъ и онъ какъ-то особенно глубоко произносилъ букву *о*, все это возбудило смѣшливость Беаты.

— Въ настоящее время танцы не доставляютъ мнѣ ровно никакого удовольствія,—соврала она и тутъ же очень ловко присоединила къ первой и вторую ложь:—я вѣдь теперь очень много читаю.

— Гмъ... гмъ... Вліяніе господина Шпехта,—съ дѣланнымъ спокойствіемъ, намѣренно доведеннымъ до крайности, замѣтилъ Ханка. И въ ту же минуту въ его воображеніи встало лицо молодого учителя съ гладко выбритымъ подбородкомъ и ловкими манерами.

Окна были раскрыты, въ нихъ врывался прохладный, осенній вѣтерокъ, лампа привѣтливо свѣтилась, а со стѣнъ глядѣли на него давнымъ-давно знакомыя картины... Беата, желая выказать свое трудолюбіе, взяла чулокъ; въ ту же минуту Агнеса просунула въ дверь свое раскраснѣвшееся отъ плиты лицо и радостно справилась насчетъ состоянія аппетита Александра. Ханка дѣлалъ разныя замѣчанія насчетъ жизни въ деревнѣ или молча курилъ папиросу, временами поглядывая на Беату.

Агнеса уставила столъ такимъ множествомъ кушаній, точно готовила ужинъ на цѣлый взводъ солдатъ и при этомъ еще извинялась, что того-то или другого нельзя было раздобыть въ деревнѣ. Беата передавала Ханка одно блюдо за другимъ и онъ, въ концѣ концовъ, до того наѣлся, что впалъ въ своего рода оцѣпенѣніе. Выпятивъ губы и состроивъ гримасу, онъ повертывалъ шею, точно утка въ водѣ, и, наконецъ, заявилъ, что, къ своему крайнему сожалѣнію, долженъ завтра же уѣхать. Беата повторила его слова Агнесѣ, а та съ кроткимъ упрекомъ посмотрѣла на брата.

— Долженъ?—выразительно переспросила она.

Вскорѣ затѣмъ молодая дѣвушка ушла спать, а братъ съ сестрой долго еще вели дѣловой разговоръ. Но въ самый разгаръ его Ханка сталъ вдругъ разсѣяннымъ, вниманіе его расплылось, и, точно во время сна, въ его воображеніи стали носиться какія-то свѣтлыя тѣни. Въ верхнемъ этажѣ дома распахнулось окно и голосъ Беаты затянулъ пѣсню, которой она научилась у одной чешки:

Kudy, kudy, vede cestička
Pro mého jenička...

Это значило, что хотя милый и отправляется въ даль искать себѣ богатую невѣсту, но она любитъ его попрежнему...

6.

Такъ какъ за ночь слегка подморозило, то Арнольдъ вызвался обернуть на зиму фруктовыя деревья соломой. Зальша помогала, таская

изъ сарая охапки соломы и подавая ему. Она была разстроена, грустна и старалась притворнымъ равнодушіемъ обратить на себя вниманіе Арнольда. Онъ же, стоя на лѣстницѣ, любовался огненнымъ дискомъ солнца, прорѣзывавшимся сквозь туманъ. Протянувъ руку внизъ, чтобы взять солому, онъ встрѣтился взглядомъ съ Зальшей. Полька поблѣднѣла, оскалила зубы и тихонечко свистнула. Еще съ секунду простояла она молча, потомъ повернулась, вошла въ домъ и рѣшительными шагами направилась прямо къ хозяйкѣ съ такимъ выраженіемъ, будто имѣла много чего сообщить ей. Госпожа Анзорге встрѣтила Зальшу улыбкой и тотчасъ же положила свое вязанье на колѣни. Но это и лишило молодую крестьянку всякаго самообладанія и она даже забыла, что собственно ей надо. Прикрывъ лицо обнаженною рукой, она начала громко всхлипывать. Улыбка на лицѣ хозяйки постепенно выразила всѣ чувства, свойственныя женщинамъ въ подобныхъ случаяхъ: жалость, добродушную насмѣшку, легкую растерянность и пренебреженіе, а сквозь все это, подобно слабому блеску, пробивалась гордость сыномъ, который могъ причинить такое огорченіе. Она встала, отложила свою работу въ сторону, положила обѣ руки на плечи работницы и сказала:

— Это пройдетъ, Зальша, для тебя у Господа Бога найдется тысячи другихъ. А теперь ступай, ступай; на ярмарку ты получишъ отъ меня новую юбку.

Увидавъ у садовой калитки какого-то человѣка, ведущаго за руку молоденькую дѣвушку, Арнольдъ слѣзъ съ лѣстницы, равнодушно оттолкнулъ валяющуюся на дорогѣ солому и направился къ нему. Подойдя ближе, онъ узналъ разносчика Алассера. Боязливо и униженно обнажилъ еврей свою плѣшивую голову и спросилъ, не согласится ли господинъ быть свидѣтелемъ по его дѣлу съ Ураваромъ, т.-е. вѣрнѣе съ его стороны это было лишь предупрежденіемъ, желаніемъ самому сообщить Арнольду о предстоящемъ и этимъ умѣрить его гнѣвъ за непріятныя хлопоты и въ то же время выказать свою благодарность за нихъ. Въ сущности же, несмотря на всю свою почтительность, онъ былъ краткокъ; несмотря на приторную ласковость, его обращеніе ясно говорило, что, если на то пойдетъ, такъ Арнольду никакъ не придется отвертѣться отъ согласія; но тотъ и не думалъ отказываться и посмотрѣлъ на дѣвочку, пришедшую вмѣстѣ съ Алассеромъ. Рѣзкій контрастъ между ея дѣтскою фигуркой и чрезмѣрною зрѣлостью выраженія лица, почти испугалъ его.

— Поблагодари господина, Ютта,—бормоталъ Алассеръ, тормоша ее за руку.

Малютка сбоку окинула Арнольда боязливымъ и испытующимъ взглядомъ. Ей могло быть около 13—14 лѣтъ. Мечтательные глаза казались какъ бы утомленными; въ нихъ отражались перенесенныя предыдущими поколѣніями испытанія, которыя и помѣшали естественному развитію ея организма.

Госпожу Анзорге поразило извѣстіе о предстоящемъ дѣлѣ Арнольда. Хотя она не ждала отъ него ни дурнаго, ни хорошаго, но начинала догадываться, что невозможно управлять жизнью, хотя бы только тѣснымъ кругомъ своего собственнаго міра, не принявъ въ разсчетъ даже случайнаго полета пчелы, и что на землѣ нѣтъ неограниченной власти помимо той, что управляетъ даже этимъ полетомъ.

Арнольда тянуло вонъ изъ сферы сужденій матери—они казались ему не стоющими вниманія, поэтому онъ пошелъ бродить по опустѣвшимъ лугамъ и, сдѣлавъ громадный обходъ вокругъ сада, свернулъ вправо отъ почтоваго тракта и направился прямехонько на солнце. Иней уже начиналъ таять и въ видѣ капелекъ росы блестѣлъ на коротенькихъ стебелькахъ травъ на мерзлой землѣ. Арнольдъ шелъ нѣсколько часовъ подрядъ. Ему не хотѣлось заходить въ лѣсъ, такъ какъ просторъ и ясный воздухъ дѣйствовали на него даже лучше всякаго купанья. Такимъ образомъ онъ добрелъ до деревни Коморнъ, расположенной на странномъ, почти кубическомъ холмикѣ. Ряды маленькихъ, бѣленькихъ домиковъ производили впечатлѣніе стѣнъ крохотной крѣпостцы и опрятно свѣтились на полуденномъ солнцѣ. Голубовато-сѣрое небо точно касалось ихъ. Изъ дальнихъ трубъ поднимались къ нему тоненькія струйки дыма; на крутомъ склонѣ паслись коровы, людей не было видно. Не обращая вниманія на осеннюю сырость почвы, Арнольдъ растянулся во всю длину посреди луга и положилъ подъ голову камень. Вокругъ далеко, далеко, словно море, разстилалась долина; слѣва границей служилъ кубическій холмъ Коморна, а направо у дороги торчало три березки и искалѣченный непогодами тополь. Наверху по небу ползли другъ къ другу два облака, то вытягиваясь какъ руки, то напоминая головы, а потомъ вновь превращаясь въ растянутыя, безформенныя испаренія. Арнольду не надоѣдало смотрѣть вверхъ, изобиліе бѣлаго свѣта не слѣпило его; ничего грустнаго или сладостнаго онъ не ощущалъ – просто думалъ: здѣсь хорошо лежать, или: здѣсь сегодня тише обыкновеннаго. Одиночество не могло, если можно такъ выразиться, окрылить его, оно ничего ему не давало, но ничего и не отнимало, а лишь больше и лучше укрѣпляло его *я*. Онъ смотрѣлъ на какой-нибудь камень, корень, тѣнь, повозку на улицѣ и уже это вызывало въ немъ сознаніе своего единства со вселенной.

Изъ двухъ темныхъ облаковъ образовалось цѣлое множество ихъ. Медленно ползли они надъ Коморномъ, направляясь другъ къ другу, хмурые, грозные, точно готовясь на бой. Теперь уже бѣлый, яркій свѣтъ падалъ на землю, словно сквозь отдѣльныя отверстія; но потомъ и тѣ затянулись; два огромныхъ, черныхъ пятна расположились въ видѣ форпостовъ. Арнольдъ ждалъ, что будетъ дальше: они вытянулись въ длинныя, сѣрыя линіи, точно кавалерія, готовящаяся развернутымъ фронтомъ къ атакѣ; березки задрожали, тополь весь скорчился, дождевая капля упала въ земляную расщелину около самого уха

Арнольда, и онъ слышалъ, какъ она шлепнулась; полевая мышь испуганно бросилась ко рву, коровы стали взбираться по склону холма. Вскорѣ весь воздухъ кругомъ переполнился свѣтлыми прозрачными точками—шелъ дождь.

Поймавъ языкомъ нѣсколько капель, Арнольдъ всталъ, чтобы идти домой. Вскорѣ онъ очутился внѣ области дождевыхъ облаковъ; въ томъ направленіи, по которому онъ шелъ, дорога была суха. Очнувшись, онъ увидалъ, что Коморнъ уже кажется не болѣе муравьиной кучи. Черезъ какихъ-нибудь полтора часа, но уже далеко за полдень, онъ настолько приблизился къ Падолину, что ярмарочная музыка, въ видѣ дикаго шума, стала долетать до его ушей. Что-то потянуло его туда. Возвращаться домой ему сегодня было какъ-то труднѣе обыкновеннаго: у него явилось ощущеніе, что тамъ его ждетъ нѣчто болѣе темное, нежели та сила, что жила въ немъ самомъ.

Онъ быстро направился къ селу. Дома и улицы, все было полно разгуломъ по случаю храмового праздника. Изъ всѣхъ окрестныхъ селъ и мѣстечекъ понаѣхали крестьяне съ женами, вырядившимися въ пестрые платки. Отличить музыку отъ стоявшаго въ воздухѣ гама не было никакой возможности. Харчевни уже не вмѣщали посѣтителей, и тѣ кое-какъ пристраивались въ сѣняхъ или на улицахъ, на балкахъ, обрубкахъ, тюкахъ и бревнахъ, кричали, играли въ карты, торговались и орали пѣсни. Всѣ лица были багровы, точно ихъ вымазали краской. Нѣсколько человѣкъ пьяныхъ рабочихъ валялось прямо на площади, они тяжело переводили дыханіе; Зальша стояла тутъ же и каждый изъ нихъ, по очереди, протягивалъ ей свою кружку. Вся площадь была биткомъ набита народомъ, точно хорошо упакованный ящикъ. Ураваръ стоялъ передъ своею лавкой и о чемъ-то ораторствовалъ, причемъ паукъ-крестовикъ на его подбородкѣ расправилъ всѣ свои лапы, точно подкарауливалъ добычу. Шарманки визжали, продавцы селедокъ выкрикивали свой товаръ, дѣти, точно ящерицы, шныряли между ногъ взрослыхъ, изъ открытыхъ дверей церкви вырывался запахъ ладона, смѣшиваясь съ злововіемъ селедокъ. Еле расчищая себѣ дорогу среди этой толкотни, пробиралась церковная процессія съ пестрыми хоругвями и соннымъ пѣніемъ. При ея приближеніи нѣкоторые изъ близъ стоящихъ творили крестное знаменіе, наскоро присѣдали, а затѣмъ снова бросались въ самую гущу народа. Вечерѣло и становилось все тѣснѣе. Арнольда втиснули въ сѣни «Золотой звѣзды», откуда доносилась музыка для танцевъ. Какой-то человѣкъ отчаянно вопилъ, потому что весь его товаръ—разноцвѣтные шары, взлетѣлъ на воздухъ. Пять служанокъ, держась за руки, точно шеренга солдатъ, выскочили изъ подворотни и со смѣхомъ затянули пѣсню. Позади нихъ неожиданно показался Максимъ Шпехтъ, и улыбаясь, знаками сталъ подзывать Арнольда. Тотъ, было, и хотѣлъ послѣдовать его приглашенію, да въ это время продавецъ волшебныхъ напитковъ собралъ около себя цѣ-

лую кучу гулякъ и проходъ оказался отрѣзаннымъ. Оглянувшись Арнольдъ увидалъ рядомъ съ собою еврея-разносчика. Его печальная фигура, неподвижно—покорное лицо и трезвый, твердый взглядъ до того выдѣлялись среди этой толпы, что тотъ невольно спросилъ его, чего собственно ему здѣсь нужно. Алассеръ отвѣтилъ почти механически, точно онъ ужъ нѣсколько часовъ искалъ и не находилъ случая высказать то, что повидимому его очень мучило.

Его дочь, Ютта, исчезла, повѣствовалъ онъ тономъ дѣлового человѣка, съ ничего не выражающею привѣтливостью. Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ они вернулись изъ усадьбы милостиваго господина Анзорге, она и пропала. Иногда, раньше, по праздникамъ она ходила въ трактиръ помогать мыть стаканы—но теперь ее тамъ не оказалось. Странно, но исчезновеніе дѣвушки сильно смутило и обезпокоило Арнольда; здѣсь, среди пьяныхъ скотовъ, его душѣ было необходимо ухватиться за что либо человѣческое. Онъ задумался и ему стало представляться, что крошка Ютта заблудилась въ лѣсу. Онъ хотѣлъ подробнѣе разспросить Аласcера, но того уже не оказалось съ нимъ рядомъ; его оттѣснили, а самъ Арнольдъ очутился у входа въ залъ бокъ о бокъ со Шпехтомъ и Беатой. Шпехтъ тотчасъ же взялъ его подъ руку и привѣтливо, почти нѣжно, спросилъ, какъ онъ поживаетъ. Арнольдъ въ отвѣтъ на эту необыкновенную любезность лишь сконфуженно пожалъ плечами, такъ какъ не съумѣлъ найти подходящаго тона. Онъ съ любопытствомъ сталъ смотрѣть на ноги танцующихъ, потому что неуклюжія, деревянныя и смѣшныя движенія всегда возбуждали въ немъ это чувство. На верху на эстрадѣ, точно гномы, ютились музыканты, наполовину скрытые стоящими въ воздухѣ людскими испареніями. Беата, вся разгорѣвшаяся, тономъ, въ которомъ сквозила непонятная короткость и затаенное коварство, вспыхивавшее также и въ глазахъ, спросила Арнольда, развѣ онъ впервые на ярмаркѣ, что смотритъ на все съ такимъ удивленіемъ? И ея порывистость и дѣланная веселость, все было какъ-то неестественно.

— Нѣтъ, какже, бывалъ и раньше—равнодушно отвѣтилъ Арнольдъ— но я уже забылъ, что видѣлъ тогда.

И въ самомъ дѣлѣ, годъ составлялъ для него уже цѣлую эпоху и ему было трудно не забыть, что произошло за этотъ періодъ времени. Беата умчалась танцовать съ крестьянскимъ парнемъ исполинскаго роста; Шпехтъ также куда то скрылся. Душный залъ съ мутными огнями походилъ на адъ въ миніатюрѣ и Арнольду скоро стало казаться, что не люди, а сами стѣны вертятся вокругъ него. Онъ стоялъ у самой стойки и не могъ протискаться ни взадъ ни впередъ, а потому уставился въ туманъ, въ которомъ мелькали головы танцующихъ и тряслись ихъ плечи. Трактирщица поставила передъ нимъ пиво; его мучила жажда и онъ залпомъ опорожнилъ кружку. Въ эту минуту мимо него промчалась Беата, юбки ее высоко взвивались по воздуху, каза-

лось кавалеръ несетъ ее на рукахъ, его громадные сапожищи стучали при этомъ громче остальныхъ. Потомъ вдругъ она съ учителемъ опять очутилась рядомъ съ нимъ. Оба смотрѣли на него. Лицо Шпехтъ было сѣро, онъ держалъ руку дѣвушки поверхъ локтя и что-то бормоталъ сквозь зубы, нижняя губа его тряслась отъ волненія. Беата отвѣтила ему долгимъ взглядомъ, выражавшимъ одновременно влюбленность, рѣшительность и чрезвычайную разнузданность чувствъ. Волосы ея прилипли къ вискамъ, Арнольдъ видѣлъ какъ бились у нея жилки на шеѣ, какъ горѣли уши, а лицо было блѣдно. Въ слѣдующее же мгновеніе два пьянныхъ мужика, что то лепетавшіе по чешски, скрыли ихъ изъ глазъ Арнольда. Протискавшись къ дверямъ, онъ уже вышелъ наружу, когда услыхалъ за собою голосъ—это опять былъ Шпектъ, который взялъ его подъ руку и вѣжливо попросилъ у него позволенія сопровождать его. Арнольдъ не нашелся что отвѣтить.

«Всякій имѣетъ право идти, куда ему вздумается», подумалъ онъ. Слыша, какъ запыхался учитель, онъ понялъ, что тотъ очень торопился догнать его.

— Побудемъ еще немного вмѣстѣ, — снова попросилъ Шпехтъ. Мнѣ не хочется оставаться одному. Всего семь и мы успѣемъ еще отлично прогуляться.

Арнольдъ кивнулъ головой полуравнодушно, полузаинтересованный.

Вскорѣ шумъ и гамъ остались далеко позади нихъ. Надъ землей разстилалась ночь, но дорогу было ясно видно, такъ какъ на юго-востокѣ блестѣла первая четверть луны. Послѣ ярмарочнаго шума ширь и тишина полей казались имъ еще въ тысячу разъ значительнѣе.

7.

— Такое мужичьё,—первый заговорилъ Шпехтъ, послѣ того, какъ съ четверть часа они шли молча.

— Въ одинъ праздничный день пропиваетъ всё скопленное съ такимъ трудомъ за лѣто.

Въ голосѣ его слышалось бѣшенство и ненависть, точно онъ бросалъ кому-то обвиненіе, ничего общаго съ его чувствомъ не имѣющее, а потому оно тотчасъ же и умерло безъ отклика. Арнольдъ молчалъ, онъ не зналъ, что ему отвѣчать.

— Да вообще, что это за жизнь,—продолжалъ Шпехтъ, всѣми движеніями выражая отчаяніе.—Что я рабъ, что ли, каждаго олуха? Развѣ смѣетъ всякій дурацкій мужикъ разыгрывать передо мною начальство? О, я весь горю... самъ не знаю отчего. — Онъ взмахнулъ руками, остановился и глубоко вздохнулъ.—Совѣтую вамъ, избѣгайте женщинъ, особенно тѣхъ, что корчатъ изъ себя существа, способныя понять васъ, тотчасъ же вновь началъ онъ.—Смотрите на меня—развѣ я, какой я есть, ни на что, кромѣ любовныхъ вздоховъ, уже непригоденъ? Развѣ

нѣтъ на свѣтѣ крупныхъ дѣлъ, на которыя и я бы пригодился? О будь они прокляты! Дьявольская жизнь!—Повидимому Шпехтъ хотѣлъ самъ себя ободрить, вновь обрести себя. Слова, подобно горячимъ каплямъ, такъ и срывались у него съ языка. Потомъ онъ разозлился на Арнольда, шедшаго рядомъ съ нимъ, какъ воплощенное душевное равновѣсіе и сознаніе собственной силы.

— Да, вотъ и вы,—сказалъ онъ,—вѣдь вы живете словно кротъ подъ землей. Конечно, вы изъ себя представляете нѣчто; но вѣдь надо чѣмъ-нибудь быть и для другихъ.—Вся его любезность и вкрадчивость исчезли безъ слѣда, и слова были ѣдки, рѣзки и полны горечи.

Но Арнольдъ не понялъ этого. Онъ думалъ—учитель злится на то, что его дама пошла танцовать съ другимъ, но зачѣмъ придавать этому такое значеніе? И онъ внимательно прислушивался къ крику дичи вдали. Село давно исчезло у нихъ изъ виду и они молча шли вдоль опушки лѣса. Весь лугъ сверкалъ серебромъ; пронзенный луннымъ свѣтомъ туманъ наполнялъ рѣдкимъ серебромъ все пространство между небомъ и землей, а изъ лѣсу въ то же время выглядывала безпросвѣтная и безмолвная черная ночь. Передъ ними вырисовалась ограда монастыря фелиціановъ. Надъ высокими вратами блестѣлъ крестъ.

Это былъ районъ охоты Арнольда; здѣсь онъ зналъ каждую травку, каждое птичье гнѣздо и каждое дерево имѣло въ его глазахъ свою собственную физіономію. Здѣсь же онъ чувствовалъ себя ближе къ небу, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ, а когда растягивался на землѣ, къ нему точно спускался самъ Господь; но не Богъ, созданный имъ самимъ для себя, или вѣру въ котораго онъ перенялъ бы у другихъ, но тотъ, который выросъ вмѣстѣ съ нимъ, другъ, хотя намѣренія Его и не всегда были ему понятны и уразумѣніе ихъ, благодарное уразумѣніе лишь наступало гораздо позже. Богъ и Арнольдъ были самые близкіе друзья, у нихъ не было тайнъ другъ отъ друга, ибо Господь всегда держалъ громадную книгу созданнаго имъ бытія открытой и съ кроткою наставительностью то серьезно, то съ улыбкой переворачивалъ ея страницы. Онъ ни на что не гнѣвался и ни отъ чего не остерегалъ. Его сущность была въ допущеніи и поученіи; радость исходила изъ него и единственно, что было въ немъ чудеснаго и необыкновеннаго, такъ это его невидимость. Но помимо этого, Арнольдъ во всемъ и всегда ощущалъ его близость и постоянное присутствіе—какъ въ сладости меда, такъ и въ ночныхъ грёзахъ, услаждавшихъ его сонъ. Но при всемъ томъ, хотя Арнольдъ и не «раздумывалъ» о Богѣ, онъ постоянно жилъ и творилъ въ немъ. Но если въ его присутствіи кто-нибудь призывалъ имя Господне или торжественно говорилъ о Немъ—ему всегда становилось смѣшно.

— Мы зашли очень далеко,—задумчиво проговорилъ Шпехтъ, глядя на часы, которые пришлось поднести къ самымъ глазамъ; потомъ онъ прислонился къ дереву и, стараясь по возможности скрыть свое удив-

леніе, всматривался въ Арнольда, стоявшаго противъ него. Разставивъ ноги точно при ходьбѣ, онъ поднялъ кверху лицо, обрамленное каштановыми волосами, старательно откинутыми со лба; казалось, онъ къ чему-то прислушивается. Нѣсколько длинный, прямой и довольно широкій носъ придавалъ лицу выраженіе зрѣлости.

Учитель сломалъ вѣтку и согнулъ ее; его глаза свѣтились задумчивою заботой. Душа его какъ бы очистилась и теперь онъ ужъ совершенно иначе прислушивался къ шуму вѣтра въ верхушкахъ деревьевъ; теперь въ немъ заговорили иныя страданія, и его томило уже чувство собственнаго одиночества, еще обостренное аналогичнымъ ощущеніемъ, вызваннымъ ночью. А передъ нимъ стоялъ Арнольдъ. Однимъ своимъ присутствіемъ, только тѣмъ, что молча сопровождалъ его, онъ вызвалъ въ душѣ учителя чувство глубокаго покоя и тихаго довольства.

Они прошли еще немного дальше, до самой ограды монастыря, гдѣ Шпехтъ усѣлся на каменную скамью. Хотѣлъ ли онъ дать отчетъ Арнольду, или выказать ему свою благодарность, но онъ сталъ разсказывать о своей дѣятельности въ качествѣ учителя и тѣхъ общественныхъ задачахъ, что влекли его прочь изъ моравской пустыни въ совершенно иныя мѣста; потомъ онъ сообщилъ о своей библіотекѣ, о безсонныхъ ночахъ проведенныхъ за чтеніемъ и, наконецъ, какъ-то стыдливо и глухо намекнулъ и на свои стѣсненныя денежныя обстоятельства. Говорилъ онъ просто, хотя ночь придавала его рѣчамъ нѣкоторую подавленность. Ему казалось, что онъ обязанъ исповѣдаться передъ этимъ человѣкомъ и при этомъ совершенно забылъ его сравнительную молодость. Какой-нибудь часъ, подобный этому, проведенный вдвоемъ, часто связываетъ мужчинъ болѣе тѣсными узами, нежели продолжительная бесѣда при солнечномъ свѣтѣ, когда каждый расплывается въ изъявленіяхъ поверхностной симпатіи. Съ Арнольдомъ этого не могло случиться—онъ не ощущалъ внутренней неудовлетворенности, которая толкала бы его на откровенныя изліянія; но такъ какъ въ то же время для него еще не существовало ничего давнымъ давно знакомаго и что бы ему уже надоѣло, то онъ слушалъ слова учителя съ большимъ интересомъ. Наконецъ, Шпехтъ поднялся и заявилъ, что пора домой. На обратномъ пути онъ еще много разсказывалъ интереснаго, такъ какъ умъ у него былъ подвижной, дѣятельный и онъ съ неутомимой жаждой постоянно искалъ завязать новыя сношенія и пріобрѣсти новыя симпатіи.

Площадь и улица Падолина точно вымерли; опустѣвшіе навѣсы торговцевъ при лунномъ свѣтѣ казались скелетами домовъ. Пожавъ Шпехту руку, Арнольдъ быстро зашагалъ по направленію хутора Анзорге.

8.

На другое утро, въ то время какъ Арнольдъ завтракалъ съ матерью, въ комнату вошла Урсула и сообщила имъ, что монашенки-фе-

лиціанки укрыли въ своемъ монастырѣ дочь жида Алассера. Четырнадцать часовъ родители понятія не имѣли, гдѣ находится ихъ ребенокъ и лишь около полуночи, благодаря чистѣйшей случайности, обнаружилось его мѣстопребываніе. Тогда жидъ съ жандармскимъ вахмистромъ Виттекомъ тотчасъ же отправился въ монастырь. Но это ни къ чему не привело и ему пришлось вернуться домой одному.

— Урсула опять разсказываетъ какія-то чудеса,—насмѣшливо замѣтила госпожа Анзорге. Но Арнольдъ тотчасъ же вспомнилъ глухое безпокойство и опасенія разносчика наканунѣ вечеромъ, когда онъ его встрѣтилъ у входа въ «Золотую звѣзду».

— Да вѣдь нельзя же такъ ни съ того, ни съ сего похитить дѣвушку,—съ удивленіемъ произнесъ онъ.

— Говорятъ, что жидовъ слѣдуетъ крестить,—съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ отвѣтила Урсула.

Немного спустя явился изъ Падолина булочникъ и въ свою очередь сообщилъ о происшедшемъ. Арнольдъ присутствовалъ при его разсказѣ и его удивленіе все возрастало.

— Не понимаю,—сказалъ онъ матери.—Вѣдь они попросту украли ребенка. Зачѣмъ?

— Да вѣдь ты слышишь, Арнольдъ, чтобы окрестить его.

Онъ опустилъ глаза.

— Но вѣдь родители не желаютъ этого,—возразилъ онъ.

— Это не поможетъ. Можетъ статься, что самъ ребенокъ этого желаетъ. Вѣдь если дѣвочкѣ минуло 14 лѣтъ, то въ вопросахъ религіозныхъ власть родителей уже недѣйствительна.

— А если и дѣвушка *не* желаетъ?—настаивалъ Арнольдъ.

Мать только пожала плечами.

— Вѣдь въ такомъ случаѣ онѣ обязаны будутъ вернуть ея родителямъ, не такъ ли?

Госпожа Анзорге вторично пожала плечами.

Арнольдъ отправился въ садъ помогать въ садовыхъ работахъ, но мысли его были далеко. Иногда онъ останавливался и задумчиво поглядывалъ въ сторону Падолина, будто тамъ совершалось что-то требовавшее его присутствія. Иногда онъ кивалъ головой, точно желая сказать: «Ну, и достанется же имъ? Только немножко надо потерпѣть». Когда кто-нибудь появлялся на дворѣ усадьбы, онъ спѣшилъ туда же и слушалъ о чемъ идетъ рѣчь. Около полудня онъ отправился въ село. Было холодно, лужи на лугахъ подернулись тонкою, прозрачною ледяной корой.

— Если осенью слишкомъ рано начинаются заморозки, то зима бываетъ малоснѣжная,—пробормоталъ онъ про себя.

— Зачѣмъ я пришелъ сюда?—самъ себѣ задалъ онъ вопросъ, дойдя до главной площади села.—Любопытно, что ли, что сталось съ монашенками? Лучше, братъ, шагай-ка обратно. Но въ то же время онъ,

почти помимо воли вошелъ въ угловой трактиръ Ульмана. Въ немъ въ это время находились мужики, рабочіе, поденьщики, люди не находившіе себѣ работы и даже нѣсколько бабъ; всѣ они горланили. Арнольдъ потребовалъ себѣ стаканъ чаю. Старый, толстый крестьянинъ, съ лицомъ подагрика, отъ котораго за версту несло водкой, съ перекосившимся на сторону ртомъ, точно ему попалъ лимонный сокъ на языкъ, громко заявилъ, что наконецъ-то настало времячко, когда жидюгамъ приходитъ конецъ.

— Крестить ихъ надо или сжигать,—въ свою очередь оралъ какой-то парень, у котораго сквозь разодраную рубаху просвѣчивала голая грудь. Еврей-шинкарь съ жиденькой бороденькой, окаймлявшей все лицо, хохоталъ во все горло. Какая-то изрытая оспой бабенка утверждала, что самъ папа и епископъ приказали монашенкамъ окрестить всѣхъ жиденятъ.

Арнольдъ спросилъ у тощаго и прилизаннаго приказикач, гдѣ живетъ Алассеръ, и отправился къ нему. Весь Падолинъ вытянулся въ длинную улицу съ рядами низкихъ домовъ; къ ней примыкалъ одинъ единственный переулокъ, а въ немъ-то, у самаго берега рѣки, и жилъ Алассеръ. Такъ какъ переулокъ шелъ книзу, то, благодаря грязнымъ лужамъ, навознымъ кучамъ, сваленному здѣсь мусору, онъ былъ почти что непроходимъ. Его недоступности способствовалъ также оглушительный крикъ проживающихъ здѣсь птицъ.

Съ домика, гдѣ жилъ Алассеръ, обвалилась большая часть штукатурки. Дверь стояла настежъ, войдя въ нее, Арнольдъ увидалъ, что и во вторую комнатку, направо, дверь также открыта и тамъ его глазамъ представилось странное и въ то же время печальное зрѣлище.

9.

Въ углу грязнаго дивана сидѣлъ Самуэль Алассеръ, скорчившись въ три погибели; колѣни онъ подтянулъ почти къ самому подбородку и такъ плотно закрылъ лицо обѣими руками, что изъ-подъ нихъ только и выглядывала темная борода, точно папоротникъ изъ расщелинъ скалъ. На головѣ была старая, сдвинутая на затылокъ, шелковая ермолка съ кисточкой. Передъ нимъ, точно по очерченному полукругу, выстроилось шестеро ребятишекъ и, не двигаясь, смотрѣли на съежившуюся фигуру отца. Одинъ ребенокъ, около двухъ лѣтъ, ползалъ по полу, не то плача, не то играя; завернутый въ пестрое тряпье, придерживаемое зеленымъ кушакомъ, новорожденный младенецъ лежалъ на широкой скамьѣ около печки. У окна стояла жена Алассера, молитвенно шевелила губами и покачивалась всѣмъ корпусомъ изъ стороны въ сторону.

Кромѣ лепетанія полунагого ребятенка на полу, не слышно было ни одного яснаго звука. На столѣ стояло восемь жестяныхъ чашекъ,

на веревкѣ у печки сушились красныя пеленки, а противъ дверей возвышался старинный шкафъ, занимавшій почти пятую часть комнаты.

Простоявъ молча нѣсколько минутъ на порогѣ, Арнольдъ вошелъ въ комнату. Шестеро ребятишекъ моментально сбились въ кучу и образовали какъ бы клубокъ. Алассеръ опустилъ руки и стеклянными глазами посмотрѣлъ на посѣтителя. Сдержанное горе и мрачная безнадежность, царившія въ домѣ, до того повліяли на Арнольда, что онъ даже слегка растерялся. По очереди окинувъ всѣхъ дѣтей взглядомъ и не найдя между ними знакомаго личика маленькой Ютты, онъ спросилъ:

— Развѣ она еще не вернулась изъ монастыря?

Женщина всѣмъ корпусомъ повернулась къ нему и впилась въ его лицо измученными, усталыми глазами, въ которыхъ свѣтилось въ одно и то же время и недовѣріе, и боязнь.

— Да развѣ господину неизвѣстно, что нашу Ютту силой затащили въ монастырь?—крикнула она рѣзкимъ, надорваннымъ голосомъ. Лицо ея, старое и некрасивое, не было, однако, лишено нѣкоторой доли привлекательности, которую всегда придаетъ страданіе.

— Конечно, знаю,—сказалъ Арнольдъ, пристально глядя на женщину.—Но вѣдь это противозаконно.

— Вотъ вы теперь и судите,—продолжала исхудалая еврейка, точно Сивилла поднимая кверху голову, — каково-то намъ живется! Намъ не дозволяется проглотить куска, что уже лежитъ у насъ во рту—и его Господь отравляетъ! Но чѣмъ можемъ мы служить вамъ? Съ кѣмъ имѣемъ честь говорить?

— Это милостивый господинъ Анзорге,—пояснилъ Алассеръ, бросая на него взглядъ, выражавшій одновременно и почтительность, и глубокую горесть.—Господинъ пришелъ не съ дурными намѣреніями, мать. Помните господинъ, какъ въ воскресенье я искалъ свою Ютту? Ждали мы ее ждали, а она, наша Ютта, все не возвращалась; такъ и прошелъ весь вечеръ, а около одиннадцати пришелъ къ намъ приказчикъ Уравара, постучался и посовѣтовалъ навести объ ней справки въ монастырѣ. А я сталъ ломать себѣ голову — возможно ли это? Вѣдь она могла отправиться продавать ленты монашкамъ, потому что въ этотъ день она одна ходила торговать... а подобныя похищенія уже случались. Приказчикъ же Уравара доставляетъ мясо въ монастырь и могъ ее тамъ видѣть. Милостивый господинъ, дочь моя вѣрующая еврейка и ей незачѣмъ было иначе отправляться къ монашенкамъ. Уже наступила полночь, когда я пошелъ къ господину вахмистру — онъ очень ласковый господинъ, сейчасъ же отправился со мною въ монастырь. Мы потребовали видѣть настоятельницу, но мать привратница отвѣтила, чтобы мы явились рано утромъ, а что моя Ютта у нихъ. И господинъ вахтмистръ сказалъ:—«Подождемъ утра». Хорошо. Вы, конечно, можете понимать, что мы всю ночь не сомкнули глазъ, а въ шесть мы опять отправились съ господиномъ вахмистромъ въ мона-

стырь и опять потребовали къ себѣ мать настоятельницу. Она выходитъ и я требую возвратить мое дитя. И, милостивый господинъ, повѣрьте мнѣ, сердце перестало у меня биться, когда она сказала, чтобы я вновь являлся дней черезъ пять, когда дѣвушка нѣсколько попривыкнетъ къ новой обстановкѣ.

Разсказывая это, Аласс еръ корчился, точно всѣ его внутренности пылали.

— И я ушелъ, — закончилъ онъ свой разсказъ и глубоко вздохнулъ.

— А вахмистръ?—спросилъ Арнольдъ, съ лица котораго сбѣжала вся краска.

— Господинъ вахмистръ ласковый господинъ, но онъ сказалъ, что, къ сожалѣнію, пока ничего нельзя подѣлать. Надо ждать; вотъ я и жду.

Новорожденный младенецъ на скамьѣ проснулся и запищалъ тоненькимъ голоскомъ; мать подошла и сунула ему въ ротъ свернутую изъ полотна соску, обмакнутую въ жидкій медъ. Тогда ребенокъ, ползавшій на полу, въ свою очередь, заревѣлъ. Женщина равнодушно посмотрѣла на него, слегка пихнула ногой и когда онъ растянулся навзничь, ногой же стала катать его взадъ и впередъ, точно бочонокъ. Ребенокъ смѣялся, а мать, тихонько мурлыча пѣсню, старалась вновь укачать новорожденнаго. Наконецъ, Аласс еръ, послѣ долгаго молчанія поднялся и уже безъ малѣйшей робости, сверкающими глазами посмотрѣлъ на Арнольда.

— Что мнѣ дѣлать, дорогой господинъ?—глухо произнесъ онъ, и его униженный тонъ странно противорѣчилъ выраженію лица.

— Сами скажите, могу ли я что сдѣлать? И если я больше ни единой ночи не сомкну глазъ, смогу ли я и тогда помочь, дорогой господинъ?!—И онъ зашагалъ взадъ и впередъ.

Арнольдъ глазами слѣдилъ за нимъ. Онъ не понималъ, ровно ничего не понималъ. Подобное отчаяніе казалось ему недостойнымъ и малодушнымъ.

— Отецъ, — неожиданно воскликнулъ старшій мальчикъ съ мрачною рѣшимостью во взглядѣ,—прошу тебя, перестань такъ говорить съ христіаниномъ.

— Я не успокоюсь, ни на одну минуту не успокоюсь, пока не возвратятъ мнѣ мое дитя!—воскликнулъ Аласс еръ съ затаенною страстностью.—И если бы для этого мнѣ пришлось идти въ Римъ къ самому господину папѣ, или если бы ради этого пришлось голодать и умирать отъ жажды...

— А женѣ и дѣтямъ тоже прикажешь голодать? — перебила его жена, строго сдвинувъ брови, причемъ губы ея раздвинулись, какъ у медузы.

Аласс еръ замоталъ головой, точно она некрѣпко держалась у него на плечахъ, и ничего не отвѣтилъ.

— Стыдитесь!—громко произнесъ Арнольдъ и съ досадой поочередно окинулъ всѣхъ взглядомъ. — Развѣ у насъ нѣтъ правосудія? Да любой судья обязанъ вамъ вернуть ребенка, разъ этого требуетъ законъ!

Снаружи раздались шаги и трое евреевъ, бормоча молитвы, вошли въ комнау.

Арнольдъ ушелъ. Не успѣлъ онъ дойти до угла площади, какъ навстрѣчу ему попался Шпехтъ. Повидимому учитель страшно торопился, но несмотря на это остановился съ Арнольдомъ и сейчасъ же заговорилъ о монастырской исторіи.

— Какъ это странно,—замѣтилъ онъ,—вѣдь мы какъ разъ наканунѣ вечеромъ отдыхали у этого самаго монастыря. Что вы на все это скажете? Развѣ правдоподобно, что такія вещи еще могутъ случаться въ наше время? — И онъ шопотомъ таинственно прибавилъ: — я все это сообщаю въ одну изъ столичныхъ газетъ. Затѣмъ онъ торопливо продолжалъ свой путь. Въ эту минуту онъ весь, все его существо было охвачено своего рода низменнымъ честолюбіемъ.

Арнольдъ отправился домой по берегу рѣки. Надъ водой еще носились обрывки тумана и тѣни отъ нихъ двигались по освѣщенной солнцемъ водяной поверхности: на лугу искрились замерзшія лужи, а далекій темно-синій лѣсъ глубоко врѣзался въ край неба. Съ одного берега на другой съ мрачнымъ пророческимъ крикомъ перелетали вороны. Никогда еще, такъ по крайней мѣрѣ казалось Арнольду, до такой степени не приковывали къ себѣ его вниманія и рябь, пробѣгавшая по водѣ, и каждый сухой сучокъ у дороги, и каждый звукъ, доносящійся изъ села.

На минуту у него явилось такое ощущеніе, точно онъ безъ толку теряетъ время, и онъ прибавилъ шагу, но вскорѣ опять замедлилъ его. Домой онъ вернулся поздно. Мать сообщила ему, что Зальша отказалась отъ службы у нихъ и нанялась къ богатому крестьянину въ Венгріи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БѢЛАЯ СИРЕНЬ.

Умираютъ бѣлыя сирени.
Тихій садъ молитвы имъ поетъ
И ложатся близкой смерти тѣни
На цвѣты, какъ ржавчины налетъ.

* * *

А вокругъ все дышетъ жизнью смѣлой,
Всѣ цвѣты надеждами полны.
Лишь тебѣ, рожденной ночью бѣлой,
Умереть съ послѣднимъ днемъ весны.

* * *

Но душой, не вѣдающей тлѣнья
И земныхъ мгновеній и оковъ,
Буду помнить бѣлую сирень я
И дыханье звѣздныхъ лепестковъ.

Allegro.

ФЕНОМЕНЪ.

I.

Плотная, широкоплечая Дуняша, вооруженная перовкой и тряпкой, убирала залу. Это была довольно высокая и просторная комната, средину которой занималъ концертный рояль; между окнами, въ полукруглой нишѣ, стоялъ другой рояль, поменьше; около него табуретка-«вертушка» и кривой, кое-гдѣ перевязанный черною тесемкой пюпитръ съ подсвѣчниками. Остальная меблировка была самая простая. Длинный, выкрашенный «подъ ясень» столъ, этажерка, заваленная нотами, дюжины полторы вѣнскихъ стульевъ, висячая лампа... Казенно-учебный видъ комнаты скрашивали портреты и бюсты великихъ композиторовъ, сплошь покрывавшіе стѣны. Чинно, словно на смотру, вытянулись въ одинъ рядъ *безсмертные* — Бахъ, Гайднъ, Мендель, Моцартъ, Бетховенъ, Шубертъ, а вокругъ нихъ нихъ Dii minores. Дуняша совершенно равнодушно обмахивала эти драгоцѣнности перовкой. Покончивъ съ залой, она перешла въ слѣдующую комнату. Тутъ безраздѣльно царилъ Николай Рубинштейнъ. Надъ піанино красовался въ рамѣ стараго золота его портретъ масляными красками. Пастель, сепія, карандашъ, гравюра, гипсъ, мраморъ и бронза повторяли строгія черты виртуоза-волшебника. Онъ былъ здѣсь во всѣхъ возрастахъ и видахъ: за роялемъ, за письменымъ столомъ, сидя, стоя, въ шубѣ и, наконецъ, въ гробу.

Роскошь этой коллекціи какъ-то особенно странно и трогательно оттѣняла скромную обстановку гостиной. Полинявшій коверъ на полу, старенькія кресла, низенькій диванъ съ полкой. На кругломъ столѣ—лампа подъ бумажнымъ зонтикомъ, нѣсколько книгъ и альбомовъ. Въ углу часы въ готической башенкѣ и secrétaire краснаго дерева, словно уцѣлѣвшіе обломки изъ захолустной усадьбы. Единственною модною вещью въ этой комнатѣ были атласныя ширмы съ изображеніемъ четырехъ дѣвицъ, изъ которыхъ одна мечтательно смотрѣла вдаль, другая собирала цвѣточки, третья держала корзинку съ яблоками, четвертая, въ позѣ

балерины, скользила на конькахъ. Про эту Дуняша съ удовольствіемъ замѣчала: «Сейчасъ видать, что зима»!

Въ прихожей слабо звякнулъ звонокъ. Дуняша недоумѣвающе подняла голову и пошла открывать.

Въ дверяхъ стояла дама въ темной накидкѣ, въ шляпкѣ съ огненно-краснымъ торчащимъ цвѣткомъ, и держала за руку маленькаго, закутаннаго мальчика.

— Александра Петровна Неволина здѣсь живетъ?—освѣдомилась дама, сильно картавя и подаваясь впередъ.

Дуняша загородила ей дорогу.

— Онѣ еще почиваютъ,—сказала она.

— Ничего, мы подождемъ,—возразила ранняя посѣтительница, дѣлая новую попытку проникнуть въ комнату.

Дуняша ее остановила.

— Извините, мнѣ не приказано принимать. Онѣ вчера поздно вернулись съ концерта и сегодня весь день будутъ очень заняты.

— Но я имѣю до вашей барыни важное дѣло. Мы пріѣзжіе изъ провинціи.

— Да вы отъ кого? — съ явнымъ недовѣріемъ спросила Дуняша.

— Сама отъ себя. Повѣрьте, мнѣ, голубушка, что мнѣ необходимо видѣть вашу госпожу, и она вамъ будетъ благодарна, что вы меня задержали. Я сама не кто-нибудь и никогда себѣ не позволю безпокоить благородныхъ людей такъ себѣ...

Послѣ этого заявленія, пріѣзжая изъ провинціи дама стянула съ руки вязаную перчатку, пошарила въ плоскомъ портмонэ и протянула суровой горничной двугривенный.

— Что вы... не надо! — Дуняша рѣшительно отстранила монету, но все-таки подалась назадъ и значительно смягченнымъ голосомъ сказала:—вѣдь я ничего... подождите пожалуй, коли спѣшить некуда.

Настойчивая дама сейчасъ же этимъ воспользовалась: стремительно нырнула всѣмъ корпусомъ впередъ, красный цвѣтокъ на ея шляпкѣ задрожалъ, подолъ платья захлестнуло въ дверной щели, она освободила его съ ловкостью фокусника и, любезно улыбаясь Дуняшѣ, посадила своего мальчика на деревянный диванчикъ, и сама сѣла съ нимъ рядомъ.

Дуняша, прищуривъ круглые, смышленные глазки, безцеремонно разсматривала странныхъ гостей. Наступило довольно продолжительное молчаніе.

— Какъ же объ васъ доложить?—спросила она.

— Скажите: мадамъ Пинкусъ изъ Кишинева, по личнымъ обстоятельствамъ. Я такъ много наслышана о вашей мадамъ,—прибавила гостья заискивающимъ голосомъ.

— Да онѣ у насъ барышня, а не мадамъ,—замѣтила Дуняша. (Она говорила по-московски—съ растяжкой).

— Ну извините, нехай ваша мадамъ будеть барышня, дай Богъ ей здоровья и счастья.

— А вы, должно, изъ евреевъ будете?—не то полюбопытствовала, не то рѣшила Дуняша.

— Почему вы знаете?—обидчиво возразила мадамъ Пинкусъ.

— Обличье у васъ не русское, и разговоръ словно не нашъ, — объяснила Дуняша и прибавила:—ну ладно, посидите тутъ... у меня еще комнаты не готовы.

Мать и сынъ остались одни. Мадамъ Пинкусъ было лѣтъ 30—35. Поблекшее, продолговатое, семитическаго типа лицо въ рамкѣ блестящихъ черныхъ волосъ было бы красиво, если бы его не портило выраженіе напряженнаго безпокойства. Ея тощая, суетливая фигурка, съ круглою спиной, впалою грудью и острыми, устремленными впередъ плечами, напоминала испуганную птицу. Едва присѣвъ, она стала ежиться, вздрагивать, словно прислушиваясь къ малѣйшему шороху, каждую минуту готовая сорваться съ мѣста. Нѣкоторое время мать и сынъ сидѣли молча. Оба оглядывали прихожую, обыкновенную, темноватую, московскую прихожую, скрашенную такъ называемыми «мавританскими» портьерами, большимъ зеркаломъ и мѣдными вѣшалками. Мальчика, повидимому, заинтересовалъ узоръ клеенчатаго ковра съ драконами. Онъ сползъ на половину съ диванчика и сталъ робко шаркать ногой отъ одного дракона къ другому.

Мать его остановила.

— Яша, сиди смирно.

— Мнѣ жарко,—возразилъ Яша, вытягивая голову, чтобы освободиться отъ башлыка.

— Тихо, тихо!—приказала мать.—Потерпи немножко, я тебя раздѣну,—и, стараясь производить какъ можно меньше шуму, она на цыпочкахъ подошла къ вѣшалкѣ, повѣсила на крайній крючокъ свою ветхую бархатную накидку съ порыжѣлымъ аграмантомъ, а затѣмъ ужъ принялась раскутывать мальчика.

Освобожденный отъ шубы, башлыка и нѣсколькихъ платковъ, онъ съ облегченіемъ вздохнулъ и даже обнаружилъ намѣреніе пройтись по комнатѣ, но мамаша моментально водворила его на диванчикъ, строго прошептавъ:

— Успѣешь изорвать костюмъ!

Костюмъ состоялъ изъ узенькихъ штанишекъ и синей матросской куртки съ бѣлымъ воротникомъ. На тоненькихъ ножкахъ, тщедушный, блѣдный, съ длинной, какъ у аиста, шеей, съ большой курчавой головой и огромными, не дѣтскими, черными глазами. мальчикъ казался сказочнымъ гномомъ, неизвѣстно зачѣмъ поки-

*

нувшимъ свое фантастическое царство. Дуняша опять выглянула въ прихожую. Она уставилась на Яшу и жалостливо проговорила:

— Какой худой, совсѣмъ заморышекъ.

Мадамъ Пинкусъ съ достоинствомъ замѣтила:

— Ребенокъ деликатный, не деревенскій.

Дуняша, очевидно, не поняла своей безтактности и сочувственно продолжала:

— Къ доктору бы его. По всему видать, въ немъ золотуха сидитъ. Вы попросите барышню—она вамъ дастъ записочку къ дѣтскому доктору. Онъ васъ даромъ приметъ и лѣкарство прикажетъ выдать. Ужъ Александра Петровна сколько къ нему ребятъ отправляла. Очень она у насъ до дѣтей жалостливая.

— Скажите!—воскликнула мадамъ Пинкусъ.—Какая благородная личность. И давно вы при нихъ служите...

— Я-то!.. Безъ малаго двадцать три года. Александра Петровна и то смѣется, говоритъ: «юбилей праздновать будемъ». Уйди я,—она, какъ дитя безъ матери—никто на нее не угодитъ. Потому—добра-то она добра, а порядокъ тоже любитъ... раскипятится—бѣда, да только бояться этого шуму нечего. Она кричитъ, а ты знай себѣ молчи, не оправдывайся, она и отойдетъ, и сама ужъ послѣ жалѣетъ, задабриваетъ...

На худыхъ щекахъ мадамъ Пинкусъ выступили красныя пятна. Ее волновали самыя разнообразныя чувства: хотѣлось заручиться покровительствомъ горничной, имѣющей такое вліяніе на барыню, и страшно было уронить свое достоинство. Она избрала старый, но самый вѣрный путь къ человѣческому сердцу—лесть.

— Счастье вашей госпожи,—вкрадчиво произнесла мадамъ Пинкусъ,—что она напала на васъ. Въ наше время найти вѣрнаго человѣка ой-ой какъ не легко! И деньги платишь, и ничего не жалѣешь, а людей нѣтъ... Ко мнѣ недавно заѣхала наша докторша—она меня очень уважаетъ—и просто умоляетъ меня: мадамъ Пинкусъ, найдите мнѣ экономку! По вашей рекомендаціи, говоритъ, я съ закрытыми глазами возьму... Ну что же я могу сдѣлать, когда нѣтъ людей? Теперь такой свѣтъ, что за себя ручаться нельзя...

Дуняша утвердительно кивала головой. Мадамъ Пинкусъ начинала ее занимать. Видъ безмолвнаго мальчика тоже, должно быть, ее тронулъ. Она подошла къ нему и погладила его по головкѣ.

— Тебя какъ звать, милый?

— Яша,—отвѣтила за него мать.

— Яковъ, Христовъ братъ! Хорошее имя, — одобрила Дуняша.—Не хочешь ли чайку? Я принесу ему чашечку, а то еще когда Александра Петровна подымется... придется ужъ вамъ посидѣть,—сказала она.

— Благодарю васъ,—пробормотала мадамъ Пинкусъ,—не знаю, какъ васъ зовутъ?

— Авдотьей.

— Благодарю васъ, Авдотья... а какъ дальше?..

— По отцу Ивановна. Да что тутъ!.. Всѣ зовутъ Дуняшей, и вы зовите.

— Нѣтъ, Авдотья Ивановна, я знаю какъ на людей смотрѣть. Я не такъ стара, но много въ своей жизни испытала. Я видѣла простыхъ людей, которые лучше, чѣмъ важные господа. Передъ Богомъ всѣ равны—и богатые, и я, и вы.

Дуняша немного растерялась, но чтобы не ударить въ грязь лицомъ, важно замѣтила:

— Гдѣ ужъ намъ! Пословица-то говоритъ: до Бога высоко, до царя далеко, всякъ сверчокъ знай свой шестокъ... Ты что же молчишь—хочешь чаю аль нѣтъ?—обратилась она къ Яшѣ.

Но въ эту минуту раздался дребезжащій звонокъ, и со словами: «Александра Петровна», Дуняша убѣжала.

II.

— Добраго утра, матушка, хорошо ли отдохнули,—сказала Дуняша и стала раздвигать темную штору.

Александра Петровна повернула къ свѣту истомленное, худое, милое лицо съ ласковымъ выраженіемъ умныхъ свѣтлыхъ глазъ.

— Здравствуй, Дуняша... И заспалась же я сегодня... кажется, никогда въ жизни такъ не спала. А все-таки чувствую себя разбитой... вставать не хочется, все тѣло ноетъ.

— Сами себя не жалѣете, оттого и ноетъ, — объяснила Дуняша.—Безо всякаго разсчету поступаете. Мало вамъ въ училищѣ день - деньской мыкаться. Выдумали еще по вечерамъ эти репетиціи. Всю квартиру испортили. Убираешь-убираешь... спина заболитъ. Гдѣ ужъ тутъ чистоту соблюдать.

— Не ворчи. Сама знаешь—экзаменъ на носу.

— И у другихъ экзаменъ.

— Выпускные,—защищалась Александра Петровна.

— И у другихъ выпускные, не у васъ одной. Посмотрите на Киплера. Вотъ это настоящій профессоръ—поперекъ себя толще, а деньжищъ-то, деньжищъ загребаетъ! Къ нему на шармака никто и не пробуетъ, знаютъ, что умный...

Александра Петровна усмѣхнулась.—А я, значитъ, дура,—промолвила она, зѣвая и вытягивая, словно въ гимнастическихъ упражненіяхъ, руки и ноги.—Однако, будетъ валяться. Вѣдь мы съ тобой не старухи. Тебѣ, Дуняша, сколько? 50 уже стукнуло?

А мнѣ всего тридцать восемь съ половинкой. Дѣвицы, можно сказать, въ самомъ соку.

Она сунула ноги въ туфли и подойдя къ умывальнику, стала полоскаться. Дуняша разложила на полу большой резиновый тазъ, придвинула къ нему ведро, въ которомъ плавалъ градусникъ, и, наморщивъ лобъ, стала подливать изъ жестяного чайника горячую воду.

Наступило небольшое молчаніе. Александра Петровна, смѣшно переминаясь прыгнула въ резиновый тазъ. Все ея блѣдное, тонкое тѣло какъ-то боязливо изогнулось, она даже глаза зажмурила. Дуняша, высоко приподнявъ ведро, сразу опрокинула столбъ воды на плечи своей хозяйки. Брызги такъ и полетѣли во всѣ стороны. Кончивъ эту операцію, она закутала Александру Петровну въ мохнатую простыню и начала усердно растирать.

— Ахъ, какъ хорошо. Вотъ я и опять молодцомъ,—вздыхая, приговаривала Александра Петровна

— Ну, и слава тебѣ Господи,—ласково сказала Дуняша.—А я, было, не хотѣла васъ тревожить... Тамъ въ передней сидитъ женщина съ мальчикомъ, васъ дожидаются. По всему видно еврейка, а таится... Ни свѣтъ, ни заря приплелась. Я не хотѣла пускать, да куды тебѣ...

— Почему ты мнѣ раньше не сказала?

— Что же я васъ будить для нее стану! Не велика прынцесса, обождетъ ..

— Ты бы хоть спросила, что ей нужно.

— Спрашивала, не говоритъ. Самою, молъ, барыню, видѣть желаю.

— А кто она такая?

— Она сказывала фамилію, да я забыла. Видно, что изъ бѣдныхъ, а все-таки не изъ самыхъ простыхъ: платье шерстяное, зеленое, и накидка на ней хоть старенькая, а бархатная. Въ шляпкѣ. Мальчикъ тоже въ матроскомъ костюмѣ. Мы съ ней побалакали. Женщина ничего, приличная... и говорить напрасно нечего.

Передавая эти подробности, Дуняша привычными движеніями подавала Александрѣ Петровнѣ юбки, застегнула ей ботинки, достала изъ гардероба платье.

— Вотъ я и готова,—торопливо оправляя костюмъ, сказала Александра Петровна. Давай кофе и зови ихъ въ столовую.

— Вотъ ужъ это напрасно, ихъ за одинъ столъ съ собой сажать, —воспротивилась Дуняша.

— Ахъ какая ты скучная... вѣчно разсужденія... Давай скорѣе кофе и убирайся.

III.

Дуняша все-таки поставила на своемъ: заставила Александру Петровну сначала позавтракать, а потомъ ужъ впустила въ залу мадамъ Пинкусъ съ сыномъ. Мадамъ Пинкусъ вошла вся красная отъ волненія и ужъ у двери стала кланяться.

— Извините за безпокойство,—начала она.

— Садитесь, пожалуйста,—пригласила Александра Петровна.— Вы ко мнѣ по дѣлу?.. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?..

— Моя фамилія мадамъ Пинкусъ. Благородная госпожа профессорша!.. Я осмѣливаюсь васъ безпокоить не то что по дѣлу, а, можно сказать, съ покорнѣйшею просьбой. Отъ васъ, можно сказать, зависитъ вся наша судьба. Богъ вамъ заплатитъ за ваше благодѣяніе къ вамъ.

— Но въ чемъ же все-таки дѣло?.. Говорите прямо, не стѣсняйтесь.

— Посмотрите, милостивая госпожа барышня, на этого ребенка,—торжественно воскликнула мадамъ Пинкусъ.—Это—феноменъ. Хоть онъ мой собственный сынъ, но это—феноменъ.

Александра Петровна поглядѣла на Яшу, который держался за юбку матери, и, повидимому, недоумѣвала, неужели этотъ хилый мальчикъ въ самомъ дѣлѣ феноменъ.

— Въ чемъ же это выражается?—спросила она.

— Въ музыкѣ. Онъ поетъ все что угодно. Сыграйте ему что-нибудь одинъ разъ и вы *увидите,* какъ онъ это запомнитъ. Я не хочу, чтобы вы мнѣ вѣрили, дорогая барышня, я прошу васъ только, чтобы вы его послушали.

Александра Петровна пожала плечами.

— Я могу его послушать, но изъ этого все равно ничего не выйдетъ. Сколько ему лѣтъ?..

— Десять.

— Вотъ видите!.. По наружности ему можно дать еще меньше. Онъ малъ, худъ, слабъ. Учить его невозможно. Родители часто думаютъ, что если ихъ ребенокъ умѣетъ пріятно спѣть пѣсенку — какъ онъ ужъ талантъ. Съ этимъ надо обращаться осторожно.

— Я очень осторожна, и я ничего не думаю. Я васъ только прошу: послушайте, какъ этотъ ребенокъ поетъ *пѣсенки*, и тогда мы посмотримъ, что вы скажете.

— Что-жъ, послушаемъ,—мягко сказала Александра Петровна.— Отчего не послушать!

Она потрепала мальчика по щечкѣ.

— Ну, феноменъ, покажи намъ свое искусство.

Александра Петровна приподняла было крышку рояля и опять ее опустила.

— Онъ вѣдь поетъ безъ аккомпанимента?—обратилась она къ мадамъ Пинкусъ.

— Отчего безъ аккомпанимента?—возразила та,—только позвольте мнѣ самой для перваго разу.

Лицо Александры Петровны изобразило самое искреннее удивленіе.

— Да вы развѣ играете?..

— Немножечко, барышня, немножечко, по слуху... сама выучилась. Моя музыка недорого стоила моимъ бѣднымъ родителямъ. Ну, Яшенька, что ты хочешь спѣть?

Яша, до сихъ поръ безучастно молчавшій, угрюмо заявилъ:

— Я ничего не знаю.

Мать строго поглядѣла на него.

— Какъ не знаешь!.. А «Фаустъ», а «Демонъ», а «Трубадуръ»...

Яша только отрицательно качалъ головой. Мадамъ Пинкусъ, казалось, готова была растерзать свое дѣтище. У нея дрожали губы и руки.

— Яша, что ты съ ума сошелъ?—вымолвила она, чуть не плача.—Вѣдь ты меня рѣжешь. Что подумаетъ объ насъ благородная госпожа!.

Александрѣ Петровнѣ стало ее жалко.

— А ты развѣ бывалъ когда въ театрѣ?—спросила она.

Мальчикъ воззрился на нее своими огромными, не дѣтскими глазами и утвердительно кивнулъ головой.

— Понравилось тебѣ тамъ?—продолжала Александра Петровна

Новый кивокъ головы.

— А тутъ у насъ театръ лучше, чѣмъ у васъ,—совершенно серьезно стала разсказывать Александра Петровна.—Гораздо больше и красивѣе. Музыкантовъ много, а поютъ такъ, какъ ты навѣрно никогда не слыхалъ. Чудесныя декораціи, и костюмы есть такіе великолѣпные—блестятъ, какъ золото. Если будешь умный, мы съ мамой возмемъ тебя въ оперу. Тебѣ что хочется послушать?...

— «Демонъ»,—прошепталъ Яша, не спуская съ нея глазъ.

— А кто это демонъ?..

Яша въ первый разъ улыбнулся; все его личико освѣтилось плутовскимъ выраженіемъ, онъ сразу похорошѣлъ.

— Это *чортъ*,—промолвилъ онъ уже гораздо смѣлѣе,—только не настоящій, а *такъ*...

Александра Петровна наклонилась и пригладила своею нѣжною рукой непослушныя кудри мальчика. Онъ тряхнулъ головой и вдругъ заговорилъ быстро-быстро:—Была такая княжна, ее звали Тамара. У нея были длинные волосы, вотъ какіе! (Яша присѣлъ на корточки и провелъ рукой по полу). У нея былъ женихъ, тоже

князь, только не очень красивый, и Тамара пошла съ товарками за водой, и демонъ ее увидалъ... Мама, играй,—скомандовалъ Яша.

Мадамъ Пинкусъ въ мгновеніе ока очутилась у рояля, немилосердно нажала педаль и заиграла, раскачиваясь направо и налѣво, арію изъ «Демона», причемъ она такъ страшно вывертывала пальцы, что казалось вотъ-вотъ она ихъ свихнетъ. Яша сталъ въ позу и запѣлъ. Александра Петровна обмерла. Она не вѣрила ни глазамъ, ни ушамъ. Голосокъ Яши звенѣлъ и разливался по залѣ, какъ серебряный колокольчикъ. Фразировку, оттѣнки, драматизмъ сюжета, — все это мальчикъ передавалъ, конечно, безсознательно. Онъ пѣлъ и игралъ за всѣхъ: за Тамару, за хоръ, за оркестръ, сопровождая все поясненіями и жестами.

Александра Петровна была ошеломлена.

— И будешь ты царицей м-і-і-і-ра,—пѣлъ Яша, простирая въ плавномъ жестѣ свои худенькія ручки, точно это были крылья, которыя должны были унести и его, и Тамару въ надзвѣздные края....

Александра Петровна схватила его на руки и стала осыпать поцѣлуями.

— И ты будешь царемъ міра, будешь, будешь,—повторяла она, смѣясь и плача.—Ахъ ты моя прелесть!... Чудо ты мое, чудо! Понимаешь?.. Восьмое чудо свѣта... Ихъ было семь, а ты вотъ восьмое!

Яша былъ смущенъ. Онъ, очевидно, не привыкъ къ такимъ бурнымъ проявленіямъ восторга. Но вѣроятно что-то въ Александрѣ Петровнѣ внушило ему довѣріе, онъ весь оживился, щечки его порозовѣли, черные глаза загорѣлись веселымъ блескомъ, и онъ откровенно сказалъ:

— Я хочу ѣсть.

— Ахъ ты бѣдняжка моя, онъ проголодался!... Его божество хочетъ кушать!.... Сейчасъ моя радость.... Дуняша!

Александра Петровна и звонила, и кричала въ одно время, не замѣчая, что Дуняша давно стоитъ въ дверяхъ.

IV.

Александра Петровна совсѣмъ закормила Яшу и любезно убѣждала мадамъ Пинкусъ кушать безъ церемоніи. Мадамъ Пинкусъ отказывалась, благодарила за честь, наконецъ уступила и, деликатно взявъ двумя пальцами сухарикъ, откусила маленькій кусочекъ и съ видимымъ удовольствіемъ хлебнула горячаго кофе. Она уже успѣла ознакомить Александру Петровну со своею біографіей, разсказала, какъ она должна была выйти за доктора, своего кузена, котораго ея же отецъ, богатый арендаторъ, «отдалъ» въ гимназію

и «содержалъ» въ университетѣ. Но когда евреямъ запретили арендовать землю, отецъ ея разорился, и кузенъ предпочелъ жениться на дочери богатаго купца. Что-жъ! Бѣдность не порокъ! Она все-таки не простая нищая... У нея даже была гувернантка, и она понимаетъ, что такое образованіе. У нихъ въ домѣ бывали и студенты, и «окончившіе», которые приносили ей самыя передовыя книги..

— Теперь,—заключила она,—я ужъ все забыла, но меня звали когда-то *звѣзда*, и если бы не обстоятельства, повѣрьте, что изъ меня бы вышла развитая личность.

Александра Петровна задумчиво и внимательно слушала. Мадамъ Пинкусъ говорила много и быстро, пересыпая свою рѣчь льстивыми словами. Яшу, послѣ завтрака, усадили на широкую кушетку и дали ему разсматривать большую книгу съ картинками. Онъ легъ на животъ, положилъ передъ собой книгу и долго возился, шурша листами и напѣвая про себя, какъ щебечущая на вѣткѣ пташка. Вдругъ онъ затихъ. Александра Петровна оглянулась. Мальчикъ заснулъ, склонивъ головку на книгу.

— Спитъ, — шопотомъ произнесла Александра Петровна, — усталъ бѣдный.

— А какъ же не устать!—воскликнула мадамъ Пинкусъ.— Три дня и три ночи въ дорогѣ, въ третьемъ классѣ. Онъ все-таки у меня на колѣняхъ спалъ, а я! Повѣрьте мнѣ, дорогая госпожа, хоть бы я одинъ глазъ закрыла.

— Не положить ли его удобнѣе?—сказала Александра Петровна.

— Нѣтъ, барышня, оставьте, разбудите. Ребенокъ вездѣ можетъ спать. Развѣ онъ знаетъ, что такое забота!..

Александра Петровна улыбнулась.

— Ну, этотъ, кажется, знаетъ. Однако, потолкуемъ о дѣлѣ. Чего бы собственно вамъ хотѣлось? Вѣдь ребенокъ еще малъ и слабъ; учить его теперь рѣшительно нельзя.

— А вы думаете, благородная барышня, что тамъ, у насъ, онъ можетъ выплести и сдѣлаться сильнымъ? Это потому, что вы не знаете, какая наша жизнь. Вы бы посмотрѣли на нашу жизнь, такъ вы бы удивились, что мы еще немножечко похожи на людей.

Мадамъ Пинкусъ вздохнула и, помолчавъ немного продолжала:

— Мой мужъ работаетъ, какъ волъ. Онъ бухгалтеръ у Абельмана. Можетъ быть, вы о немъ слыхали? (Александра Петровна сдѣлала отрицательный жестъ). Это нашъ милліонеръ считается. Мой мужъ служитъ у него десять лѣтъ. А знаете, сколько онъ получаетъ? 30 рублей въ мѣсяцъ! И то еще люди намъ завидуютъ. Другой, можетъ быть, и показалъ-бы хозяину, какъ надо дорожить честнымъ служащимъ. Но мой мужъ не такой большой умникъ и

радъ имѣть вѣрную копейку для своего семейства. Вѣдь у насъ еще дочка есть,—прибавила она, самодовольно улыбаясь.—Моя Идочка красавица. Слухъ у нея, какъ у Яши, а ей только три года.

Александра Петровна засмѣялась.

— Ваши дѣти, должно быть какъ родятся, начинаютъ пѣть. Другіе орутъ, а ваши сразу начинаютъ распѣвать аріи.

Мадамъ Пинкусъ поджала губы.

— Такія необыкновенныя дѣти,—замѣтила она.—Богъ даетъ еврейскимъ дѣтямъ умъ и талантъ на зло ихъ врагамъ. Надо вѣдь и евреямъ какъ-нибудь жить...

— Вы, кажется, обидѣлись, мадамъ Пинкусъ? Напрасно. Я не хотѣла вамъ сказать ничего непріятнаго, а просто пошутила. Конечно, вашъ мальчикъ необыкновенный, а я то ужъ во всякомъ случаѣ не врагъ евреями. Я семнадцать лѣтъ профессорствую—продолжала Александра Петровна—и прямо говорю, что лучшіе мои ученики и ученицы были всегда евреи. У нихъ слухъ и чувства ритма, точно врожденные. Бываютъ и между ними дураки. Въ семьѣ не безъ урода. А про вашего мальчика и говорить нечего,—я такихъ не видывала.

Мадамъ Пинкусъ вся зардѣлась отъ удовольствія. Привѣтливая простота профессорши ее умиляла, придавала ей смѣлость и въ то же время пугала ея суевѣрное воображеніе, какъ явленіе необычайное, почти неестественное. Ея острый, испытующій взоръ остановился на увядающемъ миломъ лицѣ Александры Петровны, и она опять заговорила порывисто и страстно.—Ахъ дорогая, благородная госпожа, устройте такъ, чтобы я могла тутъ жить съ Яшей и моей дочкой. Богъ васъ за это наградить на этомъ и на томъ свѣтѣ. Вы сами видите, *кто* этотъ мальчикъ. Можетъ быть онъ будетъ второй Рубинштейнъ? Помогите ему встать на ноги, не дайте ему пропасть.

— Рада бы всею душой, да не могу,—возразила Александра Петровна.—Вы говорите у васъ нѣтъ средствъ... Но вѣдь и я живу своимъ трудомъ.

Мадамъ Пинкусъ закатила глаза и всплеснула руками.

— Вы думаете, я хочу вамъ быть въ тягость? Сохрани меня Богъ отъ такихъ мыслей. Развѣ бы я смѣла хоть одну минуту... Но у васъ есть знакомства. Мнѣ всѣ говорили: если профессорша Неволина захочетъ, она можетъ васъ осчастливить. О чемъ я васъ прошу? Только объ одномъ: сдѣлайте такъ, чтобы свѣтъ узналъ объ этомъ ребенкѣ... Устройте ему публичный экзаменъ... Развѣ я знаю!.. Мнѣ не надо васъ учить...

Александра Петровна глубоко задумалась. Мадамъ Пинкусъ умолкла и глядѣла на нее въ трепетномъ ожиданіи.

— Ну хорошо, я попытаюсь,—сказала Александра Петровна.— Гдѣ вы остановились?

Мадамъ Пинкусъ какъ-то замялась.

— У родственниковъ,—отвѣтила она, словно нехотя.—Только, видите ли, дорогая госпожа, я вамъ скажу всю правду, какъ передъ Богомъ... я вѣдь живу не прописанная. Они добрые люди и рискуютъ изъ за меня... Дала дворнику два рубля, чтобы онъ меня *не видѣлъ*... Но, если узнаетъ полиція—не дай Богъ, что можетъ быть.

— Развѣ у васъ нѣтъ паспорта?

— Отчего нѣтъ паспорта! Паспортъ есть...

— Такъ пропишитесь скорѣе.

Мадамъ Пинкусъ посмотрѣла на Александу Петровну со снисходительною улыбкой мудреца, внимающаго наивному лепету младенца.

— Прописаться можно,—сказала она.—Что, имъ трудно прописать и написать: «на выѣздъ въ 24 часа»? Развѣ я имѣю право жительства?

— Ахъ да!—воскликнула Александра Петровна.—Простите, я это знаю, но каждый разъ забываю... У моихъ учениковъ тоже изъ-за этого не мало бываетъ возни. Бѣгаютъ-бѣгаютъ бѣдные... то очень трудно улаживать.

— Ахъ, дорогая моя госпожа, воскликнула она, и крупныя слезы брызнули изъ ея глазъ,—еслибы Богъ не дѣлалъ чудесъ, то, повѣрьте, евреевъ бы уже давно не было на свѣтѣ.

Александру Петровну взволновала печаль этой странной, смѣшной женщины. «Изъ-за чего люди бьются», подумала она, и чувство жалости и безотчетнаго стыда защемило ей сердце. А мадамъ Пинкусъ какъ-то вдругъ вся распустилась, какъ человѣкъ, который усталъ отъ долгаго напряженія и которому больше не нужно притворяться. Слезы неудержимо текли изъ ея вспухшихъ глазъ, она ихъ не вытирала и только крѣпко прижимала къ губамъ скомканный въ комочекъ платокъ.

— Хорошо, я попробую,—повторила Александра Петровна, прерывая тяжелое молчаніе.—Мадамъ Пинкусъ, постарайтесь успокоиться, право. Я сейчасъ же поѣду къ одной дамѣ, моей пріятельницѣ. Она всѣхъ знаетъ и ее всѣ знаютъ. Авось она насъ выручитъ.

Не успѣла Александра Петровна произнести эти слова, какъ мадамъ Пинкусъ уже облобызала ее руки.

— Если вы мнѣ это устроите,—бормотала она,—я навѣкъ ваша слуга.

— Ради Бога, что это вы, я этого не люблю,—недовольно сказала переконфуженная Александра Петровна.—Значитъ, до свиданья. Посидите тутъ, пока не проснется Яша, а завтра часа въ четыре навѣдайтесь ко мнѣ.

V.

Пріятельница Александры Петровны, Полина Владиміровна Стоцкая, была вдова «штатскаго» генерала и жила въ собственномъ домѣ на Малой Никитской. Полина Владиміровна принадлежала къ породѣ вѣчно молодыхъ женщинъ. Время, казалось, не имѣло надъ нею власти. Она двадцать лѣтъ царила въ салонахъ обѣихъ столицъ. Появленіе ея изящнаго силуэта въ международныхъ колоніяхъ Парижа, Рима, Ниццы означало разгаръ сезона. Необыкновенно прозорливая, она угадывала всегда наступленіе «новаго момента» и была дружна съ знаменитостями самыхъ противоположныхъ лагерей, откровенно заявляя: «Я люблю интересныхъ людей и терпѣть не могу политики». И никто не сердился на Полину Владиміровну за постоянную смѣну настроеній, но, всѣ, точно сговорившись, признали за нею привилегію именинницы на праздникѣ жизни. Она лучше всѣхъ умѣла устроить благотворительный базаръ, блестящій концертъ, публичную лекцію, литературный вечеръ. La belle Pachette, какъ ее называли въ обществѣ, первая узнавала послѣднюю новость, первая получала нашумѣвшій въ Парижѣ романъ, первая надѣвала такую шляпку, о которой не дерзали мечтать самыя записныя щеголихи. Ея туалеты, брилліанты, картины, мебель, книги служили какъ бы камертономъ для обширнаго круга ея знакомыхъ.

Полина Владиміровна умѣла держать въ своей прекрасной рукѣ пальму свѣтскаго первенства—и это не всегда бывало легко. Но когда же власть бываетъ легка! Не даромъ поэты называютъ ее бременемъ. Эта хрупкая на видъ женщина вела жизнь, которая могла бы сломить нѣсколько сильныхъ мужчинъ. Выѣзды, одѣванья, переодѣванья, театры, балы, засѣданья, корреспонденція, чтеніе были распредѣлены съ точностью англійскаго хронометра. Въ своей восхитительной «цвѣточной корзинкѣ» (такъ именовали салонъ Полины Владиміровны ея поклонники) она принимала разъ въ недѣлю. Это былъ строгій five o'clock—чай, petits fours, фрукты... Но какъ это было сервировано! Простой смертный, попавшій случайно въ эту благоуханную теплицу, съ подобострастнымъ трепетомъ прикасался къ тонкимъ, какъ лепестки цвѣтка, чашкамъ, къ строгимъ, какъ надгробныя урны, вазамъ. Такіе сосуды могли вмѣщать только нектаръ и амброзію...

Александра Петровна давно знала Полину Владиміровну—онѣ были на ты—и восторгалась ею такъ безкорыстно, что это невольно трогало великолѣпную Пашетъ. Раза два въ мѣсяцъ Александра Петровна забѣгала къ ней по утрамъ, до школы. Когда она долго не показывалась, Полина Владиміровна пріѣзжала къ

ней, и если заставала ее въ классѣ, смиренно усаживалась вмѣстѣ съ учениками и ученицами. Присутствіе этой элегантной, благоухающей, свѣтской дамы дѣйствовало на молодежь, какъ шампанское. Всѣ воодушевлялись, и урокъ незамѣтно превращался въ концертъ. Общее настроеніе захватывало и Александру Петровну, которая разрѣшала себѣ маленькое тщеславіе—щегольнуть передъ свѣтскою пріятельницей. Полина Владиміровна искусно пользовалась этими моментами, чтобы выпросить у «неисправимой чудачки» сопрано или тенора для благотворительнаго сеанса, и очень несговорчивая на этотъ счетъ «чудачка» ей почти никогда не отказывала.

Полина Владиміровна только что окончила свою дѣловую корреспонденцію, когда ей доложили объ Александрѣ Петровнѣ. Пріятельницы расцѣловались. Александра Петровна съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ поглядѣла на прелестную хозяйку, которая куталась въ халатъ, цвѣта морской волны, съ широчайшими оборками изъ блѣдныхъ кружевъ.

— Какъ ты хороша! У тебя просто талантъ—быть каждый разъ лучше прежняго.

— Вотъ вздоръ... гдѣ тутъ «хороша»... Я толстѣю и въ отчаяніи... Присаживайся на диванчикъ, Саша, здѣсь удобнѣе. Да, душа моя, толстѣю! Пью киссингенъ, каждый день массажъ, бѣгаю. какъ угорѣлая, а платья все уже да уже.

Александра Петровна разсмѣялась.

— Ахъ, ты, мученица! И зачѣмъ ты себя изводишь? Мода вѣдь придумана для дурнушекъ, а тебѣ она на что? Женщина сложена, какъ греческая статуя, и вмѣсто того, чтобы радоваться, пьетъ киссингенъ и всячески себя истязуетъ. Дѣлать тебѣ нечего. Поработала бы съ мое, такъ только бы и думала: эхъ, хорошо бы поспать да потолстѣть.

Полина Владиміровна слушала свою пріятельницу съ чуть-чуть насмѣшливою гримаской.

— Чудачка ты, Саша,—односторонняя, какъ всѣ хорошіе русскіе люди.

— Merçi,—вставила Александра Петровна.

— Нѣтъ, право. Ты думаешь, что только твоя работа есть работа. Можетъ быть, и мы ужъ не такъ безполезно прозябаемъ на сей очаровательной планетѣ. Не будь цѣнителей или даже просто публики, не было бы ни твоей школы, ни тебя,—наконецъ, —зачѣмъ бояться словъ?—не было бы искусства. Скажи сама, что бы сталось съ бѣдными, кабы на свѣтѣ не было богатыхъ?..

— Пропадать бы пришлось, само собой, — согласилась Александра Петровна.—Каюсь, я и теперь пришла къ тебѣ просить на бѣдность.

Лицо Полины Владиміровны какъ-то сразу измѣнилось. Она перестала смѣяться. Въ прелестныхъ голубыхъ глазахъ блеснуло безпокойство.

— Вѣдь я не богата, Саша,—промолвила она съ натянутою улыбкой,—ты знаешь.

— Да я у тебя не денегъ хочу просить, а протекціи.

— А!..—какимъ-то неопредѣленнымъ звукомъ протянула Пашетъ.

Александра Петровна стала разсказывать о чудесномъ мальчикѣ. О мадамъ Пинкусъ она упомянула вскользь, отлично понимая, что скрыть этотъ предметъ нельзя, а разсчитывать на сочувствіе къ нему невозможно.

И Александра Петровна, какъ говорятъ музыканты, «смазала» этотъ пассажъ. Полина Владиміровна внимательно слушала. Лицо ея совершенно утратило прерафаэлитское выраженіе, губы вытянулись, она согнулась въ креслѣ, закинувъ нога на ногу и обнявъ руками свое стройное колѣно. Изъ-подъ насупленныхъ «соболиныхъ» бровей зорко смотрѣли холодные, умные глаза.

— Знаешь, о чемъ я думала, пока ты говорила?—сказала она, когда Александра Петровна кончила.

— О чемъ?

— О тебѣ. Жаль мнѣ тебя, Саша. И когда это тебѣ надоѣстъ съ жидами возиться! Умная ты женщина и душа-человѣкъ, а не понимаешь, что это самое безтолковое занятіе, изъ котораго, кромѣ непріятностей и дурныхъ отношеній, никогда ничего не выходитъ. Но жиды—это положительно твоя манія.

— Что же мнѣ дѣлать, когда они ко мнѣ ходятъ?—защищалась Александра Петровна.

— Ходятъ оттого, что ты ихъ пріучила. Съ ними нужно ужасно осторожно. Обласкай одного жида—онъ сейчасъ къ тебѣ цѣлую тучу единовѣрцевъ наведетъ.

— Что это ты, Поля... жиды, жиды... даже неловко. Сама постоянно бываешь у банкировъ—какъ ихъ? Все забываю фамилію. Вотъ ужъ эти—такъ противные.

— Якобсенъ, душа моя, не Якобсонъ, а Якобсенъ, чтобы смахивало на Ибсена (это ужъ дѣти передѣлали). Но какая ты, однако, щепетильная. И чего ты сердишься? Развѣ я антисемитка? И не думала. Въ обществѣ я всегда и всюду говорю: евреи (развѣ нечаянно когда сорвется). Ну, а наединѣ съ тобой, въ своей комнатѣ, еще церемониться—это ужъ, извини, глупо. И, пожалуйста, не думай, что мнѣ ихъ не жалко... Очень жалко. А что отъ нихъ покою нѣтъ—всегда скажу. Противный народъ.

— Не противный, а несчастный,—тихо возразила Александра Петровна.

Полина Владиміровна пожала плечами.

— Это почти всегда одно и то же. Терпѣть не могу вѣчно несчастныхъ людей. Порядочный человѣкъ молчитъ о своемъ несчастьи, а евреи кричатъ на весь міръ, что ихъ обижаютъ. Отвратительная манера.

— Полно, Пашетъ, не кипятись. Будь паинька. Устрой мнѣ моего «феномена», и я клянусь, что долго-долго не буду къ тебѣ приставать съ моими «жидами». Только этотъ разокъ помоги. Ты себѣ представить не можешь, что это за ребенокъ. Господи!— Александра Петровна разсмѣялась,—я стала говорить, точно мадамъ Пинкусъ. Это совсѣмъ ея стиль.

— Эта маменька, должно быть, чудище - страшилище, признавайся.

— Не чудище-страшилище, а немножко смѣшна.

— Воображаю, что это за персона, если ужъ ты говоришь: смѣшна. Нѣтъ, Саша, ты прямо какая-то блаженная. Не понимаешь, что есть «типы», за которыхъ просить... ну просто неудобно, неприлично... «Мадамъ Пинкусъ». Пинка, скажутъ, ей дать— вотъ и все...

— Вѣдь ты не за нее будешь просить, а за мальчика.

— Да мальчикъ-то чуть не грудной младенецъ.

— А ты послушай, какъ этотъ младенецъ поетъ,—сказала Александра Петровна и опять разсмѣялась, вспомнивъ, что она повторяетъ слова мадамъ Пинкусъ. Полина Владиміровна встала, закурила тончайшую папироску и опять сѣла.

— Подумай только,—начала она.—Вѣдь это не просто пособіе надо клянчить, но паспортъ, или, какъ они говорятъ, «право жительства», пенсію для мальчика, учителей...

— Музыкѣ я сама буду учить и другихъ учителей найду,— промолвила Александра Петровна.

— Но паспортъ, пенсію... ей-Богу, Саша, я не знаю, съ кого начать.

— У тебя столько друзей между вліятельными особами. Попроси барона Лизерса. Онъ человѣкъ образованный, гуманный. Онъ былъ у насъ на актѣ и за ужиномъ произнесъ замѣчательную рѣчь. Мы были очень растроганы—такъ онъ насъ превозносилъ. И ужъ не помню, къ чему онъ привелъ слова: нѣсть эллинъ, ни іудей... Кажется, это онъ объ искусствѣ намекалъ. Вотъ ты заинтересуй его нашимъ феноменомъ, Пашетъ. Такой человѣкъ навѣрно отзовется...

— То-то и есть, что не отзовется. Онъ самъ изъ евреевъ и такъ это скрываетъ, что ни съ кѣмъ изъ евреевъ не знается, и когда въ обществѣ разговоръ заходитъ о евреяхъ—всегда очень ловко старается перемѣнить тему. И, конечно, это глупо. Сколько

онъ ни скрывай — всѣ знаютъ, что онъ не Лизерсъ, а Лейзеръ, что дѣдъ его былъ полковымъ лекаремъ въ Крымскую войну, отличился, кого-то тамъ спасъ, женился на богачкѣ и пошелъ въ гору. Развѣ можно ему заикнуться о евреѣ! Онъ это приметъ за намекъ... А я вовсе не желаю съ нимъ ссориться.

— Такой большой человѣкъ и такія мелкія чувства!—воскликнула Александра Петровна и вздохнула.—Пашетъ, милая, не попросить ли этихъ твоихъ богачей—Якобсеновъ?

Пашетъ покачала головой.

— Безполезно. Они тоже не любятъ, чтобы имъ кололи глаза нищими жидами. Еще онъ — ничего, скромный, учтивый и держитъ себя съ достоинствомъ — un monsieur tres correct, что правда, то правда. Но *она!* Только и слышно: «мой другъ графиня такая-то, нашъ пріятель князь такой-то...» Собираетъ византійскія иконы — такая коллекція, что украсть хочется! Заплатила какому-то парижскому антикварію бѣшеныя деньги за портретъ императрицы Елисаветы Петровны и повѣсила у себя въ будуарѣ надъ письменнымъ столомъ. Портретъ божественный. Она всѣмъ его показываетъ и говоритъ: «какая красота! я отдыхаю, когда смотрю на это лицо». Да, любопытный домъ. Вотъ ужъ гдѣ не скучно. Но никогда, понимаешь, никогда я у нихъ не встрѣчаю евреевъ, кромѣ двухъ-трехъ банкировъ, такихъ же богачей, какъ они. Никогда ни о чемъ касающемся евреевъ у нихъ не говорятъ.

— Они, можетъ быть, крещеные?—замѣтила Александра Петровна.

— Какое,—возразила Полина Владиміровна, - самые настоящіе, правовѣрные евреи. Мадамъ, каждый разъ, какъ согрѣшитъ, отвѣдаетъ у какой нибудь княгини трефнаго кушанья, послѣ молится и постится.

— Пустяки какіе.

— Я и не говорю, что сама это видѣла. Разсказываютъ Можетъ быть, и врутъ, только очень похоже на правду.

— Ты у меня всякую надежду отнимаешь, — уныло промолвила Александра Петровна. — Что же будетъ съ моимъ бѣднымъ артистомъ?

Пашетъ развела руками.

— Впередъ не затѣвай,—начала она, но, взглянувъ на разстроенное лицо Александры Петровны, точно передумала и сказала:— ну, хорошо, будь по твоему. Но только помни, Саша, въ послѣдній разъ! Я пошлю твою Пинкусъ съ письмомъ къ «боярынѣ Оршѣ» (я такъ называю мадамъ Якобсенъ въ интимномъ кружкѣ). Мнѣ самой курьезно, какъ она ее приметъ.

— Да она ее совсѣмъ не приметъ,—сказала Александра Петровна.

— Съ моимъ-то письмомъ! Никогда не посмѣетъ. «Боярыня Орша» даетъ въ этомъ году свой первый bal poudré и разсчитываетъ на меня, какъ на одно изъ «блестящихъ» украшеній.

— А какой толкъ, если и приметъ?— замѣтила Александра Петровна, даже не слушая Пашетъ.—Вѣдь главное дѣло все-таки въ паспортѣ.

— А я что говорю! Сама понимаешь, какъ это легко. Идея!— воскликнула Полина Владиміровна, стукнувъ тонкимъ пальцемъ о свой бѣломраморный лобъ.—Ты знаешь старую княжну Зыбину?

— Немножко. Она бываетъ иногда у насъ въ школѣ, только врядъ ли она меня припомнитъ.

— Это ничего. Она юродивая въ твоемъ жанрѣ, но отличная старуха. Теперь она помѣшана на traite des blanches и устраиваетъ концертъ-монстръ. Я къ ней съѣзжу, роспишу твоего жиденка, и если она согласится, ты его привезешь къ ней. Только смотри—безъ маменьки. Умой его, пріодѣнь, подъучи и тащи прямо къ княжнѣ. Если ужъ она ничего не сдѣлаетъ, такъ самъ Господь Богъ тебѣ не поможетъ. Послѣ свиданія съ княжной я тебѣ напишу.

— Пашетъ, душечка, какая ты милая, — начала было Александра Петровна, но Пашетъ тутъ же прервала ея изліянія.

— Некогда, Саша, послѣ, прости! Да и милаго во мнѣ ничего нѣтъ... просто я уступаю дружескому насилію. Ухъ, какъ мы заболтались! Давно пора одѣваться. У меня сегодня милліонъ дѣлъ...

Въ тотъ же день къ вечеру Александра Петровна получила отъ великолѣпной Полины Владиміровны слѣдующее письмо:

«Милая Саша, княжна очень заинтересовалась твоимъ Wunder-жидочкомъ. Она будетъ васъ ждать въ среду, въ 10 час. утра. Сегодня четвергъ, такъ что у тебя пять дней сроку, чтобы образумиться и отправить «феномена» съ родительницей обратно въ «черту осѣдлости». Но нѣтъ! ты вѣдь изъ неисправимыхъ. Помни мои наставленія: безъ маменьки! Если мальчикъ произведетъ на княжну эффектъ, то пошли ко мнѣ твою мадамъ Финтифлюсъ (или же какъ ее)—я дамъ ей письмо къ «боярынѣ Оршѣ» и такъ изображу сеансъ у княжны, что у нея голова закружится. У такой меценатки, какъ она, только и можно чего-нибудь добиться, если дать ей почувствовать, что она должна почитать за честь, когда къ ней обращаются. Я ей всегда посылаю почетные билеты— простые, молъ, всѣ ужъ разобраны. Желаетъ попасть въ общество — пусть платитъ! Voilà. По ту сторону добра и зла это, вѣроятно, все иначе, но у насъ въ Москвѣ самый надежный ключъ къ денежному сундуку — это тщеславіе. Въ жизни нельзя безъ философіи. Bonne chance.

Pachette.

VI.

Старая княжна Зыбина была превосходная музыкантша. Въ молодости она слушала Шопена и брала уроки у Листа. Яша ее поразилъ. Онъ пропѣлъ ей весь свой репертуаръ и то, что онъ въ эти дни слышалъ въ классѣ у Александры Петровны. Онъ пѣлъ, какъ поетъ весной жаворонокъ, безъ усилій, безъ принужденія и безъ словъ, точно его маленькое горло заключало неисчерпаемую сокровищницу звуковъ.

— C'est du miracle,—прошептала княжна и сложила руки, но Яша еще нѣсколько мгновеній продолжалъ пѣть, словно въ экстазѣ. Не слыша больше аккомпанимента, онъ остановился и въ недоумѣніи посмотрѣлъ на княжну, у которой по мелкимъ морщинкамъ щекъ и въ уголкахъ рта блестѣли свѣтлыя капли слезъ.

— Il est unique... Cet enfant ne vivra pas!—воскликнула она, привлекая къ себѣ тщедушнаго мальчика.

— Отчего ты такой худенькій, мой милый, у тебя ничего не болитъ!—спрашивала она его. Яша опустилъ глаза, плотно сжалъ губы и отрицательно мотнулъ головой, дѣлая тихія, но настойчивыя движенія освободиться изъ объятій княжны.

Она засмѣялась и выпустила его.

— Какой дичокъ! Ничего, мы скоро подружимся,—сказала она и стала по-французски обсуждать съ Александрой Петровной подробности предстоящаго концерта, до котораго оставалось еще двѣ недѣли.

Это чрезвычайно утѣшало Александру Петровну. Ей не хотѣлось выпускать Яшу въ роли диковинкаго фокусника, единолично исполняющаго всѣ партіи въ «Демонѣ» и «Трубадурѣ». Она рѣшила приготовить съ мальчикомъ нѣсколько вещей классическаго репертуара. Княжна весьма одобрила эту мысль и онѣ вмѣстѣ долго и тщательно обсуждали программу.

— Онъ у насъ всѣхъ съ ума сведетъ, — повторяла княжна.

Александра Петровна поселила Яшу у себя. Это произошло какъ-то само собой. Мадамъ Пинкусъ съ утра приводила мальчика къ «дорогой профессоршѣ» и исчезала на весь день. Раза два Александра Петровна оставила его ночевать, а затѣмъ это вошло въ привычку. Александра Петровна совсѣмъ приручила Яшу. Онъ не отходилъ отъ нея ни на шагъ; довѣрчиво, какъ пригрѣтый котенокъ, положитъ къ ней на колѣни свою курчавую голову и слушаетъ, и будто присматривается къ строю незнакомой ему жизни. Старческое, хмурое выраженіе лица смягчилось, онъ словно окрѣпъ и посвѣжѣлъ, пересталъ дичиться, съ напряженнымъ любопытствомъ слушалъ пѣніе учениковъ и ученицъ

Александры Петровны. Однажды кто-то въ классѣ отчаянно сфальшивилъ. Яша залился неудержимымъ смѣхомъ. Александра Петровна съ изумленіемъ замѣтила:

— Обратите вниманіе, какъ онъ смѣется—совершенно правильныя трели.

Только глаза Яши, эти огромные, не дѣтскіе глаза, глядѣли попрежнему печально, точно передъ ними стояла неразрѣшимая и мучительная загадка. Онъ былъ очень понятливъ. Своимъ тонкимъ, музыкальнымъ ухомъ онъ быстро уловилъ разницу въ произношеніи Александры Петровны, Дуняши и своей матери, передразнивалъ ихъ, но самъ говорилъ свободно и чисто, изрѣдка замѣняя неизвѣстное слово жаргономъ и мимикой. Дуняша продолжала оказывать ему покровительство... Успѣхъ Яши у княжны произвелъ на нее сильное впечатлѣніе. Успѣхъ этотъ, впрочемъ, оказалъ дѣйствіе не только на Дуняшу, онъ повліялъ и на великолѣпную Пашетъ. Она обѣщала похлопотать у банкирши, нѣсколько разъ заѣзжала къ Александрѣ Петровнѣ, послушать Яшу, и соблаговолила признать, что это въ самомъ дѣлѣ «курьезная штука», но тутъ же выразила опасеніе, [какъ бы Саша окончательно съ ума не спятила изъ-за этой «пучеглазой обезьянки».

Александра Петровна не отрицала, что ее все больше и больше плѣняетъ «феноменъ». Заниматься съ нимъ было для нея непрерывнымъ наслажденіемъ. Онъ понималъ ее съ полуслова. Не находя понятнаго выраженія и желая нагляднѣе объяснить, въ чемъ суть, она то брала карандашъ и начинала имъ дирижировать, то рисовала пальцемъ какіе-то зигзаги въ воздухѣ. Мальчикъ сейчасъ же схватывалъ этотъ странный языкъ, и голосокъ его, какъ чувствительная пластинка, передавалъ всѣ колебанія и оттѣнки музыкальной фразы.

— Это живой инструментъ,—волшебная флейта,—въ упоеніи восклицала Александра Петровна.

VII.

Тѣмъ временемъ мадамъ Пинкусъ стала приводить въ дѣйствіе собственный планъ, о которомъ она ничего не сообщила Александрѣ Петровнѣ. У нея оказался какой-то таинственный списокъ съ именами «аристократовъ», то-есть еврейскихъ богачей, съ которыхъ она разсчитывала собрать посильную дань. И тутъ для нея начался рядъ разочарованій. Во-первыхъ, чуть ли не всѣ намѣченные ею «аристократы» вздумали отбыть за границу какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она пожелала убѣдиться въ реальности ихъ существованія. Прямо непостижимо,—къ кому она ни толкнется,—отвѣтъ одинъ: «господа за границу уѣхали».

Въ одномъ домѣ ее, наконецъ, приняли. Хозяинъ, огромный, толстый господинъ съ геморроидальнымъ цвѣтомъ лица и сонными глазами, равнодушно выслушавъ ея разсказъ и, пошаривъ въ карманахъ брюкъ, молча подалъ ей серебряный рубль. Она съ негодованіемъ швырнула его на полъ, крикнула, что она не нищая, и величественно удалилась. Въ другомъ домѣ къ ней сначала выбѣжала маленькая, кудластая собачка, бѣлая, какъ снѣжинка, и стала лаять, а за собачкой выпорхнула маленькая, очень красивая и очень нарядная дама, съ такою пышною прической, что ея хорошенькое личико казалось совсѣмъ кукольнымъ. Увидавъ перепуганную физіономію мадамъ Пинкусъ, дама звонко расхохоталась и стала кричать на собачку: «Topsy, taisez vous donc, petite nigaude».

Топси не унималась, дама сѣла въ качалку и, продолжая хохотать, спросила мадамъ Пинкусъ, что ей нужно. Та дрожащимъ голосомъ, не сводя глазъ съ собачонки, засвидѣтельствовала свое уваженіе и принялась излагать свои желанія и надежды. На миніатюрное личико дамы легло облачко скуки. Она слушала, небрежно покачиваясь въ низенькой качалкѣ. Топси прыгнула къ ней на колѣни и, вытянувъ тонкія ножки, положила на нихъ свою мордочку, продолжая сердито ворчать на мадамъ Пинкусъ. Нарядная хозяйка потихоньку урезонивала ее: «Voyons, mon tou-tou, soyez sage...» Мадамъ Пинкусъ замолчала. Маленькая дама окинула презрительнымъ взглядомъ стоявшую передъ ней въ почтительномъ отдаленіи сгорбленную фигуру просительницы.

— Я сочувствую только настоящей нуждѣ,—вымолвила она своими пухлыми, розовыми губками.—Бѣднымъ людямъ нуженъ хлѣбъ, а вы просите на роскошь. На это у меня нѣтъ средствъ.

Она поднялась и позвонила. Топси скатилась на коверъ и съ визгливымъ лаемъ опять набросилась на мадамъ Пинкусъ, онѣмѣвшую отъ репришанда изящной, крошечной дамы.

Она вернулась къ Александрѣ Петровнѣ съ душой, переполненною горечью, и, не удержавшись, подѣлилась своими чувствами съ Дуняшей. Дуняша отнеслась къ этому дѣлу съ присущимъ ей благоразуміемъ.

— Сами виноваты,—рѣшила она,—суетесь въ воду, не спросясь броду. Здѣсь, матушка, не провинція, здѣсь народъ ученый. Мало ли кто придетъ съ улицы и начнетъ турусы на колесахъ разводить. Тутъ не такой обычай, Москва слезамъ не вѣритъ... Подай рекомендацію и пріемъ тебѣ будетъ настоящій. Вы думаете всѣ, какъ наша Александра Петровна? Какъ бы не такъ...

Мадамъ Пинкусъ поневолѣ должна была признать справедливость этихъ разсужденій, но гордость ея возмущалась противъ развязнаго краснорѣчія Дуняши, она сожалѣла о своей откровен-

ности съ «грубою бабой» и давала обѣты впередъ держать языкъ за зубами. Она совсѣмъ было пригорюнилась, но Александра Петровна въ тотъ же вечеръ послала ее къ Полинѣ Владиміровнѣ, гдѣ горничная ей вручила плотный, душистый конвертъ съ золотою монограммой. Это было обѣщанное письмо къ богатой банкиршѣ, и мадамъ Пинкусъ моментально просіяла. Она разсыпалась въ благодарностяхъ передъ оторопѣвшею камеристкой, прося ее кланяться «генеральшѣ». Придя домой, къ своимъ родственникамъ, она показала имъ драгоцѣнный конвертъ и пространно описывала свою дружбу съ «профессоршей», которая ее любитъ, какъ родная мать. Про генеральшу она тоже разсказала много лестнаго. Въ эту ночь мадамъ Пинкусъ легла спать съ облегченнымъ сердцемъ, и до утра ей снились самые радужные сны.

VIII.

Гигантскія каріатиды, украшающія домъ банкира Якобсена, произвели такое устрашающее впечатлѣніе на мадамъ Пинкусъ, что она долго не рѣшалась войти въ подъѣздъ, охраняемый двумя дремлющими львами. Неизвѣстно, сколько времени она простояла бы въ трепетномъ созерцаніи, если бы она не увидала городового. Ей показалось, что онъ направляется прямо къ ней. Въ головѣ ея, подобно блеску молніи, промелькнули кишиневскіе разсказы о любознательности столичной полиціи. Она уткнула голову какъ можно глубже въ плечи и судорожно нажала перламутровую кнопку звонка. Двери распахнулись и передъ ней выросъ дюжій швейцаръ. Она еле пролепетала:

— Я имѣю дѣло до мадамъ.

— Барыня не принимаютъ. Если за пособіемъ, пожалуйте въ контору,—отвѣтствовалъ швейцаръ.

— Мнѣ надо лично мадамъ,—настойчиво и уже гораздо храбрѣе произнесла мадамъ Пинкусъ, оправляясь отъ испуга.

— Говорятъ вамъ, не приказано принимать, ступайте въ контору.

— У меня письмо...

— И съ письмомъ въ контору, тамъ скажутъ.

— Отъ генеральши Стоцкой!—выпалила мадамъ Пинкусъ, освобождая изъ-подъ своей бархатной накидки благоуханный конвертъ. Швейцаръ нерѣшительно взялъ его, повертѣлъ, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ и проговорилъ:

— Хорошо, я доложу, подождите тутъ въ сторонкѣ.

Мадамъ Пинкусъ вздохнула свободнѣе. Она очутилась въ обширномъ вестибюлѣ. Черезъ стеклянную мозаику длинныхъ и узкихъ стрѣльчатыхъ оконъ пробивались лучи зеленовато-розо-

ваго свѣта, какъ въ католической часовнѣ. По стѣнамъ картины. Мраморная лѣстница устлана коврами. Статуи, цвѣты... Ни въ одной оперѣ, ни въ Кіевѣ, ни даже въ Одессѣ, мадамъ Пинкусъ не видала такихъ декорацій. Ея сутулая фигурка съ выдавшимися впередъ острыми плечами сдѣлалась какъ-то еще незамѣтнѣе; она шмыгнула въ глубь вестибюля и притаилась между подоконникомъ и высокою спинкой дубоваго стула, надъ которымъ торчала только ея шляпка съ дрожащимъ огненно-краснымъ цвѣткомъ. Она видѣла, какъ швейцаръ тронулъ бѣлую пуговку, какъ по лѣстницѣ сбѣжалъ молодой лакей въ коричневой ливреѣ... Швейцаръ подалъ ему письмо и что-то сказалъ, показывая рукой въ ея сторону. Лакей взялъ конвертъ и тоже, какъ швейцаръ, повертѣлъ его, потомъ поглядѣлъ на нее (она не шелохнулась) и побѣжалъ опять наверхъ.

Мадамъ Пинкусъ стала ждать. Швейцаръ впускалъ и выпускалъ посѣтителей. Одни заѣзжали лишь для того, чтобы вручить швейцару карточку и сейчасъ же исчезали, другіе проходили наверхъ; нѣкоторые скрывались куда-то въ боковыя двери. Элегантная дама съ огромною бѣлою птицей на шляпѣ, въ длиннѣйшемъ боа изъ бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ быстро и легко замелькала по ступенькамъ, шурша шелковыми юбками. Вслѣдъ за ней, подпрыгивая, какъ резиновый мячикъ, поднялся бритый молодой человѣкъ, держа въ рукѣ сіяющій цилиндръ. У мадамъ Пинкусъ затекли ноги отъ неудобной позы; мысль напряженно работала подъ напоромъ новыхъ впечатлѣній; ей было жарко, но она не рѣшилась снять накидку и только чуть-чуть разстегнула воротъ. Томительное чувство ожиданія охватывало ее все сильнѣе. Ей казалось, что про нее забыли, что ужъ давно-давно стоитъ она тутъ за оградой этого тяжелаго стула. Вдругъ швейцаръ съ особенною стремительностью распахнулъ дверь и, вытянувшись въ струнку, впустилъ высокаго господина въ военной шинели.

— Дома?—спросилъ военный, какъ-то однимъ движеніемъ плечъ сбрасывая шинель, которую ловко и подобострастно подхватилъ швейцаръ.

— Такъ точно, ваше превосходительство.

Мадамъ Пинкусъ впилась глазами въ генерала. Да, да это настоящій генералъ, съ красными лампасами на штанахъ, съ эполетами, съ орденами... Онъ подошелъ къ зеркалу, вынулъ изъ кармана носовой платокъ, громко высморкался, вытеръ и пригладилъ густые, щетинистые усы, повернулся, чуть не повалилъ стулъ и... пристально взглянулъ на мадамъ Пинкусъ. Ей почудилось, что онъ хочетъ ей что-то сказать, и у нея отъ страха покатилось сердце. Но генералъ уже перевелъ свой взоръ на бронзоваго арапа, у котораго изъ голаго живота выползала змѣя, дер-

жащая въ зубахъ люстру, и, звякнувъ шпорами, онъ зашагалъ дальше, слегка волоча непокорную правую ногу. Мадамъ Пинкусъ смотрѣла на его широкую, прямую спину, на красный затылокъ, жирною складкой нависавшій на шею, и ей начинало представляться совершенно невѣроятнымъ, чтобы наступила такая минута, когда она... она!.. будетъ взбираться по той же лѣстницѣ, по которой съ такою увѣренностью шагаетъ генералъ, по которой весело, какъ птичка, только что взбѣгала прекрасная дама и за нею бритый молодой человѣкъ—всѣ эти богатыя, счастливыя существа изъ другого міра, ей чуждаго и недосягаемаго. Сама эта лѣстница начинала ей казаться чѣмъ-то заколдованнымъ. безконечнымъ, неумолимымъ, что ведетъ въ заповѣдную сферу, куда такимъ, какъ она, нѣтъ пути. И ей вдругъ стало страшно, Ей захотѣлось зажмурить глаза и бѣжать, бѣжать безъ оглядки... Ее удержалъ остатокъ здраваго смысла и жгучее любопытство. Вѣдь тутъ, въ этомъ дворцѣ,—урезонивала она сама себя,—живутъ евреи, наши братья, и всѣ эти генералы и генеральши ѣздятъ сюда въ гости. Значитъ, есть евреи, которыхъ *они* не презираютъ... Какіе же это евреи?... Она про нихъ слыхала, но никогда ихъ не видала вблизи... Вѣроятно, это какіе-нибудь особенные, какіенибудь необыкновенные геніи?.. Не можетъ же быть, чтобы вся эта честь оказывалась богатству. Деньги даже для нея, для жалкой мадамъ Пинкусъ, не все... Если бы Господь черезъ своего ангела ее спросилъ: что ты хочешь для своего сына—чтобы онъ былъ богатъ, какъ Ротшильдъ, или знаменитъ, какъ Рубинштейнъ?.. она бы не колебалась—она бы выбрала славу... а еслибъ она даже выбрала деньги? кто могъ бы ее осудить!.. Одинъ Богъ знаетъ, сколько она на своемъ вѣку голодала и холодала, сколько горькихъ слезъ пролила, сколько униженій вытерпѣла. И все изъ-за бѣдности... А знатнымъ господамъ стыдно унижаться передъ богачами,—знатнымъ господамъ, которые могутъ быть генералами и графами, и учеными, и губернаторами, для которыхъ открыты всѣ дороги... Нѣтъ! этого *не можетъ быть*... изъ-за *этого* «они» не станутъ дружить съ нами. Просто они удивлены, какіе на свѣтѣ бываютъ замѣчательные евреи и считаютъ за счастье знакомство съ ними... И чувство національной гордости наполнило сердце мадамъ Пинкусъ. Она размечталась.

Ну, конечно, здѣсь живутъ люди необыкновенные, избранные, благодѣтели и заступники за несчастныхъ и обиженныхъ... Можетъ быть, самъ Богъ привелъ ее сюда, можетъ быть, тутъ и есть тотъ случай, та судьба, которая вдругъ возьметъ человѣка изъ праха и возвеличитъ его надъ всѣми... Вѣдь не даромъ умные люди говорятъ, что каждый долженъ найти свою судьбу. Многіе всю жизнь ее ищутъ и не находятъ... Положимъ нигдѣ не сказано,

что люди, а тѣмъ болѣе евреи, должны быть счастливы... Но вѣдь бывали примѣры! Какая-нибудь особенная удача, протекція...

Развѣ не чудо, что мѣсяцъ тому назадъ она считала за честь, если жена исправника, которая три года должна ей десять рублей за вышитыя сорочки, ей скажетъ: «здравствуйте, мадамъ Пинкусъ». А теперь она стоитъ въ этомъ дворцѣ, куда генералы пріѣзжаютъ, какъ къ себѣ домой. За сыномъ ея, точно за царскимъ ребенкомъ, ухаживаетъ профессорша, которую знаетъ весь городъ (можетъ быть, вся Россія!). Ея Яша, восьмилѣтній мальчикъ, будетъ пѣть въ княжескомъ домѣ рядомъ съ самыми большими знаменитостями... И все это не чудо? Тогда она ужъ не знаетъ, что такое чудо. И почему нѣтъ? Если на дѣтяхъ до седьмого колѣна взыскивается за грѣхи родителей, то почему родителямъ когда-нибудь не получить свое счастье черезъ ребенка. Мало съ ними мученій!.. И въ воображеніи мадамъ Пинкусъ стали развертываться картины одна другой волшебнѣе. Она ужъ видѣла себя хозяйкой этого «дворца» и бронзоваго арапа съ ползущею изъ живота змѣей, въ ней заискивали генералы и важныя дамы, лакеи стояли передъ нею на вытяжку... Изъ этого блаженнаго состоянія ее вывелъ голосъ перегнувшагося черезъ перила лакея, который кричалъ:

— Өедоръ, женщина съ письмомъ отъ генеральши Стоцкой тутъ? Барыня ее требуетъ...

— Идите скорѣй,—сказалъ швейцаръ.—Калоши на васъ есть?—прибавилъ онъ.—Оставьте ихъ здѣсь, а то коверъ запачкаете.

Мадамъ Пинкусъ съ усиліемъ стащила калоши, торопливо сунула ихъ въ уголокъ (ей было стыдно, что онѣ такія грязныя и рваныя) и поползла наверхъ, еле переставляя отяжелѣвшія отъ долгаго стоянья ноги.

— Идите прямо,—говорилъ ей вслѣдъ швейцаръ,—тамъ покажутъ, гдѣ вамъ обождать.

По мѣрѣ того, какъ она подвигалась—выростало и ея изумленіе. Съ каждой площадки по обѣ стороны разбѣгались цѣлыя анфилады комнатъ. Картины, статуи, цвѣты, зеркала, какая-то невиданная мебель... нѣтъ, никогда ей и во снѣ не грезилось такое великолѣпіе. На верхней площадкѣ она увидала лакея. Онъ ей сказалъ: «вамъ не сюда. Спуститесь на одну лѣстницу и поверните направо въ зимній садъ. Барыня сейчасъ выйдетъ».

Мадамъ Пинкусъ поглядѣла на него, какъ сомнамбула. Лакей сжалился надъ ней.

— Ну, пойдемте, я покажу. Онъ сошелъ съ нею въ бельэтажъ и сказавъ: «ждите тутъ» оставилъ ее въ длинной галлереѣ со стекляннымъ потолкомъ и стѣной, заставленной деревьями, цвѣтами, акваріумами. Въ огромной проволочной клѣткѣ порхали

пестрыя птички. Эта яркая, отовсюду бьющая въ глаза роскошь давила мадамъ Пинкусъ, внушала ей суевѣрный ужасъ, словно передъ нею была пасть ненасытнаго чудовища, и ей опять мучительно и страстно захотѣлось убѣжать. Ноги ея совсѣмъ ослабѣли, въ головѣ было холодно и пусто, на душѣ тоска. Она прислонилась спиной къ желтой мраморной колоннѣ, чтобы не упасть. Между пальмами стояли бамбуковыя кресла и диванчики, но она на посмѣла присѣсть... Въ эту минуту, волоча за собою шлейфъ сѣраго суконнаго платья, показалась дама, очень высокая, сухая и прямая, съ маленькою головой и большимъ горбатымъ носомъ. Въ лицѣ ея, изжелта блѣдномъ, поражала крѣпкая, почти квадратная, выдающаяся впередъ нижняя челюсть. Дама сдѣлала какое-то странное движеніе, словно она понюхала воздухъ, потомъ сѣла въ плетеное кресло расправила шлейфъ и принялась тщательно и серьезно чистить щеточкой свои ногти. Она даже не взглянула на мадамъ Пинкусъ. Можно было подумать, что она или не замѣтила, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея стоитъ живое существо, или же забыла о его присутствіи. Мадамъ Пинкусъ окончательно растерялась, не зная, что ей предпринять. Судьба смилостивилась надъ нею. Въ зимній садъ вошла стройная, черноволосая барышня въ темномъ платьѣ, съ книжкой въ рукѣ; она окинула быстрымъ взглядомъ безмолвную групну обѣихъ женщинъ и съ явной насмѣшкой воскликнула:

— Мама, развѣ вы не видите? Эта дама, вѣроятно, къ вамъ по дѣлу.

Банкирша мгновенно вышла изъ оцѣпенѣнія, положила на колѣни щеточку и вытерла платкомъ свои унизанные перстнями, плоскіе пальцы.

— Я не слѣпая,—замѣтила она по-французски дочери. устремляя на мадамъ Пинкусъ взоръ круглыхъ желтоватыхъ глазъ безъ рѣсницъ.

— Вы отъ генеральши Стоцкой? Откуда вы знаете генеральшу?

Голосъ у нея былъ громкій, сиплый, рѣжущій.

Мадамъ Пинкусъ промолвила что-то невнятное. Отъ волненія у нея обрывались слова, она тяжело дышала, прижималась къ колоннѣ и старалась улыбаться, но вмѣсто улыбки по ея сконфуженному лицу расползалась жалкая, слезливая гримаса.

— Я ничего не понимаю, говорите яснѣе,—нетерпѣливо сказала банкирша.

— Mais vous la terrorisez,—вполголоса замѣтила дочь,—la pauvre femme va se trouver mal.

Мадамъ Пинкусъ инстинктивно почувствовала поддержку и немного пріободрилась.

— Мы такъ много наслышаны... мадамъ... о вашихъ благо-

дѣяніяхъ, — начала она. — Я бы никогда не осмѣлилась васъ безпокоить... я не такая глупая, чтобы не понимать, что ваше время дороже золота... Нужда гонитъ человѣка къ чужимъ дверямъ, а мать для своего ребенка на все готова... Вы сами мать...

— Говорите, пожалуйста, короче, что вамъ нужно,—сухо и сквозь зубы процѣдила банкирша.

Мадамъ Пинкусъ покраснѣла. Въ ней проснулось чувство оскорбленнаго равенства, никогда не угасающее въ душѣ даже самаго забитаго еврея. Ея пылающіе, черные глаза такъ и впились въ безкровное, вялое лицо богачки.

— У моего сына талантъ,—произнесла она съ достоинствомъ,—о, громадный талантъ, Онъ поетъ, какъ соловей, и можетъ играть по слуху на всѣхъ инструментахъ. Александра Петровна Неволина не отпускаетъ его отъ себя и говоритъ, что онъ геній, что онъ богъ... Развѣ я знаю!—патетически воскликнула мадамъ Пинкусъ и не безъ ироніи прибавила:—а она, кажется, въ этомъ дѣлѣ понимаетъ. Теперь мой Яша будетъ пѣть у одной княгини вмѣстѣ съ самыми важными профессорами.

— Это ужъ навѣрно, или вамъ только обѣщали?—спросила банкирша значительно благосклоннѣе.

Мадамъ Пинкусъ уловила этотъ оттѣнокъ и почувствовала себя гораздо крѣпче на ногахъ.

— И еще какъ обѣщали!—подтвердила она съ необыкновенною увѣренностью. — Княгиня его на рукахъ носитъ. Только бы Яша не закапризничалъ, а они считаютъ за праздникъ, когда онъ поетъ.

— Скажите,—возмутилась банкирша. Онъ еще можетъ капризничать и не хотѣть. Этого еще не достаетъ.

Мадамъ Пинкусъ усмѣхнулись.

— Что вы хотите, мадамъ! У него огромный талантъ, это вѣрно, какъ то, что я живу на свѣтѣ. Но онъ все-таки ребенокъ и не умѣетъ понимать свою пользу. Бѣдные дѣти—вѣдь тоже дѣти...

Банкирша остановила ее величественнымъ взмахомъ руки.

— Я все-таки не понимаю, чего вы отъ меня хотите.

— Ничего больше, какъ чтобы вы обратили на насъ свое высокое вниманіе, мадамъ, и Богъ наградитъ васъ сторицей—васъ, вашего мужа и вашихъ дѣтей. Профессорша и генеральша меня обнадежили, что вы можете дать моему Яшѣ пенсію или какое-нибудь мѣсто моему мужу. Если Яша тутъ останется, то придется намъ всѣмъ изъ Кишинева переѣхать...

— Другими словами, мы должны взять на свою шею цѣлое семейство? Недурно придумано,—колко произнесла банкирша.

— Сохрани Богъ,—возразила мадамъ Пинкусъ.—Мой мужъ

честный человѣкъ и не дармоѣдъ... Но безъ поддержки... хоть первое время, въ чужомъ городѣ...

— А право жительства вы имѣете?--перебила банкирша.

— Княгиня сказала генеральшѣ, что это она ужъ беретъ на себя,—солгала мадамъ Пинкусъ, желая ослѣпить гордую богачку своими аристократическими связями.

Но та осталась непреклонна.

— Я ничего не могу вамъ обѣщать,—сказала она.—Евреи думаютъ, что мы можемъ обезпечить весь еврейскій народъ... Я вамъ не отказываю, я хочу сама судить о вашемъ сынѣ, и тогда мы увидимъ. Я напишу генеральшѣ Стоцкой, чтобы она оставила для меня билеты нъ концертъ княгини. Если вашъ мальчикъ, дѣйствительно, такая рѣдкость,—то я объ немъ подумаю.

Банкирша кивнула головой, давая понять, что аудіенція кончена. Мадамъ Пинкусъ поняла, отвѣсила низкій поклонъ банкиршѣ и ея дочкѣ, молча сидѣвшей въ отдаленіи, и тихо поплелась назадъ по направленію къ монументальной лѣстницѣ. Она была уничтожена и вся кипѣла безсильнымъ негодованіемъ голоднаго противъ сытаго.

IX.

— И что это за страсть всюду лѣзть, выскакивать изъ своей среды, всѣмъ надоѣдать!—воскликнула банкирша, когда затихли тяжелые шаги мадамъ Пинкусъ.

Дочь молчала, не отрывая глазъ отъ книги.

— Вѣдь вотъ эта женщина,—продолжала мать,— посмотрѣть на нее—нищая! каррикатура! говоритъ такъ, что слушать больно, (При этихъ словахъ барышня метнула на свою мамашу взглядъ неизмѣримаго презрѣнія). И что же!.. Ко всѣмъ пробралась, мальчишка ея будетъ пѣть—шутка сказать—у княжны Зыбиной. Вотъ изъ-за такихъ нахаловъ страдаютъ евреи...

Дочь закрыла книгу.

— Ошибаетесь,—промолвила она ледянымъ тономъ.—Бѣднаго еврея просто топчутъ, даже не замѣчая... ну, какъ червяка, попавшаго подъ ногу. А такихъ, какъ мы съ вами—презираютъ.

— Это еще что за новая фанаберія!—раздражительно замѣтила банкирша.—Слава Богу, насъ, кажется, всѣ уважаютъ...

Дочь пожала плечами.

— Еще бы не уважать,—начала она насмѣшливо.—На послѣднемъ нашемъ вечерѣ одинъ шпютъ, танцующій у насъ третью зиму, спросилъ у другого: «скажите, какъ отчество хозяина, я все забываю...»

— Она съ ума сошла!—воскликнула банкирша и погрозила ку-

лакомъ въ пространство.—Эмма, я тебѣ говорю, ты съ ума сошла, повторила она, обращаясь непосредственно къ дочери.

— Очень возможно. Мнѣ все опротивѣло, все!—истерически всхлипнула Эмма.—Это вѣчная комедія... Вѣдь у васъ нѣтъ ни одного друга. И откуда ему взяться! Развѣ у насъ бываетъ кто-нибудь безкорыстно? Можно подумать, что во всемъ этомъ большомъ городѣ нѣтъ ни одного студента, ни одной образованной молодой дѣвушки и вообще ни одного порядочнаго человѣка...

— Ты кончила?—перебила мать...

— Нѣтъ не кончила... Скажите на милость, чего ради вы издѣвались битый часъ надъ этою несчастною женщиной? Только потому, что она еврейка. Никогда бы вы такъ не обошлись съ русской, никогда!.. не посмѣли бы!..

— Можетъ быть, ты хочешь сдѣлаться сіонисткой, со всѣми нищими?—ядовито вставила банкирша.

— Я готова сдѣлаться чортомъ!—гнѣвно возразила Эмма,—только бы избавиться отъ нашего проклятаго житья!

Блѣдное лицо банкирши покрылось багровыми пятнами, она тряслась отъ негодованія.

— Ты не барышня,—произнесла она упавшимъ голосомъ,—ты... ты—пожарный. Уйди, уйди... Ты меня убиваешь.

Дочь въ отвѣтъ лишь рукой махнула и бросилась вонъ изъ зимняго сада. Впопыхахъ она толкнула корзину съ бѣлоснѣжными ландышами, корзина закачалась и съ грохотомъ полетѣла на мозаичный полъ.

X.

На нетерпѣливые разспросы Александры Петровны о томъ, какъ ее приняла госпожа Якобсенъ, мадамъ Пинкусъ отвѣчала общими фразами.

— Не домъ, а дворецъ... Важная особа... Когда я пришла, у ней, можетъ быть, десять генераловъ сидѣли... Съ кѣмъ она должна была заниматься, съ ними или со мной?... Ну, конечно, просила кланяться съ уваженіемъ генеральшѣ и вамъ. Пріѣдетъ на концертъ непремѣнно... А дочка совсѣмъ графиня, говоритъ по-французски!.. Я поняла, что она очень объ Яшѣ интересуется...

Мадамъ Пинкусъ было стыдно сказать правду, да и боялась она, какъ бы это не повліяло дурно на Александру Петровну. Скажетъ себѣ: если евреи не хотятъ знать своихъ, то зачѣмъ мнѣ голову ломать? Но окончательно скрыть свое разочарованіе она не съумѣла, да и обстоятельства складывались такъ, что поневолѣ побуждали къ откровенности. Родственники, у которыхъ мадамъ Пинкусъ пріютилась, явно на нее дулись, находя, что всему есть граница

и что «пара дней» (она имъ сказала, что пробудетъ въ Москвѣ всего «пару дней») есть выраженіе символическое, означающее ни болѣе, ни менѣе, какъ безконечность. Словно на грѣхъ, старый дворникъ отошелъ, а новый еще не примѣнился къ нравамъ и усердствовалъ. Онъ неукоснительно требовалъ паспорта, и три серебрянныхъ рубля, перешедшихъ изъ тощаго портмонэ мадамъ Пинкусъ въ карманъ его плисовой жилетки, поколебали его міросозерцаніе всего лишь на три дня. Рискнуть же болѣе внушительною суммой она не могла въ виду неизвѣстнаго будущаго. Александра Петровна замѣтила, что мадамъ Пинкусъ не по себѣ, что она перестала философствовать, сидитъ пригорюнившись въ уголку и только отъ времени до времени глубоко вздыхаетъ. Даже пѣніе Яши ее не приводило въ такой шумный восторгъ, какъ обыкновенно.

Между тѣмъ, подъ руководствомъ Александры Петровны, онъ съ каждымъ днемъ пѣлъ все лучше и лучше. Александра Петровна не переставала дивиться на мальчика. Онъ трогалъ ее нѣжностью и какою-то особенною, врожденною деликатностью, съ которою онъ выслушивалъ ея замѣчанія. По свойственному его возрасту легкомыслію, онъ, повидимому, не сознавалъ «шаткости» своего положенія, игралъ, пѣлъ, шалилъ и бѣгалъ по комнатѣ такъ свободно, какъ будто онъ имѣлъ на это всѣ права. Онъ поправился, окрѣпъ и даже выросъ; блѣдныя щечки зарумянились, голова его ужъ не казалась черезчуръ тяжелою для его тонкой шеи, и усталое старческое выраженіе растаяло въ его посвѣтлѣвшихъ черныхъ глазахъ. Онъ подружился со всѣмъ классомъ Александры Петровны, его ласкали и баловали наперерывъ, и цѣлый день то здѣсь, то тамъ раздавался серебристый смѣхъ мальчика. Такая «смѣлость», прежде всего, уронила его въ глазахъ Дуняши. Она выговаривала Александрѣ Петровнѣ, что мальчишка совсѣмъ отъ рукъ отбился, что съ нимъ сладу нѣтъ... Развѣ это порядокъ! Каждый долженъ знать свое мѣсто... Что онъ за баринъ такой... Оставить бы его на кухнѣ. Нужно спѣть или сыграть при господахъ—можно его позвать, и опять назадъ. Вотъ тогда бы изъ него былъ толкъ...

Александра Петровна только смѣялась на эту воркотню, но Яша чувствовалъ, что Дуняша его не любитъ, и сторонился ея. Мадамъ Пинкусъ, какъ тонкій дипломатъ, бранила сына при Дуняшѣ и этимъ поддерживала политическое равновѣсіе. Она понимала силу Дуняши и подлаживалась къ ней всячески. Убѣдившись, что у родственниковъ ей дольше оставаться невозможно, она опять-таки прибѣгла къ покровительству Дуняши: повѣдала ей со слезами свою бѣду и смиренно просила посовѣтовать, какъ быть.

— Повѣрьте,—говорила она,—что мнѣ стыдно вамъ и Александрѣ Петровнѣ въ глаза глядѣть. Сколько хлопотъ вамъ изъ-за

меня, вы думаете, я не понимаю?.. Богъ видитъ, я готова уѣхать до концерта, чтобы не быть въ тягость благороднымъ людямъ, а только жалко. Можетъ быть, тутъ все счастье ребенка. Столько истратила, столько бѣгала—и все задаромъ.

Дуняшу это разжалобило.

— Куды теперь уѣзжать,—сказала она.—Ужъ до концерта у насъ какъ-нибудь перебьетесь. Я скажу Александрѣ Петровнѣ. Главное, на публику не суйтесь и въ кухню тоже безъ дѣла не выбѣгайте, и чтобы безъ вещей. Пришли съ параднаго, тутъ вы, нѣтъ васъ, никто не знаетъ. Но только уговоръ лучше денегъ. Послѣ концерта уѣзжайте и съ Яшей со своимъ. Александрѣ Петровнѣ отдыхать надо лѣтомъ. Мы съ нею каждый годъ на Балтійское море уѣзжаемъ. По своей безпечности да простотѣ, она изъ-за васъ тутъ все лѣто готова проваландаться...

Мадамъ Пинкусъ поклялась вѣчнымъ покоемъ своихъ усопшихъ родителей, что не просидитъ лишней минуты и во всю жизнь не забудетъ великодушія Дуняши.

Александра Петровна разрѣшила мадамъ Пинкусъ переселиться къ ней безъ всякихъ ограниченій. Дуняша предварительно сводила ее въ баню и простерла гостепріимство до того, что устроила ей постель на своемъ собственномъ сундукѣ. Мадамъ Пинкусъ едва легла, заснула, какъ мертвая.

XI.

Концертъ былъ въ разгарѣ. Въ освѣщенной электричествомъ круглой залѣ съ бѣлоснѣжными колоннами и хорами не было ни одного свободнаго мѣста. Концертомъ княжны Зыбиной обыкновенно заканчивался сезонъ и присутствовать на немъ считало священнымъ долгомъ нѣсколько десятковъ лицъ, чувствующихъ себя «столпами общества», и двѣ-три сотни, которымъ хочется увѣрить въ этомъ себя и другихъ. Тутъ были всѣмъ извѣстныя фигуры несмѣняемыхъ меломановъ и меценатовъ, составляющихъ какъ бы принадлежность концертныхъ и театральныхъ залъ. Безъ нихъ не обходится ни одно сборище. Они неизмѣнно засѣдаютъ въ бенуарахъ и первыхъ рядахъ креселъ. Проходятъ годы, погибаютъ герои, выростаетъ новая жизнь. «Несмѣняемые» желтѣютъ, покрываются морщинами, одни высыхаютъ, другіе жирѣютъ, но, кашляя, кряхтя и задыхаясь, они остаются до конца въ зрительномъ залѣ, какъ часовые на своемъ посту. Они уже не смотрятъ, не слушаютъ, а только сравниваютъ, т.-е. вспоминаютъ.

Старая княжна сидѣла на бархатномъ диванѣ, недалеко отъ эстрады. Какъ только артистъ кончалъ свой номеръ, она вставала, съ блаженною улыбкой слушала аплодисменты и проходила черезъ

низенькую дверь въ артистическую. Тамъ за двумя столами, круглымъ и длиннымъ, хозяйничали молодыя дѣвушки, безчисленныя племянницы княжны, дочери ея кузинъ и пріятельницъ. На кругломъ столѣ кипѣлъ серебряный самоваръ, стояли сандвичи, печенье, фрукты, конфекты. На длинномъ столѣ между батареей рюмокъ и бокаловъ торчали изъ массивныхъ холодильниковъ стройныя горлышки бутылокъ. Тутъ же подъ орлинымъ окомъ торжественнаго maître d'hôtel'я безшумно и быстро двигались оффиціанты. Въ фойе артистовъ проникали лишь избранные, *свои*. Въ антрактахъ мужчины приходили сюда поболтать съ дамами. Это были все люди почтеннаго, даже «маститаго» возраста Они говорили съ женщинами, какъ съ избалованными дѣтьми, но эта искусственная рѣчь порой оживлялась забавною шуткой, остроумнымъ замѣчаніемъ, тонкимъ злословіемъ. Зато молодежь поражала серьезностью. Въ безукоризненныхъ фракахъ и мундирахъ, тощіе, большею частью лысые, съ зеленоватымъ цвѣтомъ лица и безучастными взорами, они разговаривали, двигались, кланялись, словно автоматы на пружинахъ.

Въ дамской уборной сидѣла Александра Петровна. Прижавшись къ ней, словно ему было холодно, стоялъ Яша. Коротенькая, темная бархатная курточка съ большимъ кружевнымъ воротникомъ, коротенькіе штаны, длинные, черные шелковые чулки, башмаки съ пряжками дѣлали мальчика неузнаваемымъ. Ни дать, ни взять пажъ, сорвавшійся съ плафона дворца дожей.

Костюмъ былъ сооруженъ собственными руками Александры Петровны по гравюрѣ, доставленной великолѣпною Пашетъ. Она же пожертвовала и воротникъ. Яша былъ въ восторгѣ. Онъ не отходилъ отъ зеркала, и когда, послѣ примѣрки, костюмъ убрали въ шкафъ, дѣло не обошлось безъ слезъ. И теперь онъ поминутно охорашивался и потихоньку твердилъ:

— Вѣдь это мой костюмъ?

— Твой, конечно.

— Я могу его носить завтра и всегда?

— Если споешь хорошо, то можешь, я тебѣ тогда подарю еще лучше,—посулила Александра Петровна.

— Не надо лучше. Пусть этотъ... да?—настаивалъ Яша.

— Ну, конечно, да,—терпѣливо отвѣчала Александра Петровна.—Только, смотри, милый, пой, какъ дома. Ты вѣдь не боишься?

— Нѣтъ. А гдѣ мама?—вдругъ спросилъ Яша.

— Мама пріѣдетъ послѣ. Ей теперь некогда,—сказала Александра Петровна, усаживая его къ себѣ на колѣни.

Яша призадумался.

— Не хочу безъ мамы,—объявилъ онъ и сталъ сползать съ

колѣнъ Александры Петровны, съ явнымъ намѣреніемъ обратиться въ бѣгство.

— Что ты, милый!—всполошилась Александра Петровна,—мама пріѣдетъ, я сейчасъ за нею пошлю.

— Въ каретѣ?—спросилъ Яша и остановился.

— Ну да, въ каретѣ, какъ мы съ тобой пріѣхали. Я попрошу княжну, и она за ней пошлетъ. Ты только не волнуйся и когда будешь пѣть—смотри на меня. Слышишь?

— И на костюмъ тоже,—прошепталъ Яша.

Крейцеровою сонатой, удивительно сыгранною пріѣзжимъ скрипачомъ и знаменитою піанисткой, закончилось второе отдѣленіе.

Артистическая вся наполнилась. Многіе обступили Александру Петровну, иронически освѣдомляясь о вновь открытомъ ею чудѣ. Она добродушно отражала насмѣшки. Княжна сидѣла съ гладко выбритымъ изящнымъ старикомъ, къ которому почти всѣ присутствующіе относились съ любезностью, очень похожею на подобострастіе. Это былъ Горбовскій, весьма вліятельный сановникъ.

Въ молодости либералъ, даже красный, онъ во-время успѣлъ остановиться и, что еще труднѣе, съумѣлъ сохранить симпатіи во всѣхъ лагеряхъ. Онъ никогда ничего ни для кого не дѣлалъ, но, владѣя въ высшей степени искусствомъ привѣтливаго обращенія, никогда никому не отказывалъ въ сочувствіи.

Всѣ уходили отъ него обласканные и очарованные; никто на него не сердился, наоборотъ всѣ считали прекраснѣйшимъ человѣкомъ. Скептики, правда, называли его Талейраномъ, а то и просто старою лисицей, но они же, при отдаленномъ намекѣ на «неблагополучіе» прибѣгали къ нему за поддержкой и наставленіемъ. Княжна преклонялась передъ его умомъ и теперь возлагала на него всѣ свои надежды.

— Онъ такой геніальный!—говорила она Александрѣ Петровнѣ,—онъ ужъ устроитъ намъ жительство для нашего маленькаго чуда.

Началось второе отдѣленіе.

Когда Яша, въ сопровожденіи Александры Петровны, появился на эстрадѣ—на многихъ лицахъ мелькнуло выраженіе недоумѣнія.

— Это что еще такое будетъ? — спрашивали другъ друга удивленнымъ шепотомъ меломаны и меценаты.

Яша широко раскрытыми глазами глядѣлъ на публику. Онъ не узнавалъ залу, въ которой вчера еще пѣлъ при княжнѣ подъ аккомпаниментъ Александры Петровны. Вчера въ залѣ было совсѣмъ темно, а теперь въ ней такой свѣтъ, что глазамъ больно.

Александра Петровна, вся красная и дрожащая, сѣла за рояль, шепча мальчику: «смотри на меня и не бойся». Но Яша не боялся. Онъ былъ пораженъ невиданнымъ зрѣлищемъ и такъ заинтересованъ, что, казалось, забылъ, для чего онъ здѣсь. Но, едва разда-

лись первыя ноты аккомпанемента, онъ насторожился и запѣлъ. Онъ запѣлъ старинную итальянскую молитву, которую, по желанію княжны, съ нимъ разучила Александра Петровна. Словъ нельзя было разобрать, только волны нѣжныхъ, чистыхъ звуковъ неслись въ залу. Какъ-то не вѣрилось, что они вылетаютъ изъ груди этого тщедушнаго, маленькаго существа. То были звуки надежды, радости, тихая печаль, свѣтлая и кроткая.

Александра Петровна ужъ не волновалась и вся сіяла гордостью побѣды. «Bauernlid» и «Ручей» Шуберта вызвали бурю восторга. Яша два раза повторилъ свою программу, а его вызывали и вызывали. Въ ребенкѣ проснулся артистъ. Онъ былъ упоенъ успѣхомъ, его черные глаза блистали торжествомъ, онъ кланялся и улыбался окружавшей его незнакомой толпѣ. Иностранный скрипачъ, цѣлуя, снялъ его съ эстрады и на рукахъ понесъ въ артистическую.

— Каковъ!—воскликнула княжна, увидавъ, что Горбовскій продолжаетъ аплодировать мальчику.

— Изумительно! Невѣроятно! Я никакъ не ожидалъ,—произнесъ сановникъ.

— Какъ я рада,—сказала княжна.—Присядемте тутъ; мнѣ нужно съ вами поговорить. Вы вѣдь побѣждены и теперь, надѣюсь, поможете мнѣ его устроить.

— Все, что отъ меня будетъ зависѣть, княжна. Но къ сожалѣнію, есть препятствія, противъ которыхъ я безсиленъ. Вѣдь этотъ маленькій волшебникъ, кажется, еврей?

— Конечно! Будь онъ китаецъ или абиссинецъ, я бы и безъ васъ его устроила,—довольно рѣзко возразила княжна.

Банкирша, сидѣвшая съ дочерью въ первомъ ряду, чувствовала себя въ затруднительномъ положеніи. Она видѣла воочію, какъ весь этотъ чопорный beau monde восторгается сыномъ «нищей» и ей было досадно за свой промахъ.

— Кто бы могъ этому повѣрить,—обратилась она къ старшей дочери. Та сдѣлала презрительную гримасу.

— А вы-то! чуть не выгнали эту несчастную женщину. Вотъ видите! не всегда значитъ: если бѣднякъ, то ужъ естественный грабитель.

— Нельзя ли хоть тутъ безъ домашнихъ сценъ,—процѣдила сквозь зубы Нелли, младшая дочь банкирши.—Tu es stupide, Emma... Мама, на насъ плыветъ Стоцкая. Какъ намазана!

Пашетъ привѣтствовала ихъ самою обворожительной улыбкой.

— Здравствуйте, Берта Михайловна. Нелли, до чего вы сегодня интересны! Меня ужъ спрашивали о васъ. Кто? не скажу!.. А у Эммы лицо Юдиѳи. Вѣдь это Юдиѳь убила Олоферна? Ха-ха-ха, не сердитесь! Я шучу. Вы на меня не въ претензіи за мальчу-

тана, Берта Михайловна? Вѣдь въ самомъ дѣлѣ чудо! Вы какъ находите?

— Это необыкновенное явленіе,—начала банкирша.—Въ такой невѣжественной средѣ...

Пашетъ, испугавшись продолжительнаго краснорѣчія «боярыни Орши», остановила проходившую мимо княжну и представила ей мадамъ Якобсенъ и ея прелестныхъ дочерей. Княжна съ ласковой улыбкой пожала имъ всѣмъ руки и сказала:

— Надѣюсь, вы примете участіе въ судьбѣ этого замѣчательнаго ребенка?

— Это нашъ долгъ, княжна,—воскликнула банкирша.

— Разумѣется,—простодушно подтвердила княжна.—Вѣдь онъ вашъ единовѣрецъ, стало быть ближе вашему сердцу, чѣмъ всякій другой.

— О, это для меня безразлично. Для таланта нѣтъ націи,—напыщенно заявила банкирша.

Княжна посмотрѣла на нее съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, потомъ опять ласково поклонилась, извинившись, что она еще должна поблагодарить артистовъ, и направилась въ фойе.

Банкирша была разочарована: она разсчитывала на большее вниманіе со стороны княжны. Эмма иронически покосилась на мать. Нелли, вздернувъ свою красивую, бѣлокурую головку, промолвила:

— Rira mieux, qui rira le dernier.

Публика стала расходиться. Банкирша, обиженная и недовольная, съ шумомъ отодвигала ряды опустѣвшихъ стульевъ, чтобы скорѣе добраться до выхода, не замѣчая обращенныхъ на нее со всѣхъ сторонъ любопытныхъ взглядовъ. Дочери, соединенныя въ общемъ негодованіи на мать, выступали медленно, тихо разговаривая между собою, и съ такимъ независимымъ видомъ, словно несшаяся впереди ихъ женщина была имъ совершенно чужая.

XII.

Начались хлопоты... Княжна поѣхала къ Горбовскому и была крайне изумлена когда, вмѣсто любезности и готовности къ услугамъ, она встрѣтила совсѣмъ для нея непривычное упорство и оффиціальную непроницаемость.

— Вѣдь вы его слышали,—убѣждала княжна.—Вѣдь это талантъ изъ ряду вонъ.

— Я въ музыкѣ профанъ, княжна, однако знаю, что изъ такъ называемыхъ Wunderkind'овъ большею частью ничего не выходитъ.

— Послушайте,—мягко возражала княжна,—это съ вашей стороны какое-то непонятное упрямство. Я старая музыкантша, и говорю вамъ: передъ нами рѣдкій, можетъ быть, великій талантъ.

— Но, онъ еврей, княжна. Евреи, за исключеніемъ нѣсколькихъ категерій, по закону не имѣютъ права жительства внѣ черты еврейской осѣдлости. Я отлично понимаю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это—довольно жестокая штука, но поймите, что я ничего противъ этого не могу... И хоть бы дѣло шло объ одномъ мальчикѣ, а то, вопреки ясному закону, надо разрѣшить пребываніе въ столицѣ цѣлой семьѣ какихъ-то проходимцевъ.

— Не думаю, чтобы столицѣ отъ этого угрожала опасность,—язвительно замѣтила княжна,—et en fait de «проходимцы»,—прибавила она,—ils ne seront pas les seuls.

Сановникъ сочувственно осклабился.

— Право, княжна, васъ увлекаетъ ваше доброе сердце. Повѣрьте, эта компанія отлично пристроится. Они такіе мастера обходить законъ.

Княжна вдругъ вспылила.

— Знаете ли вы, что я вамъ скажу, мой милый,—воскликнула она,—вы меня удивляете. Я не имѣю претензій быть... быть... une frondeuse enfin. Но если бы со мной такъ обращались, какъ съ ними et bien! telle que vous me voyez, я бы тоже стала обходить законъ. Только бы и думала, какъ бы это мнѣ обойти законъ.

Горбоскій засуетился.

— Voyons, voyons. Поймите, княжна, я *не не хочу*, а *не могу* исполнить ваше желаніе. Да окрестите вы ихъ! Чего проще.

— Je ne demanderais pas mieux,—вздохнула княжна,—но это не возможно.

— Не желаютъ? Ну, еще бы. Этакіе закоренѣлые фанатики,—сказалъ Горбовскій.—Я вижу только одинъ исходъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ немного.

— Какой?

— Поселите ихъ у себя въ домѣ, княжна,—промолвилъ Горбовскій съ самымъ невиннымъ видомъ.—У васъ ихъ никто не потревожитъ. Можно даже сказать кому слѣдуетъ, что бы на этотъ «безпорядокъ» глядѣли сквозь пальцы.

Княжна разсердилась не на шутку.—Ah mais!.. ah mais.. elle est bien bonne celle là... Vous êtes d'un jolit oupet... предлагать мнѣ... княжна запнулась, подыскивая слово—предлагать мнѣ такую канитель, — докончила она. — Скажите прямо, что вы мнѣ отказываете.

— Да нѣтъ же, княжна. Ну хорошо, я постараюсь! Дайте мнѣ только время... я придумаю.

— Какъ «обойти законъ»,—подсказала княжна, уже успокоенная и смѣясь.

— C'est ça,—отвѣтилъ Горбовскій, также смѣясь.

Княжна уѣхала отъ него довольная, увѣренная, что она поставила на своемъ и не поддалась «Талейрану»!

«Талейранъ» тоже былъ доволенъ, что онъ такъ ловко спровадилъ несносную старуху.—Quel rasoir!—ворчалъ онъ,—воображаетъ, что ей все позволено.

Княжна сообщила Александрѣ Петровнѣ о своемъ успѣхѣ у Горбовскаго.

— Теперь вы ужъ прямо отъ моего имени обращайтесь къ нему,—сказала она.—Онъ обѣщалъ. Положимъ, онъ «Тайлеранъ!» Но меня онъ обмануть не посмѣетъ.

Александра Петровна разсыпалась въ благодарностяхъ...

XIII.

Прошла недѣля. Отвѣта отъ Горбовскаго не было, Александра Петровна отправилась къ «Тайлерану». Онъ ее не принялъ. Тогда она опять бросилась къ княжнѣ,но, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, попала къ ней въ неудобую минуту: княжна собиралась въ засѣданіе комитета новаго благотворительнаго общества. Тѣмъ не менѣе она съ обычною привѣтливостью выслушала Александру Петровну, сказала, что «Талейранъ» невыносимъ, и что она ему намылитъ голову.

Въ такомъ напряженномъ ожиданіи прошла еще недѣля. Мадамъ Пинкусъ не дремала и стала облаживать дѣло съ «другого конца», какъ она выражалась. Она опять принялась за богачей единовѣрцевъ. Ни одинъ отъ нея не укрылся. Всюду она кланялась, плакала, унижалась... Нѣкоторые откупались отъ нея болѣе или менѣе щедрою данью, но она не унималась, приходила снова и такъ подъ конецъ надоѣла, что почти во всѣхъ домахъ приказано было не пускать ее на порогъ. Особенно не повезло ей у банкирши. Мысль, что этой аристократкѣ, этой взысканной судьбой счастливицѣ ничего не стоитъ ее спасти, постоянно сверлила въ мозгу мадамъ Пинкусъ, не давала ей покоя и обратилась въ нестерпимую idée fixe.

И вотъ она стала являться къ банкиршѣ каждый день. Ей отказывали, говорили, что барыни дома нѣтъ, что она больна, занята. Мадамъ Пинкусъ уходила и на слѣдующій день упорно возвращалась назадъ. Швейцаръ такъ привыкъ къ ея появленію, что перестадъ обращать на нее вниманіе и лишь изъ чувства профессіональнаго долга убѣдительно просилъ оставить ихъ, наконецъ, въ покоѣ.

— Однѣ изъ-за васъ непріятности—объяснялъ онъ ей.—Мнѣ выговариваютъ: «зачѣмъ пускаешь»... А что я могу подѣлать! Не въ драку же съ вами лѣзть.

Однажды она все-таки добилась, если не свиданья, то лицезрѣнія банкирши.

Швейцаръ въ этотъ день былъ не въ духѣ и безъ разгово-

ровъ захлопнулъ передъ ея носомъ тяжелую, какъ порталъ храма, дверь. Мадамъ Пинкусъ постояла нѣсколько минутъ въ раздумьи, потерла рукой лобъ и медленными шагами побрела къ воротамъ. Тутъ она остановилась на мгновенье и затѣмъ, словно повинуясь какой-то роковой силѣ, повернула назадъ къ грандіознымъ каріатидамъ банкирскаго полацца. Она тупо смотрѣла на чудовищные мускулы каменныхъ геркулесовъ, и въ головѣ ея проносились совершенно нелѣпыя мысли.

«Сколько, напримѣръ, могутъ стоить эти голые истуканы?» думала она. Семь тысячъ навѣрное, а можетъ быть и десять. Что, еслибъ у нея очутились такія деньги! Вѣдь она могла бы спокойно прожить всю жизнь... Или еслибъ ей дали только то, что въ этомъ домѣ проживается въ одинъ день! Ужъ она бы имъ показала!.. Она бы увезла Яшу за границу, и тогда они бы узнали, *кого* они отъ себя выпустили...

Изъ этихъ мечтаній ее пробудилъ мѣрный топотъ лошадиныхъ копытъ и мягкій стукъ колесъ по асфальту Она подняла глаза и увидала щегольскую коляску, запряженную парой золотисто-рыжихъ лошадей. Выбритый кучеръ, въ темной ливреѣ, въ бѣлыхъ штанахъ въ обтяжку и лакированныхъ сапогахъ, съ длиннымъ бичомъ въ рукѣ, возсѣдалъ на козлахъ Лакей, въ такой же ливреѣ, вмѣстѣ со швейцаромъ, подсаживалъ въ коляску банкиршу и Эмму. Мадамъ Пинкусъ вздрогнула, кинулась впередъ и стала умолять банкиршу удѣлить ей пять минутъ. Та даже не обернулась, надменно усѣлась въ экипажъ и такъ повелительно посмотрѣла на остановившуюся въ нерѣшительности дочь, что та моментально прыгнула въ коляску.

Тогда мадамъ Пинкусъ заговорила быстро-быстро на жаргонѣ. Она кричала банкиршѣ, что Богъ ее накажетъ за гордость, что грѣхъ забывать своихъ братьевъ, что она тоже еврейка, что ангелъ смерти не боится высокихъ лѣстницъ... И бѣжала въ догонку за экипажемъ, выкрикивая самыя ядовитыя, самыя изступленныя ругательства. Банкирша, крѣпко сжавъ губы, пристально глядѣла въ пространство, а мадамъ Пинкусъ все яростнѣе сыпала ей вслѣдъ проклятія. Эмма не выдержала, и вынувъ изъ плюшеваго мѣшочка кошелекъ—бросила его мадамъ Пинкусъ и съ нервною дрожью закуталась въ кружевной шарфъ, зажмурила глаза, лишь бы не видѣть этотъ жалкій, жестикулирующій силуэтъ...

У Александры Петровны мадамъ Пинкусъ ждала новая непріятность. Не успѣла она раздѣться, какъ Дуняша ее огорошила словами:—Вы не больно тутъ располагайтесь. И то намъ за васъ штрафъ платить приходится. За свою же простоту и плати. Недаромъ пословица говоритъ—простота хуже воровства.

— Штрафъ? — испуганно, пролепетала мадамъ Пинкусъ.—За что штрафъ?

— А за то, что безпашпортныхъ держимъ. Дворникъ былъ... Зачѣмъ, говоритъ, неизвѣстную личность укрываете? За это, говоритъ, и вамъ и намъ можетъ быть плохо».

Дуняша умолкла, удовлетворенная произведеннымъ эффектомъ (Мадамъ Пинкусъ побѣлѣла, какъ скатерть).

— Вы ужъ, тамъ на меня сердитесь,—начала опять Дуняша,— а только я барышнѣ сказала. Своя рубашка ближе къ тѣлу. Сами не молоденькая... Можете понять. И то Александра Петровна изъ за васъ извелась. Всегда всѣ къ ней съ почетомъ съ уваженіемъ, а тутъ на-ко-ся! Тому кланяйся, этого проси и отовсюду тебѣ отказъ.

Мадамъ Пинкусъ не возражала. Это еще больше раззадорило Дуняшу.

— Стало быть, ваше такое назначеніе, — продолжала она, — нѣтъ вамъ ходу. Ну и покорись. Лбомъ, молъ, стѣнку не прошибешь и противъ рожна прать тоже нечего. Погостили—и будетъ. Опять же и объ мальчикѣ надо подумать. Онъ объ себѣ теперь, все равно какъ о господскомъ ребенкѣ мечтаетъ. А между прочимъ, капиталы для него еще не припасены. Вѣдь вотъ изъ вашихъ же евреевъ, которые богатые—сами же вы говорили— никакого объ васъ попеченія не имѣютъ. Тутъ вы, нѣтъ васъ— для нихъ все единственно...

Мадамъ Пинкусъ, все время молчавшая, ошеломленная натискомъ Дуняши, вдругъ закрыла руками лицо и громко заплакала.

У Дуняши сразу простылъ гнѣвъ.

— Ну чего вы! Господь съ вами... Развѣ я вамъ что въ обиду... Да перестаньте вы ради Христа. Услышитъ Александра Петровна... такая непріятность можетъ выйти...

Мадамъ Пинкусъ затихла, но рукъ отъ лица не отнимала, и слезы, просачиваясь между ея худыми, сжатыми пальцами, падали одна за другою скупыми, тяжелыми каплями.

— Вы говорите, — начала она, захлебываясь отъ подступающихъ рыданій,—что *имъ*, богачамъ нашимъ, все равно, живемъ мы или умираемъ. Нѣтъ! они бы радовались, если бы всѣ бѣдные евреи околѣли, задохнулись... Они стыдятся своихъ братьевъ! Они хуже, чѣмъ отщепенцы... Будь они прокляты изъ рода въ родъ... Отъ нихъ все наше несчастье и горе.

Послѣднія слова вырвались изъ груди мадамъ Пинкусъ такимъ негодующимъ крикомъ, что Дуняша оторопѣла. Она налила въ стаканъ воды и настойчиво поднесла его къ губамъ мадамъ Пинкусъ

— Выпейте, выпейте, а то сердце зайдется. Грѣхъ какой... Нехорошо такъ завиствовать. Это дѣло Божье. Кому много, а кому и вовсе ничего. Его воля. А роптать грѣхъ. За это и на томъ свѣтѣ не похвалятъ.

Мадамъ Пинкусъ отхлебнула нѣсколько глотковъ и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, заговорила въ болѣе спокойномъ тонѣ.

— Будетъ, Дуняша. Извините за безпокойство. Что дѣлать! человѣкъ не камень, иногда вырвется лишнее. Не думайте только, что я заплачу худомъ за ваше добро. Такихъ людей, какъ Александра Петровна, и между святыми немного. Не будетъ она за меня имѣть непріятности. Мы сегодня уѣдемъ... Насильно ничего нельзя получить...

Дуняша расчувствовалась. Перспектива избавленія отъ мадамъ Пинкусъ и Яши ее обрадовала чрезвычайно. Ихъ присутствіе нарушало обычайный порядокъ жизни. Это былъ чуждый, бродяжническій элементъ, который дѣйствовалъ раздражающе на ея уравновѣшенную натуру. Она немедленно сообщила Александрѣ Петровнѣ, что мадамъ Пинкусъ и Яша отбываютъ на родину, и строго внушила своей хозяйкѣ ихъ зря не задерживать.

— Лучше ей своею волей уѣхать, пока полиція не пронюхала. Дворникъ такъ и сказалъ: «до вечера потерплю, а тамъ, чтобы ихъ духу въ квартирѣ не было».

Александра Петровна понимала неотразимую силу обстоятельствъ, но это ее мало утѣшало, и когда мадамъ Пинкусъ съ новымъ потокомъ слезъ стала благодарить ее за ласку и милосердіе, она закусила губы, чтобы не расплакаться.

— Вѣдь я же ничего, ничего не съумѣла для васъ сдѣлать,— бормотала она, смущенная и разстроенная.—Такая, право, неудача... просто непостижимо. Обѣщали, обѣщали и все налгали. Ахъ, въ какое подлое время мы живемъ! — воскликнула она. — Одеревенѣли сердца у людей. Ни талантовъ, ни души—ничего не нужно. Зачѣмъ артисты? Есть ремесленники—и ладно. Прежде, лѣтъ 25 тому назадъ, у васъ бы вашего мальчика съ руками оторвали. А теперь кого просить! Кому дорого искусство! Нѣтъ Николая Григорьича, нѣтъ Чайковскаго, нѣтъ Антона Григорьича, никого, никого нѣтъ...

Мадамъ Пинкусъ слушала, вздыхала и тихо плакала.

Когда мать сказала Яшѣ, что они уѣзжаютъ въ Кишиневъ, онъ категорически заявилъ, что не поѣдетъ.

— Пусть мама поѣдетъ одна,—обратился онъ къ Александрѣ Петровнѣ,—а я останусь съ вами. Мнѣ тутъ очень нравится.

Александра Петровна вздохнула.

— Ты опять пріѣдешъ ко мнѣ, Яшенька, только послѣ. Я скоро уѣзжаю и учить тебя теперь не могу. А послѣ, осенью, я вернусь сюда и мама опять тебя привезетъ.

— Не хочу и не хочу,—возразилъ Яша.

— А развѣ тебѣ не жалко отпускать меня одну?—сказала мать.— И неужели ты не соскучился за папой, за Идочкой?

— Я имъ напишу письмо,—отвѣчалъ Яша.

— Развѣ я могу безъ тебя уѣхать? Что ты, Яша, совсѣмъ глупый сталъ!

— Ты пріѣдешь послѣ опять. Я тебѣ тоже напишу письмо въ конвертѣ и съ маркой.

Мадамъ Пинкусъ начала увѣщевать Яшу на жаргонѣ. По мѣрѣ того, какъ она говорила, личико Яши вытягивалось и блѣднѣло. Вдругъ онъ разразился судорожнымъ плачемъ, уткнулся головой въ колѣни матери и сталъ кричать:

— Я боюсь, я боюсь...

— Что вы ему сказали? Зачѣмъ вы пугаете ребенка!—съ упрекомъ промолвила Александра Петровна.

— Я сказала ему правду. Если про насъ узнаетъ полиція, насъ посадятъ въ острогъ, какъ воровъ и отправятъ домой съ солдатами, какъ разбойниковъ.

— Господь съ вами! Хоть бы пожалѣли ребенка, чѣмъ онъ виноватъ,—возмутилась Александра—Петровна. Не бойся, Яша, не плачь! никто тебя не обидитъ. Мама пошутила. Я тебѣ обѣщаю, что ты скоро вернешься сюда. Я буду тебя учить пѣть, ты выростешь большой и умный, будешь пѣть въ театрѣ... У тебя будетъ чудесный домъ и рояль...

Яша пересталъ на минуту плакать и спросилъ:

— А лошадка... тоже будетъ?

Александра Петровна невольно усмѣхнулась.—И лошадка тоже Только будь умница. Ужъ я тебя не обману.

Яша понемногу угомонился, но отъ обильныхъ слезъ лицо его осунулось и приняло прежнее пугливое, старческое выраженіе.

Послѣ обѣда, за которымъ почти никто не ѣлъ, мадамъ Пинкусъ отправилась къ родственникамъ собрать свои пожитки. Александра Петровна уѣхала въ городъ. Яша остался въ квартирѣ одинъ. Это случалось и раньше, но онъ не скучалъ: пѣлъ, бѣгалъ по комнатамъ или наслаждался своею любимою игрой, которая состояла въ томъ, что, усѣвшись на стулъ, онъ закидывалъ на спинку другого стула бичовку или тесемку и пускался въ нескончаемыя путешествія. Теперь же онъ забрался съ ногами въ глубокое кресло Александры Петровны и, сгорбившись, какъ старичокъ, сидѣлъ тихо-тихо, какъ бы погруженный въ глубокое раздумье. Дуняша позвала его въ кухню пить чай. Онъ поднялъ на нее свои печальные глаза и отрицательно мотнулъ головой своимъ привычнымъ жестомъ.

— Чего насупился, какъ мышь на крупу? Иди, коли зовутъ, я вареньица дамъ...

Яша опять безмолвно кивнулъ головой и отвернулся. Онъ разлюбилъ Дуняшу и не желалъ съ нею пить чай.

— Ну, какъ знаешь,—проворчала Дуняша и ушла.

Александра Петровна вернулась, нагруженная свертками. Тутъ

были и книжки съ картинками, и кубики, и ноты, и огромная, выше Яши, лошадь-качалка, и пальто, и сапоги, и шапка. У Яши опять вспыхнули глаза и разгорѣлись щечки. Онъ съ восторгомъ обнималъ лошадь, и облачившись въ пальто и шапку, ни за что не хотѣлъ снимать ни того, ни другого. Скоро появилась и мадамъ Пинкусъ. Яша показалъ ей свои обновки. Она разсѣянно посмотрѣла на него, на игрушки и сказала, что пора ѣхать. Тогда Яша опять расплакался и, сложивъ руки, сталъ умолять Александру Петровну позволить ему и мамѣ еще хоть одну эту ночь ночевать здѣсь. «А завтра мы уѣдемъ», говорилъ онъ.

Александра Петровна гладила его по головкѣ, цѣловала, клялась, что скоро сама за нимъ пріѣдетъ. Потомъ она увела къ себѣ въ спальню мадамъ Пинкусъ. Тамъ онѣ о чемъ-то спорили, Яша слышалъ, какъ мать его рыдала и отчего-то отказывалась, а Александра Петровна ее убѣждала: «пожалуйста, ну прошу васъ...» Когда онѣ вернулись въ столовую, у обѣихъ были заплаканныя лица.

Наскоро выпили чаю. На Яшу надѣли новое пальто и шапку. Дуняша быстро уложила въ корзинку его игрушки и вещи...

На вокзалъ они пріѣхали за полчаса до поѣзда.

Александра Петровна всячески утѣшала мадамъ Пинкусъ, обѣщала ей писать, просила беречь Яшу и повторяла, что много-много черезъ годъ устроитъ ей это возмутительное «жительство»... Мадамъ Пинкусъ благодарила, но видно было, что она не вѣритъ ни одному слову—не потому, что бы она сомнѣвалась въ добрыхъ намѣреніяхъ Александры Петровны, а потому, что «для евревъ нѣтъ правды на землѣ, дорогая моя госпожа профессорша». Съ помощью Дуняши, храбро протолкавшейся черезъ плотную массу пассажировъ, мадамъ Пинкусъ раздобыла себѣ мѣстечко у окошка. Народу въ III-емъ классѣ было видимо-невидимо.

Пробилъ второй звонокъ. Александра Петровна и Дуняша стояли передъ тусклымъ окномъ вагона, откуда имъ кланялась мадамъ Пинкусъ. Вмѣстѣ съ нею кланялась и ея шляпа, на которой дрожалъ измятый—огненно-красный цвѣтокъ.

— Прощай Яша, до свиданья, мой милый мальчикъ, не грусти, мы скоро увидимся,—кричала Александра Петровна.

Яша не отвѣчалъ. Его блѣдныя губы были печально сжаты, а въ его большихъ, не дѣтскихъ глазахъ точно застылъ упрекъ...

Поѣздъ загромыхалъ и поползъ, лязгая и пыхтя всѣмъ своимъ длиннымъ, неуклюжимъ корпусомъ. Александра Петровна побѣжала было впередъ, чтобы еще помахать платкомъ уѣзжающимъ, но ее остановила Дуняша.

— Даже совѣстно,—сказала она строго,—словно кровныхъ родныхъ провожаете...

Р. М. Хинъ.

ИЗЪ МЕМУАРОВЪ КРЮГЕРА.

Въ трудные исторические моменты почти всякій народъ выдвигаетъ изъ своей среды человѣка, воплощающаго въ себѣ всѣ типическія достоинства и недостатки даннаго народа. Разсѣянныя и растворенныя индивидуальными особенностями, черты національнаго типа собираются въ немъ, какъ въ фокусѣ, и создаютъ крупнаго историческаго дѣятеля. Сила такого человѣка именно въ томъ, что онъ инстинктивно раздѣляетъ преобладающія народныя симпатіи и антипатіи и безошибочно идетъ въ томъ направленіи, въ какомъ желало бы идти большинство.

Иногда такой человѣкъ является выразителемъ свѣтлой и прогрессивной исторической идеи, борцомъ за народную свободу и независимость. Служа своему народу, онъ въ то же время вноситъ нѣчто въ общую сокровищницу человѣчества, открываетъ передъ нимъ новые горизонты. Въ другія эпохи такой человѣкъ можетъ быть, наоборотъ, силой реакціонной, воплощать въ себѣ худшія, узко національныя, шовинистическія стремленія своего народа.

Припомнимъ хотя бы Бисмарка, воплотившаго въ себѣ идею національнаго объединенія и военнаго могущества Германіи. Долгое время онъ твердою рукой направлялъ внѣшнюю и внутреннюю политику своей страны, опираясь на стремленія большинства, въ данномъ случаѣ далеко не прогрессивнаго. Съ другой стороны, вспомнимъ Гарибальди, этого народнаго героя, зажигавшаго однимъ своимъ появленіемъ пламенное мужество въ своемъ народѣ и въ то же время вызывавшаго энтузіазмъ и въ другихъ странахъ. Конечно, не всегда успѣхъ вѣнчаетъ дѣло народнаго вождя, но это зависитъ уже отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и не можетъ быть поставлено въ вину ни ему, ни его народу.

Маленькая Трансваальская республика тоже создала своего народнаго героя и до конца оставалась вѣрна его дѣлу. Этимъ народнымъ героемъ былъ Крюгеръ, ея безсмѣнный президентъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ. Въ его «Мемуарахъ», какъ въ зеркалѣ, отражается характеръ и жизнь типичнаго гражданина своеобразной крестьянской республики.

Благодаря особымъ историческимъ и географическимъ условіямъ, буры создали дѣйствительно свой собственный національный типъ, соединившій въ себѣ черты ихъ европейскихъ предковъ—голландцевъ—съ новыми, выработавшимися въ первобытныхъ условіяхъ африканской жизни. Это уже не европейцы, но и не африканцы, а африкандеры, какъ они сами себя называютъ въ отличіе отъ уитлендеровъ (иностранцевъ), новѣйшихъ переселенцевъ изъ Европы.

Изъ своей прежней родины буры вывезли привычку къ домовитой и хозяйственной фермерской жизни. На новыхъ мѣстахъ имъ пришлось вить свои мирныя семейныя гнѣзда въ пустынныхъ степяхъ, подъ опасеніемъ постоянныхъ нападеній дикихъ звѣрей и дикихъ сосѣдей-туземцевъ. Эти безостановочныя вынужденныя охоты и непрерывныя войны съ кафрами развили въ нихъ рѣшительность и неустрашимость. Съ другой стороны, вѣчныя нападенія разныхъ туземныхъ племенъ, мѣшавшія имъ зажить тою мирною домашнею жизнью, о которой они все время мечтали, вызвали у нихъ далеко не дружелюбныя чувства къ темнокожимъ обитателямъ Африки. Здѣсь именно надо искать корня того презрительнаго отношенія къ цвѣтнымъ расамъ, которое такъ возмущаетъ въ нихъ англичанъ. Это, скорѣе, не презрѣніе, а неостывшее еще мстительное чувство къ недавнимъ врагамъ, долгіе годы отравлявшимъ ихъ существованіе. Не надо забывать, что буры переселились въ южную Африку совсѣмъ не съ цивилизаторскими или миссіонерскими цѣлями, они просто искали мѣстъ, гдѣ могли бы спокойно жить по своему. Даже въ отношеніи условій своей собственной жизни у нихъ не было никакихъ прогрессивныхъ стремленій. Они мечтали только о томъ, чтобы имъ не мѣшали жить сообразно съ ихъ вкусами. А вкусы эти были очень просты и непритязательны. Крестьянскій домъ, лишенный всякаго комфорта, достаточное количество скота, домашняя Библія, изрѣдка газета,—вотъ и весь ихъ скромный обиходъ. Нельзя сказать, чтобы они были чрезмѣрно трудолюбивы,—многочисленные слуги, по большей части темнокожіе, составляютъ необходимую принадлежность всякаго бурскаго хозяйства. Отношенія между господами и слугами далеко не идеальныя. Англійскіе миссіонеры разсказываютъ множество анекдотовъ о жестокости буровъ со своими рабочими, которыхъ они, будто бы, не считаютъ за людей и при случаѣ готовы въ буквальномъ смыслѣ ѣздить на нихъ, какъ на упряжныхъ животныхъ. Буры съ своей стороны жалуются на крайнюю злопамятность, лживость и тупость туземцевъ.

И, надо сказать, что ни самъ Крюгеръ, ни другіе его соотечественники не стараются особенно поднять столь низкій уровень развитія туземцевъ. Впрочемъ, они и сами довольствуются довольно скуднымъ образованіемъ. Дальше первоначальной школы они рѣдко заходятъ, да и школу-то посѣщаютъ очень немногія дѣти. Фермы разбросаны далеко другъ отъ друга, и не живущимъ въ городѣ посѣщать школу

не всегда удобно, да и не всегда безопасно. Благодаря этой же разбросанности фермъ, буры живутъ очень разобщенно, сношенія между отдѣльными семьями довольно неоживленныя и не особенно дружескія. Ссоры и различныя столкновенія составляютъ обычное явленіе. Только въ минуты общей опасности они забываютъ всѣ взаимныя неудовольствія и, какъ одинъ человѣкъ, готовы встать на защиту того, что имъ всего дороже—своей независимости и своей родины.

Весь культурный типъ буровъ—во всѣхъ и положительныхъ, и отрицательныхъ чертахъ—такъ сложился, что онъ долженъ былъ неминуемо привести ихъ къ столкновенію съ англичанами, какъ только ихъ историческіе пути гдѣ-нибудь встрѣтятся. И дѣйствительно, эти столкновенія начались еще въ первой африканской родинѣ буровъ — Капландѣ, гдѣ они жили до образованія Трансвааля. Едва англичане, по трактату 1814 года, пріобрѣли у голландцевъ ихъ старинную колонію Капландъ, какъ у нихъ начались нелады съ мѣстнымъ бѣлымъ населеніемъ. Англичане встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны буровъ и въ своихъ стремленіяхъ къ цивилизаціи, и къ энглизированью края. Буры желали сохранить въ полной неприкосновенности и свои учрежденія, и свой языкъ, и свои обычаи. Всякую попытку англичанъ измѣнить нѣсколько привычныя условія ихъ жизни они встрѣчали упорнымъ недоброжелательствомъ и пассивнымъ сопротивленіемъ. Они отказывались платить новые налоги, не посѣщали вновь открывающіяся школы, враждебно встрѣчали англійскихъ чиновниковъ и осыпали жалобами на притѣсненія британское правительство. Такое смутное положеніе, то ухудшаясь, то улучшаясь въ зависимости отъ личностей англійскихъ уполномоченныхъ, длилось довольно долго. Поводомъ къ окончательному возмущенію послужила полная отмѣна рабства, вотированная англійскимъ парламентомъ въ 1833 году. Дѣйствительно, эта сама по себѣ гуманная и абсолютно справедливая мѣра была приведена въ исполненіе въ довольно несправедливой формѣ.

«Они тогда освободили рабовъ,—замѣчаетъ Крюгеръ,—когда перепродали ихъ всѣхъ намъ по высокой цѣнѣ». Допустимъ, что въ этихъ словахъ чувствуется пристрастіе непримиримаго врага англичанъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что способъ осуществленія этой реформы не могъ не раздражить мѣстное населеніе. Все хозяйство въ Капской колоніи было основано въ то время на рабскомъ трудѣ. Когда парламентъ декретировалъ принудительный выкупъ рабовъ по цѣнѣ, втрое ниже рыночной, это произвело громадный подрывъ въ хозяйственной жизни страны и вызвало глухое неудовольствіе. Но когда, вслѣдъ за этимъ, было постановлено, что за полученіемъ выкупа рабовладѣльцы должны пріѣзжать въ Лондонъ, тайное неудовольствіе перешло въ открытое возмущеніе. Послѣдняя мѣра была равносильна полному разоренію всѣхъ мелкихъ фермеровъ.

Возстаніе противъ болѣе многочисленнаго и лучше вооруженнаго

врага не сулило побѣды, и вотъ начинается единственное въ своемъ родѣ въ исторіи движеніе, напоминающее библейскій исходъ евреевъ изъ Египта,—переселеніе цѣлаго народа на новыя мѣста. «Мы покидаемъ ужасную страну—нашу родину,—гласитъ бурская прокламація 1836 г.,—гдѣ мы потерпѣли неисчислимыя потери и вынесли тяжелыя притѣсненія, и мы отправляемся въ чуждую, исполненную опасностей страну, но мы идемъ съ твердой вѣрой во всевидящаго, справедливаго и милосерднаго Бога».

На каждой фермѣ запрягались волы, возы нагружались домашнимъ скарбомъ и со всѣхъ сторонъ мужественные піонеры, съ женами, съ дѣтьми, съ домашнимъ скотомъ направлялись на сѣверъ, въ неизвѣстныя страны, наполненныя дикими звѣрями и дикими враждебными племенами.

Среди этихъ переселенцевъ былъ и отецъ будущаго президента Трансваальской республики, Гаспаръ Крюгеръ. Самъ Крюгеръ, въ то время девятилѣтній мальчикъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ другими подростками, помогая отцу гнать стадо.

Переселеніе, или такъ называемый трэкъ, совершилось, конечно, не сразу, оно длилось долгіе мѣсяцы и даже годы, пока трэкеры не основались болѣе или менѣе прочно на новыхъ мѣстахъ. Первоначальные хозяева этихъ странъ, кафры, далеко не охотно уступали свои охотничьи земли бѣлымъ пришельцамъ, и тѣмъ приходилось шагъ за шагомъ отвоевывать себѣ мѣста для поселеній. Остановившись въ какомъ нибудь пунктѣ, переселенцы строили себѣ временныя хижины и старались даже въ этихъ случайныхъ жилищахъ устроиться на привычный ладъ «Они чувствовали,—говоритъ Крюгеръ,—что въ этихъ странахъ потерянное время не нагоняется», и особенное вниманіе обращали на воспитаніе молодого поколѣнія, «такъ какъ пренебреженіе имъ можетъ испортить всю расу». И въ этихъ трудныхъ условіяхъ посильныя занятія съ дѣтьми не прекращались. Послѣ обѣда каждая семья собиралась за столомъ и тутъ дѣтей поочередно заставляли читать отрывки изъ Библіи, разсказывать ихъ своими словами и писать наизусть разные духовные стихи. Иногда, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, поселенцамъ удавалось даже выстроить временную школу, и кто-нибудь изъ нихъ бралъ на себя обязанности учителя всѣхъ дѣтей данной группы.

Такую же школу прошелъ и молодой Крюгеръ. Къ 16-ти годамъ онъ уже считался человѣкомъ взрослымъ и самостоятельнымъ, имѣющимъ право на свое отдѣльное хозяйство. Въ 1842 году онъ устроилъ собственную ферму и женился. Эта первая жена его прожила недолго. Черезъ два года она умерла, и онъ вскорѣ женился на другой, отъ которой у него впослѣдствіи родилось 16 дѣтей. Ко времени его первой женитьбы та группа буровъ, къ которой принадлежалъ его отецъ, основалась на болѣе прочное жительство. Начинали уже

обозначаться границы той страны, которая позднѣе получила названіе Трансвааля, отъ рѣки Вааля, служившей впослѣдствіи границей между нею и Оранжевой республикой. Съ юго-востока и востока отъ отъ нихъ лежали англійская колонія Наталь и португальскія владѣнія, границу съ которыми, въ видѣ хребта Лимпопо, они опредѣлили тогда же, въ 1845 г. Съ сѣвера и сѣверо-запада граница ихъ поселеній тянется по рѣкѣ Лимпопо. Теперь она отдѣляетъ ихъ отъ Родезіи; тогда же и на сѣверъ, и на западъ отъ нихъ простирались земли разныхъ туземныхъ племенъ, которыхъ они постепенно вытѣсняли изъ занятой ими области. Сама эта область по своему протяженію не уступаетъ Германіи, и населеніе—даже и въ послѣднее время передъ войной очень еще рѣдкое—тогда совершенно терялось среди безконечныхъ прерій и дѣвственныхъ лѣсовъ, въ буквальномъ смыслѣ кишѣвшихъ дикими звѣрями. Львы, носороги, слоны, гіены и шакалы, доставляли бурамъ не меньше тревогъ, чѣмъ дикари. И тѣ, и другіе держали ихъ въ постоянномъ напряженіи, не позволяя хоть на время положить оружіе.

Съ 12-ти лѣтъ каждый мальчикъ получалъ уже въ свое владѣніе ружье и начиналъ принимать участіе въ охотахъ взрослыхъ. Крюгеру было 14 лѣтъ, когда онъ застрѣлилъ своего перваго льва. Отецъ и старшіе братья взяли его съ собой на охоту, какъ помощника. Когда левъ появился, они оставили Поля стеречь лошадей, а сами вышли навстрѣчу. Неожиданно левъ измѣнилъ направленіе и въ нѣсколько прыжковъ былъ уже около лошадей. Мальчикъ не растерялся и мѣткимъ выстрѣломъ уложилъ его на мѣстѣ. Другой разъ онъ охотился на антилопъ вмѣстѣ съ своимъ дядей и случайно, задумавшись, отсталъ отъ него на довольно значительное разстояніе. Вдругъ, опомнившись, онъ замѣтилъ, что къ нему приближаются сразу нѣсколько львовъ. Онъ сдержалъ лошадь, подпустилъ передняго на двадцать шаговъ и выстрѣлилъ. Смертельно раненый левъ попытался подняться, но упалъ мертвымъ, а остальные поспѣшно скрылись въ чащѣ. Всего, охотясь въ одиночку, онъ убилъ пять львовъ, не считая тѣхъ, которыхъ онъ убивалъ на общихъ охотахъ.

Но охота на львовъ еще пожалуй не самая опасная въ тѣхъ мѣстахъ. Буйволы и носороги не менѣе страшны. Нѣсколько разъ, во время охоты за ними, Крюгеръ былъ на волосокъ отъ смерти. Въ высшей степени характеренъ тотъ спокойный эпическій тонъ, какимъ онъ передаетъ свои охотничьи похожденія. Въ немъ незамѣтно не только обычной въ этого рода разсказахъ хвастливости, но не чувствуется даже ни тѣни волненія,—отраженія пережитыхъ опасностей. Однажды онъ вдвоемъ съ двоюроднымъ братомъ, Тёнисеномъ предпринялъ охоту на носороговъ. «У насъ было рѣшено сначала,—замѣчаетъ онъ,—что каждый изъ насъ имѣетъ право побить другого, если тотъ совершитъ какую-нибудь непростительную неосторожность или изъ тру-

сости упустить звѣря». Очень скоро они встрѣтили трехъ носороговъ—самца и двухъ самокъ. Крюгеръ пустился въ погоню за самцомъ и быстро покончилъ съ нимъ. Тотчасъ же онъ вернулся на помощь товарищу. Оказалось, что тотъ ранилъ одну изъ самокъ, а другая обратилась въ бѣгство. Не останавливаясь, онъ пустилъ свою лошадь въ погоню за ней.

— Не сходи съ лошади,—крикнулъ ему въ догонку товарищъ,—животное въ бѣшенствѣ.

«Зная преувеличенную осторожность Тениссена, — продолжаетъ Крюгеръ,—я не обратилъ вниманія на его предостереженіе и, догнавъ носорога, соскочилъ съ лошади и побѣжалъ на него съ ружьемъ. Онъ остановился и внезапно бросился на меня. Я подпустилъ его на три метра и спустилъ курокъ. Ружье дало осѣчку. Второй разъ стрѣлять было некогда, и я принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. По несчастью я запутался въ колючемъ кустарникѣ и упалъ лицомъ въ землю. Рогъ носорога скользнулъ по моей спинѣ, потомъ онъ прижалъ меня носомъ къ землѣ и собирался растоптать. Но тутъ мнѣ удалось повернуться, и я выстрѣлилъ ему въ грудь. Онъ подскочилъ и упалъ мертвымъ.

«Въ эту минуту подбѣжалъ Тениссенъ, увѣренный, что ружье мое случайно выстрѣлило во время борьбы, и что я раненъ, быть можетъ, смертельно. Когда онъ увидѣлъ, что я встаю невредимый, онъ бросился на меня съ бичемъ и, напомнивъ наши условія, началъ изо всѣхъ силъ бить меня въ наказаніе за излишнюю смѣлость и за невниманіе къ его предупрежденію. Напрасно я кричалъ, что мнѣ уже достаточно попало отъ звѣря, онъ ничего не хотѣлъ слушать. Только спрятавшись за кустъ, я спасся отъ его ударовъ. Впрочемъ,—хладнокровно заканчиваетъ Крюгеръ,—это былъ первый и послѣдній случай, когда онъ билъ меня».

Другой разъ съ тѣмъ же двоюроднымъ братомъ онъ охотился за буйволами. Буйволица, которую онъ преслѣдовалъ по пятамъ, скрылась въ густую чащу и вдругъ выскочила въ двухъ шагахъ отъ него. Стрѣлять было некогда, оставалось только бѣжать. Онъ сдѣлалъ быстрый прыжокъ въ сторону и неожиданно упалъ прямо въ скрытое въ чащѣ болото.

«Буйволица бросилась туда за мной,—разсказываетъ онъ,—и мое положеніе стало критическимъ, такъ какъ о ружьѣ нечего было и думать, оно упало въ воду. Буйволъ съ такой яростью кинулся на меня, что одинъ изъ его роговъ завязъ въ трясинѣ. Я схватилъ другой рогъ и попытался погрузить голову животнаго въ воду, чтобы задушить его. Это было не легко, такъ какъ рогъ былъ покрытъ тиной и скользилъ въ рукѣ. Я долженъ былъ схватиться обѣими руками и тянулъ изо всѣхъ силъ, какія мнѣ придавало мое отчаянное положеніе. Когда я почувствовалъ, что силы меня оставляютъ, я выхватилъ изъ-за пояса мой охотничій ножъ. Къ несчастью, одна рука была слишкомъ слаба,

чтобы удержать животное, и страшная голова сейчасъ же показалась на поверхности, но въ какомъ печальномъ видѣ!.. Мой противникъ, полузадохшійся, пускалъ слюны; тина, залѣпившая ему глаза, мѣшала ему видѣть. Однимъ прыжкомъ я выскочилъ изъ болота и спрятался въ кустахъ, а животное уже мчалось въ противоположную сторону. Когда оно скрылось, я прежде всего занялся спасеніемъ своего ружья. Я и самъ выглядѣлъ не лучше моего буйвола. Немного пообчистившись, я пустился въ погоню за остальнымъ стадомъ и на этотъ разъ мнѣ посчастливилось убить одного изъ животныхъ».

Нѣсколько разъ счастливо избѣгнувъ очень серьезныхъ опасностей, Крюгеръ едва не поплатился жизнью изъ-за самаго пустого въ сущности случая. Разсказъ его объ этомъ приключеніи очень характеренъ во многихъ отношеніяхъ.

Однажды онъ съ женой, двумя братьями и свояченицей предпринялъ маленькую экскурсію. Оставивъ женщинъ и повозки, мужчины отправились поохотиться. Невдалекѣ отъ стоянки Крюгеръ встрѣтилъ носорога. Первымъ выстрѣломъ ему удалось только ранить животное; тогда онъ соскочилъ съ лошади и приготовился выстрѣлить, когда разъяренное животное достаточно приблизится. Но вдругъ, въ ту минуту, когда онъ держалъ ружье лѣвой рукой за конецъ дула, оно выстрѣлило и оторвало ему кусокъ большого пальца. «Кусокъ пальца лежалъ у моихъ ногъ вмѣстѣ съ ружьемъ, выпавшимъ изъ рукъ. А носорогъ между тѣмъ приближался, не давая мнѣ времени даже погоревать о такомъ случаѣ. Однимъ прыжкомъ я вскочилъ на лошадь и помчался, преслѣдуемый раненымъ животнымъ. Только когда я перескочилъ черезъ маленькую рѣченку, онъ поскользнулся и упалъ, освободивъ меня отъ преслѣдованія... Рука моя была въ довольно плачевномъ видѣ. Кисть висѣла безъ движенія, а большой палецъ представлялъ сплошную окровавленную массу. Кровь лилась. какъ изъ зарѣзаннаго барана, хотя я и постарался на скаку обернуть раненую руку платкомъ, чтобы по возможности не запачкать шерсть своей лошади... Когда я подскакалъ къ костру, гдѣ сидѣла моя жена и свояченица, та вскричала:

— Что это за дичь ты везешь намъ?

«Дѣйствительно, платокъ такъ пропитался кровью, что имѣлъ видъ куска кроваваго мяса. Я сказалъ женѣ, чтобы она не подходила близко, а принесла, чѣмъ перевязать рану. Между тѣмъ свояченица моя стала снимать повязку и, увидѣвъ мой размозженный палецъ поблѣднѣла больше меня самого... Потомъ я послалъ младшаго брата въ сосѣдній поселокъ за скипидаромъ (это лучшее средство для остановки кровотеченія). Узнавъ, что со мной случилось, оттуда прибѣжалъ Потгитеръ съ братомъ.

«Увидѣвъ мою рану, Потгитеръ вскричалъ съ отчаяніемъ:

«— Нѣтъ, эта рана слишкомъ ужасна, она не можетъ зажить!—И онъ чуть не лишился чувствъ.

«Но братъ, вѣроятно, чтобы успокоить меня, сказалъ:

«— Ба! я видѣлъ гораздо болѣе страшныя раны, и скипидаръ вылечивалъ ихъ.

«Когда мы вернулись въ наше селеніе, опытные люди совѣтовали мнѣ позвать лекаря, чтобы онъ отрѣзалъ мнѣ руку. Но я нашелъ, что торопиться такъ не къ чему, да и не было у меня ни малѣйшей охоты давать себя рѣзать.

«Единственно, что казалось мнѣ необходимымъ—это отрѣзать лишній кусочекъ кости. Я взялъ свой карманный ножъ и хотѣлъ сейчасъ же произвести эту операцію, но у меня его отняли. Черезъ нѣсколько времени я все-таки добылъ себѣ ножъ и отрубилъ косточку, которая казалась мнѣ лишней, до того мѣста, какъ было нужно по моему.

«Кровь полилась опять довольно сильно, такъ что можно было опасаться серьезнаго кровотеченія, и, долженъ признаться, операція была далеко не безболѣзненна. Никакихъ анестезирующихъ средствъ у меня не было, такъ что я могъ пользоваться только самовнушеніемъ,—я старался убѣдить себя, что рука, которую я рѣжу, не моя.

«Выздоровленіе шло медленно. Женщины присыпали оставшійся обрубокъ мелкимъ сахаромъ, а я вскрывалъ рану ножомъ, чтобы выпускать испорченную кровь и счищать больное мясо. Потомъ у меня, къ несчастью, сдѣлалась гангрена. Ни одно изъ испытанныхъ средствъ не помогало. Между тѣмъ рана принимала дурной оборотъ: на всей рукѣ до плеча появились характерныя темнофіолетовыя полосы. Дѣло было плохо. Тогда застрѣлили газель, вскрыли ей животъ, и я погрузилъ руку въ ея дымящіяся внутренности. Это средство одной доброй женщины,—конечно, бурской,—произвело чудеса; когда надо было застрѣлить вторую газель, я уже былъ почти здоровъ. Впрочемъ, до полнаго заживленія раны прошло не меньше шести мѣсяцевъ.

«Я прибавлю только,—заканчиваетъ Крюгеръ,—что я приписываю дѣйствіе только что упомянутаго средства, тому обстоятельству, что откосы и прежнее русло Спекбома, гдѣ пасутся эти газели, сплошь покрыты разными лекарственными травами».

Нельзя не согласиться, что подобные пріемы леченія и подобныя объясненія, даваемыя уже много времени спустя,—Крюгеръ составлялъ свои мемуары въ позднѣйшее время по воспоминаніямъ,—рисуютъ не особенно высокій культурный уровень народа. Конечно, въ этомъ виноваты были исключительно внѣшнія обстоятельства. Книгѣ не мѣсто тамъ, гдѣ ружье не выходитъ изъ рукъ и лошади не разсѣдлываются. Зато такая жизнь создаетъ желѣзные характеры.

Вся молодость Крюгера протекала въ это безпокойное время. Охоты

чередовались съ походами на дикихъ сосѣдей, не давая ему отдыха. Зато въ немъ выработалась та смѣлость и находчивость, спокойствіе и выдержанность, которыя такъ пригодились ему впослѣдствіе во время его общественной дѣятельности.

Самъ Крюгеръ относитъ начало своей служебной карьеры къ 1852 году, когда онъ былъ назначенъ фельдкорнетомъ и присутствовалъ вмѣстѣ съ генераломъ Потгитеромъ при заключеніи Сандри, верской конвенціи. По этой конвенціи Англія признала полную самостоятельность и независимость Трансваальской республики и опредѣлила ея границы. Черезъ два года такая же конвенція была заключена съ Оранжевой республикой. «Громадная пустынная страна, въ которой мало было интереснаго, развѣ только ея стрѣлки, не имѣла ничего притягательнаго для Великобританіи, которая въ силу этого старалась ограничить свои обязательства»*),—довольно наивно замѣчаетъ Конанъ Дойль, извѣстный англійскій шовинистъ, написавшій двѣ книги въ защиту англійской политики въ Южной Африкѣ.

Конечно, Сандриверская конвенція устанавливала только отношенія Трансвааля съ Англіей, и то, какъ мы увидимъ далѣе, ненадолго. Для многочисленныхъ туземныхъ племенъ она не имѣла никакой обязательной силы. Они по прежнему продолжали со всѣхъ сторонъ вторгаться въ Трансваальскія владѣнія, угонять скотъ, убивать женъ и дѣтей. Въ 1853 году Крюгеру пришлось принять участіе въ кровопролитной войнѣ съ двумя могущественными кафрскими вождями Мапелой и Макапаномъ. Оба эти племени поддерживали дружескія отношенія съ сосѣдними поселеніями буровъ и обмѣнивались съ ними взаимными услугами. Братъ бурскаго главнокомандующаго Потгитера поручалъ даже одному изъ этихъ чернокожихъ вождей охрану своихъ стадъ, предоставляя ему взамѣнъ пользоваться молокомъ своихъ коровъ. Однажды Мапела пригласилъ Потгитера принять участіе въ охотѣ на слоновъ. Потгитеръ отправился вмѣстѣ съ сыномъ и нѣсколькими товарищами. Кафры дружески встрѣтили гостей, проводили ихъ на мѣсто, назначенное для охоты, и вдругъ, по знаку, данному вождемъ, бросились на нихъ и на глазахъ Потгитера убили его сына и всѣхъ товарищей. Самого Потгитера они потащили на холмъ, содрали съ него живого кожу и выпустили кишки въ то время, какъ все племя совершало вокругъ него военные танцы.

Когда извѣстіе объ этомъ дошло до Преторіи, братъ Потгитера, главнокомандующій, тотчасъ же выступилъ въ походъ на кафровъ. Въ первой битвѣ кафры были разбиты и оттѣснены къ горамъ, гдѣ они спрятались въ рвахъ и пещерахъ.

Осада затянулась надолго, и Крюгеръ рѣшился на хитрость, чтобы заставить кафровъ сдаться. «Воспользовавшись ночью,—разска-

*) Конанъ Дойль «Война въ Южной Африкѣ», стр. 13.

завыетъ онъ,—я отправился къ одной изъ пещеръ, гдѣ собрались вожди. Я пробрался въ нее ползкомъ и, никѣмъ не узнанный, занялъ мѣсто среди нихъ. Потомъ я, точно одинъ изъ нихъ же, сталъ на ихъ языкѣ высказывать мрачныя мнѣнія по поводу ожидающей ихъ судьбы и наконецъ сказалъ, что было бы, быть можетъ, благоразумнѣе сдаться, чѣмъ умирать съ голоду. Я прибавилъ, что бѣлые, конечно, не предадутъ ихъ смерти, и въ довершеніе всего я вызвался самъ завести переговоры.

«Вдругъ одинъ изъ кафровъ испустилъ крикъ «магоа» (бѣлый), и всѣ чернокожіе бросились прятаться по отдаленнымъ угламъ пещеры. Я долженъ былъ подражать имъ, чтобы не выдать себя. Когда паника кончилась, кафры принялись искать бѣлаго и, конечно, не нашли Какъ только они немного успокоились, я снова началъ уговаривать ихъ, и въ концѣ концовъ они позволили мнѣ попытаться завязать переговоры съ бурами. Къ несчастью, меня окружила цѣлая толпа женщинъ и дѣтей и, какъ только мы вышли изъ пещеры, они, конечно увидѣли, что имѣютъ дѣло съ бѣлымъ. Моя попытка не удалась и послѣ того отъ кафровъ нельзя было ничего добиться».

Эта война, затянувшаяся надолго, закончилась все же побѣдой буровъ. Вообще, въ столкновеніяхъ съ чернокожими буры въ концѣ-концовъ всегда оставались побѣдителями, такъ какъ они были значительно лучше вооружены. Эти войны, хотя и доставляли имъ много тревогъ и непріятностей и стоили многихъ жертвъ, не представляли большой опасности для цѣлости ихъ страны. Гораздо страшнѣе для нихъ были внутреннія междоусобія и враждебныя столкновенія съ сосѣдней и родственной Оранжевой республикой, такъ какъ и то, и другое ослабляло ихъ внутренне, и лишило силы сопротивленія къ тому моменту, когда дѣйствительно могущественный внѣшній врагъ сталъ угрожать самому существованію ихъ, въ качествѣ самостоятельнаго государства.

Столкновенія съ Оранжевой республикой начались уже въ 1854 году. Тотчасъ послѣ объявленія независимости Оранжевой республики, англійскій уполномоченный предложилъ передать управленіе республикой въ руки Преторіуса, главнокомандующаго Трансвааля. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда делегація съ этимъ порученіемъ пріѣхала въ Трансвааль, генералъ Преторіусъ умеръ, и его званіе перешло къ его сыну. Мартинъ Преторіусъ далеко не пользовался такою популярностью, какъ его отецъ, и Оранжевая республика не пожелала имѣть его своимъ президентомъ. Но генералъ Преторіусъ не хотѣлъ отказаться отъ того, что онъ считалъ своимъ правомъ и рѣшилъ силою добиваться признанія. Собравъ войско, онъ двинулся на югъ, перешелъ Вааль и встрѣтился тамъ съ вооруженнымъ отрядомъ непріятелей. Ни той, ни другой сторонѣ не хотѣлось вступать въ бой, и Преторіусъ рѣшилъ предварительно послать Крюгера для переговоровъ. Крюгеръ совер-

шенно не одобрялъ прстензій Преторіуса и взялся за переговоры съ тѣмъ, чтобы во что бы то ни стало возстановить мирныя отношенія съ родственной республикой.

Съ характерной наивной серьезностью, чередующейся въ его запискахъ съ удивительно мѣткими замѣчаніями и иногда глубокими мыслями, Крюгеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ эти переговоры.

«Встрѣтившись съ Бошофомъ (избраннымъ въ этотъ промежутокъ президентомъ Оранжевой республики), я высказалъ ему свое мнѣніе такъ же откровенно, какъ Преторіусу:

— «Вы не менѣе виноваты, чѣмъ Преторіусъ,—сказалъ я.—Ваша обязанность была обвинить его передъ фольксраадомъ, а не прибѣгать къ оружію.

«Коосъ Вентеръ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, рѣзко напалъ на. Преторіуса, сказавъ между прочнмъ, что, если бы тотъ попался ему въ руки, онъ свернулъ бы ему шею, какъ маленькой пичужкѣ. Въ концѣ-концовъ и я разгорячился.

— «Господинъ Бошофъ,—сказалъ я,—дѣло можно легко уладить. Пускай Коосъ сброситъ платье, я тоже раздѣнусь и мы будемъ бороться, каждый за своихъ. Если онъ будетъ побѣжденъ, вы подчинитесь нашимъ условіямъ, если я, то обратно».

Но Коосъ благоразумно уклонился отъ такого способа рѣшать политическіе вопросы, и было постановлено избрать изъ среды обоихъ народовъ коммиссію для выработки условій соглашенія. Эта коммиссія рѣшила, что оба государства сохранятъ полную обособленность и изберутъ каждая собственнаго президента. Преторіусъ, не видя поддержки со стороны трансваальскихъ буровъ, отказался отъ своихъ претензій. Такимъ образомъ на этотъ разъ столкновеніе окончилось совершенно мирнымъ путемъ.

Въ 1870 году произошло событіе, которому суждено было сыграть крупную роль въ исторіи Трансвааля. Въ Кимберлеѣ и въ юго-западной части Трансвааля были открыты алмазныя залежи, а вскорѣ послѣ того прошелъ слухъ, что въ самомъ Трансваалѣ имѣются богатыя мѣсторожденія золота. Оба эти извѣстія вызвали большое волненіе въ Англіи. Безплодная страна, отъ которой она такъ охотно отказалась въ 1852 году, оказывалась теперь источникомъ неисчислимыхъ доходовъ. Съ этихъ поръ Англія уже не перестаетъ интересоваться Трансвааемъ и, забывая о Сандриверской конвенціи, дѣятельно вмѣшивается сначала въ его внѣшнія, а потомъ и во внутреннія дѣла.

Алмазныя залежи были открыты въ пограничной области, которая хотя и входила въ территорію Трансвааля, но фактически была населена туземцами. Воспользовавшись этимъ, англійскіе шахтеры, уже начавшіе тамъ работы, подговорили двухъ кафрскихъ вождей заявить свои права на эти земли. Президентъ Трансвааля, Преторіусъ, рѣши-

тельно отказался признать спорныя земли ихъ собственностью. Они продолжали настаивать, тогда онъ предложилъ передать дѣло на разсмотрѣніе третейскаго суда. Судьей былъ избранъ губернаторъ Наталя, Кэатъ, который и высказался въ пользу кафрскихъ вождей. Въ Трансваалѣ рѣшеніе Кэата вызвало бурю негодованія. А между тѣмъ, Преторіусъ заранѣе обязался подчиниться ему. Бурская коммиссія, съ Крюгеромъ во главѣ, присутствовавшая при разбирательствѣ, осталась при особомъ мнѣніи и внесла въ фолькраадъ предложеніе не принимать рѣшеніе суда. Она заявляла, что Преторіусъ не имѣлъ даже права передавать это дѣло на судъ; права̀ на эти земли были настолько неоспоримы, что онъ долженъ былъ отнестись къ кафрскимъ вождямъ просто, какъ къ возставшимъ подданнымъ, и силою принудить ихъ подчиниться, не допуская никакого посторонняго вмѣшательства. Фолькраадъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и выразилъ порицаніе президенту. Преторіусъ послѣ этого вышелъ въ отставку, а Трансвааль рѣшительно завладѣлъ спорнымъ участкомъ. На этотъ разъ попытка Англіи не увѣнчалась успѣхомъ, но послѣ того она еще внимательнѣе слѣдитъ за дѣлами Трансвааля, выжидая того момента, когда явится возможность вмѣшаться въ нихъ болѣе рѣшительнымъ образомъ.

Къ несчастью для Трансвааля, онъ не замедлилъ дать ей этотъ поводъ. Отставка Преторіуса дѣлала необходимыми новые президентскіе выборы. Кандидатовъ было два: Робинзонъ и Бюргеръ. Несмотря на всѣ старанія Крюгера, поддерживавшаго кандидатуру перваго, большинство голосовъ получилъ Томасъ Бюргеръ, которому суждено было сыграть печальную роль въ исторіи Трансвааля. Самъ по себѣ, онъ былъ человѣкъ безспорно выдающійся, съ недюжиннымъ умомъ, съ широкими взглядами и безусловно честный. Но это былъ не тотъ президентъ, который нуженъ былъ въ это смутное время. Онъ слишкомъ переросъ свой народъ. Буры неспособны были проникнуться его широкими задачами, а онъ не могъ понять ихъ стремленій. Онъ не понималъ, что въ данную минуту надо было сосредоточить всѣ усилія на томъ, чтобы во что бы то ни стало отстоять независимость страны и дать отпоръ выжидающему врагу. Отдавая полную справедливость достоинствамъ Бюргера, Крюгеръ замѣчаетъ: «Единственный упрекъ, который можно было сдѣлать ему, какъ правителю, это—глубокая разница во взглядахъ, раздѣлявшая его съ большинствомъ,—разница, касавшаяся не только религіозныхъ вопросовъ, но и другихъ областей, въ которыхъ проявляется обыкновенно авторитетъ правительства».

При принесеніи публичной присяги Крюгеръ обратился къ новому президенту съ слѣдующими словами: «Господинъ президентъ, если я сдѣлалъ все возможное, чтобы провалить вашу кандидатуру, то я поступалъ такъ, главнымъ образомъ, изъ-за вашихъ религіозныхъ воззрѣній, которыя мнѣ казались неустойчивыми. Теперь, когда вы

избраны большинствомъ, я, какъ добрый республиканецъ, преклоняюсь передъ избраніемъ народа съ твердой надеждой, что ваша вѣра окажется болѣе устойчивой, чѣмъ я думалъ. Надѣясь на это, я приношу вамъ свои лучшія пожеланія».

Президентъ отвѣтилъ ему: «Гражданинъ, вы вотировали противъ меня, повинуясь голосу своей совѣсти, и вы мнѣ такъ же дороги, какъ тѣ, кто подавалъ голосъ за меня».

Но эти добрыя отношенія просуществовали недолго. Тотчасъ же послѣ избранія Бюргеръ принялся за разныя реформы въ сферѣ управленія и народнаго образованія, встрѣчавшія общее недовѣріе въ странѣ. Крюгеръ тоже смотрѣлъ на нихъ съ неодобреніемъ, считая ихъ преждевременными. Особенно недоброжелательно была встрѣчена любимая мечта Бюргера о желѣзной дорогѣ черезъ весь Трансвааль къ морю. Крюгеръ находилъ, что громадный долгъ, который надо будетъ заключить для этого, ни въ какомъ случаѣ не окупится будущими выгодами. Страна еще не настолько развита въ промышленномъ отношеніи, чтобы нуждаться въ желѣзнодорожныхъ путяхъ.

Постепенно недовѣріе къ новому президенту распространялось все шире. «Его чрезмѣрная любовь къ новшествамъ и преждевременнымъ планамъ,—говоритъ Крюгеръ,— соединенная съ преувеличеннымъ религіознымъ либерализмомъ, создавала ему множество враговъ». Получалось именно то настроеніе недовольства, которое было такъ выгодно для англичанъ. Къ этимъ внутреннимъ причинамъ присоединилась еще неудачная война съ кафрскимъ вождемъ Секукуни.

Бюргеръ пожелалъ самъ присутствовать въ лагерѣ, но Крюгеръ, въ то время главнокомандующій, рѣшительно возсталъ противъ этого.

«— Если вы отправитесь съ нами,—говорилъ онъ,—походъ превратится въ увеселительную поѣздку. По воскресеньямъ мои буры начнутъ устраивать балы, и Божье благословенье оставитъ насъ.

«— Ну, кажется, вы не такой человѣкъ, чтобы ваши солдаты рѣшились танцовать.

«— Рѣшатся, разъ вы покажете имъ примѣръ».

Но президентъ поставилъ на своемъ, и Крюгеръ со свойственной ему рѣшительностью совсѣмъ отказался начальствовать войскомъ. Походъ оказался неудачнымъ, и Бюргеръ, не дождавшись его окончанія, вернулся въ Преторію, возбудивъ тѣмъ еще большее неудовольствіе народа. Но послѣдней каплей былъ новый налогъ, произвольно наложенный президентомъ. Напрасно Крюгеръ протестовалъ, указывая, что право назначать новые налоги принадлежитъ исключительно фольксрааду, президентъ настаивалъ на строгомъ взысканіи. Многіе буры положительно отказывались платить, не взирая ни на какія предписанія.

Въ этотъ разъ на возобновившихся засѣданіяхъ фольксраада присутствовалъ англійскій уполномоченный, сэръ Шепстонъ, пріѣхавшій въ Трансвааль, чтобы лично убѣдиться въ положеніи дѣлъ. Не обра-

щая вниманія на его присутствіе, президентъ сталъ жаловаться ва отказы бюргеровъ платить новый налогъ, обвиняя ихъ въ неповиновеніи властямъ. Крюгеръ сказалъ горячую рѣчь въ ихъ защиту. Во время перевыва Бюргеръ подошелъ къ нему и спросилъ, неужели онъ станетъ отрицать, что отказъ платить налоги равносиленъ открытому возстанію противъ правительства.

«— Допустимъ даже, что ваше обвиненіе справедливо, противъ чего я рѣшительно протестую,—отвѣчалъ Крюгеръ,—но позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ: если бы ваша жена серьезно провинилась передъ вами, было ли бы съ вашей сророны великодушно высчитывать ея вины передъ ея злѣйшими врагами? А это самое вы сейчасъ сдѣлали по отношенію къ республикѣ въ присутствіи ея врага (Шепстона),—доказательство, что вы не только не любите свою страну, но прямо ненавидите ее».

«Президентъ не нашелся, что отвѣтить».

Подошелъ срокъ новыхъ выборовъ. На этотъ разъ Крюгера настойчиво уговаривали поставить свою кандидатуру, и при предварительной подачѣ голосовъ онъ получилъ значительное большинство. Но онъ рѣшилъ дѣйствовать иначе. Онъ пошелъ къ Бюргеру и сказалъ ему съ своей обычной прямотой:

«— Господинъ президентъ, я обѣщаю вамъ, что вы получите большинство голосовъ, если вы съ своей стороны обѣщаете принять самыя энергичныя мѣры противъ присоединенія и защищать нашу независимость. Если ваши намѣренія таковы, скажите это твердо, чтобы я могъ увѣрить нашъ народъ, что дѣло его свободы въ хорошихъ рукахъ. Что до меня касается, клянусь честью, я сдержу свое обѣщаніе».

Бюргеръ обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее. Но Крюгеру не пришлось сдержать своего обѣщанія, такъ какъ еще до окончательныхъ выборовъ присоединеніе фактически совершилось.

Сэръ Шепстонъ не выѣзжалъ изъ Преторіи и велъ безконечные переговоры съ президентомъ. Онъ убѣждалъ его, въ виду доказанной послѣдними событіями слабости республики, образовать чрезвычайную коммиссію для разсмотрѣнія причинъ ея и назначить экстренную сессію фольксраада. Коммиссіи предложенно было, между прочимъ, обсудить проектъ объединенія всѣхъ южно-африканскихъ республикъ. Крюгеръ энергично возсталъ противъ этого предложенія, видя въ немъ исключительно потерю самостоятельности Трансвааля. Громаднымъ большинствомъ предложеніе было отвергнуто. Всѣ эти обсужденія имѣли главною цѣлью протянуть время, такъ какъ по существу вопросъ о судьбѣ Трансвааля былъ уже рѣшенъ Англіей. Сэръ Шепстонъ ждалъ только пріѣзда главнаго коммиссара, сэра Бартля Фрера. Какъ только онъ пріѣхалъ въ Африку, сэръ Шепстонъ объявилъ, что ввиду слабости Трансваальстой республики и опасности, которая заключается

въ этомъ для британскихъ владѣній въ Африкѣ, Англія рѣшила присоединить Трансвааль.

Несмотря на протесты трансваальскаго правительства, 12-го апрѣля 1877 года присоединеніе Трансвааля было оффиціально декретировано. Президентъ не рѣшился силою воспрепятствовать этому незаконному акту, опасаясь, что это поведетъ къ войнѣ, которую Трансвааль при существующихъ обстоятельствахъ не могъ бы съ успѣхомъ выдержать. Единственно, что онъ счелъ возможнымъ, это—послать формальный протестъ, адресованный правительству королевы Викторіи и подписанный членами трансваальскаго правительства. Протестъ былъ составленъ въ самыхъ сдержанныхъ выраженіяхъ и высказывалъ надежду, что англійское правительство не пожелаетъ такъ явно нарушить свои обѣщанія, заключенныя въ Сандриверской конвенціи, и совершить насиліе надъ дружественнымъ народомъ, ничѣмъ не нарушившимъ свои права.

Отвезти это заявленіе и сдѣлать все возможное для возстановленія попранныхъ правъ буровъ, было поручено Крюгеру, какъ вице-президенту, и секретарю совѣта, Жориссену.

Это посольство не достигло никакихъ результатовъ. Въ Англіи всѣ были убѣждены, что противъ присоединенія протестовала лишь небольшая кучка непримиримыхъ съ Крюгеромъ во главѣ, а вся масса населенія, недовольная своимъ правительствомъ, встрѣтила его вполнѣ сочувственно.

Изъ Англіи депутація направилась въ Голландію, Францію и Германію, прося заступничества, но, замѣчаетъ Крюгеръ, «пріемъ вездѣ былъ дружескій, а результата никакого».

Отчетъ коммиссіи, вернувшейся въ Трансвааль, вызвалъ большое волненіе. «Буры не могли повѣрить, — замѣчаетъ Крюгеръ, — чтобы Англія согласилась присоединить какой-нибудь народъ противъ его желанія». На народномъ собраніи, передъ которымъ Крюгеръ излагалъ результаты своей поѣздки, возникла мысль устроить плебисцитъ, чтобы доказать Англіи, что дѣло идетъ совсѣмъ не о кучкѣ недовольныхъ, а о громадномъ большинствѣ народа.

Сэръ Шепстонъ очень неохотно разрѣшилъ этотъ плебисцитъ, и дѣйствительно, результаты его оказались далеко неблагопріятны для Англіи. За присоединеніе подано было только 587 голосовъ, противъ же—6.591.

Обрадованные и торжествующіе, буры рѣшили сейчасъ же снарядить новую делегацію въ Англію. Теперь ужъ не могло быть сомнѣнія въ благопріятномъ результатѣ, такъ какъ отношеніе народа высказалось съ полной очевитностью.

Но радость оказалась преждевременной. Отвѣтъ получился тотъ же самый, и депутаціи опять пришлось возвращаться ни съ чѣмъ.

На обратномъ пути Крюгеръ заѣхалъ въ Парижъ, гдѣ происходила

въ это время всемірная выставка. Несмотря на тяжелое настроеніе, вызванное вторичной неудачей, будущій президентъ Трансвааля съ интересомъ осматривалъ все. Тутъ онъ первый разъ увидѣлъ аэростатъ и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи испробовать новое ощущеніе полета. Онъ вызвался сопутствовать воздухоплавателю и получилъ согласіе. Уже въ воздухѣ аэронавтъ съ удивленіемъ узналъ, что его случайный спутникъ—вице-президентъ Трансваальской республики, и въ то время уже пользовавшійся широкою популярностью въ Европѣ. Полетъ кончился благополучно, хотя аэронавтъ и не могъ исполнить шутливую просьбу Крюгера доставить его такимъ сокращеннымъ способомъ въ его милую родину.

Возвращаться приходилось обычнымъ путемъ и съ нерадостными вѣстями. Извѣстіе, что коммиссія опять везетъ неблагопріятный отвѣтъ, вызвало въ Трансваалѣ цѣлую бурю негодованія. Вездѣ собирались народные митинги, правительство обвинялось въ нерѣшительности и съ разныхъ сторонъ раздавались голоса, требующіе силою сбросить съ себя непрошенную опеку. Крюгеру приходилось употреблять всѣ усилія, чтобы водворить спокойствіе. Онъ видѣлъ, что для вооруженнаго возстанія время еще не пришло.

Кромѣ того, у него все еще оставалась надежда, что можно будетъ сдѣлать что нибудь мирнымъ путемъ. Въ самой Англіи послѣ его послѣдняго пріѣзда образовалась довольно значительная бурофильская партія. Лидеръ оппозиціи, Гладстонъ совершенно опредѣленно высказывался противъ политики правительства. «Если бы даже обладаніе этой страной была настолько же выгодно для насъ,—говорилъ онъ,—насколько оно въ сущности невыгодно, то и тогда я былъ бы противъ присоединенія, такъ какъ оно совершено такимъ способомъ, который безчеститъ націю». Послѣ такого рода заявленія Крюгеръ въ правѣ былъ ожидать, что, въ случаѣ перемѣны въ составѣ правительства, Англія можетъ измѣнить и свое отношеніе къ бурамъ.

На народныхъ собраніяхъ, передъ которыми онъ давалъ отчетъ о своей вторичной поѣздкѣ, онъ уговаривалъ буровъ оставаться пока на почвѣ законности и стараться больше всего достигнуть полнаго внутренняго единства и солидарности, такъ такъ въ этомъ вся ихъ сила. Но не на всѣхъ дѣйствовали его благоразумныя увѣщанія. Иногда у него даже происходили изъ-за нихъ столкновенія, которыя онъ самъ описываетъ своимъ характернымъ языкомъ.

«— Господинъ Крюгеръ,—крикнулъ ему разъ одинъ изъ слушавшихъ его рѣчь,—довольно съ насъ прекрасныхъ рѣчей; теперь нашимъ лозунгомъ должно быть: «ату англичанъ!».

«Я ему отвѣтилъ только:

«— А ты увѣренъ, что если я тебѣ закричу теперь: «пиль», такъ ты сможешь вцѣпиться? И если я крикну: «тащи!», такъ удержатъ ли еще твои зубы добычу?».

Больше уже никто не пробовалъ возражать оратору.

Но стараніямъ Крюгера возстановить спокойствіе среди буровъ препятствовало больше всего само англійское правительство. Оно посылало туда уполномоченныхъ, совершенно незнакомыхъ съ нравами и обычаями страны и постоянно раздражавшихъ мѣстное населеніе. Вездѣ бурскіе чиновники замѣнялись англійскими и голландскій языкъ вытѣснялся англійскимъ. Накоплялись новыя, уже фактическія причины недовольства чужестраннымъ правительствомъ. Снова возникла мысль послать петицію королевѣ. Въ Клейнфонтейнѣ былъ созванъ громадный митингъ для составленія петиціи. Сэръ Бартль Фреръ, принимавшій дѣятельное участіе въ осуществленіи присоединенія, на этотъ разъ увидѣлъ себя вынужденнымъ переслать эту петицію королевѣ. Но растущее недовольство уже не могло остановиться на этомъ, оно должно было вылиться не въ просьбахъ, а въ угрозахъ.

На слѣдующемъ же собраніи было постановлено сообщить губернатору Трансвааля резолюцію, въ которой буры рѣшительно заявляли, что ни въ какомъ случаѣ не желаютъ быть подданными ея величества и требуютъ немедленно возстановить всѣ прежнія ихъ учрежденія, угрожая въ противномъ случаѣ вернуть свою независимость силою. Теперь ужъ и Крюгеръ пересталъ возражать; онъ почувствовалъ, что наступало время дѣйствовать.

Губернаторъ Трансвааля посмотрѣлъ на это заявленіе, какъ на государственную измѣну. Преторіуса и Бока, передавшихъ ему постановленіе собранія, онъ арестовалъ, а собравшемуся народу прислалъ требованіе разойтись. Настоящее положеніе вещей было, по его словамъ, переходною ступенью къ полной автономіи, которую Англія имѣетъ въ виду даровать Трансваалю, водворивъ тамъ спокойствіе.

Когда это посланіе было прочитано передъ собраніемъ, Крюгеръ первый потребовалъ слова.

«— Граждане,—сказалъ онъ,—понимаете ли вы, чего добивается отъ васъ англійское правительство? Эта автономія, которой оно васъ манитъ, по моему, имѣетъ вотъ какой смыслъ. Вамъ говорятъ: «Суньтека вашу голову въ петлю, чтобы я могъ затянуть ее, а потомъ вы будете свободны дрягать ногами сколько угодно». Это англичане называютъ быть свободными».

Эта краткая рѣчь вызвала общій энтузіазмъ, и болѣе предложеніе англійскаго губернатора уже не обсуждалось. Не могло быть сомнѣнія, что дальнѣйшее упорство Англіи поведетъ за собой вооруженное возстаніе.

Англія попыталась еще разъ пустить въ ходъ проектъ объединенія всѣхъ южно-африканскихъ республикъ надъ протекторатомъ Англіи. Въ Трансваалѣ этотъ проектъ только усилилъ волненіе. Если бы онъ былъ принятъ остальными государствами, то Трансвааль тѣмъ самымъ лишился бы поддержки родственныхъ странъ Оранжевой республики и Капской колоніи, обѣщавшихъ ему до сихъ поръ свою помощь.

Крюгеръ и генералъ Жуберъ были посланы въ Капштадтъ, чтобы всѣми силами противодѣйствовать осуществленію этой мѣры. Но и тамъ проектъ этотъ не встрѣтилъ сочувствія и былъ отвергнутъ большинствомъ голосовъ.

Въ это самое время въ самой Англіи произошло событіе, снова временно оживившее надежды оптимистовъ. Торійское министерство пало, и главою кабинета сталъ Гладстонъ. Это было въ 1880 году. Тотчасъ же ему было отправлено письмо, выражавшее твердую надежду, что великій государственный человѣкъ вспомнитъ свое прежнее отношеніе къ присоединенію и возстановитъ Трансвааль въ его правахъ. Но интересы высшей политики и на этотъ разъ восторжествовали надъ интересами затерявшагося въ Африкѣ маленькаго народца, желавшаго только одного—своей независимости. Тысячи высшихъ соображеній помѣшали Гладстону оживить въ своей памяти прежній взглядъ на вопросъ о присоединеніи, и просьба буровъ была оставлена безъ вниманія.

Трудно передать, какое негодованіе охватило Трансвааль, когда Крюгеръ третій разъ передалъ бурамъ отрицательный отвѣтъ Англіи. Послѣдній лучъ надежды на мирное возстановленіе справедливости исчезъ. Приходилось или подчиниться безъ всякихъ условій, или надѣяться исключительно на собственныя силы. О первомъ не могло быть и рѣчи. Крики о мести покрыли слова Крюгера. «Перестрѣлять всѣ красные мундиры!»—кричали со всѣхъ сторонъ. Крюгеру стоило большого труда добиться нѣкоторой тишины и убѣдить буровъ соблюдать спокойствіе до тѣхъ поръ, пока приняты будутъ необходимыя мѣры для начала военныхъ дѣйствій. Только когда будетъ заготовлено достаточное количество оружія и припасовъ, можно будетъ хоть съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ поднять знамя возстанія.

Прошло время петицій и бурныхъ митинговъ. Къ удовольствію англійскихъ правителей въ Трансваалѣ водворилось относительное затишье. Но это была лишь кажущаяся тишина. Въ дѣйствительности шли энергичныя приготовленія къ войнѣ.

Поводомъ къ началу возстанія послужилъ принудительный сборъ податей, наложенныхъ англійскимъ правительствомъ. Многіе буры рѣшительно отказывались платить, заявляя, что считаютъ новые налоги незаконными. Но на ихъ протесты не обращали вниманія и у одного изъ отказавшихся силою увезли со двора возъ, чтобы продать его въ уплату повинности Хозяинъ телѣги позвалъ на помощь, вокругъ него немедленно собралась толпа вооруженныхъ буровъ, возъ былъ отбитъ и съ торжествомъ водворенъ на мѣсто. Англійскія власти сочли это столкновеніе за вооруженное возстаніе, да и бурамъ не было необходимости скрывать дольше свои карты. На 8-е декабря 1880 года было назначено чрезвычайное общенародное собраніе, на которомъ былъ избранъ временный комитетъ изъ трехъ лицъ для руководства возста-

ніемъ. Въ составъ комитета вошли Крюгеръ, Жуберъ и бывшій президентъ Преторіусъ. Тутъ же была составлена прокламація, объявляющая Трансвааль свободной республикой и установленъ общій планъ дѣйствій. Въ виду крайней ограниченности военныхъ силъ (буры могли выставить въ это время всего 7.000 вооруженныхъ солдатъ), рѣшено было главнымъ образомъ мѣшать англичанамъ соединяться и препятствовать доставкѣ подкрѣпленій изъ-за границы.

Англичане нѣсколько свысока относились сначала къ этому полуцивилизованному народцу, вздумавшему серьезно помѣряться силами съ Англіей. Но событія показали, что это пренебреженіе было нѣсколько преждевременно. Прекрасно знающіе мѣстныя условія, гораздо болѣе выносливые и одушевленные страстной жаждой свободы и независимости, буры оказались очень опасными противниками. Маленькіе подвижные отряды ихъ безпрестанно тревожили англичанъ, нападали на нихъ врасплохъ, выбивали изъ позицій и разстраивали всѣ ихъ стратегическіе планы. Даже значительный численный перевѣсъ англичанъ не давалъ имъ ожидаемаго преимущества. Англійскіе генералы съ трудомъ вѣрили, чтобы эти кучки неустрашимыхъ волонтеровъ, могли разстраивать ряды ихъ дисциплинированныхъ солдатъ и сплошь и рядомъ обращать ихъ въ самое безпорядочное бѣгство.

Уже послѣ заключенія мира одинъ изъ главнѣйшихъ англійскихъ полководцевъ, генералъ Вудъ, въ разговорѣ съ Крюгеромъ выражалъ свое удивленіе по поводу малочисленности бурскихъ войскъ.

«— По какимъ соображеніямъ,—спросилъ онъ между прочимъ,—вы выслали 200 человѣкъ на Бигбарсбергскія высоты?

«— Намъ сказали, что 12.000 вашихъ солдатъ направляются туда.

«— И противъ этихъ-то 12.000 человѣкъ вы выслали 200 вашихъ?

«— Ба! у насъ больше не было, а кромѣ того мнѣ казалось, что этого будетъ достаточно».

Удивляли также англичанъ незначительныя относительно потери буровъ. Тамъ, гдѣ агличане оставляли на мѣстѣ десятки убитыхъ, не считая раненыхъ, буры не досчитывались обыкновенно 2-хъ, 3-хъ человѣкъ. Бурскіе полководцы объясняли это своимъ умѣньемъ беречь людей и не подвергать ихъ напрасному риску, и очень гордились этимъ.

«— Сколько убитыхъ было у васъ при Накѣ?—спросилъ одинъ англійскій офицеръ послѣ войны генерала Жубера.

«— Одинъ,—отвѣчалъ онъ,—и еще одинъ раненый.

«Офицеръ расхохотался, утверждая, что онъ видѣлъ больше.

«— Прекрасно,—вскричалъ Жуберъ, выйдя изъ себя, — разройте тамъ всю землю, и если вы найдете хоть одного лишняго, я обязуюсь съѣсть его цѣликомъ, съ волосами и съ кожей».

Гораздо опаснѣе чѣмъ англичане, при всей ихъ многочисленности и военной опытности, могли быть для буровъ туземцы, если бы они вмѣшались въ дѣло въ пользу англичанъ.

Крюгеръ, благодаря своей находчивости и никогда не измѣнявшему ему личному мужеству, избавилъ буровъ отъ этой опасности. До него дошло извѣстіе, что Магато, предводитель значительнаго кафрскаго племени, кочевавшаго въ предѣлахъ Трансвааля, поддавшись на уговоры англичанъ, оказываетъ имъ помощь и готовится присоединиться къ нимъ. Не долго думая, Крюгеръ въ сопровожденіи только семи человѣкъ отправляется самъ на мѣсто стоянки племени и неожиданно является посреди вооруженныхъ дикарей.

«— Зачѣмъ ты доставлялъ припасы англійскому гарнизону, когда я предписывалъ вамъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ въ этой войнѣ бѣлыхъ съ бѣлыми?

Магато отвѣчалъ:

«— Я получилъ извѣстіе, что англичане завладѣли Гейдельбергомъ и направляются къ нашимъ владѣніямъ; они угрожали мнѣ страшнымъ наказаніемъ, если я буду противиться имъ.

«— Прекрасно,—сказалъ я,—но такъ какъ ты нарушилъ повиновеніе мнѣ, то я сейчасъ же представлю тебя на военный совѣтъ.

«И я схватилъ предводителя за руку, но въ ту-же минуту насъ окружила толпа кафровъ, потрясая топорами, копьями и ружьями. Одинъ изъ моихъ товарищей, Питъ ванъ-деръ-Вальтъ, схватилъ ружье и прицѣлился въ Магато, крича кафрамъ, что онъ сейчасъ-же убьетъ его, если Крюгеру будетъ сдѣлано малѣйшее зло.

«Магато, видя, что жизнь его въ опасности, приказалъ вождямъ удалить воиновъ, что тѣмъ едва удалось сдѣлать съ помощью палочныхъ ударовъ. Когда спокойствіе возстановилось, я обратился къ Магато и сказалъ ему:

«— Теперь собери всѣхъ своихъ кафровъ, я хочу говорить съ ними.

«Магато колебался, предлагая себя въ посредники.

«— Нѣтъ,—сказалъ я,—я намѣренъ лично говорить съ твоимъ народомъ.

«По приказанію Магато, кафры явились снова, уже безъ оружія.

«Я обратился къ нимъ, упрекая ихъ въ измѣнническомъ и трусливомъ поведеніи и повторяя приказаніе ни подъ какимъ видомъ не вмѣшиваться, такъ какъ война между бѣлыми нисколько ихъ не касается. Потомъ я сталъ отчитывать Магато, пока онъ не обѣщалъ мнѣ торжественно соблюдать полнѣйшій нейтралитетъ».

Послѣ этого кафры не тревожили больше буровъ. Самъ Крюгеръ никогда не соглашался воспользоваться помощью чернокожихъ, считая грѣхомъ возбуждать дикарей противъ цивилизованнаго народа.

Когда опасность со стороны туземцевъ была устранена, оставалось направить всѣ силы на главнаго врага. И тутъ, противъ ожиданія, дѣла буровъ шли чрезвычайно успѣшно. Послѣ ряда небольшихъ стычекъ, 21 февраля 1881 года была дана серьезная битва при Амаюбѣ. Обладаніе этими высотами представляло громадную важность для англи-

чанъ, и они сосредоточили тамъ значительныя силы. Но и буры, съ своей стороны, понимали, что имъ надо во что бы то ни стало выбить англичанъ изъ этой позиціи. Ночью, небольшими группами, по еле замѣтнымъ горнымъ тропинкамъ они вскарабкались на вершину, занятую врагомъ, и вдругъ съ разныхъ сторонъ напали на англичанъ, считавшихъ свою позицію совершенно неприступной.

Во время этой битвы англичане потеряли убитыми 81 человѣкъ, 125 было ранено и 51 взятъ въ плѣнъ. У буровъ былъ убитъ только одинъ человѣкъ и шестеро ранено.

Блестящей побѣдой при Амаюбѣ буры завоевали себѣ свободу. Потери англичанъ были слишкомъ значительны, а результаты настолько неблагопріятны, что они не рѣшились затягивать дольше эту тяжелую войну. 23-го марта 1881 года былъ заключенъ миръ, а 3-го августа того же года были подписаны условія такъ называемой Преторійской конвенціи.

По этой конвенціи Трансвааль объявлялся вновь свободной и независимой республикой. Англійскія власти и войска должны были оставить страну, передавъ управленіе и государственное имущество въ руки тріумвирата. Тріумвиратъ долженъ былъ вслѣдъ затѣмъ созвать фольксраадъ, которому принадлежало право рѣшить всѣ вопросы, касающіеся внутренняго управленія.

Условія этой конвенціи были формулированы не вполнѣ ясно, но неудобства этого сказались лишь впослѣдствіи, а пока буры торжествовали. 8-го августа 1881 года ненавистные «красные мундиры» выступили изъ Трансвааля и вслѣдъ затѣмъ открылась сессія созваннаго вновь свободнаго фольксраада.

Еще годъ управленія страной оставалось фактически въ рукахъ тріумвирата, но въ 1882 году фольксраадъ постановилъ вновь избрать президента. Выборъ, какъ и слѣдовало ожидать, палъ на Крюгера, такъ какъ онъ и безъ того въ теченіе послѣднихъ лѣтъ былъ фактически главою своего народа.

Крюгеръ былъ именно тотъ президентъ, который былъ нуженъ Трансваалю. Въ смутныя времена онъ съ одинаковымъ успѣхомъ являлся поочередно въ роли народнаго трибуна, главы заговора, полководца и дипломата. Въ мирное время онъ оказывался типичнымъ президентомъ—старшиной крестьянской общины. Неутомимый, всѣмъ доступный и справедливый, въ одно и то же время и начальникъ, и судья, и совѣтникъ, онъ дѣйствительно игралъ роль общаго дядюшки всего своего народа *).

Когда важныя, общегосударственныя дѣла не задерживали его въ Преторіи, онъ постоянно объѣзжалъ всю страну, останавливаясь по

---

*) Обычное обращеніе къ президенту въ Трансваалѣ «oom» (дядя), президентъ же называетъ своихъ подданныхъ «neffe» (племянникъ).

возможности въ каждомъ городкѣ и поселкѣ. Тамъ онъ усаживался обыкновенно гдѣ-нибудь подъ большимъ деревомъ на главной улицѣ, обсуждалъ всѣ мѣстныя дѣла и нужды и тутъ же, какъ настоящій деревенскій Соломонъ, рѣшалъ всевозможные споры и тяжбы. Объ его справедливости и остроуміи при рѣшеніи разныхъ спорныхъ дѣлъ разсказывается множество анекдотовъ. Однажды ему пришлось разбирать затянувшуюся тяжбу между двумя родственниками, не подѣлившими между собой участка земли. Внимательно выслушавъ жалобы обѣихъ сторонъ, Крюгеръ сказалъ, обращаясь къ одному изъ тяжущихся:

— Ты раздѣлишь имѣніе на двѣ части согласно твоему желанію. Потомъ, обратившись ко второму, прибавилъ:

— А ты возьмешь тотъ изъ двухъ участковъ, который тебѣ болѣе понравится.

Волей-неволей первому пришлось дѣлить какъ можно справедливѣе, такъ какъ онъ не зналъ, которая часть останется на его долю.

Вникая по возможности въ нужды каждаго, онъ завоевывалъ себѣ общее довѣріе и любовь, а своею находчивостью и остроуміемъ онъ умѣлъ отразить всякое нападеніе своихъ буровъ, не признающихъ никакого этикета. Однажды во время народнаго собранія одинъ изъ присутствующихъ сталъ приставать къ президенту, требуя у него отчета, на что употребляется тайный государственный фондъ.

— Племянникъ, — отвѣтилъ ему Крюгеръ, — если я скажу тебѣ, на что употребляется тайный фондъ, то тѣмъ самымъ тайный фондъ перестанетъ существовать.

Въ фольксраадѣ Крюгеръ пользовался громаднымъ вліяніемъ благодаря своему оригинальному краснорѣчію. «Вотъ онъ съ трудомъ поднимается съ своего мѣста, голова еще задумчиво опущена на грудь, но въ маленькихъ глазкахъ сверкаетъ уже жизнь и огонь. Теперь взглядъ его окидываетъ собраніе, онъ видитъ и узнаетъ каждаго, еще маленькая пауза и голосъ раздается, сначала тихо и немного хрипло, потомъ быстро крѣпнетъ, сопровождаемый оживленной жестикуляціей. Рѣчь скоро достигаетъ высшаго пункта, и вотъ мы являемся свидѣтелями мощной силы убѣжденія, аргументаціи и чувства, увлекающей за собой всѣхъ. Мысль часто облекается въ формы близкихъ всѣмъ картинъ, подкрѣпляется сравненіями изъ природы, цитатами изъ Библіи» *).

Но Крюгеру не долго удавалось играть роль патріарха. Всевозможныя внѣшнія государственныя дѣла постоянно отвлекали его, и изъ добродушнаго дядюшки превращали въ не лишеннаго хитрости политика и ловкаго дипломата.

На границахъ шли почти непрерывныя столкновенія съ кочующими дикими племенами, требовавшія постояннаго вниманія со стороны пра-

*) «Auf den Diamanten und Goldfeldern Südafrikas—fan Strecker.» стр. 151.

вительства. Пользуясь неясностью нѣкоторыхъ пунктовъ Преторійской конвенціи, Крюгеръ нашелъ болѣе удобнымъ для республики убѣдить предводителей нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ добровольно присоединиться къ Трансваалю, чтобы такимъ образомъ держать ихъ въ постоянномъ подчиненіи. Но эта попытка Крюгера не осталась незамѣченной, и вызвала тревогу въ лондонскомъ кабинетѣ, вовсе не желавшемъ дальнѣйшаго усиленія Трансвааля. Послѣ предварительныхъ обсужденій спорныхъ вопросовъ на мѣстѣ, Крюгеръ рѣшилъ лично отправиться въ Англію, чтобы тамъ разъяснить всѣ сомнительные пункты и переписать зàново Преторійскую конвенцію.

Четвертая поѣздка Крюгера въ Европу вознаградила его за всѣ прежнія неудачи. Въ качествѣ дипломата Крюгеръ одержалъ не менѣе значительную побѣду, чѣмъ побѣда его буровъ при Амаюбѣ. Всѣ спорные пункты были рѣшены въ пользу буровъ, и Трансвааль, переименованный съ этихъ поръ въ «Южно-африканскую республику», былъ окончательно признанъ независимымъ и въ своихъ внутреннихъ и во внѣшнихъ дѣлахъ. Англія сохраняла лишь право veto надъ трактатами, заключаемыми имъ съ иностранными государствами.

27-го февраля 1884 г. была подписана такъ называемая Лондонская конвенція, и Крюгеръ могъ съ торжествомъ вернуться на родину. По дорогѣ онъ рѣшилъ снова заѣхать на континентъ и попытаться сдѣлать тамъ заемъ на проведеніе желѣзной дороги, соединившей бы Трансвааль съ моремъ. Но, совершенно такъ же, какъ и раньше, его встрѣчали вездѣ оваціями, а денегъ не давали. Съ большимъ трудомъ удалось ему повліять на образованіе въ Голландіи акціонерной компаніи для осуществленія его проекта.

Финансовое положеніе Трансвааля въ это время было крайне затруднительно. Война поглотила много средствъ, и государственная казна пополнялась туго. А между тѣмъ, Крюгеръ сознавалъ, что время не стояло, и Южно-африканская республика должна была волей-неволей нѣсколько осложнять и расширять свое государственное хозяйство. На этотъ разъ судьба вывела его изъ затрудненія. Въ тотъ самый годъ, когда онъ неудачно хлопоталъ о внѣшнемъ займѣ, внутри самого Трансвааля, въ Витватерсрандѣ, были открыты богатѣйшія мѣсторожденія золота. Крупные доходы съ золотыхъ копей могли съ избыткомъ покрыть всѣ скромные государственные расходы республики. Но этотъ даръ судьбы оказался даромъ данайцевъ,—золото стало источникомъ безчисленныхъ тревогъ и непріятностей для Трансвааля, поведшихъ въ концѣ-концовъ къ послѣдней бурской войнѣ. Трансвааль сдѣлался слишкомъ лакомымъ кускомъ, чтобы у Англіи, только что выпустившей его изъ рукъ, не явилось сожалѣнія объ этомъ и желанія снова вмѣшаться въ его дѣла.

Поводы для этого не замедлили представиться.

Слухъ о неисчерпаемыхъ золотыхъ богатствахъ Трансвааля съ

быстротою молніи облетѣлъ весь земной шаръ и въ Трансвааль со всѣхъ концовъ земли хлынули толпы любителей легкой наживы. Составъ населенія южно-африканской республики сразу круто измѣнился. Прежде почти все бѣлое населеніе страны состояло изъ буровъ. Теперь мѣста, гдѣ было найдено золото, быстро заселились разноплеменными искателями золота. Скоро это новое международное населеніе почти сравнялось по численности со всѣмъ исконнымъ населеніемъ страны. По даннымъ 1899 года все бѣлое населеніе Трансвааля равнялось 245.397 человѣкамъ. Изъ этого числа такъ называемыхъ уитлендеровъ было 104.822. Но при этомъ надо принять въ соображеніе, что изъ общаго числа уитлендеровъ лишь самый незначительный процентъ можетъ быть отнесенъ на долю женщинъ и дѣтей, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ добывать золото пріѣзжаютъ люди одинокіе. Между тѣмъ, изъ общаго числа буровъ на долю взрослаго мужского населенія приходится всего 26½ тысячъ. Такое быстрое возрастаніе иноземнаго элемента создавало крупныя осложненія въ жизни страны. Съ одной стороны уитлендеры, прочно поселившіеся въ странѣ и платившіе значительную долю государственныхъ налоговъ, естественнымъ образомъ требовали для себя и участія въ дѣлахъ управленія. Съ другой стороны буры также естественно опасались уравнять ихъ въ правахъ съ собой. Численный перевѣсъ иноземнаго населенія грозилъ со временомъ передать въ его руки всю власть, отнявъ ее у коренного населенія, и тогда Трансвааль пересталъ бы быть бурскимъ государствомъ. Это неустранимое столкновеніе интересовъ и создало тотъ уитлендерскій вопросъ, который наполнилъ собою всю исторію Трансвааля за послѣднія 15 лѣтъ и въ концѣ-концовъ привелъ его къ гибели. Англія упрекала буровъ въ несправедливости по отношенію къ уитлендерамъ, забывая, что справедливость въ данномъ случаѣ была равносильна подписанію себѣ самимъ смертнаго приговора. А этого, во всякомъ случаѣ, странно ожидать отъ какого бы то ни было народа. Подъ давленіемъ угрозъ Англіи, принявшей подъ свою защиту уитлендеровъ, большинство которыхъ были оттуда родомъ, Крюгеръ сдѣлалъ въ концѣ-концовъ очень много уступокъ новому населенію. И напрасно онъ оправдывается, стараясь доказать, что все время соблюдалъ полную справедливость въ отношеніи пришельцевъ. Его положеніе вполнѣ ясно,—онъ отстаивалъ свой народъ отъ иноземцевъ, грозившихъ поглотить его.

Основнымъ пунктомъ, около котораго шла все время борьба, было право участія въ выборахъ.

По первоначальной Трансваальской конституціи всѣми правами гражданъ, до права быть избраннымъ въ президенты включительно, пользовались тѣ изъ иностранцевъ, которые натурализовались и прожили въ странѣ не менѣе 14 лѣтъ.

Когда пріисковое населеніе сильно возрасло и создало цѣлый го-

родъ Іоганесбургъ, быстро перегнавшій по населенности Преторію, Крюгеръ счелъ возможнымъ сдѣлать въ его пользу первое измѣненіе въ конституціи. Рядомъ съ первымъ фольксраадомъ, по его мысли, былъ учрежденъ второй, въ компетенцію котораго входили всѣ вопросы, касающіеся работъ по добычѣ и обработкѣ золота и внутреннихъ отношеній пріисковаго населенія. Правомъ избранія во второй фольксраадъ пользовались всѣ иностранцы, прожившіе 4 года въ странѣ. Остальная сумма гражданскихъ правъ получалась попрежнему по истеченіи 14 лѣтъ. Но этимъ уитлендеры не хотѣли удовольствоваться, они добивались немедленнаго участія во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. И борьба шла, все обостряясь благодаря особенностямъ обѣихъ враждующихъ сторонъ. Съ одной стороны буры, только что отстоявшіе свою самостоятельность отъ могущественной державы и, конечно, не желавшіе поступаться ею въ пользу непрошенныхъ гостей, съ другой—разноплеменная толпа авантюристовъ, нисколько не дорожившихъ новой родиной, готовыхъ охотно продать ее. Не мудрено, что Крюгеръ, вообще не отличавшійся хладнокровіемъ, не разъ выходилъ изъ себя и довольно рѣзко отвѣчалъ на притязанія уитлендеровъ. Однажды, во время посѣщенія Іоганесбурга, депутація гражданъ принесла ему рядъ жалобъ. Крюгеръ отвѣтилъ, что онъ не въ состояніи удовлетворить желанія всѣхъ. Тогда одинъ изъ членовъ депутаціи сталъ упрекать его въ презрительномъ отношеніи къ новому населенію. Оскорбленный этимъ, Крюгеръ вскричалъ:

— Я презираю не новое населеніе, а такихъ людей, какъ вы.

Такое обращеніе президента съ городской депутаціей вызвало сильное волненіе въ городѣ, и Крюгеру была устроена враждебная демонстрація.

Но больше всего раздражила иностранцевъ рѣчь Крюгера, сказанная въ 1891 году на праздникѣ по поводу десятилѣтія Южно-африканской республики. Начиналась она дѣйствительно довольно неожиданнымъ обращеніемъ.

«Народъ Божій, исконный народъ этой страны, вы, иностранцы, вы, вновь прибывшіе и вы также, воры и разбойники!»

Не удивительно, что иностранцы сильно обидѣлись такимъ сопоставленіемъ, относя его съ значительною степенью вѣроятности на свой счетъ. Но Крюгеръ никакъ не хотѣлъ согласиться, что такова была его мысль. Съ наивнымъ лукавствомъ онъ говоритъ по этому поводу:

«Иностранцы, которые только и мечтали увеличить количество жалобъ на правительство, сдѣлали видъ, что они безгранично оскорблены тѣмъ, будто бы я позволилъ себѣ обозвать ихъ ворами и разбойниками. Толкованіе само собой совершенно ложное. Я хотѣлъ просто сказать, что приглашаю каждаго въ отдѣльности, даже воровъ и разбойниковъ, если они есть въ толпѣ, преклониться передъ Госпо-

домъ...» Конечно, воры и разбойники по спеціальности не смѣли разсчитывать на такое исключительное вниманіе со стороны президента.

Внутреннія смуты въ Трансваалѣ не замедлили обратить на себя вниманіе тѣхъ, кому онѣ были выгодны. Въ это самое время въ южной Африкѣ все шире развивалась дѣятельность знаменитаго «Капскаго Наполеона», основателя Chartered Company, Сесиля Родса. Въ широкихъ планахъ Сесиля Родса, Трансвааль служилъ постояннымъ камнемъ преткновенія. Родсъ мечталъ слить всю южную Африку въ одну союзную страну подъ верховнымъ протекторатомъ Англіи,—страну, гдѣ будетъ безпрепятственно развивать свою дѣятельность его Chartered Company. Широта и смѣлость его плановъ невольно подкупали всѣхъ, съ кѣмъ онъ входилъ въ сношенія. Англію онъ прельстилъ обѣщаніемъ протектората надъ половиной Африки. Африканскія государства манилъ перспективой могущественнаго «царства африкандеровъ», гдѣ вліяніе Англіи будетъ лишь номинальнымъ. Одинъ только Крюгеръ не поддавался на его заманчивыя увѣщанія. Ему не было дѣла до плановъ Сесиля Родса, онъ зналъ одну цѣль—«свобода и независимость Трансвааля», и отъ нея не желалъ отступать ни ради какихъ будущихъ благъ. Родсъ пробовалъ привлечь Крюгера на свою сторону обѣщаніемъ подарить Трансваалю портъ Делягоа, зная, что доступъ къ морю всегда составлялъ мечту Крюгера.

«— Этотъ портъ принадлежитъ португальцамъ,—сказалъ президентъ,—и они, конечно не уступятъ его.

«— Ну, что жъ? Тогда мы возьмемъ его силою,—отвѣчалъ Капскій Наполеонъ.

«— Я не такой человѣкъ, чтобы насильно овладѣвать чужой собственностью. Если португальцы не желаютъ продать его, я не приму его изъ вашихъ рукъ; на плохо пріобрѣтенномъ имуществѣ лежитъ проклятіе».

Сесилю Родсу приходилось или отказаться отъ своей мечты, или осуществлять ее не совсѣмъ чистыми средствами. Онъ предпочелъ второе. Недовольство въ Іоганесбургѣ не прекращалось и создавало для него самыя благопріятныя условія. Онъ рѣшилъ разжечь это недовольство, вызвать революцію и, такимъ образомъ, создать для Англіи поводъ вмѣшаться въ дѣла Трансвааля и снова наложить на него свою руку. Главнымъ исполнителемъ задуманнаго предпріятія долженъ былъ быть докторъ Джемсонъ. Заговоръ въ Іоганесбургѣ былъ организованъ безъ труда, и главы его вручили Джемсону письмо съ просьбой явиться съ военной силой на помощь городу, чтобъ защитить женъ и дѣтей, жизнь которыхъ можетъ подвергнуться опасности во время безпорядковъ. На этомъ письмѣ не было проставлено числа, чтобы Джемсонъ могъ выставить его тотчасъ же, какъ только получитъ извѣстіе о начавшемся возстаніи. Но уже послѣ отъѣзда Джемсона изъ Іоганесбурга,

тамъ возникли несогласія, многіе изъ членовъ заговора отказывались, не желая все-таки вводить въ страну англійскія войска. Въ день, назначенный для возстанія, оно не состоялось. Между тѣмъ, Джемсонъ, человѣкъ рѣшительный и отважный, не захотѣлъ ждать, думая, что извѣстіе какъ-нибудь случайно не дошло до него, и въ предположенный срокъ перешелъ съ вооруженнымъ отрядомъ границу Трансвааля, направляясь къ Іоганесбургу. Въ Крюгерсдорпѣ ему перерѣзали путь бурскія войска подъ начальствомъ Кронье, Потгитера и Малата. Послѣ горячей схватки войско Джемсона было разбито, а самъ онъ взятъ въ плѣнъ и препровожденъ въ Преторію. Только благодаря Крюгеру, Джемсонъ избѣжалъ смертной казни, къ которой присудилъ его судъ.

Но для Трансвааля пораженіе Джемсона не имѣло большого значенія. Оно только усилило раздраженіе Англіи противъ него, а въ поводахъ для вмѣшательства недостатка не могло быть.

Недовольство въ Іоганесбургѣ не прекращалось, и уитлендеры все рѣшительнѣе требовали расширенія своихъ правъ. Срокъ пребыванія въ странѣ для полученія права голоса былъ сокращенъ, по предложенію Крюгера, съ 14-ти на 9 лѣтъ, но и это уже не удовлетворяло новое населеніе. Къ этой основной причинѣ недовольства присоединялось еще много другихъ, и уитлендеры постоянно обращались къ Англіи съ жалобами и просьбами о защитѣ. Въ началѣ 1899 года англійской королевѣ была подана петиція съ жалобами на трансваальское правительство за 21.000 подписей. Одновременно съ этимъ буры тоже организовали адресъ съ 23.000 подписей, выражавшій полное довѣріе своему правительству.

Въ отвѣтъ на петицію королевѣ лордъ Чемберленъ предложилъ трансваальскому правительству образовать смѣшанную коммиссію изъ представителей обѣихъ странъ для разсмотрѣнія возникшихъ въ Трансваалѣ недоразумѣній. Крюгеръ принялъ предложеніе и лично отправился въ Блюмфонтень, гдѣ должны были происходить засѣданія коммиссіи. Представителемъ Англіи въ этой коммиссіи былъ сэръ Альфредъ Мильнеръ, губернаторъ Капской колоніи.

Послѣ продолжительныхъ обсужденій сэръ Мильнеръ формулировалъ слѣдующимъ образомъ свои окончательныя требованія:

1. Пріобрѣтеніе избирательныхъ правъ по истеченіи 5 лѣтъ.

2. Измѣненіе законовъ о натурализаціи.

3. Увеличеніе числа мѣстъ, предоставленныхъ новымъ гражданамъ въ фольксраадѣ.

Крюгеръ съ своей стороны остановился на слѣдующей формулировкѣ:

1. Натурализація по истеченіи двухъ лѣтъ; полныя избирательныя права послѣ слѣдующихъ пяти лѣтъ.

2. Увеличеніе мѣстъ, предоставленныхъ новымъ гражданамъ въ фольксраадѣ до 5-ти.

Дальше этихъ уступокъ ни одна изъ сторонъ не шла, и соглашеніе не могло состояться. Коммиссія прекратила свои засѣданія, не придя ни къ какимъ результатамъ.

Положеніе не только не улучшилось, но, напротивъ, все болѣ и болѣе запутывалось, и уже мало было шансовъ, что будетъ найденъ мирный выходъ. Тѣмъ не менѣе переговоры между Крюгеромъ и лондонскимъ кабинетомъ все продолжались, а въ то же время Англія постепенно стягивала свои африканскія войска къ границамъ Трансвааля и посылала подкрѣпленія имъ изъ Англіи. Всѣ эти приготовленія не могли, конечно, остаться тайной для Трансвааля и не внушали ему довѣрія къ мирнымъ намѣреніямъ Англіи. Наконецъ, видя что переговоры ровно ни къ чему не приводятъ, трансваальское правительство рѣшило окончательно выяснить положеніе, и 9-го октября 1899 года отправило лондонскому кабинету ноту, извѣстную подъ именемъ трансваальскаго ультиматума.

Въ этой нотѣ оно напоминало снова, что по Лондонской конвенціи 1884 года Англія не имѣла никакого права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Трансвааля. Самое учрежденіе смѣшанной коммиссіи для рѣшенія вопроса объ избирательныхъ правахъ иностранцевъ являлось уже такимъ вмѣшательствомъ, и трансваальское правительство согласилось на него только изъ желанія во что бы то ни стало сохранить миръ. Но теперь оно видитъ, что намѣренія Англіи совсѣмъ не таковы, что вмѣсто дружескаго соглашенія, она начинаетъ дѣйствовать угрозами и дѣлаетъ явныя приготовленія къ войнѣ. Такое положеніе вещей дольше продолжаться не можетъ, и потому она требуетъ ранѣе продолженія переговоровъ, чтобы Англія немедленно отозвала свои войска отъ границъ Трансвааля и не допускала высадки войскъ, посланныхъ въ африку моремъ. 11-го октября былъ полученъ отвѣтъ, въ которомъ Англія рѣшительно отказывалась принять условія, поставленныя Южно-Африканскй республикой.

Съ этого момента война могла считаться объявленной.

Оба фолькраада принесли присягу до послѣдней капли крови защищать свою родину.

Безъ малѣйшаго колебанія готовились буры къ страшной войнѣ. Ихъ поддерживала увѣренность, что каждый изъ гражданъ готовъ отдать жизнь за свободу и независимость родной страны и ихъ одушевлялъ примѣръ семидесятилѣтняго президента, до послѣдней минуты не терявшаго вѣры въ побѣду праваго дѣла. «Если даже случится самое худшее, и мнѣ придется отправиться на островъ святой Елены, и это ничего не значитъ, такъ какъ Всемогущій все-таки спасетъ свой народъ и вернетъ ему свободу», говорилъ онъ имъ во время войны.

Эта надежда не покидала его и тогда, когда всѣ значительныя арміи Трансвааля были разбиты неизмѣримо болѣе сильнымъ врагомъ, и только небольшія кучки непримиримыхъ и безстрашныхъ волонтеровъ продолжали съ отчаяньемъ отстаивать явно проигранное дѣло.

Противъ ожиданія всего цивилизованнаго міра война длилась больше двухъ съ половиною лѣтъ. Но въ концѣ-концовъ мужественный маленькій народъ принужденъ былъ уступить силѣ и заключить миръ, положившій конецъ самостоятельному существованію Трансваальской республики.

Но и это тяжелое бѣдствіе не сломило силъ 75-ти-лѣтняго президента. Онъ встрѣтилъ его съ спокойствіемъ человѣка сдѣлавшаго все, что было въ его власти, и съ свѣтлой вѣрой въ будущее.

«Этотъ миръ не таковъ, какъ желали буры,—говоритъ онъ,—но я не впадаю въ уныніе, не только потому, что кончилось пролитіе крови и ужасныя страданія, выпавшія на долю народовъ обѣихъ республикъ, — я увѣренъ, что несмотря ни на что Богъ никогда не покидаетъ своихъ. Я знаю, что Онъ не допуститъ гибели угнетеннаго народа».

Т. Богдановичъ.

ОДНАЖДЫ.

Разсказъ **Вл. Реймонта.**

(Переводъ съ польскаго).

Однажды, на зарѣ майскаго дня, въ домикѣ, поникшемъ къ землѣ своими перекосившимися стѣнами, отворилось окно, и въ немъ среди куста цвѣтущихъ фуксій показалась сѣдая голова, и послышался тихій монотонный шопотъ.

Это панъ Плишка шепталъ утреннюю молитву.

Городъ еще спалъ, и тяжелыя сумерки окутывали все кругомъ тою гнетущею тишиною, какая бываетъ передъ наступленіемъ дня.

Въ этомъ полумракѣ дома, фабрики и огороды казались какими-то неподвижно дремлющими великанами, и только кое-гдѣ на крышахъ домовъ, на стеклахъ оконъ и на верхушкахъ деревьевъ скользилъ розоватый отблескъ утренней зари, какъ улыбка на лицѣ спящаго, какъ бы румянецъ тревоги передъ наступающимъ днемъ, который уже рѣялъ въ пространствѣ, окаймляя свѣтлою каймою темную ночь и озаряя сонную землю скорбнымъ зеленоватымъ полусвѣтомъ.

Шопотъ пана Плишки раздавался въ тишинѣ, какъ шелестъ листьевъ молодыхъ березокъ, а съ высоты домовъ, окутанныхъ темнотою, падали внизъ тяжелыя капли росы и съ глухимъ шумомъ ударяли, одна за другою, о крышу домика.

Панъ Плишка кончилъ молитву и истово билъ себя въ грудь...

— Кручекъ!

Собака неслышно выбѣжала изъ глубины темной комнаты и прыгнула на подоконникъ.

— Молись! Глупая! Служи... Смотри туда... Вонъ тамъ живетъ Господинъ твоего господина. Поняла?

Кручекъ заворчалъ, усѣлся и, опираясь спиною о кустъ сирени, безсмысленно глядѣлъ въ темноту.

— Ну, что? Почему не служишь? Глупая! Чего смотришь?

Но Кручекъ уже не слушалъ; онъ спрыгнулъ съ окна во дворъ и лаялъ на кого-то у воротъ.

— Глупое ты животное... вотъ что... и вѣкъ имъ останешься!—бормоталъ панъ Плишка, поднося къ окну карманные часы.

Онъ удивился: было только 4 часа; ему никогда не случалось просыпаться такъ рано.

«Видно, я боленъ... что ли... полтора часа еще до свистка».

Онъ потихоньку прилегъ на постель, стараясь никого не разбудить; изъ смежной комнаты доносилось храпѣніе нѣсколькихъ спящихъ тамъ человѣкъ, а изъ третьей, самой маленькой, то и дѣло слышался чей-то кашель.

— Сапоги у него дырявые—оттого и кашляетъ,—разсуждалъ панъ Плишка и поднялся съ кровати, такъ какъ утренняя заря уже заглянула въ окно и освѣтила внутренность комнаты...

Въ небесномъ пространствѣ, между тѣмъ, происходила безмолвная, но смертельно-упорная борьба: ночь боролась съ одолѣвающимъ ее дневнымъ свѣтомъ.

Панъ Плишка сидѣлъ у окна, машинально перебиралъ чотки и также машинально выговаривалъ слова молитвы, прислушиваясь ко всему, что дѣлалось вокругъ него.

Защебетали ласточки надъ его окномъ, какъ бы привѣтствуя молитвою зарю...

Земля просыпалась отъ сна, и фабричные пруды открывали отяжелѣвшія вѣки и полусонно глядѣли сквозь рѣсницы изъ наклонившихся надъ водою тополей...

Красныя кирпичныя стѣны фабрикъ блестѣли отъ росы и, просыпаясь, вздрагивали отъ утренней свѣжести.

Высокія трубы, точно сторожевые журавли надъ спящимъ стадомъ фабричныхъ зданій, словно протягивали свои красные клювы высоко вверхъ, жаждая солнечнаго свѣта...

А длинныя, черныя дороги, тропинки, рвы, рельсы и утопающія въ темнотѣ улицы города, казалось, вытягивались и, выпрямившись, застывали, предаваясь мечтамъ о долгомъ отдыхѣ и снѣ...

Мечталъ также и панъ Плишка; онъ перебиралъ чотки, шепталъ молитвы, водилъ глазами по контурамъ домовъ, но не видѣлъ ничего, будучи погруженъ въ самомъ себѣ, въ какомъ-то туманѣ мыслей, въ хаосѣ непривычныхъ ощущеній, предчувствій, словъ и образовъ и непонятной душевной тревоги.

Онъ не понималъ, что творится въ душѣ его: что-то шевелилось тамъ и рвалось наружу...

Одно онъ понималъ: что ему грустно... Но о чемъ онъ грустить— этого онъ не могъ бы сказать, ибо не зналъ, точно также какъ не зналъ, какъ назвать то чувство, которое переполняло его серде.

Иногда весною, въ дни ненастья, холода и непогоды деревья такъ грустятъ... Но вѣдь они грустятъ по солнцу и веснѣ... А люди?

Люди, какъ тѣ же деревья, когда они умираютъ, грустятъ и плачутъ о томъ, что было и прошло...

Панъ Плишка вздрогнулъ: въ сѣрой полутемнотѣ, наполнявшей дворъ, послышался вдругъ протяжный, монотонный скрипъ...

«Это—Антони», подумалъ онъ.

Да, это былъ Антони, старикъ-рабочій, которому горячимъ паромъ выжгло глаза и который теперь занимался тѣмъ, что поднималъ посредствомъ громаднаго колеса воду на верхніе этажи; въ туманномъ свѣтѣ утренней зари, точно сквозь матовое оконное стекло, видно было, какъ онъ равномѣрно, однообразно нагибался, подобно живому маятнику...

Колесо скрипѣло протяжно, стонало какъ бы отъ боли желѣзо, а Кручекъ злобно лаялъ на дворняжку, которая водила слѣпца на работу...

Панъ Плишка не могъ дождаться фабричнаго свистка, онъ пошелъ въ кухню и потихоньку сталъ разводить въ печкѣ огонь...

— Развѣ уже пора?—послышался чей-то голосъ изъ-за ширмы, прикрывавшей уголъ комнаты.

— Нѣтъ еще; потише, пани, вы разбудите мальчика...

Онъ пошелъ въ другой уголъ комнаты, гдѣ стояла вторая ширма; за нею спалъ мальчикъ, а на столѣ возлѣ него были разбросаны книги и тетрадки; на полу лежалъ ранецъ, а подъ стуломъ валялся школьный мундиръ...

Панъ Плишка привелъ все это въ порядокъ, посмотрѣлъ на раскраснѣвшееся лицо спящаго мальчика, улыбнулся какъ-то странно и, забравъ сапоги, отправился ихъ чистить.

Онъ ихъ чистилъ на дворѣ передъ домомъ, чтобы никого не разбудить.

Это были жалкіе сапоги, состоявшіе изъ изъяновъ, заплатъ и швовъ, съ лирическимъ отпечаткомъ нужды и нищенства: безъ подошвъ и безъ каблуковъ, но съ гордо задранными вверхъ носами.

Панъ Плишка чинилъ ихъ самъ и чистилъ съ любовью, терпѣніемъ и кротостью стараго, привязаннаго къ хозяину пса.

День, между тѣмъ, надвигался, и окна четвертыхъ этажей домовъ становились розовыми, въ третьихъ они были бѣлыя, во вторыхъ—сѣрыя, между тѣмъ какъ внизу, въ первыхъ этажахъ, блестѣли холоднымъ блескомъ полированнаго базальта.

— Надо ему купить сапоги,—подумалъ панъ Плишка; въ эту минуту пронзительный, хриплый фабричный свистокъ огласилъ воздухъ.

Въ домѣ все проснулось; четыре человѣческихъ фигуры встали съ лежанокъ и начали снаряжаться на работу.

— Что это со мною,—спрашивалъ себя панъ Плишка и прибавлялъ шагу, такъ какъ въ паровомъ отдѣленіи на фабрикѣ запылали уже яркіе огни, и окна нижняго этажа освѣтились.

Панъ Плишка занялъ свое обычное мѣсто на подъемной машинѣ; онъ держался за проволочный шнурокъ и ожидалъ сигнала.

Въ пространствѣ фабричныхъ помѣщеній царила еще тишина; потоки электрическаго свѣта, наводнявшіе собою залы нижнихъ этажей, въ верхнихъ переходили въ невѣрное мерцаніе, среди котораго желѣзные корпусы машинъ казались стадомъ притаившихся и готовыхъ къ прыжку чудовищъ; передаточные ремни тяжело свѣшивались, напоминая обнаженныя артеріи или огромныя руки, повисшія пока еще въ бездѣйствіи.

Рабочіе торопливо вбѣгали, привѣтствовали другъ друга кивкомъ головы, тупо оглядывали залы и затѣмъ безмолвно и робко, съ какою-то трусливою покорностью подходили и становились у машинъ.

Кое-гдѣ, промежъ стальныхъ скелетовъ машинъ, проносился шопотъ недоконченной по дорогѣ молитвы; въ другомъ мѣстѣ слышался тихій разговоръ, въ который вмѣшивался чей-нибудь голосъ погромче и тотчасъ же притихалъ, и только усталые взоры поднимались вверхъ къ окнамъ, за которыми зеленѣли деревья, разстилались покрытыя молодыми всходами поля, а дальше лѣса, солнце, воздухъ... и свобода...

Загудѣлъ сигналъ на работу...

Человѣческія фигуры выпрямились... машины дрогнули... и потокъ грозной силы разлился по всей фабрикѣ...

Ремни напряглись... дрогнули зубчатыя шестерни машинъ... Желѣзныя чудовища зашевелились, и стѣны фабрики задрожали...

Это былъ первый толчокъ, какъ порывъ пронесшагося урагана... послѣдовалъ мигъ колебанія... чувствовалось отчаянное сопротивленіе... напряженіе всѣхъ силъ машинъ и людей... еще одно страшное, неимовѣрное усиліе... борьба на смерть... и вдругъ потрясающій крикъ машинъ, побѣжденныхъ и пущенныхъ полнымъ ходомъ...

— Лифтъ! Четвертый!

Глухо звучалъ призывъ въ глубокомъ и темномъ четырехъэтажномъ колодцѣ, въ которомъ работалъ панъ Плишка на своей подъемной машинѣ...

Онъ потянулъ за шнурокъ и медленно, беззвучно поплылъ вверхъ, точно громадный паукъ на своей паутинѣ...

— Лифтъ! Красильня!

И онъ плылъ внизъ... въ темноту... только сквозь четырехъугольныя отверстія подъемной машины мелькали передъ его глазами, какъ въ калейдоскопѣ, этажи, залы, машины, товаръ и огни...

Онъ проносился мимо «сушильни», залитой розовымъ сіяніемъ ранняго утра; оттуда на него пахнуло раскаленнымъ до невозможности, сухимъ воздухомъ и оглушило грохотомъ машинъ...

Мимо «апретурной», откуда его обдало густымъ облакомъ всевозможныхъ запаховъ: соды, мыла, летучихъ маслъ, сѣроводорода и горячихъ испареній... еще ниже, мимо «стригальни», гдѣ въ причудли-

вомъ туманѣ хлопковой пыли мелькали холодныя, длинныя и изогнутыя лезвія стригущихъ машинъ, а люди, какъ среди снѣжной вьюги, казались видѣніями горячечнаго бреда измученной работою фабрики...

...И еще ниже: мимо «прачешной», черезъ самый центръ тѣсно сомкнутыхъ въ одну сплошную массу визжащихъ и хохочущихъ машинъ, соединенныхъ другъ съ другомъ цѣлою сѣтью передаточныхъ ремней, которые, подобно тысячѣ щупальцевъ чудовищнаго спрута, обгоняя другъ друга, хватаютъ и давятъ все кругомъ; ниспадая съ потолка, перебрасываясь съ одного этажа на другой, поверхъ стѣнъ и черезъ внутренніе дворы, они обматываютъ валы и колеса, свергаются внизъ, опять поднимаются, перепутываются, обхватываютъ и давятъ, и разсвирѣпѣвшіе, неумолимые и неудержимые въ своемъ головокружительномъ бѣгѣ, наполняютъ всю фабрику ликующимъ крикомъ торжества и побѣды...

...И еще ниже: на самое дно фабрики, туда, куда не проникаетъ солнечный свѣтъ, гдѣ нѣтъ ни дня, ни ночи... мимо «красильни», гдѣ газовые рожки въ туманѣ разноцвѣтныхъ испареній горятъ радужными болѣзненными кругами...

Мимо «полоскальницъ», гдѣ монотонно, безъ перерыва, плескается вода... гдѣ воздухъ пропитанъ ѣдкимъ запахомъ красокъ... гдѣ стонутъ машины... гдѣ хаосъ криковъ, движеній и красокъ, и гдѣ люди и машины работаютъ съ сверхъестестественными усиліями...

— Лифтъ!—гремитъ голосъ сверху, и панъ Плишка тянетъ за шнурокъ и ѣдетъ вверхъ; проѣзжаетъ мимо всѣхъ четырехъ этажей, забираетъ людей, товаръ и телѣжки; останавливается на минуту у фабричныхъ залъ, и затѣмъ опускается внизъ въ полумракъ и темноту; опять поднимается вверхъ на солнечный свѣтъ въ верхнихъ этажахъ; въ «сушильнѣ» ему видно солнце и черная полоса лѣсовъ вдали; этажомъ ниже—молодая листва тополей, еще ниже—мутная поверхность фабричныхъ прудовъ; а тамъ, въ нижнихъ этажахъ—опять туманныя видѣнія машинъ и людей... а онъ все плыветъ: тихо, медленно, какъ автоматъ...

Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ панъ Плишка такъ ѣздитъ вверхъ и внизъ.

За все это время онъ ни разу не хворалъ и ни разу не бралъ отпуска.

Онъ представлялъ самую старшую изъ всѣхъ машинъ на фабрикѣ; да, онъ былъ только машина, ибо мало-по-малу онъ забылъ самого себя, свою личную жизнь, и иногда не зналъ, гдѣ и что онъ былъ раньше...

Онъ пересталъ думать и мечтать и даже не могъ, ибо только лишь садился вечерами отдохнуть въ своей избѣ, какъ тотчасъ же погружался въ какое-то неестественное созерцаніе машинъ: онъ ощущалъ въ себѣ движеніе и жизнь своей фабрики; передъ глазами мелькали безконеч-

ныя сѣти ремней, переливались цвѣта тканей, дрожалъ ходъ машинъ, мелькали круги вращающейся стали; въ ушахъ раздавался весь нестройный хоръ фабричныхъ звуковъ; все это—какъ во снѣ, но такъ явственно, такъ живо и отчетливо, что иной разъ онъ боялся пошевелиться, чтобы не быть раздавленнымъ клокотавшими внутри него машинами...

Мало-по-малу онъ сталъ жить только жизнью фабрики и понимать только жизнь машинъ; о нихъ только думать, и притомъ думать съ тревогой и нѣжностью, какъ иные думаютъ о любимомъ существѣ. Какое ему было дѣло до людей? До людей, переливавшихся черезъ фабрику, какъ волны, и исчезавшихъ безслѣдно... до людей, услуживающихъ машинамъ, какъ вѣрные рабы, ищущихъ въ этихъ стальныхъ гигантахъ опоры и защиты для себя, зависящихъ отъ нихъ, и живущихъ единственно по милости этихъ могучихъ, безсмертныхъ и грозныхъ своей премудростью и силой колоссовъ.

Онъ презиралъ изнуренныя фигуры людей, ихъ изможденныя лица и измотавшіяся отъ работы руки... Что̀ были они въ сравненіи съ этими желѣзными, могучими великанами?—Ничтожество... песчинки... ничто...

Въ теченіе двадцати лѣтъ панъ Плишка видѣлъ, какъ десятки тысячъ жалкихъ человѣческихъ существъ гибли на фабрикѣ, подкошенныя машинами и выброшенныя ими, какъ ненужныя тряпки, на улицу, на сорную кучу... а машины жили попрежнему... и фабрика жила...

Онъ презиралъ людей и преклонялся передъ машинами... и чѣмъ дальше, тѣмъ больше жилъ жизнью своей фабрики...

Недѣли считалъ воскресными днями, такъ какъ по воскресеньямъ ходилъ навѣщать своего бывшаго командира—капитана...

Кромѣ того, онъ зналъ, что если солнце свѣтитъ рано утромъ въ «сушильнѣ», въ четвертомъ этажѣ—это значитъ, что на дворѣ весна... если же въ «аппретурной»—значитъ, лѣто... Зиму онъ узнавалъ по снѣгу и еще по тому, что тогда въ «стригальнѣ» горѣлъ весь день огонь...

Кромѣ этого, его ничто не интересовало... Пожалуй, онъ былъ добръ, услужливъ, но пассивно, безъ участія воли и сознанія...

Таковъ былъ панъ Плишка до сегодняшняго дня; но въ этотъ день съ нимъ произошло что-то непонятное...

Проснулся онъ необычайно рано.

Передъ завтракомъ онъ нарочно поднялся съ лифтомъ до четвертаго этажа, и здѣсь, прильнувъ лицомъ къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей колодецъ отъ зала, смотрѣлъ черезъ окно на небо, по которому плавали розоватыя тучки, такъ похожія на размотанные тюки чистаго, прозрачнаго хлопка.

Когда же раздался свистокъ на завтракъ, онъ опустился внизъ, вышелъ на освѣщенный солнцемъ дворъ и присѣлъ къ рабочимъ...

Антось ожидалъ его тамъ съ жестянымъ кофейникомъ...

Горячее кофе ему показалось безвкуснымъ; ему не хотѣлось ѣсть, а хлѣбъ онъ раскрошилъ и бросилъ стаѣ воробьевъ, слетѣвшихся по обыкновенію къ завтракающимъ рабочимъ...

— Вы идете въ школу, Антось?—нерѣшительно спросилъ онъ у мальчика...

— Да; отнесу только кофейникъ и пойду...

— Навѣрное, вамъ тяжело учиться да учиться, не правда ли?

— Тяжело? Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ мальчикъ, глядя въ сторону, на отраженіе солнца въ фабричномъ пруду...

— Ну, сознайтесь ка? Вѣдь тяжеловато? Не правда ли?—настаивалъ панъ Плишко.

Оба молчали. Антось смотрѣлъ на прудъ, въ которомъ, казалось, солнце сквозь стоящія кругомъ его деревья купало свои длинные золотые волосы, а панъ Плишка разсматривалъ его блѣдное, худенькое лицо, покраснѣвшіе глаза и истрепанные сапоги; затѣмъ онъ вздохнулъ, и сталъ прислушиваться къ разговору рабочихъ, грѣвшихся на солнцѣ на плотинахъ прудовъ...

— А знаете, панъ Плишка, мы съ мамой на Троицу собираемся въ деревню...

— Въ деревню? Это зачѣмъ же?—удивленно спросилъ онъ.

— Какъ зачѣмъ? Отдохнуть и подышать чистымъ воздухомъ...

— Что же тамъ хорошаго, въ деревнѣ? Лучше бы вы, Антось, оставались дома и учились... Жаль сапоговъ...

Антось сердито посмотрѣлъ на него и ушелъ, унося кофейникъ...

«Вотъ что: куплю ему сапоги, когда вернется изъ деревни... а то вѣдь въ два дня изорветъ ихъ... Что они тамъ будутъ дѣлать въ деревнѣ... глупый народъ!»

Онъ поспѣшно вытрясъ трубку, потому что раздался свистокъ на работу...

Ему некогда было думать о деревнѣ: кругомъ него, внизу и сверху, все опять гремѣло и клокотало...

— Лифтъ! Сушильня!

— Лифтъ! Апретурная!

— Лифтъ! Красильная!

И онъ опять поднимался и опускался, возилъ, останавливался, принималъ, сдавалъ, и все это дѣлалъ, самъ того не замѣчая, потому что въ головѣ его засѣлъ одинъ вопросъ:

«Зачѣмъ они ѣдутъ въ деревню?»

Онъ никакъ не могъ этого понять, и, вѣроятно, потому его и мучила эта мысль...

Но вотъ онъ услышалъ разговоръ, происходившій между двумя его пассажирами: онъ ихъ везъ снизу въ четвертый этажъ вмѣстѣ съ телѣжками, нагруженными мокрымъ товаромъ...

— Поѣдешь, Адамъ?

— Поѣду... Съ осени не видалъ своихъ стариковъ...

— Значитъ, въ субботу на ночь...

— Ну да, вѣдь два дня праздника...

— У меня уже ломитъ спину отъ этой адской работы...

— А у меня болитъ грудь...

— Стало быть... Троица настала?

— Ну да, развѣ ты не знаешь.

— На этой фабрикѣ проклятой у человѣка голова идетъ кругомъ...

— Куда это вы собираетесь?—быстро спросилъ панъ Плишка...

— Домой, на праздники...

— Далеко?

— Нѣтъ... по чугункѣ до Лукова, а тамъ еще съ полъ мили пѣшкомъ...

— Луково... Луково... это недалеко отъ «Шляхетской Воли»?

— Да... это нашего же прихода: совсѣмъ близко отъ нашейдеревни...

— Да вы изъ какой деревни?

— Изъ «Горной Мшавы».

— А-а, знаю... сейчасъ же влѣво отъ шоссе... не правда ли?—припоминалъ панъ Плишка.

Они сошли и въ теченіе дня не разъ еще поднимались и опускались на лифтѣ, но панъ Плишка не разспрашивалъ ихъ больше, а молчалъ, внимательно присматриваясь къ чему-то.

«Шляхетская Воля!»—вѣдь это моя деревня! моя!.. Онъ остановился на этомъ воспоминаніи и жевалъ его, какъ лошадь удила, жевалъ и не могъ проглотить...

Онъ улыбнулся презрительно при этомъ воспоминаніи о родной деревнѣ; какое ему дѣло до нея?»

«Въ деревню хочется имъ! холопы!»

Онъ былъ шляхтичъ, какъ всѣ они тамъ, въ «Шляхетской Волѣ» съ тремя «загонами» земли и «однимъ коровьимъ хвостомъ»; тѣмъ не менѣе онъ шляхтичъ... дворянинъ... онъ это особенно ясно сознавалъ въ эту минуту... Затѣмъ онъ началъ считать:

— Вотъ уже скоро тридцать лѣтъ... да... три года, пять лѣтъ, а тамъ Лодзь и фабрика.

Да, тридцать лѣтъ—порядочный промежутокъ времени... Онъ самъ удивился, что это было уже такъ давно... Оглянулся назадъ, въ прошлое, въ длинный рядъ тридцати годовъ жизни, и имъ овладѣло не то безпокойство, не то печаль... Мозги начали работать, и душа съ трудомъ, какъ сквозь густую заросль, старалась пробиться сквозь стѣну этихъ тридцати сѣрыхъ, пустыхъ, потонувшихъ въ забвеніи годовъ—туда, назадъ, къ временамъ дѣтства, юности, и еще дальше назадъ, къ самой колыбели его жизни...

И только теперь, въ эту минуту, онъ вспомнилъ, что когда-то онъ былъ молодъ, что у него была родина, семья, и жизнь иная...

«Мужичье! Зачѣмъ имъ ѣхать въ деревню»? — думалъ онъ, раздражаясь все болѣе и болѣе... Онъ пытался отогнать отъ себя воспоминанія, которыя такъ и ползли изъ расщелинъ его мозга, окружая его назойливымъ, надоѣдливымъ роемъ...

Впервые въ теченіе двадцати лѣтъ панъ Плишка сегодня работалъ плохо: не слышалъ сигналовъ, поднимался не туда, куда слѣдовало, и исчезалъ въ глубинѣ своего колодца; отъ этого происходилъ общій безпорядокъ; доставка товара замедлялась, нѣкоторыя машины должны были ждать матеріала... Онъ обратилъ на себя общее вниманіе, и въ субботу при разсчетѣ кассиръ ему сдѣлалъ выговоръ:

— Плишка, съ васъ штрафъ за непорядокъ и опозданіе...

Панъ Плишка замеръ, какъ пораженный громомъ, а затѣмъ вознегодовалъ:

— Съ меня штрафъ?.. съ меня!... двадцать лѣтъ служу на фабрикѣ, ни разу не платилъ, и теперь не заплачу.

— Заплатите, такъ велитъ господинъ Демэль.

— Господинъ Демэль! Ну, что же, заплачу,—сказалъ панъ Плишка, внезапно успокоившись, и онъ поплелся домой, повторяя про себя: — вотъ кто! господинъ Демэль... .

Кручекъ поджидалъ его у воротъ фабрики и привѣтствовалъ радостнымъ лаемъ...

— Кручекъ! господинъ Демэль обидѣлъ твоего хозяина! слышишь? господинъ Демэль!

Кручекъ при этомъ ненавистномъ имени началъ лаять, какъ будто отгоняя невидимаго врага и мстя за своего хозяина...

Панъ Плишка забылъ обо всемъ; сидѣлъ въ своей комнатѣ у окна, курилъ трубку и ни съ кѣмъ не заговаривалъ, не обращая вниманія даже на Кручека.

Рабочіе торопливо собирались въ путь; умывались подъ краномъ во дворѣ, наряжались въ праздничныя платья и наполняли весь домъ праздничнымъ настроеніемъ, между тѣмъ какъ хозяйка, пани Радзикова, и Антось помогали увязывать дорожныя котомки.

— Что вы, Адамъ, везете съ собой?—спрашивала хозяйка.

— Платокъ для матери, отцу фуражку, а дѣвочкамъ бусы...

— А вы, Петръ?

— Матери на юбку...

— А Юзефъ?

— Я—ничего... развѣ мнѣ есть куда поѣхать или кому дарить? — отвѣтилъ Юзефъ сердито, отодвинулъ стулъ и вышелъ на дворъ. До поздней ночи слышно было, какъ онъ игралъ на гармоникѣ, стараясь хоть за этимъ позабыть свое одиночество...

Пани Радзикова, между тѣмъ, разложила всѣ подарки на столъ, любовалась ими при свѣтѣ лампы и бережно складывала, точно святыни.

«Глупые!» подумалъ панъ Плишка, свиснулъ Кручека и вышелъ на дворъ къ Юзефу; онъ почувствовалъ вдругъ озлобленіе противъ этихъ людей; онъ ненавидѣлъ ихъ за ихъ улыбающіяся, радостныя лица...

Онъ присѣлъ на панель подъ окномъ своей избы и тупымъ бессмысленнымъ взглядомъ смотрѣлъ на луну, уже поднявшуюся надъ городомъ и парившую, точно огненная птица, по темно-голубымъ небесамъ...

Какая-то небывалая тоска сжимала его сердце, и на глаза навертывались слезы, которыхъ онъ не могъ удержать, несмотря на то, что то и дѣло протиралъ глаза кулакомъ.

Долго онъ такъ сидѣлъ, всматриваясь въ луну и прислушиваясь къ музыкѣ Юзефа, а только онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, и не понималъ.

Былъ тихій майскій вечеръ и канунъ праздника, когда въ фабричномъ городѣ все отдыхаетъ.

Огни въ окнахъ погасали; фабрики стояли безмолвныя, точно уснувшія; на улицахъ было пусто, и онѣ, казалось, тоже уснули; дома погрузились въ тишину, людская толкотня прекратилась, и только луна свѣтила все ярче, только листья деревьевъ шептались между собою, какъ будто тянулись вверхъ, къ серебристому туману, и пили свѣтъ, тишину и покой.

— До свиданія! Оставайтесь съ Богомъ!—закричалъ кто-то черезъ окно.

— Ступайте къ чорту!—сердито ворчалъ панъ Плишка.

Но ему не сидѣлось на мѣстѣ; онъ всталъ и пошелъ слѣдомъ за ними, медленно, такъ какъ деревянная нога казалась ему особенно тяжелою. Онъ остановился среди дороги и смотрѣлъ за ними вслѣдъ.

Долго виднѣлись ихъ темные силуэты съ бѣлыми котомками на плечахъ; они подвигались черезъ поле къ станціи желѣзной дороги. При лунномъ свѣтѣ онъ видѣлъ ихъ очень отчетливо и такъ засмотрѣлся на нихъ, что даже не замѣтилъ, когда они исчезли вдали.

Панъ Плишка возвращался домой усталый; медленно проходилъ онъ мимо фабрики и вдругъ задрожалъ отъ испуга: лунный свѣтъ, проникая черезъ боковыя окна, освѣщалъ все пространство насквозь, и онъ отчетливо увидѣлъ, какъ стальныя громады машинъ придвинулись ближе къ окнамъ, и ихъ стальные лбы наклоняются и смотрятъ на него такъ грозно и зловѣще, что онъ перекрестился и торопливо бросился къ камню подъ окномъ своей избы.

Юзефъ все еще сидѣлъ съ гармоникой и игралъ все съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ—то веселый вальсъ, то порывистую мазурку, отъ которой казалось стонетъ гармоника, то пѣсенку какую-то: простую, унылую и грустную, какъ тѣ, что раздаются въ осеннія ночи, и переполнены завываніями вѣтра, плачемъ умирающихъ отъ холода

деревъ, стонами усталой земли, и шелестомъ засохнувшихъ былинокъ; а за воротами вторилъ ему фабричный сторожъ на пастушьей свирѣли, сегодня же, вѣроятно, срѣзанной изъ тѣхъ вербъ, что росли на берегу фабричнаго пруда, и въ ея заунывной пѣснѣ слышались жалобы этихъ вербъ, ихъ плачъ о солнцѣ, о вѣтрѣ, что мечется по полю...

— Юзефъ, перестань играть! Разыгрался и мѣры не знаешь—прикрикнулъ на него панъ Плишка и пошелъ къ себѣ въ домъ.

Пани Радзикова еще не спала; она довязывала бахрому у шерстяныхъ платковъ, кипы которыхъ были разложены на полу.

Въ другомъ концѣ стола Антось, заткнувъ обѣими руками уши, доканчивалъ зубрить свои уроки ..

— Довольно, пани, пожалѣйте свои глаза.

— Я должна сегодня кончить. Вѣдь завтра мы собираемся ѣхать въ деревню къ моему брату—ксендзу: у Антося нѣтъ сапоговъ, да и надо вносить плату за ученіе.

Панъ Плишко усѣлся возлѣ низкаго камина и то и дѣло поколачивалъ щипцами по догорающимъ углямъ. Кручекъ вытянулся на полу у его ногъ и дремалъ.

Въ комнатѣ было тихо; со двора доносилась игра Юзефа, а стѣнные часы тикали медленно и монотонно...

— Надолго вы уѣзжаете, пани?

— На два или три дня... Платки я сегодня кончу, такъ будьте добры, панъ Плишка, сдайте ихъ на фабрику въ понедѣльникъ.

— Въ понедѣльникъ—праздникъ,—буркнулъ онъ.

— Да, но вѣдь фабрика еврейская; стало быть, контора будетъ открыта.

— Ага... хорошо.

— Вы, панъ Плишка, никуда не собираетесь уѣхать на праздники?

— Еще чего? Я не богачъ, чтобы разъѣзжать—отвѣтилъ онъ съ особымъ удареніемъ, бросилъ щипцы и пошелъ спать.

Но онъ не могъ уснуть. Черезъ часъ къ нему заглянула пани Радзикова.

— Мы уѣдемъ до восхода солнца, такъ я хотѣла попросить васъ, чтобы вы присматривали за квартирой.

Онъ не отвѣтилъ и лежалъ, какъ мертвый: его мучило странное, непонятное для него безпокойство и овладѣвало имъ все больше и больше; это была какая-то, пока еще, безцѣльная, но невыразимо мучительная тоска.

«Всѣ уѣзжаютъ... баре... какъ же... хочется прогуляться...» И онъ опять кулакомъ старался отогнать тѣнь, заволакивавшую ему глаза...

Вѣдь нищіе... а на поѣздки деньги есть... и я вѣдь могъ бы... если бы хотѣлъ... да, еслибъ я захотѣлъ... Онъ ощупалъ мѣшочекъ, который носилъ на груди, и въ которомъ хранились всѣ его сбереженія за 20

трудовыхъ лѣтъ... Захочу—пропью или отдамъ первому встрѣчному... захочу тоже поѣду, какъ они...

Да, но куда ѣхать?.. онъ провелъ рукою по влажнымъ глазамъ.

«Вѣдь одинъ я, одинъ, какъ... этотъ... Кручекъ ..»

А-а, мужичье! На дачу имъ захотѣлось.

Онъ ощущалъ въ себѣ цѣлый пожаръ тоски и цѣлое море горечи.

На другой день онъ всталъ очень поздно. Пани Радзиковой уже не было, а яркое, веселое солнышко освѣщало всю комнату.

Онъ собрался съ мыслями, и прежде всего ему припомнился штрафъ, который пришлось заплатить по приказанію пана Демэля.

— Кручекъ!—позвалъ онъ.

Собака лѣниво потягивалась, поглядывая на своего хозяина.

Панъ Плишка повѣсилъ на дверяхъ старый изорванный тулупъ.

— Кручекъ! твой панъ заплатилъ штрафъ... слышишь? Кручекъ! Господинъ Демэль! Кусь его! Кусь, господина Демэля, Бери, хватай! не давай обижать хозяина!

Онъ кричалъ до хрипоты; схватилъ палку и билъ ѐю по тулупу, а Кручекъ лаялъ съ остервенѣніемъ, прыгалъ и рвалъ зубами тулупъ, какъ будто видѣлъ передъ собою настоящаго врага, которому мстилъ за обиду.

— Довольно, Кручекъ, будетъ... Теперь пойдемъ съ рапортомъ къ нашему капитану.

Собака прикурнула на полу, а панъ Плишка старательно выбрился, надѣлъ праздничный старомодный сюртукъ, пришпилилъ къ груди три какихъ-то ордена, принарядился и торжественно ушелъ со двора.

— Въ костелъ идете, панъ?—спросилъ изъ другой комнаты Юзефъ.

— Ступай ты—я не пойду...

Панъ Плишка каждый день горячо молился Богу, но въ костелъ не ходилъ никогда.

— Я не изъ іезуитовъ,—говаривалъ онъ.

II.

Панъ Плишка шелъ къ своему бывшему начальнику, служившему теперь матеріальнымъ на одной изъ фабрикъ; онъ жилъ далеко, за «рынкомъ Геера», на самомъ концѣ города, почти въ полѣ.

Для пана Плишки это было очень далеко, въ виду его старости и деревянный ноги, но онъ шелъ быстро, какъ бы убѣгая отъ одиночества и опустѣвшаго дома.

Онъ не могъ забыть обиды, нанесенной ему пани Радзиковой—и Радзиковой и рабочими—и состоявшей въ томъ, что они уѣхали въ деревню, поэтому онъ шелъ, какъ бы нарочно для того, чтобы пожаловаться кому-нибудь.

*

Кручекъ, вѣроятно, зналъ, что дѣлается въ душѣ его хозяина, потому что тихо брелъ позади его и поминутно поднималъ къ нему свои умные глаза.

— Хорошо, хорошо, Кручекъ—шепталъ панъ Плишка, пробираясь боковыми улицами, такъ какъ не любилъ ходить по Петроковской, гдѣ было слишкомъ людно.

Капитанъ былъ дома и какъ разъ сидѣлъ передъ зеркаломъ, съ намыленными щеками и бритвою въ рукѣ.

— Плишка—имѣю честь явиться, панъ капитанъ!

— А-а? что? Плишка... ну, что слышно?..

— Все обстоитъ благополучно,—панъ капитанъ...

— Что? Благополучно .. ну и хорошо... прекрасно... Вычисти-ка мнѣ сапоги и покорми моихъ сорванцевъ... Что ты говоришь?

Панъ Плишка всегда съ удовольствіемъ чистилъ сапоги капитана и кормилъ его птицъ, которыя своимъ щебетаніемъ и криками наполняли всю комнату, такъ какъ ихъ было больше сотни въ клѣткахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ...

— Женился, хлопецъ, что?—спрашивалъ капитанъ, водя бритвой по намыленной щекѣ.

— Никакъ нѣтъ...

— Что ты говоришь? нѣтъ? Прекрасно, потому что въ походѣ баба ни къ чему, понимаешь?

— Такъ точно,—отвѣчалъ панъ Плишка, дѣлая подъ козырекъ.

— Что ты говоришь? понимаешь... ну, и прекрасно...

Капитанъ началъ свистѣть, оттачивая на ремнѣ бритву; птицы вторили ему хоромъ, и поднялся такой шумъ, что даже Кручекъ залаялъ въ сѣняхъ...

— Пся кревъ!..—выругался вдругъ панъ Плишка сквозь затиснутые зубы...

— Что ты говоришь?—спросилъ капитанъ, быстро къ нему оборачиваясь...

— Я сказалъ: пся кревъ, панъ капитанъ.

— Что ты говоришь? А-а, пся кревъ...

Онъ посмотрѣлъ въ окно, сплюнулъ и началъ умываться...

— Водки выпьешь? Эй, Магда, подай-ка водки...

Вошла Магда, баба, какъ стогъ сѣна... тяжелая, какъ артиллерійскій фургонъ, такъ что половицы гнулись подъ ея тяжестью...

Она налила изъ графина большой стаканъ водки и поставила его передъ паномъ Плишкой.

Тотъ выпилъ, сдѣлалъ подъ козырекъ и хотѣлъ поцѣловать капитана въ плечо...

— Смирно, стройся!—скомандовалъ капитанъ.

Панъ Плишка выпрямился во весь ростъ и постоялъ такъ одну

минуту; потомъ вдругъ отдалъ по военному честь и вышелъ изъ комнаты, не говоря ни слова и не слушая призывовъ капитана...

Что-то дергало его и заставило уйти; онъ самъ не зналъ, что это было такое, но покорялся этому влеченію, и снова шагалъ, точно убѣгая отъ чего-то.

На Петроковской улицѣ онъ убавилъ шагу, потому что нога заболѣла; онъ сердился и нетерпѣливо ударялъ палкой по деревяшкѣ...

Зачѣмъ они уѣхали? Вопросъ этотъ не давалъ ему покоя... предстояло цѣлыхъ два дня провести въ одиночествѣ.

«Надо воспользоваться праздникомъ»,—рѣшилъ онъ.

И онъ имъ воспользовался: бродилъ по улицамъ, заходилъ въ кабаки, зѣвалъ на толпу, но ни на одну секунду не могъ забыться.

Городъ, между тѣмъ, кипѣлъ праздничною жизнью и беззаботнымъ весельемъ...

Солнце потоками свѣта заливало всю Лодзь; крыши и окна домовъ сверкали; фабрики купались въ солнечныхъ лучахъ; внутри ихъ стѣнъ, въ складахъ, конторахъ и дворахъ—всюду царствовала тишина, и только на главной улицѣ колыхались толпы стремящихся къ жизни и къ веснѣ людей, волнами переливаясь изъ одного конца города въ другой.

Въ кабакахъ визжали шарманки, а особенно на окраинахъ, у каруселей, и около балагановъ, гдѣ показывались разнообразнѣйшія диковинки.

Панъ Плишка вмѣшался въ людскую волну и плылъ вмѣстѣ съ нею; двигался, останавливался и опять подвигался впередъ, съ тою безсмысленною инертностью человѣческаго стада, не знающаго, что̀ дѣлать съ собою на вольномъ воздухѣ, стада, не умѣющаго ни развлекаться, ни жить...

Веселье ихъ было скучное и безмолвное... Разговоры велись какимъ-то сдавленнымъ, тревожнымъ голосомъ; точно также тревожны были ихъ взгляды, а движенія медленны и методичны, приспособлены къ движеніямъ машинъ, на которыхъ работали эти люди. Ихъ сѣрыя мертвенныя лица, обвислыя плечи, плоскія груди, все было приспособлено къ тѣснотѣ фабричныхъ помѣщеній, къ конструкціи машинъ, къ стѣнамъ и потребностямъ фабрики.

Весь этотъ рой людей, нѣтъ,не людей—рой упрощенныхъ колесиковъ и шастернъ, этихъ несложныхъ фабричныхъ механизмовъ, толпился на улицахъ, пилъ въ кабакахъ, качался на каруселяхъ, развлекался въ звѣринцахъ и балаганахъ, танцовалъ въ тѣсныхъ комнатахъ ресторановъ, сидѣлъ у воротъ домовъ и не зналъ, что съ собою дѣлать въ это праздничное, свободное отъ работы время. Ихъ смущали солнечный свѣтъ, вольный просторъ, чистый воздухъ, и сознаніе своей зависимости отъ чудовищъ—фабрикъ, временно дремлющихъ, но дол-

женствовавшихъ проснуться, угнетало ихъ и подавляло въ нихъ всякое проявленіе индивидуальности и волновавшихъ ихъ чувствъ.

Какъ будто фабрики, хотя и отдыхали, но тысячами оконъ и сотнями трубъ слѣдили: заглядывали въ улицы, на площади и въ переулки, на поля и въ дома и сторожили своихъ невольниковъ, тяготѣя надъ ними всею тяжестью непоколебимой власти...

Панъ Плишка чувствовалъ все это вмѣстѣ съ другими... не понималъ, но чувствовалъ; онъ далъ себя увлечь толпѣ и вмѣстѣ съ нею очутился за городомъ, въ полѣ ему показалось, что онъ выброшенъ волною на какой-то невѣдомый берегъ... волна разбѣжалась, а онъ остался одинъ среди зелени, цвѣтовъ, упоительной тишины и щебета птичекъ...

Да, волна разбѣжалась по этому зеленому берегу, а онъ остался съ Крýчекомъ, глупо смотрѣвшимъ то вверхъ, за полетомъ жаворонковъ, то на колыхающуюся ниву...

Влажный и прохладный вѣтеръ рѣялъ надъ полями.

Панъ Плишка долго стоялъ и смотрѣлъ на этотъ зеленый, усѣянный цвѣтами, колыхающійся коверъ... Затѣмъ презрительно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ по межамъ расположились люди, такъ что виднѣлись однѣ ихъ головы, и позвалъ свою собаку:

— Крýчекъ! сюда, Крýчекъ!

Онъ звалъ громко, но собака какъ будто ошалѣла: кидалась въ ниву, очертя голову гналась за ласточками, лаяла на облака, обнюхивала мураву и цвѣты, каталась по пашнѣ, то опять бѣжала безъ оглядки, подпрыгивая среди шумящаго зеленаго моря колосьевъ, снова останавливалась и удивленными глазами глядѣла на колосья, двигавшіяся, казалось, прямо ей навстрѣчу...

— Хорошее удовольствіе... нечего сказать... даже присѣсть негдѣ,— ворчалъ панъ Плишка, недовольный всѣмъ и всѣми, а въ особенности Крýчекомъ. Съ презрѣніемъ отвернулся онъ отъ полей и пустился въ обратный путь, торопясь насколько хватало его силъ.

Было уже совершенно темно, когда Крýчекъ вернулся домой.

— Такъ и ты меня оставляешь одного! Ты—холопъ! Хамъ глупый! И тебѣ захотѣлось деревни, а?

Онъ кричалъ бѣшено, но при видѣ собаки, не защищавшейся, а только жалобно, жалобно стонавшей и смотрѣвшей ему въ глаза такъ кротко, съ такой мольбой, и лизавшей его руки, онъ опомнился и схватилъ Крýчека на руки и заплакалъ, навѣрно, первый разъ въ своей жизни...

— Молчи, Крýчекъ, молчи!.. Ты видишь! Твой хозяинъ... видишь... одинъ... одинъ...

Дальше онъ не могъ говорить.

Зато вечеромъ онъ долго и горячо молился..

Невесело провелъ панъ Плишка первый день праздниковъ...

На второй день онъ не могъ справиться съ собою... Такъ пусто и

тоскливо казалось ему дома, такъ глупо въ кабакѣ и притомъ такая тоска, что онъ началъ считать часы, остававшіеся до возвращенія «глупыхъ холоповъ».

Въ полдень онъ не выдержалъ и пошелъ на фабрику... Здѣсь онъ бродилъ по пустымъ заламъ. Залы, казалось, дремали, также какъ и машины... Ремни и колеса свѣшивались въ бездѣйствіи какъ бы въ глубокомъ забытьи; фантастично-уродливые корпуса машинъ, ихъ стальные лбы и руки выдѣлялись темными причудливыми пятнами на золотистомъ фонѣ залитаго солнечными лучами пространства... вороха разноцвѣтныхъ тканей громоздились до самаго потолка; въ корридорахъ была тишина; паровые котлы остыли и молчали; но вездѣ, на каждомъ шагу, въ каждомъ уголкѣ машинъ чувтвовалась могучая, страшная сила, задержанная на время, но сосредоточенная и притаившаяся, какъ звѣрь. По заламъ вѣяло какое-то еле ощутимое движеніе; слышались какіе-то звуки; таинственные шопоты перебѣгали вдоль стѣнъ и машинъ... гдѣ-то треснетъ спайка... сдвинется ремень... гайка скрипнетъ... заскрежещетъ шестерня... станокъ колыхнется... или внезапно зазвенитъ окно... а потомъ опять тишина... леденящее сердце безмолвіе усталыхъ машинъ, отдыхающаго отъ работы металла...

Панъ Плишка побоялся дольше ходить по заламъ; его охватила дрожь, а величіе отдыхающихъ машинъ гипнотизировало его...

Онъ присѣлъ у одного изъ оконъ и замеръ въ неподвижной позѣ, шепталъ молитву, стараясь не смотрѣть на машины, которыя, онъ это чувствовалъ, смотрѣли на него...

Этотъ блескъ полированной стали точно блестящими взглядами пронизывалъ его и наполнялъ душу холодомъ и тревогой; а между тѣмъ эти взгляды сверкали отовсюду: отъ свитковъ стальныхъ пружинъ, отъ балокъ, досокъ и колесъ, и рамъ, и шестернъ и наполняли пространство неестественнымъ, наводящимъ ужасъ свѣтомъ; свѣтомъ изъ другого міра; свѣтомъ власти злой и неумолимой...

Несмотря на все это, панъ Плишка чувствовалъ себя здѣсь лучше, чѣмъ дома, потому что здѣсь онъ забывалъ себя самого, забывалъ бремя собственной души и не ощущалъ тоски. Прильнувъ, какъ рабъ, къ ногамъ покоящихся гигантовъ, онъ хотя и боялся, но былъ покоенъ при нихъ, потому что не былъ одинъ.

Поздно вечеромъ вернулся панъ Плишка домой.

Пани Радзикова была уже дома; она весело поздоровалась съ нимъ, угостила разными сластями, привезенными изъ деревни и разсказывала съ увлеченіемъ о томъ, какъ тамъ, у брата-ксендза, все хорошо, какъ цвѣтутъ яблони, какой превосходной молодой картофель, какъ дешево коровье масло, какъ гусятъ тамъ кормятъ рублеными яйцами, а поросятъ—свѣжимъ неснятымъ молокомъ.

Съ искреннимъ восторгомъ показывала она ему старую сутану *) и большіе сапоги съ голенищами, которые ксендзъ подарилъ для Антося; они нѣсколько велики для него но все равно—пошли ему Богъ здоровье и за это—ей онъ подарилъ шубу; правда, верхъ весь въ жирныхъ пятнахъ и изорванъ, а мѣхъ давно съѣденъ молью... а всетаки добрый, благородный и сердечный человѣкъ... и она расчувствовалась и всплакнула надъ тѣмъ, что есть еще добрые, сердечные люди... и что она—бѣдная женщина, зарабатывающая на пропитаніе сына... Зато у нея есть братъ—ксендзъ, у котораго есть и деньги, и лошади; который всѣми уважаемъ: людьми богатыми—помѣщиками, такими знатными, что когда вчера они пріѣхали къ нему на обѣдъ, она не осмѣлилась сѣсть за общій столъ, а предпочла ѣсть на кухнѣ съ Антосемъ, радуясь уже тому, что съ ними сидѣлъ ея братъ, какъ равный съ равными...

И она тараторила безъ конца, разсказывая о поѣздкѣ; лицо ея загорѣло отъ вѣтра, и вся она, казалось, была переполнена солнцемъ, жизнью, вѣрою и надеждою, привезенными съ собою оттуда, съ полей, луговъ и лѣсовъ. Послѣ нея сталъ разсказывать Антось; сердце, его билось отъ радостныхъ воспоминаній, а въ глазахъ свѣтились слезы восторга и счастья...

— О-о, какъ только выросту, заберу маму съ собою, и поѣдемъ въ деревню, и тамъ будемъ жить; тамъ такъ хорошо!—И онъ въ восторгѣ разсказывалъ все одно и то же, безъ конца, такъ что мать должна была вмѣшаться и отправить его спать, а то онъ не пересталъ бы разсказывать всю ночь...

Панъ Плишка слушалъ внимательно, но не произнесъ ни одного слова...

«Только тамъ, въ деревнѣ, хорошо», повторялъ онъ въ душѣ слова Антося и какъ-то странно улыбался.

Поздно вечеромъ, около полуночи возвратились рабочіе. Они ворвались въ комнату, какъ весенній вихрь, веселые и довольные, и огласили домъ громкими восклицаніями и разговоромъ.

Ихъ загорѣлыя лица дышали радостью; они тотчасъ же улеглись, но долго еще болтали и смѣялись... У Адама лицо было распухшее; но это ничего: подрался съ кѣмъ-то въ кабакѣ; надо же было «порасправиться». Ого-го! силенка еще есть! Еще не вымотала ее эта Лодзь! Пусть только онъ вернется къ своимъ да поживетъ недѣльку, другую... онъ дастъ еще знать о себѣ...

— Спали бы лучше! Чего горланите! не даете уснуть человѣку—прикрикнулъ на нихъ панъ Плишка и сердито хлопнулъ дверью... Какое ему было дѣло до того, о чемъ они болтали...

«Расквасили ему рыло, а это быдло радуется... Мужичье!» думалось пану Плишкѣ.

*) Ряса католическихъ священниковъ.

«Увидали коровьи хвосты—и довольны...» И имъ овладѣло такое бѣшенство, что ему захотѣлось поколотить Кручека, но онъ не поколотилъ его, и до утра сидѣлъ на кровати и горячо молился, стараясь отогнать ту тоску и мучительное безпокойство, какія навели на него недавно слышанные разговоры...

— А, чтобы вамъ провалиться!.. Человѣкъ работаетъ, какъ волъ, и нѣтъ у него отдыха!...

Утромъ изъ устъ его вырвалось проклятіе: онъ самъ не зналъ, по чьему адресу.

Онъ вымещалъ свою злобу на подъемной машинѣ и приставалъ съ нею такъ яростно, что она всякій разъ стонала, отъ ударовъ о пороги этажей.

Онъ рѣшилъ, что не будетъ ихъ разспрашивать ни о чемъ, но встрѣтившись съ ними разъ-другой, не выдержалъ и освѣдомился рѣзкимъ и нерѣшительнымъ тономъ:

— Ну, что? Попали домой?

Они переглянулись съ удивленіемъ: развѣ можно не попасть домой?..

— Да правда... вѣдь это тутъ-же возлѣ шоссе, влѣво, между тополями...

— Тополи! ого! Давно уже велѣлъ ихъ срубить помѣщикъ...

— Нѣтъ развѣ тополей?—Сердце его дрогнуло и онъ продолжалъ торопливо:

— А потомъ—кладбище возлѣ часовни...

— Часовня?—да я еще пасъ деревенское стадо, когда ее разобрали...

... а потомъ—черезъ мостикъ, при корчмѣ... и сейчасъ деревня...

— Да, да,... да только нѣтъ уже ни мостика, ни корчмы...

Онъ больше не разспрашивалъ.

«Тополи, часовня, корчма, мостикъ— ничего этого нѣтъ... почему нѣтъ?»

Нѣтъ, они есть... онъ ихъ помнитъ, какъ сейчасъ, онъ видитъ ихъ...

И въ теченіи всей недѣли онъ больше не заговаривалъ съ ними и не разспрашивалъ, а жилъ воспоминаніями о тополяхъ, часовенькѣ, мостикѣ и корчмѣ...

Только въ субботу, послѣ работы онъ подсѣлъ къ нимъ и спросилъ:

— И хорошо тамъ?

— Господи Іисусе! да я только до Иванова дня работать буду въ Лодзи, а потомъ ну ее къ чорту, и Лодзь, и фабрику...—Тьфу...

Панъ Плишка презрительно улыбнулся...

— Поденщикъ въ деревнѣ больше баринъ въ буничной день, чѣмъ фабричный рабочій въ воскресенье...

— Глупости вы говорите, Адамъ! возразилъ панъ Плишка, но все-таки принесъ водки и угостилъ ихъ, и заставилъ разсказывать о каж-

дой тропинкѣ, о каждомъ деревѣ, о поляхъ, лѣсахъ и обо всемъ. И онъ такъ заинтересовался, такъ увлекся деревенской жизнью, что Адамъ, наконецъ сказалъ:

— Да почему вы, панъ Плишка, не бросите фабрики? Купите себѣ земли между своими, и будете у себя хозяиномъ, а не поденщикомъ на фабрикѣ, какъ всѣ мы...

Пана Плишку этотъ проэктъ вывелъ изъ себя; онъ обозвалъ ихъ глупымъ мужичьемъ и ушелъ къ себѣ...

Ночью онъ проснулся и сѣлъ на постели...

Вернуться развѣ?.. А можетъ-быть, тамъ кто нибудь изъ моихъ еще живъ?..

Онъ не уснулъ больше въ эту ночь, да и въ слѣдующія затѣмъ ночи не спалъ...

Дни между тѣмъ, одинъ за другимъ шли неизмѣнимымъ чередомъ...

... дни весенніе, солнечные, чарующіе...

Панъ Плишка плакалъ отъ душевной муки.

... дни дождливые, сырые, скучные, длинные, какъ неутѣшная скорбь...

Панъ Плишка изнемогалъ отъ тоски...

... дни зимніе, печальные и усталые, какъ измученная работой машина...

Панъ Плишка молился...

... и вечера были, какъ тяжелый бредъ умирающаго... и утра приходили, полныя успокоенія, слезъ и безнадежной скуки.

Но панъ Плишка не плакалъ больше, и не молился, и только смотрѣлъ въ ту сторону — туда, куда не могъ уйдти, потому что боялся фабрики...

Да, панъ Плишка боялся ея... и не могъ ни на что рѣшиться... не хватало силы, да притомъ его удерживало опасеніе чего-то...

Что я тамъ буду дѣлать? спрашивалъ онъ въ сотый разъ... и все чаще и чаще можно было видѣть, какъ онъ всматривался въ даль, въ поле и небо; все чаще сиживалъ онъ передъ своимъ домомъ и смотрѣлъ на фабрику, на темные силуэты ея стѣнъ, давившихъ, какъ кошмаръ, землю въ своихъ неумолимыхъ объятіяхъ; все чаще ощущалъ онъ въ себѣ движеніе этихъ безконечныхъ ремней, грохотъ машинъ и струи невидимыхъ силъ; онъ чувствовалъ, что становится все слабѣе, безсильнѣе и приниженнѣе, и, наконецъ, въ одно воскресеніе, послѣ столькихъ недѣль невыразимой муки, онъ позвалъ свою собаку и отправился за городъ, далеко, далеко, въ чистое поле, туда, гдѣ нѣтъ фабрикъ, а есть только дома, крытыя соломой; гдѣ деревья не умираютъ отъ ядовитыхъ испареній фабрикъ; гдѣ колосья волнуются, какъ море; гдѣ луга разстилаются зеленымъ бархатнымъ ковромъ, пестрѣя желтыми цвѣтками; гдѣ вѣтеръ свободно гуляетъ, шаловливо

лаская листву вербъ и верхушки золотыхъ колосьевъ; туда — въ настоящую деревню...

Вѣтеръ заставилъ его вздрогнуть, и онъ повернулъ назадъ, зашелъ въ какую-то подгородную корчму, выпилъ рюмку водки, посидѣлъ и опять отправился въ поле.

Теперь онъ уже не кричалъ на Кручека, не запрещалъ ему шалить и не презиралъ людей за то, что они находили удовольствіе въ лежаніи по межамъ и дорожкамъ среди нивы...

Красоты майскаго дня покорили его... Онъ усѣлся на берегу рва, полнаго водою, въ которой копошились лягушки, желтѣли какіе-то цвѣты и росла трава и кустарникъ, кишѣвшіе своеобразной, удивительной жизнью всевозможныхъ насѣкомыхъ...

Панъ Плишка снялъ шапку; ему было очень жарко...

Жаворонки, какъ будто опьяненные весеннимъ воздухомъ, вились высоко надъ нимъ, а дальше, въ лѣсу перекликались куропатки... а вода журчала такъ заманчиво...

Солнце жгло; лягушки высовывали изъ воды свои широкіе лбы съ круглыми выпуклыми глазами и издавали глухіе, монотонные, сонливые звуки... звуки неслись отовсюду... и запахъ травъ... и благоуханіе земли, согрѣтой лучами золотистаго солнца...

Панъ Плишка чувствовалъ головокруженіе. Онъ сидѣлъ, смотрѣлъ, слушалъ, ощущалъ и вдыхалъ въ себя полною грудью испаренія весны и полей...

— Господи Іисусе, ты мой,—шепталъ онъ, и слезы, крупныя, какъ зерна, одна за другою, скатывались по его щекамъ; но онъ не чувствовалъ этого—онъ не чувствовалъ ничего: тоска, безпредѣльная, какъ это поле, охватила все его существо, и онъ страдалъ невыносимо...

— Что съ вами, панъ?

Онъ поднялъ голову: рядомъ съ нимъ сидѣлъ Юзефъ со своей гармоникой...

— А тебѣ какое дѣло? Мужланъ!—крикнулъ онъ и хотѣлъ вскочить и уйти, но у него не хватило силъ, и онъ остался...

Юзефъ отодвинулся отъ него, и всматриваясь въ бѣлыя, какъ голуби, плывшія по небу тучки, заигралъ съ увлеченіемъ..

Панъ Плишка окончательно успокоился...

Наступилъ вечеръ; церковные колокола призывали къ вечерней службѣ, и звонъ разносился далеко по простору полей и лѣсовъ...

Земля покрывалась росою, окутывалась безмолвіемъ и мракомъ, и солнце садилось за лѣсомъ; колосья поникли верхушками, какъ бы засыпая; шумъ воды утихъ; вѣтеръ увялъ въ листвѣ деревьевъ; ночь надвигалась.

«Нога что-то заболѣла, такъ что стало не втерпежъ», оправдывался панъ Плишка по дорогѣ домой.

«Уйду; довольно съ меня; уйду», рѣшительно сказалъ онъ себѣ.

Но утромъ, на фабрикѣ, онъ не осмѣлился повторить своихъ словъ, ибо ясно сознавалъ, что фабрика его не отпуститъ... что эти стальныя чудовища грозно смотрятъ на него... что эти стѣны...

Нѣтъ, не отпуститъ...

А между тѣмъ, ночью во снѣ, онъ уже тамъ: расхаживаетъ по домамъ братьевъ - шляхты; находитъ всѣхъ живыми и здоровыми, привѣтствуетъ ихъ, радуется съ ними, и ему такъ хорошо... такъ ужасно хорошо...

Да, довольно этой муки, довольно!..

«Завтра уйду... непремѣнно уйду...» рѣшилъ онъ.

Настало и «завтра»; панъ Плишка ждалъ вечера, потому что не рѣшался уходить днемъ...

Никому не довѣрилъ онъ своего рѣшенія, и ночью когда въ домѣ всѣ спали, онъ всталъ съ постели, уложилъ свои вещи въ котомку и ждалъ разсвѣта, такъ какъ поѣздъ уходилъ рано утромъ...

Кручекъ безпокойно обнюхивалъ котомку и заглядывалъ ему въ глаза.

— Въ путь идемъ... къ своимъ... въ деревню...—сказалъ онъ ему потихоньку.

Панъ Плишка присѣлъ къ окну и сталъ дожидаться утренней зари и поглядывалъ на фабрику, выдѣлявшуюся въ темнотѣ огромнымъ темнымъ пятномъ.

Шелъ мелкій дождь.

Завтра буду тамъ—говорилъ себѣ панъ Плишка, и сердце его билось отъ радости.

Вдругъ ему показалось, что очертанія фабрики разрослись въ ширину и приняли чудовищные размѣры, какъ будто она собиралась покрыть собою всю землю.

Нога пана Плишки болѣзненно ныла... а трубы фабрики, между тѣмъ, придвинулись совсѣмъ близко и наклонились къ нему, какъ будто готовились схватить его сейчасъ...

— Лифтъ!

Онъ задрожалъ... крикъ этотъ раздался въ немъ самомъ, а ему показалось, что онъ доносится съ фабрики...

«Не поддамся, нѣтъ...» Онъ вылѣзъ въ окно, закинулъ котомку за спину и быстро зашагалъ по дорогѣ...

Но ему приходилось идти мимо фабричныхъ стѣнъ...

— Лифтъ!

«Господи Іисусе!» Онъ прижался къ забору и съ ужасомъ смотрѣлъ вверхъ, на черныя окна фабрики... И онъ увидѣлъ, какъ за этими окнами, машины, уродливо переплетенныя между собою, столпились и смотрятъ на него...

Кругомъ была тишина, и только мелкія дождевыя струи чуть-чуть шелестѣли среди листвы...

Свѣтало... Все яснѣе и яснѣе выдѣлялись фабрики... вездѣ, со всѣхъ сторонъ поднимались онѣ, загораживая ему путь... Сѣрый туманъ еще окутывалъ и скрывалъ ихъ, но онѣ росли вверхъ и все выше вытягивали свои длинныя шеи...

— Во имя Отца и Сына, и Духа Святого!

Онъ бѣгомъ бросился впередъ, съ закрытыми глазами пробѣжалъ мимо фабрикъ и остановился въ полѣ, на опушкѣ лѣса; онъ былъ очень утомленъ и присѣлъ немного отдохнуть...

Но черезъ минуту опять вскочилъ на ноги: далеко гдѣ-то, на другомъ концѣ города, загудѣлъ фабричный свистокъ...

Панъ Плишка поспѣшно вошелъ въ лѣсъ, но свистки, какъ собаки, гнались за нимъ и хватали его прямо за сердце... вотъ: одинъ, второй... десятый, каждую секунду, каждое мгновеніе, безъ отдыха и перерыва звалъ его пронзительный голосъ фабрики...

— Господи Іисусе!.. шепталъ онъ.

Онъ ускорилъ шаги: онъ хотѣлъ убѣжать... и убѣжать во чтобы то ни стало... но голоса преслѣдовали его, эхомъ разносились по лѣсу, проникали сквозь чащу и листву деревьевъ и скозь туманъ, отыскивали его и наполняли душу болью, ужасомъ, дикимъ стономъ сопротивленія и отчаянія...

Внезапно раздался хриплый ревъ фабрики, на которой онъ работалъ... Какъ хорошо знакомъ ему былъ этотъ ревъ!

Онъ остановился: пересталъ видѣть, слышать и дышать... а фабрика все звала его властнымъ и гнѣвнымъ призывомъ:

— Воротись! воротись! воротись!

Полъ-часа спустя онъ стоялъ на своей подъемной машинѣ...

— Лифтъ! Третій!

— Лифтъ! Сушильня!

— Лифтъ! Апретурная!

Сигналы глухо звучали въ этомъ глубокомъ колодцѣ, а панъ Плишка молчаливо—молчаливѣе чѣмъ когда-либо прежде—ровно, спокойно, плавно поднимался и опускался, какъ автоматъ...

Иногда только онъ плакалъ, припоминая эти дни непокорности, но плакалъ потихоньку, чтобы машины какъ-нибудь не услыхали...

Ст. Ан—вичъ.

НАКАНУНѢ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМЫ.

Вотъ уже три мѣсяца работаетъ неустанно созванная министерствомъ народнаго просвѣщенія коммиссія надъ преобразованіемъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Обществу извѣстно, что, кромѣ частныхъ засѣданій по детальнымъ вопросамъ, коммиссія въ полномъ своемъ составѣ собирается въ министерствѣ почти ежедневно и что вечернія засѣданія затягиваются нерѣдко далеко за полночь. Однимъ словомъ, работа въ полномъ ходу и уже предвидится въ недалекомъ будущемъ ея завершеніе.

Съ живѣйшимъ интересомъ и нетерпѣніемъ ожидается всѣми рѣшеніе наболѣвшаго вопроса о ближайшей будущности университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и, тѣснѣйшимъ образомъ связанной съ новыми порядками, судьбѣ учащейся молодежи. Очень многіе надѣются, а нѣкоторые даже убѣждены, что, при разумномъ рѣшеніи поставленныхъ коммиссіи вопросовъ, успокоятся и волненія молодежи, продолжающіяся, съ болѣе или менѣе длинными промежутками, съ 1858 года по сіе время. Хотя общество хорошо знаетъ, что коммиссія не представляетъ послѣдней инстанціи въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, тѣмъ не менѣе оно съ жадностью ловитъ и комментируетъ на различные лады всякій доходящій до ея слуха, хотя бы незначительный самъ по себѣ, фактъ, въ надеждѣ предугадать дальнѣйшій ходъ работъ коммиссіи.

Раздѣляя присущій обществу интересъ къ работѣ коммиссіи, я, кромѣ того, считаю своимъ долгомъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать разработкѣ вопроса о переустройствѣ высшаго образованія въ Россіи.

Въ виду того, что въ 1903 году исполнится 50 лѣтъ со дня вступленія моего въ студенты С.-Петербургскаго университета, въ которомъ затѣмъ я состоялъ профессоромъ до полной выслуги лѣтъ. также деканомъ физико-математическаго факультета и въ продолженіи девяти лѣтъ членомъ университетскаго суда,—я считаю возможнымъ надѣяться, что, можетъ быть, и мой голосъ будетъ принятъ во вниманіе при окончательномъ обсужденіи реформы у насъ высшаго образованія.

Я рѣшился приступить къ изложенію своихъ взглядовъ и соображеній по поводу предстоящей университетской реформы отчасти подъ

вліяніемъ сочувствія къ моимъ мыслямъ, которое мнѣ пришлось выслушивать со стороны многихъ лицъ, компетентныхъ и близко знакомыхъ съ университетскимъ бытомъ.

Кромѣ того, побудило меня къ написанію этой статьи другое обстоятельство. Перечитавъ вновь относящіяся до университетскаго вопроса статьи нашего знаменитаго ученаго Н. И. Пирогова *), я былъ пораженъ тѣмъ, что не смотря на полувѣковой періодъ времени, отдѣляющій насъ отъ появленія ихъ въ печати, я нашелъ въ нихъ обстоятельные и притомъ вполнѣ пригодные и для настоящаго времени отвѣты на всѣ почти вопросы, рѣшеніемъ которыхъ занимается въ настоящее время работающая въ министерствѣ народнаго просвѣщенія коммиссія. Отвѣты Н. И. Пирогова настолько являются на мой взглядъ своевременными и настроеніе общества того времени настолько подходящимъ къ настоящему, что, если бы кто пожелалъ мистифицировать публику и издалъ бы подъ своимъ именемъ дословные выписки изъ вышеназванныхъ статей Н. И. Пирогова, то онъ, по всему вѣроятію, достигнулъ бы своей цѣли.

Великимъ удовлетвореніемъ послужило мнѣ почти полное совпаденіе взглядовъ, высказанныхъ Н. И. Пироговымъ, съ моими личными, выработанными подъ вліяніемъ полувѣкового участія моего въ жизни С.-Петербургскаго университета.

Признавая за Н. И. Пироговымъ его великую заслугу въ томъ, что онъ съумѣлъ обозрѣть сложный университетскій вопросъ во всемъ его объемѣ съ такою поразительною проницательностью, что его, за полвѣка высказанныя, мысли могутъ, по моему мнѣнію, и въ настоящее время служить драгоцѣннымъ указаніемъ при введеніи предстоящей реформы,—по многимъ вопросамъ я долженъ буду только подтвердить ихъ новыми фактами изъ пятидесятилѣтія, пережитаго нами послѣ напечатанія этихъ статей.

Предстоящее обсужденіе университетскаго вопроса значительно упрощается. если подраздѣлить его на два и разсмотрѣть каждый ихъ этихъ вопросовъ въ отдѣльности. Прежде всего я постараюсь выяснить, какія желательны измѣненія въ существующемъ порядкѣ, а затѣмъ уже перейду къ анализу пріемовъ, которые представляются наиболѣе подходящими для достиженія намѣченной реформы.

Начинаю съ выписки изъ Пирогова: «Если будемъ откровенны—пишетъ Пироговъ,—то согласимся, что все таки самый главный толчокъ, заставившій у насъ такъ дѣятельно заняться реформой университета, былъ данъ обстоятельствомъ чисто внѣшнимъ—студенческими безпорядками. Оно внѣшнее потому, что не зависѣло отъ университета; это

*) Пироговъ, Н. И. 1) Взглядъ на общій университетскій уставъ. (1861) и 2) Университетскій вопросъ (1862).

я постараюсь доказать послѣ, если это еще требуетъ доказательствъ» (Ун. вопросъ, стр. 134).

Продолжая свои размышленія о студенческихъ безпорядкахъ, Н. И. Пироговъ пишетъ: «Все шло спокойно до послѣдняго времени, и вопросъ остался бы, можетъ быть, еще долго не тронутымъ, если бы не обнаружились такъ называемые студенческіе безпорядки. Съ ними вмѣстѣ поднялся вопросъ и о воспитательномъ значеніи университетовъ (тамъ же, стр. 206).»

Не то ли же самое видимъ мы въ настоящее время? Ни для кого не секретъ, что и теперь главною побудительною причиною предпринятой университетской реформы является волненіе молодежи, проявившееся въ послѣдніе годы въ особенно сильной степени.

Въ качествѣ свидѣтеля могу подтвердить, что главнымъ толчкомъ къ пересмотру устава 1835, о которомъ говоритъ Н. И. Пироговъ, и къ введенію новаго 1863 года послужили, предшествовавшіе въ 1858 и 1861 годахъ, студенческіе безпорядки. Отразилось это нагляднѣйшимъ образомъ и на уставѣ 1863 года. Причиной дарованія въ то время автономіи Совѣтамъ университетовъ была надежда, что удастся положить конецъ студенческимъ волненіямъ при содѣйствіи Совѣта.

Когда же выяснилось, что Совѣты не были въ состояніи выполнить этой задачи, то отношеніе къ нимъ правительства измѣнилось и уже въ 1874 году въ состоявшейся подъ предсѣдательствомъ министра Валуева, коммиссіи было рѣшено: лишить профессорскую корпорацію дарованной автономіи, въ тоже время сократить число университетскихъ слушателей и усилить за ними инспекторскій надзоръ. Подъ вліяніемъ этого настроенія, т.-е. съ цѣлью воспрепятствовать безпорядкамъ въ университетѣ, выработанъ былъ и уставъ, обнародованный въ 1884 году, и этимъ же объясняются послѣдующія мѣропріятія министерства народнаго просвѣщенія почти вплоть до настоящаго времени.

До сихъ поръ однако не удалось получить желаемаго результата, и университетская жизнь, не смотря на неоднократно примѣняемыя крутыя мѣры, не вошла еще въ норму.

На вопросъ: что же дѣлать? отвѣчу: при введеніи предстоящей реформы стать на другую точку зрѣнія. Не отрицая, конечно, что прекращеніе студенческихъ волненій, грозящихъ свести къ нулю высшее образованіе въ Россіи, для каждаго, принимающаго къ сердцу судьбы Россіи крайне желательно, я однако полагаю, что не въ этомъ кроется главная задача предстоящей реформы.

Студенческіе безпорядки не составляютъ вѣдь необходимаго аттрибута университетской жизни. Они, какъ справедливо замѣчаетъ Пироговъ, ничто иное, какъ чисто внѣшнее обстоятельство, нарушающее по временамъ нормальное біеніе пульса университета и препятствующее его дальнѣйшему развитію. Но кромѣ этого обстоятельства есть цѣлая

масса другихъ причинъ, отъ которыхъ еще въ большей степени зависитъ благосостояніе и прогрессъ университета.

Поэтому мнѣ представляется наиболѣе раціональнымъ, оставивъ въ сторонѣ студенческіе безпорядки, при введеніи университетской реформы исключительно имѣть въ виду благо и процвѣтаніе университетовъ, приспособить ихъ къ потребностямъ настоящаго времени и этимъ самымъ доставить имъ возможность достойнымъ образомъ исполнять высокое свое назначеніе: быть свѣточами страны, разливая вокругъ себя свѣтъ просвѣщенія и, въ то же время, обогащая сокровищницу человѣческихъ знаній своими научными розысканіями и открытіями.

И не раньше, какъ по окончательномъ обсужденіи реформы въ университетскомъ строѣ, я считаю возможнымъ приступить къ разрѣшенію вопроса о мѣрахъ, доступныхъ университету въ обновленной формѣ, по отношенію къ студенческимъ волненіямъ.

Въ виду предстоящей реформы нужно, прежде всего, въ подробности разслѣдовать, насколько удовлетворительнымъ оказывается современный строй университетовъ, и открываемые недочеты исправлять введеніемъ соотвѣтственныхъ поправокъ. Здѣсь будутъ высказаны мною всѣ пожеланія, не принимая пока въ разсчетъ степень трудности и возможности ихъ выполненія.

Необходимо сперва высказать, во всей полнотѣ, что нужно, а затѣмъ уже приступить къ выясненію того, что изъ желаемаго возможно.

Итакъ, въ чемъ нуждаются наши унивевситеты?

Нужно очень многое и весьма существенное.

Нужна полнѣйшая ихъ метаморфоза.

Для выясненія какого рода метаморфоза потребуется, я прежде всего постараюсь формулировать: какую роль призваны играть въ настоящее время у насъ въ Россіи университеты? въ чемъ ихъ главнѣйшая функція? чего могутъ ожидать отъ нихъ правительство и общество? какія можно предлагать къ нимъ требованія и какія возлагать надежды? Наконецъ, какую организацію необходимо даровать имъ для выполненія въ возможномъ совершенствѣ предъявляемыхъ къ нимъ требованій?

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, почему я на первомъ мѣстѣ поставилъ вопросъ о роли, которую призваны играть въ настоящее время въ Россіи университеты, какъ будто въ настоящій моментъ отъ нихъ ожидается нѣчто небывалое, исключительное. Сдѣлалъ я это съ спеціальною цѣлью, для дальнѣйшей характеристики университетскаго преподаванія. Въ обычной и несомнѣнно вѣрной характеристикѣ университетовъ, какъ просвѣтительныхъ центровъ, служащихъ показателями умственнаго и общественнаго развитія государства, какъ разсадниковъ просвѣщенія, снабжающихъ страну наиболѣе просвѣщенными и развитыми дѣятелями, воспитанными на универси-

тетской наукѣ, недостаетъ точнаго опредѣленія того, что составляетъ наиболѣе характерную особенность университетскаго образованія. Коренное различіе между преподаваніемъ университетовъ и остальныхъ высшихъ школъ состоитъ въ томъ, что въ послѣднихъ основныя науки, знаніе которыхъ необходимо для успѣшнаго примѣненія ихъ къ преслѣдуемой специальной школой цѣли, преподаются лишь настолько, насколько въ данный моментъ это представляется нужнымъ. Въ университетахъ же преслѣдуются цѣли совершенно иныя: цѣль университетскаго преподаванія состоитъ въ изложеніи результатовъ движенія человѣческой мысли въ области науки въ возможно бо̀льшей полнотѣ, не касаясь примѣненія этихъ знаній къ практикѣ. Послѣднее университеты предоставляютъ имѣющимся для этой цѣли высшимъ спеціальнымъ школамъ. При нормальномъ теченіи университетской жизни аудиторіи университета должны быть открыты для всякаго, желающаго пріобрѣсть познанія по одной или по нѣсколькимъ изъ преподаваемыхъ въ университетѣ наукъ. Имѣя, такимъ образомъ, аудиторію смѣшанную по составу, въ разное время варіирующую, и не зная цѣлей посѣщенія его лекціи пришедшими слушателями, университетскій профессоръ уже по этой причинѣ долженъ оставаться вѣрнымъ важнѣйшей задачѣ университета и не выходить за предѣлы теоретическаго (чистаго) знанія.

Опасаясь, чтобы на основаніи сказаннаго читатель не усмотрѣлъ въ пишущемъ эти строки поклонника исключительно теоретическаго знанія, я спѣшу оговориться.

Признавая, конечно, желательнымъ возможно полнѣйшую связь чистаго (теоретическаго) научнаго знанія съ прикладнымъ, я являюсь сторонникомъ приводимаго мною взгляда на слѣдующемъ основаніи: разъединеніе преподаванія наукъ на теоретическое и прикладное представляетъ несомнѣнную выгоду въ томъ, что этимъ раздѣленіемъ труда облегчается его задача; кромѣ того, и это самое важное, университетское преподаваніе, и безъ упоминанія о примѣненіи науки къ практикѣ, создаетъ высокообразованныхъ практическихъ дѣятелей, которые, какъ мнѣ неоднократно удавалось убѣдиться на опытѣ, оказывались болѣе приспособленными быстро оріентироваться и самостоятельно примѣнять усвоенныя знанія, сравнительно съ прошедшими курсъ въ высшихъ практическихъ школахъ. И это не удивительно, такъ какъ основательная теорическая подготовка въ той же мѣрѣ облегчаетъ примѣненіе научнаго знанія на практикѣ, какъ пользованіе алгебраической формулой — рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ.

Итакъ, главною заботою университета должно быть стремленіе обставить наиболѣе достойнымъ и полнымъ образомъ преподаваніе чистаго знанія согласно послѣднему слову науки. Университетъ представляется мнѣ храмомъ науки, войдя въ который всякій желающій могъ бы изъ богатой сокровищницы человѣческихъ знаній обрѣтать

для себя то, что для него желательно. Въ этихъ словахъ заключается отвѣтъ на 2-й, 3-й и 4-й изъ поставленныхъ мною вопросовъ.

Перехожу къ послѣднему изъ вопросовъ: какую организацію необходимо даровать университетамъ для выполненія ими въ возможной полнотѣ и совершенствѣ выясненную ихъ главнѣйшую функцію?

Желанный университетъ представляется мнѣ роскошнымъ зданіемъ съ лабороторіями и кабинетами, устроенными согласно послѣднему слову науки, съ свѣтлыми аудиторіями, вмѣщающими свободно сотни слушателей.

Университету дана полная автономія по устройству ученой и учебной части, съ достаточнымъ бюджетомъ на потребные расходы и съ ученымъ персоналомъ, на столько обезпеченнымъ, что онъ можетъ посвящать всѣ свои силы на выполненіе своей главной функціи, какъ разсадника просвѣщенія и могучаго двигателя человѣческой мысли въ области знанія.

Члены ученой университетской корпораціи избавлены отъ гнетущей ихъ отвѣтственности за студенческіе безпорядки и освобождены отъ участія въ студентскихъ сходкахъ, а равно и отъ надзора за студенческими учрежденіями.

Въ университетѣ введены: свобода обученія и свобода ученія. Всѣ до сихъ поръ примѣняемыя, съ цѣлью низведенія до минимума собственной инициативы, мѣры отмѣнены. Нѣтъ болѣе обязательнаго четырехълѣтняго пребыванія въ университетѣ съ обязательными для всѣхъ занятіями въ каждомъ изъ 8 семестровъ; нѣтъ болѣе принудительныхъ зачетовъ, а равно и экзаменовъ. Всякій желающій имѣетъ доступъ въ университетъ и воленъ записаться на любой предметъ къ профессору или приватъ-доценту за незначительную плату. Никто не навязываетъ ему совѣтовъ, никто не заботится о томъ, чтобы онъ держалъ экзаменъ. Все это предоставляется благоусмотрѣнію слушателя.

Закончивъ подъ руководствомъ профессора, или доцента, занятія, слушатель держитъ экзаменъ и если выдержитъ, то получаетъ отъ университета, за подписью профессора или доцента, свидѣтельство, удостовѣряющее знакомство его съ заслушаннымъ предметомъ. Если слушатель выдержитъ экзаменъ по опредѣленнымъ факультетомъ группамъ предметовъ, то получаетъ свидѣтельство по этой группѣ предметовъ, напр., званіе біолога, физико-химика и проч. за подписью соотвѣтственныхъ професоровъ: Многіе изъ слушателей, довольствуясь этими свидѣтельствами и получивъ желаемыя знанія, разстаются съ университетомъ, обогащенные знаніемъ, котораго искали.

Слушатели, желающіе получить свидѣтельство на чинъ (дипломы 1-го и 2-го разряда) или на званіе учителя, врача и пр., прилагая полученныя свидѣтельства по одной изъ группъ предметовъ, обращаются въ особую государственную коммиссію, въ которой, сдавая

*

по указаннымъ учебникамъ устный экзаменъ, изъ остальныхъ предметовъ факультета, получаютъ дипломъ на чинъ или на искомое званіе.

Этой метаморфозой экзаменаціонной практики прекращены и для профессоровъ, и для экзаменующихся мучительныя многодневные и, къ тому же, мало удовлетворительные до сихъ поръ практикуемые экзамены.

Дозволенные преподавателямъ какъ высшихъ, такъ и среднихъ школъ общіе съѣзды, имѣющіе предметами обсужденія установки возможно тѣсной и живой связи между преподавателями въ этихъ школахъ, уже успѣли вдохнуть жизнь и высоко поднять уровень развитія учениковъ средней школы, а съ другой—содѣйствовать быстрому разцвѣту какъ университетскаго теоретическаго преподаванія наукъ, такъ и прикладного знанія въ высшихъ школахъ.

Происходящія въ университетѣ сходки, имѣющія исключительно прѣдметомъ обсужденія вопросы, касающіеся пожеланій слушателей относительно преподаванія или экзаменовъ, проходятъ безшумно, не нуждаясь въ кураторахъ, такъ какъ, для обсужденія болѣе общихъ вопросовъ и бесѣды студентовъ между собою, разрѣшены студенческія собранія внѣ стѣнъ университета.

Функціи выбираемой правленіемъ университета инспекціи для наблюденія за порядкомъ въ университетскомъ зданіи, вслѣдствіе вышеуказанныхъ реформъ, чрезвычайно упрощенныя и сводящіяся на чисто формальныя, никого не тревожатъ и не возбуждаютъ недоразумѣній.

Въ то же время оказывается на столько размножившееся число университетовъ и высшихъ школъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, что для всякаго находится возможность пріобрѣсти желаемыя знанія при вполнѣ удовлетворительной обстановкѣ.

Посмотримъ теперь, на сколько этотъ сонъ на яву можетъ быть осуществленъ въ настоящее время. Изложенію этого предмета по пунктамъ предпосылаю соображенія болѣе общаго содержанія о характерѣ предстоящей реформы, наиболѣе пригодномъ для возможно успѣшнаго ея осуществленія.

И здѣсь, какъ и въ первой части статьи, я начинаю выпиской изъ статьи Н. И. Пирогова. Онъ пишетъ: «Я не перестану утверждать, что въ дѣлѣ духовномъ и нравственномъ, какъ просвѣщеніе, дѣятелямъ его нельзя довѣрять въ половину, и потому статутами нужно не ограничивать къ нимъ довѣренность, а направлять ее къ извѣстной цѣли. Я убѣжденъ, что взглядъ на полную автономію кажется идеальнымъ не потому, что въ основу его кладется полная довѣренность къ лицамъ, а потому, что онъ никакъ не подходитъ къ нашимъ понятіямъ о государственномъ учрежденіи. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, совмѣстить коллегіальное, децентрализованное и вовсе не чиновное самоуправленіе ученой и учебной коллегіи съ государственною и

іерархическою централизаціей? Въ какія отношенія поставить ее къ министерству, къ обществу? Но мнѣ кажется, что трезвость взгляда тогда и обнаруживается, когда смотрѣть прямо на цѣль. Если цѣль учрежденія такого рода, что исключительно требуетъ свободы и самостоятельности для благихъ проявленій своей дѣятельности, то и положеніе его въ государствѣ должно быть исключительное; иначе это положеніе будетъ ложное, и никакія регламентаціи въ мірѣ не придадутъ живучести его дѣйствіямъ» (стр. 154).

Подводя итоги обстоятельному разбору этого вопроса, Н. И. Пироговъ резюмируетъ свои мысли слѣдующими словами: «И вотъ, вся задача для насъ состоитъ, я думаю, не въ томъ, чтобы составить одинъ «общій уставъ россійскихъ университетовъ», то-есть, найти еще нигдѣ не найденное общее,—а въ томъ, чтобы найти на дѣлѣ особенности для «каждаго изъ россійскихъ университетовъ», которыя бы сближали ихъ жизнь съ жизнью края. Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе регламентирована будетъ ихъ дѣятельность, тѣмъ яснѣе выразится характеръ каждаго, и тѣмъ болѣе каждый университетъ будетъ содѣйствовать потребностямъ общества» (стр. 161).

Мысль, высказанная Н. И. Пироговымъ, столь отчетливо и искусно выражена въ заключительныхъ словахъ выписки, что мнѣ мало остается къ ней добавить, именно только частности, при обсужденіи каждаго отдѣльнаго случая. И по моему мнѣнію, продиктованная до мелкихъ подробностей схема, независимо отъ ея характера и степени достоинства, уже содержитъ въ себѣ мертвящее начало, парализующее свободное и правильное развитіе во всякомъ учрежденіи, гдѣ, по мѣстнымъ, непредвидѣннымъ условіямъ, данная схема оказывается непримѣнимой.

Свобода же, предоставленная каждому университету, поступать въ возможно бо̀льшихъ случаяхъ, по своему усмотрѣнію, можетъ лишь благопріятно отзываться на его дѣятельности. Въ случаяхъ же неправильнаго дѣйствія университета у правительства всегда имѣется возможность пресѣкать эти дѣйствія въ любой моментъ, при посредствѣ надлежащаго контроля.

Отъ общихъ соображеній перехожу къ разбору способовъ осуществленія вышенамѣченныхъ, желаемыхъ реформъ:

1) *Автономія университетовъ.*

Совѣту и факультетамъ должны быть предоставлены: 1) полная свобода въ выборѣ ректора, декана, профессоровъ и остальныхъ должностныхъ лицъ, такъ и по отношенію къ преподаванію и распредѣленію его между членами ученой университетской корпораціи.

2) Въ полное распоряженіе факультетовъ и совѣта должно быть предоставлено распредѣленіе бюджета университета по ученой и учебной части; въ ихъ же вѣдѣніе—распредѣленіе суммъ на устройство и содержаніе вспомогательныхъ учебныхъ учрежденій, лабораторій и

кабинетовъ, выборъ, назначеніе и содержаніе лаборантовъ и консерваторовъ; подъ контролемъ совѣта—и библіотека университета.

На ученую университетскую корпорацію возлагается, слѣдовательно, столь сложное дѣло, что является крайне желательнымъ по возможности избавить его отъ функцій второстепенной важности, напр.:

1) Отъ отвѣтственности за студенческіе безпорядки.

2) Отъ экзамена лицъ, ищущихъ дипломовъ перваго и второго класса въ экзаменаціонныхъ государственныхъ коммиссіяхъ (см. ниже).

3) Отъ участія въ надзорѣ за студенческими учрежденіями (напр., студенческой библіотекой и пр.), а равно и за сходками, хотя бы послѣднія и трактовали о вопросахъ внутренней студенческой жизни (см. ниже).

Насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ въ мірѣ на ученую университетскую коллегію не возлагается воспитательной, или, по мѣткому выраженію Н. И. Пирогова, «полицейской обязанности» относительно слушателей. Вмѣшательство членовъ совѣта въ подобныя дѣла, можетъ быть, конечно, по временамъ и окажется неизбѣжнымъ, но, во всякомъ случаѣ, ничего подобнаго не должно войти при предстоящей реформѣ въ программу постоянной дѣятельности совѣта и факультетовъ.

Сходныя съ высказанными мысли касательно нерѣдко предъявляемаго профессорамъ требованія: «чтобы они своимъ вліяніемъ такъ или иначе дѣйствовали на студентовъ», нашелъ я среди бумагъ покойнаго А. Н. Бекетова. «Если—пишетъ Андрей Николаевичъ,—подъ этимъ вопросомъ разумѣть вліяніе черезъ науку, т.-е. помощью преподаванія, то этого рода вліяніе вполнѣ обезпечено въ каждомъ университетѣ. Весь вопросъ тутъ сводится къ тому, чтобы профессора были люди знающіе и умѣющіе хорошо передавать аудиторіи свои знанія. Но что же общаго между наукой и непосредственнымъ поведеніемъ студента внѣ аудиторіи? Лица, предъявляющія подобныя требованія, совершенно забываютъ, что большинство наукъ, преподаваемыхъ въ университетѣ не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ практической нравственности, какъ частной, такъ и гражданской. Каѳедра профессора не есть каѳедра проповѣдника, а потому внушать съ этой каѳедры правила общественной и гражданской нравственности нѣтъ никакой возможности. Важнѣйшее нравственное вліяніе изученія наукъ заключается въ томъ, чтобы развить любовь къ труду, къ возвышенной, отвлеченной мысли, а также развить философское, болѣе спокойное и объективное отношеніе къ дѣйствительности... Профессорское вліяніе можетъ проявиться только въ непосредственномъ общеніи со студентами. При нашихъ же порядкахъ такое сближеніе составляетъ большую рѣдкость. Оно только въ тѣсномъ кружкѣ спеціальныхъ учениковъ каждаго профессора. Если онъ своимъ предметомъ съумѣетъ заинтересовать слушателей, если вокругъ него сгруппируется маленькая духовная семья, стремящаяся

научиться отъ него большему, чѣмъ онъ можетъ давать на своихъ лекціяхъ или въ своей лабораторіи, тогда, по мнѣнію Андрея Николаевича,—начинается его дѣйствительное нравственное и общечеловѣческое вліяніе на свой тѣснѣйшій кружокъ. Но,—прибавляетъ Андрей Николаевичъ,—такіе ученики имѣются далеко не у каждаго и далеко не каждый годъ».

2) *Обезпеченіе въ матеріальномъ отношеніи.*

Въ основѣ предстоящей реформы должно быть положено обезпеченіе въ матеріальномъ отношеніи учащаго персонала и притомъ не только высшихъ, но и среднихъ и народныхъ школъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что упоминать о среднихъ и низшихъ школахъ здѣсь неумѣстно, такъ какъ онѣ представляютъ учрежденія, не находящіяся въ прямой, непосредственной связи съ университетами. Я другого мнѣнія на этотъ счетъ, университетское образованіе есть лишь вѣнецъ образованія народнаго. Если всю совокупность школъ, у насъ имѣющихся для народнаго образованія (со включеніемъ университетовъ и остальныхъ высшихъ школъ), со сложною ихъ организаціей для подъема народнаго духа и развитія его при посредствѣ науки, уподобить организму, то разсадники высшаго образованія нужно будетъ приравнять головѣ этого организма. Лечить голову, не обращая вниманія на состояніе остальныхъ органовъ тѣла, по меньшей мѣрѣ неразумно. Если руки и ноги дряблы, анемичное сердце бьется неправильно, желудокъ неисправно перевариваетъ пищу, то леченіе головы будетъ лишь пустымъ времяпровожденіемъ, пагубнымъ для паціента, но и не особенно полезнымъ для репутаціи врача. Во избѣжаніе упрека въ подобномъ важномъ недосмотрѣ, я и считаю необходимымъ, при обсужденіи университетской реформы, не закрывать глазъ на недочеты средней и низшей школы.

Для достиженія желаннаго результата, обезпеченіе учащаго персонала должно быть настолько значительнымъ, чтобы и при возрастающей ежедневно дороговизнѣ жизни, какъ профессоръ, такъ и учитель не былъ бы принужденъ прибѣгать къ постороннему, подчасъ непосильному заработку, для содержанія семьи при самой неприхотливой обстановкѣ. Денежное обезпеченіе является потому особенно важнымъ, что занятіе какъ профессора, такъ и учителя не есть формальная работа; необходимо требуется, чтобы каждый изъ нихъ вкладывалъ въ него свою душу; только при этомъ условіи получается желанный результатъ и удается вызвать въ дѣтяхъ и юношахъ любовь къ наукѣ и потребность въ духовномъ самосовершенствованіи, что и составляетъ, если не единственную, то главнѣйшую задачу народнаго образованія, имѣющаго первостепенное, государственное значеніе.

3) *Свобода обученія и свобода ученія.*

О свободѣ ученія уже говорено выше.

Не отложною потребностью представляется предоставленіе полной свободы университетскимъ слушателямъ въ выборѣ какъ предметовъ своихъ занятій, такъ и преподавателей, изъ среды профессоровъ и, допущенныхъ къ чтенію лекцій, приватъ-доцентовъ. Необходимо допустить не формальную только, а дѣйствительную свободу обученія и свободу ученія (Lehr-und Lernfreiheit), о которой усиленно ратуетъ въ вышеупомянутой статьѣ Н. И. Пироговъ.

Непосредственнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ принятія свободы обученія и свободы ученія являются слѣдующія реформы: устраненіе какъ семестровъ, такъ и курсовъ, въ особенности обязательнаго зачета восьми семестровъ, чтобы быть допущеннымъ къ экзамену въ государственныхъ коммиссіяхъ. По многолѣтнему, личному опыту я убѣдился въ невозможности принудительнаго обученія взрослыхъ молодыхъ людей. Не только экзамены, но даже обязательныя практическія занятія легко сводятся къ нулю различными уловками молодыхъ людей, усматривающихъ въ этомъ принужденіи посягательство на ихъ свободу.

Самый способъ испытанія, по моему мнѣнію, какъ я покажу ниже, страдаетъ столь существенными недостатками, что неизбѣжно долженъ быть преобразованъ.

Совершенно же не только безцѣльнымъ но и вреднымъ представляется мнѣ обязательный зачетъ восьми семестровъ, для допущеніе къ испытанію въ государственныхъ коммиссіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ всѣмъ извѣстно, что число студентовъ, достигнуло въ настоящее время въ с.-петербургскомъ университетѣ до 4.000 человѣкъ. Число это далеко превосходитъ имѣющееся въ университетѣ помѣщеніе для слушателей, а между тѣмъ, аудиторіи не только не являются переполненными, но напротивъ того, въ большинствѣ случаевъ совершенно пустуютъ. Такъ что посѣщаетъ университетъ далеко не большинство слушателей. Гдѣ пребываетъ послѣднее и къ какому времяпровожденію оно прибѣгаетъ, чтобы скоротать эти четыре года, неизвѣстно. И трудно себѣ представить, какая отъ этой обязательной потери времени польза для лицъ, рѣшившихся на эту жертву? Мнѣ еще понятно благотворное пребываніе въ университетѣ, даже и при непосѣщеніи лекцій, въ университетахъ заграничныхъ, гдѣ студенты, ничѣмъ не стѣсняемые, соединяются въ болѣе или менѣе тѣсныя кружки или корпораціи; этимъ самымъ, подвергаясь облагораживающему вліянію самообразованія, они невольно подчиняются требованіямъ кружка въ этическомъ отношеніи и нерѣдко подвергаются строгому товарищескому суду за предосудительные поступки. У насъ же, при полномъ разъединеніи студентовъ, и съ этой стороны не имѣется оправданія для вышеозначенной мѣры.

4) Коренное измѣненіе въ производствѣ какъ переводныхъ, такъ окончательныхъ испытаній.

Реформа ихъ мнѣ представляется неотлагательной. Университетскій

курсъ полагается четырехлѣтнимъ, изъ восьми семестровъ; въ каждомъ курсѣ и семестрѣ читаются опредѣленные курсы и требуются, кромѣ окончательныхъ экзаменовъ въ государственныхъ коммиссіяхъ, еще экзамены полукурсовые, а также испытанія для зачета полугодій. Поступившій въ университетъ слушатель обязанъ неуклонно слѣдовать, какъ относительно своихъ занятій, а также и испытаній, указанному для всѣхъ слушателей одного семестра одинаковому порядку. Испытанія производятся въ назначаемые факультетами дни, по разу въ годъ. Слушатель, не выдержавшій изъ какого-либо предмета экзаменъ, или же не имѣвшій возможности сдать его въ назначенный день, можетъ восполнить пробѣлъ лишь черезъ годъ и опять лишь въ одинъ, опредѣленный день. Не сдавъ двухъ экзаменовъ, онъ не переводится въ слѣдующій курсъ. Исключенія допускаются лишь въ случаѣ болѣзни слушателя; представившимъ медицинское свидѣтельство переводные экзамены отлагаются до осени.

Экзамены производятся устные, и въ большинствѣ случаевъ неизбѣжно таковы, что удается выдерживать ихъ блистательно лицамъ, совсѣмъ не посѣщавшимъ лекцій профессора. Учебникъ профессора, а въ случаѣ отсутствія послѣдняго, литографированныя лекціи (нерѣдко сомнительнаго достоинства) или даже только спеціально для экзаменующихся составленные краткіе конспекты, помогаютъ очень многимъ «проскочить» на экзаменѣ, особенно если курсъ многочисленный, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, что случается часто на юридическихъ факультетахъ.

Экзамены, если число слушателей большое, длятся по нѣскольку дней, обыкновенно съ 10 часовъ утра, и не рѣдки случаи, когда они заканчиваются къ 10, а иногда, только къ 12 часамъ ночи, съ небольшими лишь перерывами во время дня.

Не трудно представить себѣ душевное состояніе слушателей, не только подучившихъ предметъ передъ экзаменомъ, но ознакомленныхъ съ нимъ обстоятельно и прилежно занимавшихся имъ въ теченіе всего года. Чѣмъ больше число экзаменующихся, тѣмъ больше рискъ, не только по незнанію, но и по непредвидимой случайности провалиться на экзаменѣ. Непрерывное заучиваніе различнѣйшихъ предметовъ, перемѣщающееся въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, съ днями страха не выдержать экзаменовъ и потерять годъ жизни, можетъ сокрушить и здороваго человѣка. Что же испытывать должны нервные люди? А среди нашей молодежи вѣдь не рѣдкость и неврастеники.

Не найдется лица, способнаго утверждать, что провѣрка знаній, при вышеописанномъ душевномъ состояніи слушателей, было бы явленіе нормальное.

Прибавьте къ этому ненормальное душевное состояніе профессора, измученнаго неустранимою необходимостью производить подобное испы-

таніе, и вы получите полную картину ненормальности постановки испытаній въ университетахъ.

Положеніе это представится еще болѣе серьезнымъ, если вспомнить, что большинство университетской молодежи находится въ крайне стѣсненномъ матеріальномъ положеніи.

Хотя пребываніе въ университетѣ не изъ-за пріорѣтенія знанія, а изъ стремленія заручиться дипломомъ, и не внушаетъ особенной симпатіи, но винить молодыхъ людей, прибѣгающихъ къ этому способу, чтобы пробить себѣ дорогу, по моему мнѣнію, все-таки не слѣдуетъ. Они прибѣгаютъ къ средству, допускаемому закономъ, и не ихъ вина, если послѣднее оставляетъ желать много лучшаго. Большинство это— тяжелое бремя для университетовъ, но не надо забывать, что среди этого впроголодь живущаго юношества есть группа лицъ, особенно дорогихъ университету: это идеалисты, безсребренники, готовые на всякія лишенія, чтобы заглянуть въ храмъ науки и воспріять, если не все, то хоть часть того, что можетъ дать университетъ; они дорогое достояніе и надежда университетовъ; изъ среды ихъ вырабатываются нерѣдко крупныя, научныя силы.

Необходимо изобрѣсть средство выйти изъ этого критическаго положенія. Мнѣ кажется такая мѣра есть, и очень радикальная: это вышеупомянутое мною допущеніе свободнаго обученія, съ непремѣннымъ условіемъ отмѣны обязательнаго четырехлѣтняго пребыванія въ университетѣ, отмѣны семестровъ, курсовъ и государственныхъ, университетскихъ коммиссій, въ томъ видѣ, какъ онѣ теперь существуютъ.

Всѣ эти мѣры имѣютъ цѣлью контроль (по моему, лишь воображаемый) надъ занятіями молодыхъ людей и проводятся въ надеждѣ обезпечить болѣе серьезное отношеніе къ дѣлу молодого человѣка, чѣмъ при отсутствіи за нимъ надсмотра. Мнѣ же всѣ эти мѣры представляются не достигающими цѣли. Наиболѣе существенный при экзаменѣ вопросъ: насколько имѣетъ свѣдѣній экзаменующійся и въ какой мѣрѣ они имъ усвоены? Справки же о томъ, гдѣ и какимъ путемъ пріобрѣтены требуемыя знанія и сколько затрачено на это времени—совершенно не должны касаться экзаменатора; обязанность послѣдняго выяснить уровень познанія и развитія молодого человѣка. Не все ли, въ самомъ дѣлѣ, равно, обучался ли послѣдній у частнаго лица, или въ частной школѣ, или же въ университетѣ, если только его свѣдѣнія окажутся удовлетворительными?

Я съ намѣреніемъ дольше останавливаюсь на этомъ вопросѣ, такъ какъ отмѣной вышеупомянутыхъ мѣръ, въ особенности обязательнаго пребыванія въ университетѣ въ продолженіи 8 семестровъ, сразу понизится искусственно вызываемый этою мѣрою наплывъ молодежи въ университеты, одинаково тягостный и неудобный, какъ для слушателей, такъ и для университета.

Желательная реформа экзаменаціонной системы въ универси-

тетѣ, въ предположеніи, что допущена будетъ свобода ученія, при устраненіи принудительнаго прохожденія 8-ми семестровъ, представляется мнѣ удобоисполнимою слѣдѣющимъ способомъ: поступившій въ университетъ слушатель воленъ слушать лекціи, какія пожелаетъ, безъ обязательства сдавать по нимъ экзаменъ. По удовлетворительной же сдачѣ экзамена онъ получаетъ отъ университета удостовѣреніе (дипломъ), за подписью профессора, что онъ въ достаточной мѣрѣ ознакомленъ съ предметомъ, которымъ занимался. Сдача экзамена производится, во всякое время, по соглашенію съ профессоромъ. Подобныя удостовѣренія получаетъ слушатель и по всѣмъ остальнымъ предметамъ, изъ которыхъ онъ сдалъ экзаменъ. Слушателю же, выдержавшему экзамены по одной изъ группъ предметовъ, установленныхъ факультетомъ, выдается соотвѣтственное свидѣтельство (дипломъ) за подписью соотвѣтственныхъ профессоровъ (съ обозначеніемъ спеціальности, напр., физико-химика, біолога и пр.).

Очень многіе изъ слушателей удовольствуются, вѣроятно, этого рода свидѣтельствами; желающимъ же получить дипломъ, соотвѣтствующій существующимъ и дающій право на чинъ и доступъ на государственную службу, можно предоставить, по полученіи свидѣтельства по одной группѣ предметовъ, держать, по остальнымъ предметамъ факультета, дополнительный, устный экзаменъ, въ особой государственой коммиссіи, дѣйствующей, за исключеніемъ вакаціоннаго времени, въ продолженіи всего учебнаго года.

Замѣна дипломовъ, выдаваемыхъ въ настоящее время, университетскими же *дипломами* не только по всей совокупности наукъ, но и по опредѣленнымъ группамъ и отдѣльнымъ наукамъ, за подписью соотвѣтствующихъ профессоровъ, (при условіи испытаній, мною выше указанныхъ), представляется мнѣ желательнымъ по слѣдующей причинѣ. Среди университетскихъ слушателей много лицъ, нуждающихся лишь въ свидѣтельствѣ отъ университета объ основательномъ знакомствѣ съ опредѣленными лишь предметами, въ видѣ вѣской рекомендаціи, для занятія мѣстъ, соотвѣтственно изученной ими спеціальности.

Этими нововведеніями достигаются въ то же время двѣ весьма существенныхъ выгоды: 1) огражденіе профессоровъ отъ мучительной и, по существу дѣла, не подходящей обязанности опредѣлять служебную способность университетскихъ слушателей и 2) избавленіе слушателей отъ риска не выдержать экзамена отъ причинъ, ничего общаго съ ихъ знаніемъ не имѣющихъ.

5) Измѣненія въ лекціонной системѣ. Насколько удовлетворительною и соотвѣтственною современнымъ потребностямъ является лекціонная система, практикуемая въ университетахъ? Что здѣсь кроется что-то неладное, какое-то недоразумѣніе—свидѣтельствуетъ почти полное отсутствіе слушателей въ большинствѣ аудиторій. Многія аудиторіи остаются пустыми, даже и въ тѣхъ университетахъ, гдѣ число слушателей пре-

восходитъ въ нѣсколько разъ вмѣстимость имѣющихся въ университетѣ аудиторій; напримѣръ, въ петербургскомъ—съ 4.000 студентовъ. Весьма поучительно для пониманія современной университетской жизни разобраться въ этомъ вопросѣ.

Причинъ опустѣнія большей части университетскихъ аудиторій нѣсколько, и весьма различныхъ между собою.

Наиболѣе бьющею въ глаза есть переполненіе университетовъ лицами, желающими лишь заручиться дипломомъ для карьеры; для нихъ прохожденіе университетскаго курса, съ обязательными экзаменами, есть своего рода спортъ, непріятный правда, но обязательный для пріобрѣтенія благъ мірскихъ. Слушатели этой категоріи не нуждаются въ посѣщеніи лекцій, такъ какъ по учебнику профессора, запискамъ или конспектамъ удается выдерживать экзамены и получать даже дипломъ первой степени.

Вторая причина обусловлена сохраненіемъ въ неприкосновенности, давностью освящаемаго обычая, преподавать предметъ съ каѳедры, не рѣдко по учебнику преподавателя или, составленнымъ по его лекціямъ, запискамъ. Въ данномъ случаѣ, особенно, если самый предметъ не нуждается ни въ демонстраціяхъ или опытахъ, лекціи сводятся на пустое времяпровожденіе, и, по моему, слушатели, даже интересующіеся предметомъ, поступаютъ совершенно раціонально, предпочитая во избѣжаніе потери времени, знакомиться съ курсомъ дома, по учебнику и другимъ источникамъ.

Аудиторіи пустуютъ и въ томъ случаѣ, если профессоръ читаетъ ясно и добросовѣстно, но не выходитъ изъ рамокъ того, съ чѣмъ не трудно ознакомиться слушателю непосредственно изъ книгъ.

Многіе изъ предметовъ университетскаго курса легко могутъ быть усвоены изъ книгъ, безъ посторонней помощи. Въ этихъ немалочисленныхъ случаяхъ обычное чтеніе съ каѳедры должно быть, по-моему, замѣнено совершенно иными пріемами: вмѣсто чтенія съ каѳедры того, что общедоступно къ усвоенію по печатной книгѣ—бесѣдой о томъ, что въ книгѣ осталось недоговореннымъ или недостаточно выясненнымъ, по мнѣнію профессора; чрезвычайно полезны: ознакомленіе слушателей съ различными пріемами разслѣдованія, критическій разборъ послѣднихъ, руководительство слушателей въ первыхъ ихъ начинаніяхъ и попыткахъ научной разработки различныхъ вопросовъ по читаемой профессоромъ наукѣ—вотъ, по-моему, темы, способныя вновь привлечь слушателей въ аудиторіи.

Дозволеніе замѣны обычной лекціи бесѣдой съ слушателями, а въ опытныхъ и описательныхъ наукахъ практическими занятіими въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда профессору это представляется удобнымъ, принадлежитъ, насколько я понимаю, къ числу важныхъ реформъ университетскаго быта. Замѣна лекцій соотвѣтственнымъ числомъ практическихъ занятій могла бы быть уста-

навливаема каждый разъ факультетомъ. Мысли эти раздѣляются въ настоящее время далеко не всѣми преподавателями. Безусловные защитники исключительнаго лекціоннаго преподаванія приводятъ, обыкновенно, въ защиту его великое значеніе «живого слова» въ дѣлѣ преподаванія; аргументъ, на мой взглядъ, потому не сильный, что, какъ извѣстно, къ слову, раздающемуся съ каѳедры, не всегда это прилагательное приложимо. Съ другой же стороны, развѣ нѣтъ мѣста живому слову при бесѣдѣ съ слушателями какъ въ аудиторіи, такъ и въ кабинетахъ и лабораторіяхъ?

Третья причина пустованія аудиторій не менѣе заслуживаетъ вниманія: за послѣднія десятилѣтія кабинеты и лабораторіи университета настолько усовершенствовались, какъ по отношенію къ помѣщенію, такъ въ особенности по научнымъ пособіямъ, что привлекаютъ къ себѣ большое число студентовъ, которые нерѣдко проводятъ въ нихъ цѣлые дни, какъ въ исполненіи обязательныхъ работъ, такъ и разслѣдованіи уже по собственному влеченію. Эти молодые люди тоже не посѣщаютъ многихъ лекцій, и это не по нерадѣнію, а по невозможности удовлетворить этой потребности. Они разсуждаютъ такъ: по всѣмъ предметамъ читаются столь обширные курсы, что не имѣется никакой возможности одновременно посѣщать и лекціи, и вести практическія занятія, по какой-либо спеціальности, а посѣщать лекціи по разнымъ предметамъ, урывками, не имѣетъ смысла. Хотя и не вяжется какъ-то представленіе о серьезномъ и развитомъ студентѣ, не посѣщающемъ многихъ лекцій факультета, но при настоящихъ порядкахъ нельзя не признать правоты въ разсужденіяхъ молодыхъ людей. Мнѣ представляется совершенно правильнымъ указаніе, что, по крайней мѣрѣ, читаемые для слушателей естественно-историческаго отдѣленія физико-математическаго факультета, курсы слишкомъ обширны. Ощущается потребность въ курсахъ краткихъ, вводныхъ, которые, при требуемой сжатости изложенія, давали бы слушателямъ представленія о современномъ состояніи науки и главнѣйшихъ, на очереди стоящихъ научныхъ вопросахъ. Детальные курсы, необходимые для слушателей спеціалистовъ, могли бы быть, при указаніи на имѣющіеся въ изобиліи печатные источники, замѣнены практическими занятіями.

Нельзя же закрывать глаза на то, что предъявляемыя факультетами въ настоящее время къ слушателямъ чрезмѣрныя требованія остаются мертвою буквою, вслѣдствіе ихъ неисполнимости.

6) *Съѣзды профессоровъ университетовъ и другихъ высшихъ практическихъ школъ, а равно и совмѣстные съѣзды профессоровъ съ преподавателями средней школы.*

При разъединеніи преподаванія теоретическаго отъ практическаго представляется особенно желательнымъ установленіе живого общенія между университетскими преподавателями и преподавателями остальныхъ спеціальныхъ высшихъ школъ: медицинскихъ, техническихъ, сельскохозяйственныхъ, филологическихъ и проч. Оно могло бы быть вызвано

къ жизни разрѣшеніемъ съѣздовъ преподавателей для совмѣстнаго обсужденія основныхъ вопросовъ высшаго образованія въ Россіи и согласованія преподаванія научныхъ знаній въ университетахъ и спеціальныхъ высшихъ школахъ.

На желательность живой связи университетовъ съ остальными высшими школами указано уже и Н. И. Пироговымъ.

Не менѣе благотворное вліяніе на распространеніе высшаго образованія въ Россіи окажутъ, несомнѣнно, и съѣзды общіе преподавателей высшихъ учебныхъ съ преподавателями въ среднихъ школахъ. Всякій согласится, что вопросъ о правильной постановкѣ высшаго образованія въ Россіи находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ преобладающаго контингента лицъ, поступающихъ въ высшія учебныя заведенія изъ средней школы. Изъ нихъ вѣдь составляется аудиторія, къ которой должно принаравливаться и преподаваніе какъ въ университетѣ, такъ и въ остальныхъ высшихъ школахъ; въ зависимости отъ этого и бо̀льшій или меньшій успѣхъ университетскаго преподаванія.

Отъ совмѣстныхъ съѣздовъ учителей и профессоровъ слѣдуетъ ожидать поэтому двойной пользы: и для средней, и для высшей школы. Съѣзды эти, несомнѣнно, будутъ имѣть слѣдствіемъ поднятіе уровня образованія средней школы; высшія же выиграютъ тѣмъ, что, получая контингентъ болѣе развитыхъ слушателей, будутъ избавлены отъ необходимости начинать по многимъ наукамъ съ азбучныхъ истинъ и получатъ возможность достигнуть гораздо бо̀льшаго, чѣмъ въ настоящее время.

Въ заключеніе не могу не указать, какъ на необходимыя мѣры къ поднятію высшаго образованія въ Россіи:

7) *Открытіе какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ учрежденій, начиная съ отдѣльныхъ лабораторій и институтовъ, до университетовъ включительно, въ такомъ числѣ, чтобы всякій, желающій совершенствоваться въ наукахъ, находилъ свободное мѣсто для своихъ занятій,*

а равно 8) *организація общеобразовательныхъ, по возможности содержательныхъ, но краткихъ курсовъ, по опредѣленнымъ цикламъ наукъ.*

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ видно, что большинство высказанныхъ мною пожеланій касательно университетской реформы не принадлежитъ къ области фантазіи и что они могутъ быть, съ большою пользою, введены въ ближайшемъ будущемъ.

Закончивъ обсужденіе предстоящей реформы университета и обрисовавъ желаемую въ будущемъ его организацію, я перехожу къ выдѣленной, изъ всего остального, рубрикѣ: характеристикѣ студенческихъ безпорядковъ, ихъ главнѣйшихъ причинъ и отношенія къ нимъ университета. Предстоитъ разсмотрѣть: въ состояніи ли проектируемый университетъ противодѣйствовать и прекращать студенческія

волненія? Если бы оказалось, что таковыми мѣрами будущій университетъ располагать можетъ,—ихъ указать; въ случаѣ же, что получился бы отвѣтъ отрицательный, то, высказавъ все откровенно, признать это функціей для университета непосильной и неисполнимой.

Основываясь на личномъ повседневномъ опытѣ послѣдняго времени, мнѣ представляется единственно возможнымъ, и для преобразованнаго университета, отвѣтъ отрицательный. Въ виду несомнѣннаго обнаруживанія студенческихъ безпорядковъ подъ вліяніемъ причинъ внѣшнихъ, отъ университета не зависящихъ, возможна лишь одна раціональная мѣра: на основаніи справедливости этого показанія, снять съ университета всякую за нихъ отвѣтственность.

Невольно, однако, при этомъ зарождается вопросъ: неужели совершенно невозможно измѣненіемъ студенческаго быта оградить отъ пагубного вліянія безпорядковъ высшее образованіе въ Россіи? Такія мѣры имѣются, но не всѣ во власти университскаго начальства.

Я увѣренъ, напр., что изъ перечисленныхъ выше реформъ могли бы особенно благотворно подѣйствовать: 1) уменьшеніе чрезмѣрнаго наплыва молодежи въ университетъ посредствомъ отмѣны обязательнаго пребыванія студента въ университетѣ впродолженіи восьми семестровъ; 2) безотлагательное введеніе свободы обученія, въ соединеніи съ кореннымъ измѣненіомъ экзаменаціонной системы.

Но какъ ни благотворны эти измѣненія, они врядъ ли могли бы устранить недозволенныя сходки и обусловленное ими нарушеніе нормальной жизни университета.

Остается еще одна мѣра, которая, насколько я понимаю дѣло, могла бы устранить безпорядки въ стѣнахъ какъ университета, такъ и другихъ высшихъ школъ: это разрѣшеніе правительствомъ внѣ университета собраній студентовъ, для удовлетворенія одной изъ насущнѣйшихъ потребностей взаимнаго сближенія; имѣя особыя помѣщенія въ частныхъ помѣщеніяхъ, для обсужденія наиболѣе ихъ интересующихъ вопросовъ, студенты перестанутъ домогаться сходокъ въ университетѣ, и интересующіеся наукою слушатели получатъ возможность безпрепятственно предаваться ученымъ занятіямъ. На основаніи изложенныхъ соображеній, я и позволяю закончить свою статью заявленіемъ, что единственною радикальною мѣрою для огражденія университета и другихъ высшихъ школъ отъ студенческихъ безпорядковъ мнѣ представляется разрѣшеніе студенческихъ собраній внѣ университета и высшихъ школъ, на основаніи правилъ, общепринятыхъ для всѣхъ другихъ публичныхъ собраній и при контролѣ ихъ со стороны правительства.

P. S. Многое изъ здѣсь сказаннаго, на мой взглядъ, примѣнимо и къ остальнымъ высшимъ школамъ.

А. Фаминцынъ.

ЗВѢЗДЫ.

(На мотивъ изъ Гейне).

Звѣзды чистыя, лучистыя
Въ часъ ночной
Вы, какъ искры золотистыя,
Надо мной.

Вы рождаетесь безстрастныя
Въ высотѣ;
Вы поете гимны властные
Красотѣ.

Вы сверкаете, мерцаете
Въ тьмѣ ночей,
Золотистую сплетаете
Сѣть лучей;

Эта сѣть земли касается,
Вы — вдали....
И до васъ не поднимается
Пыль земли.

Н. Р. К.

Изъ исторіи нашей журналистики дореформенной эпохи.

(Къ двухсотлѣтію русской печати).

Наступаетъ двухсотлѣтіе русской печати, фактора, который, при всѣхъ его судьбахъ, имѣлъ, тѣмъ не менѣе, очень большое значеніе въ исторіи общественнаго развитія нашей родины. Это важное событіе привлечетъ, безъ сомнѣнія, вниманіе общества, а на насъ, журналистовъ, оно же налагаетъ обязанность бросить ретроспективный взглядъ на пройденный путь, остановиться на нѣкоторыхъ его этапахъ и подвести кое-какіе итоги въ области многолѣтней и многотрудной борьбы русской журналистики за свое существованіе и за воплощеніе въ жизни тѣхъ идеаловъ, которые она ставила на своемъ знамени. Въ настоящемъ очеркѣ мы останавливаемся лишь на небольшомъ сравнительно періодѣ ея жизни, до эпохи реформъ. Дѣлаемъ мы это потому, что судьбы русской журналистики связаны, разумѣется, тѣснѣйшимъ образомъ съ общей исторіей нашей культуры, а состояніе послѣдней въ XVIII вѣкѣ еще такъ недавно проходило предъ глазами читателей «Міра Божія» въ мастерскихъ «Очеркахъ» П. Н. Милюкова. Что касается первой четверти XIX вѣка, то недавно лишь вышли въ свѣтъ «Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія» проф. Н. Н. Булича *), который далъ живую характеристику именно возникновенія и первыхъ годовъ дѣятельности журналовъ въ началѣ царствованія императора Александра I. Какъ справедливо замѣтилъ почтенный авторъ этого труда, «исторія нашей литературы не можетъ представлять вполнѣ свободнаго и самостоятельнаго развитія, ея голосъ часто былъ полузадавленъ, и жизнь, и мысли спутывались и переплетались съ анекдотами о цензурѣ». Мы не имѣемъ поэтому въ виду охватить въ нашей статьѣ полной исторіи журналовъ и за намѣченный промежутокъ времени со стороны ихъ содержанія. Наша задача гораздо скромнѣе и ограниченнѣе: пользуясь оффиціальными изданіями и общею литературой, мы постараемся намѣтить лишь внѣшнюю исторію нѣсколькихъ журналовъ.

Наша работа явится, поэтому, скорѣе, историко-статистическою. Намъ кажется, что «немножко статистики» въ этой области явится дѣломъ небезполезнымъ.

---

*) Посмертное изданіе 1902 г., т. I.

Мы начнемъ съ замѣчанія, что взятый нами періодъ можно назвать, такъ сказать, «доисторическимъ». Онъ оканчивается 1862 годомъ. Мы хотимъ сказать этимъ слѣдующее: всѣмъ извѣстно, какое количество репрессивныхъ мѣръ тяготѣло надъ русскою журналистикой въ первую половину XIX вѣка. Дѣло доходило до безусловнаго запрещенія выхода въ свѣтъ многихъ изданій («Духъ Журналовъ», «Европеецъ», «Московскій Телеграфъ», «Телескопъ» и др.), но тщетно стали бы вы искать какихъ бы то ни было слѣдовъ этихъ мѣръ въ оффиціальныхъ изданіяхъ того времени. Мы даже не представляемъ себѣ ясно, какимъ образомъ далекіе отъ столицъ подписчики закрываемыхъ журналовъ узнавали причину внезапнаго неполученія ими этихъ журналовъ. Изданія, соотвѣтствовавшаго нынѣшнему «Правительственному Вѣстнику», тогда не существовало; «Русскій Инвалидъ» и «Сенатскія Вѣдомости» имѣли свои спеціальныя задачи, а булгаринская «Сѣверная Пчела» не смѣла, разумѣется, и помыслить сообщать публикѣ столь «сенсаціонныя» извѣстія *). Наконецъ, увѣдомленіе подписчиковъ о судьбѣ того или иного закрытаго журнала исходящими отъ редакціи его частными письмами грозило очень непріятными для авторовъ такихъ писемъ послѣдствіями. Дѣйствія правительства того времени считались совершенно до публики некасающимися. Представленный въ самомъ началѣ царствованія императора Александра I, т.-е. въ одинъ изъ лучшихъ для русской журналистики періодовъ ея жизни, бывшимъ адъюнктомъ московскаго университета Баккаревичемъ проектъ «Правительственнаго Журнала» **), въ которомъ, по мысли автора проекта, помѣщались бы «всѣ государственные акты и бумаги, каковые благоразуміе правительства почтетъ за благо обнародовать, высочайшіе манифесты, рескрипты, новыя узаконенія, реляціи министровъ и полководцевъ» и т. д., былъ отвергнутъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Завадовскимъ. Правда, само министерство народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніе котораго поступила тогда цензура и всѣ, касающіяся печати, дѣла, стало издавать съ 1803 года собственный органъ «Періодическ. сочиненія о успѣхахъ народн. просвѣщ.», впослѣдствіи «*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*», но, просматривая мирно покоящіяся въ Императорской Публичной библіотекѣ страницы этого изданія, мы и здѣсь не нашли ничего, относящагося до мѣропріятій противъ печати. Нынѣшній «Правительственный Вѣстникъ», изъ котораго мы теперь узнаемъ касающіяся прессы извѣстія, сталъ издаваться только съ 1869 года. Изданіе это имѣло, однако, своего предшественника въ лицѣ «Сѣверной Почты», которая, въ качествѣ оффиціальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ, стала правильно выходить съ перваго января 1862 года,

*) Въ полуоффиціальныхъ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» извѣстій объ этомъ предметѣ также не было.

**) О проектѣ Баккаревича см. въ «Историческихъ свѣдѣніяхъ о цензурѣ въ Россіи», «Очеркахъ по исторіи русской цензуры» г. Скабичевскаго и въ «Очеркахъ по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка» Н. Н. Булича.

а черезъ семь лѣтъ она-то и была преобразована въ «Правительственный Вѣстникъ». Въ виду же новыхъ «вѣяній», ознаменовавшихъ собою «шестидесятые годы», министерство внутреннихъ дѣлъ, куда вскорѣ (въ 1863 году) перешло завѣдываніе дѣлами печати, стало публиковать въ «Сѣверной Почтѣ» налагаемыя на печать взысканія правительства.

Теперь читателю понятно, почему время до 1862 года мы назвали «доисторическимъ періодомъ» нашей прессы. Свѣдѣнія о немъ, а имъ-то мы и займемся въ нашемъ очеркѣ, изслѣдователямъ приходилось черпать почти всецѣло изъ литературы мемуаровъ, дневниковъ, напечатанной много времени спустя частной переписки дѣятелей того времени и т. п. документовъ. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ, примѣръ чему представляютъ извѣстныя изслѣдованія академика Сухомлинова, изслѣдователи пользовались хранящимися въ правительственныхъ архивахъ старыми подлинными дѣлами о печати.

Эпоха Павла I почти не входитъ въ разсматриваемый нами періодъ времени, ибо кратковременное царствованіе этого государя протекло главнымъ образомъ въ XVIII вѣкѣ; сверхъ того отрицательное отношеніе къ просвѣщенію за этотъ періодъ времени фактъ общеизвѣстный. Изъ журналовъ, возникшихъ еще при Екатеринѣ Великой, весьма немногіе уцѣлѣли до начала царствованія Александра I, когда съ учрежденіемъ цензурнаго устава 1804 года явилась возможность общественной мысли до нѣкоторой степени искать себѣ выраженія въ періодическихъ органахъ печати. Послѣ леденящихъ условій предшествовавшаго времени, въ воздухѣ повѣяло оттепелью. Настали лучшіе дни и для печати. Появилось много новыхъ журналовъ и вышеупомянутый цензурный уставъ 1804 г. отличался сравнительною мягкостью. Конечно, до свободы печати, о которой и тогда уже мечтали передовые русскіе люди, было очень далеко, но все же въ сравненіи не только къ эпохою Павла I, но и съ послѣдовавшей, въ началѣ царствованія императора Александра I печати жилось гораздо легче. «Общественное развитіе Россіи,—пишетъ проф. Н. Н. Буличъ,—привело впослѣдствіи правительство къ убѣжденію во вредѣ предварительной цензуры; оно замѣнило ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ называемою карательною, гдѣ преступленіе печати не предупреждается, а наказывается судомъ, гдѣ литературѣ предоставлено право самозащиты» *).

Доказательствомъ сравнительно снисходительнаго отношенія тогдашней цензуры къ обсужденію въ печати даже вопроса о свободѣ печати можетъ послужить пропущенный цензурою «Діалогъ» между «сочинителемъ» и «цензоромъ», помѣщенный въ «Журналѣ Россійской Словесности», который издавалъ извѣстный писатель александровской эпохи Пнинъ. Діалогъ напечатанъ въ формѣ «перевода съ манчжурскаго» и содержитъ въ себѣ любопытныя для того времени строки.

*) Буличъ, стр. 57.

*

«Авторъ приноситъ къ цензору свое сочиненіе, подъ названіемъ «Истина»; цензоръ отказывается пропустить ее безъ просмотра, говоря, что, «не всякая истина должна быть напечатана».

«Почему же?»—спрашиваетъ авторъ.—Познаніе истины ведетъ къ благополучію. Лишать человѣка сего познанія, значитъ препятствовать ему въ его благополучіи, значитъ лишать его способовъ сдѣлаться счастливымъ. Если можно не позволить одну истину, то должно уже не позволять никакой, ибо истины между собою составляютъ непрерывную цѣпь. Исключить изъ нихъ одну, значитъ отнять изъ цѣпи звено и ее разрушить. Притомъ же истинно великій мужъ не опасается слушать истину, не требуетъ, чтобы ему слѣпо вѣрили, но желаетъ, чтобъ его понимали» *).

Но не долго продолжались и въ александровскую эпоху сравнительно «золотые дни» русской журналистики. Скоро подулъ другой вѣтеръ и жертвами его пали одинъ за однимъ «Сіонскій Вѣстникъ» и «Духъ Журналовъ». Къ исторіи этихъ изданій мы теперь и обратимся.

«Сіонскому Вѣстнику» и его редактору, извѣстному А. Ф. Лабзину, въ нашей журналистикѣ, что называется, посчастливилось, ибо кромѣ разбросанныхъ тамъ и сямъ мелкихъ замѣтокъ, касающихся изданія и лица, о которыхъ идетъ рѣчь, мы имѣемъ по этому же поводу, печатавшееся въ цѣломъ рядѣ книжекъ «Русской Старины» за 1894 и 1895 годъ, цѣнное изслѣдованіе Н. Ф. Дубровина, подъ заглавіемъ: «Наши мистики-сектанты». А. Ф. Лабзинъ и его журналъ «Сіонскій Вѣстникъ». По полнотѣ сообщаемыхъ свѣдѣній фактическаго характера статья г. Дубровина можетъ конкурировать лишь съ извѣстнымъ изслѣдованіемъ М. И. Сухомлинова «Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ». Другіе, закрытыя въ первой половинѣ XIX вѣка, изданія не только не имѣютъ ничего подобнаго, но исторія ихъ отличается вообще большою скудостью даже сырыхъ матеріаловъ.

А. Ф. Лабзинъ родился въ 1766 году въ бѣдной дворянской семьѣ, поступилъ десяти лѣтъ въ гимназію при московскомъ университетѣ, основательно изучилъ латинскій языкъ, а затѣмъ былъ переведенъ въ самый университетъ. Какъ многіе другіе интеллигентные люди екатерининской эпохи, Лабзинъ одно время увлекался Вольтеромъ, но, говоритъ въ одной запискѣ къ Новосильцеву самъ Лабзинъ, «явился, какъ ангелъ-благовѣстникъ, покойный профессоръ Шварцъ и, какъ солнце, расточилъ туманъ вольнодумства и невѣрія» **). Занимаясь основательно изученіемъ классиковъ, Лабзинъ почувствовалъ наряду съ тѣмъ большую склонность къ чтенію священныхъ книгъ и въ 1783 году вступилъ въ общество мартинистовъ. По окончаніи курса

*) *Н. Н. Буличъ*. «Очерки по исторіи русск. литературы», стр. 89.

**) Дубровинъ. «Наши сектанты-мистики». «Русская Старина» 1894 г., ноябрь, стр. 59.

въ университетѣ, Лабзинъ служилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, а въ 1789 году былъ переведенъ въ Петербургъ въ «секретную экспедицію с.-петербургскаго почтамта». Здѣсь прослужилъ онъ десять лѣтъ и затѣмъ получилъ мѣсто въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и назначеніе вмѣстѣ съ тѣмъ конференцъ-секретаремъ академіи художествъ. Ему же было поручено вмѣстѣ съ Вахрушевымъ составленіе «Исторіи державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго», которая и появилась въ пяти частяхъ. Много занимаясь литературою и будучи борцомъ по природѣ («если бы не вѣра и не благодать Господа,—говорилъ о себѣ самъ Лабзинъ,—я былъ бы подобенъ сатанѣ»), Лабзинъ страстно жаждалъ широкой общественной дѣятельности. Онъ мечталъ начать борьбу съ овладѣвшимъ тогда, по его мнѣнію, обществомъ «антихристіанскимъ направленіемъ». Какими же средствами думалъ онъ вести подобную борьбу? На этотъ вопросъ самъ Лабзинъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Всякій ли желудокъ,—спрашиваетъ онъ,—въ состояніи переварить все, что человѣкъ съѣстъ? Всякій ли разсудокъ въ состояніи порядочно разсудить все, что человѣкъ прочтетъ? А между тѣмъ, литераторы, какъ исправные повара, приправляютъ свое стряпье моднымъ снадобьемъ, чтобы лучше расщекотать вкусъ своихъ читателей. Но какія же мѣры употреблять противъ вредныхъ или опасныхъ книгъ, чтобы люди не заражались? Приведемъ здѣсь пословицу: клинъ клиномъ вышибать должно. Когда есть книги соблазнительныя или развратныя, пусть будутъ книги поучительныя и нравоучительныя; когда есть противонравственныя, пусть выходятъ и христіанскія, а свобода воли человѣческой, которую и Богъ не утѣсняетъ, пусть избираетъ себѣ любое, и не станемъ осуждать того, кто выберетъ не наше; не станемъ сердиться, если кто осудитъ наше» *).

Это строки чрезвычайно характерны для Лабзина. Являясь противникомъ «вольнодумства», онъ не желаетъ зажимать рты «инакомыслящимъ»; вѣруя въ истину своихъ воззрѣній, онъ настаиваетъ на необходимости свободы устнаго и печатнаго выраженія мыслей противоположныхъ. Мысли онъ хочетъ противопоставить *только* мысль, убѣжденію *только* убѣжденіе. На этомъ основаніи Лабзинъ просилъ о разрѣшеніи издавать ему журналъ, который, несмотря на то, что въ немъ будутъ трактоваться нѣкоторые духовные вопросы, вѣдался бы только свѣтскою цензурою. Получивъ такое разрѣшеніе, Лабзинъ сталъ издавать журналъ подъ названіемъ «Сіонскій Вѣстникъ», первый нумеръ котораго и появился въ свѣтъ 1-го января 1806 года. Журналъ сразу обратилъ на себя вниманіе.

По выходѣ второй книжки, у Лабзина было уже *девяносто три* подписчика, цифра по тому времени, какъ свидѣтельствуютъ современ-

---

*) Ibid., стр. 68.

ники, весьма значительная. Начали поступать и добровольныя денежныя пожертвованія. Послѣ первой же книжки Лабзинъ получилъ четыреста рублей отъ «восхищающагося его изданіемъ» и выражавшаго желаніе поддержать журналъ «и перомъ, и добромъ своимъ». Но явились, конечно, и враги.

«Болляринъ Лабзинъ,—писалъ въ своихъ запискахъ извѣстный Фотій,—съ ученіемъ и смѣлостью имѣя дерзкій характеръ, имѣлъ скопище по ночамъ у себя, подъ видомъ чистаго ученія о вѣрѣ христіанской, но въ самой вещи множилъ одно невѣріе и нечестіе. Заключалась въ семъ обществѣ премудрость земная, бѣсовская: онъ, дѣйствуя открыто, подъ видомъ изъясненія св. Писанія, дѣлалъ свои толкованія произвольно на оное, яко же отъ бѣса способенъ былъ принимать, изблевывалъ ядъ ученія отъ сердца своего и отравлялъ сердца многихъ, подъ видомъ ученія вѣры Христовой давалъ ученія лже-христіанскія и подъ видомъ умноженія духовныхъ книгъ для духовныхъ и мірскихъ людей на русскомъ нарѣчіи писалъ чисто, ясно, сочинялъ и переводилъ книги нечестиваго всякаго еретическаго ученія, разнаго съ нѣмецкаго языка, французскаго и съ прочихъ нарѣчій, и печатію все издавалъ; выдумывалъ разныя чудеса новыя, ложныя, прославляя, какъ божественное дѣйствіе, магнетизмъ, сущее бѣсовское дѣло и упражненіе постыднѣйшее для христіанъ, а особенно людей просвѣщенныхъ. Всякими способами сей врагъ вѣры и благочестія пакости чинилъ церкви и вѣрѣ православной, ученію истины, благочестію вѣрныхъ, и духъ прелести, ереси и заблужденій всесильно вливалъ въ сердца неопытныхъ всѣхъ и отвращалъ въ путь нечестія и святотатства. Его многіе называли: апостолъ и пророкъ сатанинъ... Въ ересь его многіе были увлечены: книги, сочиненія его почти всѣ ученые читали съ удовольствіемъ, въ семинаріи выписывали, хвалили и превозносили его, яко учителя вѣры. Изъ человѣкоугодія или по заблужденію архіереи, ректоры, архимандриты, протоіереи и прочіе многіе изъ духовныхъ, князья, боляре, ученые потворствовали и желали имѣть какъ бы нѣкую тайну ученія и просвѣщенія отъ него... Сему идолу-человѣку кланялось начальство с.-петербургской духовной академіи и синодъ его чтилъ... Лабзинъ, врагъ вѣры Христовой, правительства всякаго, не всѣхъ въ свое общество принималъ, а богатыхъ, знатныхъ, ученыхъ и имѣющихъ какое-либо вліяніе къ умноженію злаго ученія новаго... Прелесть и лукавство общіе послѣдователей ученія Лабзина достигло до того, что министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ ему способникъ, отличіе ему изъ рукъ царскихъ испрашивалъ, похвалы громкія, какъ нѣкоему апостолу, царская рука писала въ рескриптахъ» и т. д. *).

---

*) «Повѣствованіе священно-архимандрита отца Фотія». «Русская Старина» 1894 года, стр. 215—217.

Несмотря на такое огромное вліяніе Лабзина, «Сіонскій Вѣстникъ» не могъ долго существовать. По распоряженію министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго было издано приказаніе о подчиненіи журнала Лабзина духовной цензурѣ. Тутъ начались всякія стѣсненія, придирки и въ результатѣ Лабзинъ самъ принужденъ былъ закрыть свое изданіе. Но онъ не упалъ духомъ и вслѣдъ затѣмъ основалъ особую массонскую ложу, въ члены которой вступили графъ Разумовскій, князь Гагаринъ и нѣкоторыя другія вліятельныя лица. Затѣмъ Лабзинъ является уже однимъ изъ секретарей извѣстнаго библейскаго общества, во главѣ котораго стоялъ кн. А. Н. Голицынъ. Изъ врага Лабзина Голицынъ превратился въ его покровителя (слова Фотія объ отношеніяхъ къ Лабзину Голицына относятся къ этой эпохѣ), и въ 1816 г. Лабзину снова было разрѣшено издавать прекратившійся «Сіонскій Вѣстникъ». Ему даже была оказана, при посредствѣ Голицына, на это изданіе денежная помощь изъ кабинета Государя. Возобновленіе журнала было встрѣчено весьма сочувственно: во главѣ подписчиковъ, имена которыхъ тогда въ журналахъ обыкновенно печатались, стояли имена: императора Александра I, великаго князя Константина Павловича, министра духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына и многихъ другихъ. Въ 1818 году Лабзинъ назначенъ былъ вице-президентомъ академіи художествъ.

Все предвѣщало ему на этотъ разъ особую прочность его литературнаго предпріятія, но на дѣлѣ вышло иначе. Первымъ явнымъ противникомъ возобновленнаго «Сіонскаго Вѣстника» явился ректоръ петербургской семинаріи преосвященный Иннокентій. Въ письмѣ написанномъ имъ по поводу «Сіонскаго Вѣстника» къ кн. Голицыну, находилась между прочимъ, и такая фраза: «Вы нанесли рану церкви, вы и уврачуйте ее!» Хотя походъ на Лабзина на этотъ разъ и не имѣлъ успѣха, но партія противниковъ «Сіонскаго Вѣстника» все росла и росла. Въ качествѣ особенно жаркаго ревнителя чистоты православной вѣры выступилъ противъ Лабзина А. С. Стурдза, препроводившій кн. Голицыну цѣлый обвинительный актъ противъ «Сіонскаго Вѣстника» и требовавшій подчиненія его духовной цензурѣ. Голицынъ уступилъ и противная Лабзину партія восторжествовала. «Врагамъ моимъ отдали меня,—писалъ по этому поводу огорченный Лабзинъ.—Не пойду на судъ людямъ, которые затворяютъ двери царствія небеснаго, сами не входятъ и другихъ не пускаютъ туда» *). Письма Лабзина къ кн. Голицыну и личныя объясненія съ нимъ не помогли дѣлу, и «Сіонскій Вѣстникъ» прекратился. Голицынъ позволилъ Лабзину лишь напечатать «объявленіе», въ которомъ было сказано, что журналъ прекращаетъ самъ издатель. «Здоровье его (т.-е. издателя, о которомъ въ «объяв-

*) Дубровинъ. «Наши сектанты-мистики». «Русская Старина»,1895 г. январь, стр. 76.

леніи» Лабзинъ говоритъ въ третьемъ лицѣ *В. Б.*) неоднократно отъ того терпѣло,—гласило «объявленіе»,—и нынѣ онъ принужденнымъ себя находитъ объявить почтеннымъ любителямъ его журнала, что онъ продолжать свой журналъ далѣе не можетъ». «Въ подлинникѣ,—говоритъ г. Дубровинъ,—послѣ словъ «продолжать свой журналъ» стояло: «какъ по состоянію своего здоровья, такъ и по встрѣтившейся ему нуждѣ отлучиться на нѣкоторое время изъ столицы», но эти слова показались лично цензуровавшему «объявленіе» кн. Голицыну неудобными къ печати и онъ ихъ зачеркнулъ» *). Это было въ 1818 году. Такимъ образомъ дважды возникавшій при сильной поддержкѣ свыше для борьбы противъ «вольномыслія», но и съ широкою по принципу терпимостью къ мнѣніямъ обратнымъ, органъ печати принужденъ былъ дважды же и закрыться. Излагая по преимуществу, такъ сказать, внѣшнюю исторію нѣкоторыхъ органовъ печати, — мы предупредили читателя, что наша работа будетъ работою «историко-статистическою»,—мы не излагаемъ того положительнаго содержанія, которое влагалъ въ свой журналъ А. Ф. Лабзинъ. Помимо другихъ причинъ, это неудобно и въ томъ отношеніи, что завело бы насъ далеко въ сторону.

Дальнѣйшая судьба Лабзина извѣстна: за «продерзости» въ академіи по отношенію къ сильнымъ міра сего (столкновеніе изъ-за гр. Гурьева) онъ былъ высланъ изъ Петербурга въ уѣздный городъ Сенгилей (Симбирской губерніи), гдѣ и скончался 26-го января 1825 года.

Несравненно меньшею полнотою данныхъ отличается судьба другого журнала александровской эпохи, называвшагося «Духъ Журналовъ». Объ этомъ журналѣ имѣются свѣдѣнія лишь въ составленныхъ на основаніи изученія самаго журнала «Очеркахъ по исторіи русской журналистики» г. Пятковскаго. Въ «Очеркахъ по исторіи русской цензуры» г. Скабичевскаго къ собраннымъ г. Пятковскимъ по этому поводу даннымъ прибавленъ одинъ лишь, извлеченный авторомъ изъ «Русской Старины», документъ, касающійся, собственно, такъ называемаго «лицейскаго духа». (Онъ и приведенъ у г. Скабичевскаго не въ XXVIII главѣ его «Очерковъ», гдѣ идетъ рѣчь о «Духѣ Журналовъ» и другихъ журналахъ акександровской эпохи, а въ главѣ XXXI, посвященной невзгодамъ, сыпавшимся на молодого Пушкина). Документъ этотъ проливаетъ, однако, и кое-какой свѣтъ на причины закрытія «Духа Журналовъ» и къ нему, поэтому, мы еще вернемся. Никакихъ изслѣдованій и даже мемуаровъ, касающихся спеціально «Духа Журналовъ» въ нашей литературѣ, сколько намъ извѣстно, не имѣется.

Внѣшнюю особенность «Духа Журналовъ» составлялъ фактъ изданія его Григоріемъ Максимовичемъ Яценковымъ, который самъ занималъ въ то же самое время должность цензора. Являясь, такимъ образомъ, издателемъ журнала, Яценковъ самъ же пропускалъ въ печать

*) Ibid. стр. 86.

многія статьи. «Духъ Журналовъ» началъ выходить въ 1815 году еженедѣльными книжками и сразу сталъ на ту точку зрѣнія политическаго либерализма, которую усвоили себѣ многіе образованные русскіе люди александровской эпохи. Въ качествѣ образчика мнѣній «Духа Журналовъ» г. Пятковскій приводитъ помѣщенное въ № 31 журнала «Письмо одного нѣмца изъ Филадельфіи», проникнутое насквозь горячею симпатіей автора къ свободнымъ американскимъ учрежденіямъ, и дѣйствительно, провѣривъ его по подлиннику, мы находимъ, что оно очень характерно. «Подлинно,—пишетъ авторъ письма,—какое-то особенное чувство проникаетъ тебя, когда помыслишь, что ступилъ на землю свободы, гдѣ, какъ свободный человѣкъ между свободными людьми, жить будешь. Какъ будто здѣсь свободнѣе дышишь, нежели въ иной землѣ; всѣ наслажденія жизни кажутся болѣе пріятны, всѣ общественныя удовольствія болѣе благородны... Здѣсь нѣтъ ни титловъ, ни чиновъ, ни орденовъ, и однако, все идетъ своимъ ходомъ въ величайшемъ порядкѣ и благоустройствѣ... Конституція американской республики соединенныхъ провинцій имѣетъ всѣ преимущества англійской конституціи, не имѣя, однако, ея недостатковъ. Къ симъ преимуществамъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, неограниченная свобода мыслить, говорить и писать... Всякой, не боясь никого, говоритъ публично свое мнѣніе даже о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, хвалитъ или осуждаетъ все по своей волѣ, не щадя даже тѣхъ, кои сидятъ у кормила правленія... Журналы и газеты, коихъ здѣсь великое множество и въ которыхъ каждый можетъ свободно изъяснять свои мысли, много способствуютъ тому, чтобы знать общественное мнѣніе и голосъ народа» и т. д. въ томъ же родѣ *). Конечно, на такой журналъ было обращено срогое вниманіе, но запрещенію «Духъ Журналовъ» подвергся лишь въ 1820 году и притомъ, по словамъ Пятковскаго, за статью не либерально-политическаго, какихъ въ журналѣ было много, а соціально-экономическаго характера. Эта статья была написана на тему о «сохранныхъ кассахъ» и заключала въ себѣ, между прочимъ, такія строки: «Спрашивается: есть ли возможность ремесленнику или работнику быть бережливымъ? Подлинно, когда подумаешь, что богатый, положивъ въ банкъ тысячи или сотни тысячъ, легкимъ трудомъ пріобрѣтенныя, получаетъ на оныя безъ всякой заботы знатные проценты, а бѣднякъ не имѣетъ мѣста положить сохранно свою копейку, пòтомъ и кровью нажитую,—подлинно говорю, нельзя не пожалѣть о нашихъ гражданскихъ учрежденіяхъ, которыя наиболѣе благопріятствуютъ тѣмъ, кои и безъ того уже судьбою облагодѣтельствованы! У богатаго тысячи и милліоны растутъ сами собою, а у бѣд-

*) «Духъ Журналовъ» 1815 года. Книжка № 31. Статья «Письмо одного нѣмца изъ Филадельфіи», стр. 185—186 и 190—191. См. также «Очерки по исторіи русской литературы» Пятковскаго, т. II, стр. 306—307.

наго лепта пропадаетъ, какъ зерна, падшія на камень или на распутіи» *). Г. Пятковскій говоритъ, что «эти-то строки и возбудили негодованіе цензуры». Возможно, что возбудили, но эти строки появились въ свѣтъ въ 1819 году, а журналъ продолжалъ все-таки выходить до 1820 года, когда и былъ прекращенъ. Нельзя, поэтому, не постановить въ связь съ этимъ фактомъ напечатанный въ «Русской Старинѣ» одинъ документъ, о которомъ мы уже упоминали выше. Этотъ документъ, озаглавленный «Нѣчто о царскосельскомъ лицеѣ и его духѣ», помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» въ статьѣ «Уничтоженіе массонскихъ ложъ въ Россіи въ 1822 году; секретныя донесенія сенатора А. Е. Кушелева и другихъ» въ числѣ другихъ шести документовъ, причемъ редакція «Русской Старины» добавляетъ отъ себя, что авторъ записокъ №№ V и VI (а цитируемая записка и состоитъ подъ № VI) ей «неизвѣстенъ». Записка эта гласитъ слѣдующее (приводимъ ея извлеченіе):

1) «*Что значитъ лицейскій духъ?* Въ свѣтѣ называется лицейскимъ духомъ, когда молодой человѣкъ не уважаетъ старшихъ, обходится фамильярно съ начальниками, высокомѣрно съ равными, презрительно съ низшими, исключая тѣхъ случаевъ, когда, для фанфоронады, надобно показаться любителемъ *равенства*. (Курсивъ вездѣ въ подлинникѣ *В. Б.*). Молодой вертопрахъ долженъ при семъ порицать насмѣшливо всѣ поступки особъ, занимающихъ значительныя мѣста, всѣ мѣры правительства, знать наизусть или самому быть сочинителемъ эпиграммъ, пасквилей и пѣсенъ предосудительныхъ на русскомъ языкѣ, а на французскомъ знать всѣ дерзкіе и возмутительные стихи и мѣста самыя сильныя изъ революціонныхъ сочиненій. Сверхъ того, онъ долженъ толковать о конституціяхъ, палатахъ, выборахъ, парламентахъ, казаться невѣрующимъ христіанскимъ догматамъ и болѣе всего представляться филантропомъ и *русскимъ патріотомъ*. Къ тому принадлежитъ также обязанность насмѣхаться надъ выправкою и обученіемъ войскъ, и въ сей цѣли выдумано ими слово *шагистика*. Пророчество перемѣнъ, хула всѣхъ мѣръ или презрительное молчаніе, когда хвалятъ что-нибудь, суть отличительныя черты сихъ господъ въ обществахъ. *Вѣрноподданный* значитъ укоризну на ихъ языкѣ; *европеецъ* и *либералъ* — почетныя названія. Какая-то насмѣшливая угрюмость (morgue) вѣчно затемняетъ чело сихъ юношей и оно проясняется только въ часы буйной веселолости.

«Вотъ образчикъ молодыхъ и даже немолодыхъ людей, которыхъ у насъ довольное число. У лицейскихъ воспитанниковъ, ихъ друзей и приверженцевъ этотъ характеръ называется въ свѣтѣ *лицейскій духъ*. Для возмужалыхъ людей прибрано другое названіе: mépris souverain

---

*) Пятковскій, стр. 316—317.

pour le genre humain, для третьяго разряда, т.-е. сильныхъ крикуновъ—просто *либералъ*.

2) «*Откуда и какъ онъ произошелъ?* Первое начало либерализма и всѣхъ вольныхъ идей имѣетъ зародышъ въ религіозномъ мистицизмѣ секты мартинистовъ, которая въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II существовала въ Москвѣ подъ начальствомъ Новикова и даже имѣла свои ложи и тайныя засѣданія. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, Тургеневъ (отецъ осужденнаго въ Сибирь), Муравьевъ (отецъ Никиты, осужденнаго) и многія другія лица, которыя здѣсь не упоминаются, сильно содѣйствовали Новикову къ распространенію либеральныхъ идей, посредствомъ произвольнаго толкованія священнаго писанія, массонства, мистицизма, размноженія книгъ иностраннаго вреднаго содержанія и изданія книгъ чрезвычайно либеральныхъ (!) на русскомъ языкѣ.

«Когда Новиковъ былъ сосланъ въ Сибирь (?!) и его секта разрушилась, разсѣянные адепты стали по разнымъ мѣстамъ отдѣльно преподавать его ученіе. Тургеневъ былъ попечителемъ московскаго университета, находился въ дружбѣ съ Мих. Ник. Муравьевымъ и рекомендовалъ ему многихъ молодыхъ людей своего образованія, которыхъ сей послѣдній пускалъ въ ходъ по своимъ связямъ. Другіе дѣлали то же, и вскорѣ люди, приготовленные непримѣтно, бо́льшая часть сами не зная того, взяли перевѣсъ въ свѣтѣ и, по службѣ и по отличному своему положенію стоя, такъ сказать, на первыхъ мѣстахъ картины, сдѣлались образцами для подражанія. Новикова и мартинистовъ забыли, но духъ ихъ пережилъ и, глубоко укоренившись, производилъ безпрестанно горькіе плоды. Должно замѣтить, что планъ новиковскаго общества былъ почти тотъ же, какъ «Союза благоденствія», съ тою разницею, что новиковцы думали основать малую республику въ Сибири, на границѣ Китая, и по ней преобразовать всю Россію.

«Французская революція была благотворною росою для сихъ горькихъ растеній. Ужасъ, произведенный ею, исчезъ, правила остались и распространились множествомъ выходцевъ, коимъ повѣряли воспитаніе и съ коими дружились безъ всякаго разбора. Кратковременное царствованіе императора Павла Петровича не погасило пламени, но прикрыло только пепломъ. Настало царствованіе императора Александра, и новыя обстоятельства дали новое направленіе сему духу и образу мыслей».

Указавъ затѣмъ на то, какъ «вольномысліе» александровской эпохи отразилось въ нашихъ университетахъ, неизвѣстный авторъ тайнаго донесенія переходитъ къ воспитанникамъ царскосельскаго лицея.

«Въ Царскомъ Селѣ стоялъ гусарскій полкъ; тамъ живало лѣтомъ множество семействъ, пріѣзжало множество гостей изъ столицы, и молодые люди постепенно начали получать идеи либеральныя, которыя кружили въ свѣтѣ. Должно замѣтить, что тогда было въ тонѣ помѣ-

щать молодыхъ людей въ лицеѣ; они даже потихоньку, т.-е. безъ дозволенія, но *явно,* ходили на вечеринки въ домы, уѣзжали въ Петербургъ, куликали съ офицерами и посѣщали многихъ людей въ Петербургѣ, игравшихъ значительныя роли, которыхъ мы не хотимъ называть. Въ лицеѣ начали читать всѣ запрещенныя книги, тамъ находился архивъ всѣхъ рукописей, ходившихъ тайно по рукамъ и, наконецъ, пришло къ тому, что, если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились въ лицей.

«Послѣ войны съ французами (въ 1816 и 1817 годахъ) образовалось общество, подъ названіемъ «Арзамасскаго». Оно было ни литературное, ни политическое въ полномъ значеніи этихъ словъ, но въ настоящемъ существованіи клонилось само собой и къ той и къ другой цѣли. Оно сперва имѣло въ намѣреніи пресѣчь интриги въ словесности и въ драматургіи, поддерживать истинные таланты и язвить самозванцевъ-словесниковъ. Члены общества были неизвѣстны или хотя извѣстны всѣмъ, но не объявляли о себѣ публикѣ; но общество было *явное.* Оно было шуточное, забавное, и во всякомъ случаѣ принесло бы болѣе пользы нежели вреда, еслибъ было направляемо кѣмъ нибудь къ своей настоящей цѣли. Но какъ никто о семъ не заботился, то арзамасское общество принесло вредъ, особенно лицею. Сіе общество составляли люди, изъ коихъ почти всѣ, за исключеніемъ двухъ или трехъ, были отличнаго образованія, шли въ свѣтѣ по блестящему пути и почти всѣ были или дѣти членовъ новиковской мартинистской секты, или воспитанники ея членовъ, или товарищи, друзья и родственники сихъ воспитанниковъ. Духъ времени истребилъ мистику, но либерализмъ цвѣлъ во всей красѣ! Вскорѣ это общество сообщило свой духъ большей части юношества и, покровительствуя Пушкина и другихъ лицейскихъ юношей, раздуло безъ умысла искры и превратило ихъ въ пожаръ.

3) «*Какія послѣдствія и вліяніе его на общество?* Молодые люди, будучи не въ состояніи писать о важныхъ политическихъ предметахъ по недостатку учености и желая дать доказательства своего вольнодумства, начали писать пасквили и эпиграммы противъ правительства, которые вскорѣ распространялись, приносили громкую славу молодымъ шалунамъ и доставляли имъ предпочтеніе въ кругу зараженнаго общества. Они водились съ офицерами гвардіи, съ знатными молодыми людьми, были покровительствованы арзамасцами и членами тайнаго общества, шалили безнаказанно, служили дурно и, за дурныя дѣла пользуясь въ свѣтѣ наградами и уваженіемъ, давали тѣмъ самое пагубное направленіе обществу молодыхъ людей, которые уже въ домахъ своихъ не слушали родителей, въ насмѣшку называли ихъ *вѣрноподданными* и почитали себя преобразователями, дѣтьми новаго вѣка, новымъ поколѣніемъ, рожденнымъ наслаждаться благодѣяніями своего вѣка. Всѣ совѣты были тщетными. Они почитали себя выше всѣхъ. «*Духъ Жур-*

наловъ» былъ отголоскомъ ихъ мнѣнія—можетъ быть и неумышленно». (Послѣдній курсивъ нашъ) *).

Итакъ, умышленно или неумышленно, но во всякомъ случаѣ, по мнѣнію неизвѣстнаго автора записки, «Духъ Журналовъ» казался «отголоскомъ» распространившихся въ нашемъ обществѣ самыхъ непозволительныхъ мнѣній. Можетъ быть, въ силу этого и послѣдовало прекращеніе такого органа печати.

Нерадостно жилось русской журналистикѣ и во вторую половину двадцатыхъ годовъ, но положеніе ея стало особенно тягостнымъ послѣ іюльской революціи 1830 года. Хотя революція эта къ намъ касательства совершенно никакого не имѣла, произошла не у насъ, а гдѣ-то тамъ, въ далекой Франціи, но европейскія бури отражались у насъ, какъ извѣстно, со временъ Екатерины всегда усиленіемъ реакціи. Первою жертвой времени сдѣлалась «Литературная Газета» барона Дельвига. «Литературная Газета» издавалась Дельвигомъ, сотрудниками ея состояли Пушкинъ, Жуковскій, Вяземскій и другіе представители литературнаго «Олимпа», задачи изданія были строго литературныя, а направленіе,—если только можно употребить это выраженіе по отношенію къ такому непорочному представителю нашей журналистики тридцатыхъ годовъ,—состояло именно въ борьбѣ съ «либеральнымъ» журналомъ Полевого «Московскій Телеграфъ». Всего этого оказалось недостаточно. Нашлись, разумѣется, услужливые люди, которые нашептывали кому слѣдуетъ объ опасности для отечества отъ существованія «Литературной Газеты», и когда въ ней появилась четверостишіе де-ла-Виня, то катастрофа разразилась. Мы нашли въ публичной библіотекѣ этотъ злосчастный нумеръ газеты и прочли въ немъ слѣдующее инкриминируемое мѣсто:

«Вотъ новые четыре стиха Казиміра де-ла-Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27-го, 28-го и 29-го іюля:

France, dis moi leurs noms? Je n'en vois point paraître
Sur ce funebre monument:
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fut libre avant de les connaître **).

Никакихъ коментаріевъ, ни даже перевода на русскій языкъ въ «Литературной Газетѣ» помѣщено не было. Просто былъ сообщенъ новый фактъ изъ парижской жизни, а гроза, тѣмъ не менѣе, разразилась.

Вѣрнѣе, однако, что это былъ лишь предлогъ. Въ своей статьѣ «Сѣверная Пчела» 1825—1859 годъ Петръ Каратыгинъ помѣстилъ между прочимъ такія строки:

«Смерти Дельвига предшествовало и отчасти способствовало неудовольствіе на него правительства и запрещеніе ему быть редакторомъ «Литературной Газеты». На памяти Булгарина доынѣ тяготѣетъ не-

*) «Русская Старина» 1877 г. апрѣль, стр. 657—660.
**) «Литературная Газета» 28-го октября 1830 г. № 61. Стр. 206.

основательный упрекъ, будто бы своими извѣтами третьему отдѣленію онъ содѣйствовалъ несчастью, постигшему Дельвига.

«Не пришло еще время,—продолжаетъ Каратыгинъ,—но исторія укажетъ на ту гнусную личность, которая подъ личиною дружбы съ Пушкинымъ и Дельвигомъ, дѣйствительно, *по профессіи*, по любви къ искусству, по призванію, занималась доносами и извѣтами на обоихъ поэтовъ. Донынѣ имя этого лица почему-то нельзя произнести во всеуслышаніе, но, повторяемъ, оно будетъ произнесено и тогда, на ряду съ нимъ, даже имя Булгарина покажется синонимомъ благородства, чести и прямодушія!» *).

Эти строки появились въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1882 году. Названо ли, наконецъ, уже имя, о которомъ говоритъ Каратыгинъ, сказать съ увѣренностью мы, къ сожалѣнію, не можемъ.

Какъ бы то ни было, а послѣ появленія четверостишія де-ла-Виня у Дельвига отнято было право издавать газету. Это подѣйствовало на него удручающимъ образомъ и онъ быстро послѣ того скончался.

Въ дневникѣ Никитенко записаны подъ 28-е января 1331 года такія строки:

«Публика въ ранней кончинѣ барона Дельвига обвиняетъ Бенкендорфа, который, за помѣщеніе въ «Литературной Газетѣ» четверостишія Казиміра де-ла-Виня, назвалъ Дельвига въ глаза почти якобинцемъ и далъ ему почувствовать, что правительство слѣдитъ за нимъ. Засимъ и «Литературную Газету» запрещено было ему издавать..Это поразило человѣка благороднаго и чувствительнаго и ускорило развитіе болѣзни, которая, можетъ быть, давно въ немъ зрѣла» **).

Хотя «Литературная Газета» еще и тянула нѣкоторое время свое существованіе, но смерть Дельвига была, въ сущности, и смертью его газеты ***). «Пушкинъ тотчасъ же охладѣлъ къ неудавшемуся литературному предпріятію,—говоритъ П. Н. Полевой,—и возвратился къ своимъ мечтамъ о собственномъ (критическомъ) журналѣ; князь Вяземскій не рѣшился принять на себя дальнѣйшее веденіе «Литературной Газеты», внутренно сознавая безуспѣшность борьбы маленькаго и незамѣтнаго органа съ такимъ сильнымъ противникомъ, какъ «Московскій Телеграфъ». Остальные сотрудники барона, выносившіе на своихъ плечахъ главную долю труда въ «Литературной Газетѣ», разбрелись кто куда...» ****).

---

*) «Русскій Архивъ» 1882 г., № 4, стр. 274. Эти же слова Каратыгина цитируетъ и г. Скабичевскій въ «Очеркахъ по исторіи русской цензуры». «Отечественныя Записки», т. CCLXII, стр. 102.

**) «Записки и дневникъ А. В. Никитенко», томъ I, стр. 281.

***) Полное названіе газеты было такое: «Литературная Газета», издаваемая барономъ Дельвигомъ».

****) П. Полевой—«Листки изъ архива «Литературной Газеты». «Историческій Вѣстникъ» 1886 года, ноябрь, стр. 370.

Вскорѣ разразилась литературная катастрофа надъ журналомъ «Европеецъ», однимъ изъ послѣдствій которой явилось, между прочимъ, распоряженіе, чтобы впредь на изданіе каждаго новаго журнала испрашивалось бы всякій разъ спеціальное разрѣшеніе Государя Императора. Издателемъ «Европейца» былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ впослѣдствіи основоположниковъ славянофильской доктрины И. В. Кирѣевскій. Въ описываемое время раздѣленія на западниковъ и славянофиловъ еще не существовало. Въ «Воспоминаніяхъ объ А. И. Герценѣ» Д. Н. Свербеевъ говоритъ: «Въ то время (въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ) мы всѣ *безъ исключенія* были еще европейцами и потому журналъ, который въ 1832 году сталъ издавать старшій Кирѣевскій, былъ названъ «Европейцемъ» *). Во всякомъ случаѣ самъ Кирѣевскій былъ тогда совсѣмъ не тѣмъ Кирѣевскимъ, котораго изъ него сдѣлали впослѣдствіи своеобразныя условія его эпохи. «Названіе «Европеецъ»,—совершенно справедливо говоритъ А. И. Кошелевъ,—достаточно указываетъ на тогдашній образъ мыслей Кирѣевскаго» **). Въ «Европейцѣ» приняли горячее участіе Жуковскій, Пушкинъ и другіе наиболѣе громкіе представители литературы того времени. Журналу открывалась блестящая будущность; недовольны имъ были лишь самые заскорузлые «патріоты своего отечества» въ родѣ Погодина или его петербургскаго пріятеля нѣкоего Любимова, писавшаго Погодину 30-го января 1832 года такія строки: «У насъ теперь новый журналъ «Европеецъ». Въ немъ можетъ быть много хорошаго, но какъ жалко, что онъ дышетъ чѣмъ-то европейскимъ, а не русскимъ. Читали ли вы въ немъ разборъ «Горе отъ ума»? Срамъ да и все тутъ.. Не стыдятся явно проповѣдывать, чтобы мы благоговѣли передъ иностранцами и забывали все русское» ***). Несмотря, однако, на блестящее начало или, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого, жизнь «Европейца» была крайне непродолжительна. На второй же книжкѣ журналъ былъ запрещенъ навсегда. Главною причиною или главнымъ поводомъ къ запрещенію явилась статья самого издателя журнала подъ заглавіемъ «XIX-й вѣкъ», которую Хомяковъ, съ усвоенной имъ впослѣдствіи славянофильской точки зрѣнія, все же называлъ «замѣчательнымъ, но незрѣлымъ произведеніемъ молодости Кирѣевскаго» ****). Въ сущности, статья эта была вполнѣ безобиднаго характера. Авторъ доказывалъ въ ней необходимость для Россіи усвоить западное просвѣщеніе, ибо наше отечество занимаетъ по отношенію къ Европѣ то же положеніе, которое занимала нѣкогда послѣдняя по отношенію къ классическому міру. Въ этой-то мысли и усмотрѣли одну лишь маску, прикрывающую самыя ехидныя намѣренія

*) «Русскій Архивъ», 1870 г., т. III, стр. 675.

**) «Полное собраніе сочиненій Кирѣевскаго», 1861 г. Предисловіе, стр. 79.

***) Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина», книга 4-я, стр. 7.

****) «Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій». Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова, изд. 2-е, стр. 587.

Кирѣевскаго и характеризующую все направленіе журнала. Кирѣевскій тогда же получилъ изъ надлежащаго учрежденія «извѣщеніе», которое самъ справедливо называлъ «исторической бумагой». Эта, давно уже сдѣлавшаяся достояніемъ нашей литературы «историческая бумага» гласила: «Хотя сочинитель и говоритъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ, но разумѣетъ совсѣмъ иное; подъ словомъ *просвѣщеніе* онъ разумѣетъ свободу; *дѣятельность разума* означаетъ у него революцію, а *искусно отысканная середина*—не что иное, какъ конституція; статья сія не долженствовала быть дозволенною въ журналѣ литературномъ, въ которомъ запрещается помѣщать что-либо о политикѣ, и вся статья, не взирая на всю ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ» *). За эту-то провинность журналъ и былъ запрещенъ, и самъ Кирѣевскій признанъ человѣкомъ «неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ», за что и отданъ подъ надзоръ полиціи.

Это происшествіе произвело въ интеллигентныхъ кругахъ Петербурга сильное впечатлѣніе. А. В. Никитинко занесъ тогда же въ свой дневникъ такія строки:

«Вечеръ провелъ у Плетнева. Тамъ засталъ Пушкина. «Европейца» запретили. Тьфу! Да что же мы, наконецъ, будемъ дѣлать на Руси? Пить и буянить? И тяжко, и стыдно, и грустно!» **).

По поводу этого же событія князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву такія строки:

«Извѣстно, что въ числѣ коренныхъ государственныхъ узаконеній нашихъ есть и то, хотя необъявленное правительствующимъ сенатомъ, что никто не можетъ издавать въ Россіи политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни люди надежные и достойные довѣренности правительства; всѣ прочіе, кромѣ одного Полевого (?!!), — злоумышленники. Вы вѣрно пожалѣли о прекращеніи «Европейца», послѣдовавшемъ, вѣроятно, также въ силу вышеупомянутыхъ узаконеній. Всѣ усилія благонамѣренныхъ и здравомыслящихъ людей, желавшихъ доказать, что въ книжкѣ «Европейца» нѣтъ ничего революціоннаго, остались безуспѣшны. Въ напечатанномъ, конечно, нѣтъ ничего возмутительнаго, говорятъ въ отвѣтъ, но тутъ надобно читать то, что не напечатано, и вы тогда ясно увидите злые умыслы и революцію, какъ на ладони. Противъ такой логики сказать нечего» ***).

А. С. Пушкинъ писалъ тому же И. И. Дмитріеву:

«Вѣроятно вы изволите уже знать, что журналъ «Европеецъ» запрещенъ, вслѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣев-

---

*) См. Полное собраніе сочиненій Кирѣевскаго, стр. 80; статью «Ив. Вас. Кирѣевскій» въ «Русскомъ Архивѣ» 1894 г., вып. 7-й, стр. 337; Барсуковъ «Жизнь и труды М. П. Погодина». кн. 4-я, стр. 8.

**) А. И. Никитенко.—Записки и дневникъ. Томъ I. стр. 297.

***) Барсуковъ. Книга 4. стр. 10.

скій, представленъ правительству сорванцомъ и якобинцемъ. Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается, и клеветники или, по крайней мѣрѣ, клевета устыдится и будетъ изобличена» *).

«Но болѣе всѣхъ,—говоритъ, приведши эти письма г. Барсуковъ,— оскорбленъ былъ Жуковскій. Онъ, по свидѣтельству А. П. Елагиной, позволилъ себѣ выразиться передъ Императоромъ Николаемъ I, что за Кирѣевскаго онъ ручается. «А за тебя кто поручится?» — возразилъ Государь. Жуковскій послѣ этого сказался больнымъ. Императрица Александра Θеодоровна употребила свое посредство. «Ну, пора мириться»,— сказалъ Государь, встрѣтивъ Жуковскаго, и обнялъ его» **).

Переходимъ къ исторіи «Московскаго Телеграфа», на которой, однако, не будемъ подробно останавливаться въ виду того, что она была весьма обстоятельно разсказана на страницахъ нашего журнала (см. «Міръ Божій» 1897—98 гг.) г. И. И. Ивановымъ въ его «Исторіи русской критики» (въ отдѣльн. изд. см. стр. отъ 445 до 505). Журналъ этотъ представлялъ, какъ извѣстно, замѣчательное явленіе среди органовъ нашей періодической печати XIX вѣка. Всегда строгій, но и всегда искренній Бѣлинскій характеризовалъ его такими словами:

«Московскій Телеграфъ» былъ явленіемъ необыкновеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Человѣкъ, почти неизвѣстный литературѣ, нигдѣ не учившійся, купецъ званіемъ, берется за изданіе журнала и его журналъ съ первой же книжки изумляетъ всѣхъ живостью, свѣжестью, новостью, разнообразіемъ, вкусомъ, хорошимъ языкомъ, наконецъ, вѣрностью въ каждой строкѣ однажды принятому и рѣзко выраженному направленію. Такой журналъ не могъ не быть замѣченнымъ и въ толпѣ хорошихъ журналовъ. Но среди вялой, безцвѣтной, жалкой журналистики того времени онъ былъ изумительнымъ явленіемъ. И съ первой до послѣдней книжки издавался онъ въ теченіе почти десяти лѣтъ съ тою постоянною заботливостью, съ тѣмъ вниманіемъ, съ тѣмъ неослабѣваемымъ стремленіемъ къ улучшенію, которыхъ источникомъ можетъ быть только призваніе и страсть. Первая мысль, которую тотчасъ же началъ онъ развивать съ энергіей и талантомъ, которая постоянно одушевляла его, была мысль о необходимости умственнаго движенія, о необходимости слѣдовать за успѣхами времени, улучшаться, идти впередъ, избѣгать неподвижности и застоя, какъ главныхъ причинъ гибели просвѣщенія, образованія, литературы. Эта мысль, теперь общее мѣсто даже для всякаго невѣжды и глупца, тогда была новостью, которую почти всѣ приняли за опасную ересь. Надо было развивать ее, повторять, твердить о ней, чтобы провести ее въ общество, сдѣлать ходячею истиною. И это совершилъ Полевой! Боже мой! Какъ взъѣлись на него за эту мысль ученые невѣжды, безталанные литераторы, плохіе журналистѣ, закоснѣвшіе въ предразсудкахъ старики!...

*) Ibid. **) Ibid. стр. 10—11.

Полевой показалъ *первый* (курсивъ Бѣлинскаго), что литература не игра въ фанты, не дѣтская забава, что исканіе истины есть ея главный предметъ и что истина—не такая бездѣлица, которою можно жертвовать условнымъ приличіямъ и пріязненнымъ отношеніямъ. Изъявить публично такой образъ мыслей въ то время значило сдѣлать страшную дерзость и выставить себя человѣкомъ «безпокойнымъ», т.-е. хуже чѣмъ безнравственнымъ» *).

Чтобы понять всю справедливость словъ Бѣлинскаго, надо вспомнить характеръ того времени, въ теченіи котораго дѣйствовалъ въ нашей журналистикѣ «Московскій Телеграхъ». Время это было тяжелое, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ А. В. Никитенко,—академикъ и самъ цензоръ,—человѣкъ отнюдь не крайнихъ взглядовъ **).

При такихъ трудныхъ условіяхъ и пришлось дѣйствовать Полевому, но онъ шелъ все впередъ и впередъ, не останавливаясь передъ неимовѣрными трудностями и преодолѣвая, казалось бы, непреодолимыя препятствія. Успѣхъ «Московскаго Телеграфа» былъ громадный: журналъ имѣлъ до 1,500 подписчиковъ, цифра, по тому времени, безпримѣрная ***). Но не теряли времени и тѣ, съ точки зрѣнія которыхъ имѣть такой образъ мыслей, какой имѣлъ Полевой, значило, какъ справедливо замѣтилъ Бѣлинскій, обнаружить «страшную дерзость». Положеніе журнала сдѣлалось особенно критическимъ, когда судьбы журналистики сталъ вѣдать Уваровъ, усвоившій себѣ взглядъ на Полевого, калъ на человѣка, задавшагося цѣлью продолжать дѣло декабристовъ. Въ дневникѣ Никитенко стоятъ такія, датированныя пятымъ апрѣля 1834 года, строки: «Министръ долго говорилъ о Полевомъ, доказывая необходимость запрещенія его журнала.—Это проводникъ революціи,—говорилъ Уваровъ,—онъ уже нѣсколько лѣтъ систематически распространяетъ разрушительныя правила. Онъ не любитъ Россіи. Я давно уже наблюдаю за нимъ, но *мнѣ не хотѣлось вдругъ принять рѣшительныхъ мѣръ* (курсивъ нашъ. *В. Б.*). Я лично совѣтовалъ ему въ Москвѣ укротиться и доказывалъ ему, что наши аристократы не такъ глупы, какъ онъ думаетъ. Послѣ былъ сдѣланъ ему оффиціальный выговоръ; это не помогло. Я сначала думалъ предать его суду; это погубило бы его. Надо было отнять у него право говорить публично. Это правительство всегда властно сдѣлать и притомъ на основаніяхъ вполнѣ юридическихъ, ибо въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ обращаться письменно къ публикѣ. Это привиллегія, которую правительство можетъ дать и отнять, когда хочетъ. Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—извѣстно, что у насъ есть

---

*) Бѣлинскій.—«Николай Алексѣевичъ Полевой». Цитируемъ по изданію соч. Бѣлинскаго О. Н. Поповой. Т. II., стр. 182 и 184.

**) А. В. Никитенко. Записки и дневникъ. Т. I, стр. 327—328. Въ замѣчательныхъ мемуарахъ этихъ, охватывающихъ обширный періодъ времени вплоть до 1877 г., можно найти массу драгоцѣнныхъ фактовъ, а также характеристикъ лицъ и событій.

***) Весинъ. «Очерки русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ».

партія, жаждущая революціи. Декабристы не истреблены. Полевой хотѣлъ быть органомъ ихъ. Но, да знаютъ они, что найдутъ всегда противъ себя твердыя мѣры въ кабинетѣ государя и его министровъ. Съ Гречемъ и Сенковскимъ я поступилъ бы иначе: они трусы, имъ стоитъ погрозить гауптвахтой и они смирятся. Но Полевой,—я знаю его: это фанатикъ. Онъ готовъ претерпѣть все за идею. Для него нужны рѣшительныя мѣры Московская цензура была непростительно слаба» *).

Не вдаваясь въ критику всего сказаннаго Уваровымъ, мы замѣтимъ только, что подчеркнутыя нами въ его рѣчи слова, въ которыхъ онъ приписываетъ себѣ и своему долготерпѣнію непринятіе правительствомъ и раньше противъ журнала Полевого «рѣшительныхъ мѣръ», не отвѣчаютъ исторической истинѣ. Мы имѣемъ нынѣ превосходное изслѣдованіе этого дѣла въ статьяхъ академика Сухомлинова «Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ», въ которыхъ авторъ съ документами въ рукахъ **) доказалъ, что Уваровъ уже въ 1833 году дѣлалъ представленіе Государю о закрытіи «Московскаго Телеграфа», но тогда попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ.

На докладѣ Уварова по поводу статьи — «Взглядъ на исторію Наполеона», помѣщенной въ «Московскомъ Телеграфѣ», Государемъ Императоромъ Николаемъ I написано: «Я нахожу статью сію болѣе глупою своими противорѣчіями, чѣмъ неблагонамѣренною. Виновенъ цензоръ, что пропустилъ, авторъ же въ томъ, что писалъ безъ настоящаго смысла, вѣроятно самъ себя не разумѣя. Потому бывшему цензору строжайше замѣтить, а Полевому объявить, чтобы вздору не писалъ: иначе запретится журналъ его» ***).

Такимъ образомъ избавленіе «Московскаго Телеграфа» отъ крушенія въ 1833 году произошло, во всякомъ случаѣ, не по причинѣ снисходительности Уварова, о которой онъ распространялся въ цензурномъ комитетѣ. Дни журнала, тѣмъ не менѣе, были сочтены. Уваровъ приказалъ дѣлать изъ каждой книжки «Телеграфа» выборки, долженствовавшія доказать неблагонадежность Полевого. Выборки эти приведены въ изслѣдованіи М. И. Сухомлинова: тутъ были и цѣлыя страницы, и отдѣльныя строки.

Скоро представился и благопріятный поводъ. Кукольникъ написалъ драму «Рука Всевышняго отечество спасла». Эта драма была поставлена въ Петербургѣ на сцену съ особою торжественностью, сильные міра сего рукоплескали ей, создалась обстановка, при ко-

---

*) Никитенко. Т. I, стр. 325.

**) М. И. Сухомлиновъ прямо цитируетъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго находилась также цензура. «Дѣла 1853 года. № 696 (147, 358)».

***) М. И. Сухомлиновъ. «Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ». «Историческій Вѣстникъ» 1886 года, апрѣль, стр. 17 — 18. Эта статья вошла также во второй томъ «Изслѣдованій и статей по русской литературѣ и просвѣщенію» М. И. Сухомлинова, стр. 367—431.

*

торой отозваться неодобрительно о произведеніи Кукольника, значило рисковать многимъ. Полевому случилось быть именно въ это время въ Петербургѣ и лично присутствовать въ театрѣ при постановкѣ драмы Кукольника. Въ театрѣ подошелъ къ нему Бенкендорфъ, сообщилъ о восторгѣ отъ драмы въ высшихъ регіонахъ и тутъ же прибавилъ: «Это, пожалуй, не помѣшаетъ господамъ рецензентамъ разнести ее въ прахъ и пухъ». Полевой принялъ къ свѣдѣнію слова Бенкендорфа, немедленно же написалъ въ Москву, завѣдывавшему въ его отсутствіе дѣлами редакціи брату своему К. А. Полевому, чтобы на драму Кукольника въ журналѣ не помѣщалось никакой рецензіи, но было уже поздно. Рецензія появилась въ февральской книжкѣ (журналъ выходилъ два раза въ мѣсяцъ) и въ ней были ужасныя слова: «Новая драма г. Кукольника весьма печалитъ насъ». Этимъ-то словамъ и было придано въ Петербургѣ чрезвычайно важное значеніе.

Изъ изслѣдованія М. И. Сухомлинова мы узнаемъ, что Бенкендорфъ потребовалъ отъ Полевого письменнаго объясненія причинъ той «печали», которую испыталъ рецензентъ при чтеніи драмы Кукольника. На это Полевой отвѣчалъ, что ему и въ голову никогда не приходило «что-либо предосудительное противъ похвальной патріотической цѣли автора», что зрители въ театрѣ оцѣнили именно эту цѣль, но что поэтому-то отношенію публики къ драмѣ и можно судить, «что̀ произвело бы на сценѣ твореніе, согрѣтое огнемъ генія, совершенное по сущности, какъ Щекспирова драма, и высказанное стихами Пушкина или Жуковскаго, предъ которыми стихи Кукольника кажутся мѣрною прозою не болѣе» *). Объясненіе это было найдено удовлетворительнымъ для освобожденія Полеваго, но «Московскій Телеграфъ» былъ, тѣмъ не менѣе, закрытъ.

Въ дневникѣ Никитенко говорится по этому поводу слѣдующее:

«Московскій Телеграфъ» запрещенъ по приказанію Уварова. Государь хотѣлъ сначала поступить очень строго съ Полевымъ, но сказалъ потомъ министру: «Мы сами виноваты, что такъ долго терпѣли этотъ безпорядокъ». Вездѣ сильные толки о «Телеграфѣ». Одни горько сѣтуютъ, что «единственный хорошій журналъ у насъ уже не существуетъ». «Подѣломъ ему,—говорятъ другіе,—онъ осмѣлился бранить Карамзина, онъ даже не пощадилъ моего романа, онъ либералъ, якобинецъ,—извѣстное дѣло и т. д., и т. д.» **).

Вообще, въ это время Полевой приходился, очевидно, что называется, «не ко двору». Мы видѣли уже отзывъ о немъ кн. Вяземскаго въ его письмѣ къ Дмитріеву. Пушкинъ занесъ въ свой дневникъ по поводу запрещенія «Московскаго Телеграфа» такія строки: «Жуковскій говоритъ: «Я радъ, что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя жалѣю, что запре-

*) Сухомлиновъ. «Историческій Вѣстникъ», апрѣль 1896 г. стр. 24.

**) Никитенко, т. I, стр. 324.

тили». Что значитъ «я радъ, что «Телеграфъ» *запрещенъ*, хотя жалѣю, что его *запретили*»? Простая ли это игра словъ, или тутъ есть какой нибудь смыслъ? По нашему мнѣнію, фразу Жуковскаго можно истолковать слѣдующимъ образомъ: Онъ не любилъ «Телеграфа», онъ былъ *радъ* тому, что статьи журнала Полевого и даже отголоски ихъ не будутъ болѣе смущать духъ небожителей литературнаго Олимпа, но онъ все же былъ настолько культурный человѣкъ, чтобы не только не радоваться но даже *сожалѣть* о *способѣ*, посредствомъ котораго доставлено ему подобное удовольствіе.

Впечатлѣніе отъ закрытія «Московскаго Телеграфа» въ Петербургѣ власти, конечно, скоро узнали, но они интересовались узнать мнѣніе о томъ же предметѣ москвичей. На посланный въ Москву по этому поводу запросъ, какъ узнаемъ мы изъ изслѣдованія М. И. Сухомлинова, былъ полученъ такой отвѣтъ:

«По отъѣздѣ Полевого многіе благомыслящіе имѣли сужденіе, что давно пора бы унять подобныхъ вольнодумцевъ. Одни писатели, товарищи его, сожалѣли о немъ, исключая врага его Надеждина, распустившаго слухъ, будто бы Полевой отданъ въ солдаты. Неожиданное, скорое возвращеніе Полевого удивило всѣхъ и дало поводъ къ заключенію о невинности его, что породило разныя сужденія и толки. Въ семъ послѣднемъ случаѣ говорятъ: «Если онъ невиненъ, то зачѣмъ же было поступать такъ съ человѣкомъ, облагороженнымъ правительствомъ?» «Если же обнаружены уже преступныя намѣренія, то слѣдовало бы его примѣрно наказать». И какъ бы изъ сожалѣнія къ нему, соглашались, что Полевой только злой сатирикъ, но что гораздо опаснѣе сочинители: о Годуновѣ, Димитріи Самозванцѣ, Биронѣ и прочихъ. А посему заключаютъ, что запрещеніе издавать «Телеграфъ» обнаруживаетъ слабость правительства и огорчаетъ публику, и что лучше было бы не запрещать оный, но заставить сочинителя писать въ духѣ правительства *).

Дальнѣйшая судьба Полевого весьма печальна. Выбитый изъ колеи, обремененный многочисленною семьею, не справившійся съ жестокою судьбою, Полевой опускался все ниже и ниже. Настало время, когда онъ уже умышленно избѣгалъ старыхъ друзей. Ему тяжело было уже глядѣть въ глаза такимъ людямъ, какъ, напр., Бѣлинскій.

И самое ужасное въ этой драмѣ состояло въ томъ, что Полевой понималъ свое положеніе со страшною ясностью.

Теперь обратимся къ «Телескопу». Журналъ этотъ издавалъ, какъ извѣстно, Н. И. Надеждинъ, съ именемъ котораго связано очень многое въ исторіи нашего общественнаго и литературнаго развитія. Не имѣя въ виду касаться общеизвѣстной біографіи знаменитаго предшественника Бѣлинскаго, тѣмъ болѣе, что значеніе его было довольно

---

*) Сухомлиновъ. «Историческій Вѣстникъ», апрѣль 1886 г., стр. 39.

подробно разсмотрѣно въ выше указанной «Исторіи русской критики» И. И. Иванова, мы прямо перейдемъ къ описанію случившейся въ 1836 году съ «Телескопомъ» катастрофы. Причиною ея явилось, какъ извѣстно, помѣщеніе въ «Телескопѣ» перваго «философическаго письма» П. Я. Чаадаева. Роковое для журнала Надеждина «письмо» было написано Чаадаевымъ задолго до разразившейся надъ «Телескопомъ», его издателемъ и самимъ авторомъ письма катастрофы. Въ рукописи письмо было извѣстно въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ еще въ 1829 году подъ видомъ писанныхъ на французскомъ языкѣ писемъ Чаадаева «къ г-жѣ ***. (По однимъ свѣдѣніямъ Пановой, урожденной Улыбышевой, по другимъ — женѣ генерала М. Ф. Орлова, урожденной Раевской). О немъ упоминаетъ въ письмѣ къ Чаадаеву отъ шестого іюля 1831 года Пушкинъ *). Но кругъ, въ которомъ обращалось «философическое письмо» былъ очень тѣсенъ; о немъ вплоть до того времени, когда оно появилось въ 1836 году въ печати, ничего не зналъ, напр., Герценъ.

Появленіе «философическаго письма» въ «Телескопѣ» было цѣлымъ событіемъ въ русской жизни. «Какъ только появилось оно,—говоритъ Лонгиновъ,—поднялась грозная буря» **). «Послѣ «Горя отъ ума»,—пишетъ о томъ же предметѣ Герценъ,—не было ни одного литературнаго произведенія, которое сдѣлало бы такое сильное впечатлѣніе» ***). «Журнальная статья Чаадаева,—вспоминаетъ Свербеевъ,—произвела страшное негодованіе публики и потому не могла не обратить на него вниманія правительства. На автора возстало все и вся съ небывалымъ ожесточеніемъ въ нашемъ апатическомъ обществѣ» ****). Ожесточеніе, въ самомъ дѣлѣ, было безпримѣрное. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу, напр., Жихаревъ: «Никогда съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи стали читать и писать, съ тѣхъ поръ, какъ завелись въ ней книжная и грамотная дѣятельность, никакое литературное и ученое событіе, не исключая даже смерти Пушкина, не производило такого огромнаго вліянія и такого обширнаго дѣйствія, не разносилось съ такою скоростью и съ такимъ шумомъ. Около мѣсяца среди цѣлой Москвы почти не было дома, въ которомъ не говорили бы про чаадаевскую статью и чаадаевскую исторію. Даже люди, никогда не занимавшіеся никакимъ литературнымъ дѣломъ, круглые неучи, барыни, по степени своего интеллектуальнаго развитія мало чѣмъ разнившіяся отъ своихъ кухарокъ и прихвостницъ, подъячіе и чиновники, потонувшіе въ казнокрадствѣ и взяточничествѣ, тупоумные, невѣже-

*) «Сочиненія А. С. Пушкина», 4-е изд. Павленкова, стр. 1625.

**) Михаилъ Лонгиновъ. «Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ». «Русскій Вѣстникъ» 1862 года, сентябрь, стр. 144.

***) «Сочиненія», т. IV, стр. 274.

****) Д. Свербеевъ. «Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ». «Русскій Архивъ» 1868 г., № 6, стр. 986.

ственные, полупомѣшанные святоши, изувѣры или ханжи, посѣдѣвшіе и одичавшіе въ пьянствѣ, распутствѣ и суевѣріи, молодые отчизнолюбцы и старые патріоты,—все соединилось въ одномъ общемъ воплѣ проклятія и презрѣнія къ человѣку, дерзнувшему оскорбить Россію. Не было такого низкопоставленнаго осла, который не считалъ бы за священный долгъ и пріятную обязанность лягнуть копытомъ въ спину льва историко-философической критики. Врядъ ли кому-нибудь и когда-нибудь выпадало на долю въ Россіи въ такой мѣрѣ и въ такой степени извѣдать волненія другой, оборотной стороны славы, всегда и вездѣ, кажется, болѣе значительный, непогрѣшимѣе рѣшающей и вѣрнѣе цѣнящей, нежели лицевая сторона, блистательная, громозвучная и лучезарная. Сверхъ того, на чаадаевскую статью обратили вниманіе не одни только русскіе: въ силу уже означчннаго мною обстоятельства, что статья была писана по-французски, и вслѣдствіе большой извѣстности, которою Чаадаевъ пользовался въ московскомъ иностранномъ населеніи, весьма многочисленномъ и состоявшемъ изъ людей всякаго рода, всѣхъ занятій и всякаго образованія, этимъ случаемъ занялись и иностранцы, живущіе у насъ, обыкновенно никогда никакого вниманія не обращающіе ни на какое ученое или литературное дѣло въ Россіи и только по слуху едва знающіе, что существуетъ русская письменность. Не говоря про нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ иностранцевъ, изъ-за чаадаевской статьи выходили изъ себя въ различныхъ горячихъ спорахъ невѣжественные преподаватели французской грамматики и нѣмецкихъ правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ, личный составъ московской французской труппы, иностранное торговое и мастеровое сословіе, разные практикующіе и непрактикующіе врачи, музыканты съ уроками и безъ уроковъ, даже нѣмецкіе аптекари» *). Въ выноскѣ Жихаревъ прибавляетъ еще и такой фактъ: «Въ это время я слышалъ, будто студенты московскаго университета приходили къ своему начальству съ изъявленіемъ желанія оружіемъ вступиться за оскорбленную Россію и переломить въ честь ея копье и что графъ, тогдашній попечитель, ихъ успокаивалъ».

Негодованіе противъ Чаадаева въ Москвѣ было, дѣйствительно, сильное, но ограничься оно однимъ, такъ сказать, платоническимъ характеромъ, и катастрофа надъ «Телескопомъ», послѣдовавшая далеко не вслѣдъ за появленіемъ въ этомъ журналѣ чаадаевскаго письма, можетъ быть, и не разразилась бы надъ нимъ. Но дѣло именно въ томъ и состояло, что нашлись люди, отвѣтившіе на высказанныя Чаадаевымъ убѣжденія — доносомъ, который и былъ сдѣланъ извѣстнымъ Ф. Ф. Вигелемъ.

Мы не будемъ здѣсь говорить о самомъ содержаніи вызвавшаго

---

*) М. Жихаревъ. «П. Я. Чаадаевъ». «Вѣстникъ Европы» 1871 г.

такую бурю «философическаго письма» Чаадаева *),—это завело бы насъ далеко въ сторону, а перейдемъ прямо къ послѣдствіямъ помѣщенія его въ «Телескопѣ». Результаты стараній Вигеля сказались въ очень крутой формѣ. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ отвѣтѣ Никитенко:

«Ужасная суматоха въ цензурѣ и литературѣ. Въ пятнадцатомъ номерѣ «Телескопа» напечатана статья, подъ заглавіемъ «Философическія письма». Статья написана прекрасно. Авторъ ея Чаадаевъ. Но въ ней весь нашъ русскій бытъ выставленъ въ самомъ мрачномъ видѣ. Политика, нравственность, даже религія представлены, какъ дикое, уродливое исключеніе изъ общихъ законовъ человѣчества. Разумѣется, въ публикѣ подняла шумъ. Журналъ запрещенъ. Болдыревъ, который былъ одновременно профессоромъ и ректоромъ московскаго университета **), отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей. Теперь его, вмѣстѣ съ Надеждинымъ, издателемъ «Телескопа», вызываютъ сюда для отвѣта».

Черезъ нѣсколько дней:

«Сегодня созваны были въ цензурный комитетъ всѣ издатели здѣшнихъ журналовъ. Тутъ были Смирдинъ, Гинце, издатель польскаго журнала и проч. Гречъ явился прежде. Они были созваны, чтобы выслушать высочайшее повелѣніе о запрещеніи «Телескопа» и приказаніе беречься той же участи. Всѣ они вышли, согнувшись, со страхомъ на лицахъ, какъ школьники» ***).

Сверхъ кары на журналъ, подверглись личному наказанію какъ его издатель, такъ и авторъ статьи.

Сущность преступленія Чаадаева великолѣпно выразилъ графъ

---

*) Не касаясь содержанія чаадаевскаго «философическаго письма», считаемъ, однако, нужнымъ замѣтить, что цитаты изъ него въ «Быломъ и Думахъ» Герцена, вѣроятно, сдѣланы имъ по памяти и потому не отличаются точностью. Это мы утверждаемъ на основаніи свѣрки такихъ цитатъ, какъ съ французскимъ подлинникомъ письма (въ книгѣ Гагарина «Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïeff»), такъ и съ переводомъ его, помѣщеннымъ въ «Телескопѣ». Между тѣмъ, именно цитаты Герцена и перешли въ произведенія нѣкоторыхъ нашихъ писателей. (Наше замѣчаніе безусловно не относится къ трудамъ гг. Пыпина. «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ» «Вѣстникъ Европы» 1871 года, декабрь, стр. 474—501, и Милюкова «Главныя теченія русской исторической мысли», стр. 292—299, и нѣкоторымъ другимъ). Это порождаетъ недоразумѣнія. Относительно тѣхъ страницъ, въ которыхъ говорится о данномъ предметѣ въ «Очеркахъ по исторіи русской цензуры» г. Скабичевскаго, слѣдуетъ еще замѣтить, что утвержденіе автора «Очерковъ», будто переводъ чаадаевскаго письма сдѣланъ Бѣлинскимъ, совершенно невѣрно. («Очерки», «Отеч. Записки», т. CCLXII, отд. I, стр. 121). Переводъ этотъ сдѣланъ не Бѣлинскимъ, а Кетчеромъ. (См. «Воспоминанія объ Н. Х. Кетчерѣ», А. В. Станкевича въ «Русскомъ Архивѣ» 1887 г., кн. 3, стр. 365, а также статью «Н. Х. Кетчеръ» въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза, т. XV, стр. 32).

**) Онъ же былъ и цензоромъ, пропустившимъ статью. *В. Б.*

***) «Записки и дневникъ», т. I, стр. 374—375.

Бенкендорфъ въ отвѣтъ на просьбу М. Ф. Орлова сдѣлать что-нибудь для опальнаго Петра Яковлевича, который,—сказалъ Орловъ,—«суровъ къ прошедшему Россіи, но чрезвычайно много ждетъ отъ ея будущности». «Le passé de la Russie a éte admirable,—отвѣчалъ на это Бенкендорфъ, son présent est plus que magnifique, quant à son avenir il est au dela de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer; voilà, mon cher, le point de vue sous lequel l'histoire russe doit être conçue et écrite» *). («Прошедшее Россіи было удивительно, настоящее болѣе чѣмъ превосходно, а что касается ея будущаго, то оно выше всего, что только можетъ себѣ представить наиболѣе смѣлое воображеніе; вотъ, любезнѣйшій, точка зрѣнія, съ которой должна быть разсматриваема и изображаема исторія Россіи»).

Полученіе разрѣшенія на изданіе новыхъ журналовъ было послѣ всѣхъ этихъ инцидентовъ дѣломъ въ высшей степени труднымъ. На поданное въ 1836 году Краевскимъ и Одоевскимъ прошеніе о дарованіи имъ права на изданіе журнала получился отвѣтъ: «И безъ того много» **). Такой же отвѣтъ получилъ и Грановскій, начавшій хлопоты въ 1845 году о разрѣшеніи ему издавать журналъ «Ежемѣсячное Обозрѣніе». На просьбу его послѣдовала лаконическая резолюція: «Не нужно» ***).

Мы имѣемъ въ виду тѣ злоключенія, которыя переживала у насъ въ «доисторическое» время лишь періодическая печать, но будетъ не безполезно упомянуть здѣсь и о замѣнявшихъ ее до извѣстной степени суррогатахъ, каковыми являлись попытки издавать полуперіодическіе сборники или альманахи.

Минуя исторію съ альманахомъ Максимовича «Денница» (за статью Кирѣевскаго о Новиковѣ «Денница» была отобрана изъ книжныхъ лавокъ, а цензоръ С. Н. Глинка посаженъ на гауптвахту), мы перейдемъ прямо къ попыткѣ нашихъ славянофиловъ въ 1852 году издавать такъ называемый «Московскій Сборникъ». Первый томъ этого сборника благополучно увидѣлъ свѣтъ, но,—какъ повѣствуетъ намъ превосходный изслѣдователь и этого дѣла М. И. Сухомлиновъ,—уже по выходѣ сборника обратило на себя вниманіе извѣстное стихотвореніе А. С. Хомякова:

«Мы родъ избранный», говорили
Сіона дѣти въ старину и т. д.

Обратило же оно вниманіе, говоритъ М. И. Сухомлиновъ, цитируя подлинные источники, «по своей двусмысленности, могущей подать поводъ къ вреднымъ толкованіямъ». Стали внимательно перечитывать другія статьи сборника и нашли, что почти все содержаніе его либо двусмысленно, либо явно предосудительно. Стихотвореніе И. С. Аксакова «Бродяга» предосудительно въ томъ отношеніи, что «разсказываемыя въ немъ похожденія бродягъ, взаимныя ихъ отношенія и совѣты другъ

*) Жихаревъ, стр. 52. **) Скабичевскій. «Очерки по исторіи русской цензуры». «Отечественныя Записки», т. CCLXIV, отд. I, стр. 460. ***) Ibid., стр. 495.

другу, какъ избѣгать отъ рукъ правосудія, съ обѣщаніемъ въ бродяжничествѣ приволья и ненаказанности могутъ неблагопріятно дѣйствовать на читателей низшаго класса». Статья «Нѣсколько словъ о Гоголѣ» показалась подозрительною и загадочною «по отрывочнымъ намекамъ и недоконченнымъ мыслямъ, по чрезвычайнымъ похваламъ Гоголю, по громкимъ возгласамъ и рѣзкимъ сужденіямъ о нашемъ обществѣ». Въ статьѣ Кирѣевскаго «О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи» «заставляло призадуматься выраженіе: *цѣльность бытія*». «Неизвѣстно,—откровенно признавались судьи, чтó Кирѣевскій разумѣетъ подъ цѣльностью бытія, но явно, что тутъ есть что то такое неблагонамѣренное». Особенно предосудительною оказáлась статья К. С. Аксакова «О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности». Въ этой статьѣ авторъ вдругъ вздумалъ доказывать, что наша земля была въ древней Руси «земля общинная».

Въ это же время нашими славянофилами были представлены въ цензуру рукописи для второго тома «Московскаго Сборника». Эти рукописи были найдены совершенно невозможными для печати. Къ числу такихъ, подлежащихъ строгому запрещенію, были отнесены статьи: А. С. Хомякова «Нѣсколько словъ по поводу статьи Кирѣевскаго, помѣщенной въ первомъ томѣ сборника»; К. С. Аксакова «Богатыри великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ»; князя В. А. Черкасскаго «О подвижности народонаселенія въ древней Россіи»; И. С. Аксакова «Объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ» и т. д. За представленіе подобныхъ статей печатаніе «Сборника» было запрещено, и онъ такъ и не увидѣлъ свѣта. Сверхъ того, И. С. Аксаковъ лишенъ былъ права быть редакторомъ какого бы то ни было изданія и ему же, вмѣстѣ съ его братомъ К. С. Аксаковымъ, Хомяковымъ, Кирѣевскимъ и княземъ Черкасскимъ, вмѣнено было въ обязанность представлять свои рукописи не иначе, какъ въ главное управленіе цензуры, гдѣ онѣ разсматривались и откуда пересылались съ тою же цѣлью въ нѣкоторыя другія учрежденія. По поводу этой мѣры Хомяковъ писалъ А. С. Норову: «Съ нѣкоторыхъ сотрудниковъ «Московскаго Сборника» и въ томъ числѣ съ меня взята подписка въ томъ, что мы не будемъ впредь представлять своихъ сочиненій въ мѣстныя цензуры, но будемъ относиться прямо въ высшій цензурный комитетъ. Послѣдствія этой подписки весьма для насъ ощутительны. Маленькій лексиконъ санскрито-славянскихъ словъ и корней, мною составленный, подвергся почти годовому пересмотру, а коротенькая статейка Аксакова о русскихъ глаголахъ прошло черезъ полуторагодовое мытарство» и т. д. *).

Такое положеніе нашихъ славянофиловъ оставалось неизмѣннымъ до начала новаго царствованія.

---

*) Все здѣсь изложенное о «Московскомъ Сборникѣ» взято изъ второго тома «Изслѣдованій и статей по русской литературѣ и просвѣщенію» М. И. Сухомлинова. стр. 466—470.

1855 годъ принесъ съ собою, какъ извѣстно, «новыя вѣянія». Это былъ моментъ проясненія общественнаго самосознанія: слишкомъ уже ясны были указанія самой жизни и слишкомъ трудно было отрицать тотъ фактъ, что севастопольскій разгромъ явился логическимъ результатомъ лежавшихъ въ основаніи всѣхъ сторонъ русской жизни крѣпостническихъ отношеній. Россія пришла къ Севастополю съ тою же фатальною неизбѣжностью, съ какою пришла много времени спустя къ Седану наполеоновская Франція. Оттого и повѣяло въ воздухѣ духомъ реформъ, но, вплоть до того времени, когда реформы эти облеклись въ законодательную оболочку,—а это произошло лишь въ шестидесятыхъ годахъ,—старыя условія жизни сталкивались на каждомъ шагу съ новыми и порождали настоящій хаосъ. Чувствовалось дуновеніе весенняго воздуха, а рядомъ съ тѣмъ зима постоянно напоминала, что она вовсе не такъ-то легко уступаетъ свои права. Все это не могло не отражаться и на положеніи печати. Журналовъ стало возникать гораздо больше, но на изданіе ихъ требовалось попрежнему всякій разъ особое Высочайшее разрѣшеніе. Цензорамъ давались указанія на согласіе правительства предоставить писателямъ большую свободу въ выраженіи ихъ мыслей, но цензурное законодательство и явившіяся въ дополненіе къ нему въ предшествовавшую эпоху безчисленныя распоряженія оставались неизмѣненными. Конечно, печати стало житься гораздо легче, отходили въ область прошлаго курьезы, въ родѣ тѣхъ о которыхъ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ И. М. Снигиревъ *), но это не помѣшало лишиться мѣста за такую же «слабость» цензору Н. Ф. Крузе **). Словомъ, въ описываемое время въ печати, какъ и въ другихъ сферахъ русской жизни, царила полная неопредѣленность положенія. Жертвою такой неопредѣленности пала аксаковская газета «Парусъ». Кратковременная исторія этого изданія (запрещено на второмъ номерѣ) прекрасно изложена въ трудѣ

*) Въ августѣ 1832 года былъ въ Москвѣ министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ, который и явился на засѣданіе московскаго цензурнаго комитета. Заявивъ о неудовольствіи наверху нѣкоторыми цензорами за слабость, Уваровъ прибавилъ, чтобы они не опасались никакихъ для себя послѣдствій за строгость, «Жалобы на нихъ будутъ недѣйствительны, — прибавилъ Уваровъ и затѣмъ продолжалъ:—политическая религія имѣетъ свои догматы неприкосновенные, подобно христіанской религіи». (Пыпинъ. «Изученіе русской народности». «Вѣстникъ Европы» 1882 года, декабрь стр. 770).

**) Объ этомъ замѣчательномъ въ исторіи нашей печати инцидентѣ см. у Барсукова «Жизнь и труды Погодина», кн. XVI стр. 404—407. По поводу отставки Крузе Катковъ писалъ: «Крузе не должны мы оставлять. Мнѣ кажется дѣло общества вознаградить его за ту честную службу, которую онъ несъ съ такимъ самоотверженіемъ. Слѣдуетъ открыть въ разныхъ городахъ и въ разныхъ кругахъ общества подписку въ его пользу. Это было бы важнымъ прецедентомъ и первымъ общественнымъ дѣломъ у насъ». Несмотря на послѣдовавшее запрещеніе такой подписки, въ пользу Крузе было собрано пятьдесят тысячъ рублей. (Барсуковъ стр. 405 и 407).

г. Барсукова. Въ 1857 году, по предложенію директора азіатскаго департамента, Е. П. Ковалевскаго, И. С. Аксаковъ, бывшій до того времени фактическимъ редакторомъ, хотя и не имѣвшимъ права выставлять своего имени, славянофильскаго журнала «Русская Бесѣда», сталъ готовиться къ изданію ежедневной газеты «Парусъ». Разрѣшеніе было получено, но какого взгляда держались тогда въ Петербургѣ не только на Аксакова, но и на... М. П. Погодина, видно изъ слѣдующаго приводимаго г. Барсуковымъ, письма Аксакова къ Погодину:

«Надобно вамъ сказать, что, предлагая намъ издавать газету, Е. П. Ковалевскій убѣдительно просилъ, чтобы на первое время, разумѣется, самое короткое, не было ни вашего, ни моего имени,—двухъ именъ, раздражающихъ и покуда неудобоваримыхъ петербургскимъ желудкомъ» *).

Въ августѣ 1858 года появилось объявленіе о томъ, что съ 1-го января 1859 года будетъ выходить въ Москвѣ еженедѣльная газета «Парусъ». Газета обѣщала, прежде всего, служить интересамъ русской народности. «Наше знамя, — писалъ Аксаковъ, — русская народность. Народность вообще — какъ символъ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развитія, какъ символъ права, до сихъ поръ попираемаго тѣми же самыми, которые стоятъ и ратуютъ за право личности, не возводя своихъ понятій до сознанія личности народной. Народность русская, какъ залогъ новыхъ началъ, полнѣйшаго жизненнаго выраженія общечеловѣческой истины. Таково наше знамя». Далѣе слѣдовало извѣщеніе, что въ газетѣ будетъ, между прочимъ, отдѣлъ славянскій. «Выставляя нашимъ знаменемъ русскую народность, мы тѣмъ самымъ признаемъ народности всѣхъ племенъ славянскихъ», прибавлялъ Аксаковъ.

Невиннѣе такого объявленія трудно себѣ что-нибудь и представить, а вышло все-таки нѣчто, ужъ очень напоминавшее предшествовавшую эпоху: уже 30-го ноября 1858 года, т.-е. еще до появленія газеты и лишь послѣ выхода въ свѣтъ одного только о ней объявленія, Аксаковъ писалъ Погодину: «Парусу» плохо: за нимъ велѣно наблюдать строжайше и сильно разъярены всѣ три вѣдомства: министерство народнаго просвѣщенія, министерство иностранныхъ дѣлъ и третье отдѣленіе».

Тѣмъ не менѣе, 3-го января 1859 года первый нумеръ «Паруса» увидѣлъ свѣтъ. «Неужели еще не пришла пора быть искреннимъ и правдивымъ?—писалъ, между прочимъ, въ передовой статьѣ Аксаковъ.— Неужели еще мы не избавились отъ печальной необходимости лгать или безмолвствовать? Когда же, Боже мой, можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ образовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно—изолгались совсѣмъ!.. Было такое время, когда ни воздуху, ни свѣту не давалось людямъ,

*) Барсуковъ, кн. XVI, стр. 306—307.

когда жизнь притаилась и смолкла и въ пустынномъ мракѣ пировала и величалась оффиціальная ложь владыкою безмолвнаго простора! Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводитъ общество къ безнравственности, къ безсилію и гибели? Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношенія къ себѣ? Гласность лучше всякой полиціи, составляющей обыкновенно ошибочныя и безтолковыя донесенія, объяснитъ правительству и настоящее положеніе дѣлъ, и его отношенія къ обществу, и въ чемъ заключаются недостатки его распоряженій, и что предстоитъ ему совершить или исправить. Горячо убѣжденные въ пользѣ гласности, вѣруя въ возможность преобразованія путемъ мирнымъ и разумнымъ, мы постараемся излагать наши мнѣнія въ «Парусѣ» съ полною откровенностью и подавать постоянно свой голосъ при разрѣшеніи всѣхъ современныхъ общественныхъ вопросовъ, разумѣется, всегда почтительный и скромный, но вполнѣ независимый и свободный. Неужели намъ это не будетъ дозволено? Попробуемъ. Если же наша газета сядетъ на мель, то пусть знаютъ читатели напередъ, что виною тому не редакція, а распоряженія».

Тонъ этой статьи весьма и весьма не понравился именно его независимостью. Въ слѣдующемъ, т.-е. второмъ и послѣднемъ нумерѣ «Паруса» Аксаковъ писалъ: «Найдутся, пожалуй, и такіе неблагонамѣренные люди, которые опрокинутся и на нѣкоторыя помѣщаемыя вслѣдъ за симъ статьи и стихотворенія, тогда какъ онѣ, по мысли и цѣли своей, самыя строгія, самыя миролюбивыя... Онѣ проникнуты уваженіемъ къ святости человѣческаго званія, онѣ указываютъ на путь свободнаго разумнаго развитія, какъ на единый мирный и способный отвратить опасности, вызываемыя грубою силою... Нападать на эти статьи, значитъ сочувствовать грубой силѣ, значитъ желать своему отечеству опасныхъ бурь и волненій, къ которымъ, напротивъ, мы питаемъ глубокое отвращеніе».

«Но, повидимому, тогдашняя цензура,—говоритъ вслѣдъ за приведеніемъ этихъ строкъ г. Барсуковъ,—не раздѣляла мнѣній И. С. Аксакова и признавала вредными не только его статьи, но и нѣкоторыя статьи его сотрудниковъ, какъ, напр., статью ярославскаго мѣщанина Ѳ. Стратилатова, подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ мѣщанина о мѣщанахъ», и статью Н. А. Елагина «Законъ 1848 года 3-го марта». Но особенное вниманіе цензуры обратила на себя вниманіе во второмъ номерѣ «Паруса» статья Погодина, которая, выражаясь языкомъ цензуры того времени, «своимъ вмѣшательствомъ въ виды и соображенія правительства, своими несообразными съ началами нашего государственнаго и общественнаго устройства сужденіями, не могла быть признана умѣстною въ печати» *).

*) Барсуковъ, кн. XVI, стр. 314—315. Въ этомъ дѣлѣ довольно ярко проявились нравственныя качества Погодина. Въ качествѣ редактора, Аксаковъ сдѣлалъ въ статьѣ Погодина два-три крайне неважныхъ измѣненія, увидѣвъ которыя Погодинъ,

3-го января 1859 года, какъ мы сказали, вышелъ первый нумеръ «Паруса», а 14-го января того же года Погодина посѣтилъ цензоръ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и сообщилъ ему «о кончинѣ «Паруса». До какой степени таинственность по отношенію къ печати продолжала еще царить въ этотъ «доисторическій періодъ» нашей прессы, видно изъ того, что даже имѣвшій обширныя связи въ цензурномъ мірѣ Никитенко не зналъ ничего навѣрно о судьбѣ «Паруса» и въ разное время заносилъ въ свой дневникъ и различные слухи.

«16-ое января (1859 года). *Говорятъ*, «Парусъ» запрещенъ. Его вышло всего два номера.

«17-ое января «Парусъ» не запрещенъ, а только велѣно его слѣдующій, т.-е. третій номеръ прислать въ Петербургъ на предварительное разсмотрѣніе.

«23-го января: Говорятъ, N. N. *) изъ всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы издатель «Паруса» И. С. Аксаковъ былъ спроваженъ въ Вятку. Мысль отличная, самая современная, патріотическая и полезная правительству, напоминающая людямъ довѣрчивымъ, утопистамъ и оптимистамъ, что мы еще не такъ далеко ушли отъ временъ Николая Павловича, какъ они думаютъ. Впрочемъ, я не полагаю, чтобы Государь на это согласился. Это была бы большая ошибка». «26 января. Аксакова не сослали въ Вятку, но запретили его журналъ» **).

И такъ, то, что зналъ въ Москвѣ и сообщилъ Погодину еще 14 января Гиляровъ-Платоновъ, то, наконецъ, узналъ 26-го въ Петербургѣ Никитинко. А когда и какъ узнала публика, особенно въ провинціи, объ этомъ исторія попрежнему умалчиваетъ...

Вскорѣ послѣ запрещенія «Паруса» возникла мысль, что славянофильскій органъ, тѣмъ не менѣе, необходимъ по соображеніямъ внѣшней политики. 13-го февраля 1859 года П. А. Плещеевъ писалъ князю П. А. Вяземскому: «Парусъ» Аксаковыхъ подвергли запрещенію. Между тѣмъ, дошла до высшей инстанціи пущенная въ ходъ идея, что западные славяне примутъ это запрещеніе, какъ соучастіе нашего правительства въ преслѣдованіи славянской національности правительствомъ австрійскимъ. И это обратило мысли на возрожденіе славянофильскаго журнала. Онъ будетъ вновь выходить подъ редакціей Чижова и подъ названіемъ «Пароходъ» ***). Плетневъ поспѣшилъ сообщить въ качествѣ

считавшій Аксакова своимъ «другомъ», хотѣлъ жаловаться на него... московскому генералъ-губернатору Закревскому, о чемъ и поставилъ въ извѣстность письмомъ самого Аксакова. Въ отвѣтъ на это неизмѣримо болѣе благородный Аксаковъ писалъ Погодину: «Возвращаю вамъ ваше письмо ко мнѣ. Я не привыкъ у себя держать такія письма. Хотя это письмо въ нѣкоторомъ отношеніи служитъ документомъ того, къ чему вы *способны* (курсивъ Аксакова), однако я и безъ него буду помнить, что вы готовы были жаловаться Закревскому и вообще не прочь были бы прибѣгнуть къ полиціи... Такія вещи не забываются и не должны быть забываемы; онѣ даютъ возможность цѣнить степень искренности и прочности вашей дружбы». (Барсуковъ, стр. 319). *) Подъ N. N. значится Тимашевъ.

) Никитенко. Томъ второй. Стр. 125—126. *) Барсуковъ. Стр. 418.

факта одни къ нему приготовленія. Переписка о «Пароходѣ» (на названіе это, какъ напоминающее «Парусъ», не соглашались въ высшихъ сферахъ и рекомендовали назвать новый журналъ «Славянскимъ Вѣстникомъ»), дѣйствительно, велась довольно дѣятельно, но условія его изданія были таковы, что 27-го марта 1859 года московскій цензурный комитетъ послалъ министру народнаго просвѣщенія донесеніе, въ которомъ значилось: «Чижовъ на предложенныхъ ему условіяхъ издавать газету не соглашается». Тѣмъ и кончилась эта затѣя. Вмѣсто «Славянскаго Вѣстника» въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появился новый отдѣлъ, озаглавленный «Славянскія земли»; славянофилы же типа Аксаковыхъ продолжали находиться «на подозрѣніи...»

Еще одно послѣднее сказаніе и «доисторическій періодъ» нашего повѣствованія оконченъ. Это «сказаніе» относится къ начавшей издаваться въ 1859 году въ Петербургѣ на польскомъ языкѣ газетѣ «Слово», редакторомъ которой былъ очень извѣстный въ свое время польскій дѣятель Іосафатъ Огрызко. Газета эта была очень недолговѣчна и скоро подверглась тяжкой карѣ за помѣщеніе письма знаменитаго польскаго историка Іоахима Лелевеля. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ трудѣ г. Барсукова.

«23-го февраля 1859 года намѣстникъ Царства Польскаго сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что при всеподданнѣйшемъ докладѣ представлена была имъ государю выписка изъ фельетона № 15 польскаго журнала «Слово», заключающая въ себѣ письмо Лелевеля къ издателю газеты Огрызко. Государю благоугодно было повелѣть: изданіе этого журнала воспретить и подвергнуть взысканію какъ Огрызко, такъ и профессора петербургскаго университета Чайковскаго, о которомъ упоминается въ письмѣ Лелевеля. «Изъ собранныхъ министромъ свѣдѣній оказалось, что упомянутый фельетонъ обратилъ на себя вниманіе цензора, затруднявшагося разрѣшить статьи съ подписью эмигранта Іоахима Лелевеля, но, получивъ разрѣшеніе попечителя петербургскаго учебнаго округа И. Д. Делянова, онъ не счелъ себя въ правѣ отказать въ напечатаніи. Деляновъ же, въ своемъ письмѣ къ князю В. А. Долгорукову, показалъ, что редакторъ «Слова», прежде напечатанія статьи, предъявилъ ему оную, и Деляновъ, имѣя въ виду, что въ ней говорится о Лелевелѣ вовсе не какъ о политическомъ въ свое время дѣятелѣ, а единственно какъ о писателѣ, извѣстномъ въ ученомъ мірѣ своими историческими, географическими и этнографическими изысканіями, что у насъ не запрещено писать объ эмигрантахъ по отношенію ихъ къ наукѣ, и что даже его величеству благоугодно было дозволить изданіе сочиненія эмигранта Мицкевича, то онъ, съ своей стороны, не призналъ эту статью, подлежащею запрещенію». Въ заключеніе Деляновъ присовокупилъ: «изъ вышеизложеннаго ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что, если въ настоящемъ случаѣ есть какая-либо вина, то послѣдствія оной должны падать на меня».

«Письмо Делянова было представлено Государю, и князь Долгоруковъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что Государь «изволилъ найти оправданіе тайнаго совѣтника Делянова совершенно неосновательнымъ». За Делянова вступился министръ народнаго просвѣщенія и въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ писалъ: «Смѣло можно ручаться за чистоту направленія и преданность Вашему Величеству попечителя Делянова. Все это, по крайнему моему убѣжденію, много уменьшаетъ его вину и даетъ мнѣ право ходатайствовать за него предъ Вашимъ Величествомъ».

«Въ заключеніе своего всеподданнѣйшаго доклада министръ писалъ: «Что касается до редактора газеты «Слово» Огрызко и профессора польскихъ законовъ въ петербургскомъ университетѣ Чайковскаго, то они виновны въ томъ, что первый изъ нихъ рѣшился писать и просить сотрудничества въ своей газетѣ человѣка, опозорившаго себя преступными своими дѣйствіями противъ Россіи, а второй состоялъ въ сношеніи съ Лелевелемъ. Но переписка съ нимъ обоихъ сихъ лицъ не представляетъ никакой злонамѣренности, потому что они сами же ее огласили. Впрочемъ, эти проступки, по существу своему, относятся болѣе къ полицейской власти и выходятъ изъ предѣловъ министерства народнаго просвѣщенія, а потому я и не считаю себя въ правѣ дѣлать объ нихъ рѣшительное заключеніе. Осмѣливаюсь, однако-жъ, всеподданнѣйше доложить, что Чайковскій около пятнадцати лѣтъ преподаетъ польскіе законы въ университетѣ и не замѣченъ ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ» *).

Эта исторія произвела сильное впечатлѣніе и породила множество толковъ. Въ дневникѣ Никитенко существуетъ цѣлый рядъ по этому поводу интересныхъ записей, которыя мы и воспроизведемъ.

27-ое февраля 1859 г.). «Правда ли это? Говорятъ, что редакторъ польской газеты Огрызко посаженъ въ крѣпость. Что газета его запрещена, это справедливо. Но что самого редактора запретили, это мнѣ только сегодня сообщилъ одинъ изъ моихъ пятничныхъ посѣтителей. Виновникомъ этого называютъ кн. М. Д. Горчакова, намѣстника царства польскаго, который и теперь здѣсь. Онъ напалъ на редактора за напечатанное въ его газетѣ письмо Лелевеля—письмо само по себѣ, можетъ быть, и невинное, но преступное потому, что оно доказываетъ связь редактора съ государственнымъ преступникомъ. Чего нельзя представить въ ужасномъ видѣ? Во всякомъ случаѣ, это весьма печальное событіе **).

Закрытіемъ «Слова» и оканчивается тотъ періодъ русской журналистики, который мы назвали въ самомъ началѣ нашей работы «доисторическимъ». Наступили шестидесятые годы, а съ ними пришли и существенныя перемѣны въ условіяхъ жизни русской журналистики.

В. Богучарскій.

---

*) Барсуковъ. Кн. XVI, стр. 363—365. **) Никитенко. Томъ второй стр. 137.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Бѣглый взглядъ на литературу за истекшій годъ.—Бѣдность ея и отсутствіе жизни.—Послѣднія литературныя новости.—«Въ туманѣ», разсказъ г. Андреева.—«Одна за многихъ».—Невѣрное и наивное рѣшеніе вопроса въ очеркѣ «Ver'ы».—Художественная красота разсказа г. Андреева.—Его общественное значеніе.

Чѣмъ можно помянуть прошлый годъ въ литературѣ?

Вотъ вопросъ, на который мы положительно затрудняемся отвѣтить,—до того общая картина литературы сливается въ сѣрую, однотонную, безформенную мглу, въ которой, какъ въ туманные осенніе сумерки, кое-гдѣ проблескиваютъ неопредѣленные, тусклые огоньки. Но огоньки не освѣщаютъ окружающаго неподвижно нависшаго тумана, расплываясь въ его тяжеломъ бѣлесоватомъ мракѣ, который поглощаетъ безслѣдно отдѣльные яркіе лучи, безсильные пробиться сквозь его густую непроглядную сѣть. Возьмемъ ли мы журналистику, въ которой ютится пока значительнѣйшая часть литературы, предъ нами проходитъ рядъ блѣдныхъ очерковъ, беллетристическихъ, публицистическихъ, научно-популярныхъ, и проч., и всѣ они страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ: духа жизни не чувствуется въ нихъ. Правда, два-три талантливыхъ и яркихъ произведенія мы могли бы назвать, но они только подчеркиваютъ общую блѣдность и безжизненность. Посмотримъ ли мы на нашу сцену, тамъ дѣло обстоитъ едва-ли не хуже. Вѣдь, если могло попасть на сцену и даже вызвать нѣкоторый шумъ,—не говоримъ, имѣть успѣхъ, ибо это была бы величайшая ложь,—такое до слезъ жалкое «произведеніе» (къ сожалѣнію, не можемъ подобрать для него названіе), какъ «Сонъ Услады», значитъ, сцена дѣйствительно низко пала.

Духъ жизни отлетѣлъ отъ литературы... Что же это значитъ? Неужели писатели отгородились отъ жизни, замкнулись въ какихъ-то невѣдомыхъ чертогахъ и созерцаютъ невѣдомыя красоты? Этого не можетъ быть уже по существу писательской организаціи. Писатель, какъ таковой, не мыслимъ, если онъ не находится въ тѣснѣйшей связи съ жизнью, которую онъ понимаетъ и видитъ ближе и глубже, чѣмъ другіе. Быть писателемъ, это значитъ сильнѣе другихъ чувствовать жизнь, воспроизводить ее въ своихъ произведеніяхъ, вскрывая ея скрытый смыслъ и разъясняя его другимъ. Такъ было всегда, такъ оно и теперь. Но бываютъ времена, когда между писателемъ и жизнью становится нѣчто чуждое имъ, препятствующее ихъ единенію, и тогда литература полу-

чаетъ отрывочный характеръ, перестаетъ отражать жизнь или даетъ искаженные образы. Именно тѣ стороны жизни, которыя особенно сильно выдвигаются впередъ, остаются въ литературѣ безъ освѣщенія, а вмѣсто нихъ передъ читателями безпорядочно мечутся задворки жизни. Являются, конечно, и «свои» писатели, которые усиленно стараются убѣдить читателя, что въ этихъ задворкахъ вся сила, что тутъ и есть скрытый смыслъ всего сущаго. Усиленно выдвигаются на первый планъ старая ветошь и отжившіе остатки старины, и устами той или иной «Услады» вѣщаютъ, что намъ ничего лучшаго и не надо, что всякія требованія «новшества» только измѣна истиннымъ запросамъ народной жизни. А такъ какъ послѣдняя молчитъ, то со стороны оно, пожалуй, и можетъ казаться, что въ этихъ «сладкихъ» увѣреніяхъ есть доля правды.

Но именно только «кажется», и сами «Услады» не вѣрятъ въ то, что вѣщаютъ, не говоря уже о массѣ читателей, которую не проведешь такими «вѣщими» рѣчами. Въ этой массѣ есть особый инстинктъ правды, руководящій ею безсознательно, благодаря которому она такъ вспыхиваетъ отъ первой искры настоящаго свѣта, такъ бурно откликается при первомъ словѣ настоящей не «подслащенной» правды. Даже самое молчаніе литературы гораздо краснорѣчивѣе для этой читательской массы, чѣмъ велерѣчіе «своихъ» писателей, бряцающихъ въ кимвалы и тимпаны въ честь разныхъ Вааловъ текущей минуты.

Для литературы отъ этого, конечно, не легче, такъ какъ не можетъ она не томиться жаждой жизни, утолить которую можетъ, лишь черпая полными пригоршнями изъ общаго жизненнаго источника.

Литература лишь по стольку и жива, по скольку она искренняя и правдива. Даже если она ошибается, принимая созданія своей фантазіи за живую жизнь, она не можетъ пѣть по указу, по предписаніямъ, и если не можетъ пѣть по-своему, такъ, какъ ей кажется лучше и какъ хочется, литература невольно замолкаетъ. Но чего стоитъ это молчаніе! Чего стоитъ сознаніе, что жизнь уходитъ отъ писателя, и онъ, положеніе котораго должно быть всегда впереди, на аванпостахъ жизни, отсталъ отъ послѣдней и тащится въ арріергардѣ, какъ лѣнивый и плохой солдатъ. И при этомъ — еще несправедливые упреки за эту вынужденную, невольную отсталость!..

И тѣмъ не менѣе такъ непреодолима жажда писательства, что все же... «живъ, живъ, курилка-журналистъ»! Отлично сознавая всю свою безпомощность, все свое одиночество и оброшенность, писатель тянетъ свою лямку. Есть въ этомъ, очевидно, нѣчто страшное, стихійное, превыше его воли, если ни при какихъ условіяхъ онъ не можетъ бросить скверной привычки писать. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, по человѣчеству судя, если оглянуться на прошлое, чего-чего съ нимъ ни продѣлывали! И жгли, и въ жерновахъ мололи, а ему все неймется, все онъ находитъ лазѣйки и пути, чтобы протащить ту крупицу свободы мысли, безъ которой заглохла бъ нива жизни, чтобы изъ поколѣнія въ поколѣніе передавать свой потаенный фонарикъ, безъ котораго тьма объяла бы жизнь, чтобы постоянно напоминать людямъ о высшей цѣли бытія, безъ чего мы превратились бы въ скотовъ безсловесныхъ. Не значитъ-ли это, что самая борьба съ

писательской жаждой жизни безцѣльна и безрезультатна, какъ безцѣльны и безрезультатны были бы попытки погасить солнце? Предоставимъ астрономамъ доказывать, что въ свое время оно погаснетъ, ибо всему конецъ бываетъ на свѣтѣ, и въ этомъ величайшее утѣшеніе въ жизни,—но пока оно горитъ,—

Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Вотъ тотъ лозунгъ, вотъ что стояло, стоитъ и будетъ стоять на знамени литературы, на этомъ истрепанномъ, выцвѣтшемъ, но любезномъ сердцу всякаго гражданина и человѣка знамени, при видѣ котораго оживаетъ надежда и неумирающая вѣра въ побѣду правды и свѣта надъ ложью и тьмой. Пусть бываютъ времена, когда это знамя тащится въ хвостѣ, вмѣсто того, чтобы сіять впереди, но и тамъ оно свѣтитъ, дѣлаетъ свое дѣло и помогаетъ выбирать вѣрную дорогу. Не бѣда, если читатель недостаточно цѣнитъ его и больше озабоченъ цѣлостью своего кармана, чѣмъ достоинствомъ литературы, это ужъ не наша забота. Нечего смущаться и жертвами, ихъ было не мало, будетъ еще больше, но не забудемъ, что «тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ». Важно одно не выронить этотъ «булатъ» изъ своихъ рукъ, пока есть силы, и передать его чистымъ и незапятнаннымъ тому, кто будетъ послѣ насъ...

Возвращаясь къ вопросу, поставленному нами вначалѣ, мы должны отмѣтить, что наибольшее вниманіе читателей и критики привлекалъ въ истекшемъ году молодой писатель Л. Н. Андреевъ. Три изданія въ одинъ годъ, рядъ критическихъ статей, хвалебныхъ и бранчивыхъ отзывовъ, шумъ около каждой имъ написанной вещи («Бездна», «Мысль»)—все выставило его на первый планъ, и новое его произведеніе «Въ туманѣ», только что появившееся въ «Журналѣ для всѣхъ», даетъ новый поводъ для шума около его имени, новую пищу цѣнителямъ и противникамъ этого выдающагося таланта. И дѣйствительно, «Въ туманѣ» такое произведеніе, которое способно расшевелить даже очень хладнокровнаго и безчувственнаго читателя. И содержаніе, одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ вообще, а въ наше время получившій еще особое значеніе, благодаря обостренію вопросовъ личной морали, и обработка, вполнѣ достойная вопроса, все это дѣлаетъ новое произведеніе г. Андреева достойнымъ всяческаго вниманія.

Но прежде чѣмъ высказать нѣкоторыя мысли по этому поводу, мы коснемся другого произведенія—иностраннаго автора, скрывающагося подъ псевдонимомъ «Vera», «Одна за многихъ», которое одновременно вышло у насъ въ нѣсколькихъ переводахъ. Шумъ, поднятый имъ у себя на родинѣ, въ веселой и грѣшной Вѣнѣ, перекатился и къ намъ, и нельзя не признать, что поводовъ для него «Одна за многихъ» даетъ достаточно. То, что побудило насъ сопоставить два произведенія столь различныя, какъ увидимъ, по существу, заключается въ общности не темы, а того вопроса, который остановилъ на себѣ вниманіе этихъ авторовъ. Вопросъ этотъ—вопросъ половой этики, но темы у того и другого автора различны.

«Одна за многихъ»—это новая попытка дать свое рѣшеніе вопроса объ обязательности добрачнаго цѣломудрія для мужчины, какъ оно обязательно для

*

женщины. Это не новое освѣщеніе вопроса, возбужденнаго Бьернсономъ въ его драмѣ «Перчатка», но вопросъ здѣсь поставленъ рѣзче и рѣшительнѣе. Героиня Бьернсона отказываетъ жениху, узнавъ о его добрачной связи съ женщиной. «Одна за многихъ» кончаетъ съ собой, не будучи въ силахъ вынести мысли, что ея избранникъ не чистъ физически, имѣлъ связь съ женщиной безъ любви. «Я не могу стать твоею! Я употребила всѣ усилія воли на то, чтобы заполнить раздѣляющую насъ пропасть. Напрасно. Я не въ состояніи побороть своихъ чувствъ. Съ тобой моя жизнь должна была бы погрязнуть въ вѣчной лжи».

Чтобы понять этотъ вопль оскорбленной чистоты, необходимо познакомиться подробнѣе съ жизнью героини, которая рекомендуетъ себя, какъ одну изъ многихъ, приносящую себя въ жертву за многихъ. Ея дневникъ, оставленный ею въ даръ ея жениху, даетъ намъ представленіе о ней, какъ о дѣвушкѣ изъ обычнаго мѣщанскаго круга со всѣми его узкими взглядами на жизнь, долгъ, добродѣтели и пороки. Она хочетъ выйти замужъ не иначе, какъ по любви, и страшно возмущается своей подругой, которая «продала себя» ради хорошей партіи человѣку, уже пожилому, пожившему, но богатому. Ея отецъ и мать, напротивъ, вполнѣ одобряютъ такую партію и ссылаются на свой примѣръ. Но героиня уже тронута высшими потребностями жизни. Ее не удовлетворяетъ сытая, обезпеченная жизнь, въ которой такъ мало мѣста чувству, уму, словомъ душѣ, и все посвящается Мамону. «Я испытываю ужасъ передъ болотомъ, передъ низиной. Я хочу вдыхать свѣжій, чистый, прозрачный воздухъ высотъ. Я хочу попытаться стать собой, я хочу возвратить своей личности всю кристалличность ея собственныхъ исконныхъ свойствъ... У меня несчастный характеръ, продуктъ обезпеченной сытой жизни. Ни желаній, ни радости! Въ довольствѣ и изобиліи чахнетъ, истощается энергія души. Силы слабѣютъ безъ напряженія. Плугъ ржавѣетъ въ сараѣ. Поэтому я часто говорю себѣ: если бы я была поставлена въ необходимость работать, если бы нужда вогнала меня въ работу, если бы мнѣ была знакома забота о завтрашнемъ днѣ, можетъ быть, я была бы свѣжѣе, здоровѣе, радостнѣе... А это сытое довольство въ вѣчной неудовлетворенности, эта буржуазная фанатическая приверженность къ комфорту, они убиваютъ не только способность къ серьезной работѣ, но даже самое стремленіе къ ней». Она жалуется далѣе на одиночество въ семьѣ, гдѣ ей чужда вся основа окружающей жизни. Даже любимый человѣкъ, ея Георгъ, избранникъ ея сердца не понимаетъ ея, и она справедливо жалуется на обычное мужское пренебреженіе къ запросамъ женщины на высшую жизнь. Ее смущаютъ и возмущаютъ стремленія мужчины слить женщину со своимъ «я», сдѣлать ее лишь частью его, «орудіемъ своей власти, обстановкой своего комфорта».

Но она любитъ его, любитъ сильно, страстно, и мысль о полномъ единеніи наполняетъ ее блаженствомъ. Осуществленію его мѣшаетъ пока необезпеченность Георга. И вотъ приходитъ минута, когда онъ получаетъ мѣсто адъюнкта въ университетѣ, всѣ препятствія благополучно устранены, и наша парочка почти наканунѣ свадьбы. Какъ вдругъ и происходитъ катастрофа. Однажды, возвращаясь съ женихомъ изъ театра, они встрѣчаютъ женщину, видъ которой сму-

тилъ Георга. На вопросъ, что съ нимъ и почему эта встрѣча его такъ смутила, Георгъ признается, что у него нѣсколько лѣтъ тому назадъ была связь съ нею. Такое признаніе вызвало вполнѣ естественное чувство, «смѣшанное изъ отчаянія, разочарованія, злобы и ревности». «Онъ такъ часто клялся мнѣ въ томъ, что никогда до меня не любилъ ни одной женщины. Я слѣпо увѣровала въ это и считала его неспособнымъ сойтись съ женщиной безъ любви... какъ другіе... безъ любви! Въ этомъ столько низкаго и отвратительнаго». Георгъ, пользуясь этимъ моментомъ, раскрываетъ ей всю свою прошлую жизнь, которая, какъ и у огромнаго большинства людей его среды, была далеко не безупречна,—и ужасъ невѣсты возрастаетъ. «Онъ велъ половую жизнь большинства мужчинъ. Легко разрываемыя связи, не закрѣпленныя никакими узами чувствъ, оплачиваемая любовь съ ея неразборчивыми животными инстинктами,—жизнь, въ которой расточалось самое высокое. Онъ отшвырнулъ отъ себя свою чистоту, какъ грязный лоскутъ бумаги. Онъ никогда и не зналъ цѣны этой чистоты. Онъ ни разу не подумалъ о томъ, что существо, которое когда-нибудь отдастся ему съ полной, чистой преданностью, можетъ потребовать отъ него этой чистоты».

Послѣ этой знаменательной минуты въ душѣ героини начинается мучительная борьба. Она заноситъ въ дневникъ рядъ вполнѣ вѣрныхъ мыслей о необходимости одинаковой морали для мужчины и женщины, возмущается условіями добрачной жизни большинства мужчинъ, отмѣчаетъ, что въ обезпеченныхъ кругахъ это встрѣчается чаще, чѣмъ въ бѣдныхъ, гдѣ мущины женятся раньше.

Все это много разъ говорилось и раньше, и пока мы не узнаемъ ничего, что противорѣчило бы правдѣ. Наступаетъ, однако, моментъ, когда героиня должна и для себя рѣшить вопросъ, какъ же ей быть съ открывшимся фактомъ, какъ поступить въ своемъ личномъ дѣлѣ. Георгъ кается, взываетъ къ ея великодушію, говоритъ, что раскаяніе очищаетъ душу, что «жизнь, полная самопожертвованія, можетъ искупить прошлое». Въ отвѣтъ Вѣра бросаетъ ему холодную сентенцію: «Раскаяніе не поможетъ, если чистота потеряна». И окончательно добиваетъ его вопросомъ: «Могъ ли бы ты жениться на проституткѣ?» «Онъ взглянулъ на меня испуганно и тихо покачалъ головой. А я молчала и подумала про себя: «Всѣ эти мужчины нисколько не лучше проститутокъ». Онъ, должно быть, понялъ мои мысли, потому что вдругъ какъ-то съежился, точно отъ удара».

Борьба кончается катастрофой: Вѣра не можетъ пересилить, съ одной стороны, отвращенія при мысли о прежней жизни своего будущаго мужа, съ другой—ею овладѣваетъ отчаяніе, что она не можетъ совладать со своимъ чувствомъ къ нему. «Я не могу обманывать человѣка, котораго люблю больше всего на свѣтѣ. Не могу я также броситься въ его объятія съ чувствомъ физическаго отвращенія. Я не могу жить съ нимъ... подъ гнетомъ неизгладимаго, унизительнаго воспоминанія о его прошломъ. Но я отъ этого люблю его не меньше. И именно потому, что я не могу жить съ нимъ... и не могу жить безъ него... я избираю послѣдній путь».

Рѣшивъ покончить съ собой, Вѣра утѣшаетъ себя сознаніемъ, что «люди, которые со своими загрубѣлыми взглядами смѣялись надъ моими мыслями, какъ

надъ неисполнимыми фантазіями, мужчины, которые—не безъ скрытаго сознанія своей вины — глумились надо мной... перестанутъ на минуту смѣяться, когда узнаютъ о моей участи. И не одна чистая, тонко чувствующая женщина... пойметъ мои страданія—можетъ быть, сама испытаетъ и переживетъ ихъ... И если бы мнѣ удалось положить хоть одинъ камешекъ въ дивное зданіе болѣе чистаго, цѣломудреннаго будущаго... то я считаю, что не слишкомъ дорого плачу за это цѣной моей жизни».

Трогательныя и высокія слова, но... мы думаемъ, что Вѣра ошиблась. Мы оставляемъ въ сторонѣ ея узко личное чувство, то отвращеніе, котораго она не могла преодолѣть. Здѣсь не приходится разсуждать. Возможно,—есть такія тонкія организаціи, которыя, при столкновеніи съ суровыми условіями жизни, не выдерживаютъ и разбиваются, какъ тотъ драгоцѣнный венеціанскій хрусталь, столь тонкой и изящной работы, что онъ не выдерживаетъ перевозки и имъ можно любоваться только на мѣстѣ. Но для «дивнаго зданія болѣе чистаго, цѣломудреннаго будущаго» требуются болѣе крѣпкіе «камешки», способные выдержать борьбу за это будущее, вынести тяжкое давленіе всѣхъ условій современной жизни, полной лжи, насилія и обмана.

Есть одна грубая, основная ошибка въ размышленіяхъ Вѣры: она, какъ истый фанатикъ, свела всю жизнь и мораль къ одному догмату—физическая чистота. «Раскаяніе не поможетъ, если чистота потеряна»,—такъ рѣшаетъ именно фанатикъ, посылая другого на костеръ съ святой вѣрой, что огонь лучшее средство въ борьбѣ съ грѣхомъ или съ тѣмъ, что онъ считаетъ за грѣхъ. Распространяя свою мысль, она въ другомъ мѣстѣ приходитъ къ еще болѣе рѣшительному выводу: «Индивидуализмъ и принципъ солидарности, всѣ борющіяся между собой теченія современности идутъ изъ безконечности по разнымъ направленіямъ и стремятся слиться въ одномъ пунктѣ. Я думаю, что этотъ пунктъ находится въ области половой этики, которая наряду съ экономическими вопросами имѣетъ самое важное и рѣшающее значеніе для будущаго, и которая неразрывно связана со всѣми вопросами современности». Такое сведеніе всей жизни къ половой этикѣ намъ представляется крайностью, которая граничитъ съ болѣзненностью, мы могли бы сказать почти съ своеобразной эротоманіей.

Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ немного разобраться въ догматѣ Вѣры—половая чистота—главный пунктъ жизни, и кто ее утратилъ, тотъ конченный, погибшій человѣкъ. Для него, какъ для бѣдной Маргариты, нѣтъ спасенія, его долженъ вѣчно преслѣдовать голосъ возмущенной совѣсти: «Ты погибъ!» Высшій судъ, однако, оправдываетъ Маргариту, найдется, быть можетъ, и для нашего грѣшника, если не оправданіе, то право на помилованіе. Этотъ грѣшникъ могъ бы указать, что въ громадномъ большинствѣ онъ скорѣе грѣшникъ безсознательный, совершающій свое паденіе еще тогда, когда онъ далеко не сознаетъ того, что совершаетъ, когда онъ слишкомъ слабъ и безволенъ, чтобы побороть жгучую силу инстинкта. Онъ могъ бы указать и на уродливо поставленное воспитаніе, на что намекаетъ и сама строгая героиня, занося въ дневникъ справедливыя мысли: «свободныя, товарищескія отношенія между лицами разныхъ половъ до сихъ поръ еще клеймятъ, какъ что-то запретное, и этимъ только

придаютъ имъ особенную прелесть и дѣлаютъ ихъ чѣмъ-то соблазнительнымъ и опаснымъ. Боятся, что эта дружба запятнаетъ доброе имя, что болото сплетенъ засосетъ молодую дѣвушку, и ея чистота, высшее сокровище, которымъ она обладаетъ, осквернится подъ вліяніемъ предразсудка... Въ усиленномъ, почти граничащемъ съ безнравственностью, подчеркиваніи чисто полового момента въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной не малую долю вины несетъ эта система разобщенности половъ. Благо тому поколѣнію, которое когда-нибудь доживетъ до лучшихъ, болѣе здоровыхъ временъ». Онъ могъ бы указать и на страшную силу экономическихъ причинъ, все болѣе и болѣе удлиняющихъ срокъ вступленія въ бракъ, и на ненормальности въ самой жизни, этой нездоровой городской атмосферы, губящей столько чистыхъ и лучшихъ силъ. Но въ конечномъ итогѣ, несомнѣнно, не въ этомъ сила его оправданія.

Физическая чистота, могъ бы онъ сказать, еще не духовная чистота, и мы достаточно пережили, чтобы умѣть разбираться, гдѣ граница той и другой. Вѣра, по ея словамъ, поражаетъ, какъ ударомъ, своего жениха словами: «могъ ли бы ты жениться на проституткѣ?» Художественная литература уже давно дала отвѣтъ на этотъ вопросъ. Французскій поэтъ рѣшилъ его въ великолѣпномъ стихѣ: «Моя любовь возвратитъ тебѣ невинность». У насъ, начиная съ Сони Мармеладовой и до Катюши въ «Воскресеніи», вопросъ этотъ выясненъ и выраженъ съ поразительной тонкостью и глубиной. Всѣ почти наши великіе писатели коснулись его и дали утвердительный отвѣтъ, ибо они стояли выше буржуазной морали, на которой въ концѣ концовъ стоитъ и великолѣпная въ своей утонченности Вѣра. Да, буржуазной, какъ и всякая мораль, ставящая субботу выше человѣка.

Вопросъ этотъ, какъ ни кажется онъ самой Вѣрѣ новъ и глубокъ, въ сущности рѣшенъ давнымъ давно, и рѣшеніе это гласитъ, что не тѣлесная чистота есть главная, а духовная: «Не то, что въ уста, а то, что изъ устъ» грязнитъ человѣка. Спору нѣтъ, счастливъ и достоинъ всяческой зависти и уваженія, кто сумѣетъ подняться до пониманія истинной духовной чистоты, сохранивъ въ тоже время и тѣлесную. Таковъ великій идеалъ свободной личности, который лишь смутно мерещится бѣдной Вѣрѣ, но до котораго она тѣмъ не менѣе не додумалась. Въ противномъ случаѣ она бы поняла, что ея искренно кающійся женихъ, готовый цѣлой жизнью, «полной самопожертвованія», искупить свою вину, гораздо выше и чище теперь, чѣмъ когда онъ былъ еще тѣлесно непороченъ, какъ новорожденный младенецъ.

Трудной и тяжкой дорогой ошибокъ и паденія покупаемъ мы право на высшій судъ и высшее пониманіе жизни, и Вѣра, безповоротно осудившая эту жизнь, не имѣетъ этого права. Безполезна ея жертва, не вытекающая изъ сознанія необходимости и блага ея для другихъ. Легко судить такъ тому, кто самъ не пережилъ ни ошибокъ, ни паденій, кто изъ узенькаго круга личной жизни не выходилъ на арену житейской борьбы, полную труда, столкновеній и невѣрныхъ дѣйствій. Вѣра не выдержала перваго, далеко не самаго тяжкаго удара, какіе наноситъ подчасъ безпощадная судьба, и доказала своей легкомысленной смертью только полную свою негодность къ жизни. Она, можно ска-

зать, переросла ту буржуазную сферу, которая ее окружаетъ, но не могла достигнуть высшей, подняться на «высоту, гдѣ свѣжій, чистый, прозрачный воздухъ». Она прочувствовала, поняла и справедливо осудила мораль «низинъ», «болота», гдѣ превосходно чувствуютъ себя ея родители, противящіеся ея стремленіямъ къ браку по любви. Но у нея не хватило ни ума, ни силы воли довершить разрывъ съ низиной, отбросить всякую догматику, всѣ путы, связывающіе нравственную личность, мѣшающіе ей «сорвать всѣ покрывала съ наготы души, всѣ оковы свободнаго саморазвитія», какъ она мечтала въ началѣ своего дневника. Тогда она поняла бы, прежде всего, что ее отдѣляетъ отъ Георга больше всего его непониманіе ея, какъ женщины, желающей быть не только его женой, но прежде всего свободной личностью. На это непониманіе она жалуется какъ-то мимоходомъ, вскользь, не придавая ему особаго значенія. Тогда какъ для насъ здѣсь лежитъ корень ея несчастья. Если бы ея женихъ былъ выше по уму, по чувству, по стремленіямъ къ свободной жизни, онъ понялъ бы ея отвращеніе къ его тѣлесному проступку и съумѣлъ бы ее поднять на ту высоту, съ которой этотъ проступокъ показался бы ей печальной необходимостью, въ то же время способствовавшей и ему, и ей постичь высшую, духовную чистоту. Въ томъ и несчастье ея жизни, что Георгъ — чистѣйшій мѣщанинъ въ душѣ, для котораго его адъюнктство на первомъ планѣ, а она, Вѣра, — какъ жена, равное ему и сознательное существо, жена не-любовница, а товарищъ и другъ въ борьбѣ,—только придатокъ къ «обстановочкѣ». Мужественно переживъ это первое разочарованіе, она поняла бы и другую истину, что въ жизни не все рѣшается половой этикой, какъ ни важна послѣдняя сама по себѣ. Порвавъ съ моралью низинъ, по которой всякій человѣкъ долженъ приспособляться къ жизни, она выступила бы на путь приспособленія жизни къ себѣ, такъ, чтобы ея свободная личность могла порвать оковы и стать сама собой.

Но для нѣмецкой Вѣры и то уже огромный шагъ впередъ, что она *заговорила* о равноправности этической. Вѣдь до сихъ поръ нѣмецкая женщина еще почти не вышла изъ круга понятій «дѣльной хозяйки» (tüchtige Hausfrau), и мы понимаемъ, что протестъ Вѣры вызвалъ такой негодующій шумъ въ нѣмецкомъ буржуазномъ обществѣ. Какъ можетъ дѣвушка говорить о такихъ вещахъ, требовать одинаковой морали для мужчины и женщины, осудить безповоротно мужчину за потерю цѣломудрія?! Это былъ несомнѣнный скандалъ въ благородномъ семействѣ. Но чего мы никакъ не можемъ понять, такъ это протестовъ, раздающихся противъ разсказа г. Андреева «Въ туманѣ», въ которомъ затронутъ то же важный вопросъ, лучше сказать рядъ вопросовъ, связанныхъ тоже съ половой моралью. Страннымъ кажется намъ этотъ протестъ послѣ хотя бы «Крейцеровой Сонаты». Какъ тогда негодующіе критики огуломъ рѣшили, что Позднышевъ психопатъ, маніакъ, эротоманъ, типъ, достойный Крафтъ-Эбинга, такъ и теперь въ героѣ разсказа «Въ туманѣ», бѣдномъ Павлѣ Рыбаковѣ хотятъ видѣть патологическаго субъекта, вырожденца и маніака.

Такъ ли это однако?

Редакція нашего журнала, потому ли, что его читаютъ преимущественно молодые люди — не знаю, часто получаетъ разные запросы отъ молодежи,

въ числѣ ихъ есть одинъ, который упорно повторяется изъ года въ годъ. И въ настоящій моментъ предо мною лежитъ письмо «студента варшавскаго университета» съ просьбой—указать, есть ли въ Россіи общество для «нравственнаго усовершенствованія». Пишущій добавляетъ, что «такое общество помогло бы мнѣ въ борьбѣ... съ порокомъ проституціи». Такія письма это своего рода вопль измученной въ непосильной борьбѣ души, и разсказъ г. Андреева — и отвѣтъ на этотъ вопль, и чудная иллюстрація къ нему.

Въ туманный и слякотный день, столь хорошо знакомый каждому жителю столицы, Павелъ Рыбаковъ, юноша, оканчивающій гимназію, валяется въ своей комнатѣ на кровати и мучится тяжелыми думами и еще больше тяжелыми воспоминаніями. «—Скучно... Скучно!—протяжно говоритъ Павелъ, закрываетъ глаза и вытягивается такъ, что носки сапогъ касаются желѣзныхъ прутьевъ кровати. Углы густыхъ бровей его скосились и все лицо передернула гримаса боли и отвращенія, странно исказивъ и обезобразивъ его черты; когда морщины разгладились, видно стало, что лицо его молодо и красиво. И особенно красивы были смѣлыя очертанія пухлыхъ губъ, и то, что надъ ними по-юношески не было усовъ, дѣлало ихъ чистыми и милыми, какъ у молоденькой дѣвушки. Но лежать съ закрытыми глазами и видѣть въ темнотѣ закрытыхъ вѣкъ все то ужасное, о чемъ хочется забыть навсегда, было еще мучительнѣе...»

Онъ подходитъ къ окну, но и здѣсь то же мучительное и ужасное, о чемъ ему не хотѣлось бы думать, опять властно вторгается въ его душу. Онъ видитъ въ туманѣ смутныя фигуры людей, очертанія домовъ, и все кажется такимъ «безцѣльнымъ и скучнымъ». «Но среди идущихъ и ѣдущихъ были женщины, и ихъ присутствіе давало картинѣ сокровенный и тревожный смыслъ. Онѣ шли по своему дѣлу и были, казалось, такія обыкновенныя и незамѣтныя; но Павелъ видѣлъ ихъ странную и страшную обособленность:онѣ были чужды всей остальной толпѣ и не растворялись въ ней, но были какъ огоньки среди тьмы. И все было для нихъ: улица, дома и люди, и все стремилось къ нимъ, жаждало ихъ—и не понимало. Слово «женщина» было огненными буквами выжжено въ мозгу Павла; онъ первымъ видѣлъ его на каждой развернутой страницѣ; люди говорили тихо, но когда встрѣчали слова *«женщина»*, они какъ будто выкрикивали его,—и это было для Павла самое непонятное, самое фантастическое и страшное слово»...

Въ этихъ сжатыхъ образахъ предъ нами вырисовывается типичное настроеніе юноши въ періодъ критическаго возраста, когда природа рѣзко подчеркиваетъ впервые принадлежность пола и его властные порывы. Настроеніе Павла Рыбакова осложнено рядомъ мучительныхъ мыслей и воспоминаній: онъ... боленъ, заразился одною изъ обычныхъ болѣзней, и мысль, что онъ навсегда загрязненъ и болѣзнью, и сопровождающимъ ее развратомъ, послѣдствіемъ котораго она явилась, перепутываются съ воспоминаніями недавняго прошлаго, когда онъ еще былъ чистъ и невиненъ. И эти-то сладкія сами по себѣ воспоминанія о первой юношеской любви получаютъ невыносимую остроту отъ контраста съ настоящимъ, когда онъ чувствуетъ «грязь, которая обволакиваетъ его и проникаетъ насквозь», какъ ему кажется. Сестра его ждетъ къ себѣ въ

гости подругъ,—гимназистки придутъ. «Это значитъ, что придетъ и Катя Реймеръ—всегда серьезная, всегда задумчивая, всегда искренняя Катя Реймеръ. Эта мысль была какъ огонь, на который упало его сердце, и со стономъ онъ быстро повернулся и уткнулся лицомъ въ подушку. Потомъ, также быстро принявъ прежнее положеніе, онъ сдернулъ съ глазъ двѣ ѣдкія слезинки и уставился въ потолокъ... Онъ вспомнилъ дачу и темную іюльскую ночь.

«Темная была эта ночь, и звѣзды дрожали въ синей безднѣ неба, и снизу гасила ихъ, подымаясь изъ-за горизонта, черная туча. И въ лѣсу, гдѣ онъ лежалъ за кустами, было такъ темно, что онъ не видѣлъ своей руки, и порой ему чудилось, что и самого его нѣтъ, а есть только молчаливая и глухая тьма. И далеко во всѣ стороны разстилался міръ и былъ онъ безконечный и темный, и всѣмъ одинокимъ и скорбнымъ сердцемъ чувствовалъ Павелъ его неизмѣримую и чуждую громаду. Онъ лежалъ и ждалъ, когда по тропинкѣ пройдетъ Катя Реймеръ съ Лилечкой и другими веселыми и беззаботными людьми, которые живутъ въ томъ чуждомъ для него мірѣ и чужды для него. Онъ не пошелъ съ ними, такъ какъ любилъ Катю Реймеръ чистой, красивой и печальной любовью, и она не знала объ этой любви и никогда не могла раздѣлить ее. И ему хотѣлось быть одному и возлѣ Кати, чтобы глубже почувствовать ея далекую прелесть и всю глубину своего горя и одиночества. И онъ лежалъ въ кустахъ, на землѣ, чужой всѣмъ людямъ и посторонній для жизни, которая со всею своею красотою, пѣснями и радостью проходила мимо него,—проходила въ эту іюльскую темную ночь.

«Онъ долго лежалъ, и тьма стала гуще и чернѣе, когда далеко впереди послышались голоса, смѣхъ, хрустѣніе сучковъ подъ ногами, и ясно стало, что идетъ много молодого и веселаго народа. И все это надвигалось толпою веселыхъ звуковъ и стало совсѣмъ близко.

«— Охъ, батюшки!—говорила Катя Реймеръ густымъ и звучнымъ контральто:—да тутъ голову расшибешь. Тиновъ, свѣтите!

«Изъ тьмы пропищалъ странный и смѣшной голосъ полишинеля:

«— Спички потерялъ, Катерина Эдуардовна!

«Среди смѣха прозвучалъ другой голосъ, молодой и сдержанный басъ:

«— Позвольте, Катерина Эдуардовна, я посвѣчу!

«Катя Реймеръ отвѣтила, и голосъ ея былъ серьезный и измѣнившійся:

«— Пожалуйста, Николай Петровичъ!

«Спичка сверкнула и секунду горѣла яркимъ, бѣлымъ свѣтомъ, выдѣляя изъ мрака только державшую ее руку, какъ будто послѣдняя висѣла въ воздухѣ. Потомъ стало еще темнѣе, и всѣ со смѣхомъ и шутками двинулись впередъ.

«— Давайте вашу руку, Катерина Эдуардовна!—прозвучалъ тотъ же молодой и сдержанный басъ.

«Минута тишины, пока Катя Реймеръ давала свою руку, и затѣмъ твердые мужскіе шаги и рядомъ съ ними скромный шелестъ платья. И тотъ же голосъ тихо и нѣжно спросилъ:

«— Отчего вы такъ грустны, Катерина Эдуардовна?

«Отвѣта Павелъ не слыхалъ. Идущіе повернулись къ нему спиною; голоса

сразу стали глуше, вспыхнули еще разъ, какъ умирающее пламя костра и потухли. И когда казалось, что ничего уже нѣтъ, кромѣ глухого мрака и молчанія, съ неожиданною яркостью прозвучалъ женскій смѣхъ, и высокій теноръ запѣлъ широко и открыто:

Разгульна, свѣтла и любовна,
Душа веселится моя.
Да здравствуетъ Марья Петровна
И... ручка, и... ножка...

«Ея» пронеслось высоко и радостно, и тяжелая тьма словно придавила идущихъ. Стало мертвенно тихо и пусто, какъ въ пустомъ пространствѣ, на тысячу верстъ надъ землей. Жизнь прошла мимо со всѣми ея радостями, пѣснями, красотою,—прошла въ эту іюльскую темную ночь.

«Павелъ поднялся изъ-за кустовъ и тихо прошепталъ:

«— Отчего вы такъ грустны, Катерина Эдуардовна?—и тихія слезы навернулись на его глазахъ.

«— Отчего вы такъ грустны, Катерина Эдуардовна?—повторялъ онъ и безъ цѣли шелъ впередъ, во тьму крѣпчающей ночи. Разъ онъ совсѣмъ близко коснулся дерева и остановился въ недоумѣніи. Потомъ обнялъ шершавый стволъ рукою, прижался къ нему лицомъ, какъ къ другу, и замеръ въ тихомъ отчаяніи, которому не дано слезъ и бѣшенаго крика. Потомъ тихо отшатнулся отъ дерева, которое его пріютило, и пошелъ дальше.

«— Отчего вы такъ грустны, Катерина Эдуардовна?—повторялъ онъ какъ жалобную пѣсню, какъ тихую молитву отчаянія, и вся душа его билась и плакала въ этихъ звукахъ. Грозный сумракъ охватывалъ ее, и, полная великой любви, она молилась о чемъ то свѣтломъ, чего не знала сама, и оттого такъ горяча была ея молитва»...

Съ величайшей неохотой прекращаемъ эту выписку,—до того прекрасно это чарующее описаніе юношеской первой любви, первыхъ грезъ и тревогъ переполненнаго сердца, которое, кажется, вотъ-вотъ разорвется и изойдетъ въ невыносимо сладостныхъ мукахъ. И кто не переживалъ ихъ въ свое время, не знаетъ лучшей странички въ скучной и утомительной книгѣ жизни. Но кто не переживалъ ихъ?!..

И можно ли считать бѣднаго Павла патологическимъ субъектомъ за то, что сопоставленіе этого чуднаго момента, какой мы переживаемъ только разъ въ жизни, съ тягостной минутой паденія, когда впервые онъ почувствовалъ всю силу животнаго, скрытаго въ немъ, и все безсиліе свое сладить съ нимъ одинъ на одинъ,—доводитъ его до другого отчаянія, мрачнаго, безъисходнаго, когда мысль о смерти является отраднымъ избавленіемъ отъ невыносимой муки. Напротивъ, Павелъ Рыбаковъ въ обоихъ случаяхъ вполнѣ типичный, нормальный юноша, какихъ по меньшей мѣрѣ 99 на 100. Онъ нисколько не испорченный, въ корень порочный юноша, хотя и палъ физически, хотя рисуетъ отвратительныя циничныя картинки, приводящія въ ужасъ и недоумѣніе его отца. Его случай вовсе не клиническій, и разсказъ г. Андреева—не иллюстрація къ душевной патологіи Крафтъ-Эбинга. Павелъ Рыбаковъ—*нашъ* сынъ, какихъ огром-

ное большинство, и его печальная исторія съ ея трагическимъ концомъ—великолѣпная картина *нашихъ* нравовъ.

Развѣ это не типичнѣйшая картина отношеній отца и сына въ тотъ моментъ, когда Павелъ Рыбаковъ мучится сознаніемъ ужаса своего положенія, обуреваемый воспоминаніями съ одной стороны, съ другой отчаянными мыслями о безъисходности своего физическаго и душевнаго состоянія? Какъ далеки и чужды эти два человѣка, которые, однако, ближе всего должны бы быть другъ другу! Отецъ чувствуетъ, что съ сыномъ что то неладно, но не знаетъ, какъ подойти къ нему, какъ спросить его о самомъ главномъ, о томъ, что мучитъ и терзаетъ того. Превосходно изобразилъ художникъ настроеніе обоихъ въ сценѣ «умнаго» разговора между отцомъ и сыномъ, разговора, который еще больше удаляетъ ихъ другъ отъ друга. Въ концѣ наступаетъ одинъ моментъ, когда оба чувствуютъ, что одно слово—и ледъ растаетъ, и юноша на родной груди выплакалъ бы, съ крикомъ, съ рыданіями, свою мучительную тайну, нашелъ бы совѣтъ, поддержку и надежду. Но мигъ этотъ блеснулъ, какъ молнія, и исчезъ, и опять въ туманѣ отецъ и сынъ не видятъ другъ друга. Великолѣпно это «другъ мой», которымъ заканчивается разговоръ, вмѣсто просившагося на уста отцовскаго теплаго и любовнаго призыва «сынъ мой». И этотъ брезгливо протянутый скабрезный рисунокъ, найденный отцомъ, и вопросъ отца, «откуда-то издалека»: «это ты»?

«Замучили!»—съ воплемъ вырывается изъ истомленной души Павла послѣ этого разговора,—и затѣмъ онъ словно летитъ въ бездну, катится съ горы все быстрѣе и быстрѣе, подхваченный нестерпимымъ, все наростающимъ порывомъ отчаянія, вплоть до послѣдней катастрофы, ужасной сцены борьбы и смерти въ истомъ логовѣ разврата.

Повидимому, эта, именно, сцена и вызываетъ наибольшія нареканія на автора своимъ реализмомъ съ одной стороны, съ другой — недостаточной психологической обоснованностью. Начнемъ съ послѣдняго упрека, котораго мы совершенно не раздѣляемъ. Въ настроеніи несчастнаго юноши, въ которомъ онъ уходитъ изъ дому, гдѣ все гнететъ его, усиливая его отчаяніе, вы уже чувствуете неизбѣжность трагическаго конца. Онъ уже не вернется назадъ, если его не спасетъ чудо, но чудесъ въ наши дни не бываетъ, а на улицѣ большого города онъ встрѣчаетъ именно то, что послужило началомъ его паденія и что неизбѣжно должно было довершить его гибель. Поразительно вѣрна эта сцена, когда Павелъ въ туманѣ, уже во власти чудовища, охватившаго его своими цѣпкими лапами, бродитъ подъ окнами дома своей «чистой любви» и упивается злобными представленіями, какъ бы встрѣтила его она, его, развратнаго, грязнаго, зараженнаго, какъ онъ думаетъ, неизлѣчимой, ужасной болѣзнью. Онъ ясно видитъ Катю Реймеръ: «какъ она, чистая и невинная, сидитъ среди чистыхъ людей и улыбается, и читаетъ хорошую книгу, и ничего не знаетъ объ улицѣ, въ грязи и холодѣ которой стоитъ погибающій человѣкъ. Она чистая и подлая въ своей чистотѣ; она, быть можетъ, мечтаетъ сейчасъ о какомъ-нибудь благородномъ героѣ, и если бы вошелъ къ ней Павелъ и сказалъ: «Я грязенъ, я боленъ, я развратенъ, и оттого я несчастенъ и умираю; под-

держи меня!»—она брезгливо отвернулась бы и сказала: «Ступай! Мнѣ жаль тебя, но ты противенъ мнѣ. Ступай!» И она заплакала бы; она, чистая и добрая, она заплакала бы... прогоняя. И милостынею своихъ чистыхъ слезъ и гордаго сожалѣнія она губила бы того, кто просилъ ее о человѣческой любви, которая не оглядывается и не боится грязи».

Только представимъ себѣ эту больную душу, уже помутнѣвшій отъ ужаса умъ и воображеніе, юное, возбужденное, рисующее въ изступленіи картины, одна другой ужаснѣе и печальнѣе, и мы поймемъ, что все послѣдующее развертывается съ неумолимой неизбѣжностью. Въ представленіи своемъ отвергнутый той, которая сіяетъ для него и въ эту минуту, какъ «чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ», смертельно оскорбленный ея «горделивой милостыней», онъ идетъ за первой встрѣчной падшей женщиной. «И съ вѣжливостью, въ которой былъ вызовъ, насмѣшка и слезы *смертельнаго* отчаянія, онъ сказалъ:

«— О, божественная! вы такъ хотите моихъ страстныхъ ласкъ?

«Женщинѣ показалось обидно...»

Здѣсь мы прекращаемъ выписки, ибо пришлось бы выписать всю заключительную сцену, чтобы шагъ за шагомъ показать, какъ психологически вѣрно прослѣжена художникомъ вся исторія катастрофы, ея постепенное приближеніе, наростаніе и страшный конецъ.

Да, описаніе здѣсь реально, до того художественно-правдиво, что минутами испытываешь такое ощущеніе, какъ будто самъ при этомъ присутствуешь. И не намъ возмущаться реализмомъ, въ которомъ нѣтъ ничего смакующаго, специфическаго, что такъ нравится многимъ, а есть только правда жизни, въ данномъ мѣстѣ неизбѣжная.

Павелъ Рыбаковъ погибъ, и художникъ изобразилъ въ превосходной картинкѣ исторію его паденія и гибели. Но зачѣмъ онъ взялъ такой сюжетъ? Какъ смѣлъ онъ коснуться такъ безцеремонно той стороны жизни, о которой не принято говорить... Въ гостиныхъ? Конечно, но русская литература никогда и не была «салонной».

Общество — вотъ чей судъ важенъ, и его приговоръ, мнѣ кажется, можетъ быть только одинъ: художникъ за свою смѣлость заслуживаетъ высшей благодарности. Ибо если бы это было иначе, общество дѣйствительно уподобилось бы той Катѣ Реймеръ, какъ ее представляетъ себѣ Павелъ Рыбаковъ въ моментъ полнаго отчаянія: «чистая и *подлая* въ своей чистотѣ». И какъ Катя Реймеръ въ дѣйствительности совсѣмъ не такова и не такъ отнеслась бы къ злополучному Павлу, такъ и общество, конечно, не можетъ не задуматься надъ представленнымъ ему изображеніемъ гибели хорошаго юноши, не сладившаго съ собой. Для всякаго отца и матери этотъ разсказъ—угроза и предостереженіе. Не всѣ, конечно, товарищи Павла Рыбакова, имя же имъ легіонъ, гибнутъ такъ жалко. Но сколько мукъ ими переживается, сколько исковерканныхъ характеровъ, болѣзненныхъ послѣдствій получается отъ того, что мы неискренни и неправдивы и сами съ собой, и съ своими дѣтьми. Почему родители, какъ этотъ отецъ въ разсказѣ,—послѣдніе, къ кому обращаются ихъ

дѣти въ трудныя минуты? И почему, какъ этотъ отецъ, они, даже догадываясь о какой-то трагедіи въ душѣ сына, не умѣютъ просто, по-человѣчески подойти къ нему, проявить ту любовь, «которая не оглядывается и не боится грязи»?

Мы, не колеблясь, отвѣчаемъ на эти вопросы—потому, что мы неискренни и боимся правды. Мы бродимъ «въ туманѣ», сумрачные и молчаливые, и охотнѣе вѣримъ, что все обстоитъ благополучно, хотя и знаемъ, что это ложь, и радуемся туману, который скрываетъ правду... Но если мы на минуту станемъ искренни и правдивы, мы должны быть благодарны художнику, который смѣло разсѣялъ туманъ и заставилъ насъ заглянуть хоть въ одинъ уголокъ жизни, гдѣ далеко не все обстоитъ благополучно.

И не героини-проповѣдницы тѣлесной чистоты, какъ перваго и главнаго условія счастья и нравственности жизни, внесутъ въ этотъ уголокъ освѣжающую атмосферу. Напротивъ, своимъ фанатическимъ credo — «раскаяніе не поможетъ, разъ чистота потеряна», онѣ могутъ только толкнуть безвозвратно на путь разврата несчастныхъ грѣшниковъ, именно, скорѣе несчастныхъ, чѣмъ порочныхъ, и еще менѣе неспособныхъ возстать изъ бездны паденія и очиститься. Что потеряно, то потеряно,—спору нѣтъ. Но нѣтъ паденія, для котораго не было бы спасенія. Для этого, прежде всего, нужна любовь, «которая не оглядывается и не боится грязи».

Нужно помнить еще старое и мудрое правило,—гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно. И вспомнивъ, широко и настежь открыть ей и двери, и окна, чтобы въ затхлую среду современной семьи вошла свѣтлая, вѣчно радостная, цѣломудренная природа, внеся туда и свою свѣжесть, и свою чистоту. Путемъ совмѣстнаго воспитанія, товарищеской жизни, въ дружной работѣ бокъ-о-бокъ, наши юноши и дѣвушки помогутъ другъ другу сохранить свою чистоту и создадутъ то цѣломудренное будущее, о которомъ мечтала Вѣра. Побольше довѣрія къ юности, побольше уваженія къ ней и, главное, правды и искренности въ отношеніяхъ,—и будущее это не такъ ужъ далеко.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Сорокалѣтіе «Ясной Поляны». Въ прошломъ году исполнилось 40 лѣтъ со времени основанія гр. Л. Н. Толстымъ журнала «Ясная Поляна». Напомнивъ объ этомъ юбилеѣ, «Приазовскій Край» воспроизводитъ между прочимъ объявленіе, съ которымъ выступилъ въ газетахъ гр. Толстой, предпринимая изданіе журнала. Въ этомъ объявленіи въ первый разъ печатно выражены были тѣ основныя педагогическія воззрѣнія великаго писателя, изъ-за которыхъ потомъ происходила ожесточенная полемика и въ прессѣ, и въ педагогическихъ обществахъ. Объявленіе начиналось слѣдующими словами:

«Объ изданіи новаго журнала съ перваго января 1862 года въ сельцѣ Ясной Полянѣ, Тульской губерніи, Крапивенскаго уѣзда, будетъ издаваться ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ «Ясная Поляна».

Въ примѣчаніи гр. Толстой объявлялъ, что «занятія по должности мирового посредника поставили, противъ его ожиданія, въ необходимость открыть изданіе «Ясной Поляны» не съ 1-го октября 1861 г., какъ предполагалось, а съ 1-го января 1862 г. по общему обычаю». «Ежемѣсячное изданіе будетъ состоять изъ двухъ отдѣльныхъ выпусковъ: школа «Ясной Поляны» и книжки «Ясной Поляны». Школа будетъ заключать въ себѣ статьи педагогическія. Книжки будутъ содержать статьи народныя, т.-е. удобопонятныя и занимательныя для народа. Вотъ вся наша программа, съ тою лишь особенностью что, по нашему убѣжденію, педагогика есть наука опытная, а не отвлеченная, и что для народа, по выраженію Песталоцци, самое лучшее только какъ разъ въ пору».

Заявивъ затѣмъ, что «почти всѣ руководства школъ дурны, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что и по существующимъ плохимъ руководствамъ въ большей части школъ ученіе идетъ успѣшно», «редакторъ и издатель графъ Л. Толстой» разъясняетъ это «кажущееся страннымъ противорѣчіе». Онъ говоритъ, что «успѣхъ ученія основанъ не на руководствахъ, а на духѣ, организаціи школъ, на томъ неуловимомъ вліяніи учителя, на тѣхъ отступленіяхъ отъ руководствъ, на тѣхъ ежеминутно измѣняемыхъ въ планѣ пріемахъ, которые исчезаютъ безъ слѣда, но которые и составляютъ сущность успѣшнаго ученія». Сотрудничать въ журналѣ приглашались учителя, которые смотрятъ на свое занятіе «не только

какъ на средство существованія, не только какъ на обязанность обученія дѣтей, но и какъ на область испытанія для науки педагогики». Ибо: «Не философскими откровеніями въ наше время можетъ подвинуться наука педагогики, но терпѣливыми и упорными повсемѣстными опытами. Не философомъ-воспитателемъ и открывателемъ новой педагогической теоріи долженъ быть каждый преподаватель, но добросовѣстнымъ и трудолюбивымъ наблюдателемъ, въ извѣстной степени умѣющимъ обобщать свои наблюденія».

Въ программу журнала былъ внесенъ также вопросъ о народной литературѣ. При этомъ было высказано убѣжденіе, что «для того, чтобы писать книги для народа, нужно болѣе, чѣмъ необыкновенный талантъ и кабинетное изученіе народа, нужно живое сужденіе самого народа, нужно, чтобы назначаемыя для него книги были имъ самимъ одобряемы».

Восточный институтъ. На крайнемъ востокѣ россійской имперіи, въ г. Владивостокѣ создалось и существуетъ и по сіе время высшее учебное заведеніе, о просвѣтительной дѣятельности котораго, однако, приходится слышать слишкомъ мало или даже и вовсе не приходится слышать. Съ особеннымъ интересомъ, поэтому, мы прочитали въ «Восточномъ Обозрѣніи» корреспонденцію, посвященную характеристикѣ Восточнаго института.

«Наша школа,—пишетъ корреспондентъ,—не имѣетъ представителей отъ науки и преслѣдуетъ такъ называемыя практическія задачи. Такъ, институтъ издаетъ «Лѣтопись Дальняго Востока», т.-е. извлеченія и переводы изъ тихоокеанской прессы, которыя два года тому назадъ умѣло и содержательно велись въ Хабаровскѣ, а теперь являются процѣженными чрезъ «профессорскую» цензуру, потерявшими яркій свой колоритъ, отличающій первоисточники, и съ опозданіемъ на 5—6 мѣсяцевъ, когда все интересное давно уже использовано и разъяснено столичною прессою... Но на это изданіе институтъ получаетъ казенную субсидію. Институтъ представляетъ изъ себя отдѣленіе, такъ сказать, «таможни мысли и слова», т.-е. цензурное учрежденіе для произведеній на тибетскомъ, манчжурскомъ, монгольскомъ, японскомъ, корейскомъ и китайскомъ языкахъ; исчисленныя народности имѣютъ у насъ особую привилегію, и ихъ выходцы за время пребыванія у насъ отъ тлетворнаго вліянія національной письменности и моральной порчи оберегаются профессорскою коллегіей. Что это за Сизифовъ трудъ?! Сколько онъ долженъ поглощать времени? Развѣ только, что студенты ради упражненія помогаютъ! По отчету за истекшій годъ процензуровано свыше милліона экземпляровъ печатныхъ произведеній (кстати сказать, задержано и запачкано, по счету профессорской коллегіи, 714 экземпляровъ), но за такой трудъ ассигнуется спеціальное вознагражденіе.

«Этого мало. Молодые люди, исправляющіе должность профессоровъ, недавно сами вышедшіе со школьной скамьи, такъ полны энергіи, что не спѣшатъ изданіемъ научныхъ трудовъ по спеціальностямъ, а набираютъ себѣ еще новыя платныя обязанности; напримѣръ, профессоръ Скальвинъ замѣняетъ эконома въ студенческомъ общежитіи и, кромѣ того, беретъ себѣ тысячное жалованье, на-

значенное по смѣтѣ лектору-китайцу, который упражнялъ бы студентовъ въ внѣучебное время въ бесѣдѣ на китайскомъ языкѣ. Хотя г. Скальвинъ этихъ бесѣдъ не ведетъ, но за то взялъ на себя обязанность, такъ сказать, субъинспектора, слѣдить за поведеніемъ учащихся, чего, по мнѣнію конференціи института, нельзя поручить лектору-китайцу по неразвитости его.

«И при такихъ сложныхъ обязанностяхъ гг. профессора института находятъ время еще преподавать нѣкоторые предметы въ мѣстной гимназіи (напр., англійскій языкъ) приватно, но за плату.

«Въ 1902 году открытъ четвертый курсъ института, и учрежденіе работаетъ уже въ полномъ составѣ: всѣ кафедры замѣщены. Число студентовъ невелико, около 65 человѣкъ на всѣхъ курсахъ; но, кромѣ того, имѣются вольнослушатели, и среди нихъ до 40 человѣкъ офицеровъ».

Во Владивостокѣ, очевидно, слишкомъ хорошо знаютъ о постановкѣ учебнаго дѣла въ Восточномъ институтѣ, и популярностью въ городѣ онъ не пользуется. Очень характернымъ въ этомъ смыслѣ является тотъ фактъ, что изъ числа окончившихъ мѣстную гимназію никто не пожелалъ продолжать занятія въ институтѣ, а всѣ поѣхали въ университеты и въ технологическій институтъ.

О томъ, что и какъ читаютъ своимъ слушателямъ профессора института, можно судить по тому, что корреспондентъ считаетъ прямо-таки исключительно-отрадною лекцію Кохановскаго на тему «О современномъ состояніи финансовъ Японіи». «Отрадно,—пишетъ корреспондетъ, — было не слышать шовинистическаго кликушества о разложеніи японской культуры, ея будто бы несамостоятельности, а, напротивъ, почерпнуть изъ словъ профессора вѣру въ мощь и развитіе молодой страны, ея правъ на званіе передовой, великой державы въ водахъ Великаго океана».

Астраханское упорство. Сотрудникъ «Астраханскаго Вѣстника» г. Ш. извлекъ изъ архива мѣстной ремесленной управы интересный документъ, повѣствующій о томъ, съ какимъ упорствомъ астраханцы уклонялись отъ изготовленія для себя орудій тѣлеснаго наказанія. 26-го февраля 1840 года между астраханскимъ губернскимъ правленіемъ, городскою полиціей и ремесленною управой возникла секретная переписка по слѣдующему поводу.

Въ ярмарку того года въ Астрахани было получено циркулярное предписаніе о заготовленіи для нуждъ губерніи новыхъ орудій тѣлеснаго наказанія, вмѣсто тѣхъ употреблявшихся, которыя должны быть уничтожены. При предписаніи были и образцы орудій: 1) кнутъ съ ремнемъ, 2) слѣдующіе къ нему пятнадцать концовъ, 3) плеть ременная, 4) большой притяжной ремень, 5) ручной притяжной ремень и по три штемпеля, В. О. Р.

Препровождая образцы въ полицію, губернское правленіе писало: «Заготовить по онымъ таковыя же точно орудія тѣлеснаго наказанія какъ для себя (!), такъ и для полиціи черноярской, енотаевской и красноярской...»

Городская полиція послала увѣдомленіе въ ремесленную управу, чтобы

послѣдняя отрядила «сыромятнаго» старшину, но такъ какъ особаго сыромятнаго цеха нѣтъ, то ремесленная управа прислала сыромятныхъ дѣлъ мастера. Послѣдній далъ полиціи письменный отзывъ, что «орудія тѣлеснаго наказанія» дѣлать не можетъ.

Вызвали другого мастера. Этотъ далъ такой же отзывъ: «Сихъ орудій сдѣлать не могу; что показалъ правду, въ томъ подписываюсь».

Призвали третьяго, подмастерья Г. Н. Сорокина. Этотъ написалъ: «Показанные мнѣ образцы орудій тѣлеснаго наказанія, какъ-то: кнутъ, плеть и проч.—сдѣлать не могу».

Положеніе казалось безвыходнымъ, тѣмъ болѣе, что губернское правленіе написало уже одно подтвержденіе поспѣшить съ окончаніемъ сего дѣла.

Пришлось вновь обратиться въ ремесленную управу. Послѣдняя не стала скрывать истины и разъяснила, что она приглашала въ самое присутствіе нѣсколько мастеровъ сыромятнаго дѣла, и всѣ они отказались сдѣлать орудія. Тогда управа задалась вопросомъ: не сдѣлаютъ ли ихъ рабочіе-подмастерья? Оказалось, что сдѣлать могутъ, хотя тоже отказываются.

Время шло и благодаря упрямству астраханскихъ мастеровъ, задерживалось введеніе въ употребленіе новыхъ орудій тѣлеснаго наказанія. Военный губернаторъ, узнавъ объ этомъ, обратился къ московскому и черезъ его посредство заказалъ орудія купцу Бѣляеву. Орудія московской работы и употреблялись съ 40-хъ годовъ во всей Астраханской губерніи.

На Хитровомъ рынкѣ. Графиня В. Бобринская разсказываетъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о впечатлѣніяхъ, полученныхъ ею при посѣщеніи знаменитаго въ Москвѣ Хитрова рынка.

«Громадныя каменныя зданія, окружающія площадь Хитрова рынка, днемъ не такъ кишатъ народомъ, какъ сама площадь. Посреди нея возвышается крытая желѣзная галлерея—единственное убѣжище бѣднаго люда въ ненастье. Густая толпа обычныхъ посѣтителей рынка толчется тутъ; мальчишки играютъ въ орлянку, старьевщики шмыгаютъ и вымѣниваютъ одно грязное тряпье на другое, еще болѣе отвратительное. Вся жизнь хитровца проходитъ на этой площади. Здѣсь въ харчевнѣ онъ за одну-двѣ копѣйки сможетъ поддержать свое скудное существованіе; рядомъ за 5 коп. онъ можетъ найти ночлегъ вповалку съ другими, такими же грязными, какъ онъ самъ, въ атмосферѣ, испорченной человѣческимъ дыханіемъ и зловонными испареніями мокрой одежды, счастливый, если ночь прошла безъ того, чтобы его, дрожащаго отъ сырости и холода, не выгналъ полицейскій обходъ на улицу. Мужчины и мальчики—въ одномъ помѣщеніи; женщины и дѣти—въ другомъ. Мнѣ разсказывали про одного найденнаго въ ночлежномъ пріютѣ мальчика, у котораго глаза болѣли отъ того, что вши ему изъѣли всѣ рѣсницы. Въ харчевняхъ, въ которыхъ питается хитровецъ, пища, можетъ быть, благодаря тому, что слѣдитъ полиція, не такъ дурна, какъ можно было бы ожидать, и за 2 коп. можно не умереть

съ голода. Большое помѣщеніе занимаетъ столовая общества трезвости, вмѣщающая до 300 человѣкъ, и про нее ничего нельзя было бы сказать, кромѣ хорошаго, если бы не била въ глаза ея, вѣроятно, необходимая въ оффиціальномъ учрежденіи, обстановка. Тутъ обѣдающимъ нищимъ прислуживаетъ прислуга въ формѣ общества трезвости, съ кокардой сбоку и съ серебрянымъ галуномъ на обшивкахъ; въ такой же формѣ гуляютъ и надзираютъ барышни общества трезвости, директоръ, помощники директора. Въ чайной общества трезвости воздухъ такъ плохъ, что я, не замѣтивъ при обходѣ всѣхъ харчевенъ Хитрова рынка особенной тяжести, тутъ не могла пробыть нѣсколькихъ секундъ. Въ смыслѣ ѣды хитровцы обставлены сносно; ужасное же зло, это—ночлегъ. Когда вечеромъ или ночью вы входите въ ночлежный пріютъ, вы испытываете удручающее впечатлѣніе. Въ затхлой атмосферѣ, въ которой едва горитъ керосиновая лампочка, на голыхъ нарахъ лежитъ вповалку масса женскихъ тѣлъ, подложивъ подъ голову только свою руку. Здѣсь рядомъ съ грубыми лицами, не утратившими даже и во снѣ вызывающаго или циничнаго выраженія, вы видите и такія кроткія, молодыя, почти дѣтскія лица, что васъ беретъ ужасъ, когда вы вспомните, что̀ ожидаетъ ихъ днемъ и какою цѣною покупаютъ онѣ, почти дѣти, право на этотъ незавидный покой. Пока я совсѣмъ не касалась мужского населенія, а потому не могу ничего сказать о немъ. Въ коечныхъ квартирахъ въ д. Румянцева привелось мнѣ видѣть ихъ, но немного. Тамъ у старухи-хозяйки за поставленными жидкими перегородками кишитъ жизнь. Я была въ каморкѣ у старьевщика: что̀ за лохмотья только висятъ и лежатъ тамъ! При мнѣ торговала женщина халатъ, до того ветхій, что уже не было возможности его сбыть; темно-сѣрая гнилая вата торчала изъ него отовсюду, и эта-то вата должна была пойти на ситцевыя одѣяла, стежкой и продажей которыхъ женщина эта жила. Къ чему всѣ наши законы о дезинфекціи! Не могу не коснуться тутъ вѣчнаго и неразрѣшеннаго до сихъ поръ вопроса объ эксплуатаціи труда. Женщина эта, работая весь день и вырабатывая въ день по одному одѣялу, продаетъ его за 30 к., едва зарабатывая копѣекъ 8—9 въ день (остальное идетъ за матеріалъ); а на рынкѣ вы не купите этого одѣяла менѣе 80-ти коп. Такъ и все. Захватывая, гдѣ только можно, работы для нашего ремесленнаго пріюта, мы на дѣлѣ узнали, что̀ платятъ магазины поденщицамъ за ихъ трудъ. Молодая, здоровая поденщица еще кое-какъ можетъ заработать на пропитаніе и ночлегъ, но какъ только старость или болѣзнь ослабитъ ея силы, она, какъ бѣлка въ колесѣ, будетъ вертѣться и все-таки окажется въ необходимости для прожитія пополнять заработокъ свой милостыней или кражей. Когда я говорю «прожитіе», я имѣю въ виду только ночлегъ и ѣду; на обувь, на платье, на что-нибудь другое ничего не остается. Поэтому, нужно видѣть, какъ хитровцы одѣты; дальше Хитрова рынка многія женщины не могутъ пойти,—имъ идти не въ чемъ. Ужасно на Хитровомъ рынкѣ и то, что рядомъ съ отчаянною нищетой и неразлучнымъ съ нею нравственнымъ паденіемъ вы видите временно проживающія почтенныя рабочія семьи, дѣти которыхъ (вы всегда ихъ отличите отъ

хитровскихъ дѣтей) толкутся среди этого несчастнаго вертепа; а кто не знаетъ силы примѣра и привычки?

«Послѣ 3-хъ часовъ дня все населеніе Хитрова рынка навеселѣ, и когда вы разсмотрите ихъ жизнь, то найдете это естественнымъ. Большинство населенія Хитрова рынка притуплено и разбито. Я никогда не слышала возмущенія на свою судьбу или выраженія негодованія на болѣе счастливыхъ и богатыхъ людей. Покорность—результатъ отчаянія, апатія—отличительная черта хитровца.

«Каждый день, уѣзжая съ Хитрова рынка, переживаемъ мы одно и то же ошеломляющее впечатлѣніе. Часовъ въ 5 вечера Хитровъ рынокъ едва освѣщенъ газовыми рожками. Мрачно выглядываютъ вокругъ большіе неуклюжіе дома; окна ихъ; хотя и всѣ, слабо освѣщены. Женское молодое населеніе, скрывающееся обыкновенно днемъ, высыпаетъ уже на улицу на промыселъ. За 5 коп.,—оплата ночлега,—онѣ пристаютъ къ мужчинамъ, и все это наивно и нагло заполняетъ всѣ тротуары и всю улицу, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ; по временамъ слышны охриплые отдѣльные возгласы пьяныхъ или хитро-жалобная мольба Христа ради хитровскаго ребенка. Мы садимся въ сани, проѣзжаемъ переулокъ, и вдругъ освѣщенные магазины, оживленіе, электричество, нарядная (по контрасту), благообразная толпа, конки, смѣхъ, веселье, жизнь. А сейчасъ?.. И такъ контрастъ этотъ ошеломляющъ, такъ разителенъ!»

Личный составъ Сибирской желѣзной дороги. Пользуясь изслѣдованіемъ, составленнымъ В. Е. Свентянинымъ по даннымъ пенсіонной кассы и переписи служащихъ 1899 и 1901 гг., «Сибирская Жизнь» знакомитъ съ личнымъ составомъ служащихъ Сибирской желѣзной дороги. Число служащихъ, достигая 20-ти тысячъ, и само по себѣ, замѣчаетъ газета, замѣтный количественный фактъ въ малонаселенной окраинѣ. По отношенію же къ массѣ сибирскаго населенія, мало культурнаго, примитивнаго въ своемъ міросозерцаніи, эти двадцать тысячъ представляютъ собой до нѣкоторой степени интеллигенцію, вольно или невольно, но вліяющую на окружающій міръ. Вліяніе это тѣмъ болѣе возможно, что дорога прорѣзываетъ край на пространствѣ 3.046 верстъ, съ составомъ служащихъ, слѣдовательно, соприкасается огромное количество мѣстнаго населенія, болѣе и болѣе тяготѣющаго къ линіи.

Считая штатныхъ и нештатныхъ служащихъ и рабочихъ съ ихъ женами и дѣтьми, количество имѣющихъ связь съ желѣзной дорогою можно опредѣлить въ 56 тыс. чел., если же прибавить сюда проживающихъ при служащихъ родственниковъ и прислугу, всѣхъ подрядчиковъ и поставщиковъ съ ихъ семьями и рабочими, получится, что Сибирская дорога ежегодно прокармливаетъ около 73 тыс. чел. Мѣстное населеніе въ составѣ служащихъ сибирской линіи составляетъ лишь 16,1%. Трудно представить себѣ учрежденіе, въ личный составъ котораго входила бы такая масса различныхъ профессій, какъ на Сибирской желѣзной дорогѣ; однако, подавляющее большинство служащихъ 3.985 ч.

на 11.112, относительно коихъ производились наблюденія въ 1899—1901 гг. до поступленія на дорогу не имѣло опредѣленныхъ занятій.

Образовательный цензъ агентовъ дороги характеризуютъ слѣдующія цифры. Изъ 11.112 челов., находившихся подъ наблюденіемъ, 123 или 1,2% получили высшее образованіе, 473 или 4,5%—среднее, 4.376—низшее, 3.829—домашнее и 2.311 чел. зарегистровано неграмотными.

Невысокій образовательный цензъ не препятствуетъ многимъ агентамъ получать довольно высокіе оклады. Есть случаи, что даже должности съ содержаніемъ свыше 3.600 р. занимаютъ лица, не получившія никакого образованія. На жалованіи отъ 3.600 р. до 2.400 р. состоитъ болѣе 40% лицъ, получившихъ низшее образованіе, на окладахъ отъ 1.200 р. до 1.800 р. преобладаютъ лица, не окончившія курса сельскихъ школъ. Больнымъ вопросомъ на дорогѣ и въ особенности въ центральномъ управленіи являются служащіе ссыльные. Процентное отношеніе ихъ къ общему числу находившихся подъ наблюденіемъ опредѣляется въ 7,7%. Служащихъ, сосланныхъ за убійство, грабежи и насилія, насчитывается 597 челов. Сплошь и рядомъ встрѣчаются такія ненормальныя явленія, когда ночные сторожа, сторожа охраны грузовъ на восточномъ участкѣ дороги значатся сосланными за грабежи, насилія и пр.

Не одни убійства, грабежи и насилія въ прошломъ агентовъ нашей дороги; данныя о причинахъ ихъ ссылки позволяютъ вывести заключеніе, что даже юристу трудно бы было указать преступленіе, адепты котораго не находились бы въ составѣ служащихъ сибирской линіи. Максимальный окладъ, получаемый ссыльными, 2.400 р., въ среднемъ онъ колеблется отъ 300 до 900 р.

Оклады Сибирской дороги, будучи значительно выше таковыхъ же на другихъ дорогахъ, привлекаютъ въ Сибирь массу людей, скоро, однако, разочаровывающихся и уходящихъ.

Частая увольняемость представляетъ собою рѣзко выдающееся явленіе въ жизни дороги.

Въ 1898, 1899 и 1900 гг. уволилось съ дороги 11.440 челов. Эту массовую увольняемость очеркъ г. Свентянина объясняетъ неблагопріятными условіями службы, климатическими невзгодами, отдаленностью и некультурностью края, дороговизною и неудобствами жизни. Служащіе страдаютъ отъ морозовъ, жаровъ и сырости. Есть станціи, куда вода доставляется въ тендерахъ отъ сосѣдей и ведрами разносится по квартирамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ни за какія деньги ничего достать нельзя, одинъ агентъ, напр., никакъ *не могъ достать молока для ребенка и поилъ его сахарною водицей* (sic). Остро сказывается жилищная нужда. Казенныхъ квартиръ или нѣтъ совершенно, или же люди тѣснятся съ семьями въ одной-двухъ комнатахъ, при невозможныхъ гигіеническихъ условіяхъ.

Отсутствіе интеллигентнаго общества, полная невозможность удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей дѣлаютъ жизнь крайне однообразною, скучною, томительною. Отсюда излишнее употребленіе спиртныхъ напитковъ и карточная игра, получившія на дорогѣ права гражданства.

Такова въ общихъ чертахъ физіономія и жизнь дѣятелей Великаго Сибирскаго пути. Онѣ неутѣшительны. Составъ дѣятелей ни въ какомъ смыслѣ нельзя признать удовлетворительнымъ. Не признаетъ его такимъ и самъ составитель очерка.

На стр. 7-й читаемъ: «Цѣлыя полчища неудачниковъ, гонимыхъ, потерпѣвшихъ на другихъ линіяхъ, оставленныхъ тамъ за бортомъ, какъ элементъ, мало удовлетворяющій даже скромнымъ требованіямъ, движутся на Сибирскую желѣзную дорогу въ надеждѣ получить «хорошій окладъ».

Итакъ, значительная часть служащихъ на Сибирской желѣзной дорогѣ, съ одной стороны, ссыльные, малообразованные элементы, съ другой—оказавшіеся негодными на прочихъ дорогахъ. На стр. 10-й опять-таки читаемъ: «Пестрота профессій не можетъ не отражаться неблагопріятнымъ образомъ на продуктивности той работы, которую должны нести агенты, берущіеся за спеціальное дѣло безъ всякихъ данныхъ, безъ какой-либо подготовки». Несостоятельны, значитъ, служащіе дороги и въ спеціальномъ отношеніи.

Всѣ основанія думать, что важное желѣзнодорожное дѣло находится въ малонадежныхъ рукахъ. Съ большимъ прискорбіемъ газета констатируетъ такой фактъ. Желѣзной дорогѣ населеніе ввѣряетъ свои жизнь, здоровье, имущество и въ правѣ ждать и требовать бо̀льшихъ гарантій, чѣмъ могутъ дать и даютъ агенты дороги, невѣжественные, съ темнымъ и порочнымъ прошлымъ. Само собою разумѣется, что и краю нѣтъ резона ждать отъ нихъ какихъ-либо положительныхъ культурныхъ воздѣйствій, напротивъ, почти неизбѣжны деморализующія вліянія.

Газета утѣшаетъ себя надеждой, что неудовлетворительность личнаго состава Сибирской желѣзной дороги — «явленіе преходящее, что съ теченіемъ времени составъ этотъ будетъ улучшаться, дорога обезпечитъ себя достаточнымъ количествомъ вполнѣ правоспособныхъ агентовъ, могущихъ и съ краемъ стать въ въ болѣе тѣсныя и безкорыстныя отношенія, а это, содѣйствуя правильности и продуктивности функцій дороги, обусловитъ ея культурное значеніе, т.-е. самое насущное».

Отъ всей души желаемъ, чтобы эти надежды газеты не были обмануты, хотя при данныхъ условіяхъ мы рѣшительно не видимъ, какимъ путемъ эти надежды могутъ быть осуществлены.

Забытыя могилы. Та же газета посвящаетъ нѣсколько теплыхъ строкъ «забытымъ могиламъ» скончавшихся въ Тобольскѣ декабристовъ.

Въ г. Тобольскѣ, на находящемся за городомъ кладбищѣ по дорогѣ къ возвышающейся среди послѣдняго церкви, на лѣвой сторонѣ, на пригоркѣ стоятъ два желѣзные памятника. Нижняя часть ихъ имѣетъ видъ большихъ ящиковъ въ полтора аршина вышиной и столько же въ длину. Эти «пьедесталы» увѣнчаны массивными чугунными крестами, на одномъ изъ которыхъ имѣется распятіе. Здѣсь лежатъ тѣла извѣстныхъ декабристовъ—Александра Михайло-

вича Муравьева и Фердинанда Борисовича Вольфа. Немного далѣе за кустами, какъ бы скрывающими что-то отъ людскихъ взоровъ, находится третій памятникъ декабриста Кюхельбеккера.

Изъ надписи, находящейся на памятникѣ А. М. Муравьева, гдѣ также схоронена дочь послѣдняго Лида, четырехъ лѣтъ, видно, что онъ поставленъ дѣтьми покойнаго декабриста.

Памятники начинаютъ уже рушиться, они замѣтно садятся въ землю, боковыя плиты проваливаются, а отъ бывшей здѣсь нѣкогда вокругъ этихъ памятниковъ желѣзной рѣшетки остались лишь ея обломки. И нѣтъ никого, кто бы привелъ эти могилы въ приличный видъ.

Всѣмъ извѣстны, замѣчаетъ «Сибирская Жизнь», благородныя натуры этихъ людей, искупившихъ свое юношеское увлеченіе годами долголѣтней ссылки и проведшихъ половину своей жизни въ рудникахъ и на далекой восточной окраинѣ. Они вездѣ оставили по себѣ дорогія для каждаго, кому приходилось съ ними сталкиваться, воспоминанія. Даже тамъ, на далекой окраинѣ, примирившись съ выпавшимъ на ихъ долю тяжелымъ жребіемъ, они не угасили въ себѣ живого духа и были тѣми свѣточами, которые свѣтятъ человѣку на его темномъ пути. О гуманной дѣятельности штабъ-лекаря Ф. Б. Вольфа въ Иркутскѣ старики вспоминаютъ и по сіе время.

Извѣстно, что какъ А. М. Муравьевъ, такъ и Ф. Б. Вольфъ первоначально были поселены въ мѣстечкѣ Урикъ, находящемся всего въ 17 верстахъ отъ гор. Иркутска. Въ концѣ 40-хъ годовъ А. М. Муравьеву было позволено перемѣнить свое мѣстожительство на г. Тобольскъ, гдѣ амнистированный декабристъ, поступивъ на службу въ губернское правленіе, къ концу своей жизни занималъ уже должность совѣтника. Скончался онъ въ половинѣ 50-хъ годовъ.

Свѣдѣнія, сохранившіяся среди старожиловъ относительно пребыванія декабристовъ въ гор. Тобольскѣ, крайне скудны и почти ограничиваются обыкновенно только указаніемъ на дома, принадлежавшіе въ свое время декабристамъ. Это, прежде всего, тотъ домъ, который находится въ нагорной части на Петропавловской улицѣ, гдѣ въ данное время помѣщается причтъ соборной церкви. Другой домъ, на углу Рождественской и Б. Архангельской улицъ, принадлежавшій декабристу Фонвизину, въ настоящее время отдѣланъ почти заново. Но замѣчательно свѣжо хранятся воспоминанія о благородныхъ и самоотверженныхъ натурахъ женъ декабристовъ, пожелавшихъ раздѣлить выпавшій на долю ихъ супруговъ тяжелый жребій, тѣхъ самыхъ удивительныхъ женщинъ, свѣтлой личности которыхъ Н. А. Некрасовъ посвятилъ свою извѣстную поэму.

За мѣсяцъ. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 19-го ноября опубликовано слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

«4-го ноября рабочіе расположенныхъ въ Ростовѣ-на-Дону въ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги, въ числѣ около 3.000 человѣкъ, неожиданно прекратили работы и предъявили управляющему дороги требованіе о сокраще-

ніи рабочаго дня, объ увеличеніи заработной платы, удаленіи нѣкоторыхъ тастеровъ и др., причемъ заявили, что до выполненія указанныхъ требованій работать не будутъ. Вслѣдствіе сего желѣзнодорожнымъ начальствомъ было объявлено, что заявленныя претензіи будутъ сообщены на разсмотрѣніе министра путей сообщенія. Въ теченіе первыхъ дней забастовки рабочіе вели себя сдержанно, въ виду чего никакихъ мѣръ противъ нихъ не принималось. 7-го ноября забастовавшимъ рабочимъ ростовскихъ мастерскихъ было объявлено распоряженіе министра путей сообщенія о томъ, что предъявленныя ими требованія оставлены безъ разсмотрѣнія, такъ какъ рабочіе добровольно покинули работы, не обратившись къ законнымъ способамъ для огражденія своихъ правъ. Поэтому рабочіе приглашались получить разсчетъ и искать работы въ другомъ мѣстѣ. При самомъ возникновеніи забастовки было замѣчено, что среди рабочихъ обращались печатныя прокламаціи съ надписью «Донской комитетъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», въ коихъ были приведены вышеупомянутыя требованія съ призывомъ къ забастовкѣ. Въ послѣдующіе дни распространеніе прокламацій усилилось, и движеніе рабочихъ перешло также на нѣсколько мастерскихъ, фабрикъ и заводовъ, въ виду чего 8-го ноября были задержаны пять человѣкъ зачинщиковъ и подстрекателей къ забастовкѣ, у коихъ при задержаніи было отобрано также значительное количество воззваній. 9-го и 10-го ноября сходки рабочихъ продолжались, причемъ мѣстомъ ихъ была избрана балка за Семерницкою частью города Ростова-на-Дону. На 11-е ноября желѣзнодорожнымъ начальствомъ былъ назначенъ окончательный срокъ забастовавшимъ рабочимъ, изъ коихъ желающіе рабочіе должны были приступить къ занятіямъ, а не желавшіе должны были получить разсчетъ. Въ тотъ же день были арестованы еще 6 человѣкъ агитаторовъ. Съ цѣлью воспрепятствовать рабочимъ снова собраться на сходку въ упомянутую балку, была приведена сотня казаковъ; тѣмъ не менѣе, 11-го ноября рабочіе съ утра стали собираться толпами по сторонамъ балки, не исполняя требованія полиціи и не желая расходиться. Въ теченіе дня конные казаки около 10 разъ пытались разогнать забастовавшихъ нагайками, а пѣшіе прикладами, но рабочіе осыпали ихъ градомъ камней, причемъ одинъ офицеръ получилъ ушибъ, 9 казаковъ ранены, въ томъ числѣ 2—тяжело, а околоточному надзирателю толпа разбила голову и сломала палецъ. Группируясь большими толпами, рабочіе позволяли себѣ глумиться надъ войсками, несмотря на предупрежденіе командира части, что онъ вынужденъ будетъ стрѣлять. Когда назойливость рабочихъ, продолжавшихъ бросать въ войска камни, достигла крайнихъ предѣловъ, полсотнѣ пѣшихъ казаковъ было приказано готовиться къ стрѣльбѣ, послѣ чего сдѣлано было 37 выстрѣловъ. Толпа бросилась бѣжать, оставивъ на мѣстѣ двухъ убитыхъ и девятнадцать раненыхъ, причемъ изъ числа послѣднихъ двое по доставленіи въ городскую больницу умерли. Забастовка въ ростовскихъ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги отозвалась и на рабочихъ мастерскихъ той же дороги, расположенныхъ при станціи Тихорѣцкой, вслѣдствіе чего рабочіе 15-го ноября утромъ прекратили работу, ушли изъ мастерскихъ и собрались на сходку. Затѣмъ

—

толпа, подстрекаемая къ безпорядкамъ прибывшими изъ Ростова вожаками, предъявила требованія, тожественныя съ тѣми, которыя были заявлены рабочими въ Ростовѣ. 16-го ноября начальствомъ Кубанской области было объявлено толпѣ забастовавшихъ о воспрещеніи всякаго рода сходокъ; тѣмъ не менѣе на слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, около 1.000 рабочихъ снова собрались на сходку и такъ какъ, несмотря на многократныя увѣщанія и приказанія, рабочіе не только не пожелали разойтись, но даже стали бросать въ войска камнями, причемъ ранили 12 казаковъ, а офицеру топоромъ разрубили кисть руки, то командиръ части, исчерпавъ всѣ средства усмирить безуміе толпы, вынужденъ былъ употребить въ дѣло сначала холодное, а потомъ огнестрѣльное оружіе, послѣ чего толпа была разсѣяна, причемъ съ ея стороны оказались два человѣка убитыми, 7 человѣкъ ранеными тяжело и 12—легко. Изъ числа оказавшихъ сопротивленіе войскамъ рабочихъ 102 человѣка задержаны. О причинахъ и обстоятельствахъ движенія рабочихъ въ сказанныхъ мастерскихъ, потребовавшихъ вмѣшательства войскъ, производится особое разслѣдованіе, къ коему въ качествѣ обвиняемыхъ привлечены подстрекатели и лица, задержанныя на мѣстѣ безпорядковъ».

— 6-го декабря опубликована Высочайшая телеграмма Государя Императора на имя г. министра внутреннихъ дѣлъ:

«Возвратите изъ Сибири сосланныхъ за студенческіе безпорядки. Пока имъ жить въ городахъ съ высшими учебными заведеніями не слѣдуетъ, но все-таки нужно позаботиться, чтобы возвращенные молодые люди оказались по возможности на попеченіи своихъ семей, въ обстановкѣ, пріучающей къ порядку».

Въ поясненіе телеграммы приведено слѣдующее правительственное сообщеніе:

«Изложенное Высочайшее повелѣніе касается 58 лицъ, водворенныхъ въ настоящее время въ Восточной Сибири. На основаніи же Высочайшаго повелѣнія 13-го минувшаго сентября, милость сія уже коснулась 62 лицъ, находившихся въ томъ же положеніи».

—По словамъ «Кіевской Газеты», изъ числа 90 бывшихъ студентовъ кіевскаго политехническаго института, уволенныхъ весною учебнаго года «на общемъ основаніи», 80 человѣкъ будутъ зачислены, согласно разрѣшенію министра финансовъ, обратно въ студенты института. Евреи принимаются въ размѣрѣ 15 проц.

—3-го декабря, около 9 часовъ утра, городъ Андижанъ, находящійся въ восточной части Ферганской области и насчитывающій до 50 тыс. жителей, однимъ подземнымъ ударомъ разрушенъ и превращенъ въ обломки. Не осталось ни одного зданія ни въ русской, ни въ туземной части города. Убитъ поручикъ Герцулинъ, смотритель мѣстнаго лазарета, два стрѣлка, трое дѣтей, свыше 100 туземцевъ. Ранены 17 стрѣлковъ и до 500 туземцевъ. Всѣ воинскія зданія, укрѣпленія, 150 домовъ русскаго города, около 9-ти тыс. домовъ туземцевъ, всѣ заводы, лавки обращены въ развалины. Населеніе перенесло бѣдствіе спокойно, покорно, и никакихъ безпорядковъ не было. Убытки очень большіе. По распоряженію губернатора, все русское населеніе и войска были расположены

частью въ вагонахъ, частью въ юртахъ. Для всѣхъ неимущихъ жителей, какъ русскихъ, такъ и туземцевъ, было организовано продовольствіе. Для руководствованія раскопками были вызваны немедленно саперы изъ Ташкента. Организованъ комитетъ возможной помощи нуждающимся. Медицинскій составъ усиленъ.

По сообщеніямъ газетъ, землетрясеніе продолжается (17-го дек.); въ Андижанѣ и окружающей мѣстности погибло до 4.500 человѣкъ, разрушенъ весь прилегающій участокъ желѣзной дороги. По Высочайшему повелѣнію ассигнованы значительныя суммы на удовлетвореніе первѣйшихъ нуждъ, а также посланъ отрядъ Краснаго Креста.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Вѣстникъ Европы»—ноябрь—декабрь. «Русская Мысль»—ноябрь; «Русское Богатство»—ноябрь.

Объ Америкѣ и американцахъ писалось у насъ такъ много, что казалось бы, трудно начинающему говорить объ этомъ предметѣ писателю не повторять вещей болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ, а читателю не проскучать надъ многочисленными «очерками» американской жизни», «замѣтками» о ней, «впечатлѣніями» отъ нея. Каемся: именно съ такими чувствами взглянули мы на заглавіе первой же статьи, которою открывается ноябрьская книжка «Вѣстника Европы». Посмотрѣвъ, однако, на многоговорящую подпись подъ статьей г. Мартенса, мы немедленно принялись за чтеніе статьи, во время котораго и испытали не мало хорошихъ минутъ. Не то, чтобы авторъ «Американскихъ впечатлѣній» сообщилъ намъ въ своей статьѣ много новаго, намъ дотолѣ неизвѣстнаго; нѣтъ, этого сказать нельзя, но «впечатлѣнія» г. Мартенса отъ его кратковременнаго пребыванія въ Новомъ Свѣтѣ до такой степени свѣжи, а отъ всего его простого, яснаго и проникнутаго горячею симпатіей къ государственному и общественному устройству Соединенныхъ Штатовъ очерка, вѣетъ такимъ сочетаніемъ глубины мысли и теплоты чувства, что, разъ принявшись за чтеніе «Американскихъ впечатлѣній», уже очень трудно отъ нихъ оторваться.

Толчкомъ, побудившимъ г. Мартенса къ исполненію его давнишняго желанія посѣтить Новый Свѣтъ, было полученіе имъ отъ президента старѣйшаго американскаго университета (The Jale Udiversity) въ Нью-Гавенѣ извѣщенія о пожалованіи ему этимъ университетомъ званія почетнаго доктора правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашеніе прибыть въ Нью-Гавенъ для церемоніи торжественнаго возведенія въ пожалованное званіе и принятія участія въ торжествахъ Уэльскаго университета, по случаю двухсотлѣтняго его юбилея.

Тепло и задушевно вспоминаетъ г. Мартенсъ о своихъ, начавшихся съ юныхъ лѣтъ, симпатіяхъ къ великому американскому народу. «Молодое поколѣніе тогдашней эпохи (шестидесятыхъ годовъ), — говоритъ онъ, — съ увлече-

ніемъ зачитывалось сочиненіями Alexis de Tocqueville («La democratie en Amerique») и Эдуарда Лабулэ («Paris en Amerique»). Въ этихъ классическихъ трудахъ была представлена увлекательная картина государственныхъ порядковъ Соединенныхъ Штатовъ и нравовъ и обычаевъ американскаго народа. Сѣверо-американская республика рисовалась, какъ идеальная страна гражданской свободы, самоуправленія и свободы мнѣнія, религіи, слова и печати. Эти американскіе порядки до такой степени отличались отъ порядковъ императорской Франціи, что французъ, прибывшій въ Америку, совершенно тамъ терялся, когда ему была предоставлена полная свобода вѣрить во что желаетъ, говорить, что желаетъ, и писать, что желаетъ. Французъ временъ Наполеона III-го до такой степени привыкъ находиться подъ правительственною опекою, которая все для него предусматривала, что впадалъ въ самыя смѣшныя положенія въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ каждый долженъ думать о себѣ и устраивать свою собственную судьбу по мѣрѣ силъ и способностей. И вотъ увлеченіе порядками, нравами и обычаями великой сѣверо-американской республики заставляли въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія всѣхъ европейскихъ защитниковъ большей свободы смотрѣть на эту страну, какъ на классическій образецъ широчайшей личной и политической свободы. Гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ сдѣлался синонимомъ съ человѣкомъ, пользующимся личною свободою, самодѣятельностью и самоуправленіемъ».

Г. Мартенсъ доказываетъ на протяженіи всей своей статьи, что, несмотря на внесенные жизнью къ такому взгляду коррективы, преклоненіе предъ порядками Америки сохраняетъ для него полный смыслъ и въ настоящее время.

Въ Америкѣ не мало неудобныхъ законовъ и обычаевъ. Такъ, таможенные порядки Соединенныхъ Штатовъ являются чѣмъ-то совершенно дикимъ для свободной страны. Остановившись подробно на ихъ описаніи, г. Мартенсъ добавляетъ, однако, слѣдующее:

«Только чрезвычайно меня удивило, какъ равнодушно относились сами американцы къ унизительной процедурѣ, которой они подвергались. Никто не возмущался и не находилъ возмутительными пріемы таможеннаго вѣдомства для увеличенія государственныхъ доходовъ. Когда я выразилъ одному американцу мое удивленіе по этому поводу, я получилъ отвѣтъ: «Мы сами сочинили законъ 1898 года и сами виноваты, если онъ плохъ и невыносимъ».

«Въ этихъ словахъ выражается характеристическая общая черта американскаго народа: безропотное подчиненіе законамъ. Весьма часто я удивлялся безропотности, съ которою американцы подчиняются всякимъ законамъ и распоряженіямъ законныхъ властей. Это чувство закономѣрности объясняется сознаніемъ американца, что онъ самъ участвуетъ въ изданіи всѣхъ законовъ и въ установленіи законныхъ властей. Если эти законы или власти плохи, то онъ са́мъ виноватъ, ибо законы издаются конгрессомъ, члены котораго избираются народомъ, а власти, издающія глупыя распоряженія, избираются тѣмъ же народомъ. Вотъ почему американцевъ не возмущаютъ ни несообразные законы, ни безсмысленныя распоряженія властей. Въ случаѣ надобности, обще-

ственное мнѣніе—этотъ верховный повелитель Соединенныхъ Штатовъ—заставить конгрессъ отмѣнить невыносимые законы и смѣстить ограниченнаго правителя *).

«Этою чертою американскаго національнаго характера также объясняется ангельское терпѣніе американцевъ при таможенномъ розыскѣ, во имя закона 1898 года. Но долго ли будетъ существовать этотъ законъ, всецѣло зависитъ отъ самого всесильнаго американскаго народа».

Описывая, дѣйствительно, чрезвычайно строгіе и мелочные таможенные порядки при высадкахъ пассажировъ на американскій материкъ, авторъ спѣшитъ прибавить: «Мой разсказъ о таможенномъ осмотрѣ пассажировъ на границахъ Соединенныхъ Штатовъ чуждъ всякаго личнаго неудовольствія: американскія таможенныя власти были со мною чрезвычайно любезны и не подвергли мой багажъ *никакому осмотру*, позволивъ мнѣ немедленно уѣхать изъ таможни».

Минуя даваемыя г. Мартенсомъ описанія многихъ сторонъ американской жизни, которыя его «поражали» своимъ «величіемъ», остановимся на впечатлѣніяхъ автора отъ положенія представителей американской юстиціи.

«Меня очень пріятно поражало,—пишетъ г. Мартенсъ,—то великое уваженіе, съ которымъ относятся въ Соединенныхъ Штатахъ къ юстиціи и ея высшему представителю, верховному судьѣ Соединенныхъ Штатовъ. Я самъ испыталъ, что, находясь подъ его любезнымъ покровительствомъ, всѣ двери, начиная съ дверей «Бѣлаго Дома», настежь открыты и всякое уваженіе обезпечено.

«Правда, велика роль союзнаго верховнаго суда (Supreme Court), котораго верховный судія — пожизненный предсѣдатель. Этотъ судъ стоитъ на стражѣ конституціи сѣверо-американской республики, и предъ его авторитетнымъ рѣшеніемъ преклоняются весь народъ и всѣ власти, не исключая президента республики. Даже всемогущій конгрессъ долженъ признавать толкованія конституціи верховнымъ союзнымъ судомъ для себя обязательными. Никогда задачи этого суда не были столь сложны, какъ въ настоящее время, когъа имперіалистская политика покойнаго президента Макъ Кинлея коренныиъ образомъ измѣнила основы и цѣли отношенія Соединенныхъ Штатовъ къ иностраннымъ народамъ. Никогда верховный союзный судъ не принуждался столь часто, какъ теперь, останавливать увлеченія массы и сохранять неприкосновенность величайшаго созданія политической мудрости, именуемаго конституціею Соединенныхъ Штатовъ. Честь и слава мистеру Фуллеру, нынѣшнему маститому Chief Justice of the United States (верховному судьѣ Соединенныхъ Штатовъ) и почтеннымъ восьми членамъ верховнаго суда, что они высоко держатъ знамя, на которомъ написана конституція 1787 года и не поддаются вліянію никакихъ мимолетныхъ увлеченій или народныхъ страстей.

---

*) То же наблюденіе было сдѣлано Брайсомъ въ его «The American commonwealth».

«Эту высокую роль и возвышенное значенiе своего верховнаго суда отлично сознаетъ весь американскiй народъ. Поэтому никто не посмѣетъ въ Соединенныхъ Штатахъ оспаривать авторитетъ суда и еще меньше кто-либо осмѣлится вторгнуться въ сферу его компетенцiи или повлiять со стороны на его рѣшенiя.

«Вотъ причины, объясняющiя подавляющiй авторитетъ этого высшаго судебнаго мѣста — и ту отрадную почтительность, съ которой въ этой демократической странѣ всѣ относятся къ его почтенному предсѣдателю.

«На одномъ прiемѣ у нынѣшняго талантливѣйшаго президента Рузвельта, я видѣлъ, что одинъ изъ представляющихся ему очень дружескимъ образомъ положилъ свою руку на плечо президента и сказалъ: «я чрезвычайно радъ видѣть васъ, господинъ президентъ». Мнѣ казалось, что мистеръ президентъ нисколько не былъ шокированъ такою безцеремонностью обращенiя.

«Я не видѣлъ, чтобы кто-нибудь положилъ свою руку на плечо верховнаго судьи Фуллера, и мнѣ кажется мало вѣроятнымъ, чтобы при торжественномъ прiемѣ Chief Justice кто-либо позволилъ себѣ такую фамильярность».

Система народнаго просвѣщенiя и въ частности постановка университетскаго дѣла въ Америкѣ произвели на г. Мартенса «неизгладимое впечатлѣнiе». Да и какъ не поддаться такому впечатлѣнiю, хотя бы при бѣгломъ взглядѣ на однѣ только цифры; въ Соединенныхъ Штатахъ въ настоящеев ремя имѣется *шестьсотъ двадцать девять* университетовъ и колледжей. Эти учебныя заведенiя владѣютъ собственностью въ *шестьсотъ восемьдесятъ миллiоновъ* рублей. Впродолженiи одного лишь 1898—1899 учебнаго года *частными лицами* было пожертвовано на университеты и колледжи не менѣе *сорока пяти миллiоновъ рублей*. Комментарiи тутъ излишни...

«Идеальная цѣль американской системы обученiя заключается въ развитiи въ ученикахъ не только разума, но и сердца. Интересъ ко всему окружающему мiру постоянно поддерживается и развивается. Вотъ почему переходъ изъ начальныхъ школъ въ средне-учебныя заведенiя не исключенiе, но общее правило также для бѣдныхъ учениковъ. Американцы справедливо гордятся тѣмъ фактомъ, что всѣ области знанiя и всѣ учебныя заведенiя безъ исключенiя доступны для дѣтей всѣхъ классовъ общества. Даже самыя бѣдныя дѣти всегда находятъ возможность посѣщать и университеты, пользуясь чрезвычайно льготными условiями».

Относительно американскихъ среднихъ школъ г. Мартенсъ обращаетъ вниманiе, прежде всего, на то, дѣйствительно, въ высшей степени важное обстоятельство, что въ Америкѣ «совершенно не существуетъ непроизводительной борьбы между классицизмомъ и реализмомъ». Въ школахъ этихъ существуетъ обыкновенно три отдѣленiя: «литературный, классическiй и естествоиспытательный». Каждый ученикъ самъ выбираетъ себѣ то отдѣленiе, куда влекутъ его способности и склонности.

«Изученiе одного латинскаго языка обыкновенно обязательно, но въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Гораздо больше вниманiя обращено на изученiе новыхъ

языковъ, которые въ школахъ Западной Америки совершенно устранили изученіе древнихъ языковъ»

Отношенія между учителями и учениками отличаются чрезвычайно дружескимъ характеромъ. Непрестанное общеніе между школою и семьею и ихъ взаимодѣйствіе является также одною изъ отличительныхъ особенностей американской школы. «Въ Америкѣ я не находилъ даже признака враждебнаго чувства родителей къ школѣ, — говоритъ г. Мартенсъ. Напротивъ, родители любятъ, дорожатъ и восхваляютъ свои школы. Все, что происходитъ въ школѣ, ихъ интересуетъ, и все общество заинтересовано судьбою школы, ея успѣхами и приключеніями. Всѣ школьныя торжества, какъ состязанія въ играхъ, театральныя представленія, литературныя состязанія и танцовальные вечера съ любовью описываются на столбцахъ мѣстныхъ газетъ. Школьный праздникъ есть общественный праздникъ».

Для лучшаго достиженія объединенія семьи и школы въ американскихъ городахъ устроились особенные «клубы матерей» (Mothers clubs), въ которыхъ по вечерамъ встрѣчаются матери и учителя и тутъ происходитъ между ними постоянный обмѣнъ мыслей, съ цѣлью обезпечить наилучшимъ образомъ достиженіе полнаго объединенія школы и семьи на пользу подростающаго юношества».

«Такую же отрадную картину, — пишетъ г. Мартенсъ, — представляютъ и американскіе университеты». Американскій университетъ — явленіе въ высшей степени самобытное, не имѣющее на европейскомъ материкѣ никакого подобія.

«Почти всѣ американскіе университеты обязаны своимъ существованіемъ почину частныхъ лицъ и щедротамъ благотворителей. Любопытно, что если въ Европѣ университеты, возникшіе по почину частныхъ лицъ или корпорацій, мало-по-малу превращаются въ государственныя учрежденія и теряютъ свою самостоятельность, то въ Америкѣ, напротивъ, университеты, зависящіе вначалѣ отъ государственной власти, становятся мало-по-малу совершенно независимыми отъ всякаго правительственнаго контроля. Они обращаются въ учрежденія, живущія собственными громадными капиталами и управляемыя президентами и коллегіями, которые *избираются всѣми бывшими воспитанниками университетовъ, получившими отъ нихъ свой дипломъ*». Ничего подобнаго нѣтъ ни въ одномъ изъ европейскихъ университетовъ.

Бытъ студентовъ, говоритъ г. Мартенсъ, «организованъ идеально хорошо». Товарищеская жизнь поддерживается всѣмъ строемъ американскихъ университетовъ. «Органами общей жизни студентовъ являются: 1) студенческія періодическія изданія; 2) организованныя между студентами общества и 3) университетскія торжества». Газеты и журналы, издаваемые студентами, не только не рѣдкость, но явленіе весьма распространенное. «Въ гарвардскомъ университетѣ издаютъ *пять* газетъ и журналовъ».

Оканчивая эту часть своихъ «очерковъ», г. Мартенсъ пишетъ:

«Въ заключеніе остается мнѣ только выразить пожеланіе, чтобы американ-

скіе университеты продолжали развиваться по тому пути, по которому поставлены лучшіе изъ нихъ.

«Можетъ быть, учрежденіе свободнаго союзнаго университета, съ богатыми средствами *), послужило бы образцомъ соединенія университетскаго преподаванія съ кипучею научною дѣятельностью профессоровъ. Можетъ быть, такой союзный панамериканскій университетъ, включая въ себя лучшія ученыя силы всей Америки, сдѣлался бы естественнымъ двигателемъ всѣхъ университетскихъ наукъ.

«Это вполнѣ возможно, и великая будущность американскаго народа вмѣняетъ ему въ обязанность сдѣлать усилія къ завоеванію міра не только посредствомъ всемогущаго доллара, но еще болѣе могуществомъ знанія и силою идей. Только подъ соблюденіемъ этого условія и американизація всего міра можетъ обѣщать всѣмъ народамъ на земномъ шарѣ союзную и дружескую помощь американцевъ въ борьбѣ съ мракомъ невѣжества и съ адомъ человѣческихъ страстей. Только при этомъ условіи «американизація» сдѣлается синонимомъ свободы, свѣта и прогресса».

Пятую и послѣднюю главу своихъ «Американскихъ впечатлѣній» г. Мартенсъ посвящаетъ всецѣло анализу понятія «американизація всего свѣта». Представленіе объ «американизаціи», какъ о завоеваніи англо-саксонскою расой земного шара огнемъ и мечомъ, г. Мартенсъ считаетъ совершенно нелѣпымъ. «Объ этомъ едва ли мечтаютъ даже самые смѣлые поборники англо-американскаго имперіализма», говоритъ онъ. Американизація, это духовное завоеваніе Америкой міра, это распространеніе на весь земной шаръ духа Америки и ея учрежденій. Соединенные Штаты представляютъ государство «единое и нераздѣльное». «Но это государственное единство, — говоритъ г. Мартенсъ, — нисколько не убило мѣстную анатомію отдѣльныхъ штатовъ, сохранившихъ по сіе время свое собственное штатное законодательство, представительныя учрежденія, штатные суды и административную независимость въ управленіи мѣстными интересами. Это уваженіе мѣстной автономіи отдѣльныхъ штатовъ есть краеугольный камень всего государственнаго устройства Соединенныхъ Штатовъ. Только одинъ разъ, во время междоусобной войны 1863 года, центробѣжныя стремленія подвергли опасности государственное единство американской республики. Но ни эта братоубійственная война, ни крики сторонниковъ всепоглощающей центральной государственной власти, не въ состояніи были низложить коренной законъ Соединенныхъ Штатовъ, обезпечивающій свободу и автономію за отдѣльными штатами. Эта же свобода нисколько не воспрепятствовала гигантскому росту всего государства. «Обращаюсь еще къ другому устою американскаго народа: это неограниченное уваженіе всякаго честнаго и производительнаго труда. Нигдѣ въ мірѣ не существуетъ подобнаго почитанія трудо-

---

*) **Предъ средствами американцы никогда не останавливаются: за періодъ времени съ 1893 — 1901 гг. т.-е. за *девять* лѣтъ *частныхъ* пожертвованій на университеты, колледжи, библіотеки и лабораторіи было всего 422 милліона долларовъ.**

любія и нигдѣ слово «джентльменъ» не выражаетъ понятія о человѣкѣ трудящемся.

«Ни одинъ американецъ не будетъ шокированъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, напримѣръ, студенты университетовъ, желая зарабатывать деньги для уплаты за университетскія лекціи, поступаютъ во время лѣтнихъ каникулъ въ половые ресторановъ, кондуктора желѣзныхъ дорогъ, въ кучера и рабочіе на биржахъ. Студенты и ученики высшихъ школъ встаютъ въ два или три часа утра, чтобы сбѣгать въ редакціи газетъ и затѣмъ, или пѣшкомъ, или на велосипедѣ, разносить по домамъ газеты. Молодыя бѣдныя дѣвушки поступаютъ въ горничныя подъ условіемъ, что хозяйка освободитъ ихъ каждый день на два-три часа для слушанія лекцій въ университетѣ.

«Если, благодаря «американизаціи всего міра», повсюду, на всемъ земномъ шарѣ утвердится такая американская любовь къ труду, то можно будетъ только радоваться такому положенію. Въ такомъ случаѣ съ корнемъ будутъ вырваны тѣ соціальные предразсудки, которые въ Европѣ еще существуютъ относительно труда и извѣстныхъ родовъ занятій. Если у европейскихъ народовъ укоренится положеніе, что всякій честный трудъ даетъ право на уваженіе и что именно трудъ есть жизненный рычагъ всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности, въ такомъ случаѣ американцы одержатъ великую духовную побѣду надъ европейскими народами, и такая «американизація» будетъ только великимъ шагомъ впередъ по пути прогресса.

«Кромѣ вышеприведенныхъ главнѣйшихъ духовныхъ принциповъ, внесенныхъ американцами въ общую сокровищницу плодовъ соціально-культурной работы цивилизованныхъ народовъ, имѣются еще другія начала, которыя также достойны всеобщаго распространенія посредствомъ американизаціи. Сюда относятся: свобода мысли, слова и печати; равенство между людьми предъ закономъ и судомъ; простота обращенія и доброта отношеній, сказочная щедрость на пользу общественную и т. п.

«Таковы тѣ жизненные принципы, которые были положены въ основаніе общественно-государственнаго строя Соединенныхъ Штатовъ. Во всестороннемъ ихъ развитіи и стойкомъ поддержаніи заключается культурно-историческая задача сѣверо-американской республики. Правда, всякое цивилизованное государство должно руководствоваться такими же началами для достиженія своихъ жизненныхъ цѣлей. Однако, до послѣдняго времени именно Соединенные Штаты считались государствомъ, въ которомъ вышеисчисленныя блага наиболѣе рельефно выступали, какъ въ практической жизни, такъ и въ научныхъ трактатахъ».

Таковы эти замѣчательныя «Американскія впечатлѣнія» нашего извѣстнаго ученаго. Намъ нѣтъ надобности ихъ комментировать. Они дѣйствуютъ сами по себѣ съ убѣдительною силой, а высоко авторитетное въ ученомъ мірѣ всего свѣта имя г. Мартенса служитъ достаточнымъ ручательствомъ безпристрастья его оцѣнокъ и характеристикъ.

Въ Америкѣ жизнь идетъ во всѣхъ отношеніяхъ «по-американски». Нашъ соотечественникъ г. Тверской, живущій въ Америкѣ болѣе двадцати лѣтъ, говоритъ, что, несмотря на это, ему «постоянно приходится натыкаться на новыя, весьма крупныя явленія, открывать, такъ сказать, въ Америкѣ новыя Америки, одну за другую». Эти слова г. Тверского мы встрѣтили въ его, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Вѣстника Европы», статьѣ, подъ заглавіемъ «Федерація женскихъ клубовъ въ Америкѣ». Какое значеніе и какіе размѣры имѣетъ въ Америкѣ свободная группировка гражданъ вообще и гражданокъ въ частности, это хорошо знаетъ всякій, сколько-нибудь знакомый съ условіями американской жизни, и тѣмъ не менѣе г. Тверской совершенно правъ, утверждая, что даже для него, почти уже американца, многое представляется въ Америкѣ точно выхваченнымъ изъ какого-то сказочнаго міра. Возьмемъ хотя бы женское движеніе. Въ этомъ отношеніи Америка еще не такъ давно, всего какихъ-нибудь 30—35 лѣтъ тому назадъ, была страною весьма консервативною, и возникновеніе перваго женскаго клуба въ Америкѣ явилось результатомъ именно этой черты американцевъ. Дѣло было такъ: въ 1868 году по Америкѣ путешествовалъ и читалъ публично выдержки изъ своихъ романовъ знаменитый англійскій писатель Чарльзъ Диккенсъ. Когда онъ прибылъ въ Нью-Іоркъ, то клубъ печати устроилъ въ честь романиста парадный обѣдъ, и хотя уже и тогда въ Нью-Іоркѣ существовали женщины-журналистки, сдѣлавшія журналистику своею профессіей, но попытки ихъ получить билетъ на диккенсовскій обѣдъ были встрѣчены грубымъ отказомъ со стороны мужчинъ. «Госпожа Кроли, одна изъ получившихъ такой отказъ дамъ,—разсказываетъ г. Тверской,—была глубоко имъ оскорблена и задумала открыть женщинамъ въ будущемъ возможность дѣйствовать въ такихъ случаяхъ самостоятельно, независимо отъ мужчинъ. Идея была, однако, такъ нова, что изъ *пяти* присутствовавшихъ на первомъ собраніи женщинъ, *три*, посовѣтовавшись съ мужьями, нашли ее непрактичною и отказались отъ участія уже черезъ два-три дня». Осталось, значитъ, всего *двѣ* основательницы новаго дѣла. «Тѣмъ не менѣе, г-жа Кроли прдолжала свою пропаганду, и черезъ нѣсколько времени ей удалось собрать *четырнадцать* женщинъ, и первый женскій клубъ былъ организованъ въ Нью-Іоркѣ въ апрѣлѣ 1868 года подъ именемъ «Сорозиса». Клубъ «Сорозисъ» и считается разсадникомъ всѣхъ женскихъ клубовъ Америки; онъ же положилъ начало и ихъ федераціи. Въ 1889 году «Сорозисъ» праздновалъ свое совершеннолѣтіе (онъ достигъ тогда 21 года своего существованія) и пригласилъ на это торжество депутатокъ отъ 97 существовавшихъ уже тогда другихъ женскихъ клубовъ. На этомъ собраніи и было рѣшено организовать постоянную федерацію клубовъ. Первая ея «конвенція» засѣдала въ 1899 году и въ ней приняли участіе депутатки отъ 63 женскихъ клубовъ, разсѣянныхъ по 17 разнымъ штатамъ. Затѣмъ увеличеніе числа женскихъ клубовъ шло уже въ такой чисто американской прегрессіи: въ 1892 году число принадлежавшихъ къ генеральной федераціи клубовъ возросло до 189. Въ 1893 году во время выставки въ Чикаго федерація устроила спеціальный женскій конгрессъ, на которомъ присутствовали делегатки уже отъ 258 клубовъ. Въ кон-

венціи 1894 года приняли участіе 350 клубовъ; въ 1896—478 отдѣльныхъ клубовъ и 20 штатныхъ федерацій, считавшихъ въ своей средѣ 947 клубовъ. Въ 1900 году число клубовъ возросло до 2.675 съ 166.903 членами, а въ настоящій моментъ число ихъ превышаетъ 4.000, а число членовъ 300.000 человѣкъ!..

Послѣдняя «конвенція» женскихъ клубовъ засѣдала въ маѣ текущаго года въ городѣ Лосъ-Анжелосъ, въ Калифорніи. На нее прибыло 1.200 делегатокъ и такое же число такъ называемыхъ «альтернатокъ». Кромѣ того, въ засѣданіяхъ приняло участіе нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ посѣтительницъ, съѣхавшихся для этой цѣли со всѣхъ концовъ Соединенныхъ Штатовъ. «Конвенція эта была такъ велика по составу и по числу желавшихъ присутствовать, что въ городѣ не было зданія, которое могло бы вмѣстить ее цѣликомъ, и потому засѣданія происходили одновременно въ двухъ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ—концертномъ театрѣ и синагогѣ, стоящихъ рядомъ на одной улицѣ». «Въ обоихъ помѣщеніяхъ засѣданія происходили по три раза въ день—утромъ, послѣ завтрака и вечеромъ, такъ что конвенція работала 8—10 часовъ въ день ежедневно. Въ первое торжественное засѣданіе конвенцію привѣтствовалъ губернаторъ штата, меръ города, предсѣдательница штатной федераціи калифорнскихъ женскихъ клубовъ, предсѣдательница мѣстнаго комитета по организаціи конвенціи и т. д. Затѣмъ слушались привѣтствія и отчеты иностранныхъ женскихъ клубовъ — Англіи, Австраліи, Британской Индіи, Африки и т. д., уже присоединившихся къ американской генеральной федераціи. Изъ послѣдующихъ засѣданій только 3—4 были посвящены вопросамъ, касающимся измѣненій въ организаціи какъ генеральной, такъ и штатныхъ федерацій, условіямъ пріема отдѣльныхъ клубовъ, финансовому отчету, отчетамъ постоянныхъ комитетовъ, выборамъ чиновъ на слѣдующее двухлѣтіе и т. д.; всѣ остальные были отданы рефератамъ членовъ на всевозможныя темы и преніямъ по ихъ поводу.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ разрослась дѣятельность американскихъ женскихъ клубовъ и какъ ихъ вліяніе успѣло проникнуть во всѣ отрасли человѣческаго прогресса прогресса вообще, необходимо сказать нѣсколько словъ объ общей программѣ конвенціи. Нѣсколько засѣданій было посвящено образованію вообще и женскому въ особенности; разсматривались такіе вопросы, какъ совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, значеніе преподаванія искусствъ въ народныхъ школахъ и ихъ вліяніе на дѣтскую психологію, значеніе внѣклассныхъ занятій и экскурсіи и т. д., и т. д. Всѣ эти вопросы обсуждались не съ точки зрѣнія спеціалиста-педагога, а съ чисто жизненной, практической точки зрѣнія матери и семьи; это была не сухая, отвлеченная теорія, а выводы и разсужденія опыта и обычныхъ повседневныхъ требованій и наблюденій. Нѣсколько засѣданій было посвящено рефератамъ относительно промышленной работы женщинъ и дѣтей, разбору законодательствъ различныхъ штатовъ и желательныхъ въ этомъ отношеніи реформъ; особый комитетъ, назначенный предшествовавшею конвенціей для изслѣдованія положенія женщинъ и дѣтей въ промышленности страны, представилъ обширный докладъ, занявшійся вопросомъ объ огражденіи женскаго и дѣтскаго труда законодательствомъ съ выясненіемъ

его несовершенства и отсталости во многихъ другихъ штатахъ. Особенно интересны были засѣданія, посвященныя обсужденію рефератовъ, касавшихся реформъ государственнаго и муниципальнаго устройства. Возможность и необходимость женскаго вліянія была особенно подчеркнута въ такихъ вопросахъ, какъ организація учрежденій для исправленія порочныхъ дѣтей, для обезпеченія народнаго здравія, нѣкоторыхъ сторонъ городского хозяйства и т. д.».

Немудрено, что, благодаря своей мощной энергіи, сопряженной въ то же время съ чрезвычайною дѣловитостью, американская женщина быстро завоевываетъ себѣ въ государственной и общественной жизни одну позицію за другою. Извѣстно, что женщины пользуются уже полноправіемъ съ мужчинами при голосованіи во всѣ учрежденія въ штатахъ Вайомингъ, Колорадо, Айдахо и Монтана. Отъ этого нововведенія перечисленные штаты только выиграли. «Замѣчательно, — говоритъ г. Тверской, — что примѣру перваго штата (Вайомингъ) послѣдовали именно сосѣдніе съ нимъ, имѣвшіе лучшую возможность оцѣнить послѣдствія дарованія такого права; теперь онъ уже окруженъ ими со всѣхъ сторонъ, и очередь за ближайшими къ этимъ послѣдователямъ».

Свою статью о женскихъ клубахъ въ Америкѣ г. Тверской оканчиваетъ такими словами:

«Сотни клубовъ въ разныхъ городахъ уже успѣли обзавестись собственными зданіями, стоющими десятки тысячъ долларовъ каждый; число клубовъ и число членовъ въ нихъ быстро растетъ съ каждымъ днемъ; дѣятельность ихъ все расширяется, захватывая все большее число отраслей, и чувствуется и государствомъ, и штатами, и въ особенности городами. Время явныхъ насмѣшекъ и сарказмовъ надъ ними, конечно, прошло безвозвратно; ихъ конвенціи привѣтствуются губернаторами и мерами, и, можно думать, недалекъ тотъ день, когда женщина будетъ выслушиваться съ почтеніемъ и въ конгрессѣ «союза».

Заговоривъ объ Америкѣ, нельзя обойти молчаніемъ и помѣщеннаго въ ноябрьской книжкѣ «Русской Мысли» недурного очерка г-жи Черевковой, подъ заглавіемъ «Чикаго». Г-жа Черевкова, видимо, не принадлежитъ къ числу писательницъ, обладающихъ способностью глубокаго проникновенія въ предметъ, который она предлагаетъ вниманію читателей; ея впечатлѣнія отъ Новаго Свѣта не могутъ быть поставлены ни въ какое сравненіе не только съ «Американскими впечатлѣніями» г. Мартенса, — тутъ г-жѣ Черевковой, «какъ до звѣзды небесной, далеко», — но даже и съ наблюденіями г. Тверского. Это просто дама, обладающая довольно живымъ слогомъ и крупицею наблюдательности, и тѣмъ не менѣе, повторяемъ, ея очеркъ «Чикаго» читается не безъ интереса. Мы не послѣдуемъ за г-жею Черевковой по всѣмъ разнообразнымъ учрежденіямъ, которыя она обѣгала въ Чикаго, а побывала она не только въ театрѣ, гдѣ ея патріотическое чувство было задѣто постановкою пьесы «The darkest Russia» («въ балконѣ и райкѣ, — такъ описываетъ г-жа Черевкова впечатлѣніе американцевъ отъ этой пьесы, — стоялъ какой-то бѣшеный ревъ; публика кричала, топала ногами, изъ себя выходила, стараясь выразить свой гнѣвъ, протестъ, негодованіе, и всѣ эти сильныя манифестаціи были направлены

*

по адресу Россіи»), но и на биржѣ, на бойняхъ и т. д. Мы остановимся лишь на самой интересной страницѣ очерка г-жи Черевковой, на описаніи лежащаго въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Чикаго образцоваго рабочаго городка, выстроеннаго Пульманомъ для работающихъ на его знаменитой фабрикѣ «Pulman Car Works». Вотъ относящіяся сюда строки:

«Городокъ Пульмана или просто Пульманъ лежитъ въ 14-ти миляхъ къ югу отъ Чикаго, и поѣздка туда заняла у насъ около часа. День былъ будній. Служащій, къ которому у насъ было письмо, сидѣлъ уже въ конторѣ фабрики. Зданія фабрики — это цѣлый лабиринтъ, откуда свѣжему человѣку и выбраться трудно.

«Все отъ малѣйшаго винтика до самаго изысканнаго предмета роскоши производится на мѣстѣ. Чего, чего только не показывали намъ! Мастерскія столярныя, токарныя, слесарныя, машины для прессованія бумаги, граненіе стеколъ, серебреніе зеркалъ, главную паровую машину, по словамъ нашего проводника, одну изъ крупнѣйшихъ въ Америкѣ; повсюду послѣднее слово техники... Голова кружилась отъ этого ряда сложныхъ производствъ, проходившихъ предъ нами, и результатомъ всей этой кипучей дѣятельности получались тысячи и сотни всякихъ вагоновъ, между прочимъ и тѣ «вагоны-дворцы», въ которомъ мы съ такимъ комфортомъ прорѣзали материкъ Америки. На фабрикѣ выдѣлывается въ теченіе года до 10.000 товарныхъ вагоновъ, 500 пассажирскихъ и 200 вагоновъ-дворцовъ, всего на сумму отъ 20-ти до 30-ти милліоновъ рублей. Рабочихъ вмѣстѣ съ другими служащими здѣсь 6.000 человѣкъ.

«Большой интересъ представляетъ городокъ, построенный компаніей для рабочихъ, но жить имъ въ немъ нисколько не обязательно. По послѣднимъ даннымъ, въ городкѣ насчитывалось 11.000 жителей, главнымъ образомъ, рабочихъ и ихъ семей. Весь городъ изрѣзанъ широкими, чистыми улицами, съ электрическимъ освѣщеніемъ, хорошими мостовыми, проведенной водой и собственной ежедневной газетой, которая стоитъ два рубля въ годъ. Въ городѣ нѣсколько школъ общихъ и спеціальныхъ. Наиболѣе изящное зданіе—это «Arcade», гдѣ помѣщаются театръ, безплатная библіотека со многими періодическими изданіями и 8.000 томовъ разныхъ сочиненій, нѣсколько клубовъ, гдѣ читаются рефераты, лекціи, даются концерты, а по праздникамъ балы и вечеринки. Домà большею частью двухъэтажные, многіе окружены садиками и цвѣтниками; рабочіе нанимаютъ ихъ у администраціи фабрики. Каждая квартира отъ двухъ до четырехъ комнатъ, съ кухней и ванной. Квартира въ двѣ комнаты стоитъ отъ 80-ти до 100 руб. въ годъ; въ три комнаты отъ 120-ти до 150-ти руб. и въ четыре комнаты — отъ 160-ти до 200 руб. Мы заходили въ нѣкоторыя изъ нихъ; спальни почти всегда наверху, а кухня и общая комната внизу. Вездѣ удивительно чисто. Въ нѣкоторыхъ домахъ есть піанино, маленькая библіотека, ковры, занавѣски на окнахъ и очень приличная мебель. Въ Россіи такое помѣщеніе можно было бы принять за квартиру чиновника средней руки».

Но оставимъ Америку съ ея экономическимъ и духовнымъ благоденствіемъ ея населенія и заглянемъ въ холодныя, не облагодѣтельствованныя дарами

природы скандинавскія страны. Вотъ ужъ, дѣйствительно, гдѣ живетъ народъ, народъ въ истинномъ значеніи этого слова, всецѣло обязанный своею высокою культурой собственной самодѣятельности! О «крестьянскихъ университетахъ» въ скандинавскихъ странахъ писалось у насъ довольно много, и тѣмъ не менѣе мы не можемъ не остановиться на очень интересной, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства», статьѣ по этому поводу г. Оге Мейера-Бенедикстена. Статья такъ и называется «Крестьянскіе университеты въ скандинавскихъ странахъ». Культурный подъемъ датскаго крестьянства — дѣло послѣднихъ десятилѣтій; исходнымъ его пунктомъ считается 1849 годъ, когда, вслѣдствіе коренного измѣненія государственнаго строя Даніи, получилась возможность широкаго воздѣйствія лучшихъ элементовъ страны на массу населенія. «Умственному пробужденію датскихъ крестьянъ, — пишетъ авторъ цитируемой статьи,—много содѣйствовало также и религіозное движеніе. Во главѣ послѣдняго сталъ величайшій изъ датскихъ народныхъ дѣятелей Николай-Фридрихъ-Северинъ Грундтвигъ. Это былъ религіозный мыслитель и могучій поэтъ. Плоскій «раціонализмъ», господствовавшій въ то время въ лютеранствѣ, отталкивалъ его, и онъ вступилъ съ нимъ въ борьбу во имя болѣе чистаго и болѣе глубокаго пониманія христіанства. Къ счастью, Грундтвигъ не отрѣшился при этомъ отъ жизни съ ея насущными потребностями: онъ понималъ, что слѣдуетъ быть не только хорошимъ христіаниномъ, но также и хорошимъ гражданиномъ. Онъ вѣрилъ, что его маленькій народъ, идя по вѣрному пути, можетъ широко развить свои силы для жизни, «угодной и Богу, и людямъ». Съ изумительною энергіей Грундтвигъ работалъ для проведенія въ жизнь своего идеала, и теперешній датскій крестьянинъ очень многимъ обязанъ ему».

Вскорѣ Грундтвигъ выступилъ съ книгой, которая называлась «Попытка основанія школы для взрослыхъ датскихъ крестьянъ». Такую школу и основалъ впервые крестьянинъ острова Фіоніи Христіанъ Кольдъ. Школа была бѣдна, ее посѣщали всего десятка два молодыхъ крестьянъ, и едва ли кто-нибудь тогда смѣлъ даже мечтать, что основаніе такой школы явится исходнымъ пунктомъ цѣлаго грандіознаго движенія. Но случилось именно такъ. Слѣдующая школа была устроена въ Рёддингѣ (въ Южной Ютландіи) уже подъ руководствомъ самого Грундтвига, а затѣмъ онѣ стали возникать одна за одною. Теперь въ Даніи существуетъ уже 60 «высшихъ школъ для крестьянъ» (Bauerhochschulen). Такія же школы принялись и за предѣлами Даніи,—въ Швеціи, Норвегіи, Финляндіи *). «Всюду въ крестьянскія школы ежегодно набирается все больше и больше молодежи. Всякая школа, какъ въ Даніи, такъ и въ другихъ названныхъ странахъ, совершенно свободна; главная школа (въ Асковѣ) не издаетъ никакихъ обязательныхъ правилъ; всякій директоръ — хозяинъ въ своей школѣ и ведетъ ее по своему усмотрѣнію». Школы существуютъ для крестьянскаго юношества обоего пола. Для юношей — курсы зимніе; для дѣ-

*) О народныхъ университетахъ въ Финляндіи см. «Финляндская высшая народная школа», Т. Криль, «Міръ Бож.» 96 г., янв.; «Высшія народныя школы въ Финляндіи», Гр—на, «М. Б.» 1901 г, ноябрь.

вицъ — лѣтніе. «Зима выбрана для обученія молодыхъ людей, потому что въ это время года можно обойтись безъ нихъ при сельскихъ работахъ. Напротивъ, молодыя дѣвушки нужнѣе дома зимою, чѣмъ лѣтомъ, а потому ихъ распускаютъ изъ школъ въ концѣ іюля, такъ какъ въ эту пору обыкновенно начинается въ Даніи жатва, а тогда всѣ рабочія руки нужны». Программа школъ довольно обширная, но «никакихъ экзаменовъ въ школахъ не полагается; не выдается также никакихъ бумажекъ, которыя доставляли бы какія-либо преимущества прошедшимъ черезъ школы лицамъ. Школы задаются лишь одною цѣлью: расширить нравственный и умственный кругозоръ народа, удовлетворить насколько возможно его умственный голодъ. Въ этомъ и кроется тайна успѣха такого рода школъ».

Какъ велико движеніе умовъ въ Даніи въ этомъ направленіи, можно судить уже по одному факту: въ 1893—1894 году черезъ такія школы въ Даніи прошло учениковъ и учеництъ до 60.000 человѣкъ!..

Не говоря о громадномъ вліяніи, которое оказали эти школы на матеріальное благосостояніе датскаго крестьянства, онѣ же имѣли и чрезвычайно плодотворное значеніе для другихъ сторонъ жизни трудящагося населенія Даніи. «Высшія школы развили и укрѣпили въ датскомъ крестьянствѣ довѣріе и любовь къ знанію; у крестьянъ явилась потребность учиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ они сдѣлались гораздо отзывчивѣе и ко всѣмъ улучшеніямъ въ земледѣліи... Кооперативное движеніе также обязано своимъ возникновеніемъ высшимъ школамъ; онѣ дали крестьянину вѣру въ самого себя, научили его, какъ поступать въ борьбѣ за существованіе, поднявъ его умственное развитіе... Умственное пробужденіе крестьянъ создало политическую партію лѣвой, основанную крестьянами, особенно землевладѣльцами, владѣющими отъ 20 до 80 десятинъ (это собственники средней руки). Болѣе двухъ третей датской палаты депутатовъ (въ которой всего 114 членовъ) составляютъ крестьяне; нѣкоторые изъ нихъ владѣютъ менѣе чѣмъ пятнадцатью десятинами земли. Въ датскомъ сенатѣ значительную часть также составляютъ крестьяне-землевладѣльцы. Нужно сказать, что обыкновенный крестьянинъ въ Даніи владѣетъ участкомъ земли не свыше 8 десятинъ; кто владѣетъ количествомъ земли болѣе 80 десятинъ, тотъ считается уже крупнымъ землевладѣльцемъ. Самъ теперешній министръ земледѣлія (землевладѣлецъ) имѣетъ всего лишь 20 десятинъ земли. Партія правой, поддерживаемая королемъ, чиновниками, крупными землевладѣльцами и буржуазіей, до послѣдняго времени держала власть въ своихъ рукахъ; король изъ ея среды избиралъ министровъ. Долгое время продолжалась борьба изъ-за власти; въ настоящее время партія лѣвой побѣдила. Данія имѣетъ теперь министерство, избранное большинствомъ представителей націи. Данія съ гордостью можетъ указать на министра земледѣлія, который прежде былъ мелкимъ землевладѣльцемъ, и на министра народнаго просвѣщенія, который былъ сельскимъ учителемъ. И они достигли власти, не отказавшись отъ своего соціальнаго положенія, не вступивъ въ союзъ съ привиллегированными кружками, но въ союзѣ со своею природною партіею, въ качествѣ вождей лѣвой. Вотъ вѣское доказательство развитія датскихъ крестьянъ». Въ другихъ скан-

динавскихъ странахъ высшія школы для крестьянъ оказали также огромное вліяніе на весь складъ народной жизни. Отсюда ясно, какое громадное значеніе для культуры страны можетъ имѣть свободное распространеніе образованія среди населенія. Оно поддерживаетъ весьма неблагопріятныя климатическія, почвенныя и другія природныя условія жизни страны.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Въ Скандинавскихъ странахъ. Въ Стокгольмѣ состоялось общее собраніе недавно организованнаго союза для расширенія политическихъ правъ женщины. Предсѣдательница собранія г-жа Бромё сообщила о многочисленныхъ петиціяхъ, которыя были представлены союзомъ правительству и депутаціи, отправленной къ министру внутреннихъ дѣлъ Бострому. Въ настоящее время правительство приступлено къ пересмотру избирательныхъ правъ, и поэтому депутація ходатайствовала о томъ, чтобы вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ былъ также внесенъ на разсмотрѣніе коммиссіи. Бостромъ предложилъ депутаціи обратиться къ министру юстиціи, но при этомъ сказалъ, что, по его личному мнѣнію, время еще не наступило для рѣшенія этого важнаго вопроса; общественное мнѣніе еще недостаточно подготовлено для такой реформы. Почти такой же взглядъ высказалъ и министръ юстиціи на пріемѣ депутаціи и совѣтовалъ не форсировать дѣла, а предоставить вещи своему теченію. Далѣе министръ юстиціи заявилъ, что въ теоріи онъ ничего не имѣетъ противъ избирательныхъ правъ женщины, но въ данную минуту правительство не можетъ заняться этимъ вопросомъ, въ связи съ пересмотромъ избирательнаго ценза мужчинъ. Оба министра, впрочемъ, были одинаковаго мнѣнія, что полученіе избирательныхъ правъ женщинами составляетъ лишь вопросъ времени и что эти права должны будутъ одинаково распространиться какъ на замужнихъ, такъ и на незамужнихъ женщинъ.

Въ собраніи было сообщено, между прочимъ, что въ Исландіи Альтингъ вотировалъ законъ, предоставляющій право вдовамъ и незамужнимъ женщинамъ выставлять свои кандидатуры на выборахъ въ различныя представительныя учрежденія, окружные и городскіе совѣты и т. п. Женщины могутъ быть избираемы на такихъ же условіяхъ, какъ и мужчины, но имѣютъ право отказаться въ случаѣ своего избранія. Въ Норвегіи же недавно рѣшено учрежденіе торговыхъ судовъ, причемъ женщины получили право голоса въ этихъ судахъ, наравнѣ съ мужчинами.

Въ Христіаніи 8-го декабря состоялось грандіозное торжество. Праздновалась 70-ти-лѣтняя годовщина знаменитаго норвежскаго писателя Біорнсона. Все населеніе страны, не только города, приняло участіе въ этомъ торжествѣ, которое носило вполнѣ народный характеръ. Въ лицѣ Біорнсона норвежскій народъ чествовалъ не только своего самаго популярнаго писателя, но и своего политическаго вождя. Въ восьмидесятыхъ годахъ, во время борьбы норвежской народной партіи за конституцію, Біорнсонъ былъ однимъ изъ наиболѣе попу-

лярнымъ вождей оппозиціи, журналистомъ и ораторомъ, слова котораго увлекали толпу, собиравшуюся слушать его на большихъ крестьянскихъ собраніяхъ. Его убѣжденное краснорѣчіе дѣйствовало на слушателей. Политическая борьба была въ его глазахъ нравственною борьбою и именно съ этой точки зрѣнія онъ изображаетъ ее въ своей драмѣ «Король», которая считается въ поэтическомъ отношеніи слабымъ произведеніемъ, но за то представляетъ огромный интересъ съ точки зрѣнія психологіи автора, какъ народнаго вождя. Свои политическія и нравственныя идеи Біорнсонъ воплощаетъ въ образахъ въ своихъ драмахъ и при помощи ихъ старается воздѣйствовать на общество. Безчисленныя депутаціи, посѣтившія его, служатъ нагляднымъ доказательствомъ того, какъ велико его вліяніе въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ общества и странахъ.

Университеты и національности въ Австріи.—Дома для рабочихъ. Распря національностей въ Австріи не только не прекращается, несмотря на всѣ усилія Кёрбера уладить споръ о языкахъ, но въ послѣднее время еще болѣе усложнилось вслѣдствіе присоединенія одного элемента, хотя и не новаго, но, во всякомъ случаѣ, пріобрѣтающаго съ каждымъ днемъ все большее значеніе въ жизни страны. Дѣло въ томъ, что соперничество національностей отражается на университетахъ, учащійся персоналъ которыхъ весьма разнородный съ этнической точки зрѣнія, принимаетъ теперь участіе въ конфликтѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ чехи въ 1882 году добились раздвоенія пражскаго университета, такъ что теперь въ Прагѣ существуютъ рядомъ два соперничествующихъ университета, одинъ—чешскій, другой—нѣмецкій, всѣ прочія національности Австріи стали и для себя требовать такихъ же преимуществъ. Не всѣ, конечно, требуютъ основанія спеціальныхъ и отдѣльныхъ университетовъ, какъ это дѣлаютъ, напр., моравскіе чехи; нѣкоторыя, наименѣе требовательныя изъ австрійскихъ національностей, готовы удовольствоваться лишь введеніемъ въ преподаваніе университетовъ двухъ языковъ, вмѣсто одного нѣмецкаго, который тамъ безраздѣльно господствуетъ, какъ, напримѣръ, указываютъ на политехническую школу въ Цюрихѣ, гдѣ преподаваніе производится на трехъ языкахъ, господствующихъ въ Швейцаріи. Но такъ какъ университеты въ нѣмецкихъ странахъ вообще играютъ выдающуюся роль, то вмѣшательство университетскаго фактора въ распрю національностей въ Австріи получаетъ особое значеніе. Австрійская печать посвящаетъ ему большое вниманіе и обращается по этому поводу съ запросомъ къ профессорамъ университетовъ. Нѣкоторые изъ нихъ разсматриваютъ этотъ вопросъ исключительно съ бюджетной точки зрѣнія. Само собою разумѣется, что если австрійскому государству придется распредѣлять и безъ того довольно ограниченныя средства, которыми она располагаетъ, между раздвоившимися университетами, то каждый изъ нихъ очутится въ гораздо худшемъ матеріальномъ положеніи, чѣмъ это было бы безъ такого раздѣленія. Кромѣ того, государство не въ состояніи будетъ при такихъ условіяхъ предложить достаточное матеріальное обезпеченіе профессорамъ и поэтому не будетъ имѣть возможности приглашать на каѳедры наиболѣе выдающихся представителей ученаго міра. Другіе профессоры выра-

жають сожалѣніе, что университеты вовлечены въ борьбу партій и перестали быть исключительно только разсадниками знанія. Впрочемъ, и среди этихъ профессоровъ встрѣчаются настолько безпристрастные люди, что они откровенно признаютъ вину университетовъ въ данномъ случаѣ. Проникнутые духомъ германизма, университеты не могли оставаться въ сторонѣ и, вмѣшавшись въ распрю, вызвали у другихъ національностей желаніе имѣть собственные университеты, чтобы противопоставить ихъ вліяніе вліянію нѣмецкихъ университетовъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, впрочемъ, что въ австрійскихъ университетахъ преобладаетъ германофильское направленіе. Огромное число профессоровъ австрійскихъ университетовъ уроженцы Германіи. Такъ, напримѣръ, въ вѣнскомъ университетѣ изъ 51 профессора только 39 австрійцевъ. Кромѣ того, событія, происходившія въ Инспрукѣ, въ университетѣ, указываютъ, что студенты-нѣмцы одержимы духомъ національизма и внесли его въ стѣны университета. Въ южномъ Тиролѣ преобладаетъ въ этнографическомъ отношеніи крестьянскій элементъ и поэтому въ мѣстномъ сеймѣ проведенъ былъ вопросъ о языкахъ, и въ инспрукскомъ университетѣ введено преподаваніе на двухъ языкахъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ. Въ нынѣшнемъ году студенты-итальянцы этого университета выразили желаніе, чтобы на торжественномъ актѣ при открытіи курсовъ итальянскому языку было отведено такое же мѣсто, какъ и нѣмецкому. Студенты-нѣмцы возмутились и назвали такое требованіе «наглымъ», такъ какъ первенство всегда и во всемъ должно принадлежать нѣмецкому языку. Результатомъ этого спора явилась кровопролитная схватка, вызвавшая сильнѣйшее волненіе среди итальянскихъ студентовъ другихъ австрійскихъ университетовъ, которые естественнымъ образомъ приняли сторону своихъ товарищей и единоплеменниковъ въ Инспрукѣ. Въ Италіи же инспрукское столкновеніе пробудило старинную вражду и въ итальянской печати появились рѣзкія статьи противъ союзницы Италіи и ея «исконнаго врага» Австріи. Такимъ образомъ, споръ національностей въ Австріи и вопросъ объ языкахъ въ университетахъ пріобрѣтаетъ общеполитическое значеніе, особенно въ виду того распространенія, которое получили въ послѣднее время идеи національизма въ Европѣ.

Въ Вѣнѣ, въ рабочемъ кварталѣ, открытъ домъ для рабочихъ, основанный обществомъ «Verein Arbeiterheim», которое начало свою дѣятельность всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Свою идею устройства дома для рабочихъ оно могло осуществить только въ прошломъ году. Въ мартѣ было приступлено къ постройкѣ, и теперь домъ готовъ и можетъ служить украшеніемъ не только запущеннаго рабочаго квартала большого города, но и красивыхъ богатыхъ улицъ. Это великолѣпное зданіе вполнѣ удовлетворяетъ намѣченной цѣли. Рабочіе могутъ имѣть прекрасное и дешевое помѣщеніе въ этомъ домѣ со всѣми хозяйственными приспособленіями, причемъ жильцы имѣютъ возможность пользоваться ванной и прачешной. Въ первомъ этажѣ находятся великолѣпныя залы для собраній и одна изъ нихъ, устроенная амфитеатромъ, вмѣщаетъ до 2.000 человѣкъ. По словамъ газетъ, ни одна изъ существующихъ залъ въ Вѣнѣ не можетъ поспорить съ этой въ отношеніи цѣлесообразности ея устройства. Въ этой залѣ находятся подмостки, которые служатъ эстрадой для концертовъ,

сценой для театральныхъ представленій и трибуной для ораторовъ во время обраній. По бокамъ эстрады возвышаются колоссальные бюсты Маркса и Энгельса. Въ домѣ устроенъ ресторанъ для рабочихъ и отдѣленія общества потребителей и кассы вспомоществованія на случай болѣзни. Бюро союза просвѣщенія устроило тутъ библіотеку и научные курсы, а редакція «Arbeiter Zeitung»—отдѣленіе для продажи своей газеты.

Американскій парламентъ. Соціальный музей. Судъ для дѣтей. Вашингтонскій конгрессъ, по словамъ одного англійскаго журналиста, посѣтившаго открытіе американскаго парламента, представляетъ «наиболѣе американское изъ всѣхъ американскихъ учрежденій». Демократическій характеръ этого учрежденія сказывается во всемъ. Входъ въ американскій Капитолій открытъ для каждаго, безъ различія возраста, пола, цвѣта кожи и состоянія одежды. Милліонеръ или бродяга, бѣлый или негръ одинаково имѣютъ доступъ въ галлереи для публики и могутъ сидѣть рядомъ, если найдутъ тамъ свободное мѣсто. Никакихъ билетовъ или рекомендательныхъ карточекъ не требуется при входѣ въ парламентъ и не приходится проходить сквозь строй чиновниковъ, осматривающихъ подозрительно каждаго входящаго. Вообще что касается свободы, то въ этомъ отношеніи въ американскомъ парламентѣ дальше идти некуда. Залъ парламента очень великъ, но такъ пропорціоналенъ во всѣхъ своихъ частяхъ, что величина его не бросается въ глаза. Мѣста для депутатовъ расположены полукругомъ, концентрическими рядами, напротивъ президента, причемъ республиканцы сидятъ по лѣвую сторону, а демократы по правую. Сидѣнія депутатовъ устроены на подвижной оси и передъ каждымъ изъ нихъ находится пюпитръ съ письменными принадлежностями, на которомъ депутатъ можетъ писать письма и разложить свои бумаги. Въ день открытія парламентской сессіи пюпитры и депутатскія кресла украшаются букетами цвѣтовъ, которые присылаются избирателями, и наиболѣе популярные изъ депутатовъ въ этотъ деиь буквально утопаютъ въ цвѣтахъ. Для посторонняго зрителя особенно интересно наблюдать публику на галлереяхъ и ея отношеніе къ депутатамъ. Англійскій журналистъ разсказываетъ, что когда онъ въ первый разъ посѣтилъ американскій конгрессъ три года тому назадъ, представителемъ Утаха былъ выбранъ мормонъ, имѣвшій трехъ женъ. Къ началу засѣданія на галлереяхъ уже заняли мѣста три тысячи женщинъ, твердо рѣшившихъ выразить свое негодованіе мормону и бѣдный депутатъ не могъ сказать ни слова, такъ какъ лишь только онъ начиналъ говорить, на галлереяхъ тотчасъ же поднимался неистовый шумъ. Зато ораторы, съумѣвшіе понравиться публикѣ, награждались такими же неистовыми апплодисментами. Изъ залы засѣданія дверь ведетъ въ курительную комнату и такъ какъ депутаты, отправляющіеся туда курить, оставляютъ эту дверь открытою, чтобы не пропустить рѣчей, то табачный дымъ проникаетъ и въ залу. Другая дверь ведетъ въ парикмахерскую и когда чернокожій парикмахеръ бываетъ свободенъ, то онъ открываетъ эту дверь и стоитъ на порогѣ, безъ сюртука и въ передникѣ, слушая рѣчи и перебрасываясь иногда шутливыми замѣчаніями съ сидящими въ послѣднихъ

рядахъ депутатами. Но особенную простоту и уютность придаетъ парламентской залѣ присутствіе дѣтей, сидящихъ во время дебатовъ на колѣняхъ своихъ отцовъ, членовъ конгресса. Спущенные съ колѣнъ ребятишки иногда взбираются на свободныя сидѣнія депутатовъ и начинаютъ вертѣть ихъ во всѣ стороны, что ихъ чрезвычайно радуетъ. Члены конгресса обыкновенно не мѣшаютъ имъ заниматься этимъ. Одинъ изъ маленькихъ мальчугановъ, пришедшій вмѣстѣ съ отцомъ, подошелъ съ нимъ вмѣстѣ къ рѣшеткѣ и поднявъ кверху свой кулачокъ, произнесъ, вслѣдъ за отцомъ, формулу депутатской присяги. Это въ особенности привело въ восторгъ публику, засѣдающую въ галлереяхъ. Ораторы должны обладать очень сильнымъ голосомъ, чтобы ихъ можно было слышать, несмотря на огромную величину залы, скрипъ перьевъ, хлопаніе о пюпитры и шелестъ разворачиваемыхъ газетъ, такъ какъ всѣ этизвуки разносятся въ воздухѣ и въ залѣ господствуетъ постоянный гулъ. Если рѣчь оратора вызываетъ особенный интересъ, то депутаты покидаютъ свои мѣста и окружаютъ его, чтобы лучше слышать.

Американскій парламентъ въ отношеніи одежды депутатовъ отличается необыкновеннымъ разнообразіемъ. «Это самое плохо одѣтое собраніе на свѣтѣ! замѣчаетъ англійскій журналистъ.—Съ перваго взгляда конгрессъ можно принять за собраніе диссидентовъ, но затѣмъ разнообразіе костюмовъ бросается въ глаза. Всѣ чувствуютъ себя необыкновенно свободно, и засѣданія не носятъ ни малѣйшей торжественности. Однако это ничуть не мѣшаетъ конгрессу рѣшать важнѣйшіе вопросы, касающіеся судебъ государства и американскаго народа».

По примѣру соціальнаго музея въ Парижѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ открыли въ настоящее время институтъ соціальныхъ справокъ (American Institute of Social Sorvice).' Учрежденіе это находится въ Нью Іоркѣ, гдѣ уже съ 1898 года существуетъ «Leogue for Social Service». Въ организаціонномъ комитетѣ института участвуютъ всѣ лица, пользующіяся извѣстностью какъ соціальные дѣятели и въ томъ числѣ много женщинъ. Институтъ поставилъ своею задачей собираніе матеріаловъ, относящихся къ соціальному положенію вообще и спеціально положенію рабочихъ. Всѣ желающіе получить какія-либо свѣдѣнія, могутъ обращаться за справками въ институтъ и въ немъ работать по какому-нибудь отдѣлу соціальнаго вопроса. Институтъ будетъ издавать статистическія свѣдѣнія, на основаніи которыхъ будутъ предлагаться различныя законодательныя мѣры. Кромѣ того, задачею института будетъ подготовленіе секретарей для соціальныхъ собраній. Институтъ вступилъ уже въ сношенія съ европейскими странами, и иностранцы, желающіе предпринять путешествіе въ Америку для изученія тамошнихъ соціальныхъ учрежденій могутъ обращаться въ американскій соціальный институтъ за всѣми нужными свѣдѣніями, касающимися не только интересующаго ихъ соціальнаго вопроса, но имѣющими практическое значеніе, какъ, напр., обозначеніе лучшаго маршрута и указаніе дешевыхъ и хорошихъ отелей и пансіоновъ. Вообще практическій характеръ американцевъ выразился и въ этомъ учрежденіи.

При институтѣ устраивается музей, въ которомъ будетъ собрано все, относящееся къ предохраненію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и улучшенію

ихъ быта въ санитарномъ отношеніи. Институтъ учрежденъ, благодаря общественной инициативѣ.

Въ Нью-Іоркѣ открыто еще одно новое учрежденіе—спеціальный судъ для дѣтей, имѣющій цѣлью оградить дѣтей, оказавшихся виновными въ какомъ нибудь проступкѣ, отъ соприкосновенія съ преступниками и разными подонками общества, которые фигурируютъ на судѣ для взрослыхъ. «New Court» открытъ недавно, но, по словамъ американскихъ газетъ, уже теперь замѣтны благодѣтельные результаты. Во главѣ его поставленъ въ высшей степени добрый и разумный судья, которому удалось обратить на путь истины многихъ маленькихъ злодѣевъ. Судъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ обществомъ «охраненія дѣтей отъ жестокаго обращенія», которое заботится о томъ, чтобы маленькіе преступники не попадали ночью въ полицейскіе участки. Для нихъ теперь устроено специальное чистое помѣщеніе въ зданіи суда, куда не сажаютъ ни взрослыхъ преступниковъ, ни пьяницъ, ни женщинъ дурного поведенія. Зала дѣтскаго суда отличается чистотой, хорошо провѣтрена, но не лишена торжественнаго характера. Съ одной стороны залы, за высокою рѣшеткой, сидитъ судья въ своей судейской мантіи, слѣва находится дверь, через которую ежедневно проходитъ цѣлый рядъ маленькихъ и несчастныхъ созданій, одинъ видъ которыхъ зачастую краснорѣчивѣе всякихъ словъ повѣствуетъ о вынесенныхъ ими страданіяхъ и горькой нуждѣ.

«Это юдоль слезъ, юдоль печали,—говоритъ нѣмецкій журналистъ, недавно присутствовавшій на разбирательствѣ въ этомъ судѣ.—Въ 10¼ часовъ утра открывается черная дверь и въ полутьмѣ, за желѣзною рѣшеткой можно замѣтить маленькія фигуры. Ихъ много. Молча и неподвижно устремляютъ они взоры на открытую дверь, стараясь разглядѣть въ залѣ, среди публики, знакомое лицо, родныхъ, которые ожидаютъ съ замираніемъ сердца рѣшенія суда и права обнять ребенка на прощаніе, если за нимъ должны запереться двери исправительной тюрьмы.

«Служитель вызываетъ громкимъ голосомъ имена. Въ отверстіи черныхъ дверей показывается маленькая дѣвочка, она останавливается на порогѣ, ослѣпленная яркимъ свѣтомъ, но полицейскій указываетъ ей, что она должна пройти впередъ, и она входитъ на трибуну. Судья ласково обращается къ ней; она дрожитъ и плачетъ. Тутъ же присутствуютъ ея мать и отецъ, согбенные горемъ и нуждой? Они обѣщаютъ лучше смотрѣть за своимъ ребенкомъ и судья отпускаетъ ее. Большею частью дѣти всегда откровенно сознаются въ своей винѣ и подробно разсказываютъ «доброму судьѣ» свои прегрѣшенія. Тѣже, которыя отпираются, и рецидивисты отправляются имъ въ исправительныя заведенія для дѣтей. Но очень часто, благодаря судебному разбирательству, раскрывшему мрачныя картины дѣтской жизни, для несчастныхъ дѣтей наступаетъ возможность лучшей будущности».

Хлѣбный вопросъ въ германскомъ рейхстагѣ.—Рѣчи императора Вильгельма. «Свершилось! Сила побѣдила право». Таково было единодушное восклицаніе всей германской либеральной печати на другой

день послѣ безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ германскаго парламента засѣданія, начавшагося въ субботу въ 10 часовъ утра и окончившагося въ воскресенье въ шесть утра, слѣдовательно продолжавшагося 18 часовъ безъ перерыва. Это единственное въ своемъ родѣ засѣданіе было апоѳеозомъ таможеннаго законопроекта, который сплотившіяся реакціонныя партіи германскаго парламента, провели черезъ всѣ препятствія и навязали германскому народу, несмотря на его явное сопротивленіе. Но побѣда досталась не легко и была достигнута только путемъ самаго возмутительнаго насилія, нарушенія важнѣйшихъ основъ парламентскаго производства и покрытія конституціонныхъ правъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ германскія либеральныя партіи находятся теперь подъ угнетающимъ впечатлѣніемъ подобнаго разрѣшенія парламентскаго кризиса и съ тревогой ожидаютъ послѣдствій такого торжества грубой политики насилія.

Борьба, которую вела оппозиція въ германскомъ рейхстагѣ противъ таможеннаго законопроэкта, прозваннаго ею «Hungertarif'омъ», также принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ фактовъ германскаго парламентаризма и займетъ выдающееся мѣсто въ исторіи германскаго Рейхстага. Обструкція примѣнялась съ такимъ удивительнымъ единодушіемъ и упорствомъ (къ одному только предложенію Кардорфа было внесено 466 поправокъ!) — что пренія затягивались до безконечности и, казалось, не было никакой надежды довести ихъ до конца раньше будущаго года. Постепенно возрастало ожесточеніе партіи и дошло до того, что въ стѣнахъ германскаго рейхстага разыгрались такія сцены, которыя составляютъ нѣчто небывалое въ германской парламентской исторіи. Насиліе слѣдовало за насиліемъ. Утомленные и раздраженные упорствомъ обструкціи сторонники высокихъ пошлинъ рѣшили прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ—измѣнить парламентскій уставъ и дать въ руки предсѣдателя рейхстага диекреціонную власть. Это упрощало дѣло и оппозиція была побѣждена. Однако въ памятный день генеральнаго сраженія, вслѣдствіе оплошности Шпана—«парламентскаго палача» какъ его назвала оппозиція, указывавшаго предсѣдателю ораторовъ, которымъ можно разрѣшить говорить, соціалъдемократу Антрику было дано слово и онъ говорилъ безъ перерыва восемь часовъ, разсчитывая, что утомленные депутаты большинства разбѣгутся и голосованіе не состоится. Но надежды его не сбылись. Парламентское большинство рѣшило во что бы то ни стало покончить съ третьимъ чтеніемъ законопроекта и вотировать его, хотя бы пришлось для этого сидѣть въ рейхстагѣ до слѣдующаго утра. Убѣдившись, что всѣ его усилія напрасны, Антрикъ сошелъ съ трибуны. «Мы напрягаемъ всѣ свои духовныя и физическія силы, чтобы просвѣтить народъ, сказалъ онъ, заканчивая свою рѣчь.—Наша партія старалась защитить интересы народа и хотя я ничего не могу сдѣлать здѣсь, но я исполняю свой долгъ солдата великой арміи».

То, что произошло въ германскомъ рейхстагѣ, представляетъ совершенно исключительный интересъ. Чѣмъ дальше затягивались пренія относительно таможеннаго законопроекта, тѣмъ яснѣе становилось, что экономическій вопросъ отходитъ на второй планъ и уступаетъ свое мѣсто чисто политическому во-

просу. Казалось временами, что таможенный законопроектъ служитъ только предлогомъ для политическихъ партій помѣряться своими силами. Во всякомъ случаѣ политическія послѣдствія этой борьбы могутъ быть, пожалуй, даже поважнѣе экономическихъ.

Рѣшающимъ моментомъ парламентской борьбы было соглашеніе между правительствомъ и консервативными аграріями. Какъ только оно состоялось, въ парламентскомъ положеніи произошла рѣзкая перемѣна. Бывшіе наканунѣ въ рѣзкой оппозиціи другъ съ другомъ, правительство и аграріи внезапно стали союзниками и точно по мановенію волшебнаго жезла экономическій вопросъ превратился въ политическій. Всѣ ретроградные элементы парламента соединились вмѣстѣ, чтобы нанести рѣшительный ударъ непріятелю и составили наступательный союзъ противъ правъ парламента и интересовъ народа. Парламентскій уставъ былъ измѣненъ насильственнымъ образомъ и 946 статей таможеннаго законопроекта были вотированы in extremis, цѣликомъ, безъ детальнаго обсужденія. Оппозиціонная германская печать называетъ это измѣненіе устава «парламентскою революціею» и указываетъ на странное совпаденіе, что этотъ переворотъ, устроенный германскими консерваторами, совершился 2-го декабря. Вообще, въ послѣднее время, какъ въ консервативной, такъ и въ либеральной германской печати, замѣчается склонность искать аналогій во французской исторіи. Даже въ германскомъ рейхстагѣ депутаты правой говорили о томъ, что положеніе въ Германіи чрезвычайно напоминаетъ положеніе Франціи передъ революціей. Какъ бы то ни было, но и въ Германіи 2-ое декабря можетъ быть началомъ новой эры.

Послѣднія рѣчи императора Вильгельма также указываютъ на существованіе политическаго кризиса въ Германіи. Эти рѣчи носятъ предостерегающій характеръ. Особенно характерна въ этомъ отношеніи рѣчь, произнесенная имъ на торжествѣ открытія «Музея славы», устроенномъ въ память войны 1870 года. Въ другое время, онъ бы, конечно, воспользовался случаемъ и не преминулъ бы наговорить много словъ о германскомъ патріотизмѣ, величіи и славѣ, а теперь онъ высказалъ свое сожалѣніе, что «не всѣ сословія и классы населенія одинаково дружно поддерживаютъ дѣло объединенія Германіи, совершенное въ 1870 г., но до сихъ поръ еще не вполнѣ законченное». Нѣтъ прежняго единодушнаго стремленія, которое воодушевляло всю Германію, начиная отъ «великаго императора» и кончая послѣднимъ солдатомъ, и помогло совершить великое дѣло объединеніе! То, что императоръ Вильгельмъ счелъ нужнымъ заговорить объ этомъ упадкѣ германскаго патріотизма въ такой моментъ, весьма знаменательно. Такимъ же предостереженіемъ является и его бреславльская рѣчь и рѣчь, произнесенная рабочимъ въ Эссенѣ, въ которой императоръ выступилъ въ защиту своего «умершаго друга» Круппа, обвиненнаго газетою «Voswärts» въ крайне некрасивомъ поведеніи на островѣ Капри. Слѣдуетъ прибавить, что дѣло, возбужденное еще покойнымъ Круппомъ противъ этой газеты, прекращено теперь его родными за его смертью, и «Vorwärts», такимъ образомъ, лишена возможности представить суду доказательства справедливости своихъ обвиненій.

Какъ бы то ни было, но тонъ императорскихъ рѣчей подтверждаетъ, что одержанною побѣдою правительства въ рейхстагѣ кризисъ разрѣшиться не можетъ. Агитація продолжается и она особенно сильна въ промышленныхъ центрахъ, гдѣ постоянно происходятъ собранія и партіи усиленно вербуютъ себѣ сторонниковъ, причемъ, конечно, дѣло не обходится безъ принудительныхъ средствъ.

Кстати о рѣчахъ императора Вильгельма: книгоиздательская фирма Вебера въ Лейпцигѣ выпустила сборникъ важнѣйшихъ телеграммъ и рѣчей, произнесенныхъ Вильгельмомъ со времени его восшествія на престолъ. За 14 лѣтъ своего царствованія Вильгельмъ произнесъ такихъ *важнѣйшихъ* рѣчей не менѣе 400 (не столь важныя рѣчи въ сборникъ не включены) и если это число уже достаточно велико само по себѣ, чтобы приводить въ изумленіе, то еще болѣе поражаетъ читателя разнообразіе этихъ рѣчей. Вообще, своимъ краснорѣчіемъ и готовностью по всякому поводу «говорить рѣчь» императоръ Вильгельмъ заткнетъ за поясъ любого профессіональнаго политика, всегда имѣющаго въ своемъ распоряженіи запасъ готовыхъ словъ.

Импульсивность характера императора Вильгельма ярко выражается въ его рѣчахъ и телеграммахъ. Но мѣняется только тонъ рѣчей, то напыщенный и хвалебный, то угрожающій и суровый, то дидактическій и шутливый, идеи же, выраженныя въ этихъ рѣчахъ, весьма немногосложны и просты, и въ сущности императоръ Вильгельмъ постоянно повторяется. Напримѣръ, всегда и во всѣхъ рѣчахъ онъ прославляетъ династію Гогенцоллерновъ, которую считаетъ «величайшею въ свѣтѣ» и это его любимѣйшая тема. Его предки всѣ были геніальны. Они создали Браденбургъ, создали Пруссію, создали Германію. И сдѣлали все это одни, безъ чужой помощи! Если бы міръ не былъ уже созданъ раньше, то они, конечно, создали бы его. Вообще Вильгельмъ II необыкновенно упрощаетъ философію исторіи, и всю исторію Пруссіи онъ сводитъ къ исторіи ея коронованныхъ правителей. Онъ признаетъ только королевскую иниціативу и лишь вскользь удостоиваетъ упоминать о поддержкѣ, оказываемой монархами генералиссимусами, да первыми министрами. Но въ рѣчахъ Вильгельма сквозитъ и главная идея его царствованія — превращеніе Германіи въ первоклассную морскую державу. Его, повидимому, вовсе не удовлетворяетъ роль охранителя имперіи, созданной его предшественниками, и онъ самъ, съ своей стороны, хочетъ прибавить ей блеска. Въ этомъ отношеніи очень характерна его бранденбургская рѣчь, произнесенная въ 1895 г. Онъ говорилъ о великихъ задачахъ арміи и флота, который долженъ распространить въ отдаленныхъ моряхъ величіе германскаго имени, о задачахъ церкви, которая должна внушать народу уваженіе къ коронѣ и довѣріе къ правительству. Художники должны посвящать свой талантъ, а театральныя директора свои средства на то, чтобы культивировать въ народѣ «германскія» вѣрованія и «германскіе» идеалы. Всѣ же тѣ, кто не согласенъ работать въ этомъ направленіи, кто сомнѣвается въ совершенствѣ одобренныхъ имъ и существующихъ соціальныхъ и политическихъ учрежденій или предлагаетъ что-нибудь новое,—всѣ эти люди заклеймены Вильгельмомъ именемъ «vaterlandlose Gesellen». Раньше, въ томъ же Бранденбургѣ,

онъ сказалъ, что «раздавитъ» каждаго, кто будетъ мѣшать его дѣятельности, и сердечно привѣтствуетъ всѣхъ, кто хочетъ помогать ему. Въ соціалъ-демократіи онъ видитъ антитезисъ не только монархическаго режима, но и всего цивилизованнаго общества. «Въ моихъ глазахъ соціалъ-демократъ — синонимъ врага имперіи и отечества», заявляетъ онъ о политическихъ воззрѣніяхъ по крайней мѣрѣ двухъ милліоновъ своихъ подданныхъ. Онъ говоритъ, какъ о «болѣзни, которая не только портитъ народъ, но старается поколебать семейную жизнь и прежде всего то, что наиболѣе священно и неприкосновенно въ глазахъ каждаго нѣмца—положеніе женщины!»

Не разъ обращала на себя вниманіе также странная смѣсь религіознаго и воинственнаго чувства въ характерѣ императора Вильгельма. Это отражается и во многихъ его рѣчахъ. Онъ—мистикъ, но совсѣмъ особаго рода. Кто-то замѣтилъ, что императоръ представляетъ себѣ небо укрѣпленнымъ прусскимъ лагеремъ, посреди котораго возсѣдаетъ богъ войны, окруженный блестящимъ прусскимъ генеральнымъ штабомъ. Обращаясь къ депутатамъ рейхстага, онъ сказалъ, напримѣръ: «Пробьетъ часъ, когда вы должны будете явиться передъ лицомъ *своего* Господа и *своего стараго императора*. Выполняйте же усердно свой долгъ, для того, чтобы имѣть право, когда васъ спросятъ, трудились ли вы отъ всего сердца для процвѣтанія имперіи, отвѣтить не колеблясь и *ударяя себя въ грудь*: «Да!»

Проповѣди и молитвы, сочиненныя Вильгельмомъ II, также проникнуты этимъ мистически воинственнымъ духомъ. Напримѣръ, въ молитвѣ, произнесенной имъ на яхтѣ «Гогенцоллернъ» въ іюлѣ 1900 года и состоящей изъ 16 строчекъ, — тринадцать разъ встрѣчаются воинственныя метафоры, такъ что, облекаясь въ одѣяніе пастора, онъ все-таки остается воинствующимъ генераломъ и держится за рукоятку меча въ складкахъ пасторской одежды. Въ смутное время, переживаемое теперь Германіей, появленіе такого сборника очень умѣстно, такъ какъ въ немъ ярко вырисовывается личность и характеръ главы германской имперіи. Къ сожалѣнію, издатель не включилъ въ свой сборникъ многихъ мелкихъ рѣчей императора, которыя, хотя и не обратили на себя вниманіе Европы, такъ какъ касались исключительно домашнихъ дѣлъ, но въ Германіи вызвали много горячихъ толковъ.

Среди бездомныхъ милліоннаго города. Внезапно наступившіе холода вызвали, какъ это указываютъ статистическія таблицы, рѣзкое повышеніе смертности въ Лондонѣ и это всецѣло приписывается вліянію низкой температуры и голода. Много несчастныхъ людей, не имѣющихъ крова, проводитъ ночи на улицѣ и въ суровыя зимы не мало ихъ погибаетъ отъ холода и голода. По этому поводу сотрудникъ одной очень большой и вліятельной газеты въ Лондонѣ разсказываетъ, что, желая на опытѣ убѣдиться, какъ проводятъ зимнія ночи лондонскіе бездомные скитальцы, онъ присоединился къ нимъ и провелъ съ ними двѣ ночи. «Это были самыя ужасныя, самыя холодныя и самыя печальныя ночи въ моей жизни, — говоритъ онъ.—Много услышалъ я горькихъ повѣстей жизни и познакомился съ такою безпросвѣтною нуждой, о

которой мы имѣемъ лишь смутное понятіе. Теперь, когда я нахожусь въ лучшей обстановкѣ и привожу въ порядокъ собранные мною «человѣческіе документы», то пережитое мною въ эти ужасныя ночи представляется мнѣ какимъ-то страшнымъ кошмаромъ. Приведу вкратцѣ нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній: «Первая ночь. Большой колоколъ на зданіи парламента глухо прозвучалъ. Часъ ночи! При лунномъ освѣщеніи Темза кажется почти красивой. Холодный восточный вѣтеръ пронизываетъ до костей. Я спустился къ мосту и увидалъ въ его углубленіи, которое частью было защищено отъ вѣтра, двухъ спящихъ мужчинъ. Они сидѣли скорчившись и прижавшись другъ къ другу, чтобы согрѣться. Нѣсколько поодаль, на скамейкѣ набережной сидѣлъ пожилой человѣкъ и молодая женщина, которая, повидимому, спала. Когда я подошелъ и сѣлъ рядомъ съ нимъ, то увидѣлъ, что онъ не спитъ, но, подперевъ руками голову, неподвижно смотритъ въ землю. Онъ принялъ меня за такого же бездомнаго скитальца, какъ онъ самъ, и заговорилъ со мною. Онъ предложилъ мнѣ сѣсть ближе къ нему, чтобы мы могли взаимно согрѣвать другъ друга. Мы разговорились. Я узналъ, что спящая молодая женщина — его дочь. Два года назадъ она вышла замужъ, но мужъ ее бросилъ. Недавно она узнала о его смерти, но въ то же время узнала также, что никогда не была его женою. О ея ребенкѣ позаботилось какое-то благотворительное общество, ну а дочь осталась на его попеченіи. Онъ слишкомъ старъ, чтобы работать, и зарабатываетъ иногда полпенни, иногда пенни, присматривая за вещами чистильщиковъ сапоговъ, когда тѣ идутъ въ харчевню, чтобы поѣсть. «Дочь работать не можетъ, у нея голова не въ порядкѣ», прибавилъ старикъ, выразительно указавъ пальцемъ на лобъ...

«Всѣ скамьи набережной были заняты. На ступеняхъ лѣстницы пріютилось двое мужчинъ, у которыхъ оказалась настоящая подушка, хотя и совсѣмъ потемнѣвшая отъ грязи. Я подсѣлъ къ нимъ. «Мы товарищи, — сказали мнѣ они.—Мы—«разносчики плакатовъ», и когда бываетъ работа, то работаемъ съ 10-ти час. утра до 10-ти вечера и зарабатываемъ шиллингъ въ день. Но, къ сожалѣнію, работы мало, а желающихъ много. Вѣдь каждый можетъ расхаживать съ плакатами по улицамъ»!

«Я переходилъ отъ одной группы къ другой, вступая въ бесѣду съ бодрствующими, и вездѣ со мною разговаривали охотно и предлагали мнѣ мѣстечко возлѣ себя. Одна маленькая и очень худая женщина въ лохмотьяхъ, у которой буквально стучали зубы отъ холода, предупредила меня, чтобы я не ходилъ въ центръ города. Городская полиція не позволяетъ бездомнымъ проводить ночи на скамьяхъ и подъѣздахъ, полиція же Сити въ этомъ отношеніи гораздо любезнѣе. И дѣйствительно, я насчиталъ около ста человѣкъ, спящихъ мужчинъ и женщинъ на набережной и въ углубленіяхъ мостовъ въ Сити. Но когда ночи бываютъ теплѣе, то число это возрастаетъ, по словамъ свѣдущихъ людей, до 300 чел. и даже болѣе.

«Вторая ночь. Было около двухъ часовъ ночи, когда я наткнулся на двухъ спящихъ мужчинъ на мраморныхъ ступеняхъ Друриленскаго театра. Одинъ изъ нихъ вскочилъ при моемъ приближеніи, такъ какъ принялъ меня за полицей-

скаго, но, увидѣвъ свою ошибку, снова усѣлся и даже предложилъ мнѣ мѣстечко. Это былъ уличный пѣвецъ. Въ субботу, лучшій день для уличныхъ пѣвцовъ, ему удалось собрать шесть шиллинговъ, но онъ ихъ истратилъ въ теченіе недѣли и теперь ему нечѣмъ было заплатить за ночлегъ. Онъ пробовалъ накануне найти работу въ лондонскихъ докахъ. Собралось 500 человѣкъ, такихъ же бездомныхъ скитальцевъ, какъ онъ, но только 30 изъ нихъ получили работу. Ему удалось вчера заработать три пенса, призывая дрожки для людей, выходящихъ изъ театра. На это онъ просуществовалъ цѣлый день. Просидѣвъ съ нимъ нѣсколько времени, я пошелъ дальше. У дворцоваго театра я замѣтилъ группу мужчинъ и женщинъ, которые собрались у рѣшетки, ведущей въ маленькое помѣщеніе, чтобы немного обогрѣться теплымъ, которое выходило оттуда. Я заговорилъ съ очень приличнымъ на видъ, несмотря на поношенное платье, человѣкомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что уже больше мѣсяца находится среди бездомныхъ и три недѣли тому назадъ обратился въ пріютъ для бездомныхъ. Его приняли туда, но за оказанное ему гостепріимство онъ долженъ былъ ежедневно разбивать извѣстное количество камней, и такъ какъ онъ никогда не занимался такою тяжелою работой, то очень скоро у него заболѣли руки; они потрескались и начали кровоточить. Онъ не могъ кончить работы и за отказъ отъ работы его отправили въ полицейскій судъ и присудили къ аресту на 14 дней. Въ то время, когда онъ разсказывалъ мнѣ это, я увидѣлъ женщину съ ребенкомъ на рукахъ, которая направлялась къ ночному сторожу. «Вы позволите погрѣть мнѣ руки?»,—спросила она его, указывая на жаровню съ горячими угольями. «О, разумѣется», отвѣчалъ онъ добродушно и прибавилъ: «А есть у васъ хлѣбъ?» Женщина покачала головой. Сторожъ вошелъ въ будку и вынесъ оттуда два большихъ куска хлѣба, которые далъ ребенку. «Вѣдь это не можетъ васъ обидѣть, если я попрошу васъ принять отъ меня этотъ хлѣбъ», сказалъ онъ. Я былъ пораженъ, какъ много деликатности выказалъ этотъ грубый на видъ человѣкъ, боявшійся обидѣть своею подачкой бездомную женщину. Она присоединилась къ нашей компаніи и я узналъ ея исторію. Она была дочерью бѣднаго, но очень гордаго священника и пріѣхала въ Лондонъ на мѣсто воспитательницы дѣтей. Въ Лондонѣ она познакомилась съ однимъ молодымъ человѣкомъ, приказчикомъ магазина, и полюбила его. Отецъ не разрѣшалъ ей такой неравный бракъ и она вышла замужъ противъ его воли. Но мужъ ея лишился мѣста, такъ какъ женатаго приказчика не хотѣли держать и онъ никакъ не могъ найти себѣ работы. Въ концѣ-концовъ онъ сдѣлался метельщикомъ улицъ, но недавно простудился и умеръ въ больницѣ. Она осталась одна съ ребенкомъ въ милліономъ городѣ, гдѣ у нея не было ни родныхъ, ни друзей... И вотъ уже нѣсколько дней ей приходится скитаться по улицамъ. Однако, среди бездомныхъ она всегда находила людей, которые принимали въ ней участіе и помогали ей укрыть ребенка отъ холода».

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Бѣгство изъ прусскаго плѣна.—Первая защитница правъ женщины.—Международная лига противъ дуэли.—Турція и будущее ислама.

Бывшій французскій военный министръ генералъ Цурлинденъ разсказываетъ въ «Revue des deux Mondes», какъ онъ бѣжалъ изъ прусскаго плѣна въ 1870 году. Онъ былъ тогда артиллерійскимъ капитаномъ и послѣ капитуляціи Мёца долженъ былъ подобно прочимъ французскимъ офицерамъ, дать честное слово, что онъ никогда больше не подниметъ оружія противъ Германіи. Онъ былъ отправленъ въ Висбаденъ, гдѣ пользовался свободой движенія, но такъ какъ его смущала мысль, что его товарищи остались среди сражающихся, то онъ отправился къ коменданту генералу Зенгеру и объявилъ ему, что по прошествіи 24-хъ часовъ онъ будетъ считать себя свободнымъ отъ своего обѣщанія и постарается употребить всѣ усилія, чтобы снова вернуться во французскую армію. Онъ скрылъ отъ Зенгера, что владѣетъ свободно нѣмецкомъ языкомъ и такъ какъ Зенгеръ не говорилъ по-французски, то онъ разговаривалъ съ нимъ черезъ переводчика. Въ тотъ же день, черезъ нѣсколько часовъ, Цурлинденъ былъ арестованъ и отправленъ въ Мюнхенъ, гдѣ заключенъ въ крѣпость. Вмѣстѣ съ намъ въ камерѣ находились двое штатскихъ, то же французы, но Цурлинденъ недолго тамъ оставался, такъ какъ его переправили въ военную тюрьму въ Глогау. Дорогою нѣмецкій офицеръ, сопровождавшій отрядъ, спросилъ Цурлиндена, не желаетъ ли онъ перейти въ первый классъ, какъ подобаетъ его офицерскому достоинству. Но Цурлинденъ представился, что не понимаетъ его, такъ какъ не хотѣлъ выдавать своего знанія нѣмецкаго языка, и онъ ничего ему не отвѣтилъ, притомъ же ему не хотѣлось быть обязаннымъ чѣмъ-нибудь прусскому офицеру. Такимъ образомъ, онъ остался сидѣть въ третьемъ классѣ и терпѣть неудобства и холодъ, очень ощущительный зимой въ Германіи. Поѣздъ остановился въ Герлицѣ, гдѣ пришлось провести часть ночи въ вокзалѣ. Цурлинденъ основывалъ на этомъ обстоятельствѣ большія надежды, такъ какъ Герлицъ находится вблизи австрійской границы. Но сопровождающій офицеръ словно прочиталъ въ его мысляхъ и усѣлся возлѣ него и всю ночь не спускалъ съ него глазъ! Въ Глогау однако Цурлиндена ожидалъ пріятный сюрпризъ: тюрьма была переполнена французскими офицерами. Кромѣ того тюремный сторожъ оказался отъявленнымъ пьяницей. Цурлинденъ твердо надѣялся, что ему удается совершить свой побѣгъ изъ тюрьмы, благодаря этому обстоятельству. Онъ разсчиталъ вѣрно и 23-го декабря, когда въ тюрьмѣ была большая суматоха вслѣдствіе предстоящей инспекціи генерала Штейнмеца, Цурлиндену удалось скрыться, такъ какъ пьяный сторожъ не заперъ его камеры. Онъ благополучно выбрался изъ тюрьмы и прямо отправился на вокзалъ. Какой-то прусскій солдатъ указалъ ему дорогу. На вокзалѣ царила суматоха, потому что множество военныхъ уѣзжали въ отпускъ на Рождество. Цурлинденъ взялъ билетъ II-го класса и добрался до Берлина, а оттуда черезъ Кассель во Франкфуртъ. Онъ все время старательно читалъ

*

«Kreuzzeitung», скрывая свое лицо за развернутою газетой. Но холодъ давалъ себя чувствовать все сильнѣе, такъ что одинъ изъ пассажировъ даже замѣтилъ другому, указывая на Цурлиндена: «Должно быть, это не настоящій нѣмецъ, такъ какъ онъ ужъ черезчуръ громко стучитъ зубами отъ холода». Понятно, что эти слова заставили Цурлиндена задрожать еще сильнѣе. Но нѣмцы только и ограничились этимъ замѣчаніемъ. По Франкфуртѣ его ожидало худшее—онъ не попалъ на поѣздъ, идущій въ Гейдельбергъ, и долженъ былъ остаться ночевать. Холодъ и голодъ, такъ какъ онъ ничего не ѣлъ, боясь выходить на станціяхъ, заставили его пренебречь мѣрами осторожности и отправиться въ гостинницу, гдѣ, плотно поужинавъ, онъ заснулъ, какъ убитый, и чуть не проспалъ утренній поѣздъ. Онъ впрочемъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы отказаться вписать свое имя въ книгу отеля, подъ предлогомъ, что ему нѣтъ на это времени, и стремглавъ бросился на вокзалъ, куда попалъ къ самому отходу поѣзда. Теперь ему предстояла самая большая опасность; на послѣдней германской станціи поѣздъ должна была осмотрѣть пограничная стража. Цурлинденъ все время находился въ страшномъ нервномъ напряженіи, но все сошло благополучно, благодаря любезности кондуктора, которому Цурлинденъ хорошо далъ на чай, чтобы тотъ отвелъ ему отдѣльное купэ. Благодарный кондукторъ шепнулъ жандармамъ, чтобы они не безпокоили «господина въ купэ», и... черезъ нѣсколько минутъ Цурлинденъ былъ уже въ Базелѣ, свободный и счастливый. «Да я былъ счастливъ, какъ никогда больше въ жизни,—говоритъ онъ. То, что казалось мнѣ почти недостижимымъ въ Висбаденѣ, исполнилось такъ скоро и такъ легко и я снова очутился въ ряду сражающихся за отечество...» Цурлинденъ добавляетъ, что пьяный сторожъ, выпустившій его, былъ приговоренъ къ двухнедѣльному аресту, но наказаніе было ему смягчено, въ виду наступившихъ праздниковъ Рождества.

Профессоръ Грёберъ въ послѣдней книжкѣ нѣмецкаго журнала «Deutsche Revue» говоритъ о положеніи женщинъ въ средніе вѣка и о первой женщинѣ, которая вступилась за права своего пола. Въ средніе вѣка, несмотря на культъ женщины, положеніе ея было далеко не высокое и только въ XIV-мъ вѣкѣ возникли стремленія нѣсколько возвысить женщину путемъ учрежденія ордена въ ея честь. Въ этихъ стремленіяхъ большая роль принадлежитъ писательницѣ Христинѣ де-Пизанъ, которая всѣми силами старалась измѣнить презрительные взгляды на женщину своихъ современниковъ и заставить ихъ признать ея права. Въ этомъ отношеніи Христина де-Пизанъ должна считаться первымъ борцомъ за освобожденіе женщины. Во Франціи изданы теперь ея сочиненія, стихотворенія и проза съ цѣлью почтить ея память, такъ какъ она первая стала добиваться того, чтобы образованіе женщины было расширено.

Христина де-Пизанъ родилась въ Венеціи въ 1368 году и затѣмъ была увезена отцомъ, который былъ придворнымъ астрологомъ, въ Парижъ. Отецъ далъ Христинѣ очень тщательное воспитаніе и выдалъ ее замужъ 15-ти лѣтъ за королевскаго секретаря Этьена Дюшателя. Но она прожила съ нимъ не долго и овдовѣла 26-ти лѣтъ. Она осталась послѣ него безъ всякихъ средствъ,

съ тремя дѣтьми и тогда взялась за перо, чтобы заработать средства къ жизни. Однако ей жилось трудно, такъ какъ, по ея собственному признанію, она не могла отстать отъ многихъ привычекъ роскоши и въ концѣ-концовъ она удалилась въ монастырь Пасси, гдѣ уже находилась ея дочь. Въ своихъ произведеніяхъ она смѣло выступила въ защиту правъ женщины и противъ господствующихъ воззрѣній на женщину, какъ на низшее существо. Въ 1399 году она написала обращеніе въ стихахъ къ Аполлону, въ которомъ жаловалась на предубѣжденіе мужчинъ и возставала противъ авторитетовъ, на которыхъ ссылаются мужчины, чтобы унизить женщину. Въ опроверженіе этихъ установившихся воззрѣній, она приводила различные примѣры, указывающіе на возвышенное благородство женщины, заимствованные ею изъ библіи, исторіи, сагъ и литературныхъ произведеній. Въ особенности же возмущало ее то, что она указывала, въ основѣ такого низкаго сужденія мужчинъ о женщинѣ, весьма низкія побужденія. Свою защиту женщины она основывала на словахъ св. Павла, св. Августина, Сенеки и Аристотеля и этимъ страшно возбудила противъ себя тогдашнихъ ученыхъ, находившихъ, что они, разумѣется, лучше ея понимаютъ и умѣютъ толковать философовъ. Впрочемъ, она нашла защитника въ лицѣ канцлера парижскаго университета, придворнаго проповѣдника Іоганна Герсона, который въ серьезныхъ и рѣшительныхъ словахъ осудилъ всю тогдашнюю позорящую женщинъ литературу. Послѣ такого авторитетнаго заявленія противники Христины умолкли. Но эта полемика проложила дорогу для всей дальнѣйшей литературы о равноправіи женщинъ. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, въ прозѣ и стихахъ, Христина старалась просвѣтить женщинъ насчетъ ихъ призванія и обязанностей, сдѣлать ихъ жизнь болѣе содержательной и расширить ихъ познанія. Она всячески старалась пробудить ихъ любознательность и стремленіе учиться. Шириною своихъ взглядовъ и своею многосторонностью Христина де-Пизанъ затмѣвала всѣхъ другихъ современныхъ писателей, но зато ни одна писательница не пользовалась такъ долго популярностью, какъ она, и ея произведенія спустя уже сто лѣтъ послѣ ея смерти были переведены на португальскій ясыкъ.

Въ главнѣйшихъ европейскихъ странахъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, возникло движеніе противъ дуэли, вызвавшее образованіе въ 1900 году международной лиги противъ дуэли, поставившей себѣ цѣлью поддерживать агитацію противъ этого варварскаго учрежденія и добиться, если возможно, положительныхъ результатовъ. Въ «Nuova Antologia» разсказывается, при какихъ обстоятельствахъ образовалась эта лига. Поводомъ послужила не состоявшаяся дуэль въ Вѣнѣ. Маркизъ Токоли, австрійскій офицеръ, ревностный католикъ, получилъ оскорбленіе отъ одного изъ своихъ товарищей и отказался потребовать отъ него удовлетворенія на томъ основаніи, что «католицизмъ—оффиціальная религія австро-венгерской монархіи, осуждаетъ дуэль». Друзья Токоли, огорченные его поведеніемъ, которое считали унизительнымъ для его чести, всячески старались склонить его къ дуэли, но напрасно. Тогда совѣтъ офицеровъ объявилъ, что маркизъ Токоли нарушилъ требованія офицерской

чести и на основаніи этого приговора военный министръ вычеркнулъ имя маркиза изъ списка австрійскихъ офицеровъ. Такая же участь постигла и друга его, графа Ледоховскаго, попробовавшаго за него заступиться въ судѣ офицеровъ. И вотъ, съ этой минуты оба пріятеля, пользовавшіося раньше большимъ уваженіемъ въ вѣнскомъ обществѣ, сдѣлались посмѣшищемъ всѣхъ. Въ высшемъ свѣтѣ ихъ перестали принимать и не было униженія, которое имъ не пришлось вынести отъ общества, встрѣчавшаго ихъ прежде съ почетомъ. Этотъ инцидентъ надѣлалъ много шума и волненіе, вызванное имъ, не успѣло утихнуть, какъ произошло новое событіе. Двоюродный братъ императора, испанскій инфантъ донъ Альфонсъ Бурбонскій опубликовалъ письмо, въ которомъ поздравлялъ двухъ офицеровъ, пожертвовавшихъ своею карьерой ради принципа. Вмѣстѣ съ этимъ донъ Альфонсъ началъ походъ противъ дуэли и въ новомъ письмѣ выразилъ намѣреніе организовать великую международную ассоціацію противъ дуэли, въ составъ которой вошли бы наиболѣе вліятельные люди, безъ различія политическихъ и религіозныхъ воззрѣній. Донъ Альфонсъ сталъ вербовать сторонниковъ во всѣхъ странахъ и, къ удивленію, своему не нашелъ въ Германіи ожидаемой оппозиціи. Въ составъ германскаго комитета лиги противъ дуэли вошли весьма вліятельныя лица изъ германскои высшей аристократіи и высокопоставленные чиновники. Германская фракція лиги даже отличается своею дѣятельностью и въ своемъ собраніи въ Касселѣ лѣтомъ прошлаго года взяла на себя иниціативу учрежденія судовъ чести, которые разсматривали бы всѣ дѣла чести, предпочтительно передъ государственными дѣлами.

Во Франціи лига противъ дуэли образовалась весною 1901 года, а весною 1902 г. она уже организовала судъ чести, членами котораго состоятъ: Эмиль Фаге, Кассаньякъ, принцъ Брольи, вице-адмиралъ де-Кюверв иль и др.

Согласно статистическимъ даннымъ, Венгрія—страна, гдѣ чаще всего дерутся на дуэли, и теперь тамъ точно также образовался центръ активной пропаганды противъ дуэли. Тоже самое и въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ произвели впечатлѣніе статьи донъ-Альфонса, напечатанная въ «North American Review». Но пропаганда противъ дуэли больше всего успѣха имѣетъ въ Австріи, хотя говорятъ, будто императоръ Францъ-Іосифъ не очень-то доволенъ агитаціей, возбужденной его кузеномъ. Тѣмъ не менѣе министръ національной обороны генералъ Вельзереймъ, заявилъ въ парламентѣ, что всякая попытка измѣнить существующіе взгляды на дуэль заслуживаетъ поддержки. Благодаря такому отношенію подлежащихъ властей, статуты лиги получили правительственную санкцію и въ предстоящемъ собраніи комитетъ лиги займется вопросомъ о реформѣ законовъ, относящихся къ дуэли, и практическихъ способовъ къ ея устроненію.

Въ «Fortnightly Review» напечатана любопытная статья о Турціи и ея будущемъ или, вѣрнѣе, будущемъ ислама. По мнѣнію автора, рѣшительно нельзя говорить о вырожденіи Турціи, подобно тому, какъ это можно сказать, напр. о Греціи. Турки вовсе не погибающая раса, хотя съ поверхностной точки зрѣнія и можетъ казаться таковой. Но при болѣе глубокомъ изслѣдованіи можно

убѣдиться, что сила ислама, основанная не на величинѣ территоріи, а на вѣрѣ, нисколько не пострадала отъ урѣзыванія турецкихъ владѣній въ Европѣ. Цѣлью всей жизни султана является поддержаніе ислама. Христіанство, по его мнѣнію, доживаетъ послѣдніе дни, но та доктрина, которая нѣкогда побѣдила полміра, еще живетъ въ душѣ турецкаго народа. Одинъ турецкій мыслитель сказалъ автору статьи: «Конечно, надо быть очень смѣлымъ, чтобы предсказывать теперь торжество менѣе сложной доктрины Магомета, которая займетъ мѣсто христіанскаго политеизма въ мірѣ въ слѣдующій 600-лѣтній періодъ». Въ одной только Турціи находится до 500.000 храбрыхъ и хорошо обученныхъ защитниковъ ислама, а за ними стоятъ другіе два милліона людей въ цвѣтѣ лѣтъ, сельскихъ рабочихъ, матросовъ, бродягъ и т. д., которые всѣ прошли черезъ ряды войска и готовы во всякую минуту снова взяться за оружіе, чтобы защищать свою вѣру. А за этими людьми стоятъ безчисленные милліоны мусульманъ, разсѣянныхъ по всему свѣту. Между этими мусульманами существуетъ неразрывная связь, и достаточно одного мощнаго призыва, чтобы всѣ они двинулись для проповѣди и защиты своей вѣры. Нынѣшній турецкій султанъ сосредоточиваетъ всѣ нити мусульманской пропаганды въ своихъ рукахъ. По всей Азіи, на югѣ Россіи, въ сѣверозападномъ Китаѣ и Афганистанѣ и въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ земного шара, гдѣ только есть мусульмане, дѣйствуютъ агенты ислама. Пороки христіанъ, испорченность духовенства, зависимость религіи отъ богатства—все это служитъ могущественнымъ орудіемъ для мусульманской пропаганды и содѣйствуетъ ея распространенію. Агенты ислама неустанно работаютъ и подхватываютъ каждый фактъ, который можетъ умалить достоинство христіанства и содѣйствовать возвеличенію ислама. Авторъ статьи думаетъ, что султанъ, крайне скупой и бережливый, копитъ деньги для войны будущаго. «Магометанство,—говоритъ онъ,—это такая же сила, какою былъ нѣкогда католицизмъ, и даже еще большая, потому что, благодаря проницательной мудрости пророка, священство не получило въ исламѣ такого значенія, какъ въ католицизмѣ, и не возбудило противъ себя здравый смыслъ человѣчества». Авторъ убѣжденъ, что изъ всѣхъ существующихъ религій будущее принадлежитъ исламу, благодаря его удивительной организаціи.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Январь **1903 г.**

Содержаніе: Беллетристика. — Критика. — Публицистика. — Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.—Медицина и гигіена—Народное образованіе.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. Головинъ. «Полное собраніе сочиненій». — *С. П. Дремцевъ.* «Т. Г. Шевченко. Вып. I.»—*Сельма Лагерлефъ.* «Чудеса Антихриста». Романъ.

Полное собраніе сочиненій К. Головина (К. Орловскаго). Томы I—VI. Спб. 1902 г. Глѣбъ Успенскій разсказываетъ гдѣ-то въ своихъ сочиненіяхъ, что ему однажды до того надоѣли съ обычными упреками за отрывочность его разсказовъ и очерковъ, что онъ твердо рѣшился исправиться и написать большой романъ по всѣмъ правиламъ искусства. Съ этою цѣлью онъ сшилъ толстую тетрадь, написалъ на ней: «Романъ. Часть I. Глава I», и приступилъ къ дѣлу. «Марья Петровна лежала (или даже *полулежала,* вспоминаетъ Успенскій) на кушеткѣ въ своемъ будуарѣ (или салонѣ, что ли) и мечтательно (или, помнится, *загадочно,* а можетъ быть, *томно*) глядѣла куда-то вверхъ въ потолокъ». Дальше этого приступа дѣло у Глѣба Ивановича не пошло, Марья Петровна оставалась полулежать до скончанія вѣковъ, и романистомъ Успенскій не сдѣлался. Этотъ случай съ знаменитымъ народникомъ-беллетристомъ на нашъ взглядъ полонъ назидательности: вотъ что значитъ браться не за свое дѣло, садиться не въ свои сани! Не мимо говорится, что дѣло мастера боится, и кого природа создала Успенскимъ, тому ужъ не бывать Головинымъ-Орловскимъ! Мы не случайно указываемъ на г. Головина: на первой же страницѣ перваго тома его произведеній читатель найдетъ чудесную картину какъ разъ на ту тему, которой коснуться осмѣлился было Глѣбъ Успенскій своими загрубѣвшими въ мужицкомъ обществѣ руками. «Кити Усольцева едва проснулась въ это знаменательное утро, едва замѣтили ея хорошенькіе, заспанные глазки веселые солнечные кружки, игравшіе на коврѣ ея спальни, куда сквозь опущенные занавѣсы, словно щурясь, попадали лучи февральскаго солнца, и разомъ—точно у нея что-то блеснуло въ головѣ—вспомнилось ей все, что было вчера». (I, 1) Уже въ этихъ немногихъ строкахъ видна рука опытнаго мастера, а дальше г. Головинъ рѣшительно очаровываетъ читателя: «Кити зѣвнула чуть-чуть, потомъ еще разъ съ нѣгою потянулась въ своей кроваткѣ, затѣмъ рѣшительнымъ движеніемъ сбросила одѣяло и спустила бѣлыя, стройныя, словно отточенныя, ножки на коверъ, гдѣ ихъ дожидались поставленныя рядомъ голубыя плюшевыя туфли. При этомъ движеніи вышитая батистовая сорочка спустилась съ лѣваго плеча, обнаруживая снѣжный атласъ ея груди, задрожавшей отъ ощущенія холода. А русая коса, выбившись на волю, волною сползла по спинѣ». (I, 2) Вотъ какъ живописуютъ

истинные таланты! Это цѣлая картина, это, можно сказать, цѣлая поэма, а не какой-то нелѣпый мазокъ охрой среди полотна: «полулежала!» Что такое «полулежала?» Это не только не картина, это даже не образъ, а просто кляксъ, ничего собою не представляющій. Полулежатъ на софахъ изящныя дѣвицы и дамы, но вѣдь нерѣдко полулежатъ подъ заборомъ и герои г. Горькаго. Неужели однимъ терминомъ можно выражать совершенно различныя состоянія? Полулежитъ, обмахиваясь вѣеромъ, очаровательная Зизи послѣ упоительнаго вальса и полулежитъ на голой землѣ какой-нибудь Ванька Чалый послѣ выпитой залпомъ сороковки водки?! Очевидно, тутъ есть какая-то несообразность, оскорбляющая не только эстетическое, но и нравственное чувство наше: Зизи и Ванька Чалый, ихъ дѣйствія и душевныя состоянія, не могутъ, не должны быть характеризованы въ однихъ и тѣхъ же терминахъ. Тутъ нужны нѣкоторыя свѣтотѣни, необходимы нѣжные нюансы, которыхъ совсѣмъ не было у грубаго реалиста Успенскаго и которыми богатъ г. Головинъ. Посмотрите: волна русой косы, снѣжный атласъ груди, туфельки *плюшевыя*, сорочка *батистовая*, ножки *стройныя* и даже *отточенныя*. Да, вотъ это описаніе, въ одно время и граціозное, и обстоятельное, а не нелѣпое «полулежала». По долгу критики замѣтимъ, однако, что эпитетъ *отточенныя* едва ли можно признать удачнымъ въ примѣненіи къ ногамъ или ножкамъ, а не къ ножамъ или ножницамъ.

Такова общая манера описаній г. Головина, манера въ одно время и изящная, и обстоятельная. Правда, его очаровательныя героини (также, впрочемъ, какъ и его герои) удивительно похожи другъ на друга, какъ галка на галку и сорока на сороку. Даже внимательный читатель сбивается, наконецъ, въ длинной вереницѣ всѣхъ этихъ Зизи, Кити, Мими и перестаетъ различать ихъ. Мы думаемъ, однако, что это не столько вина автора, сколько свойство самой темы, той среды, которую преимущественно изображаетъ г. Головинъ. Въ этой средѣ правило «быть, какъ всѣ», является важнѣйшей заповѣдью, преступать которую не должны и не смѣютъ никакіе Жоржи и никакія Зизи. Естественно, что нашъ авторъ, рисуя своихъ персонажей, невольно какъ бы повторяется, хотя на самомъ дѣлѣ онъ только заботится о правдѣ, о вѣрности дѣйствительности. Однако, и г. Головинъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ преувеличеній, далеко уклоняющихся отъ правды. Такъ, онъ слишкомъ злоупотребляетъ выраженіями «весь Петербургъ» или «цѣлый Петербургъ», говоря о похожденіяхъ своихъ Жоржей и Мими. Нѣкій графъ, напр., «генеалогію цѣлаго Петербурга помнилъ до мельчайшихъ подробностей» (I, 25), хотя, конечно, нашей съ вами, читатель, генеалогіи онъ не зналъ совсѣмъ, даромъ что мы коренные петербуржцы. Но ужъ такова манера персонажей г. Головина и самого автора: «весь» Петербургъ, «цѣлый» Петербургъ—это нѣсколько сотенъ или тысячъ титулованныхъ Жоржей и Зизи, а мы, Петровы и Ивановы, въ количествѣ полутора милліона населяющіе Петербургъ, копошимся гдѣ-то тамъ, внизу, занятые своей черной работой. Великолѣпное аристократическое презрѣніе!

Читатель очень ошибается, если подумаетъ, что г. Головинъ только тѣмъ и занимается, что воспѣваетъ и славословитъ своихъ Жоржей и Зизи. Настоящее его призваніе дѣйствительно заключается въ этомъ, въ умиленномъ воспѣваніи разныхъ атуровъ и амуровъ такъ называемаго большого свѣта, но у него на рукахъ было много и другого дѣла. Position oblige. Состоя въ штатѣ сотрудниковъ катковскаго «Русскаго Вѣстника», г. Головинъ не могъ даже при полномъ своемъ желаніи предаться всецѣло своимъ наклонностямъ мирнаго домашняго панегириста, а долженъ былъ, по примѣру товарищей, облекаться по временамъ въ боевые доспѣхи и отправляться въ полемическія экскурсіи. Противъ кого? Во времена Каткова этотъ вопросъ показался бы безсмысленнымъ. Ве-

ликая армія двунадесяти «истовъ» и «измовъ» напирала на Россію со всѣхъ сторонъ, и если бы не Катковъ со своимъ воинствомъ, то Богъ одинъ знаетъ, гдѣ мы теперь были бы. Такъ думали въ то время многіе, въ томъ числѣ и г. Головинъ, который и устремился въ битву вслѣдъ за другими рыцарями своего ордена, какъ Маркевичъ, Крестовскій, Клюшниковъ, Леонтьевъ и др. Ужъ если такіе таланты, какъ Тургеневъ, Писемскій, Лѣсковъ, были увлечены воинственнымъ азартомъ, то съ г. Головина нечего и спрашивать.

Мы навели эту маленькую литературно-историческую справку больше всего въ интересахъ самого г. Головина. Если современный читатель, впервые знакомясь съ произведеніями г. Головина, не будетъ достаточно освѣдомленъ на счетъ происхожденія тѣхъ обличительно-полемическихъ выходокъ, которыя довольно густо вкраплены въ повѣствованія г. Головина, — онъ составитъ объ авторѣ весьма ошибочное мнѣніе. Эти выходки—не отъ злого сердца, не отъ дурного ума, не отъ оскорбленнаго мелкаго самолюбія, какъ это очевидно, напр., у Болеслава Маркевича,—онѣ не болѣе какъ обязательная дань тому ритуалу, который былъ установленъ въ катковскомъ капищѣ. Въ критическомъ отдѣлѣ «Русскаго Вѣстника» тогдашній присяжный критикъ этого журнала г. Авсѣенко, многократно и многообразно доказывалъ вредоносность для искусства всякой тенденціозности, и если бы этотъ взглядъ получилъ въ журналѣ Каткова практическое значеніе, — г. Головинъ занялъ бы одно изъ первыхъ мѣстъ среди своихъ соратниковъ. «Тихъ и смиренъ какъ овечка» онъ успѣшнѣе всѣхъ своихъ товарищей по журналу могъ бы предаваться «безпечальному созерцанію» излюбленнаго имъ уголочка жизни, никого не задѣвая, ни на кого не нападая, потихонечку живописуя своихъ Жоржей и Зизи. Но не такое было время. Литературные разговоры о вредѣ тенденціозности происходили одновременно съ военно-дипломатическими разговорами о вредѣ чрезмѣрныхъ вооруженій и были столь же безрезультатны. Миръ—великое благо, вооруженія—великая тягость для бюджета, но мудрость практической политики гласитъ: si vis pacem, para bellum. Служеніе музъ не терпитъ суеты, прекрасное должно быть величаво, но жгучія злобы дня тоже имѣютъ право на вниманіе и волнуютъ насъ побольше, нежели трели соловья и колыханье соннаго ручья. Самые завзятые эстетики, сдѣлавъ «чистому» искусству глубокій реверансъ, проходили мимо него, поспѣшая къ жилой дѣйствительности, съ ея скорбями и пороками. Ни въ политикѣ, ни въ искусствѣ миролюбивыя слова и намѣренія не переходили въ дѣло,—потому ли, что ихъ часъ не пришелъ, потому ли, что ихъ часъ уже прошелъ.

Вотъ это самое должно сказать и о г. Головинѣ: не во-время онъ родился и некстати пришелъ въ литературу. Ему бы жить во времена Карамзина, писать варіаціи на «Бѣдную Лизу», играть на свирѣли, рвать цвѣточки, а онъ... читатель помнитъ, надѣемся, Щедринскаго Менандра и его сказочку о погибшемъ дитяти? Сказочка кончается такъ: «и могущественные люди сказали дитяти: «хорошо, мы поможемъ тебѣ, но ты долженъ поступить въ шайку пѣнкоснимателей и поклясться отнимать жизнь у всякаго, кто явится противникомъ пѣнкоснимательству». И дитя поступило въ шайку пѣнкоснимателей и поклялось отнимать жизнь; но таковой до сихъ поръ ни у кого отнять не могло. Такова исторія маленькаго погибшаго дитяти». Точно такова исторія г. Головина. Менандръ поступилъ въ шайку либеральныхъ пѣнкоснимателей, г. Головинъ сталъ въ ряду консервативныхъ пѣнкоснимателей, но общее между Менандромъ и г. Головинымъ въ томъ, что оба они, будучи людьми безобиднѣйшаго характера и добрѣйшей души, поклялись отнимать жизнь у противниковъ своего лагеря. Вся художественная дѣятельность г. Головина представляетъ длинный рядъ безуспѣшныхъ попытокъ исполнить данную клятву, т.-е. «отнять жизнь» у того или другого изъ катковскихъ противниковъ. Такъ какъ

настоящая-то тема г. Головина состоитъ обыкновенно въ описаніи авантюры какой-нибудь Мими, то внезапное вторженіе въ повѣствованіе полемическаго элемента производитъ всегда самое веселое впечатлѣніе на читателя. Вотъ напр. въ романѣ «Внѣ колеи» двѣ сестры, двѣ Мими (т.-е. зовутъ-то ихъ Александра и Надежда Ольшевскія, но это только по документамъ) проживаютъ заграницей—не въ Парижѣ, даже не въ Ниццѣ, какъ было бы для нихъ естественно, а... въ Цюрихѣ. Ну, зачѣмъ имъ Цюрихъ? Имъ то онъ, конечно, не нуженъ, но такъ нужно г. Головину, который памятуетъ о своей клятвѣ «отнимать жизнь». И въ Цюрихѣ, а затѣмъ въ Женевѣ онъ намѣтилъ двѣ жертвы для себя: въ Цюрихѣ—Александра Филипповича Тычкова, извѣстнаго редактора русскаго журнала «Красный Пѣтухъ», а въ Женевѣ — Померанцева, редактора женевскаго органа «Маршъ-маршъ». Авторъ мѣтко указываетъ, что эти два «коновода» мѣшали другъ другу, какъ «мѣшаютъ другъ другу соперники по любой канцеляріи» (III, 90). Ради возможности пустить эту стрѣлу, авторъ и поселилъ своихъ героинь въ совсѣмъ для нихъ ненужномъ Цюрихѣ. Къ такимъ чисто внѣшнимъ и механическимъ уловкамъ г. Головинъ прибѣгаетъ зачастую и первобытная наивность такого беллетристическаго пріема обезоруживаетъ читателя, который ужъ начиналъ было чувствовать негодованіе противъ автора. Это негодованіе было бы вполнѣ неумѣстно и несправедливо. У г. Головина рѣшительно не замѣчается той клокочущей, захлебывающейся злобы, которую мы видимъ въ яростныхъ выпадахъ Маркевича. Онъ немножко, съ полстраницы, пошипитъ—и спѣшитъ къ своему прямому дѣлу: «Кити сидѣла на садовой скамейкѣ и съ тревожно бьющимся сердцемъ ждала Жоржа. Она не сомнѣвалась въ его любви къ ней, но она знала также, что безсердечная Зизи, въ періодѣ ея размолвокъ съ ея Полемъ, кокетничала не только съ Анатолемъ, но и съ ея Жоржемъ, такъ легко воспламенявшимся» и пр. и пр. Страницъ пятьдесятъ этой безобидной любовной канители и опять нѣсколько строкъ скромнаго, безвреднаго шипа: «Они поцѣловались и посмотрѣли другъ на друга съ чистымъ чувствомъ, о которомъ разные господа съ лохматыми шевелюрами и понятія никакого не имѣютъ». Мы не указываемъ страницъ, потому что наши цитаты не буквальныя выписки, а вольныя подражанія манерѣ г. Головина.

Въ заключеніе, одно замѣчаніе такъ сказать коммеморативнаго свойства. Рецензентъ, пишущій эти строки, старый-престарый рецензентъ, и онъ помнитъ очень хорошо, что еще лѣтъ 40 тому назадъ онъ рецензировалъ какое-то произведеніе г. Орловскаго, тогда еще не раскрывшаго своего псевдонима, въ покойныхъ «Отечест. Запискахъ». «Такъ-то, г. Орловскій!»—такимъ восклицаніемъ оканчивалась рецензія и это восклицаніе даетъ понятіе о бурномъ тонѣ, въ которомъ она была написана. Ну, теперь, умудренные опытомъ и убѣленные снѣгомъ жизни, мы спокойно скажемъ: быстры какъ волны дни нашей жизни, г. Головинъ-Орловскій! Все минется, одна правда останется, г. Головинъ-Орловскій! *М. Пр.*

Т. Г. Шевченко. Переводъ С. П. Дремцова. Выпускъ 1-й. Вятка. 1902 г. Цѣна 45 коп. У книжки г. Дремцова весьма пріятная внѣшность; издана она на хорошей бумагѣ, снабжена многочисленными хорошими иллюстраціями къ тексту, портретами Шевченко, виньетками, концовками, даже отрывками изъ музыкальныхъ произведеній извѣстнаго малорусскаго композитора Н. В. Лысенка, написавшаго много романсовъ на слова Шевченко. Болѣе того, пріятное впечатлѣніе отъ книжки продолжается и при чтеніи начальнаго введенія, въ которомъ г. Дремцовъ пишетъ: «Переводить Т. Г. Шевченко не только трудно, но, въ иныхъ случаяхъ, почти невозможно. Поэтому переводчикъ поставилъ себѣ скромную цѣль: до нѣкоторой степени служить помощникомъ при чтеніи подлинника, по преимуществу стремясь къ передачѣ настроеній».

Отъ дальнѣйшаго чтенія предисловія, написаннаго г. Дремцовымъ, пріятное

расположеніе къ нему читателя начинаетъ тускнѣть и расплываться. Восторженно относясь къ малорусскому поэту, надѣляя его самыми великими эпитетами, г. Дремцовъ въ то же время обнаруживаетъ полное непониманіе какъ личности геніальнаго кобзаря, такъ и основного мотива его произведеній. Шевченко, который, и какъ личность, и какъ поэтъ, являлся однимъ изъ великихъ представителей непримиримаго протеста противъ окружавшей его дѣйствительности, г. Дремцовъ рисуетъ слѣдующими чертами: «Жизнь ему современную онъ (Шевченко) любилъ какъ саму (?) по себѣ, какъ разумное, доброе существованіе въ тѣснѣйшей связи съ міромъ—природой, людьми. Саму (?) жизнь онъ считалъ благомъ». Эта елейная резиньяція, какъ извѣстно, отнюдь не подходитъ къ суровымъ чертамъ геніальнаго крестьянскаго поэта, жизнь и дѣятельность котораго была сплошнымъ актомъ борьбы противъ «современной ему жизни», которому даже смерть не принесла съ собою примиренія.

Къ концу чтенія предисловія, представляющаго наборъ пустыхъ словъ и безпорядочно склеенныхъ фразъ, отъ пріятнаго настроенія читателя не остается ничего, кромѣ раздраженія. Раздраженіе это усиливается и превращается въ подлинное непріятное чувство, когда отъ предисловія читатель переходитъ къ переводамъ г. Дремцова. Г. Дремцовъ не придерживается подлинника, онъ не переводитъ Шевченко, а передѣлываетъ его, дополняетъ и исправляетъ, проявляя при этомъ, по меньшей мѣрѣ, величайшее легкомысліе и полное отсутствіе поэтическаго чутья. Напр., четыре начальныя строчки извѣстнаго стихотворенія:

Думи мої, думи мої,
Лихо мені з вами!
На що стали на папері
Сумними рядами?

г. Дремцовъ передаетъ слѣдующими восемью строками, въ которыхъ есть рѣшительно все, кромѣ прелести Шевченковскаго стиха:

Думы мои, думы мои,
Дорогія дѣти,
Тяжело, мои родныя,
Съ вами жить на свѣтѣ!..
И всегда, всегда больныя,
Днями и ночами,
Вы со мною неразлучны...
Что мнѣ дѣлать съ вами?!

Таковъ первый переводъ, помѣщенный въ книжкѣ г. Дремцова. Кто съумѣетъ дочитать его «переводы» до конца, тотъ найдетъ въ самомъ концѣ книжки нѣчто такое, что вызываетъ уже не раздраженіе и не непріятное чувство, а прямое негодованіе. Восемь строкъ знаменитаго «Заповіта» («Завѣщанія») Шевченко:

Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій;
Щоб лани широкополі,
І Дніпро, і кручі
Були видні, було чути,
Якъ реве ревучий...

г. Дремцовъ осмѣливается «переводить» слѣдующимъ образомъ:

Когда я умру,—на Украйнѣ родной,
Въ степи безпредѣльной, какъ море,
На старой могилѣ казачьей, святой
Вы тамъ схороните меня на просторѣ...
Чтобъ звукъ ни одинъ не тревожилъ меня
Въ равнинѣ Днѣпровой широкой,
Чтобъ голосъ людской не дошелъ до меня,
Чтобъ тихо я спалъ, одинокій...

Но видѣть хотѣлъ бы отчизны родной
Я степь золотую въ безбрежномъ просторѣ!
Хотѣлъ бы туда я за синюю даль,
Закинуть мое неослабное горе!..
Но слышать хотѣлъ бы, какъ Днѣпръ нашъ родной,
Стремясь чрезъ пороги и кручи,
Поетъ вѣковую Украйны печаль
И стонетъ, какъ витязь могучій.

И эти вирши, въ которыхъ авторъ въ одно время и хочетъ все слышать и ничего не слышать, выдаются г. Дремцовымъ за переводъ одного изъ самыхъ поэтическихъ созданій Шевченко, за передачу его настроенія! Что это? Обывательское-ли легкомысліе, или нѣчто такое, о чемъ бы говорить не хотѣлось?

Г. Дремцовъ «намѣревается въ рядѣ выпусковъ дать полный переводъ «Кобзаря»; предостерегаемъ неопытнаго читателя отъ этого «перевода».

М. Славинскій.

Сельма Лагерлефъ. Чудеса Антихриста. Романъ. Перев. со шведскаго М. Благовѣщенской. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 20 к. Почти одновременно у насъ и въ иностранной литературѣ идея возрожденія Антихриста получила художественную обработку. Въ русской литературѣ Вл. Соловьевъ посвятилъ ей особое вниманіе и обработалъ въ видѣ легенды о концѣ міра въ «Трехъ разговорахъ подъ пальмами». Въ шведской появился цѣлый романъ, переведенный нынѣ г-жей Благовѣщенской, въ которомъ идеѣ Антихриста дано весьма своеобразное толкованіе на фонѣ текущей современности. Въ обоихъ произведеніяхъ, что очень любопытно и знаменательно, сущность идеи Антихриста представлена одинаково. Выражается она въ словахъ сициліанскаго народнаго сказанія: «Когда придетъ Антихристъ, то явится онъ въ образѣ Христа. Повсюду будетъ голодъ, и Антихристъ будетъ ходить изъ одной страны въ другую, раздавая бѣднымъ хлѣбъ. И онъ пріобрѣтетъ себѣ много послѣдователей». Шведская писательница переноситъ дѣятельность Антихриста въ современную Сицилію, гдѣ ужасныя условія народной жизни, придавленной нищетой и невѣжествомъ, создали особо благопріятную почву для проповѣди основной идеи Антихриста, что «царство мое лишь на землѣ». Это, по ея мнѣнію, есть въ то же время сущность соціализма, какъ его формулируетъ «старый ученый» въ введеніи: «Царство ваше лишь на землѣ. Потому-то вы должны заботиться объ этой жизни и жить, какъ братья. Вы должны раздѣлить ваши богатства, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Всѣ должны работать, всѣ должны владѣть землею, всѣ должны быть равны. Никто не долженъ голодать, никто не долженъ соблазняться роскошью, и никто не долженъ терпѣть нужду подъ старость. Вы должны стараться быть счастливыми, такъ какъ вамъ нечего ждать вознагражденія, ибо царство ваше лишь на землѣ». Эту идею шведская писательница пытается развить въ рядѣ интересныхъ и художественно схваченныхъ бытовыхъ картинъ изъ сициліанской жизни. Весь интересъ, однако, и все значеніе романа именно въ этихъ бытовыхъ картинахъ, а идея Антихриста только мелькаетъ кое-гдѣ на страницахъ романа, скорѣе какъ неудачный припѣвъ къ хорошей пѣсни. Исключая введеніе и заключительную главу романа, гдѣ Антихристу отведено главное мѣсто, во всемъ романѣ читатель имѣетъ дѣло съ оригинальной и мало знакомой ему жизнью Сициліи. Несмотря на нѣкоторую растянутость начальныхъ главъ, весь романъ читается съ большимъ интересомъ, такъ какъ писательница съумѣла схватить жаркій колоритъ юга и поэтично изобразить отдѣльныя фигуры и лица, своеобразіе обстановки, типичность цѣльныхъ и простыхъ обитателей городка, затеряннаго у подножья Этны, наивность ихъ нравовъ и вѣрованій. Представитель соціализма занимаетъ меньше всего мѣста, и его проповѣдь отсутствуетъ, что, пожалуй, дѣлаетъ романъ выше въ художественномъ отношеніи, хотя, не зная подлинника,

не можемъ утверждать, чему это слѣдуетъ приписать—оригиналу или переводу. Есть, впрочемъ, великолѣпная сцена встрѣчи освобожденнаго народнаго вождя въ Палермо, которая служитъ образчикомъ народнаго движенія въ Сициліи, гдѣ народное недовольство, какъ извѣстно, имѣетъ больше всего основаній въ Италіи. Хотя именно здѣсь формы этого недовольства меньше всего укладываются въ рамки опредѣленнаго движенія, въ противность сѣверной промышленной части Италіи. Съ одной стороны этому мѣшаетъ глубочайшее невѣжество сициліанцевъ, съ другой—ихъ нищета, особенно поражающая иностранцевъ среди чудной, поистинѣ райской природы острова. Авторъ съ любовью описываетъ жизнь сициліанскаго небольшого городка, но основная идея романа смутно имъ намѣчена и переплетается съ идеей Антихриста очень искусственно, какъ будто авторъ и самъ недостаточно выяснилъ себѣ, что же собственно его самого привлекаетъ. «Никто не можетъ спасти людей отъ горя, но многое прощается тому, кто поддерживаетъ въ нихъ мужество переносить его», — эти заключительныя слова свидѣтельствуютъ, что главное для автора дѣйственная любовь къ людямъ, а не мотивы, изъ которыхъ она проистекаетъ. Этотъ примиряющій тонъ преобладаетъ въ романѣ, вслѣдствіе чего, несмотря на тяжелую жизнь, имъ описываемую, авторъ не возбуждаетъ читателя къ борьбѣ, а скорѣе указываетъ путь къ дружной, совмѣстной работѣ, которая должна привести къ миру и взаимной любви. *А. Б.*

КРИТИКА.

А. С. «Е. Д. Полѣнова».—*М. Протопоповъ.* «Критическія статьи».

Елена Димитріевна Полѣнова. 1850 — 1898. Москва, 1902. Анонимная брошюра (въ концѣ текста стоятъ иниціалы А. С.), пріуроченная, если не ошибаемся, къ устроенной минувшею весной въ Москвѣ выставкѣ произведеній безвременно скончавшейся художницы, имѣетъ право претендовать на бо́льшій интересъ, чѣмъ обычныя изданія подобнаго рода. Это сжатый, но очень содержательный біографическій очеркъ, составленный на основаніи писемъ и, очевидно, близкаго знакомства съ личностью и дѣятельностью Е. Д. Полѣновой, причемъ пріятно дѣйствуетъ спокойный дѣловой тонъ, чуждый лирической восторженности и преувеличеній, которыми нерѣдко грѣшатъ біографіи близкихъ знакомыхъ. Въ исторіи русскаго искусства Е. Д. Полѣнова займетъ совершенно особое мѣсто. Она раньше всѣхъ (хотя не безъ вліянія, напр., В. Васнецова) обратилась къ изученію и художественной разработкѣ русскаго народнаго творчества; это не тотъ пресловутый казенный «русскій стиль», который такъ опошленъ подгородными дачами и обѣденными меню, и не тотъ оффиціальный археологическій стиль, который такъ холодно дѣйствуетъ въ различныхъ монументальныхъ сооруженіяхъ и церквахъ послѣдней четверти вѣка. Е. Д. Полѣнова черпала свое искусство непосредственно изъ современной русской деревни и такъ усвоила себѣ пріемы народнаго творчества, что могла въ той же стилистической концепціи обрабатывать свои собственныя впечатлѣнія отъ живой природы. «У насъ (у руководителей извѣстной абрамцевской мастерской), — пишетъ она въ одномъ письмѣ,—условіе—по возможности не прибѣгать къ помощи изданій, потому что то, что заимствуется въ увражахъ, часто повторяется и надоѣдаетъ; кромѣ того, цѣль наша—подхватить еще живущее народное творчество и дать ему возможность развернуться; то же, что попадаетъ въ изданія, это большею частью умершее и забытое,—стало быть, нить порвана, и ужасно трудно искусству ее связать... Вотъ почему мы ищемъ, главнымъ образомъ, вдохновенія и образцовъ, ходя по избамъ и приглядываясь къ тому, что составляетъ предметы

ихъ (крестьянъ) обихода...» Сообразно съ этими образцами, а также, несомнѣнно, съ свойствами личнаго вкуса, она не стремилась создавать крупныхъ произведеній, а охотно ограничивалась скромнымъ масштабомъ такъ называемаго прикладного искусства или рисовала иллюстраціи къ народнымъ сказкамъ, гдѣ изображеніе предметовъ, украшенныхъ въ народномъ вкусѣ, играютъ также большую роль. Зато эти мелкія подѣлки домашняго обихода, эти скромныя иллюстраціи она съумѣла возвысить до степени истинныхъ художественныхъ произведеній, рядомъ съ которыми многія музейныя картины кажутся ремесленными общими мѣстами. Эти попытки возрожденія прикладного искусства, возникшія у насъ самостоятельно, хотя и параллельно съ подобными же теченіями на Западѣ, и тутъ, и тамъ связаны были съ мечтами о демократизаціи красоты, т.-е. о томъ, чтобы внести искусство въ дома, въ повседневную жизнь людей, воспитать потребность въ немъ и любовь къ нему, и тѣмъ доставить человѣчеству одинъ изъ чистѣйшихъ источниковъ радостныхъ ощущеній. Достиженіе этой цѣли зависитъ отъ слишкомъ сложныхъ факторовъ, приспособиться къ которымъ не подъ силу одному поколѣнію, а тѣмъ менѣе отдѣльнымъ личностямъ; это не должно, однако, мѣшать съ благодарностью отнестись къ иниціаторамъ этого движенія, значеніе котораго пока еще трудно предвидѣть. Одна изъ симпатичнѣйшихъ чертъ Е. Д. Полѣновой и заключается въ томъ, что она смотрѣла на свою художественную дѣятельность, какъ на общественную функцію. Взглядъ этотъ, несомнѣнно, тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ идеями нашихъ передовыхъ художниковъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, только пониманіе роли искусства въ общественной жизни иное. Въ молодости, не придавая значенія своему художественному дарованію, Е. Д. Полѣнова готовится быть народной учительницей. Наступаетъ турецкая война,—она ищетъ приложенія своей жаждѣ полезной дѣятельности въ роли сестры милосердія. Лишь позднѣе она находитъ способъ утилизировать въ пользу общества свое природное артистическое влеченіе. Путемъ обученія крестьянскихъ дѣтей художественнымъ ремесламъ, она стремится оживить въ народѣ падающій вкусъ къ красотѣ и творческія способности, продукты же этого творчества она несетъ такъ называемымъ образованнымъ классамъ общества, которые, однако, по отношенію къ искусству гораздо бòльшіе дикари, чѣмъ народныя массы. Развить въ людяхъ любовь и пониманіе красивыхъ формъ—значитъ умножить ихъ духовное богатство, значитъ увеличить притягательную силу жизни, укрѣпить способность сопротивленія разрушающимъ ее силамъ. Е. Д. Полѣнова прекрасно понимала заманчивость этой задачи для художника. *Е. Дегенъ.*

М. Протопоповъ. Критическія статьи. Публицистическая критика, правовѣрнымъ представителемъ которой является г. Протопоповъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе популярныхъ и вліятельныхъ, но и наиболѣе трудныхъ отраслей литературной дѣятельности. Ставя своею цѣлью не столько оцѣнку литературныхъ произведеній въ собственномъ смыслѣ слова, сколько выясненіе ихъ общественнаго значенія, она требуетъ отъ писателя, кромѣ эстетическаго вкуса, выдающейся общественной чуткости, глубокаго пониманія жизненныхъ отношеній и рѣдкой способности постоянно идти наравнѣ съ вѣкомъ, воспринимая и переработывая всѣ новыя завоеванія человѣческой мысли. Только при такихъ условіяхъ проповѣдь писателя будетъ покорять сердца и звать на борьбу за идеи, какъ покоряла и звала проповѣдь основателя русской публицистической критики — Добролюбова. Въ противномъ случаѣ, слова писателя не встрѣтятъ сочувственнаго отклика и безплодно разсѣятся въ пространствѣ. Мы опасаемся, что именно эта участь ожидаетъ г. Протопопова. Его статьи написаны очень ярко и горячо; онѣ затрогиваютъ самые разнообразные вопросы, начиная отъ вреда пьянства и кончая сущностью историческаго процесса, но... жизнь, видимо, обогнала почтеннаго критика, и его слово перестало быть живымъ словомъ. Г. Про-

топоповъ самъ говоритъ, что Вересаевъ—«слишкомъ тонкій и тонный для его грубаго пониманія авторъ»; и это ироническое замѣчаніе скрываетъ горькую истину. Эпитетъ: грубое, безъ сомнѣнія, слишкомъ рѣзокъ, но общіе взгляды г. Протопопова, дѣйствительно, отличаются крайнею упрощенностью, которая дѣлаетъ его совершенно безпомощнымъ предъ сложными явленіями современной жизни и литературы. Старое міросозерцаніе оказывается слишкомъ примитивнымъ для новыхъ теченій; они остаются чуждыми и непонятными критику и вызываютъ въ немъ только обиду и раздраженіе. Поэтому, огромное большинство разсматриваемыхъ «критическихъ статей» носитъ характеръ страстныхъ обвинительныхъ актовъ противъ молодого поколѣнія, виновнаго въ непризнаніи завѣтовъ прошлаго вообще и завѣтовъ семидесятыхъ годовъ въ частности. Надо, впрочемъ, замѣтить, что г. Протопоповъ старается занять самостоятельную позицію въ спорѣ русскихъ общественныхъ направленій. Онъ отрекается отъ «славянофильскаго народолюбія», которое будто бы «восхищалось фактомъ безпріютности и безпомощности мужика въ родной странѣ», отрекается отъ народничества, забывшаго слова Бѣлинскаго: «все субстанціальное въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло»; отрекается отъ марксизма, какъ отъ вредной и безнравственной ереси. Съ марксизмомъ г. Протопоповъ, на самомъ дѣлѣ, не имѣетъ ничего общаго, но съ славянофильствомъ и народничествомъ онъ находится въ самомъ тѣсномъ родствѣ. Правда, критикъ нигдѣ не указываетъ на великое предназначеніе Россіи, но онъ вполнѣ раздѣляетъ глубокую вѣру въ величіе и силу самобытнаго національнаго духа и въ прирожденныя специфическія добродѣтели русскаго народа. «Русскій человѣкъ,—пишетъ г. Протопоповъ,—къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, можетъ прочесть слова Бѣлинскаго («Срамъ и горе народу, у котораго нѣтъ того, что могло бы быть дурно или хорошо направляемо») съ полнѣйшимъ спокойствіемъ. *Этого* горя и *этого* срама мы не знаемъ... Относительно нашего грядущаго не можетъ быть сомнѣній». Русскій народъ уже показалъ себя. «Наши Гришки Орловы (рѣчь идетъ объ извѣстномъ разсказѣ г. Горькаго) не только бахвалились, но и дѣло дѣлали... Они имѣютъ полное право указать на нѣкоторый «оправдательный документъ», составленный далеко не безъ ихъ участія. Документъ этотъ имѣетъ въ ширину четыре, а въ длину десять тысячъ верстъ, и называется россійскою имперіею». Для составленія столь пространнаго «документа», разумѣется, требовались специфическія свойства національнаго духа, которыя г. Протопоповъ и открываетъ читателямъ. «...Въ чемъ состояла и до сихъ поръ состоитъ «искра сокрытая», освѣтившая и согрѣвшая нашъ тяжкій историческій путь,—это я знаю, инстинктивно чувствую и сознательно понимаю. Въ чемъ же? А вотъ въ этомъ самомъ: Эй, ребята, плохо дѣло—наша барка на мель сѣла! Эй, ухнемъ! Эй, зеленая сама пойдетъ! Алпатычъ! Самъ подпалю! Не доставайся дьяволамъ!» Послѣ такого своеобразнаго опредѣленія «субстанціальнаго» въ русскомъ народѣ нисколько неудивительны тѣ горделивые вопросы, которыми г. Протопоповъ сражаетъ (въ воображеніи) героиню вересаевскаго «Повѣтрія». «Пріищите хоть одно западное явленіе или учрежденіе, отъ табели о рангахъ до литературныхъ ученій и школъ, которое, будучи перенесено на нашу почву, не измѣнило бы своего первоначальнаго характера самымъ существеннымъ образомъ. Милитаризмъ? Да, это единственное, на что вы могли бы указать съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, но лишь до недавняго времени: милитаризмъ, взывающій къ разоруженію, къ самоограниченію, понимающій о «мирѣ всего міра» — это не западный, не подлинный, не злостный милитаризмъ. Въ призмѣ русскаго характера (а не навыковъ, почтеннѣйшіе господа) преломляются и мѣняютъ свой цвѣтъ самые яркіе лучи, идущіе съ Запада». Капитализмъ? Но г. Протопоповъ надѣется полюбоваться, «какъ западный капитализмъ будетъ выпекаться въ нашей печи».

(Однако, мы не имѣемъ возможности полемизировать съ г. Протопоповымъ и отмѣчать всѣ перлы, въ изобиліи разсыпанные на пятистахъ страницахъ его книги). Приведенныя цитаты достаточно выясняютъ ту точку зрѣнія, съ которой критикъ оцѣниваетъ какъ общественныя, такъ и литературныя явленія. Марксисты не вѣрятъ въ самобытный національный духъ, — г. Протопоповъ тотчасъ же безапелляціонно постановляетъ: «Марксисты, какъ доктринеры и книжники по преимуществу, жестоки даже до безчеловѣчія: они готовы во имя своей теоріи пожертвовать не только всѣми историческими «устоями» народной жизни, но и нѣсколькими многомилліонными поколѣніями живыхъ людей...» Г. Вересаевъ рѣшился изобразить, какъ крестьяне, несмотря на высокія «субстанціальныя» свойства, убили доктора во время холеры,—г. Протопоповъ немедленно рѣшаетъ, что докторъ былъ самъ виноватъ, такъ какъ онъ былъ «кисляй» и не умѣлъ толково и дѣльно отнестись къ своимъ обязанностямъ. Въ итогѣ, г. Вересаевъ оказывается, конечно, виновнымъ въ непониманіи народа. Терпигоревъ въ даровитыхъ и вовсе не легкомысленныхъ очеркахъ «оскудѣнія» русскаго дворянства не обнаружилъ достаточнаго количества благоговѣйной серьезности предъ своими героями,—г. Протопоповъ низводитъ его въ «сатирика-анекдотиста» и торжественно поучаетъ, что «у насъ нѣтъ такого общественнаго класса, въ которомъ бы не было того, что, по слову Бѣлинскаго, не можетъ быть хорошо или дурно направляемо, и, стало быть, нѣтъ и матеріала только для краснаго словца анекдотической сатиры». Даже г. Боборыкинъ взятъ подъ подозрѣніе за слишкомъ европейскія манеры и отсутствіе подлиннаго «русскаго духа». Несомнѣнно, что примѣненіе патріотизма, какъ мѣрила для оцѣнки литературнаго творчества, не можетъ принести особенно плодотворныхъ результатовъ, но еще меньшихъ результатовъ достигаетъ г. Протопоповъ, когда онъ предъявляетъ къ писателямъ опредѣленныя моральныя требованія, какъ, напримѣръ, при разборѣ произведеній гг. Горькаго, Тана и Вересаева. Если мы приведемъ собственныя слова г. Протопопова, что «мудрость жизни состоитъ въ томъ, чтобы не терять нравственнаго равновѣсія, чтобы любить лишь достойное любви, сердце имѣть отверстымъ, но и камнемъ за пазухой не пренебрегать», то читатель самъ угадаетъ укоризненный выводъ критика: «Беллетристы новѣйшей формаціи въ значительной мѣрѣ утратили чувство нравственнаго равновѣсія». Но изъ этого вывода слѣдуетъ только одно, что къ страстной проповѣди освобожденія и возвышенія человѣческой личности, раздающейся изъ устъ г. Горькаго и другихъ писателей новой школы, нельзя подходить съ мѣщанскою добродѣтелью «нравственнаго равновѣсія», въ которомъ любовь и камень за пазухой имѣютъ одинаковое значеніе. Г. Протопоповъ не понялъ этого и не видитъ далекихъ береговъ будущаго; онъ хорошо разбирается только въ знакомыхъ и застывшихъ очертаніяхъ прошлаго. Поэтому и «критическія статьи» г. Протопопова останутся запоздалыми «лирическими манифестами» отжившаго міросозерцанія, которые ничего не освѣтятъ въ современной жизни и литературѣ и никому не укажутъ дороги въ невѣдомую даль.

Ник. Іорданскій.

ПУБЛИЦИСТИКА.

«Мелкая земская единица».

Мелкая земская единица. Сборникъ статей К. К. Арсеньева, В. Г. Бажаева, П. Г. Виноградова, І. В. Гессена, Г. Б. Іоллоса, М. М. Ковалевскаго, Н. И. Лазаревскаго, М. К. Лемке, барона А. Ф. Мейендорфа, М. Н. Покровскаго, В. Ю. Скалона, В. Д. Спасовича, И. М. Страковскаго и Г. И. Шрейдера.

Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховского при участіи редакціи газеты «Право». «Бываютъ вопросы, о которыхъ говорятъ годами, даже десятилѣтіями, а все безрезультатно, да вдругъ заговорятъ такъ, что для всѣхъ становится ясно, что насталъ, такъ сказать, критическій моментъ, что молчать о нихъ уже нельзя до тѣхъ поръ, пока не добьются окончательнаго ихъ разрѣшенія. Къ такимъ вопросамъ слѣдуетъ отнести идею мелкой земской единицы... Въ этомъ отношеніи роль, въ полномъ смыслѣ историческая, выпадаетъ на долю книги, по своему характеру составляющей исключительное явленіе въ нашей литературѣ послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій, книги, подводящей полный и всесторонній итогъ, какъ теоріи близкаго къ населенію мѣстнаго самоуправленія, такъ и міровой практикѣ послѣдняго, а, главнымъ образомъ,—исторіи, довольно продолжительной и богатой, вопроса въ Россіи». Эти горячія слова «Одесскихъ Новостей» съ достаточною силою выражаютъ то чувство, съ которымъ близкая къ жизни провинціальная печать встрѣтила появленіе сборника, посвященнаго «мелкой земской единицѣ». Къ нимъ нужно добавить, что требованіе на книгу уже теперь, чрезъ три недѣли послѣ ея выхода въ свѣтъ, такъ велико, что въ нѣкоторыхъ городахъ книжные магазины вынуждены были прибѣгнуть къ предварительной записи покупателей. Вообще, насколько можно судить по различнымъ признакамъ, изданіе князей Долгорукаго и Шаховского, дѣйствительно, отвѣтило на запросы мѣстныхъ людей и нашло самый сочувственный пріемъ въ «глубинѣ Россіи». Мы не рѣшаемся сказать, что оно сыграетъ историческую роль. Такое значеніе можетъ принадлежать только болѣе цѣльнымъ и планомѣрнымъ работамъ программнаго характера. Разсматриваемая же книга въ этомъ отношеніи не представляетъ достаточнаго единства содержанія, что объясняется, безъ сомнѣнія, прежде всего современнымъ состояніемъ вопроса о мелкомъ органѣ самоуправленія. Какъ говоритъ одинъ изъ авторовъ сборника, г. Бажаевъ, «предпринятая земствомъ разработка этого сложнаго и важнаго вопроса еще далеко не завершена». Въ настоящее время только выясняется принципіальная основа предполагаемаго преобразованія и опредѣляются руководящія точки зрѣнія. Поэтому, статьи разныхъ авторовъ не объединены одинаковымъ пониманіемъ предмета и часто исходятъ изъ совершенно различныхъ теоретическихъ положеній. Кромѣ того, въ сборникѣ отсутствуетъ критическая сводка предлагаемаго матеріала и конкретные выводы изъ него въ примѣненіи къ нашей дѣйствительности, т.-е. именно детально разработанная и строго опредѣленная программа практической дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти вольные и невольные пробѣлы только заставляютъ читателя самостоятельно подумать и собственными усиліями разобраться въ массѣ идей и фактовъ, даваемыхъ авторами, но не отнимаютъ у сборника его выдающагося научнаго и общественнаго значенія, тѣмъ болѣе, что, несмотря на теоретическія разногласія, «caeterum censeo» всѣхъ авторовъ вполнѣ совпадаетъ.

Переходя къ разсмотрѣнію содержанія сборника, мы, въ первую очередь, должны отмѣтить то серьезное вниманіе, которое онъ удѣляетъ чисто теоретической сторонѣ вопроса о самоуправленіи. При неясности правовыхъ понятій среди мѣстныхъ «черноземныхъ силъ» и, вообще, среди русскаго общества, статья г. Лазаревскаго, посвященная выясненію сущности самоуправленія, является какъ нельзя болѣе своевременной и умѣстной. Къ сожалѣнію «юридическая, слишкомъ юридическая» точка зрѣнія автора едва ли можетъ быть признана правильною. Г. Лазаревскій разбираетъ всѣ теоріи самоуправленія, которыя смѣняли другъ друга въ наукѣ государственнаго права. Эти теоріи, поскольку онѣ выработаны въ трудахъ западныхъ ученыхъ, раздѣляются на три группы. Первая объясняетъ своеобразное положеніе самоуправляющихся единицъ въ общей системѣ государственнаго управленія тѣмъ, что самоуправ-

леніе есть завѣдываніе не государственными дѣлами управленія (теоріи: «свободной общины» и «хозяйственная»); вторая—полагаетъ, что основной признакъ самоуправленія заключается въ передачѣ государствомъ нѣкоторыхъ административныхъ функцій особымъ отъ государства публично-правовымъ юридическимъ лицамъ, такъ что органы самоуправленія являются органами не государства, а этихъ юридическихъ лицъ; наконецъ—третья видитъ сущность самоуправленія въ своеобразномъ личномъ составѣ органовъ самоуправленія (общественныя и политическія теоріи). Авторъ подробно разсматриваетъ всѣ эти теоріи, но, по условіямъ мѣста, мы можемъ остановиться только на его отношеніи къ той теоріи, которой придерживается большинство русскихъ писателей и которая опредѣляетъ самоуправленіе, какъ участіе общества въ мѣстномъ управленіи или какъ самодѣятельность гражданъ, и къ той, которая распространена среди большинства русскихъ практическихъ дѣятелей и которая видитъ въ самоуправленіи завѣдываніе дѣлами, по самому существу отличающимися отъ дѣлъ государственнаго управленія. Г. Лазаревскій совершенно справедливо указываетъ, что воззрѣніе, стремящееся свести всю дѣятельность самоуправляющихся единицъ къ строго-хозяйственнымъ вопросамъ, въ настоящее время не имѣетъ никакой научной цѣнности, такъ какъ оно не охватываетъ громаднаго ряда дѣйствительныхъ жизненныхъ явленій. Почти повсемѣстно на Западѣ органамъ самоуправленія предоставляется завѣдываніе мѣстною полиціею, призрѣніе бѣдныхъ, руководство противопожарными и санитарными мѣрами и тому подобная дѣятельность, явно носящая не частно-правовой и хозяйственный характеръ. Во многихъ дѣлахъ органы самоуправленія выступаютъ не какъ субъекты частнаго права, заключающіе гражданскіе договоры съ другими лицами, а какъ органы публичной власти, обладающіе правомъ принужденія. Между функціями самоуправленія и государственнаго управленія нельзя провести сколько-нибудь опредѣленной границы и нельзя указать качественной разницы. Также отрицательно относится авторъ и къ теоріи самоуправленія, какъ участія гражданъ въ управленіи. По мнѣнію г. Лазаревскаго, всякій обыватель, участвуя, напримѣръ, даже въ избирательномъ собраніи, участвуетъ въ немъ не какъ обыватель, а какъ установленный закономъ органъ государственной власти. И самоуправленіе, и управленіе дѣлаютъ одно и то же государственное дѣло. Такимъ образомъ, участіе гражданъ въ управленіи вовсе не является ихъ самодѣятельностью, а представляетъ ту же службу государству, какую несутъ и чиновники. Въ конечномъ итогѣ, авторъ приходитъ къ выводу, что «самоуправленіе есть завѣдываніе государствомъ чрезъ государственныхъ должностныхъ лицъ дѣлами мѣстнаго государственнаго управленія» или, въ болѣе общей формѣ, «самоуправленіе есть децентрализованное государственное управленіе, гдѣ самостоятельность мѣстныхъ органовъ обезпечена системою такого рода юридическихъ гарантій, которыя, создавая дѣйствительность децентрализаціи, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечиваютъ и тѣсную связь органовъ мѣстнаго государственнаго управленія съ данною мѣстностью и ея населеніемъ». Наиболѣе цѣлесообразной формою децентрализаціи управленія и является мелкая земская единица. — Поскольку настроеніе г. Лазаревскаго разрушаетъ всевозможныя теоріи, лишающія самоуправленіе государственной роли, противъ него ничего нельзя возразить, но оно обезцѣнивается полнымъ игнорированіемъ соціальной точки зрѣнія. Авторъ, очевидно, страдаетъ тѣмъ «обожествленіемъ» государства, противъ котораго съ успѣхомъ возражаетъ въ сборникѣ г. Покровскій. Все—для государства, и все—чрезъ государство. Общество въ схемѣ г. Лазаревскаго занимаетъ лишь подчиненное мѣсто. Между тѣмъ не общество—созданіе государства, а государство—созданіе общества, которое въ разныя эпохи развитія вырабатывало различныя политическія и правовыя формы. При такомъ взглядѣ формула г. Лазаревскаго получаетъ совершенно иной смыслъ и

*

самоуправленіе придется опредѣлить, именно, какъ самодѣятельность гражданъ, которая, постепенно развиваясь, создаетъ новое соціально-юридическое явленіе государства-общества. Обильный и поучительный матеріальный для иллюстраціи той мысли, что государственное устройство является слѣдствіемъ соціальнаго строенія народа и измѣняется сообразно съ измѣненіями послѣдняго, читатели найдутъ въ статьяхъ гг. Виноградова и Ковалевскаго, характеризующихъ мѣстное самоуправленіе въ Англіи и Америкѣ, гдѣ мелкія самоуправляющіяся единицы, дѣйствительно, представляютъ полноправныя ячейки государственнаго управленія, основаннаго, во всѣхъ своихъ частяхъ, на самодѣятельности гражданъ. Абстрактное же построеніе г. Лазаревскаго можетъ повести къ рискованному выводу, что развитіе самоуправленія возможно при всякой формѣ государственной жизни.

Вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ г. Лазаревскаго, для выработки принципіальнаго отношенія къ вопросу о мелкой самоуправляющейся единицѣ послужатъ, кромѣ уже упомянутыхъ статей г. Виноградова «Мѣстное самоуправленіе въ Англіи» и г. Ковалевскаго «Низшая земская единица въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ», статьи «Страничка изъ исторіи земскихъ реформъ въ Пруссіи» (г. Іоллоса), «Сельская община въ Финляндіи» (г. Скалона), «Гмина въ губерніяхъ Царства Польскаго» (г. Спасовича), «Мелкая земская единица въ прибалтійскихъ губерніяхъ» (г. Мейендорфа), «Сельская коммуна въ Измаильскомъ уѣздѣ Бессарабской губ.» (г. Гессена) и «Мѣстное самоуправленіе въ древней Руси» (г. Покровскаго). За исключеніемъ послѣдней, всѣ онѣ представляютъ описаніе организаціи и характеристику дѣятельности мелкихъ самоуправляющихся учрежденій въ различныхъ мѣстностяхъ; мы отмѣтимъ только общіе выводы, что населеніе успѣшно справляется съ лежащими на немъ дѣлами. Въ статьѣ же г. Іоллоса читатели найдутъ живое изложеніе взглядовъ различныхъ партій при обсужденіи вопроса о реформѣ общиннаго устройства въ прусской палатѣ и на конгрессѣ общества соціальной политики. Поучительно, что въ то время, какъ у насъ опасаются введеніемъ мелкой единицы низвести содержаніе земской жизни къ узкому кругу интересовъ своей колокольни, въ Пруссіи представители деревенской массы указывали на низшее земское самоуправленіе, какъ на лучшее средство научить крестьянъ «смотрѣть дальше церковной башни» и сдѣлать изъ нихъ развитыхъ и дѣятельныхъ гражданъ. Совершенно особый интересъ представляетъ статья г. Покровскаго о мѣстномъ самоуправленіи древней Руси. Это оригинально и талантливо написанный «очеркъ по исторіи русской культуры». Авторъ касается самыхъ основныхъ вопросовъ русской исторіи и, заявляя себя сторонникомъ того воззрѣнія, по которому «ходъ общественнаго процесса опредѣляется не тѣми идеями, какія высказываютъ въ данный моментъ интеллектуальные верхи общества», полемизируетъ съ наиболѣе распространенными объясненіями древне-русской жизни и, въ особенности, съ объясненіями г. Милюкова. Но сложность и важность вопросовъ, затронутыхъ г. Покровскимъ, не позволяетъ намъ остановиться на его статьѣ. Для «мелкой земской единицы» она имѣетъ лишь то значеніе, что разрушаетъ выдвинутое въ послѣднее время нашими охранителями мнѣніе, будто историческою единицею мелкаго самоуправленія былъ приходъ, къ которому нужно и теперь возвратиться.

Остальныя статьи сборника непосредственно касаются мелкой земской единицы и посвящены анализу современнаго сословнаго крестьянскаго самоуправленія и доказательствамъ необходимости его реформированія какъ съ юридической, такъ и съ экономической точки зрѣнія (статьи гг. Страховскаго и Шрейдера), или характеристикѣ отношенія къ этому вопросу земскихъ собраній и литературы (статьи гг. Бажаева, Гессена, Лемке и Скалона). Статья г. Страховскаго содержитъ краткій, но обстоятельный очеркъ исторіи такъ

называемаго крестьянскаго самоуправленія и современнаго его положенія, основанный на тщательномъ изученіи многочисленныхъ оффиціальныхъ источниковъ. Авторъ безповоротно осуждаетъ современную волость и не надѣется, чтобы она могла вмѣстить новое содержаніе, которое можетъ дать ей предполагаемая реформа. Г. Шрейдеръ доказываетъ необходимость мелкой земской единицы развивающимися потребностями крестьянскаго хозяйства. Чрезвычайно любопытный и поучительный матеріалъ представляютъ статьи, посвященныя характеристикѣ отношенія земскихъ собраній и литературы къ вопросу о мелкой земской единицѣ. Къ сожалѣнію, авторы ихъ дали слишкомъ лѣтописное изложеніе фактовъ и мнѣній. Въ особенности нужно сказать это о г. Бажаевѣ, разработавшемъ вопросъ объ отношеніи земскихъ собраній къ мелкой единицѣ послѣ московскаго агрономическаго съѣзда 1901 года, и статьѣ г. Лемке, сгруппировавшаго отзывы литературы за этотъ же періодъ. Кромѣ того, г. Лемке сосредоточилъ вниманіе почти исключительно на ежедневныхъ изданіяхъ и не воспользовался очень цѣнными статьями, помѣщенными въ земскихъ періодическихъ органахъ: сборникахъ херсонскаго, пермскаго, черниговскаго земствъ и даже «Саратовской Земской Недѣлѣ», удѣлившей мелкой земской единицѣ очень много вниманія. Тѣмъ не менѣе, предъ читателями встаетъ очень яркая картина изъ исторіи развитія русской гражданственности. Идея безсословной мелкой самоуправляющейся единицы, возникшая еще въ губернскихъ комитетахъ, въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ становится достояніемъ крѣпостнической партіи, которая стремится къ ея осуществленію съ самыми опредѣленными цѣлями возвратить утраченное вліяніе надъ личною и общественною жизнью крестьянства. Дѣло шло не объ улучшеніи волостного управленія и хозяйства, но объ усиленіи власти, которой нужно было передать крестьянина. Въ 1873 году въ петербургское дворянское собраніе былъ внесенъ проектъ Савельева, имѣвшій цѣлью уничтожить сельскую общину, «отъ подобія которой, въ лицѣ парижской коммуны, по словамъ автора, ужаснулась вся Европа». Эти тенденціи, разумѣется, повліяли на отношеніе лучшей части русской прессы къ вопросу о всесословной волости. Идея была дискредитирована. Съ именемъ всесословной волости долгое время соединялось представленіе о чемъ-то крѣпостническомъ, направленномъ къ ущербу массы населенія въ одностороннихъ интересахъ привилегерованнаго землевладѣльческаго меньшинства. Въ началѣ 80-хъ годовъ, когда поставлено было на очередь преобразованіе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, вопросъ о всесловной волости и мелкой земской единицѣ снова всплываетъ въ земскихъ собраніяхъ и доходитъ до обсужденія Кахановской коммиссіи, вмѣстѣ съ которой и заканчиваетъ свое существованіе. Въ третій и, можетъ быть, не послѣдній разъ, онъ появляется въ общественныхъ собраніяхъ и литературѣ послѣ голоднаго 1891 года, когда всѣ язвы нашей деревни бросились въ глаза съ особенною силою. Но только послѣ московскаго агрономическаго съѣзда 1901 года начинается современная стадія его развитія. То положеніе, въ которомъ теперь находится крестьянство, дальше продолжаться не можетъ. Сельское населеніе, въ большинствѣ, имѣетъ полное основаніе повторить о себѣ слова псковской лѣтописи, что оно живетъ только потому, что «земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть». Вмѣстѣ съ тѣмъ, сорокъ лѣтъ, прошедшія со времени паденія крѣпостного права, измѣнили и духовную физіономію деревни.

Наиболѣе обезпеченный слой крестьянства пріобрѣлъ не только экономическое вліяніе, но и сознаніе своихъ человѣческихъ правъ. Не касаясь подробно той эволюціи, которая произошла въ послѣднее время въ нашемъ поселкѣ, мы только укажемъ, что значительность ея доказывается современнымъ отношеніемъ литературы и, въ особенности, хорошо знающей дѣйствительность провинціальной печати, къ вопросу о мелкой земской единицѣ, какъ къ лучшему

и даже единственному расширенію правъ сельскаго обывателя. Послѣ первыхъ, весьма естественныхъ, сомнѣній и колебаній, большинство русскихъ газетъ, какъ и большинство земскихъ собраній высказалось за учрежденіе самоуправляющагося мелкаго органа. Точка зрѣнія «просвѣщенной опеки», выставленная г. Шиповымъ и друг., встрѣтила рѣзкую отповѣдь и въ литературѣ, и въ земской средѣ. Общественная мысль, въ лицѣ значительной части ея представителей, видимо проникается довѣріемъ къ крестьянской массѣ и желаетъ открыть ей путь самостоятельнаго развитія. По условіямъ настоящаго момента, мелкая земская единица является минимальной формой самодѣятельности, достиженіе которой возможно поставить практическою цѣлью. Въ этомъ стремленіи къ подъему массы, къ союзу съ нею и использованію ея напечатыхъ силъ и заключается смыслъ оживленной агитаціи въ пользу привлеченія широкихъ слоевъ населенія къ совокупной работѣ сознательныхъ элементовъ русскаго общества. Авторы сборника собрали и обработали обширный и цѣнный матеріалъ для освѣщенія предстоящей задачи и для доказательства возможности ея разрѣшенія. То сочувствіе, которое они повсюду встрѣтили, показываетъ, что ихъ труды не пропали даромъ. *Ник. Іорданскій.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

С. Алексѣевъ. «Мѣстное самоуправленіе».—*В. О. Ключевскій.* «Боярская дума древней Руси».—*П. Мижуевъ.* «Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи».

С. Г. Алексъевъ. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ (XVIII-го и XIX-го в. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 1902 г. Трудъ, носящій вышевыписанное названіе, представленъ, по заявленію автора, въ одинъ изъ русскихъ университетовъ въ видѣ диссертаціи на степень магистра государственнаго права. Тѣмъ съ бо̀льшимъ основаніемъ можно предъявить къ г. Алексѣеву требованіе серьезнаго и внимательнаго отношенія къ интересующему его вопросу и къ тѣмъ источникамъ, которыми онъ пользовался при составленіи своей книги. Сомнительно, однако, чтобы изслѣдованіе г. Алексѣева удовлетворяло даже этому скромному требованію. Его магистерская диссертація является, повидимому, новымъ членомъ того довольно длиннаго ряда «ученыхъ работъ», который открылся изслѣдованіемъ г. Чечулина и продолжался диссертаціей г. Грибовскаго. Непонятно, какимъ образомъ надѣется г. Алексѣевъ выполнить намѣченную задачу — дать историческій очеркъ мѣстнаго самоуправленія русскихъ крестьянъ за послѣдніе два вѣка, если онъ такъ пренебрежительно относится къ «безпочвеннымъ», по его словамъ «спекуляціямъ разума» (стр. II) и въ то же время полагаетъ, что «единственной вѣрной дорогой къ истинѣ» является «сжатый конспектъ изъ тысячи томовъ законодательнаго и незаконодательнаго матеріала» (стр. 278 и предисловіе). Послѣднимъ утвержденіемъ, авторъ откровенно сознается, что предпринятый имъ трудъ не болѣе, какъ компиляція изъ полнаго собранія законовъ и нѣкоторыхъ другихъ не менѣе извѣстныхъ источниковъ. Такая откровенность, конечно, похвальна, но нужно отдать справедливость г. Алексѣеву: иногда онъ перестаетъ быть компиляторомъ и удѣляетъ мѣсто, вопреки собственному желанію, «спекуляціямъ разума». Насколько эти спекуляціи безпочвенны, читатель убѣдится простыми выписками изъ комментаріевъ г. Алексѣева къ «законодательному и незаконодательному матеріалу», которыми, замѣтимъ кстати, и ограничиваются его попытки дать анализъ существующихъ узаконеній о крестьянахъ. Такъ, говоря о правахъ по имуществу государственныхъ крестьянъ, г. Алексѣевъ замѣчаетъ: «Государственному кре-

стьянину чужда самая идея эксплуатаціи своихъ братьевъ. Извѣстно, что Демидовъ отказался отъ предоставленныхъ ему правъ потомственнаго дворянства. Замѣчательно и удивительно, законодатель подмѣтилъ и эту, сразу не бросающуюся, но глубокую и важную черту соціальнаго быта нашихъ крестьянъ. Въ многочисленныхъ статьяхъ о 10 — 15-десятинномъ размѣрѣ на душу земли, законодатель выразилъ желаніе всей русской земли и тѣмъ положилъ въ основу государственной жизни личный трудъ, а не экспулатацію труда праздными, землевладѣльцами... Этимъ, быть можетъ, законодатель до сихъ поръ ограждалъ государство отъ того пролетаріата, который дѣлаетъ людей звѣрями на всемъ континентѣ Западной Европы» (ст. 52). Въ главѣ «Крестьянство и ходъ его развитія въ исторіи русскаго государства» г. Алексѣевъ дѣлаетъ попытку «дать посильный отвѣтъ на многіе злободневные вопросы», связанные съ обостреніемъ классовой борьбы на Западѣ. Для этого онъ пытается сперва установить понятія сословія и класса. «Всегда и вездѣ, гдѣ только человѣческое общество жило государственною жизнью, люди раздѣлялись на различныя группы, отличающіяся одна отъ другой общностью интересовъ и стремленій. Съ теченіемъ времени эти группы или принимали отъ правительства строгую организацію, или же такъ и оставались свободными общественными классами. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло съ сословіями, во второмъ—съ классами населенія въ государствѣ» (стр. 279). Классъ есть классъ и для выясненія столь очевидной истины не стоило, пожалуй, тратить такъ много словъ. Гораздо интереснѣе, по своей простотѣ, рѣшеніе соціальнаго вопроса, предлагаемое г. Алексѣевымъ. «Чтобы прекратить классовую борьбу, необходимо дать преобладаніе принципу государственности въ ущербъ общественности. Таковъ отвѣтъ должна дать наука. Намъ возразятъ, что нѣкоторыя изъ западно-европейскихъ правительствъ всѣми силами стремятся къ этой цѣли ослабить принципъ общественности и усилить принципъ государственности, но результатъ получался и получается съ каждымъ днемъ неутѣшительнѣй. На это скажемъ, что средства, выбранныя этимъ правительствомъ, крайне неудовлетворительны». Г. Успенскій такое рѣшеніе вопроса уже давно опредѣлилъ формулой: «тащить и не пущать».

Pour la bonne bouche — маленькая цитата изъ отдѣла «Миссія казаковъ». «Калмыки,—пишетъ г. Алексѣевъ,—обязаны нести полевую и внутреннюю службу наравнѣ съ казаками. Свобода вѣроисповѣданія калмыцкаго народа и всѣ относящіеся къ этому обряды остаются неприкосновенными (Учр. гр. упр. каз. 498, 499). Не проводитъ ли здѣсь законодатель принциповъ французской революціи: свобода, равенство, братство?» (стр. 91). Тремя страницами ниже г. ученый изслѣдователь выясняетъ содержаніе «принциповъ французской революціи» такими словами: «Законодатель держится вообще свободы убѣжденій; если гражданинъ имѣетъ несогласныя съ законодателемъ убѣжденія, то таковому законодатель запрещаетъ пропагандировать, совращать другихъ. Иначе сказать, законодатель требуетъ скромнаго, молчаливаго поведенія, какъ одной изъ гражданскихъ обязанностей. Ты отрицаешь духовную и свѣтскую власти, отрицай, только не кричи о своемъ отрицаніи, этимъ ты нарушаешь общественную тишину и порядокъ, какъ бы говоритъ подобнымъ личностямъ законодатель. Само собой разумѣется отрицаніе это не должно освобождать отъ обязанностей, соединенныхъ съ признаніемъ властей. Занимаешь клочокъ земли, плати поземельный налогъ; придетъ 21-ый годъ, надѣвай солдатскую шинель; выбираютъ тебя въ присяжные, иди; приказываетъ тебѣ городовой убраться съ улицы, убирайся и т. д. Иначе представить себѣ государственную жизнь невозможно, если всякій будетъ въ области совмѣстной гражданской жизни слѣдовать своимъ убѣжденіямъ, а не тѣмъ, которыя законодатель выразилъ въ законѣ» (стр. 95).

Очерку мѣстнаго самоуправленія русскихъ крестьянъ авторомъ предпосланъ

краткій и, уже по своей краткости, лишенный самостоятельнаго научнаго значенія, очеркъ исторіи англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ крестьянъ и ихъ мѣстнаго самоуправленія. Наконецъ, существеннымъ недостаткомъ книги г. Алексѣева является еще отсутствіе библіографіи предмета: указана литература, да и то далеко не полная, лишь по исторіи западно-европейскаго крестьянства.

Интересно знать, въ какой университетъ представилъ г. Алексѣевъ свою диссертацію и какъ отнесутся оффиціальные представители науки къ его «ученой работѣ» новаго типа? *Б. Савинковъ.*

Проф. В О. Ключевскій. Боярская дума древней Руси. Изданіе третье, пересмотрѣнное. М. 1902. in 8 vo Стр. 2 нен.+VI+548. Ц. 3 руб. 50 к. На долю докторской диссертаціи проф. В. О. Ключевскаго выпадаетъ рѣдкій успѣхъ: она выдерживаетъ третье, въ сущности четвертое изданіе. Успѣхъ этотъ мѣряется не формальнымъ счетомъ изданій, а тѣмъ обстоятельствомъ, что «боярская дума древней Руси» неуловимыми, но существенными нитями связана съ цѣлою плеядой русскихъ писателей по отечественной исторіи. Это настольная книга, съ которой каждый изъ насъ начинаетъ учиться русской исторіи и, можно сказать, почти не разстается до конца своей дѣятельности. Щедрою рукою черпаютъ изъ нея наши профессора на лекціяхъ, а лучшіе преподаватели исторіи на урокахъ. Сочиненіе г. Ключевскаго увлекаетъ и охватываетъ какъ-то незамѣтно и не всѣхъ, но зато удивительно прочно; даже манера самаго изложенія дѣйствуетъ на читателя, которому трудно потомъ становится оттолкнуть отъ себя своеобразный складъ истрическаго повѣствованія московскаго профессора.

«Боярская дума древней руси»—плодъ усидчивой и необыкновенно спокойной работы. Мы склонны думать, что лучшая и счастливѣйшая часть жизни нашего московскаго профессора связана съ этой книгой, что изъ нея шли прочія монографическіе труды автора, который, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не даетъ намъ ихъ собранія въ отдѣльномъ изданіи.

Авторъ проникнутъ безхитростною любовью къ древнѣйшему отечественному прошлому, онъ цѣликомъ вошелъ подъ мрачные своды этой старины, живетъ этимъ полумракомъ, потому что ему трудно оторваться отъ разгадки цѣлой массы темныхъ силуэтовъ, тамъ схороненныхъ; ему чудится, что при помощи научной эрудиціи, соединенной съ свойственнымъ ему даромъ чутья старой дѣйствительности, возможно эти темные силуэты превратить въ живыя фигуры. У г. Ключевскаго наблюдается поразительная способность переваривать выводы предшествовавшей ему исторической литературы. Изученные оригиналы принимаютъ у него такія своеобразныя формы и получаютъ такую новую и специфическую формулировку, что покойные авторы этихъ оригиналовъ не могли бы сразу узнать своихъ дѣтищъ, превратившихся въ искусной лѣпкѣ г. Ключевскаго во взрослыхъ и мужественныхъ людей. Если выше утверждается, что «боярская дума древней Руси»—центръ научно-литературной дѣятельности г. Ключевскаго въ связи съ читаннымъ имъ много лѣтъ общимъ курсомъ русской исторіи, то позволительно признать, что С. М. Соловьевъ съ его «Исторіей Россіи съ древнѣйшихъ временъ»—ядро, отъ котораго исходила схема древней русской исторіи г. Ключевскаго. Но схема этого послѣдняго такъ своеобразна, уснащена такими тонко развитыми деталями, что только тщательный анализъ вскрываетъ эту интимную родственную связь, тѣмъ болѣе трогательную, что г. Ключевскій—преемникъ по каѳедрѣ С. Соловьева, далеко опередившій своего учителя и создавшій школу русскихъ историковъ, въ которую принесены были питательные соки съ каѳедры одного изъ преемниковъ Грановскаго.

«Боярская дума древней Руси» поражаетъ читателя широтой и сложностью схваченной г. Ключевскимъ темы; ея научный интересъ громаденъ, а техника

ея обработки представляетъ несомнѣнную поучительность, особливо для начинающихъ работать въ области русской исторіи. Это—не мелкое детальное изслѣдованіе по отдѣльному спеціальному вопросу. Книга г. Ключевскаго—сложный синтезъ, не растерявшійся въ мелочахъ и второстепенныхъ подробностяхъ среди разнообразныхъ понятій, обозначаемыхъ однимъ и тѣмъ же терминомъ; намъ представляется эта книга зданіемъ, сооруженнымъ послѣ мелкаго прихотливаго анализа отдѣльныхъ подробностей и явленій, вставленныхъ въ общій фонъ древней русской дѣйствительности. Обнаруживая удивительное научное чутье древней русской дѣйствительности, авторъ не склоненъ къ безпочвенному фантазированію среди обломковъ старины.

Г. Ключевскій является въ нашей литературѣ большимъ изслѣдователемъ *соціальной* исторіи древней Россіи, довольно рѣзко положенной на *экономическую* подкладку. Съ точки зрѣнія соціальнаго состава изучена нашимъ авторомъ и боярская дума X—XVII вѣковъ. Не надѣясь изобразить исторію политическаго значенія и правительственной дѣятельности боярской думы «съ достаточною послѣдовательностью и полнотой», г. Ключевскій тѣмъ бо̀льшее вниманіе обратилъ на то, въ чемъ «выражалась непосредственная связь учрежденія съ *обществомъ*, на соціальный составъ думы, на происхожденіе и значеніе классовъ, представители которыхъ находили въ ней мѣсто». «Составомъ своимъ,—говоритъ нашъ авторъ,—дума касалась только верхнихъ слоевъ древнерусскаго общества, поэтому исторія изучаемаго учрежденія даетъ возможность слѣдить за складомъ общества, насколько онъ отражался въ образованіи общественныхъ вершинъ». Утверждая, что изученіе древнерусской боярской думы ставитъ изслѣдователя прямо передъ исторіей древнерусскаго общества, передъ процессомъ образованія общественныхъ классовъ, авторъ даетъ замѣчательную картину боярской думы, какъ удивительнаго механизма древнерусской правительственной машины, «Политическая и административная исторія боярской думы,—говоритъ г. Ключевскій,—темна и бѣдна событіями, лишена драматическаго движенія; закрытая отъ общества государемъ сверху и дьякомъ снизу, она является конституціоннымъ учрежденіемъ съ обширнымъ политическимъ вліяніемъ, но безъ конституціонной хартіи, правительственнымъ мѣстомъ съ обширнымъ кругомъ дѣлъ, но безъ канцеляріи, безъ архива». Г. Ключевскій беретъ въ данномъ случаѣ не юридическую природу института, самое существованіе котораго съ отвлеченной юридической точки зрѣнія представляется проблематичнымъ, а его скрытый житейскій смыслъ въ обстановкѣ тогдашней политической атмосферы. «Въ тѣ вѣка,—говоритъ авторъ, политическіе дѣльцы не любили задавать себѣ общаго вопроса, какъ далеко простираются прерогативы верховнаго правителя, князя-государя, и гдѣ начинаются права его совѣтниковъ: политическій глазомѣръ и обычай указывали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предѣлы власти, избавляя обѣ стороны отъ труднаго дѣла точной формальной разверстки политическихъ правъ и обязанностей; ко всякому учрежденію, подобному нашей боярской думѣ, мы привыкли обращаться съ вопросомъ, имѣло ли оно обязательное для верховной власти или только совѣщательное значеніе, а люди тѣхъ вѣковъ не различали столь тонкихъ понятій, возникавшія столкновенія разрѣшали практически въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отдѣльные случаи не любили обобщать, возводить въ постоянныя нормы, и не подготовили намъ прямого отвѣта на нашъ вопросъ». Созданная авторомъ остроумная фикція сослужила ему великолѣпную службу на протяженіи всего изслѣдованія, помогла ему разъяснить правительственную дѣятельность думы, ея смыслъ и значеніе, остававшіеся непонятными людямъ строгаго юридическаго мышленія. Московская боярская дума, по изслѣдованію автора, была «*учрежденіемъ*, тѣсно связаннымъ съ судьбой извѣстнаго класса московскаго общества», она была «*учрежденіемъ*, которое создавало московскій государственный и общественный

порядокъ». Единственною постоянною опорой извѣстнаго устройства и значенія думы былъ *обычай* («государь призывалъ къ управленію людей боярскаго класса въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ»), а крѣпость обычая создана была *исторіей* самого московскаго государства, не бывшаго ни произведеніемъ какой либо политической теоріи, ни слѣдствіемъ хищничества предковъ царя Ивана Грознаго; московское государство было дѣломъ народности, образовавшейся къ XV вѣку въ области Оки и верхней Волги. Въ заключеніе не можемъ еще разъ не привѣтствовать появленіе *новаго* изданія книги, весьма *цѣнной* для чтенія большой публики. *Вас. Сторожевъ.*

П. Г. Мижуевъ. Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи. Спб. 1902 г. Стр. 215. Цѣна 1 руб. Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ редакціей Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. Новая популярная работа извѣстнаго знатока современнаго англо-саксонскаго міра отличается содержательностью и обдуманностью плана и основныхъ мыслей. Авторъ—горячій поклонникъ того широкаго и мудраго либерализма, благодаря которому (между многимъ прочимъ) Англіи удалось сдѣлаться первой колоніальной державой въ мірѣ,—либерализма въ управленіи колоніями. Правда, намъ кажется, что мѣстами авторъ слишкомъ ужъ восторженно относится къ Англіи. Напримѣръ, не безъ недоумѣнія прочли мы на стр. 148—164 запальчивую мѣстами полемику противъ буровъ, которые, какъ извѣстно, столь горько обижали бѣдныхъ англичанъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Г. Мижуевъ дѣлаетъ оговорку: «Если бы даже мы нѣсколько погрѣшили, подчеркнувъ болѣе сильно неприглядные факты, характеризующіе буровъ, такой недостатокъ нашего изложенія былъ бы въ извѣстномъ смыслѣ очень умѣстенъ въ книгѣ, предназначенной для общества, которое склонно держаться прямо противоположной точки зрѣнія».

Такого разсужденія ни понять, ни принять нельзя. Если кто-либо о желтой матеріи лжетъ, что она—черная, то отсюда не слѣдуетъ, что его оппонентъ долженъ говорить, что она—бѣлоснѣжная. Наукѣ важна правда, а не репутація англичанъ. Можно объяснять генезисъ и развитіе какого-либо историческаго злодѣйства, анализировать причины, почему его выполненіе стало возможно и т. д.,—но въ научномъ произведеніи *нельзя* задаваться апологетическими цѣлями, только потому, что въ изобличеніи этого злодѣйства другими лицами, дѣйствительно, много лицемѣрія. Намъ, можетъ быть, смѣшонъ и отвратителенъ Ванька Каинъ, громящій за пороки Картуша, Шиндерханса и Фра-Дьяволо, но не назовемъ же мы на этомъ основаніи указанныхъ трехъ иностранцевъ ангелами во плоти, непонятыми въ своихъ добродѣтеляхъ остальнымъ человѣчествомъ.

Далѣе. Почему ровно ничего не сказано объ *усмиреніи* ямайскаго возстанія негровъ 1865 г.? Мы читали въ «Annal Register'ѣ» 1866 г. подробное описаніе этого происшествія, составленное коммиссіей по разслѣдованію свирѣпыхъ дѣйствій властей. На минуту принимая точку зрѣнія г. Мижуева, спросимъ читателя, въ выигрышѣ или проигрышѣ окажется въ его глазахъ репутація англичанъ, если онъ узнаетъ о жестокостяхъ нѣсколькихъ англійскихъ чиновниковъ и офицеровъ, но узнаетъ также и о взрывѣ *общественнаго негодованія* по этому поводу, *о назначеніи спеціальной слѣдственной коммиссіи* для разбора дѣла?

Эти и однородныя погрѣшности — единственный недостатокъ разбираемой книги. Тщательно прочтя ее, свѣривъ многіе факты, передаваемые ею, съ исторіей англійской колонизаціи, написанной Моррисомъ, и съ нѣкоторыми другими произведеніями той же литературы, мы не нашли ни одного фактическаго промаха. Ошибки же въ оцѣнкѣ фактовъ проистекаютъ, повторяемъ, только отъ преувеличеннаго восторга предъ англичанами. Но самый этотъ восторгъ—объяснимъ: г. Мижуевъ увлекается, дѣйствительно, высокимъ государственнымъ

смысломъ великаго народа, который создалъ и утвердилъ личную и политическую свободу, внесъ разумъ и человѣчески-достойную жизнь въ самыя глухія дебри земного шара. Не одного г. Мижуева охватывало (и можетъ охватить) чувство, близкое къ благоговѣнію, отъ сравненія нѣкоторыхъ сторонъ англійской исторіи и дѣйствительности—съ исторіей и дѣйствительностью континентальными. Нужно только не давать этому чувству ослѣплять себя.

Литературное, живое изложеніе—несомнѣнное и не послѣднее качество этой книги. *Евг. Тарле.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Шмоллеръ. «Народное хозяйство» — *Фанъ-деръ-Боргтъ.* «Торговля и торговая политика».

Густавъ Шмоллеръ. Народное хозяйство, наука о народномъ хозяйствѣ и ея методы. — Хозяйство, нравы и право. — Раздѣленіе труда. Переводъ проф. В. М. Нечаева со вступительной статьей проф. А. А. Мануилова. Библіотека экономистовъ, выпускъ IX. Изданіе Солдатенкова. Ц. 1 р. Москва 1902 г. Недавно вышедшій послѣдній выпускъ «Библіотеки экономистовъ», начатой покойнымъ Солдатенковымъ, посвященъ наиболѣе извѣстному изъ современныхъ экономистовъ—берлинскому профессору Густаву Шмоллеру. Шмоллеръ—глава такъ называемаго историко-этическаго направленія въ политической экономіи и родоначальникъ цѣлой плеяды экономистовъ, почти неограниченно царившей въ германскихъ университетахъ вплоть до послѣдняго времени; экономисты эти характеризуются, главнымъ образомъ, своимъ отвращеніемъ ко всему, что носитъ печать «теоріи» и можетъ привести къ какимъ-либо широкимъ и смѣлымъ выводамъ, и своею исключительною любовью къ историческому и статистическому накопленію фактовъ. Какъ представитель цѣлаго широкаго теченія въ экономической наукѣ Шмоллеръ, конечно, безусловно заслуживалъ попасть въ рядъ избранныхъ изслѣдователей хозяйственной жизни, сгруппированныхъ въ «Библіотекѣ экономистовъ». Къ сожалѣнію, выборъ статей, представленныхъ въ лежащемъ передъ нами выпускѣ «Библіотеки», сдѣланъ далеко не вполнѣ удачно. Намъ думается, что въ задачу «Библіотеки экономистовъ» входитъ не только ознакомленіе читателя съ общей научной физіономіей даннаго автора, но и, главнымъ образомъ, сосредоточеніе всего того, что въ его трудахъ имѣетъ наибольшую *объективную* научную цѣнность. Если примѣнить эту точку зрѣнія къ Шмоллеру, то врядъ ли будетъ споръ о томъ, что главнѣйшее, если не исключительное научное значеніе этого ученаго заключается въ его историческихъ изысканіяхъ въ области народнаго хозяйства, тогда какъ теоретическія работы его могутъ имѣть лишь историческій или біографическій интересъ и уже по своей темнотѣ, скучности и вялости не могутъ претендовать на серьезное научное значеніе. Редакція же разсматриваемаго выпуска «Библіотеки» почему-то нашла нужнымъ заполнить почти всю книгу такими скучными и туманными работами Шмоллера, какъ статьи о «Народномъ хозяйствѣ etc.» (Эта статья заимствована изъ извѣстнаго «Handwörterbuch der Staatswissenschaften»), о «Хозяйствѣ, нравахъ и правѣ» и о «Справедливости въ народномъ хозяйствѣ». (Исключеніе составляетъ одна только статья о «Раздѣленіи труда», гдѣ содержатся цѣнныя обобщенія историческихъ изслѣдованій Шмоллера). Мы понимаемъ, что одна изъ этихъ статей была, можетъ быть, нужна для характеристики общихъ научныхъ взглядовъ Шмоллера, но рѣшительно не можемъ согласиться, чтобы нужно было составить изъ подобныхъ статей почти весь выпускъ «Библіотеки». Въ числѣ того, что написано

Шмоллеромъ по исторіи хозяйства, имѣется рядъ небольшихъ и популярныхъ статей, представляющихъ въ обобщенномъ видѣ результаты его историческихъ изысканій и содержащихся въ нѣсколькихъ изданныхъ имъ сборникахъ его статей. Укажемъ, напр., на статьи объ историческомъ значеніи меркантилизма, объ историческомъ развитіи предпріятія, объ исторіи торговой политики и т. п. Наконецъ, и въ послѣднемъ произведеніи Шмоллера — его учебникѣ политической экономіи («Grundriss der Volkswirtschaftslehre») содержатся цѣнныя главы, представляющія мастерскую сводку историческихъ и статистическихъ данныхъ по разнымъ вопросамъ хозяйственнаго быта. Всѣми этими работами съ удобствомъ могла бы воспользоваться редакція даннаго выпуска «Библіотеки экономистовъ», и въ этомъ случаѣ книжка «Г. Шмоллеръ» была бы цѣннымъ вкладомъ въ нашу переводную литературу по политической экономіи, а не говорила бы только о томъ, какими скучными и бездарными теоретиками могутъ иногда быть серьезные и выдающіеся экономисты-историки.

Общіе взгляды Шмоллера достаточно извѣстны, а потому мы остановимся только на вступительной статьѣ проф. Мануилова. Давъ сжатую и правильную характеристику научной физіономіи Шмоллера, проф. Мануиловъ замѣчаетъ, что критическая оцѣнка научной дѣятельности Шмоллера не можетъ быть въ настоящее время окончательной, во-первыхъ, потому, что учебникъ политической экономіи Шмоллера еще не законченъ, а во-вторыхъ, еще и по слѣдующимъ соображеніямъ: «Именно теперь въ экономической наукѣ начинаетъ развиваться движеніе въ пользу широкаго пользованія психологіей, важность которой всегда выдвигалъ Шмоллеръ; экономисты все болѣе и болѣе отрѣшаются отъ механическаго и узко-матеріалистическаго взгляда на явленія хозяйственной жизни и пытаются найти ихъ объясненіе въ законахъ человѣческаго духа... наконецъ, никогда значеніе исторіи для экономической науки не выступало съ такой непререкаемой ясностью, какъ въ настоящее время. Нужно выждать результаты этихъ новыхъ движеній, чтобы произнести судъ надъ идеями Шмоллера» (с. X). Что касается первой указанной г. Мануиловымъ причины невозможности критической оцѣнки Шмоллера, то врядъ ли доведеніе до конца учебника можетъ что-либо измѣнить въ научной репутаціи ученаго, слишкомъ 30 лѣтъ интенсивно работающаго на избранномъ имъ поприщѣ и, конечно, уже окончательно сложившагося по своимъ убѣжденіямъ. Не совсѣмъ понятенъ намъ и второй доводъ проф. Мануилова. Кого разумѣетъ г. Мануиловъ подъ экономистами, выступившими въ пользу болѣе широкаго пользованія психологіей и отрѣшившимися отъ механическаго взгляда на хозяйственную жизнь? Думается, что подъ ними нельзя подразумѣвать никого иного, кромѣ экономистовъ «австрійской» или «*психологической*» школы. Но въ такомъ случаѣ г. Мануилову, конечно, не хуже чѣмъ намъ извѣстно, что теоретическая и отвлеченная психологія, которой пользуются «австрійцы», есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ та житейская «психологія», которую постоянно рекомендуетъ Шмоллеръ, и что это новое направленіе выступило съ самаго же начала въ лицѣ Менгера въ сознательной и рѣзкой оппозиціи именно къ Шмоллеру и его тенденціямъ. И именно подъ вліяніемъ этого направленія признаніе «непререкаемаго» значенія исторіи для политической экономіи, вопреки указанію г. Мануилова, по меньшей мѣрѣ потеряло свою прежнюю рѣзкость и широту. Конечно, судъ современниковъ никогда не бываетъ окончательнымъ; потомству всегда предоставлено право кассировать этотъ судъ. Но пока этого еще не произошло, и современники имѣютъ право, при наличности достаточныхъ данныхъ, произнести свой приговоръ. Относительно Шмоллера этотъ приговоръ, думается намъ, уже произнесенъ и гласитъ: серьезное научное значеніе имѣютъ историческія его изслѣдованія и достойна уваженія его пропаганда непосредственнаго изученія жизни во всей ея конкретной обстановкѣ; но его борьба противъ «теоріи», его протестъ противъ

всякаго обобщающаго *познанія* и *пониманія* въ угоду эмпирическаго *знанія* противенъ самому духу всякой науки и есть лишь продуктъ временнаго кризиса, пережитаго политической экономіей послѣ упадка классической школы.

Статью о «Раздѣленіи труда» въ разсматриваемомъ сборникѣ можно усердно рекомендовать всѣмъ интересующимся этимъ вопросамъ и знакомымъ съ соотвѣтствующими (переведенными на русскій языкъ) работами Бюхера. Въ общемъ однако мы опасаемся, что ни содержательное предисловіе проф. Мануилова, ни хорошій переводъ проф. Нечаева не спасутъ книги отъ скораго забвенія.

С. Франкъ.

R. van-der-Borght. (Р. фанъ-деръ-Боргтъ), проф. политической экономіи. Торговля и торговая политика. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. Е. И. Рагозина. Спб. 1902. Стр. 531. Ц. 3 р. Казалось бы, спеціальное сочиненіе о торговлѣ первою своею цѣлью должно поставить разъясненіе этого внутренняго противорѣчія. Но именно этого то вы и не найдете въ разбираемомъ сочиненіи фанъ-деръ-Боргта, именно о самомъ важномъ, что нужно читателю, оно и умалчиваетъ, какъ умалчиваетъ о томъ же и большинство подобныхъ сочиненій. Характерною особенностью тяжелыхъ учебныхъ трактатовъ, въ изобиліи сочиняемыхъ нѣмецкими учеными въ области общественно-экономическихъ наукъ, является упорное стремленіе ученыхъ не замѣчать противорѣчій изучаемой ими жизни. Ученые не хотятъ признать, что въ жизни (въ дѣйствительной жизни, а не только въ головахъ отдѣльныхъ недальновидныхъ или фанатичныхъ личностей) сталкиваются программы, партіи, мнѣнія, которыя взаимно другъ друга исключаютъ, между которыми нужно выбирать, которыхъ нельзя примирить. Ученые, чтобы остаться «объективными», хотятъ стать выше партій, выше противорѣчивыхъ мнѣній, раскалывающихъ общество на обособленныя группы, а такъ какъ примирить непримиримаго нельзя, то у нихъ остается одинъ только путь—признать всѣ мнѣнія и требованія относительными: то, что однимъ хорошо, другимъ—нехорошо. Но при такой постановкѣ вопроса, въ сущности, больше уже нѣтъ ни хорошаго, ни нехорошаго, ни добра, ни зла, а есть только выгоды и невыгоды, барыши и убытки. И общественная жизнь въ книгахъ современныхъ мудрецовъ превращается въ учетъ барышей и убытковъ разными группами населенія, а общественная наука—въ сведеніе баланса всѣхъ выгодъ и невыгодъ для совокупности всѣхъ группъ.

Ученые не хотятъ видѣть общественныхъ противорѣчій и превращаютъ противорѣчія въ противоположности. Всѣ общественные интересы оказываются противоположными другъ къ другу. И ужъ, конечно, не усиленное подчеркиваніе этихъ противоположностей можетъ примирить враждебныя группы. Экономисты думаютъ, что, составивъ подробный списокъ всѣхъ выгодъ и невыгодъ, которыя данная мѣра принесетъ каждой изъ многочисленныхъ группъ населенія, они помогутъ правительству и безпристрастнымъ людямъ рѣшить вопросъ объ общей цѣлесообразности обсуждаемой мѣры. Но при этомъ забывается очень простая истина,—что выгоды могутъ быть хорошія и дурныя, а отдѣльныя общественныя группы — достойны помощи или недостойны, жизнеспособны или мертвенны,—и что большею частью каждая группа, въ силу присущаго ей внутренняго инстинкта, стремится стать «всѣмъ или ничѣмъ» и сдѣлать свои выгоды общими выгодами всего общества... Вотъ, напр., нашъ авторъ, проф. фанъ-деръ-Боргтъ, стремясь, должно быть, къ возможной «объективности», перечисляетъ выгоды и невыгоды, которыя приноситъ кредитъ въ розничной торговлѣ. И между прочимъ приводится особая «выгода» для купца, состоящая въ томъ, что покупатели, должая въ одной какой-нибудь лавкѣ, не ходятъ уже покупать товары къ другимъ купцамъ, а потому остаются неосвѣдомленными о положеніи цѣнъ въ другихъ торговыхъ заведеніяхъ и такимъ образомъ оказыва-

ются въ большей власти у торговца (стр. 153). Итакъ, тутъ выгода купца основана на заблужденіи покупателя, т.-е., въ сущности, на обманѣ. Но почему же тогда не включить въ трактатъ о торговлѣ описанія всѣхъ выгодъ, которыя можно получить путемъ обвѣшиванія, обмѣриванія или даже при помощи фальшивыхъ векселей и разбоя? Сомнительно только, что подобные балансы «выгодъ» и «невыгодъ» кому-нибудь и въ чемъ-нибудь способны помочь.

Книга фанъ-деръ-Боргта тоже немного поможетъ желающимъ уяснить себѣ истинную роль торговли въ современной жизни. Мы не найдемъ у Боргта ничего по самому первому и важнѣйшему вопросу: имѣетъ ли оправданіе получаемый купцами торговый барышъ? Правда, намъ преподносится обычное школьное опроверженіе стариннаго ученія, считающаго торговлю «непроизводительнымъ» занятіемъ (стр. 38). Но при этомъ существеннымъ отличительнымъ признакомъ торговли авторъ считаетъ только то, что торговля, не созидая сама матеріальныхъ благъ, доставляетъ ихъ въ сферу доступнаго потребителю пользованія. Между тѣмъ, вовсе не эта задача торговой дѣятельности вызываетъ споры и нареканія, а способы ея исполненія и способъ вознагражденія торговцевъ. Нуженъ ли торговый барышъ, какъ особый видъ вознагражденія за хозяйственныя услуги? Такого вопроса для нашего автора не существуетъ. А между тѣмъ, онъ знаетъ, какъ получается барышъ купца. «Купецъ, — читаемъ мы,—какъ въ розничной, такъ и оптовой торговлѣ старается вытѣснить своихъ конкурентовъ, чтобы освободившійся сбытъ захватить въ свои руки» (162). Профану такой способъ обогащенія можетъ показаться нелѣпымъ и противорѣчивымъ. Но нашъ объективный безпристрастный изслѣдователь, давъ столь откровенную характеристику свободной конкуренціи, спокойно перечисляетъ выгоды и невыгоды этой системы и убѣждаетъ читателей, что выгодныя стороны будутъ перевѣшивать, если конкурирующіе снабжены приблизительно равными силами и соперничаютъ при равныхъ условіяхъ (168). Т.-е., если два купца отбили другъ у друга равное число покупателей и нанесутъ другъ другу (а косвеннымъ образомъ, а всему народному хозяйству) равные убытки, то все обстоитъ благополучно?

Это унылое безпристрастіе, переходящее въ безразличіе, еще болѣе поражаетъ въ отдѣлѣ о «торговой политикѣ». Авторъ даетъ понять читателю, что онъ стоитъ неизмѣримо ближе къ истинѣ и къ жизни, чѣмъ старые односторонніе проповѣдники свободной торговли и не менѣе односторонніе защитники правительственнаго вмѣшательства и покровительства. Профессоръ перечисляетъ въ изобиліи и выгодныя, и невыгодныя послѣдствія свободы торговли и точно также можетъ набрать цѣлую кучу и выгодныхъ, и невыгодныхъ послѣдствій каждаго шага покровительственной системы. Но кто дастъ намъ путеводную нить, которая помогла бы разобраться въ этой кучѣ выгодъ и невыгодъ? Авторъ не ощущаетъ потребности въ такой путеводной нити, хотя и любитъ говорить объ общей пользѣ, общенародныхъ интересахъ и пр. Онъ говоритъ, между прочимъ: «Все это однако не препятствуетъ купцамъ усердно преслѣдовать свои собственныя выгоды, не считаясь съ вліяніемъ ихъ дѣятельности на другіе государственные интересы. Но никто не можетъ ставить имъ этого въ упрекъ, такъ какъ то же самое дѣлаютъ и всѣ другіе классы» (336) Однако, позвольте, если купцы проявляютъ грабительскія наклонности по отношенію къ земледѣльцамъ, то станетъ ли это грабительство лучше только отъ того, что и земледѣльцы, съ своей стороны, будутъ проявлять такія же грабительскія наклонности по отношенію къ купцамъ? И вѣдь правительство, радѣя объ общемъ благѣ, можетъ дать каждому классу населенія только то, въ чемъ этотъ классъ ощущаетъ потребность. Представимъ же себѣ, что всѣ классы, «не считаясь съ вліяніемъ ихъ дѣятельности на другіе государственные интересы», потребуютъ каждый дозволенія ограбить какой-нибудь другой классъ. Правительство

дастъ одинъ классъ на съѣденіе другому, а этотъ второй третьему, а на третьемъ разрѣшитъ полакомиться первому. Балансъ классовыхъ интересовъ будетъ сведенъ съ полнымъ безпристрастіемъ и научной точностью. Общее равновѣсіе будетъ установлено точно, но въ этомъ ли заключается общая польза?

Читатель видитъ, что идея противоположности классовыхъ интересовъ таитъ въ себѣ непримиримое противорѣчіе. То же самое можно было бы подробно показать и относительно борьбы международныхъ интересовъ. Но мы отмѣтимъ только, что ф.-д.-Боргтъ остается вѣренъ себѣ и въ области внѣшней торговой политики: купецъ противъ купца, купцы противъ некупцовъ, народъ противъ народа—вотъ его философія. «Практика, какъ и теорія внѣшней торговой политики должны исходить изъ того факта, что интересы отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ не совпадаютъ»... (463). Отсюда самъ собою вытекаетъ выводъ, которымъ профессоръ, какъ заключительнымъ аккордомъ, заканчиваетъ свое сочиненіе: «Міровая экономическая политика такъ же невозможна безъ поддержки значительной морской военной силы, какъ и міровая политика вообще».

Всю эту безотрадную философію можно найти и у многихъ другихъ нѣмецкихъ экономистовъ. Кто, какъ не самъ Ад. Вагнеръ, котораго никоимъ образомъ нельзя заподозрить ни въ пристрастіи къ какимъ-либо частнымъ интересамъ, ни въ угодливости передъ правительствомъ, ни—Боже сохрани!—въ легкомысленности сужденій, защищалъ увеличеніе издержекъ на военный флотъ? Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что называется «болѣзнью вѣка»... Но у ф.-д.-Боргта есть и свои особенные недостатки, ему спеціально свойственные, причемъ недостатки эти могуты оказать весьма нежелательныя услуги нашимъ русскимъ коммерческимъ дѣятелямъ, для которыхъ г. Рагозинъ считаетъ особенно полезнымъ русскій переводъ разбираемаго сочиненія. Ф.-д.-Боргтъ—слишкомъ горячій и узкій защитникъ интересовъ торговаго класса. Въ особенности близко принимаетъ онъ къ сердцу судьбу мелкихъ торговцевъ, которые кажутся ему полезными не только съ экономической, но и съ соціально-политической точки зрѣнія—«какъ матеріалъ для самостоятельнаго средняго сословія, какъ опора въ борьбѣ съ разрушительными тенденціами нашего времени» (399). И вотъ нашъ авторъ беретъ подъ свою защиту громкіе вопли нѣмецкихъ лавочниковъ противъ потребительныхъ обществъ и такъ называемыхъ «универсальныхъ магазиновъ». Онъ одобряетъ германскія узаконенія, запретившія потребительнымъ обществамъ продажу товаровъ не членамъ (401—403). Онъ требуетъ, чтобы правительства никоимъ образомъ не оказывали поддержки потребительнымъ обществамъ (401). Для насъ, впрочемъ, интересно не то, что къ злобному хору торговцевъ присоединился авторитетный голосъ жреца науки, а то, что подобный союзъ науки съ розничной торговлей ведетъ къ затемнѣнію истиннаго положенія вещей. Такъ же какъ и въ общемъ вопросѣ о торговлѣ проф. ф.-д.-Боргтъ въ вопросѣ о потребительныхъ обществахъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія какъ разъ самое главное. Мы видѣли, что онъ не замѣчаетъ внутренняго противорѣчія, лежащаго въ основѣ торговли. Точно также не можетъ онъ себѣ уяснить и противорѣчія между тенденціями новѣйшаго экономическаго развитія и старинными формами торговли. Вмѣсто противорѣчія, у него опять является простая противоположность интересовъ. Онъ представляетъ себѣ борьбу потребительныхъ обществъ съ розничной торговлей въ видѣ обычной конкуренціи купца съ купцомъ. Онъ не хочетъ видѣть, что смыслъ потребительныхъ обществъ заключается въ объединеніи индивидуальныхъ хозяйствъ, въ ростѣ общественной солидарности, въ болѣе сознательномъ и тѣсномъ сближеніи людей между собой, однимъ словомъ, въ преимуществахъ нравственнаго порядка. Только эта нравственная сторона вопроса и могла обезпечить потребительнымъ обществамъ сочувствіе общественнаго мнѣнія и поддержку правительства. Только нравственная сторона вопроса и дѣлаетъ потребительныя общества непримиримыми врагами торговли, основанной на принципѣ конкуренціи, т.-е., борьбы всѣхъ противъ всѣхъ. Купцы это чувствуютъ—чувству-

общества непримиримыми врагами торговли, основанной на принципѣ конкуренціи, т.-е., борьбы всѣхъ противъ всѣхъ. Купцы это чувствуютъ—чувствуютъ, что успѣхи потребительныхъ обществъ представляютъ изъ себя нестолько побѣду счастливаго конкурента, сколько побѣду надъ конкуренціей. Но ф.-д.-Боргтъ не только не изучаетъ этой самой важной стороны дѣла, но иногда прямо ее отрицаетъ. Онъ говоритъ, между прочимъ: «Сочувствіе, которымъ по справедливости пользовались другіе виды корпоративной самопомощи, переносили на потребительныя общества, именно потому, что и послѣднія представляли собою корпораціи. Отъ такого воззрѣнія слѣдуетъ отказаться. Потребительныя общества суть не что иное, какъ особый видъ розничной торговли»... (401). Но зачѣмъ же тогда было огородъ городить? Если потребительныя общества—та же розничная торговля, то къ чему всѣ длинныя разсужденія о борьбѣ между потребительными обществами и розничной торговлей?

Между тѣмъ, подобное замазываніе различія между потребительными обществами и розничной торговлей является крайне вреднымъ. Ибо потребительныя общества нерѣдко сами склонны къ той же ошибкѣ. Часто можно наблюдать, что потребительныя общества, въ ущербъ своимъ собственнымъ первоначальнымъ задачамъ, дѣйствительно превращаются въ обычныя коммерческія предпріятія. Чтобы остаться вѣрными самимъ себѣ, имъ нужно ясно сознать, что именно даетъ имъ право устранять посредничество купцовъ, что составляетъ зло купеческой торговли и какъ избѣгнуть этого зла, не уничтожая полезныхъ пріемовъ и формъ, выработанныхъ торговой практикой. Однимъ словомъ, нужно сознательно и откровенно поставить вопросъ о добрѣ и злѣ въ современной торговлѣ и рѣшать его совершенно независимо отъ того, какъ такая постановка отразится на классовыхъ интересахъ современныхъ торговцевъ.

Разумѣется, въ книгѣ ф.-д.-Боргта можно найти не мало интереснаго фактическаго матеріала, преимущественно, впрочемъ, изъ германской жизни *). Исторія торговли затронута только слегка. *А. Рыкачевъ.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

М. Волкова. «Бесѣды о здоровьи женщины».

Бесѣды о здоровьи женщины. Женщины-врача М. Волковой. Изд. 2-е, исправленное и значительно дополненное съ 102 рис. 313 стр. Ц 2 р. Спб. 1902 г. Огромная заболѣваемость женщинъ, порождаемая въ значительной степени ихъ полнымъ незнакомствомъ со своимъ организмомъ, его строеніемъ и функціями, заставляетъ со вниманіемъ относиться съ изданіямъ, которыя, подобно книгѣ г-жи Волковой, задаются цѣлью бороться съ этимъ поголовнымъ даже въ средѣ культурнаго общества явленіемъ. За послѣдніе годы можно отмѣтить хоть тотъ утѣшительный фактъ, что въ самой публикѣ начинаетъ проявляться стремленіе жить болѣе сознательною жизнью: въ этомъ убѣждаетъ насъ и все растущее количество вновь выходящихъ популярныхъ изданій по

---

*) Г. Рагозинъ даже сдѣлалъ кое-какія сокращенія въ этомъ отношеніи. Намъ кажется, слѣдовало бы оговорить это въ предисловіи (какъ бы ни казались незначительны сдѣланныя сокращенія). Сочиненіе проф. Ф.-Д.-Боргта составляетъ 16-й томъ большого систематическаго сборника по политическимъ наукамъ, предпринятаго К. Франкенштейномъ («Hand-und Lehrbuch der Staatswissenschaft») и согласно общему плану сборника снабжено подробнѣйшимъ библіографическимъ отдѣломъ (94 стр.) Переводить или перепечатывать весь библіографическій отдѣлъ цѣликомъ для русскаго изданія, конечно, не имѣло бы смысла; но такимъ образомъ русскій читатель оказался безъ всякихъ указаній по литературѣ вопроса. Это тоже слѣдовало бы оговорить въ предисловіи, гдѣ г. Рагозинъ указываетъ на дешевизну изданія въ сравненіи съ нѣмецкимъ оригиналомъ.

всѣмъ отраслямъ знаній, и организующіяся повсюду популярныя лекціи, и съ успѣхомъ функціонирующее въ Петербургѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ общество охраненія женщины съ спеціальными гигіеническими курсами при немъ; о томъ же говоритъ и появленіе за короткое время уже 2-мъ изданіемъ книжки, лежащей передъ нами, тѣмъ болѣе, что она далеко не блещетъ своими достоинствами по доступности и живости изложенія. Мы знаемъ, конечно, что авторъ писалъ свою книгу для женщинъ культурнаго класса, въ большинствѣ получившихъ среднее образованіе; но и такую аудиторію можно отпугнуть сухимъ, безсистемнымъ и иногда мало понятнымъ безъ спеціальной подготовки изложеніемъ, которымъ отличается книга. Постоянныя повторенія, ничего не прибавляя, ненужно увеличиваютъ ея объемъ: раздѣливъ свои «бесѣды», главнымъ образомъ, по періодамъ развитія женскаго организма (но и это раздѣленіе не выдержано), авторъ принужденъ говорить по многу разъ—то болѣе, то менѣе длинно—объ однѣхъ и тѣхъ же болѣзняхъ и давать по одинаковымъ поводамъ одни и тѣ же совѣты въ разныхъ мѣстахъ. Если бы въ книгѣ были изложены отдѣльно: анатомическія данныя совмѣстно съ свѣдѣніями о физіологическихъ процессахъ во всѣ періоды развитія, затѣмъ сообщены были вытекающія изъ этого общія гигіеническія требованія и послѣ того уже говорилось объ уклоненіяхъ отъ нормы, мѣрахъ ихъ предупрежденія и соотвѣтствующемъ вмѣшательствѣ, то книга значительно выиграла бы. Общихъ свѣдѣній, которыя облегчали бы усвоеніе спеціальныхъ понятій, вообще недостаточно даетъ г-жа Волкова: не говоря уже о томъ, что безъ объясненія оставлены такія слова, какъ эпителіальная ткань, брюшинный покровъ, симпатическая нервная система и т. п., въ книгѣ не сообщено также о многихъ основныхъ процессахъ организма, что слѣдовало бы сдѣлать при совѣтахъ относительно пищи, одежды, жилища. Въ то же время текстъ загроможденъ свѣдѣніями, совершенно ненужными для публики и мало доступными для нея, такъ что въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ книга приближается по своему характеру къ учебнику для акушерокъ. Скорѣе учебникъ для акушерокъ, чѣмъ популяризацію для широкой публику, книга напоминаетъ еще вслѣдствіе множества разбросанныхъ въ ней лечебныхъ совѣтовъ. Къ чему подобные совѣты обычно ведутъ, объ этомъ прекрасно знаетъ г-жа Волкова. Такъ, на стр. 233 по поводу одной изъ болѣзней она говоритъ: «Я не дамъ здѣсь никакого совѣта, чтобы женщины, облегчая себя тѣмъ или другимъ образомъ, не медлили обращаться за медицинской помощью къ врачу». Почему же тѣмъ не менѣе книга ея пеститъ совѣтами принимать въ разныхъ случаяхъ гофманскія, эфирно-валеріановыя, лавровишневыя капли, exr. Viburnii prunifolii, экстрактъ индійской конопли, опій (!), эрготинъ (!), дѣлать различныя спринцованія, смазываться іодной настойкой и т. п. Развѣ г-жа Волкова только на минуту могла вспомнить о томъ, какъ самолеченіе ведетъ къ затягиванію болѣзней, иногда непоправимому, не говоря уже о непосредственномъ вредѣ, который въ несоотвѣтствующихъ случаяхъ или дозахъ могутъ повести даже сравнительно безвредныя лекарства, когда они примѣняются неспеціалистами? Г-жа Волкова оказывается способною дать даже такой совѣтъ женщинамъ, «расположеннымъ къ кровепотерямъ»: «Попросите,—говоритъ она,—своего доктора выписать такія-то лекарства (слѣдуетъ перечисленіе и въ числѣ другихъ нѣкоторыя сильно дѣйствующія), которыя хорошо имѣть подъ рукой» (стр. 288). Много лучше было бы, если бы г-жа Волкова дала совѣтъ попросить врача выписать то, что въ данномъ случаѣ онъ найдетъ нужнымъ... Авторамъ, пишущимъ популярно медицинскія книжки (г-жа Волкова выпускаетъ въ свѣтъ уже 7-ое свое сочиненіе такого характера!), слѣдовало бы знать, что цѣль подобныхъ изданій—дать наибольшую сумму точно установленныхъ наукою знаній, которыя помогли бы здоровому человѣку уберечься отъ заболѣваній, а больному—во-время узнать,

что онъ заболѣлъ. А дальше—дѣло только врача. То обстоятельство, что во многихъ мѣстахъ нѣтъ врачей, не должно служить поводомъ для призывовъ къ самолеченію и знахарству: тѣмъ энергичнѣе должно быть стремленіе создать условія, при которыхъ врачи были бы вездѣ.

Теперь скажемъ о неправильностяхъ и неточностяхъ, которыхъ тоже не мало нашли мы въ книгѣ. Очевидное преувеличеніе заключается въ словахъ: «*всякая* болѣзнь легко поддается лѣченію вначалѣ» (стр. 64); очень неточно выраженіе, которое безъ соотвѣтствующихъ разъясненій можетъ ввести въ заблужденіе неподготовленнаго читателя: «*какую* мы пищу употребляемъ, *такова* будетъ и наша кровь» (стр. 110); неправильно также, что «саркома отличается отъ рака *только* своимъ микроскопическимъ строеніемъ» (стр. 19). На стр. 253 г-жа Волкова совершенно произвольно ставитъ въ связь происхожденіе рака съ злоупотребленіемъ мясною пищей. «Переѣданіе мяса,—патетически восклицаетъ она,—вотъ язва, которою мы страдаемъ, которая насъ губитъ и ведетъ къ различнымъ ужаснымъ болѣзнямъ, къ неописуемымъ страданіямъ». Откуда это? Не лучше ли было бы поискать другихъ «язвъ, которыя насъ губятъ?» За двѣ страницы раньше цитированнаго мѣста авторъ повѣдалъ намъ еще объ одномъ своемъ открытіи: «среди женщинъ простого класса, живущихъ ближе къ природѣ, проводящихъ большую часть времени на открытомъ воздухѣ, *питающихся умѣренно* (!!) *и преимущественно растительной пищей*, случаи заболѣванія фиброміомами встрѣчаются рѣже, чѣмъ среди интеллигентныхъ, или хотя и простыхъ, но живущихъ въ большихъ городахъ и, въ особенности среди фабричнаго женскаго персонала». Итакъ будемъ прославлять хроническое недоѣданіе и вынужденное вегетаріанство русскаго народа, которое г-жѣ Волковой угодно называть умѣреннымъ питаніемъ! Но этого мало: въ цитируемомъ мѣстѣ женщинамъ «простого» (?) класса противопоставляются женщины—фабричныя работницы, и тѣмъ самымъ напрашивается выводъ, что послѣднія питаются неумѣренно и не преимущественно растительною пищей. Мы этого тоже не знали. Но мы давно уже знаемъ, что у г-жи Волковой своеобразное понятіе о питаніи; это она показала въ своей книгѣ для «простого народа», которая издана ею совмѣстно съ г. Вульфзономъ и о которой своевременно была дана рецензія въ нашемъ журналѣ. Очень своеобразные совѣты даются въ рецензируемой книгѣ относительно купанія (стр. 88и 89): «тѣмъ дѣвушкамъ, которыя въ водѣ не синѣютъ (?) и у нихъ не горитъ кожа и не становится красною, купаться въ водѣ не слѣдуетъ»; «купаться вредно натощакъ, *такъ какъ* въ это время получается слабая реакція кожи»; «чѣмъ рѣзче выражена реакція, т.-е. чѣмъ сильнѣе краснѣетъ кожа, тѣмъ полезнѣе купаться данному лицу и обратно...» Все это, выраженное въ такой формѣ,—просто нелѣпости, и что такое хотѣлъ сказать авторъ, мы не всегда могли угадать. Изъ другихъ неправильностей книги г-жи Волковой укажемъ: при упоминаніи (стр. 58, 59) о возбудителяхъ воспаленій, почему-то забытыми сказываются гноеродныя начала, а говорится о сапрофитахъ (возбудителями гнилостныхъ процессовъ); нельзя присоединиться къ преувеличенной вѣрѣ автора въ дѣйствіе мыла съ примѣсью дезинфецируемыхъ средствъ; при перечисленіяхъ осложненій родового процесса ничего не сказано о родильныхъ психозахъ. Отмѣтимъ еще особенность книги г-жи Волковой, непріятно насъ поразившую. И на обложкѣ ея и на отдѣльныхъ четырехъ страницахъ красуются рекламныя объявленія нѣсколькихъ торговыхъ фирмъ, предлагающихъ лѣчебные средства, спеціальные приборы и принадлежности одежды. Это что-то очень ужъ далекое отъ науки. Будто бы всякіе бандажи, спортивные костюмы, лифчики, капоты и кофточки читательницы книги г-жи Волковой не найдутъ въ другихъ магазинахъ.

Читатели видятъ, что рекомендовать рецензированную книгу мы не можемъ.

Но на русскомъ языкѣ нѣтъ другихъ популярныхъ изданій, посвященныхъ вопросу о гигіенѣ женскаго организма. Поэтому приходится указать, что и въ книгѣ г-жи Волковой, при всѣхъ ея недостаткахъ, по нашему мнѣнію очень существенныхъ, помѣщено много полезныхъ свѣдѣній и совѣтовъ. Справедливость требуетъ сказать, что рисунки этой книги въ большинствѣ хороши, бумага и печать—тоже и что цѣна ея не можетъ быть признана слишкомъ дорогой.

Врачъ В. Х—въ

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

А. И. Лебедевъ. «Дѣтская и народная литература».—*П. Н. Бокинъ.* «Подвижныя игры».—*Ю. Лавриновичъ.* «Народное образованіе въ Петербургѣ».—*Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* «Синтаксисъ русскаго языка».

А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Опытъ руководства для систематическаго чтенія. Замѣтки для родителей, библіотекарей и народныхъ учителей съ указаніемъ 820 избранныхъ книгъ. Вып. 1-й Книги для дѣтей младшаго и средняго возраста (отъ 7-ми до 14 ти лѣтъ). 2-е значительно дополненное изданіе. Нижній-Новгородъ. 1902 г. Ц. 50 коп. Настоящая брошюра заполняетъ существенный пробѣлъ въ нашей справочной педагогической литературѣ, въ которой, насколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одного подобнаго изданія. Правда, существуетъ еще нѣсколько указателей дѣтскаго и народнаго чтенія, но всѣ они или устарѣли, какъ, напримѣръ, книга «Что читать народу», или не въ достаточной степени исчерпываютъ весь существующій для чтенія матеріалъ, какъ, напр., книжка «Къ елкѣ» и др. На сколько удачно г. Лебедевъ справился со своей задачей,—дать руководство для систематическаго чтенія,—показываетъ тотъ пріемъ, съ какимъ была встрѣчена настоящая книжка при первомъ ея появленіи и публикой, и печатью. Черезъ годъ потребовалось второе изданіе, которое, надо надѣяться, будетъ также распродано въ самомъ непродолжительномъ времени. Предпославъ въ началѣ въ видѣ предисловія общую характеристику литературы для дѣтей младшаго и средняго возраста, составитель разсматриваемаго руководства распредѣляетъ весь книжный матеріалъ по слѣдующимъ рубрикамъ: I. Трудъ и совмѣстная жизнь людей; II. Семья—первичная форма общежитія; III. Выработка характера и убѣжденій; IV. Наблюденія надъ жизнью людей и общественные работники; V. Чему учитъ природа; VI. Прошлая и настоящая жизнь народовъ. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель рекомендуемыхъ книгъ по авторамъ и очередямъ пріобрѣтенія. Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать дальнѣйшихъ выпусковъ этого полезнаго изданія. *К. Диксонъ.*

Подвижныя игры. Руководство для родителей, воспитателей и самихъ учащихся. Составилъ руководитель игръ Тенишевскаго училища и гимназіи Гуревича П. Н. Бокинъ Съ 81 рисунками. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. Ц. 2 р. Эта прекрасно изданная книга должна быть настольною для каждаго школьнаго воспитателя, если только онъ не остается глухъ къ вопросамъ современной педагогической жизни вообще и къ вопросамъ физическаго развитія учащейся молодежи въ частности. Благодаря энергичной проповѣди профессора П. Ф. Лесгафта, подвижныя игры завоевываютъ все болѣе и болѣе опредѣленное мѣсто въ общей схемѣ мѣропріятій въ цѣляхъ физическаго развитія подростающаго поколѣнія и вытѣсняютъ понемногу традиціонную школьную шагистику, которая подъ видомъ раціональной гимнастики долгое время процвѣтала въ нашихъ школахъ. Всѣ игры въ настоящемъ сборникѣ раздѣлены на три отдѣла.

Первый отдѣлъ составляютъ простыя игры безъ орудій, куда входитъ только бѣгъ и прыганье. Второй отдѣлъ — игры съ палками и шарами и третій — игры съ мячомъ. Всѣ игры расположены съ извѣстною послѣдовательностью: сначала идутъ простыя игры съ легкими неутомительными движеніями при одномъ или двухъ правилахъ; потомъ игры болѣе трудныя, требующія большаго напряженія и имѣющія нѣсколько правилъ; наконецъ, въ концѣ помѣщены сложныя атлетическія игры со многими правилами, требующія отъ играющихъ не только ловкости, но и значительнаго физическаго напряженія. Книга снабжена прекрасными рисунками, сдѣланными съ фотографическихъ снимковъ, изображающихъ различные моменты игръ. *) *К. Д.*

Ю. Н. Лавриновичъ. Народное образованіе въ Петербургѣ. По поводу 25-лѣтняго управленія петербургской думы городскими школами. Спб 1902 г. Городское хозяйство города Петербурга, съ его полутора-милліоннымъ населеніемъ, во многихъ своихъ отрасляхъ заслуживаетъ, несомнѣнно, самаго внимательнаго изученія, какъ любопытный образецъ муниципальной дѣятельности на европейскій ладъ, но въ то же самое время безъ широкихъ европейскихъ полномочій. Отсутствіе послѣднихъ создаетъ то формальное, безжизненное отношеніе къ дѣлу, какое мы видимъ въ большинствѣ думскихъ коммиссій, не исключая и коммиссіи по народному образованію, которая при иныхъ условіяхъ, несомнѣнно, была бы самымъ живымъ органомъ петербургской думы. Отсюда понятны тѣ печальные выводы, къ какимъ приходитъ авторъ указанной выше брошюры, говоря о дѣятельности петербургской думы въ области народнаго образованія. «Какъ ни рѣзокъ контрастъ, — пишетъ г. Лавриновичъ, — между тѣмъ, что представлялъ Петербургъ въ просвѣтительномъ отношеніи 25 лѣтъ назадъ, и тѣмъ, что онъ представляетъ теперь, но нельзя, однако, признать, что дѣло развитія сѣти просвѣтительныхъ учрежденій шло у насъ нормальнымъ путемъ». Правда, число школъ все увеличивалось, но этотъ ростъ былъ все-таки крайне медленный, и въ настоящее время дума, несмотря на истекшія 25 лѣтъ, все еще не можетъ удовлетворить нужду населенія въ школахъ. Открывая ежегодно почти по 20 училищъ (въ среднемъ), она все-таки оставляетъ за дверями школы еще большее количество дѣтей, чѣмъ то, которое находитъ себѣ мѣсто во вновь открываемыхъ школахъ. Мы думаемъ, что эти результаты есть прямое слѣдствіе указанныхъ выше причинъ, и только реформа городского самоуправленія на началахъ болѣе близкаго участія въ немъ всего городского населенія могла бы дать толчокъ развитію школьнаго дѣла въ столицѣ.

Г. Лавриновичъ указываетъ также на отсутствіе широкой организаціи внѣшкольнаго образованія въ Петербургѣ и справедливо ставитъ въ вину городскому управленію игнорированіе духовныхъ интересовъ рабочей массы, для которой, кромѣ 8 безплатныхъ городскихъ библіотекъ, не существуетъ у города никакихъ другихъ просвѣтительныхъ учрежденій. Все, что дѣлается въ этой области (а дѣлается очень мало), надо отнести къ дѣятельности немногихъ просвѣтительныхъ обществъ, но отнюдь не думы. Какой разительный контрастъ представляетъ рядомъ съ нашею думой, напримѣръ, лондонскій муниципалитетъ, который организовалъ въ помѣщеніи начальныхъ городскихъ школъ настоящій народный университетъ, посѣщаемый по вечерамъ десятками тысячъ слушате-

---

*) Пользуемся случаемъ указать на болѣе дешевое, но тѣмъ не менѣе также вполнѣ хорошее руководство къ веденію подвижныхъ игръ, составленное Н. Филитисомъ и изданное Е. В. Лавровой и Н. А. Поповымъ. Эта въ высшей степени изящно изданная книжка съ прекрасными рисунками стоитъ всего 40 коп. и выдержала уже два изданія.

лей! Поэтому намъ кажется вполнѣ умѣстными пожелать, чтобы городское управленіе обратило вниманіе и на этотъ способъ распространенія знаній и тѣмъ самымъ пошло бы навстрѣчу требованіямъ жизни, которая не ждетъ и властно требуетъ новыхъ болѣе удобныхъ формъ для общественнаго уклада.

Конст. Диксонъ.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. профессоръ харьковскаго университета. Синтаксисъ русскаго языка. Изданіе Д. Е. Жуковскаго С.-Петербургъ. 1902 г. Стр. 312. Цѣна 1 р. 25 к. Среди грѣховъ нашей средней школы, кажется, самый тяжкій грѣхъ — крайняя неудовлетворительность постановки преподаванія русскаго языка — родного для большей части учащихся въ русскихъ гимназіяхъ. Причины этой неудовлетворительности ясны всѣмъ и каждому, о нихъ еще недавно очень много говорили въ общей и спеціальной печати, и нѣтъ нужды здѣсь долго останавливаться на нихъ; укажемъ лишь на тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ разбираемой нами книгѣ, а именно: 1) нераціонально составленныя программы школьнаго изученія русскаго языка и 2) приноровленные къ программамъ и равноцѣнные съ ними по качествамъ учебники. Противъ этихъ двухъ недостатковъ въ постановкѣ преподаванія русскаго языка, въ частности его синтаксиса, всѣмъ своимъ содержаніемъ протестуетъ книга проф. Овсянико-Куликовскаго.

Къ сожалѣнію, авторъ не приложилъ къ своему «синтаксису» руководящей статьи; въ коротенькомъ предисловіи онъ лишь называетъ себя прямымъ ученикомъ и послѣдователемъ знаменитаго филолога Потебни, говоритъ два слова о пріемахъ, которыми онъ пользовался при составленіи своей книги, и сжато указываетъ на тѣ цѣли, которыя онъ преслѣдуетъ ея изданіемъ. Цѣлью автора, говоря его же словами, было: 1) дать публикѣ книгу, по которой всякій образованный человѣкъ могъ бы ознакомиться съ основами наукообразнаго синтаксиса общерусскаго (литературнаго) языка, и 2) попытаться, нельзя-ли, наконецъ, проложить дорогу наукообразному синтаксису родного языка въ школу, т.-е. въ старшіе классы гимназій, гдѣ, по убѣжденію автора, синтаксисъ долженъ проходиться вмѣстѣ съ изученіемъ литературы и чтеніемъ образцовъ. Въ интересахъ этого послѣдняго дѣла авторъ предполагаетъ выпустить въ свѣтъ вслѣдъ за изданною книгой сокращенное ея изданіе, приспособленное къ преподаванію.

Проф. Овсянико-Куликовскій не полемизируетъ ни со школьными программами, ни съ авторами школьныхъ руководствъ; онъ не подвергаетъ ни программы, ни учебники какому бы то ни было разбору,—онъ ихъ прямо отвергаетъ, какъ нѣчто негодное, устарѣлое, совершенно несотвѣтствующее даннымъ, выработаннымъ наукою о языкѣ и принятымъ ею. Въ одной изъ своихъ статей, посвященныхъ этому вопросу, авторъ энергично замѣчаетъ: «Дѣти, обучающіяся синтаксису, это—педагогическій абсурдъ» *). Нельзя не согласиться съ этимъ сильнымъ, но справедливымъ словомъ. Синтаксическія понятія и опредѣленія, образованныя если и не научно, что невозможно при преподаваніи въ средней школѣ, то, по крайней мѣрѣ, наукообразно, что обязательно, представляютъ изъ себя данныя высокаго отвлеченія и менѣе всего доступны пониманію и усвоенію учениковъ младшихъ классовъ, которые нынѣ, согласно программамъ, обязаны изучать синтаксисъ русскаго языка. Что учатъ эти дѣти? Они тщательно вызубриваютъ: «предложеніе есть мысль, выраженная словами», и думаютъ при этомъ, что мысль—это одно, а слова—нѣчто иное; они усвои-

---

*) «Къ вопросу о преподаваніи синтаксиса русскаго языка въ средней школѣ» («Мирный Трудъ» 1902 г., № 1); статья эта могла бы служить прекраснымъ введеніемъ къ «синтаксису».

ваютъ: «подлежащее есть то, о чемъ говорится въ предложеніи»,-и недоумѣваютъ, встрѣчая предложенія, въ которыхъ вовсе нѣтъ подлежащаго; они доходятъ до дополненія и перестаютъ что-либо понимать и что-либо думать: дополненію въ большинствѣ учебниковъ не дано иного опредѣленія, кромѣ того, что оно, т.-е. дополненіе, выражается косвенными падежами имени существительнаго; что же такое косвенные падежи—объ этомъ вообще въ школьныхъ руководствахъ ничего не говорится. Бѣглый пересмотръ любого учебника даетъ сколько-угодно примѣровъ подобнаго недоумѣнія, недоумѣнія не только дѣтскаго.

Какъ выше было указано, авторъ считаетъ возможнымъ начать преподаваніе синтаксиса русскаго языка лишь въ старшихъ классахъ гимназій, примѣрно въ шестомъ или седьмомъ, такъ какъ только въ этомъ возрастѣ учащіеся болѣе или менѣе подготовленные къ сознательному усвоенію синтаксическихъ понятій. Родному языку учатся не въ школѣ, грамматическія категоріи, синтаксическія формы даны каждому, какъ матеріалъ, которымъ мы пользуемся автоматически, безсознательно. «Задача школьнаго синтаксиса, какъ предмета преподаванія, состоитъ въ томъ, чтобы пробудить сознательное отношеніе къ этой безсознательной синтаксической дѣятельности мысли,—вызвать синтаксическую рефлексію». Изучая синтаксисъ родного языка, учащійся въ то же время будетъ изучать строеніе своей мысли, будетъ слѣдить и поучаться тому, какъ движется мысль, какъ создаются понятія, какъ построяются сужденія Конечно, при такомъ изученіи синтаксиса должны совершенно исчезнуть тѣ формальные, схоластическаго типа учебники, которые и понынѣ благополучно функціонируютъ въ нашей средней школѣ. Учебники должны быть составлены наукообразно, т.-е. они должны содержать въ себѣ популярное изложеніе всего того, что выработала современная наука о языкѣ. Основныя синтаксическія понятія должны быть разъяснены въ нихъ параллельно съ основными свѣдѣніями по психологіи мышленія. «При умѣломъ и стройномъ веденіи дѣла,—справедливо говоритъ проф. Овсянико-Куликовскій,—преподаваніе русскаго языка будетъ пріучать юные умы къ работѣ, систематизаціи матеріала и къ сознательному усвоенію и самостоятельной провѣркѣ тѣхъ нормъ, въ которыхъ этотъ матеріалъ находитъ свое упорядоченіе. Характеръ и воспитательное значеніе этой работы можно опредѣлить такъ: это упражненіе въ индукціи переходнаго типа». Всякое иное преподаваніе, разрывающее установленную наукой о языкѣ живую связь между рѣчью и мыслью, будетъ предпріятіемъ антипедагогическимъ, противорѣчащимъ великой задачѣ воспитанія—развитію умственныхъ силъ учащихся.

Книга проф. Овсянико-Куликовскаго по расположенію своего матеріала и по обработкѣ его строго соотвѣтствуетъ тѣмъ цѣлямъ, которыя ставилъ себѣ авторъ; это, какъ самоопредѣляетъ авторъ, «систематическое изложеніе синтаксиса современнаго общерусскаго языка, сдѣланное съ исторической точки зрѣнія и обоснованное на историческихъ справкахъ изъ стараго русскаго». Оставляя спеціальнымъ органамъ детальное разсмотрѣніе книги, скажемъ нѣсколько словъ о будущихъ читателяхъ «Синтаксиса». Безъ сомнѣнія, книга проф. Овсянико-Куликовскаго должна сдѣлаться настольною книгой для каждаго преподавателя русскаго языка, какъ цѣнное пособіе и руководство къ преподаванію; каждому образованному человѣку она также можетъ сослужить большую службу и принести и пользу, и прямое удовольствіе, какъ стройно выполненная и положительно изящная по отдѣлкѣ работа, но для учениковъ шестаго или седьмаго класса «Синтаксисъ» недостаточно популярно изложенъ. Правда, авторъ обѣщаетъ выпустить сокращенное изданіе, приспособленное къ преподаванію, но этого мало, необходимо, кромѣ того, переработать изложеніе. Учебники для гимназистовъ, хотя бы и старшихъ классовъ, не могутъ содержать опредѣленій, изложенныхъ

нижеслѣдующимъ образомъ: «Грамматическое предицированіе или сказуемость—это процессъ мысли, состоящій въ томъ, что предицированіе (существующее и внѣ языка) апперцепируется извѣстною грамматическою формою, въ результатѣ чего является: 1) своеобразная переработка этого акта, выражающаяся въ созданіи особыхъ синтаксическихъ формъ сказуемости, и 2) образованіе грамматическаго предложенія, какъ особой формы мышленія, отличной отъ сужденія психологическаго (до-язычнаго), съ одной стороны, и логическаго (надъ-язычнаго)—съ другой».

Подобныя опредѣленія гимназисты непремѣнно начнутъ «зубрить», а это, безъ сомнѣнія, ни съ какой стороны не входитъ въ задачи проф. Овсянико-Куликовскаго, какъ автора руководства къ изученію синтаксиса русскаго языка.

М. Славинскій.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Князьковъ. Какъ начался расколъ русской церкви. Историческій очеркъ. Изд. С. Курника и К°. Москва. Ц. 35 к. Изд. 1902 г. Стр. 131. Рѣдко встрѣчаются въ популярной исторической литературѣ книги, соединяющія научность и доступность изложенія. Книжка Т. Князькова является однимъ изъ такихъ рѣдкихъ исключеній. Прочитавъ книгу, читатель получитъ ясное представленіе не только о томъ, какъ начался расколъ русской церкви, причины, вызвавшія ея и коренящіяся въ самыхъ отдаленныхъ глубинахъ русской старины, но и ознакомится вообще съ исторіей русской церкви и ея развитіемъ, тѣсно связаннымъ съ ростомъ всей политической жизни и просвѣщенія на Руси. Эпоха возникновенія старообрядства, связанная съ именемъ патріарха Никона, особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе автора. Живо очерчены имъ яркія и сильныя личности патріарха Никона и протопопа Аввакума, ихъ дѣятельность и политическое значеніе, а также и всѣ обстоятельства, вызвавшія и усилившія борьбу старообрядчества, придавшія ей политическій характеръ и содѣйствовавшія распространенію раскола, пока новыя условія русской жизни въ XVIII в. не отодвинули это движеніе на второй планъ. Подъ вліяніемъ суровыхъ законовъ противъ раскольниковъ конца XVII в. и распространившейся среди послѣднихъ увѣренности въ близкую кончину міра выработалась новая страшная форма борьбы за вѣру—самоистребленіе. Авторъ заканчиваетъ краткимъ очеркомъ современнаго старообрядства.

Въ концѣ книги указаны историческіе труды, служившіе автору пособіемъ при составленіи очерка.

Желаніе полнѣе и подробнѣе освѣтить историческія событія внесло нѣкоторую схематичность въ изложеніе, но при простотѣ и доступности языка автора это едва ли оттолкнетъ заинтересованнаго читателя.

Три тысячи лѣтъ тому назадъ. Разсказъ изъ исторіи Греціи. Составила В. Лукьянская. Ц. 40 к. Москва. 1901 г. Стр. 505. Совершенно иное впечатлѣніе оставляетъ книжка г-жи Лукьянской. Написанная доступнымъ, часто живымъ языкомъ, она будетъ читаться съ интересомъ и мало подготовленнымъ читателемъ, который найдетъ въ ней изложеніе всей исторіи Греціи отъ первобытныхъ временъ до римскаго завоеванія. Авторъ знакомитъ читателя не только съ внѣшней исторіей Греціи и ея войнами, но даетъ массу бытовыхъ картинъ изъ жизни древней Греціи, ея религіи, государственнаго строя, рисуетъ положеніе народа, затрагиваетъ и борьбу общественныхъ классовъ, наконецъ, касается и культурной жизни древнихъ грековъ, ихъ поэзіи, искусства и фи-

лософіи. И тѣмъ не менѣе исторіи Греціи читатель не узнаетъ изъ этой книги. Авторъ не указываетъ, какими источниками онъ пользовался для составленія книги, но во всякомъ случаѣ книга его не удовлетворяетъ даже самымъ скромнымъ требованіямъ научности. Въ книгѣ перепутаны историческіе факты съ преданіями и легендами такъ, что въ нихъ трудно разобраться. Самъ авторъ не отдѣляетъ и не указываетъ, гдѣ кончается преданіе и гдѣ начинается жизнь, сдѣлавшаяся достовѣрной исторически. До-нельзя упрощая ходъ исторіи, авторъ сводитъ ее къ дѣлу отдѣльныхъ личностей, отчего и получается совершенно невѣрное представленіе объ историческомъ развитіи, или, вѣрнѣе, у читателя совершенно теряется представленіе объ этомъ историческомъ развитіи. Онъ не видитъ, какъ постепенно ростъ экономической и культурной жизни Греціи выдвигаетъ новыя силы, требующія себѣ и политической власти, онъ видитъ только, что въ Греціи шла борьба знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, примиряемая въ одной странѣ Ликургомъ, въ другой Солономъ, Клисѳеномъ и т. д., которые устанавливаютъ то благословенный рай спартанцевъ IX в., то демократичное правленіе въ Аѳинахъ, но не видитъ, какъ развиваются эти классы, какъ и почему растетъ ихъ экономическое неравенство и какъ политическій строй страны развивается подъ вліяніемъ этой борьбы. Все величіе аѳинской демократіи и ея громадное значеніе для роста греческой культуры теряется, напримѣръ, передъ личностью Перикла, выдвигаемой авторомъ на первый планъ.

Не говоря уже о другихъ неточностяхъ, такая эпоха въ исторіи Греціи, какъ правленіе тирановъ передъ греко-персидскими войнами, бывшая переходомъ отъ аристократіи къ демократіи и давшая громадный толчокъ экономическому развитію Греціи, росту ея промышленности и торговли, характеризуется авторомъ, лишь какъ жестокая и безчеловѣчная (за исключеніемъ правленія Пизистрата). Вообще авторъ часто вкладываетъ много чувства въ оцѣнку историческихъ событій и, теряя историческую перспективу, предъявляетъ къ нѣкоторымъ историческимъ событіямъ не соотвѣтствующія времени требованія (возмущается жестокостью нравовъ древнихъ грековъ, отразившейся въ ихъ миѳологіи, отношеніемъ грековъ къ рабамъ и рабскому труду и т. п.). Паденіе аѳинской демократіи и причины вызвавшія его совершенно не выяснены, война со Спартой и побѣда Спарты являются какъ будто единственною причиной возстановленія олигархіи. Такъ же, какъ исторія, упрощено изложеніе и философскихъ ученій древней Греціи, и здѣсь можно отмѣтить нѣкоторыя неточности, а вступительная глава о дикомъ человѣкѣ даетъ слишкомъ упрощенное понятіе о развитіи первобытной культуры.

Книгоиздательство П. П. Гершунина и К°, какъ видно изъ его объявленій, выпускаетъ двѣ серіи изданій: 1) иллюстрированную географическую библіотеку, имѣющую въ виду въ очеркахъ полубеллетристическаго характера познакомить читателя съ географіей и этнографіей главнѣйшихъ и болѣе характерныхъ странъ стараго и новаго свѣта, съ природой этихъ странъ, представителями разныхъ племенъ и расъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ культуры, обращая особенное вниманіе на исторію человѣческой культуры; 2) общеобразовательную библіотеку, состоящую изъ двухъ отдѣловъ: научнаго и беллетристическаго, ставящую своей задачей знакомить русскаго читателя въ отдѣльныхъ монографіяхъ съ выдающимися моментами исторіи культуры и общественной жизни.

Первая серія изданій предназначается для школъ, народныхъ читаленъ и библіотекъ, она имѣетъ въ виду массоваго читателя. Всѣ вышедшія въ свѣтъ изданія этой библіотеки составлены Н. Рубакинымъ и по доступности и живо-

сти изложенія вполнѣ отвѣчаютъ запросамъ и пониманію этого массоваго читателя.

Н. Рубакинъ. На плавающихъ льдинахъ по Ледовитому океану. Спб. 1903 г. Ц. 35 к. Стр. 117. Описывая одно изъ путешествій къ сѣверному полюсу, авторъ знакомитъ читателя съ природой сѣвера и его обитателями, указываетъ на громадныя препятствія, которыя стоятъ передъ человѣкомъ въ борьбѣ съ природой въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ. Лишь упорный трудъ и энергія людей, вооруженныхъ силой знанія и взаимнаго единенія и не отступающихъ ни передъ чѣмъ для успѣха науки и человѣческаго прогресса, побѣждаютъ эту суровую природу. Здѣсь авторъ остается въ области тѣхъ же вопросовъ, которые затрогивались въ ранѣе вышедшей его книжкѣ «Приключенія двухъ кораблей или разсказы о царствѣ вѣчнаго холода».

Н. Рубакинъ. Разсказы о жаркой странѣ. 1) Приключенія среди черныхъ дикарей. Спб. 1902 г. Ц. 50 к. Стр. 240. 2) Приключенія въ странѣ рабства. Спб. 1902 г. Ц. 40 к. Стр. 142. Въ видѣ очерка путешествій 60-хъ годовъ англійскихъ изслѣдователей истоковъ Нила, авторъ знакомитъ читателя съ природой и жизнью жаркихъ странъ, расположенныхъ по теченію великой африканской рѣки. Особенно разнообразна по содержанію первая книга, дающая читателю въ легкой, доступной формѣ массу географическихъ, естественно-научныхъ и этнографическихъ свѣдѣній о природѣ страны, ея флорѣ и фаунѣ, о бытѣ ея обитателей дикарей, ихъ нравахъ, обычаяхъ, политическомъ строѣ, культурѣ, а также и о тѣхъ притѣсненіяхъ и гоненіяхъ, которыя претерпѣвали они въ то время отъ арабовъ-работорговцевъ, извлекавшихъ громадныя выгоды изъ работорговли подъ прикрытіемъ египетскаго хедива. Этому послѣднему вопросу посвящена, главнымъ образомъ, вторая книга, описывающая одну изъ попытокъ борьбы съ работорговлей; въ ней читатель попутно знакомится также съ мѣстными условіями природы и жизни.

Обѣ эти книги допущены въ ученическія библіотеки и въ безплатныя народныя читальни.

Н. Рубакинъ. Докторъ Гассанъ. Разсказъ о приключеніяхъ въ Алжирѣ и Сахарѣ. Спб. 1902 г. Ц. 35 к. Стр. 126. Помимо массы свѣдѣній о природѣ и жизни пустыни, авторъ даетъ въ этой книгѣ картину жизни, нравовъ, обычаевъ и культуры кабиловъ и туареговъ. Знакомясь съ первобытною жизнью этихъ народовъ, читатель видитъ, какъ сложились своеобразныя понятія, вѣрованія и формы жизни у различныхъ племенъ, и передъ нимъ встаетъ рядъ вопросовъ исторіи культуры.

Въ пробужденіи интереса къ наукѣ и знанію большая заслуга книгъ Н. Рубакина. Какъ на недостатокъ ихъ, мы указали бы на слишкомъ большое разнообразіе матеріала, даваемаго въ нѣкоторыхъ книгахъ, читатель теряется въ немъ и впечатлѣніе слабѣетъ и на встрѣчающееся иногда излишнее подчеркиваніе авторомъ выводовъ, непосредственно вытекающихъ изъ сообщаемыхъ фактовъ.

Вторая серія изданій Гершунина, общеобразовательная библіотека подъ редакціей Л. Е. Оболенскаго и Н. А. Рубакина, не имѣетъ уже въ виду массоваго читателя и общедоступность изложенія, на которую предполагается и здѣсь обратить вниманіе, оставляетъ желать еще многаго.

Въ беллетристическихъ выпускахъ даны переводы Зудермана, Гауптмана, Бьернстерне-Бьернсона, послѣдній—въ хорошемъ переводѣ, чего, безъ оговорокъ, нельзя сказать о двухъ первыхъ.

Изъ научныхъ книжекъ отмѣтимъ нѣкоторыя, какъ болѣе интересныя:

Д. Брайсъ. Вильямъ Гладстонъ. Переводъ съ англ. А. Я. Гальперна, подъ редакціей и съ примѣч. Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1902 г. Ц. 25 к. Стр. 61. Въ небольшой хорошо переведенной книжкѣ Брайса дается довольно полная характеристика Гладстона, какъ парламентскаго и общественнаго дѣя-

теля и какъ оратора. Указавъ на шотландское происхожденіе Гладстона, на условія его воспитанія въ Оксфордѣ и на первые шаги его политической дѣятельности подъ вліяніемъ Р. Пиля, авторъ ограничивается характеристикой Гладстона, какъ сильной, оригинальной и независимой личности, не останавливаясь совершенно на соціально-политическихъ условіяхъ жизни въ Англіи, въ средѣ которыхъ ему приходилось работать. Въ концѣ книги дается краткій очеркъ литературной дѣятельности Гладстона и отмѣчается то вліяніе, которое имѣло на него его сильно развитое религіозное чувство.

А. Зибольдъ. Эпоха великихъ реформъ въ Японіи. Съ французскаго перевода Догена и Майера перевела и дополнила примѣчаніями А. Мезіеръ. Спб. 1902 г. Ц. 35 к. Стр. 82. Японія первое изъ государствъ Востока, достигшее въ настоящее время полнаго признанія своихъ международныхъ правъ и вступившее въ ряды цивилизованныхъ странъ міра. Авторъ долго жилъ въ Японіи и былъ очевидцемъ измѣненій общественно-политическаго строя страны, въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ совершенно реформировавшей свои обвѣтшалыя учрежденія. Ограничившись краткимъ указаніемъ на прошлое Японіи и на обстоятельства, благопріятствовавшія созданію новаго строя (наличность собственной древней національной цивилизаціи и отсутствіе религіозной нетерпимости), авторъ останавливается на моментѣ національнаго объединенія и возстановленія монархіи, послѣ котораго начинается рядъ реформъ, составляющихъ главное содержаніе книги. Своеобразный государственный переворотъ въ Японіи, происшедшій въ значительной степени подъ вліяніемъ международныхъ отношеній, въ которыя втянулась Японія во второй половинѣ XIX в. и которыя обнаружили всю непригодность ея отжившаго феодальнаго строя, освѣщенъ, какъ намъ кажется, недостаточно полно и подробно. Читателю остаются неясны всѣ причины, вызвавшія переворотъ и успѣхи японскихъ патріотовъ, руководившихъ дѣломъ національнаго возрожденія. Дальнѣйшее изложеніе преобразовательной политики и культурнаго роста Японіи освѣщаетъ вполнѣ главнѣйшіе моменты развитія новаго политическаго строя и ту тяжелую, но благодарную работу, которая выпала на долю молодого японскаго правительства, шедшаго по пути демократическихъ реформъ и содѣйствія культурному росту страны. *Л. К—ва.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

от 15-го ноября до 14-го декабря.

Проблемы идеализма. Сборн. статей подъ ред. П. И. Новгородцева. Мск. 1903 г. Ц. 3 р.
Евреиновъ. Стихотворенія. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.
Мелкая земская единица. Сборникъ статей. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
Джунковская. Средняя школа новаго типа. Изд. Чарушникова и Дороватовскаго. Спб. Ц. 75 к.
Энгельмейеръ. По русскому и скандинавскому сѣверу. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.
Тихомировъ. Н. А. Некрасовъ. «Б—ка Дѣтскаго Чтенія». Мск. Ц. 10 к.
Соболевъ. Экономическое положеніе томскихъ студентовъ. Томскъ. Ц. 30 к.
Примѣрн. планы школьн. зданій на 40—60 и т. д. учениковъ. Изд. моск. губ. земск. упр. Ц. 75 к.
Е. Некрасова. Жизнь студентки. Мск. 1903 г. Ц. 40 к.
Теодоръ Штормъ. Безъ вѣсти пропавшій. «Б—ка для дѣтей» подъ ред. Горбунова-Посадова. Ц. 30 к. Мск. 1903 г.
Сергѣй Поповъ. Изъ царства праздности. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
Райдеръ Хаггардъ. Эрикъ Свѣтлоокій. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1903 г.
Авенаріусъ. На Москву. Изд. П. В. Луковникова. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к.
Сенкевичъ. Камо грядеши. Сокр. перев. О. Н. Поповой. Изд. О. Н. Поповой. Спб.
А. Кастальскій. Стихотворенія. Мск. 1902 г. Ц. 40 к.
Розеггеръ. Среди народа. Изд. ред. «Образованія». Спб. Ц. 40 к.
Грушецкій. Саранча. Изд. ред. «Образованія». Спб. Ц. 80 к.
Бѣлоконскій. Деревенскія впечатлѣнія. Изд. ред. «Образованія». Спб. Ц. 80 к.
Голиковъ. Ночныя думы. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
Минцловъ. Бѣглецы. Изд. Крайзъ. Спб. Ц. 75 к.
Минцловъ. На зарѣ XVII в. Изд. то же. Ц. 1 р.
Кругловъ. Любовь и истина. Изд. Спиридонова. Мск. Ц. 20 к.
В. Сѣрошевскій. Собраніе повѣстей и разсказовъ. Изд. «Книжнаго Дѣла». Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
Гофштетеръ. Поэзія вырожденія. Спб. 1902 г.
Федоровъ. Стихотворенія. Изд. О. Н. Поповой. 1902 г. Ц. 1 р.
Брандтъ. Отъ матеріализма къ спиритуализму. Харьк. 1902 г. Ц. 50 к.
Бинштокъ. Наставленія для дезенфекціи. Спб. 1902 г. Ц. 30 к.
Погодинъ. Религія Зороастра. «Образоват. Б—ка». О. Н. Поповой. Спб. Ц. 60 к.
Михаличъ. Руководство изъ преподав. рисованія въ средне-учебн. заведеніяхъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
Малининъ. Прогрессивная эволюція созн. начала природы, какъ основа міровоззрѣнія. Нжн. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шарль Бодлэръ. Маленькія поэмы въ прозѣ. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.
Луговой. За гровой вёдро. Изд. Маркса. Спб. Ц. 25 к.
Луговой. Швейцаръ. Изд. то же. Ц. 20 к.
В. Сѣрошевскій. Пустынный островъ. Изд. «Книжнаго Дѣла». Мск. 1902 г. Ц. 40 к.
Эльснеръ-Каранскій. Желѣзный докторъ. Изд. «Книговѣда». Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
Сиротка Герти и другіе разск. «Б—ка для дѣтей» Горбунова-Посадова. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
М. Юрьева. Около хорошихъ людей. Изд. Спиридонова. Мск. 1902 г. Ц. 30 к.
М. Юрьева. Изъ жизни одной дѣвочки. Изд. то же. Ц. 30 к.
Кругловъ. Страшный дядя. Изд. то же. Ц. 15 к.
Маркъ Твэнъ. Принцъ и нищій. Изд. ред. «Всходы». Спб. 1902 г.
Н. Н. С. Разсказы изъ исторіи грековъ для школьнаго чтенія. Изд. Спиридонова. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
Кругловъ. Лѣсные люди. Изд. то же. Ц. 1 р.
Вѣра. Одна за многихъ. 1903 г. Ц. 50 к.
Древне-сѣв. саги и пѣсни скальдовъ. «Русская классная б—ка» подъ ред. Чудинова. Спб. Изд. Глазунова. Ц. 60 к.
Крамбамбули. «Б—ка для дѣтей» подъ ред. Горбунова-Посадова. Мск. Ц. 30 к.
Чудный даръ. Собр. сказокъ Гюго, Рёскина и др. Изд. то же. Ц. 75 к.
И. Наживинъ. Передъ разсвѣтомъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
Гауптманъ. Собр. сочиненій. Т. I и II. Изд. Скирмунта. Мск. Ц. I-го т. 1 р. 50 к. II-го т. 2 р.
Recueil de récits historiques. Изд. К. Тихомирова. Мск. 1902 г. Ц. 75 к.
Всеобщее образованіе въ Россіи. Сборн. статей. Изд. «Труда». Мск. Ц. 1 р.
А. Зыкова. Товарищъ. Азбука. Изд. ред. «Всходы». Спб. Ц. 15 коп.
Зыкова. Товарищъ. Книга для чтенія въ школѣ. Втор. годъ обученія. Изд. ред. «Всходы». Спб. Ц. 45 к.
Зыкова. Товарищъ. Книга для чт. въ школѣ. Третій годъ обученія въ школѣ. Изд. то же. Ц. 55 к.
Зыкова. Книга для учителей. Къ уч. кн. «Товарищъ». Изд. то же. Ц. 30 к.

Джемсонъ. Жизнь Зороастра. «Образоват. Б—ка» О. Н. Поповой. Спб. Ц. 60 к.

А. П. Изъ исторіи государства аѳинскаго. Изд. Раппъ и Потаповъ. Хрк. 1903 г. Ц. 7\ к.

Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Т. III. Кзн. Ц. 1 р. 20 к.

Стрижовъ. О золотѣ на Кавказѣ. Томскъ. 1903 г.

Стрижовъ. Геологическое строеніе Куртат. ущелья. Спб. 1903 г.

Ж. Фино. Философія долговѣчности. «Образоват. Б—ка» О. Н. Поповой. 1903 г. Ц. 60 к.

М. Соболева. Организація и методы статистики труда. Тмск. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ал. Ст. Конокрадство, какъ бытовое и соціальное явленіе. Пск. 1902 г.

Тезяковъ. Рынки найма и ихъ санитарное состояніе. Спб. 1902 г.

Герценштейнъ. Ипотечные банки и ростъ большихъ городовъ Германіи. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кеннингемъ. Западная цивилизація съ эконом. точки зрѣнія. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 40 к.

П. Соколовъ. Вѣра. (Психол. этюдъ). Мск. 1902 г. Ц. 60 к.

Лугановскій. Русскіе писатели въ польской литературѣ. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

Коншинъ. Земледѣліе, фабрично-заводск. промышленность. Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бансель. Кооператизмъ. Изд. «Посредника». Мск. Ц. 60 к.

Зелинскій. Сборникъ критич. статей о Некрасовѣ. Ч. II. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

Фр. Листъ. Международное право. Юрьевъ. 1902 г. Ц. 2 р. 75 к.

Брикнеръ. Иллюстр. исторія Петра Великаго. Т. I. Изд. Сойкина. Спб. 1902 г.

Мороховецъ. Исторія и соотношеніе медиц. знаній. Мск. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

М. Лахтинъ. Большія операціи въ исторіи хирургіи. Мск. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эрн. Ренанъ. Авероэсъ и Авероизмъ. Т. VIII. Изд. Фукса. Кіевъ. Ц. за 12 т. 6 р.

Георгъ Брандесъ. Романтическая школа во Франціи. Т. IX. Фукса. Кіевъ. Ц. за 12 т. 6 р.

Степовичъ. Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Кіевъ. 1902 г.

Путеводитель по Москвѣ. Изд. пост. коммиссіи по технич. образ. Ц. 1 р. 25 к.

Годичное торж. засѣданіе юрид. о—ва при Имп. харьк. у—тѣ. 1902 г.

Первое столѣтіе Иркутска. Изд. Сукачева. Ирк. Ц. 2 р.

Уставъ вятск. о—ва взаимн. вспомож. лицъ частн. труда. 1902 г.

Отчетъ новозыбковскаго благотв. о—ва за 1901 г.

Дневникъ отдѣла ихтіологіи. Мск. 1902 г. Ц. 20 к.

Русскій сельскій календарь. Сост. Горбуновъ-Посадовъ. Мск. 1903 г. Ц. 20 к.

Протоколы коммиссіи по оц. недв. имущ. Яросл. губ.

Нижегородскій Маріинскій и—тъ благородн. дѣвицъ. 1852—1902 г.

Трудъ душевно-больныхъ Винницк. окружной лечебницы и его леч. воспит. значеніе.

Якубовичъ. Б—ка попечительства о домахъ трудолюбія. Спб. 1902 г.

Отчетъ о командировкѣ на курскую выставку по народному образованію.

Деревенскій календарь съ полезными совѣтами. Сост. Горбуновъ-Посадовъ. Ц. 5 к.

Анофріевъ. Основные вопросы дѣятельности потреб. о—ва. Мск. Ц. 1902 г.

Стрижовъ. Образованіе корал. рифовъ и происхожденіе известняковъ. Екат. 1903 г.

Шляпошниковъ. Всероссійскій съѣздъ сіонистовъ въ Минскѣ. Изд. «Улей». Харьк. 1903 г. Ц. 15 к.

Отчетъ т—ва торг. арт. и куст. тов. «Союзъ». Мск. 1902 г.

Отчетъ совѣта о—ва распрост. начальн. образ. въ Нижег. губ. Нижній-Новг. 1902 г.

Степовичъ. XII археологич. съѣздъ. Кіевъ. 1902 г.

Отчетъ Борисоглѣбск. публичн. б—ки за 1901 г.

Смѣтныя назначенія уѣздн. земства Тверск. губ. на 1903 г.

Отчетъ о—ва для содѣйствія народн. образованію въ Яросл. губ. за 1901 г.

Куркинъ. Дѣтская смертность въ Моск. губ. 1883—1897 гг. Мск. 1902 г. Ц. 3 р.

Куркинъ. Статистика движенія населенія въ Моск. губ. и ея уѣздахъ въ 1887—1893 гг. Мск. 1902 г. Ц. 3 р. 59 к.

Рахмиловичъ. Краткій курсъ статистики. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Результаты урожая 1902 г въ крест. хоз. Тверской губ. Тверь. 1902 г.

Отчетъ пермскаго научно-пром. музея за 1901 г. Пермь. 1902 г.

Отчетъ о дѣятельности о—ва взаим. вспомощ. учащимъ и учившимъ въ народн. учил. Симб. губ. 1901—1902 г.

Докладъ пенз. губ. земск. упр. объ участіи пенз. губ. земства въ развитіи нар. образованія въ 1902 г.

Аріанъ. Первый женскій календарь. 1903 г. Спб. Ц. 1 р.

Отчетъ драматич. кружка народн. театра въ Пензѣ.

Народный домъ кіевск. о—ва грамотности 1902 г. Ц. 20 к.

Отчетъ о дѣятельности учебн. отд. о—ва распростр. техн. знаній за 1901 г.

Труды I-го съѣзда учащ. и почетн. блюстит. школъ Сиб. ж. д.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Force of Mind, or the Mental Factor in Medecine*» *by A. T. Schoffield. London (J. und A. Churchill)*. (*Сила ума или духовный факторъ въ медицинѣ*). Практическій врачъ, написавшій эту книгу, доказываетъ, что ни одинъ врачъ не можетъ считать своего медицинскаго образованія законченнымъ, если онъ не изучилъ основательно психологіи и вліянія души на тѣло. Совершенно отвергая всякую солидарность съ разнаго рода духовными исцѣлителями, гипнотизёрами и т. д., авторъ книги серьезно преслѣдуетъ вопросъ, не могутъ ли нѣкоторыя болѣзни быть исцѣлены скорѣе посредствомъ психическихъ факторовъ, нежели путемъ воздѣйствія на физическіе органы. «Я вовсе не имѣю въ виду, чтобы врачи отложили въ сторону всѣ свои рецепты,—говоритъ авторъ,—или измѣнили бы медицинскія руководства. Я хочу только убѣдить врачей, что всегда, у постели больного, они должны задавать себѣ вопросъ, какую роль играетъ душа въ данной болѣзни и какъ заставить ее участвовать въ леченіи?» По мнѣнію автора, такой взглядъ на болѣзнь долженъ преподаваться во всѣхъ медицинскихъ школахъ.

(Review of Reviews).

«*Hypnotism and the Doctors*» *by Richard Harte (Fomler and C⁰). London* (*Гипнотизмъ и доктора*). Книга эта явно враждебна медицинской профессіи. Авторъ ея, въ первой части, гдѣ разсказывается о возникновеніи месмеризма, очень тщательно разбираетъ причины, заставившія публику потерять довѣріе къ докторамъ. Между прочимъ онъ насчитываетъ одиннадцать причинъ и жалуется на то, что доктора ввели много вредныхъ привычекъ, изъ которыхъ главное мѣсто принадлежитъ подкожнымъ впрыскиваніямъ морфія. (Review of Reviews).

«*How to acquire and Strengthen the Will Power*» *by R. T. Ebbard London. Second Edition rev-ised. Price 5 s. (Modern Medical Publishing Company* (*Какъ пріобрѣсти и укрѣпить силу воли*). Очень интересная книга, представляющая настоящее руководство для излеченія болѣзней и недомоганія посредствомъ самовнушенія, которому вообще авторъ отводитъ большое значеніе въ жизни человѣка.

(Review of Reviews).

«*Imperialism*» *a Study, by J. A. Hobson (Nisbet and C⁰)*. (*Имперіализмъ*). Книга раздѣляется на двѣ части. Въ первой обсуждается экономическая сторона великаго движенія, во второй политическая. Экономическимъ базисомъ имперіализма авторъ считаетъ капитализмъ. Избытокъ капитала, сосредоточенный въ немногихъ рукахъ, помѣщается въ нецивилизованныхъ странахъ, гдѣ возникаютъ финансовыя предпріятія, и такъ какъ въ этихъ странахъ безопасности не существуетъ, то государству приходится брать подъ свою защиту эти предпріятія. Такимъ образомъ, имперіализмъ будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока избытокъ капитала будетъ скопляться въ рукахъ вліятельныхъ классовъ, которые могутъ употреблять ресурсы государства для защиты своихъ частныхъ интересовъ.

(Review of Reviews).

«*The Great Mountains and Forests of South America*» *by Paul Fontain. London. (Longmans) Price: 10 s.* (*Великія горы и лѣса южной Америки*). Въ высшей степени интересное описаніе малоизвѣстной области южно-американскаго материка. Авторъ отводитъ довольно большое мѣсто въ своей книгѣ естественной исторіи тѣхъ областей, которыя онъ посѣтилъ, но очень занимательно разсказываетъ въ то же время свои приключенія и свою жизнь среди индѣйцевъ. Онъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ индѣйскихъ племенахъ Южной Америки и нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., арауканцевъ въ Чили, онъ ставитъ гораздо выше испанцевъ, которые надъ ними владычествуютъ. Книга снабжена иллюстраціями.

(Review of Reviews).

«*Das junge Mädchen auf eigenen Füssen*» *Ein Führer durch das weibliche Berufsleben. Von Amalie Baisch. Stuttgart. (Deutsche Verlagsanstalt)*. (*Молодая дѣвушка на своихъ ногахъ*). Эта книга имѣетъ цѣлью служить руководствомъ для молодыхъ дѣвушекъ при выборѣ ими самостоятельной профессіи.

(Berliner Tageblatt).

«*La femme à travers l'Histoire*» *par Maurice Lefèvre (A. Fontemoing)*. (*Женщина въ исторіи*). Авторъ изучаетъ роль женщины въ исторіи, ея тайное или явное вліяніе на нравы и ходъ историческихъ событій, ея послѣдовательныя возвышенія и паденія. На основаніи своихъ историческихъ изслѣдованій, онъ приходитъ къ заключенію, что величіе и благосостояніе обществъ находится всецѣло въ зависимости отъ полнаго равновѣсія двухъ силъ, мужской и женской. Нарушеніе этого равновѣсія въ пользу той или другой силы

непремѣнно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ патологическое состояніе общества. Если беретъ верхъ мужская сила, то въ обществѣ воцаряются грубость и варварскіе нравы, если же преобладаетъ женская сила, то является распущенность нравовъ, которая, въ концѣ концовъ, ведетъ къ катаклизму, книга написана очень живо и увлекательно и въ то же время является цѣннымъ историческимъ изслѣдованіемъ.

(Journal des Débats).

«Le Monde Polynésien» par Henri Mager, explorateur, ancien membre de la section de l'Océanie au conseil superier des colonies. (*Schleicher frères*). *Prix 2 fr.* (*Полинезійскій міръ*). Этотъ новый томъ, входящій въ составъ «Bibliothèque d'Histoire et de Géographie universelle», представляетъ двойной интересъ, съ научной и колоніальной точки зрѣнія. Авторъ отвергаетъ гипотезу затонувшаго великаго океанскаго материка и доказываетъ, что Полинезійскіе острова явились результатомъ дѣйствія вулканическихъ силъ. Онъ приводитъ данныя, указывающія на происхожденіе племенъ, населяющихъ острова Пасхи и создавшихъ колоссальныя статуи, происхожденіе которыхъ до сихъ поръ считалось загадочнымъ. Въ заключеніе авторъ приводитъ параллель между различными европейскими колонизаціями въ Полинезіи.

(Journal des Débats).

«Nature Study and Life» by Cléfton F. Hadge (*Guin*) *7 s.* (*Изученіе природы и жизнь*). Профессоръ Годжъ идетъ навстрѣчу желанію, давно уже выраженному въ Америкѣ, чтобы изученіе природы вошло въ программу школы. Онъ говоритъ, что въ каждомъ ребенкѣ заложено стремленіе къ изслѣдованію и школа должна поощрять этотъ инстинктъ. Книга профессора можетъ служить руководствомъ для учителей въ этомъ отношеніи, такъ какъ указываетъ имъ какъ направлять этотъ врожденный инстинктъ дѣтей и культивировать у нихъ любовь къ природѣ.

(Times).

«Die Seele im Lichte des Monismus» von D-r med. H. Kroell. Strasburg (*Judolph Beust*). (*Душа съ точки зрѣнія монизма*). Книга представляетъ психофизіологическое изслѣдованіе вопроса о души. Монизмъ автора, однако, имѣетъ мало общаго съ матеріализмомъ. Мысли автора и приводимыя имъ доказательства отличаются большою смѣлостью и оригинальностью.

(Neue Freie Presse).

«Die Arbeiter Wohnungs - Frage» von D-r Ludwig Sinzhesimer. Stuttgart (*Ernst-Heinrich Moritz*). *2 mark.* (*Вопросъ о жилищахъ рабочихъ*). Авторъ поставилъ себѣ задачей представить очеркъ исторіи вопроса о жилищахъ для рабочихъ въ связи съ исторіей соціальнаго движенія вообще. Онъ говоритъ о жилищной нуждѣ и о принимаемыхъ въ Германіи мѣрахъ борьбы съ этимъ зломъ. Особенное значеніе онъ придаетъ устройству строительныхъ товариществъ и жилищной инспекціи.

(Frankfurt. Zeitung).

«Travels in Space». A History of Aerial Navigation» by E. Seton Valentine and F. L. Tomlison (*Hurst and Blaekett*). (*Путешествія въ пространствѣ*). Въ книгѣ разсказывается исторія воздухоплаванія, доведенная до самыхъ послѣднихъ опытовъ Са тоса Дюмона и др. Многочисленныя иллюстраціи и въ особенности фотографическіе снимки, дополняющіе текстъ, увеличиваютъ его интересъ.

(Bookseller).

«The Schoolmaster» by Arthur Christopher Benson (*John Murroy*). (*Школьный учитель*). Учительство, говоритъ авторъ, принадлежитъ къ числу «наименѣе либеральныхъ изъ всѣхъ либеральныхъ профессій». Она требуетъ отъ человѣка много самоотверженія, терпѣнія и самообладанія и искренняго призванія, безъ котораго трудно быть хорошимъ учителемъ. Далѣе авторъ говоритъ о школьной дисциплинѣ, о методахъ преподаванія, способахъ вліять на учениковъ и т. д. Въ заключеніе онъ обсуждаетъ важнѣйшіе вопросы воспитанія.

(Bookseller).

«L'Hygiène Sociale» par Emile Duclaux, membrede l'académie des sciences. Paris (*Alcan*). (*Соціальная гигіена*). Подъ именемъ «Соціальной гигіены» авторъ подразумѣваетъ тѣ мѣропріятія, которыя общество обязано вводить для предотвращенія распространенія болѣзней. Онъ указываетъ, какимъ образомъ должна быть организована борьба съ болѣзнями, угрожающими благосостоянію общества. Въ особенности авторъ указываетъ на важность профилактическихъ мѣръ и пользу, приносимую санаторіями. Въ вопросѣ о сифилисѣ онъ высказываетъ самыя радикальныя воззрѣнія, оправдываемыя безплодностью всѣхъ законныхъ мѣропріятій противъ распространенія этой болѣзни и безполезностью рѣшеній, принятыхъ на конгрессѣ. Книга эта безспорно заслуживаетъ вниманія не только врачей, но и всѣхъ читателей, интересующихся вопросами гигіены и народнаго здравія.

(Journal des Débats).

«An Essay on Laughter» by prof. Sully (*О смѣхѣ*). Въ этомъ довольно объемистомъ трудѣ, посвященномъ исторіи смѣха и его происхожденія, почтенный профессоръ приходитъ къ довольно печальному заключенію, что люди постепенно разучаются смѣяться и это исчезновеніе смѣха оказываетъ вредное вліяніе на общество. Конечно, авторъ прежде всего, имѣетъ въ виду англійское общество, но его выводы имѣютъ также общее значеніе. Уменьшеніе народной веселости, говоритъ онъ, несомнѣнно, указываетъ на большія пере-

мѣны въ обществѣ. Люди какъ будто не имѣютъ теперь времени смѣяться, торопясь жить и въ погонѣ за богатствомъ теряютъ способность смѣяться отъ души. Борьба за существованіе настолько получила острый характеръ, что людямъ уже не до веселья. Скука царствуетъ въ обществѣ, и тотъ, кто сохранилъ способность смѣяться отъ души, представляется какимъ-то анахронизмомъ среди скучающихъ людей, не понимающихъ веселаго оптимизма прежнихъ временъ. Проф. Сюлли называетъ смѣхъ «благодѣяніемъ жизни» и говоритъ о необходимости принять мѣры къ тому, чтобы люди окончательно не разучились смѣяться.

(Daily News).

«Durch Indien ins verschlossene Land Nepal» von d-r Kurt Bock. Ethnographische und photographische Studien blätter. Leipzig (Hirt). (Черезъ Индію въ замкнутую страну Непалъ). Чрезвычайно интересное описаніе Цейлона, Индіи и мало доступной европейцамъ независимой страны Непаль. Авторъ, извѣстный путешественникъ, добился разрѣшенія посѣтить эту любопытную страну, сохранившую во многихъ отношеніяхъ свой первобытный характеръ.

(Berliner Tageblatt).

«The State and its Relation to Trade» by Lord Farrer. With Supplementary Chapler by sir Robert Giffen. London. (Macmillan and C⁰). (Государство и его отношеніе къ торговлѣ). Въ этой маленькой книгѣ обсуждаются нѣкоторыя изъ современныхъ экономическихъ проблемъ, возникающихъ изъ существующихъ отношеній между государствомъ и торговлей. Авторъ возстаетъ противъ протекціонистской политики.

(Review of Reviews).

«Problems of Modern Industry» by Sidney and Beatrice Webb (Tongmans, Green and C⁰) London. Price. 5 s. (Проблемы современной промышленности). Въ предисловіи къ этому новому изданію авторъ говоритъ о проблемахъ, выдвинутыхъ на сцену промышленнымъ развитіемъ послѣдняго времени и въ особенности американскою системой трёстовъ. Авторъ, главнымъ образомъ, указываетъ на улучшеніе промышленной организаціи трёстовъ и полагаетъ, что опасность, заключающаяся въ томъ, что потребитель не извлечетъ никакой выгоды изъ этого улучшенія, сильно преувеличена и въ сущности не имѣетъ большого значенія. По всей вѣроятности, для трёстовъ будетъ выгоднѣе понизить цѣны на предметы первой необходимости, нежели повысить ихъ.

(Review of Reviews).

«La liberté de l'Enseignement» par Emile Bourgeois. (Свобода преподаванія). Въ книгѣ заключается методическое и критическое изслѣдованіе великаго вопроса, волнующаго теперь умы Франціи. Авторъ пишетъ историческій очеркъ, охватывающій періодъ отъ начала революціи до современной эпохи и, на основаніи своего изслѣдованія фактовъ и документовъ, дѣлаетъ выводы относительно наилучшаго способа разрѣшенія вопроса о свободѣ преподаванія.

(Revue de Paris).

«Causeries psychologiques» par J. Van Biervliet. Paris (Alcan) Prix: 3 fr. (Психологическія бесѣды). Ученый гентскій профессоръ изслѣдуетъ въ этой книгѣ вліяніе чувства радости и печали на организмъ человѣка и отраженіе этихъ чувствъ на различныхъ функціяхъ организма. Затѣмъ онъ говоритъ о различныхъ родахъ памяти, о галлюцинаціяхъ, внушеніи, раздвоеніи личности и описываетъ переходныя формы между нормальнымъ состояніемъ души и состояніями психическими. Авторъ приходитъ къ заключенію, что вполнѣ здоровое состояніе души представляетъ столь же недостижимый идеалъ, какъ и вполнѣ здоровое состояніе тѣла, но къ этому идеалу все-таки надо стремиться и поэтому нравственная и умственная гигіена столь же необходима человѣку, какъ и физическая. Авторъ подкрѣпляетъ свои выводы хорошо и строго подобранными и провѣренными фактами, изъясняетъ ихъ научнымъ образомъ и знакомитъ читателя съ важными выводами психологической науки.

(Polybiblion).

«Formation de la volonté» par J. Guibert. Paris (Blond). Prix: 0,60 (Образованіе воли). Въ этой маленькой брошюркѣ доказывается зависимость воли человѣка отъ его внутренней жизни, отъ органическихъ условій, благопріятствуемыхъ привычками, созданными сознательными усиліями, а также силою первоначальныхъ импульсовъ и глубиною чувствъ. Авторъ говоритъ о необходимости упражненія воли.

(Polybiblion).

«La Comédie Française et la Révolution», scènes, résits et notices, par A. Poogin. Paris (Gaultier et Magnier). 4 fr. (Французская комедія и революція). Авторъ сообщаетъ любопытные факты изъ исторіи французскаго театра и столкновеніяхъ, которыя происходили между артистами перваго національнаго театра и революціонными властями. Въ первой части заключаются слѣдующія главы: «Тальма и французская комедія»; «Французская комедія въ 1903 г.»; «Арестъ и заключеніе въ тюрьму французскихъ актеровъ»; «Лабюссьеръ и его произведенія». Въ заключеніе авторъ разсказываетъ два романическихъ эпизода: «Жизнь и трагическая смерть трагической актрисы» и «Актеръ революціонеръ», покончившій свою жизнь на эшафотѣ.

(Polybiblion).

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

III. «На днѣ» М. Горькаго въ Московскомъ Художественномъ театрѣ.

Видѣть новую пьесу М. Горькаго и притомъ въ образцовомъ исполненіи артистовъ Московскаго Художественнаго театра представляется настолько заманчивымъ для всякаго, интересующагося современной сценой, что можно ради этого преодолѣть даже пресловутое петербургское «некогда» и совершить спеціальную поѣздку въ Москву съ указанной цѣлью.

Невеселыя мерещатся картины въ ожиданіи спектакля, судя по заглавію пьесы и по тѣмъ свѣдѣніямъ о ней, которыя еще съ осени попадались въ газетахъ. Не можемъ мы a priori ожидать и того чисто художественнаго наслажденія, при крайнемъ напряженіи классическихъ «ужаса и состраданія», составляющихъ старозавѣтныя отличительныя свойства впечатлѣній, вызываемыхъ трагедіей, и разрѣшающихся заповѣднымъ «очищеніемъ». Такимъ зрѣлищемъ насъ, петербуржцевъ, недавно подарили московскія гостьи—г-жи Ермолова и Ѳедотова въ превосходномъ исполненіи сцены изъ «Маріи Стюартъ» Шиллера. Мастерское чтеніе стиховъ г-жи Ермоловой при проникновенномъ воплощеніи трагическаго образа шотландской королевы, созданнаго геніальнымъ поэтомъ, производило удивительное впечатлѣніе. Но, несмотря на трагизмъ ситуаціи и переживаемыхъ чувствъ, какъ все это красиво, возвышенно, облагорожено и въ формѣ и въ передачѣ содержанія того, что испытывали данныя дѣйствующія лица. Художественное наслажденіе отъ созерцанія драмы Шиллера въ столь безподобномъ исполненіи заслоняло всякія другія чувства въ зрителѣ.

Между тѣмъ вникните въ сущность мотивовъ, управлявшихъ дѣйствіями этихъ двухъ величественныхъ, утонченно-воспитанныхъ, благородныхъ дамъ, этихъ королевъ, которыя выражаются такимъ красивымъ языкомъ,—и въ основѣ ихъ окажутся далеко не столь уже возвышенныя чувства. Тутъ и оскорбленное самолюбіе, и завистливость и ревность, неудовлетворенное тщеславіе, уязвленная гордость и, наконецъ, со стороны Елизаветы, безжалостная мстительность: вѣдь смертный приговоръ Маріѣ является въ гораздо большей степени результатомъ личнаго раздраженія женщины, чѣмъ актомъ «политической мудрости» королевы.

Натура человѣческая вездѣ одна, только формы проявленія ея разнообразны. И вотъ въ противоположность высокой поэзіи названной драматической сцены, разыгранной даровитыми артистками въ Маріинскомъ театрѣ 7-го декабря, М. Горькій вводитъ насъ въ такую обстановку, гдѣ, по выраженію одного изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, нѣтъ «господъ», гдѣ—«все слиняло, одинъ голый человѣкъ остался». Правда, этотъ «голый человѣкъ» значительно тронутъ жизнью; онъ изъ категоріи «бывшихъ людей», съ такимъ рельефомъ очерченныхъ авторомъ въ одномъ изъ его прежнихъ очерковъ; но, несмотря на ихъ соціальную де-

градацію, эти «бывшіе люди», по глубокому убѣжденію автора, сохраняютъ всѣ свойства человѣка вообще, и даже, какъ увидимъ ниже, выдвигаютъ съ особой силой культъ человѣка.

Какъ бы то ни было, вмѣсто соперничества Елизаветы и Маріи, вмѣсто двухъ королевъ, передъ нами разыгрывается соперничество двухъ женщинъ изъ низшихъ слоевъ общества, двухъ сестеръ—Василисы, самовластной хозяйки ночлежнаго пріюта, и беззавѣтной Наташи, падающей жертвой ея ревности и мстительности. Конечно, чувства, волнующія этихъ соперницъ, несравненно менѣе сложны и выражаются въ грубой формѣ; но если личности пьесы Горькаго выступаютъ «безъ облаченій», составляющихъ аттрибуты того или другого, не только высокаго, но и средняго званія, и безъ поэтическаго ореола, которымъ низменная дѣйствительность обращается въ «возвышающій обманъ», то соотвѣтственно, мы должны приготовиться стать лицомъ къ лицу съ самой неприглядной дѣйствительностью, съ «голой» правдой жизни.

Авторъ въ значительной степени уже раньше пріучилъ насъ къ ней. Вернувшись теперь къ изображенію типовъ, которымъ онъ съумѣлъ въ свое время придать новое, вполнѣ самостоятельное значеніе, словомъ, вернувшись къ типамъ «босяковъ» и «бывшихъ людей», составившимъ его первую, широкую и шумную извѣстность, онъ насъ интересуетъ уже не новизной самихъ типовъ, которые въ достаточной мѣрѣ опредѣлились, а точкой зрѣнія, съ которой онъ къ нимъ подходитъ послѣ того, какъ въ значительной мѣрѣ выросъ и развернулся его яркій талантъ мастерского разсказчика. Постараемся же, прежде всего, уловить и выяснить уголъ зрѣнія художника, раньше чѣмъ вдаваться въ анализъ созданной имъ картины.

Этотъ «уголъ зрѣнія» легко опредѣляется, благодаря центральной фигурѣ въ пьесѣ,—страннику Лукѣ, шестидесятилѣтнему старцу. Другимъ резонеромъ въ представленныхъ сценахъ является нѣкто Сатинъ, человѣкъ съ темнымъ прошлымъ и сомнительнымъ настоящимъ. Но Сатинъ не занимаетъ такого выдающагося мѣста въ общей концепціи пьесы. Кромѣ того, онъ во многомъ созданіе такъ сказать «прежняго» Горькаго, автора Челкаша, Орловыхъ, Коновалова и пр. А старецъ Лука—это нѣчто новое и его не слѣдуетъ смѣшивать даже съ «птицеловомъ» въ «Мѣщанахъ». Его роль въ «На днѣ» настолько значительна, что въ сущности всю пьесу можно было бы обозначить его именемъ, или назвать эпизодомъ изъ жизни странника. Вѣроятно этого Луку будутъ сближать съ Акимомъ Толстого. Мы настаиваемъ сразу на оригинальныхъ чертахъ типа Горькаго, несмотря на аналогію или сходство и съ Акимомъ Толстого, и съ Власомъ Некрасова. Акимъ—типъ, такъ сказать, статическій. Онъ превосходно выражаетъ одну сторону положительныхъ идеаловъ русскаго народа, воплощенныхъ въ живомъ лицѣ. Но какимъ бы онъ ни былъ геніальнымъ созданіемъ великаго писателя, Акимъ не исчерпываетъ всѣхъ свойствъ типа «правдолюбца» изъ народа. Онъ представитель вѣками выработаннаго міросозерцанія и остановился на опредѣленныхъ воззрѣніяхъ. Его прошлая жизнь намъ ясна, хотя бы мы не знали ея въ подробностяхъ; она не вызываетъ вопросовъ, и Акимъ не ставитъ ихъ, а руководитъ дѣлами совѣсти по опредѣлившимся убѣжденіямъ. Между тѣмъ, Лука изъ числа «ищущихъ правды» и порою даже сомнѣвающихся—въ чемъ она

и всегда ли можно «правдой душу вылечить»? Онъ олицетворяетъ то духовное броженіе въ народѣ, которое по преимуществу выразилось въ расколѣ и сектантствѣ. И теперь, попутно остановившись въ ночлежкѣ, гдѣ происходятъ тяжелыя сцены, которыхъ и мы становимся свидѣтелями, онъ заявляетъ о томъ, что идетъ дальше, искать гдѣ-то въ Малороссіи представителей новыхъ толковъ.

Лука—это типъ безпокойнаго, неутомимаго искателя «своей» правды,—типъ вполнѣ реальный и вѣрно передающій дѣйствительныя свойства нѣкоторой части русскаго народа, параллельно другой, олицетворенной въ Акимѣ. Изученіе этого явленія—одна изъ важныхъ и существенныхъ задачъ литературы. Не такъ давно П. Д. Боборыкинъ упрекалъ наше интеллигентное общество въ равнодушіи къ вопросамъ вѣры, которые играютъ такую огромную роль въ жизни простого народа и выразились, между прочимъ, во множествѣ существующихъ у насъ сектъ. А. Ѳ. Кони, въ свою очередь, нашелъ возможнымъ обратить упрекъ къ самимъ писателямъ, которые, за немногими исключеніями (Печерскій, Лѣсковъ), не вводятъ въ обиходъ художественной литературы богатый матеріалъ, доставляемый судебными дѣлами о сектантахъ. Вѣроятно эта сдержанность обусловлена общею причиной внѣшняго свойства. Но, конечно, въ высокой степени важно знакомиться не съ однимъ только типомъ народныхъ мудрецовъ, съ опредѣлившимся міросозерцаніемъ, но и изучать запросы личной совѣсти у представителей разныхъ толковъ и ученій. Интересные наброски этихъ ищущихъ своей истины людей уже были вскользь намѣрены талантливой кистью В. Г. Короленко («Некрасовскій корень», см. «Русск. Бог.» 1898 г.), но къ указанному имъ главному вопросу, волнующему сектантовъ,—какая вѣра *правильная*,—у странника М. Горькаго присоединился другой: какой правдѣ надо слѣдовать, такъ какъ «правда-то не всегда по недугу человѣку». А Лука, отыскивая правду для себя, имѣетъ и другую, важную заботу—облегчать людямъ тяжкое для многихъ бремя жизни, врачевать больныя души, помочь совѣтомъ, кого предостеречь, кого утѣшить или поддержать.

Мы не знаемъ, ни откуда пришелъ, ни кто онъ по роду, ни какъ онъ раньше жилъ—этотъ странный старичокъ, съ котомкой за плечами, въ лаптяхъ и убогой одеждѣ. Но послѣдуемъ за нимъ въ ночлежку, куда онъ забрелъ по пути, заявляя о себѣ и хозяевамъ и жильцамъ, что онъ простой странникъ, «прохожій» и даже, повидимому, безъ требуемыхъ документовъ, такъ что хозяйка язвительно спрашиваетъ его—не вѣрнѣе ли было бы ему называть себя «проходимцемъ!» Старикъ не возражаетъ, ибо къ чему спорить на словахъ: онъ себя выкажетъ на дѣлѣ.

Въ тяжелую, мрачную обстановку подвальнаго этажа, гдѣ въ ночлежномъ пріютѣ скопилось нѣсколько «сомнительныхъ личностей», опустившихся «на дно», въ силу разныхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы узнаемъ впослѣдствіи, забрелъ этотъ таинственный старичокъ, и только съ его приходомъ мы начинаемъ нѣсколько проникать во внутренній міръ этихъ оборванныхъ, грязныхъ, потерявшихъ почти всякій человѣческій обликъ людей, и узнаемъ, какъ у нихъ, по выраженію Луки, все выходитъ запутаннымъ и сложнымъ, вслѣдствіе неумѣнія смотрѣть правильно на вещи и на людскія отношенія. Старикъ и призванъ по мѣрѣ силъ разобраться въ нихъ.

Въ ночлежкѣ, уставленной нарами, при свѣтѣ косыхъ лучей утренняго солнца, еле пробивающихся сквозь узкія, высокія окна, на авансценѣ сидитъ за станкомъ насупившаяся, мрачная фигура бывшаго слесаря, Клеща, которому не повезло въ работѣ. Рядомъ, на кровати подъ пологомъ, у самой печки, лежитъ его больная, умирающая жена; по временамъ слышится ея удушливый кашель и раздаются стоны. На противоположной сторонѣ, на кровати примостился картузникъ Бубновъ, бывшій скорнякъ, тучный, рыхлый, взбухшій отъ водки и плохого питанія. На лежанкѣ, на печкѣ, за женой Клеща, Анной, сидитъ въ унылой позѣ спившійся съ круга актеръ, алкоголикъ, нынѣ «потерявшій имя». На среднихъ нарахъ валяется долговязая фигура въ лохмотьяхъ: это шуллеръ отбывшій каторгу за убійство любовника своей сестры, бывшій телеграфистъ Сатинъ.

Въ свободныхъ промежуткахъ между нарами бродитъ, съ высоко взбитыми бѣлокурыми волосами, съ «убогой роскошью» наряда, въ измятой розовой кофточкѣ, съ неумѣло раскрашеннымъ лицомъ дешевыми бѣлилами и румянами, подведенными глазами—жалкая дѣвица Настя, очевидно, изъ «гулящихъ». Она держитъ книжку въ рукѣ и жадно упивается чтеніемъ какого-то бульварнаго романа «Роковая любовь», который опьяняетъ ее, какъ дурманъ, и заставляетъ забыть объ окружающей ее, гнетущей дѣйствительности. Тутъ же въ ночлежкѣ и сожитель Насти, «баронъ», какъ его величаютъ ночлежники, и, кажется, на самомъ дѣлѣ баронъ, но потерявшій всякій обликъ прежняго благовоспитаннаго, изящнаго, избалованнаго домашними попеченіями барича, который, женившись неудачно, спустилъ все свое состояніе, потомъ совершилъ растрату казенныхъ денегъ, былъ осужденъ и, наконецъ, очутился въ этой ночлежкѣ, «другомъ сердца» гулящей дѣвицы послѣдняго разбора, чуть что не ея сутенеромъ. Баронъ разсказываетъ потомъ (въ IV д.), что вся его жизнь представляется ему въ какомъ-то туманѣ, точно онъ только и дѣлалъ все время, что мѣнялъ платья, зачѣмъ и какъ—въ этомъ онъ не можетъ отдать себѣ отчета. Но въ концѣ концовъ вотъ и онъ очутился «на днѣ», въ какихъ-то рубищахъ, которымъ онъ силится придать видъ одежды, сшитой когда-то «по модѣ»; онъ продолжаетъ говорить о «порядочности», учитъ «хорошимъ манерамъ», старается быть изысканно-вѣжливымъ. И какъ онъ со всѣмъ этимъ жалокъ, ничтоженъ, а порою все же трогателенъ въ своей безпомощности, невмѣняемости и безотвѣтственности за погубленную жизнь.

Въ особой коморкѣ, отдѣленной перегородкой отъ другихъ, въ очевидно привиллегированномъ положеніи помѣщается молодой парень—Васька Пепелъ, профессіональный воръ. Причина оказываемаго ему хозяевами предпочтенія вскорѣ выясняется: во-первыхъ, онъ *выгодный* постоялецъ, такъ какъ хозяинъ не брезгаетъ скупать у него за безцѣнокъ краденныя вещи; во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, онъ пользуется расположеніемъ хозяйки, сравнительно молодой еще женщины, Василисы, выданной за стараго мужа. Послѣдній, Михаилъ Ивановичъ Костылевъ, обрюзгшій, лицемѣрный и скверный ханжа, человѣкъ, давно утратившій всякую совѣсть, жадный до денегъ и безжалостный къ другимъ; онъ знаетъ про связь своей жены съ Василіемъ; онъ жестоко ее ревнуетъ, но мучимъ лишь безсильной злобой, такъ какъ Василій молодъ, силенъ, и къ тому же, какъ указано, са-

*

мый выгодный изъ жильцовъ. Чтобы закончить обзоръ дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ—упомянемъ еще разбитную торговку пельменями, Квашню; затѣмъ младшую сестру Василисы—Наташу, скромную и тихую молодую дѣвушку, которой еще не коснулась окружающая ее грязь; ихъ дядя, будочникъ, Медвѣдевъ, изъ бывшихъ солдатъ, мирный и безобидный человѣкъ, несмотря на свое званіе «начальства»; онъ льнетъ къ бойкой и дородной Квашнѣ, надѣясь склонить ее на замужество, хотя Квашня и увѣряетъ, что, овдовѣвъ, закаялась навсегда выходить вторично замужъ. Наконецъ, какъ вихрь проносится по ночлежкѣ забубенная головушка, подмастерье у сапожника, Алешка, съ гармоніей въ рукахъ и хвастливой прибауткой загулявшаго парня—«ничего не хочу, ничего не желаю».

Не смотря на задорныя и смѣлыя рѣчи, этотъ Алешка, однако, самымъ позорнымъ образомъ прячется подъ нары, когда получаетъ отповѣдь отъ властной и не терпящей перекоровъ хозяйки, потребовавшей, чтобы онъ убирался восвояси. Два крючника—Кривой Зобъ и татаринъ, приходятъ потомъ на ночевку; на заднемъ фонѣ мелькаютъ безгласныя фигуры разныхъ лицъ, приходящихъ и уходящихъ «квартерантовъ» притона Костылевыхъ. Сами хозяева живутъ въ верхнемъ этажѣ деревяннаго домика, надъ подваломъ, въ отдаленной окраинѣ города, на задворкахъ, подлѣ вновь строющагося большого каменнаго зданія.

Душно и смрадно въ подвалѣ, гдѣ собрались всѣ эти люди. Съ одной стороны стоны умирающей, озлобленныя, протестующія рѣчи Клеща, вздохи актера-алкоголика, съ другой—пьяныя рѣчи и пѣсни безшабашной компаніи забулдыгъ.

И вдругъ въ эту удушливую, угнетающую обстановку вбѣгаетъ маленькая фигурка, согбеннаго отъ возраста и отъ привычной котомки за спиной, съ посохомъ и кружкой въ рукахъ, старичка странника, который пришелъ проситься переночевать, а то и на побывку, сколько приведется. Живой и юркій, съ веселыми прибаутками, находчивый на отвѣты, ко всему внимательный, этотъ новый гость сразу вноситъ нѣчто совершенно особое въ атмосферу ночлежки. Онъ умѣетъ и отшутиться, и кстати возразить, и посовѣтовать, и дѣломъ помочь. Онъ много видѣлъ, много думалъ и наблюдалъ и пришелъ къ заключенію, которое высказываетъ позже, что если «Сибирь не научитъ», то «человѣкъ можетъ добру научить».

«Человѣка приласкать никогда не вредно... Я те скажу, во время человѣка пожалѣть—хорошо бываетъ». Эти и подобныя имъ сентенціи Лука позже (въ III актѣ) излагаетъ, какъ изреченія мудрости, провѣренныя опытомъ и поясняемыя имъ разными примѣрами. Пока мы его видимъ на дѣлѣ: живо скинувъ съ себя на заваленку свои путевыя, несложныя принадлежности, и получивъ молчаливое согласіе хозяевъ остаться въ ночлежкѣ, онъ пристально, но незамѣтно для другихъ приглядывается къ своимъ новымъ сожителямъ и быстро находитъ себѣ дѣло. Вотъ Лука уже ухаживаетъ за больной Анной и старается умѣрить злобную раздражительность Клеща; мимоходомъ онъ пригрѣлъ словомъ бѣдную Настю, сбавилъ гонора «барону», прислушался къ темному заговору Василисы, которая подбиваетъ Ваську убить хозяина, обѣщая ему устроить и его женитьбу на Наташѣ,—такъ какъ она догадалась, что Васька ее разлюбилъ, и льнетъ къ младшей

сестрѣ, — и даже надѣлить деньгами. Когда (уже во II-мъ дѣйствіи) Васька, возбужденный коварными рѣчами Василисы и гнусными подходами Костылева, набрасывается на послѣдняго и, кажется, вотъ-вотъ тутъ же задушитъ его на мѣстѣ, старикъ своевременно, но будто нечаянно, останавливаетъ его, сбросивъ съ лежанки вещи, которыя звонко раскатываются по полу, и Васька, ошеломленный внезапнымъ шумомъ, вдругъ приходитъ въ себя и выпускаетъ изъ рукъ свою жертву. А Лука, посмѣиваясь въ бороду, свѣсивъ ноги съ лежанки, вступаетъ въ бесѣду съ Васькой и приводитъ его «въ разумъ».

Понемногу всѣхъ обошелъ этотъ простодушный съ виду старичекъ, и всякому нашелъ что сказать, какъ привлечь. «Какой ты дѣдушка мягкій»—говорятъ ему въ концѣ перваго акта. «Видно много мяли, оттого и мягкій», отшучивается Лука.

Мы не излагаемъ послѣдовательно содержанія пьесы, поэтому сразу отмѣтимъ, что съ наибольшимъ рельефомъ простое и доброе отношеніе къ людямъ Луки очерчивается во второмъ дѣйствіи, когда онъ напутствуетъ умирающую Анну. Время ночное. Промыслившіе разными способами кое-какія шалыя деньги, обитатели ночлежки играютъ въ карты, поютъ пѣсни, ссорятся баронъ попадается въ передержкѣ за игрой, чѣмъ приводитъ въ негодованіе «честнаго» татарина, который никакъ не можетъ понять, чтобы допускали нечистую игру, но въ то же время не умѣетъ объяснить, почему и бѣднымъ людямъ все-таки нужно оставаться честными. Надъ татариномъ смѣются. Товарищи по разгулу барона бранятъ его только за недостатокъ ловкости. А рядомъ—человѣкъ при смерти. Лука понемногу всѣхъ выпроваживаетъ. Онъ подаетъ разумный совѣтъ актеру поступить въ лечебницу, гдѣ, какъ онъ слышалъ, вылечиваютъ пьяницъ. У бѣднаго алкоголика заискрилась надежда вернуться къ жизни, къ дѣятельнсти, къ прежней славѣ. Онъ будетъ работать, копить деньги, чтобы избавиться отъ своего недуга. Недолговременна эта вспышка, но все же и въ этомъ человѣкѣ, скорбящемъ о томъ, что онъ сталъ хуже собаки, такъ какъ и у собакъ есть свои клички, а онъ обратился въ ничто, промелькнуло что-то свѣтлое, бодрящее, почти радостное.

Послѣ упомянутой сцены покушенія Васьки Пепла задушить Костылева, Лука представилъ и ему возможность начать новую жизнь, если онъ порветъ связь съ Василисой и перестанетъ подчиняться вліянію этой скверной женщины. Наконецъ, подзываетъ его Анна, которой близится послѣдній часъ. Лука просто и внушительно объясняетъ ей, что бояться смерти ей нечего, что на томъ свѣтѣ всячески ей лучше будетъ, такъ какъ прежде всего прекратятся ея страданія. Когда въ Аннѣ все же заговорила жажда жизни, хоть какой-ни на есть тяжелой, безрадостной жизни, которую все же можно терпѣть, такъ какъ страшнѣе—что тамъ будетъ, за гробомъ, Лука находитъ удивительно мѣткія выраженія, чтобы успокоить ее. «Смерть—она для всѣхъ ласковая, она всѣхъ успокоитъ». И подъ мѣрныя рѣчи Луки Анна дѣйствительно забывается и умираетъ неслышно, словно заснула, и не сразу догадываются о ея смерти. «Отмаялась»,—говоритъ Лука, убѣдившись въ ея кончинѣ. «Кашлять перестала»—брюжжитъ Бубновъ, жаловавшійся раньше на то, что своимъ кашлемъ Анна другихъ только тревожитъ. «Потеряла имя»—трагично заявляетъ актеръ, вернувшійся въ ноч-

лежку и опредѣляя смерть со своей точки зрѣнія. И затѣмъ онъ декламируетъ стихи, которые когда-то вызывали восторженныя рукоплесканія, когда онъ читалъ ихъ съ эстрады, а теперь долго, долго не могъ вспомнить ни одной строки, такъ какъ болѣзнь отняла у него всякую память, и вотъ, наконецъ, онъ вспомнилъ два куплета, и между прочими слова:

«Честь безумцу, который навѣетъ—человѣчеству сонъ золотой»,

Для такихъ страдалицъ какъ Анна, какъ отчасти и Настя, какъ Наташа, безжалостно мучимая и избиваемая ревнивой и злобной сестрой, конечно, «сонъ золотой»—единственное утѣшеніе въ жизни.

Развитіе этой темы дается въ третьемъ дѣйствіи: передъ нами задворки; глухое мѣсто, заваленное мусоромъ; заборъ справа; огромная красная стѣна на заднемъ планѣ и маленькій деревянный домикъ спереди; слѣва, изъ окна подвальнаго этажа, выглядываетъ одутловатая фигура Бубнова. На высокой лѣстницѣ, прислоненной къ домику, усѣлся баронъ, а внизу на крылечкѣ сидятъ женщины и Настя страстнымъ, сдавленнымъ отъ волненія голосомъ разсказываетъ прочитанный ею романъ, который она пріурочиваетъ къ себѣ самой, вѣря тому, что она выдумываетъ, не будучи въ состояніи отдѣлить въ своемъ больномъ воображеніи правды отъ вымысла, такъ какъ вымыселъ все же краше, онъ для нея и есть тотъ «сонъ золотой», въ которомъ она хотѣла бы забыться. Надъ ней издѣваются; громче всѣхъ смѣется баронъ, которому, однако, придетъ часъ и тоже захочется такого «сна». Только его сонъ относится къ прошлому, къ воспоминаніямъ о его прежней роскошной жизни, о своихъ доблестныхъ предкахъ—и тогда (эта сцена происходитъ уже въ IV д.) Настя, въ свою очередь, не захочетъ ему вѣрить, будетъ изводить его отрицаніемъ правды за его разсказами, а Сатинъ, когда баронъ клянется и божится, что у него были свои кареты и даже съ гербами, ѣдко замѣтитъ ему, что—«въ каретѣ прошлаго далеко не уѣдешь».

Настя очень огорчена тѣмъ, что никто не хочетъ вѣрить ея розсказнямъ, и только неизмѣнный Лука находитъ возможнымъ утѣшить ее и успокоить. И Наташа находитъ, что «видно вранье-то пріятнѣе правды», и сознается, что тоже любитъ про себя выдумывать и ждетъ, что случится что-нибудь особенное, или даже, что она умретъ скоропостижно и т. п.

И вотъ завязался разговоръ о правдѣ, ея преимуществахъ и отрицательныхъ свойствахъ. Бубновъ изъ своей конуры глубокомысленно замѣчаетъ про Настю: «она привыкла рожу себѣ подкрашивать,—вотъ и душу хочетъ подкрасить, румянецъ на душу наводитъ». «У всѣхъ людей души сѣренькія, изрекаетъ баронъ: всѣ подрумяниться желаютъ». А Лука заводитъ длинный разсказъ о томъ, какъ одинъ человѣкъ все искалъ на свѣтѣ «праведную землю», въ существованіе которой свято вѣрилъ. И пришлось ему встрѣтиться съ другимъ ученымъ, книжнымъ человѣкомъ, у котораго были всякіе «планты» и все росписано, гдѣ какая земля находится, а «праведной земли» нигдѣ не оказывалось. Долго не хотѣлось вѣрить этимъ свидѣтельствамъ искателю «праведной земли»; когда же онъ убѣдился, что зря искалъ того, чего нѣтъ на свѣтѣ, то обругалъ ученаго, а самъ съ горя повѣсился *).

---

*) Мы не можемъ кстати не припомнить по поводу этого преданія о «пра-

Много всякихъ разсказовъ на разные случаи въ запасѣ у странника Луки, но, какъ ни цѣнили его обитатели ночлежки, нельзя ему было дольше задерживаться: и самого его влекло туда, куда онъ путь держалъ съ самаго начала, да и хозяева ужъ очень косо на него поглядывали. А тутъ на бѣду еще Василиса подслушала объясненіе Васьки Пепла съ Наташей, и какъ старикъ горячо поддерживалъ Ваську въ его желаніи окончательно порвать съ Василисой, жениться на Наташѣ, бросить воровство и зажить по новому. «Ты ему только почаще напоминай, что онъ хорошій человѣкъ, — убѣждалъ Лука Наташу,—вотъ онъ и будетъ держаться и захочетъ по хорошему жить». И самъ Васька высказываетъ предположеніе, что онъ, можетъ быть, потому и сталъ воромъ, что его сызмалѣтства такъ всѣ называли и «другимъ именемъ никто никогда не догадался назвать меня». Благодаря посредничеству Луки, Василій и Наташа сговорились, но Василиса, подслушавъ, стоя у окна, ихъ сговоръ, не замѣченная ими, затѣмъ неожиданнымъ вмѣшательствомъ сразу нарушаетъ ихъ радостное настроеніе. Костылевъ, вернувшись изъ церкви, поддерживаетъ жену, и вотъ первому пришлось убираться Лукѣ, которому пригрозили полиціей.

За сценой, между тѣмъ, опять сцѣпились сестры. Слышны брань, визги, возня, наконецъ, неистовый оглушительный крикъ Наташи, которой, оказывается, Василиса со зла опрокинула на ноги кипѣвшій самоваръ. Кинулись искать Василія, какъ законнаго заступника за Наташу,

---

ведной землѣ» разсказъ о путешествіи трехъ уральскихъ казаковъ въ «Бѣловодье», сообщенный Вл. Г. Короленко въ «Русск. Бог.», 1901 г. Разсказъ не вымышленный, и достойно удивленія, что по сіе время въ средѣ раскольниковъ держится преданіе, уцѣлѣвшее отъ среднихъ вѣковъ, о томъ, что гдѣ-то на земномъ шарѣ есть заповѣдная, «праведная» земля. И вѣдь пускаются же на розыски ея въ кругосвѣтное плаваніе темные, необразованные люди, не пожелавшіе или не смогшіе разстаться съ завѣтной мечтой. Поддерживать въ нихъ такія иллюзіи, хотя бы изъ жалости, какъ того, повидимому, хочетъ Лука, врядъ ли умѣстно. Иллюзія иллюзіи рознь и, мы, во всякомъ случаѣ, думаемъ, что правда нужна не однимъ только «сильнымъ» людямъ, какъ проповѣдуетъ Сатинъ, въ IV актѣ пьесы, разъясняя пародоксальныя слова Луки, что «не всякая правда нужна». Можетъ быть «не всякая», но правда нужна всякому, ибо и слабый человѣкъ правдою окрѣпнетъ. Между прочимъ пришлось и мнѣ какъ-то бесѣдовать тоже съ выходцами изъ Уральска, казаками-раскольниками, которыхъ именно желаніе провѣрить правдивость розсказней, распространившихся въ ихъ средѣ, какими-то путями завела въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ мы также развернули передъ ними карты и «планты», опровергая невѣрныя свѣдѣнія, которыя имъ были даны. Раскольники не «выругались» и, кажется, ни одинъ изъ нихъ не повѣсился, а послѣ бесѣды они справились, гдѣ покупаются географическія карты и атласы, и повезли ихъ своимъ землякамъ въ назиданіе. Дальнѣйшей судьбы упомянутыхъ казаковъ, искателей «праведной земли», я не знаю, но думается, что можно предусмотрѣть и такой выводъ: если разсѣется утопія о праведной землѣ, которая и западно-европейцамъ мерещилась въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ (примѣрно въ XII—XVII), какъ дѣйствительно страна, помѣщаемая гдѣ-то на востокѣ, то, можетъ быть, искавшіе ее «за тридевятью государствами», отложивъ напрасные поиски, пожелаютъ реализовать мечту и не сходя съ мѣста. И почему родной землѣ не обратиться современемъ въ «праведную»?

вакъ какъ они все же женихъ и невѣста. На дворъ выводятъ избитую и ошпаренную Наташу; столпился народъ; Костылевъ ходитъ, произнося какія-то бранныя слова по адресу Наташи, которую онъ считаетъ нищей, всѣмъ ему обязанной, такъ какъ онъ ее содержитъ изъ милости, какъ сестру своей жены. Вбѣгаетъ Васька и, слыша стоны Наташи, смутно отдавая себѣ отчетъ въ происшедшемъ, но не сомнѣваясь въ виновности Костылевыхъ, съ силой ударяетъ хозяина и въ дракѣ, почти нечаянно, убиваетъ его.

Василиса съ торжествомъ выдаетъ измѣнившаго ей возлюбленнаго и призываетъ властей; Васька грозитъ и ее запутать въ судебный процессъ; онъ напоминаетъ, что она сама подговаривала его избавить ее отъ мужа. Это признаніе совершенно ошеломляетъ Наташу: ей теперь кажется, что все это нарочно было подстроено, чтобы привести въ исполненіе преступный замыселъ Василисы; она больше не вѣритъ искренности прежнихъ признаній и обѣщаній Васьки; она отказывается отъ него навсегда и съ воплями и стонами оплакиваетъ свою погибшую мечту.

На этой тяжелой сценѣ оканчивается третій актъ: нѣтъ больше старичка Луки, который бы съумѣлъ, быть можетъ, и предупредить несчастье, или, во всякомъ случаѣ, выяснилъ бы правду, вразумилъ бы каждаго и удержалъ Наташу отъ послѣдняго, рокового шага, на который она съ отчаянія вскорѣ рѣшится.

Отсутствіе Луки въ такой важный моментъ еще болѣе оттѣняетъ все значеніе того, что онъ могъ бы сдѣлать. И въ послѣднемъ дѣйствіи, хотя его нѣтъ, но его вліяніе чувствуется все время. Вспоминаются его рѣчи, досказывается и комментируется его своеобразная философія «изъ себя»—почему не всегда правда излечиваетъ души, какъ это люди живутъ для лучшаго («всякъ думаетъ для себя проживаетъ, анъ выходитъ, что для лучшаго»), и т. п.

Роль толкователя рѣчей старца принимаетъ на себя въ IV актѣ Сатинъ. Мы опять въ ночлежкѣ, гдѣ немногое перемѣнилось, хотя теперь владѣютъ ею другіе хозяева: торговка Квашня, взявшая-таки себѣ въ «сожители» Медвѣдева и довольно безцеремонно имъ командующая, но благодушно, безъ затаенной злобы и ехидства Василисы, которая теперь предана суду вмѣстѣ съ Василіемъ. Наташа выздоровѣла отъ побоевъ и ожога, но тотчасъ же пропала безъ вѣсти. Налицо только прежніе жильцы ночлежки. И вотъ они вспоминаютъ прошлое; досказывается исторія каждаго изъ знакомыхъ уже намъ лицъ; Сатинъ разводитъ теперь, какъ бы въ дополненіе къ рѣчамъ Луки, и свою философію о томъ, напримѣръ, что «правда—въ человѣкѣ»; «все въ человѣкѣ и все для человѣка»; «надо уважать человѣка, не жалѣть—не унижать его жалостью»; «человѣкъ выше сытости» и т. п. Пытается онъ разъяснить, почему по временамъ и ложь полезной бываетъ, впрочемъ, съ оговоркой, что это только для слабыхъ людей: «А кто самъ себѣ хозяинъ, кто независимъ и не жретъ чужого, зачѣмъ тому ложь? Правда — богъ свободнаго человѣка»; и т. д. Все это очень красиво, но Сатинъ какъ-то уже слишкомъ резонируетъ и его проповѣдь свободной личности нѣсколько заходитъ за предѣлы намѣченнаго передъ нами жизненнаго типа. Впрочемъ, во всей пьесѣ только въ этомъ единственномъ случаѣ мы замѣтили нѣкоторый перевѣсъ разсудочныхъ, надуманныхъ положеній надъ правдивостью художественнаго образа. Пьеса закан-

чивается сценой попойки и пѣніемъ пѣсни, которое внезапно нарушается извѣстіемъ, что на дворѣ несчастный актеръ-алкоголикъ все-таки повѣсился. И опять приходится вспоминать Луку и, такъ сказать, ощущать его отсутствіе послѣ того, какъ намъ показано было, какъ много онъ могъ сдѣлать своимъ умнымъ и добрымъ вмѣшательствомъ въ дѣла людей. Ничего не сбылось изъ того, что затѣялъ онъ для лучшаго устроенія жизни своихъ случайныхъ товарищей по ночлежкѣ, но авторъ, очевидно, и не могъ имѣть въ виду представить его дѣйствительнымъ «благодѣтелемъ», «Провидѣніемъ», «добрымъ геніемъ» и т. д. Этотъ пріемъ былъ бы совершенно неумѣстенъ. Достаточно того, что авторъ показалъ намъ самый типъ ищущаго правды и въ тоже время жалѣющаго людей странника и указалъ на то многое *возможное* въ улучшеніи ихъ участи, которое достигалось его участливымъ вниманіемъ. Жизнь взяла свое и опустившіеся «на дно» люди не могли выбраться оттуда снова на поверхность, на свѣтъ и волю, и все же что-то свѣтлое, хорошее остается въ душѣ послѣ представленія пьесы Горькаго. Вездѣ мелькаютъ свѣтъ и тѣни, но тѣневые контрасты, въ концѣ-концовъ, только усиливаютъ впечатлѣніе свѣта, который, думается, все же когда-нибудь, хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ, пересилитъ царство мрака. Да и нѣтъ его, этого безпросвѣтнаго мрака, даже «на днѣ» людской жизни, ибо и тамъ «люди—человѣки», и туда проникаетъ свѣтлый лучъ, хотя бы въ видѣ этого славнаго старичка, который такъ искусно умѣетъ пробуждать человѣческое и въ «бывшихъ» людяхъ.

Такимъ образомъ, выходитъ въ результатѣ, что и при созерцаніи низменной, «голой» правды жизни въ произведеніи искусства, можно вынести не одни только угнетающія, тяжелыя, но и отрадныя чувства, ощутить высокій подъемъ духа, испытать нравственное удовлетвореніе и это, конечно, благодаря «углу зрѣнія» художника, который, воспроизводя дѣйствительность, выступаетъ въ значительной мѣрѣ и ея толкователемъ.

Въ живыхъ и мастерски очерченныхъ образахъ, при описаніи ужасной судьбы подонковъ общества, М. Горькій показалъ намъ ихъ со стороны уцѣлѣвшихъ и въ нихъ общечеловѣческихъ свойствъ и прояснилъ значеніе двоякой правды, которая должна управлять людскими отношеніями: есть правда-любовь, которой назначеніе доставлять хотя бы кратковременное облегченіе безнадежно больнымъ. Она допускаетъ для «слабыхъ душою» утѣшительныя грёзы, какъ бы онѣ ни расходились съ правдой-истиной. Но это, очевидно, временный палліативъ. Любовь сдается порою на компромиссы, но даже она не въ состояніи исцѣлить человѣка, если не опирается на настоящей, истинной правдѣ, которая есть «богъ свободнаго человѣка».

Замѣтимъ на послѣдокъ, что многіе изъ афоризмовъ Луки такъ хороши, что они сохраняютъ самостоятельное значеніе и внѣ пьесы; о другихъ, если придавать имъ слишкомъ категорическій смыслъ, могутъ быть разныя мнѣнія, но правъ Лука въ своемъ замѣчаніи, что, вѣдь, часто бываетъ и такъ, что «не въ словѣ дѣло, а почему слово говорится».

Постановка и исполненіе «На днѣ» не оставляетъ желать лучшаго. Ярко, сочно и рельефно намѣченные авторомъ образы передаются артистами художественнаго театра съ удивительной жизненностью. Задача —

не совсѣмъ легкая даже для опытныхъ исполнителей, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей построенія пьесы: въ ней нѣтъ того, что называется дѣйствіемъ въ строгомъ смыслѣ слова, и интрига, едва начавшись, круто обрывается въ третьемъ актѣ, гдѣ почти непосредственно слѣдуютъ одна за другой и сцена помолвки Василія съ Наташей, и окончательный разрывъ между ними, послѣ чего данныя лица уже больше не появляются. По своей архитектоникѣ пьеса М. Горькаго не столько драма, въ смыслѣ цѣльности фабулы, какъ рядъ сценъ, объединенныхъ, какъ указано, одной центральной фигурой странника и отвлеченнымъ интересомъ высказываемыхъ его устами идей, которыя проясняются на конкретныхъ примѣрахъ. Кѣмъ-то правильно было замѣчено, что къ пьесамъ Горькаго нельзя примѣнять обычныхъ критеріевъ въ оцѣнкѣ драматическихъ произведеній. Онъ очень своеобразенъ, и если, въ виду яркой талантливости автора, которая сказалась и въ общемъ, и въ частностяхъ, можно поступиться теоріями, когда выполнено главное условіе успѣха пьесы—умѣнье поддерживать все время интересъ въ зрителяхъ, — то все же для артистовъ труднѣе выполнять отдѣльныя сцены, при сразу намѣченной и почти цѣликомъ исчерпывающейся характеристикѣ типовъ, чѣмъ провести роль на протяженіи нѣсколькихъ актовъ, встрѣчая поддержку въ интригѣ драмы и въ органической цѣлостности содержанія. Авторъ по отношенію почти къ каждому изъ дѣйствующихъ лицъ прямо приводитъ насъ къ кризису, вершающему его судьбу. Подводятся какъ бы итоги нѣсколькихъ жизней и если мы узнаемъ изъ разсказовъ, по мѣрѣ хода пьесы, о прошломъ этихъ людей, то все же характеры не развиваются у насъ передъ глазами; въ нихъ не совершается ни перелома ни «эволюціи»; они даны готовыми съ самаго начала, какъ въ новеллахъ, какъ въ жанровыхъ картинахъ. Артисты Художественнаго театра мастерски справились съ представленной имъ задачей. Изъ мужскихъ ролей особенно хорошъ былъ г. Москвинъ, игравшій странника Луку. Намъ еще не доводилось видѣть этого молодого, даровитаго артиста, пріобрѣтшаго заслуженную извѣстность, какъ прекрасный исполнитель Ѳедора Іоанновича, въ драмѣ гр. А. Толстого, сына Крамера въ пьесѣ Гауптмана, поручика въ «Трехъ сестрахъ» А. Чехова и т. д. и т. д., на такомъ нѣсколько неожиданномъ для насъ амплуа. Между тѣмъ, передъ нами оказался живой типъ, превосходно выдержанный отъ начала до конца, безъ всякой утрировки и безъ подчеркиванія сентенцій, на что легко было бы сбиться менѣе чуткому актеру именно въ этой роли. Г. Станиславскій былъ очень интереснымъ Сатинымъ и, по обыкновенію, блеснулъ отдѣлкой деталей въ своей роли. Г. Лужскій создалъ весьма типичнаго картузника пропоицу (Бубновъ). Очень хорошъ былъ г. Качаловъ въ роли «барона»: контрастъ между теперешнимъ жалкимъ положеніемъ этого бывшаго представителя свѣтскаго общества и усвоенными имъ съ дѣтства привычками «хорошаго тона», эта смѣсь благопріобрѣтенныхъ, послѣ своего паденія, пріемовъ жулика съ воспоминаніями объ обязанностяхъ «порядочнаго человѣка», были мастерски переданы, и бѣдный баронъ въ исполненіи г. Качалова вызывалъ къ себѣ не гадливое чувство презрительности, а былъ именно жалокъ, мѣстами даже трогателенъ. Изъ женскихъ ролей, отмѣтимъ въ высшей степени характерную, рельефную передачу роли Насти г-жею Книпперъ. Артистка

сумѣла до такой степени преобразовать себя,—не только наружность, но и голосъ, походку, жесты и т. п.—что была совершенно неузнаваема: передъ нами стояла несчастная, испитая, экзальтированная дѣвушка, во всемъ ужасѣ разлада между овладѣвшими ею грезами и дѣйствительностью. Наташу играла г-жа Андреева, сохранившая при передачѣ этой симпатичной роли, вполнѣ умѣстно въ данномъ случаѣ, присущую ей обаятельность и изящную простоту въ игрѣ. Весьма типичной Василисой была г-жа Муратова. Да и всѣ исполнители и исполнительницы оказались вполнѣ удовлетворительными, съ небольшими оттѣнками, такъ что можно ограничиться ихъ простымъ перечнемъ: Медвѣдева игралъ г. Грибунинъ, Квашню—г-жа Самарова, Костылева—г. Бурджаковъ, Ваську Пепла — г. Харламовъ, актера, — г. Громовъ, Клеща — г. Загаровъ, Алешку (портного) — Адашевъ, и даже такія эпизодическія роли, какъ двухъ крючниковъ, поручены были выдающимся артистамъ — гг. Вишневскому (татаринъ) и Баранову (Кривой Зобъ). Особенностью труппы московскаго художественнаго театра является, какъ извѣстно, равномѣрное отношеніе ко всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ пьесы, безъ различія между «главными» и «не главными» ролями. Умѣлое режиссерство Вл. И. Немировича-Данченко не допускаетъ выдѣленія личностей въ ущербъ цѣлому: на первомъ планѣ стоитъ пьеса и замыселъ автора, который выполняется съ наивозможной добросовѣстностью во всѣхъ деталяхъ. Въ данномъ случаѣ, именно при постановкѣ «На днѣ», мы не замѣтили и никакихъ особыхъ «приправъ» по монтировочной части, что весьма выгодно отразилось на общемъ впечатлѣніи отъ спектакля. И если между «сосьетерами» московской труппы есть исполнители, выдающіеся по таланту, потому что болѣе другихъ одарены по природѣ, то они отнюдь не заслоняютъ остальныхъ и вліяніе школы благотворно чувствуется на всемъ ансамблѣ. Въ этомъ отношеніи, на примѣрѣ московскаго художественнаго театра мы видимъ какъ бы живое опроверженіе одного изъ афоризмовъ, высказываемыхъ въ пьесѣ М. Горькаго спившимся съ круга актеромъ, что-де образованіе ничто, а вся суть лишь въ талантѣ. «Школа»—это же и есть образованіе. Но мы можемъ зато примѣнить, въ нѣсколько измѣненномъ значеніи и въ другомъ пріуроченіи, иное замѣчаніе одного изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, которое представляется желаемымъ принципомъ всякой общественной организаціи, и умѣстно не только «на днѣ»: въ труппѣ художественнаго театра, благодаря общему служенію единой цѣли—искусству—тоже нѣтъ «господъ»: здѣсь всѣ художники, преданные исключительно своему дѣлу.

Оказанныя всей труппѣ, артистамъ и режиссерамъ, оваціи на первомъ представленіи пьесы и полный, вполнѣ заслуженный тріумфъ автора достаточно свидѣтельствуютъ сами по себѣ о томъ впечатлѣніи, которое производитъ его новое, прекрасное произведеніе. Этотъ незабвенный вечеръ былъ настоящимъ праздникомъ искусства и человѣчности.

Ѳ. Батюшковъ.

19-го декабря 1902 г.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Энергетическая натуръ-философія.

I.

За послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ въ средѣ естествоиспытателей все рѣзче и рѣзче проявляется стремленіе связать точныя науки съ «философіей» и психологіей, вѣрнѣе, научный фактъ — съ теоріей познанія. Отчасти это стремленіе вызвано реакціей противъ матеріалистической метафизики, но имѣется и болѣе самостоятельная причина: исканіе новыхъ, болѣе общихъ символовъ, которые могли бы охватить и систематизировать растущую съ поразительною быстротой груду фактическаго матеріала.

Къ этой работѣ естественно-исторической мысли нашъ журналъ относился всегда съ особенною чуткостью, и мы въ своихъ фельетонахъ будемъ знакомить читателя не только съ новыми научными фактами, но и съ новыми мыслями и философскими обобщеніями въ области естествознанія.

Кромѣ этихъ попытокъ связать естественно-историческіе факты съ теоріей познанія, для послѣдняго времени характерно все усиливающееся значеніе въ наукѣ принципа энергіи, что, по нашему мнѣнію, объясняется, между прочимъ, той же быстротой накопленія фактическаго матеріала.

Только что вышедшая *) книга извѣстнаго нѣмецкаго ученаго проф. Вильгельма Оствальда «Натуръ-философія» является наиболѣе смѣлой и наиболѣе широкою попыткой подобнаго рода: съ одной стороны, его энергетическая картина охватываетъ весь міръ, начиная съ мертвой природы и кончая человѣкомъ, съ его сознательной, научной и художественной дѣятельностью, съ другой — символы энергіи Оствальдъ стремится вывести изъ нашей психики — изъ нашихъ переживаній. Онъ называетъ себя натуръ-философомъ, такъ какъ признаетъ совершенно правильной идею Шеллинга: мышленіе и бытіе тожественны. Ошибка Шеллинга, по мнѣнію Оствальда, заключалась въ томъ, что Шеллингъ считалъ, что эта тожественность уже осуществлена, тогда какъ полное взаимное приспособленіе мышленія и внѣшняго міра только далекій, можетъ быть, неосуществимый идеалъ, и формула эта драгоцѣнна только какъ программа развитія мышленія. Въ новой натуръ-философіи мы должны, по мнѣнію автора,

*) Вильгельмъ Оствальдъ. «Натуръ-философія», лекціи, читанныя въ лейпцигскомъ университетѣ; на нѣмецкомъ языкѣ книга появилась въ концѣ 1901 года, на русскомъ языкѣ—въ концѣ 1902 г. Переводъ сдѣланъ Г. А. Котляръ подъ ред. М. М. Филиппова.

учиться измѣнять и улучшать наше мышленіе, сообразно съ данными опыта. Оствальдъ сознается, что такого рода работа крайне трудна, такъ какъ, приступая къ постройкѣ, мы должны уже пользоваться средствами, которыя предполагаютъ самое зданіе готовымъ: словами, методами умозаключенія и т. д.

Оствальдъ придерживается того позитивнаго положенія, что все наше знаніе зиждется на нашихъ *переживаніяхъ*; благодаря способности припоминанія мы сравниваемъ то, что переживаемъ въ данный моментъ съ тѣмъ, что переживали раньше, причемъ сходныя переживанія выступаютъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ чаще мы ихъ сознательно переживали *). Путемъ этого сравненія, т.-е. путемъ отыскиванія общихъ и повторяющихся чертъ, образуются *понятія* и получается возможность «умозаключить отъ прошлаго черезъ настоящее къ будущему» и дѣйствовать цѣлесообразно — наиболѣе существенная черта того, что мы зовемъ опытомъ.

Образовавшіяся понятія являются для насъ уже правилами, по которымъ мы разбираемся въ дальнѣйшихъ нашихъ переживаніяхъ и такимъ образомъ «наблюдаемъ опредѣленныя особенности явленія». Понятія мы не только образуемъ сами, какъ индивидуумы, но и получаемъ по наслѣдству отъ нашихъ предковъ. Разъ мы находимъ въ нашихъ переживаніяхъ даннаго момента нѣкоторые изъ элементовъ какого-нибудь уже установившагося у насъ понятія, то мы умозаключаемъ, т.-е. высказываемъ предположеніе о существованіи цѣлаго явленія, соотвѣтствующаго данному понятію.

Образовавшіяся понятія люди передаютъ другъ другу при помощи рѣчи и письма. Но, предупреждаетъ Оствальдъ, наша рѣчь есть не только хранилище цѣлесообразныхъ понятій, но и такихъ, которыя совершенно устарѣли и часто могутъ вводить только въ заблужденіе; поэтому авторъ предлагаетъ «создать рядомъ съ роднымъ языкомъ общій, простой, дѣловой научный языкъ, который въ международныхъ сношеніяхъ принесетъ несравненно больше пользы, чѣмъ желѣзная дорога и телеграфъ».

Первое понятіе, которое мы получаемъ изъ непрерывнаго потока нашихъ переживаній есть понятіе *вещи*; имъ Оствальдъ обозначаетъ переживаніе, которое мы ощущаемъ отдѣленнымъ или отличнымъ отъ другихъ, что познается отдѣльно отъ всего прочаго. Такимъ образомъ вещами Оствальдъ зоветъ не только тѣ объекты внѣшняго міра, которые и въ обыденной рѣчи называются вещами, но и переживанія, не связанныя съ органами чувствъ: рѣшеніе, мысль, сужденіе. Вообще переживанія можно раздѣлить на двѣ группы. Одни изъ нихъ могутъ быть вызваны нами по произволу, другія—нѣтъ, послѣднія мы получаемъ при посредствѣ нашихъ органовъ чувствъ, они не зависятъ отъ нашей воли и мы относимъ ихъ къ понятію внѣшняго міра. Между этими двумя группами имѣются, конечно, переходныя. Слѣдовательно, внѣшній міръ мы можемъ опредѣлить, «какъ сумму такихъ переживаній, возникновенію которыхъ содѣйствуютъ наши органы чувствъ». Какъ остроумно замѣчаетъ Оствальдъ, «вопросъ не въ томъ, существуетъ-ли внѣшній міръ, а въ томъ, какія наши переживанія мы объединяемъ подъ именемъ внѣшняго міра».

*) Оствальдъ и книгу свою посвящаетъ Эрнсту Маху и признается, что наибольшее вліяніе на развитіе его идей оказалъ Махъ и Робертъ Майеръ.

Мы не послѣдуемъ далѣе за авторомъ въ его анализѣ нашей психики, такъ какъ дальнѣйшіе выводы автора въ данной области не необходимы для построенія энергетическаго ученія.

II.

Что же такое энергія?

Изъ опыта мы знаемъ, что различныя тѣла приводятся въ движеніе не съ одинаковой легкостью: для того, чтобы поднять булавку или желѣзную гирю нужно произвести различныя усилія. Такое усиліе есть то, что обыкновенно зовется работой. Мы знаемъ, что послѣ совершенія нѣкоторой работы наша способность работать, нашъ запасъ работы истощается. Запасъ этотъ возстановляется черезъ нѣкоторое время, благодаря принятію пищи. «Мы знаемъ также, что одна работа можетъ быть превращена въ другую. Если я держу веревку за одинъ конецъ, то могу другимъ ея концомъ произвести работу и перенести ее въ такое мѣсто, гдѣ я самъ не нахожусь. Работа, слѣдовательно, есть величина, которая можетъ быть перенесена съ одного мѣста на другое. Работа, которую я произвожу, когда завожу свои часы, служитъ въ теченіе 24-хъ часовъ для того, чтобы приводить въ движеніе часы: работа, слѣдовательно, можетъ быть запасаема. Наконецъ, работа можетъ претерпѣвать превращенія, такъ какъ съ помощью машинъ всякаго рода я могу осуществить такія работы, которыхъ я не могъ бы сдѣлать безъ ихъ помощи; я могу, напримѣръ, съ помощью рычага поднять такой тяжелый камень, который я не могъ бы сдвинуть съ мѣста безъ этого орудія». При этомъ наблюдается законъ, что при всякомъ превращеніи количество работы не можетъ быть увеличено. Это количество работы измѣряется какъ извѣстно, произведеніемъ силы на путь, т.-е. величины преодолѣваемаго сопротивленія на разстояніе, на которое передвигается данная тяжесть. Количество такой механической работы можетъ быть превращено не только въ другую механическую работу, но и во всякія другія работы: въ теплоту, электрическую, химическую работу и т. д. Эти другія формы обыкновенно называютъ энергіями.

Такимъ образомъ, энергія есть работа или все, что изъ работы возникаетъ и въ нее превращается. Энергія подчинена также закону сохраненія, какъ и работа: въ 1842 г. Робертъ Майеръ установилъ законъ, гласящій, что при всѣхъ превращеніяхъ полное количество существующихъ энергій остается неизмѣннымъ. Вся дѣятельность нашихъ органовъ чувствъ обусловливается тѣмъ, что въ нихъ совершаетъ работа: мы слышимъ, такъ какъ колебанія воздуха производятъ работу на барабанной перепонкѣ и во внутреннемъ ухѣ; мы видимъ, такъ какъ лучистая энергія вызываетъ на сѣтчатой оболочкѣ глаза химическую работу, которую мы ощущаемъ, какъ свѣтъ; обоняніе и вкусъ также обусловлены химической работой въ полостяхъ носа и рта; когда мы осязаемъ твердое тѣло, мы ощущаемъ механическую работу, которая производится сжатіемъ концовъ нашихъ пальцевъ, а также и осязаемаго тѣла. «Только черезъ трату энергіи или работы мы узнаемъ о томъ, какъ устроенъ внѣшній міръ и какія онъ имѣетъ свойства. Вся природа представляется намъ съ этой точки зрѣнія, какъ распредѣленіе въ пространствѣ и времени различныхъ видовъ энергіи

измѣняющихся во времени и пространствѣ. И мы узнаемъ объ этомъ мірѣ только въ той мѣрѣ, въ которой эти энергіи переходятъ на наше тѣло и въ особенности на наши органы чувствъ, спеціально приспособленные для воспринятія опредѣленныхъ видовъ энергіи».

На основаніи такихъ соображеній Оствальдъ и стремится построить исключительно энергетическое міросозерцаніе, совершенно не пользуясь понятіемъ матеріи. Прежде всего встаетъ, конечно, вопросъ, какъ понять энергетически самую матерію и тѣла? Какъ, напримѣръ, объяснить форму, протяженность, тяжесть тѣлъ?

Твердое тѣло имѣетъ опредѣленную форму, которую все же въ незначительной степени можно измѣнить механическимъ воздѣйствіемъ. Съ прекращеніемъ этого воздѣйствія тѣло вновь принимаетъ первоначальную форму. Слѣдовательно, говоритъ Оствальдъ, измѣненіе формы тѣла произошло потому, что къ нему была приложена работа. Оно поглощаетъ эту работу и сохраняетъ ее до тѣхъ поръ, пока сохраняетъ измѣненную форму; по мѣрѣ того, какъ оно вновь принимаетъ первоначальную форму, оно все болѣе и болѣе тратитъ на это работу, и когда приметъ, наконецъ, первоначальную форму, тогда вся работа истрачена. Это свойство называетъ упругостью. Работа или энергія, поглощенная упругимъ тѣломъ, зависитъ отъ его формы и поэтому называется *энергіей формы*. Твердое тѣло сохраняетъ свою форму потому, что каждое измѣненіе ея связано съ поглощеніемъ энергіи, но послѣдняя не можетъ возникнуть изъ ничего и потому твердое тѣло не можетъ безъ притока энергіи со стороны перейти изъ обычнаго своего состоянія, когда оно обладаетъ минимальнымъ запасомъ энергіи формы, въ измѣненное состояніе съ большимъ запасомъ энергіи. Сохраненіе энергіи твердымъ тѣломъ есть необходимое слѣдствіе закона сохраненія энергіи.

Форму тѣла можно измѣнять также и равномѣрнымъ всестороннимъ сжатіемъ; тогда данное тѣло остается геометрически себѣ подобнымъ, но только пріобрѣтаетъ меньшій объемъ. Здѣсь примѣнимо то же разсужденіе, что и въ предыдущемъ случаѣ, только вмѣсто энергіи формы появляется *энергія объема*; твердое тѣло до тѣхъ поръ, пока къ нему нѣтъ притока энергіи со стороны должно сохранять свой объемъ. Такимъ образомъ «при осязаніи мы въ дѣйствительности ощущаемъ пространственныя условія энергіи формы и объема; опредѣленіе существованія какого-нибудь «тѣла» съ помощью осязанія, которое не безъ основанія считается самымъ вѣрнымъ признакомъ фактическаго присутствія «тѣлесной» вещи, не обнаруживаетъ ничего болѣе, какъ только существованіе этихъ особыхъ энергій».

Явленія разрыва и ломки также получаютъ у Оствальда энергетическое объясненіе. При сгибаніи, крученіи и т. п., различныя части тѣла получаютъ различныя количества энергіи формы, и если на какомъ-нибудь мѣстѣ тѣла это количество превышаетъ максимальный предѣлъ, то на этомъ мѣстѣ излишекъ работы долженъ принять другія формы. Наступающіе въ такомъ случаѣ процессы ломанія и т. п. характеризуются образованіемъ новыхъ поверхностей на тѣлѣ. Для увеличенія поверхностей также необходима работа и, слѣдовательно, нужно допустить что существуетъ особая *энергія поверхности*. Въ твердыхъ тѣлахъ мы мало знакомы съ нею, сознается Оствальдъ, но для жидкостей эта

энергія хорошо извѣстна въ явленіяхъ капиллярности. Такимъ образомъ явленія разрыва, ломки и т. д. зависятъ отъ того, что излишняя работа переходитъ въ энергію поверхности тамъ, гдѣ не можетъ превратиться въ энергію формы.

Выдѣляетъ также Оствальдъ и *энергію движенія.* Свободно падающее твердое тѣло теряетъ пропорціонально проходимому пути часть своей *энергіи разстоянія.* Во что же превращается эта энергія? Въ *энергію движенія:* это тѣло пріобрѣтаетъ извѣстную скорость. Наоборотъ, когда тѣло, подброшенное вверхъ, увеличиваетъ свою энергію разстоянія, то скорость его пропорціонально уменьшается, и когда она становится равна нулю, тѣло начинаетъ падать, тогда снова энергія разстоянія начинаетъ уменьшаться, а скорость увеличиваться. Но энергія движенія зависитъ не только отъ скорости, но и отъ массы. Здѣсь Оствальдъ попадаетъ въ заколдованный кругъ, заявляя, что въ научной рѣчи «масса» не имѣетъ другого значенія, кромѣ отношенія къ энергіи движенія, выражающагося въ томъ, что энергія движенія возрастаетъ пропорціонально массѣ. Опытнымъ путемъ мы узнаемъ, что для того, чтобы при равной массѣ получить двойную скорость, мы должны работу учетверить. Потраченныя работы и возникающія отсюда энергіи движенія относятся между собой какъ квадратъ скоростей.

Какъ же устанавливается единица энергіи? Она установлена при помощи произвольно выбранной единицы массы. Послѣдняя равна грамму, иначе одной тысячной килограмма, приготовленнаго изъ платины и хранящагося въ Парижѣ. Какъ извѣстно энергія движенія равна половинѣ произведенія изъ массы на квадратъ скорости. Отсюда ясно, что единица массы (1 граммъ), движущаяся со скоростью одного сантиметра въ секунду (единица скорости) содержитъ половину единицы энергіи, иначе единица энергіи, называемая *эргомъ*, получается при движеніи 2 единицъ массы (2 грамма) со скоростью единицы (1 сантим. въ секунду).

Почему при опредѣленіи единицы энергіи — этой первоосновы всего — мы шли такимъ окольнымъ путемъ спрашиваетъ Оствальдъ. Оказывается потому, что единицы длины и массы могутъ быть съ большей легкостью и вѣрностью сохранены, чѣмъ какія бы то ни было другія единицы, особенно единицы энергіи единица же времени опредѣляется въ высшей степени точно съ помощи астрономическихъ явленій *).

Понятіе *инерціи* Оствальдъ объясняетъ съ точки зрѣнія энергетики слѣдующимъ образомъ.

Законъ сохраненія энергіи относится не только къ тѣмъ процессамъ, въ которыхъ одна форма энергіи переходитъ въ другія формы, но и къ такимъ, въ которыхъ этого перехода не наблюдается. Въ послѣднемъ случаѣ, слѣдовательно, энергія должна удержать свою величину и свой видъ. Если тѣло предоставлено «самому себѣ», т.-е., если не происходитъ обмѣна энергіи между

---

*) Мы вполнѣ согласны съ редакторомъ перевода книги Оствальда М. М. Филиповымъ, что Оствальду надо было попытаться дать болѣе удовлетворительное объясненіе этой сложности единицы энергіи. Мы, впрочемъ, убѣждены, что этого сдѣлать нельзя. Въ такое же затруднительное положеніе попадаетъ Оствальдъ, когда опредѣляетъ энергію, какъ произведеніе интенсивности, *не имѣющей характера величины*, на емкость. *В. Аг.*

нимъ и его средой, то должны оставаться безъ измѣненія и его масса, и скорость. Инерціей поэтому называется только тотъ фактъ, что энергія движенія сохраняетъ неизмѣнной свою величину до тѣхъ поръ, пока къ ней не присоединятъ какой-либо другой энергіи, измѣняющей эту величину. Тогда и скорость сохраняетъ свою величину и свое направленіе, т.-е. тѣло движется равномѣрно и прямолинейно или остается въ покоѣ, если оно раньше быловъ покоѣ.

«Загадка тяготѣнія» разрѣшается авторомъ принятіемъ особаго рода энергіи, зависящей отъ разстоянія между тѣлами — *энергіи разстоянія*, но входить въ разсмотрѣніе этой энергіи мы здѣсь не можемъ.

Переходимъ къ другимъ энергіямъ.

Электрическая и *магнитная* энергіи отличаются отъ большинства другихъ энергій тѣмъ, что не находятся въ связи съ нашими органами чувствъ. Оствальдъ объясняетъ это тѣмъ, что при обыкновенныхъ условіяхъ жизни не происходитъ значительныхъ накопленій этой энергіи. Большинство тѣлъ, благодаря почти всегда находящейся водѣ, болѣе или менѣе хорошо проводятъ электричество, вслѣдствіе чего, если даже и возникаютъ различія, то они быстро исчезаютъ. Поэтому нашъ организмъ и не нуждается въ контролѣ надъ этими энергіями. Магнитная энергія тоже существуетъ вездѣ, но такъ равномѣрно распредѣлена, что мы не замѣчаемъ ея присутствія, какъ не замѣчаемъ давленія атмосферы.

Техническое значеніе электрической (и магнитной) энергіи и обусловлено тѣмъ, что ее легче, чѣмъ всякій другой родъ энергіи, можно провести куда угодно; это свойство ея стоитъ въ связи съ другимъ, менѣе для насъ удобнымъ, это — незначительной способностью ея сохраняться.

Химическія энергіи проявляется при взаимныхъ превращеніяхъ веществъ. «Когда сгораетъ уголь или ржавѣетъ желѣзо, или происходитъ какой-либо другой изъ безчисленныхъ процессовъ, въ которыхъ одни вещества исчезаютъ, а другія являются на ихъ мѣсто, то всегда измѣняется содержаніе энергіи этихъ веществъ. При превращеніи въ одномъ направленіи энергія тратится, при превращеніи въ обратномъ направленіи столько же энергіи поглощается. Примѣняя только процессы, въ которыхъ энергія тратится, мы получаемъ возможность превратить эту энергію въ другія формы и такимъ образомъ ею пользоваться».

Многообразіе химическихъ процессовъ громадно. Въ жизненномъ процессѣ, какъ животнаго, такъ и растенія, также накопляется химическая энергія въ видѣ запаса для образованія изъ нея всѣхъ другихъ формъ энергіи. Вообще характернымъ признакомъ химической энергіи является ея способность сохраняться и сосредоточиваться, поэтому вездѣ, гдѣ нужно носить съ собой запасъ энергіи, пользуются исключительно химической энергіей, и великая техническая проблема будущаго состоитъ, по Оствальду, въ томъ, чтобы непосредственно изъ химической энергіи получать механическую.

Энергія формы, объема, движенія и химическая энергія встрѣчаются всегда совмѣстно и въ совокупности образуютъ то, что зовется матеріей. Тепловая и электрическая энергія тоже связаны съ матеріей, но могутъ отъ нея и отдѣляться. Еще болѣе, по мнѣнію Оствальда, независима отъ матеріи, т.-е. отъ дру-

гихъ родовъ энергіи, *лучистая энергія* *). Въ 9 минутъ доходитъ она отъ солнца до земли и на всемъ этомъ протяженіи не связана ни съ какой извѣстной намъ матеріей; она представляетъ періодическое явленіе съ весьма малымъ періодомъ.

Лучистая энергія, получаемая землей отъ солнца, является, какъ извѣстно, самымъ важнымъ источникомъ *свободной* энергіи, т.-е. такой энергіи, которая доступна превращеніямъ. Солнечные лучи, достигнувъ земли, превращаются, частью еще въ воздухѣ, а большею частью лишь на поверхности земли въ теплоту и вызываютъ движеніе воздуха, испареніе воды, дождь, снѣгъ, теченіе рѣкъ, процессы вывѣтриванія и пр.

Здѣсь мы имѣемъ односторонній потокъ энергіи, который изливается на землю солнцемъ и тамъ частью тратится непосредственно, частью же накопляется растеніями въ формѣ химической энергіи, чтобъ затѣмъ служить растеніямъ и животнымъ для выполненія ихъ жизнедѣятельности. Громадныя количества солнечной энергіи пропадаютъ для насъ еще безъ пользы.

Такимъ образомъ, матерія разлагается на пространственно соподчиненный комплексъ энергій, и всѣ физическія явленія подводятся подъ понятіе энергіи; все происходящее во внѣшнемъ мірѣ охарактеризовано, по мнѣнію Оствальда, «исчерпывающимъ образомъ, когда указывается родъ и количество тѣхъ энергій, которыя тратятся или превращаются въ данномъ процессѣ. Поскольку мы разсматриваемъ и наше тѣло, какъ часть внѣшняго міра, постольку мы можемъ и къ нему примѣнить ту же точку зрѣнія. Мы замѣчаемъ, что мы, какъ и всѣ другіе люди и даже всѣ организмы, должны поглощать энергію для того, чтобы выполнять различнаго рода дѣйствія». Наша духовная дѣятельность подчинена тому же закону, и эти явленія невозможны безъ измѣненій энергіи.

Но какія условія должны быть выполнены для того, чтобы наступило превращеніе энергіи? Для механическихъ энергій этотъ вопросъ разрѣшается относительно просто и для нѣкотораго числа механическихъ отношеній проблема равновѣсія заключаетъ въ себѣ и случаи превращенія энергіи. Равновѣсіе существуетъ въ такихъ образованіяхъ, при измѣненіи котораго сумма энергіи или не измѣняется (безразличное равновѣсіе), или увеличивается (устойчивое равновѣсіе); въ послѣднемъ случаѣ избыточная энергія превращается въ энергію движенія, а затѣмъ происходитъ періодическое взаимное превращеніе между этой энергіей и какой-нибудь другой формой энергіи. Примѣромъ такого рода можетъ служить маятникъ.

Случаи безразличнаго равновѣсія въ практическомъ отношеніи сводятся къ устойчивому, но мы не станемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе этого случая. Гораздо труднѣе было выяснить условія превращенія другихъ, не механическихъ энергій. Впервые проблема эта появилась по отношенію къ тепловой энергіи.

Развитіе паровой машины въ началѣ XIX вѣка поставило вопросъ, почему теплота въ состояніи производить работу. Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ данъ въ 1824 г. Сади Карно. Затѣмъ Клапейронъ, Вильямъ Томсонъ, Клаузіусъ

*) Оствальдъ совершенно отрицаетъ не только существованіе эѳира, но и гипотезу эѳира считаетъ вреднымъ балластомъ.

дали идеямъ Карно болѣе точную и общую формулировку и вывели изъ нихъ дальнѣйшія заключенія.

Прежде всего стало ясно, что въ пространствѣ съ постоянной температурой не происходитъ никакого процесса, съ помощью котораго можно было бы превратить теплоту въ работу. То же можно сказать и про среду, въ которой электрическое напряженіе вездѣ однородно: электрическихъ явленій въ такой средѣ не наступаетъ. То же относится и къ случаямъ изъ механики: въ средѣ съ равномѣрно распредѣленнымъ давленіемъ ничего не происходитъ. Свойство, отъ равномѣрнаго распредѣленія котораго въ данной средѣ зависитъ покой соотвѣтствующихъ энергій называютъ *интенсивностью.* Въ приведенныхъ выше случаяхъ это будутъ: температура, электрическое напряженіе, давленіе. Интенсивности не имѣютъ характера величинъ, такъ какъ ясно, что, напримѣръ, температуры нельзя складывать физически: если два тѣла съ равными температурами складываются, то все же температура остается прежней.

Интенсивности являются первымъ факторомъ соотвѣтствующихъ энергій вторымъ факторомъ ихъ будутъ *ёмкости.* Такъ, давленіе, помноженное на объемъ (второй факторъ) даетъ энергію объема, электрическое напряженіе, помноженное на количество электричества (второй факторъ)—электрическую энергію. Есть второй факторъ и у тепловой энергіи, это — такъ называемая *энтропія.* Температура помноженная на энтропію есть тепловая энергія.

Гельмъ формулируетъ слѣдующій законъ явленія: «Для того, чтобы что-либо произошло въ существующихъ энергіяхъ, должны существовать различія въ степени интенсивности». Почему интенсивность обладаетъ такимъ замѣчательнымъ свойствомъ? Потому, отвѣчаетъ Оствальдъ, что «равномѣрная интенсивность не есть принудительная причина, задерживающая событія, а только названіе существующаго въ наличности равновѣсія».

Итакъ для равновѣсія какой-нибудь формы энергіи необходимо только равенство одного фактора—интенсивности. Вспомнимъ, какъ устанавливаемъ мы равенство двухъ температуръ. Мы вносимъ термометръ въ одну среду и отмѣчаемъ, когда между этой средой и термометромъ установится равновѣсіе, затѣмъ поступаемъ такъ же со второй средой. Если мы находимъ, что и въ этомъ случаѣ устанавливается *такое же* равновѣсіе, какъ и въ первомъ случаѣ, мы заключаемъ, что такое же равновѣсіе скажется и между обѣими средами. Отсюда мы можемъ вывести слѣдующую законность: двѣ интенсивности, порознь равныя третьей, равны между собою.

На примѣрѣ маятника мы можемъ наблюдать, что всякое количество энергіи, составляющее избытокъ по отношенію къ равновѣсію, періодически переходитъ изъ одной формы энергіи въ другую, во всѣхъ другихъ энергіяхъ большею частью наблюдается то же, что и въ механической, но въ теплотѣ отсутствіе равновѣсія вызываетъ только уравниваніе температуръ и этимъ дѣло кончается. Такъ какъ съ другой стороны всѣ формы энергіи легко превращаются въ теплоту, а эта послѣдняя уравнивается и уже не образуетъ другихъ свободныхъ энергій, то на землѣ всѣ процессы протекаютъ такимъ образомъ, что количества энергіи, свободныя, т.-е. годныя къ употребленію, непрерывно уменьшаются и только непрерывный притокъ солнечной энергіи спасаетъ землю отъ покоя и смерти.

*

«Легкость возникновенія теплоты изъ другихъ энергій, неполнота ея обратнаго превращенія и отсутствіе препятствій ея стремленію къ распространенію до тѣхъ поръ, пока не достигнется состояніе равномѣрной интенсивности и, слѣдовательно, равномѣрной температуры—все это причины, выдвигающія на первый планъ на нашей землѣ процессы, протекающіе односторонне, необратимые и неперіодичные. Поэтому съ точки зрѣнія земныхъ явленій, время, какъ мы познаемъ его на опытѣ, направлено вполнѣ явственно въ одну сторону и разница между «раньше» и «позже» выступаетъ здѣсь самымъ рѣзкимъ образомъ». Изъ всѣхъ этихъ явленій съ ясностью вытекаетъ, что для каждаго уравновѣшенія энергіи необходимо время и все же уравновѣшеніе никогда не можетъ быть совершенно, такъ какъ по мѣрѣ теченія процесса различія въ интенсивности становятся все меньше, процессъ самъ себя замедляетъ.

Всѣ эти законности относятся не только къ температурамъ, но и къ электрическимъ напряженіямъ и ко многимъ другимъ интенсивностямъ: для всѣхъ ихъ необходимо время и всѣ они протекаютъ тѣмъ медленнѣе, чѣмъ дальше подвинулось уравновѣшеніе.

Разсмотрѣвъ всѣ извѣстные виды энергій, Оствальдъ задается вопросомъ, нельзя ли предугадать свойствъ еще неизвѣстныхъ энергій; существованіе же таковыхъ мы должны допустить. Онъ полагаетъ, что здѣсь нужно идти путемъ, аналогичнымъ тому, которымъ шелъ Менделѣевъ при установленіи своей періодической системы элементовъ и предсказаніи существованія еще неизвѣстныхъ тогда элементовъ. Энергія есть интенсивность, помноженная на емкость; составимъ таблицу первыхъ и вторыхъ и станемъ сочетать каждый членъ таблицы интенсивностей съ каждымъ элементомъ таблицы емкостей,—мы получимъ таблицу, содержащую всевозможныя энергіи. Изъ этой таблицы сразу исключится много невозможныхъ видовъ; такъ, напр., сразу исключатся всѣ отрицательныя энергіи, такъ какъ энергія величина положительная. Авторъ сознается, что давно уже занимается этимъ вопросомъ, но пока можетъ сказать только, что число возможныхъ энергій, вѣроятно, не превышаетъ значительно числа энергій уже извѣстныхъ.

III.

Перейдемъ теперь къ послѣдней части книги Оствальда, гдѣ онъ пытается примѣнить энергетику къ изученію организмовъ.

Характернымъ признакомъ всѣхъ живыхъ существъ Оствальдъ считаетъ *потокъ энергіи*, (обыкновенно называемой обмѣномъ веществъ), а затѣмъ способность *самосохраненія*, т.-е. способность удерживать извѣстныя состоянія при различныхъ воздѣйствіяхъ среды,—въ этомъ ихъ различіе отъ неорганизованныхъ образованій. Такое самодѣятельное самосохраненіе возможно только при *стаціонарной* формѣ существованія.

Такія стаціонарныя (стоячія) образованія существуютъ и въ неорганизованномъ мірѣ, напр., пламя лампы. Они характеризуются тѣмъ, что обмѣнъ энергій протекаетъ въ нихъ съ постоянной скоростью, вслѣдствіе чего кажется, что явленіе остается постояннымъ. Эти образованія основаны на самоурегулированіи; такъ, пламя лампы горитъ равномѣрно, потому что можетъ захватить

только то масло, которое ему доставляетъ свѣтильня; послѣдняя же, благодаря волосности, доставляетъ все новыя и новыя количества масла, а это зависитъ отъ того, что масло, вслѣдствіе сгоранія, непрерывно исчезаетъ на верхнемъ концѣ свѣтильни. Какъ только одно изъ этихъ условій прекращается, стаціонарное состояніе исчезаетъ и смѣняется устойчивымъ.

Самосохраненіе же организмовъ выражается въ томъ, что они сами пріобрѣтаютъ тотъ запасъ энергіи, который имъ необходимъ для сохраненія своего стаціонарнаго состоянія. Этотъ запасъ энергіи состоитъ у организмовъ исключительно изъ химической энергіи, причемъ только хлорофильныя растенія добываютъ ее изъ лучистой энергіи солнца, всѣ же остальныя—изъ запасовъ химической энергіи другихъ организмовъ.

Свои запасы энергіи организмы утилизируютъ путемъ окисленія свободнымъ кислородомъ веществъ, содержащихъ углеродъ (органическихъ веществъ). При простомъ химическомъ процессѣ эти вещества окисляются при обыкновенной температурѣ крайне медленно, слѣдовательно организмъ долженъ обладать какими-нибудь специфическими средствами, при посредствѣ которыхъ они могли бы то замедлять, то ускорять какъ это окисленіе, такъ и другіе, необходимые дли жизни химическіе процессы.

Такихъ средствъ три: во-первыхъ, нѣкоторыя (главнымъ образомъ теплокровныя) животныя сохраняютъ постоянную, независимую отъ окружающей среды, температуру и тѣмъ устанавливаютъ постоянную скорость важнѣйшихъ химическихъ процессовъ, во-вторыхъ, эти способы регулируютъ пространственныя отношенія реагирующихъ веществъ (т.-е. степень концентраціи растворовъ, поверхности соприкосновеніи твердыхъ частей съ растворами, объемъ и направленіе обмѣна и т. д.) и, въ-третьихъ организмы пользуются особыми веществами, такъ называемыми *катализаторами;* одни изъ этихъ веществъ—діастазы— переводятъ крахмалъ въ растворимую форму, другія—оксидазы—ускоряютъ процессъ окисленія.

Благодаря всѣмъ этимъ совершаемымъ организмомъ работамъ, онъ получаетъ возможность сохраняться постояннымъ, расти и разножаться. Смерть организма авторъ объясняетъ несовершенствомъ стаціонарнаго состоянія и саморегулированія, ведущаго, въ концѣ концовъ, къ тому, что «дѣйствія организма, тратящія энергію, берутъ верхъ надъ дѣйствіями, накопляющими энергіи, и организмъ умираетъ».

Такимъ образомъ, жизненный процессъ организмовъ Оствальдъ считаетъ вполнѣ цѣлесообразнымъ, но, конечно, не въ телеологическомъ смыслѣ. Цѣлесообразно, съ точки зрѣнія даннаго организма, все то, что увеличиваетъ продолжительность существованія, нецѣлесообразно, что ее уменьшаетъ.

Какими же физическими и химическими средствами достигаются цѣлесообразныя цѣли организма?

Оствальдъ сознается, что вслѣдствіе громадной сложности какъ жизненныхъ процессовъ, такъ и самихъ веществъ, изъ которыхъ построенъ организмъ, еще долго не можетъ быть и рѣчи объ энергетическомъ объясненіи жизненныхъ явленій шагъ за шагомъ, но все же въ нѣкоторыхъ явленіяхъ неорганическаго міра можно, по его мнѣнію, найти аналогіи жизненнымъ процессамъ, хотя и

въ самой грубой формѣ. Такъ, напр., переходъ веществъ питательной жидкости въ тѣло бактеріи авторъ сравниваетъ съ ростомъ кристалла въ пересыщенномъ (сверхъустойчивомъ) растворѣ: и то и другое явленіе происходитъ только потому, что переходъ вещества изъ жидкости въ тѣло бактеріи или въ твердый кристаллъ связанъ съ уменьшеніемъ свободной энергіи. Дѣленію клѣтки, образованію «покоющихся» формъ ея Оствальдъ находитъ также грубыя аналогіи въ образованіи кристалловъ. Поэтому, по его мнѣнію, весьма вѣроятно, что невозможность искусственнаго полученія организмовъ обусловлена «нашимъ незнакомствомъ съ тѣми условіями, при которыхъ нарушаются «сверхъустойчивыя границы» питательнаго раствора по отношенію къ органической жизни».

Но разъ можно найти такія аналогіи явленій жизни наипростѣйшихъ организмовъ, то въ виду несомнѣнной связи этихъ организмовъ съ высшими существуетъ нѣкоторая вѣроятность, что и болѣе сложныя явленія жизни могутъ имѣть физико-химическое объясненіе.

Также и *раздражительность* (т.-е. способность реагировать на внѣшнія воздѣйствія), это специфическое свойство живого существа, Оствальдъ считаетъ только «сложнымъ случаемъ общихъ отношеній» и сравниваетъ его, напр., съ реакціей стальной проволоки на воздѣйствіе, измѣняющее ея форму; эта проволока превращаетъ полученную работу въ энергію формы, которую она и тратитъ, принимая прежнюю форму.

Раздраженіе можетъ вызвать въ организмѣ разряженіе всѣхъ родовъ энергіи, за исключеніемъ магнитной. Электрическіе процессы сопровождаютъ, повидимому, всѣ явленія жизни, но процессы эти, въ большинствѣ случаевъ, крайне слабые; также невелико и относительно рѣдко выдѣленіе организмами лучистой энергіи. Несравненно болѣе важное значеніе имѣетъ развитіе у живыхъ существъ теплоты: напр., изъ химической энергіи мускуловъ не болѣе $^1/_3$ превращается въ механическую энергію, а $^2/_3$—въ теплоту. Для низшихъ организмовъ образованіе теплоты процессъ побочный и невыгодный, такъ какъ имъ не нужно поддерживать постоянной температуры тѣла, у высшихъ же онъ, видимо, имѣетъ громадное значеніе и, вѣроятно, служитъ для охраненія остальныхъ жизненныхъ процессовъ отъ замедленія, вслѣдствіе пониженія температуры.

Еще болѣе важной формой энергіи, создаваемой живыми существами является энергія механическая; несомнѣнно, что она получается изъ химической энергіи, вѣроятно, путемъ измѣненія осмотическаго давленія и поверхностнаго натяженія, а также и путемъ измѣненія энергіи поверхности.

Но самой важной работой организма является превращеніе различныхъ химическихъ энергій другъ въ друга, наибольшую роль при этомъ играютъ катализаторы. Клѣтка, развивъ опредѣленный катализаторъ, можетъ такъ ускорить образованіе одного изъ безчисленныхъ возможныхъ веществъ, что это вещество будетъ преобладать. Тогда становится понятнымъ, какъ можетъ, напр., организмъ человѣка образовать изъ одной и той же крови въ различныхъ своихъ органахъ весьма различныя вещества.

На допущеніи такихъ же каталитическихъ ускорителей строитъ Оствальдъ и грубую, конечно, аналогію между памятью и нѣкоторыми чисто химическими процессами.

IV.

Для завершенія энергетической картины міра Оствальдъ пытается выразить энергетически и всю нашу духовную жизнь. Прежде всего онъ указываетъ на тотъ безспорный фактъ, что всякій духовный процессъ сопровождается тратой энергіи, а послѣ сильнаго умственнаго напряженія наступаетъ даже полное истощеніе, т.-е. неспособность къ дальнѣйшей работѣ.

Этимъ явленіямъ истощенія мы найдемъ множество аналогій въ неорганизованномъ мірѣ, напр., часы истощены, когда грузъ опустился внизъ, или пружина потеряла напряженіе, но сообщивъ имъ новое количество энергіи, мы можемъ снова вызвать дѣятельность нашихъ часовъ; то же мы наблюдаемъ и въ организмахъ.

Различнаго рода соображенія приводятъ Оствальда къ отрицанію психоэнергетическаго параллелизма и къ допущенію, что въ духовныхъ процессахъ возникаетъ и подвергается различнымъ превращеніямъ особый родъ энергіи. Эта энергія развивается въ замѣтномъ количествѣ только при совершенно опредѣленныхъ условіяхъ, на что указываетъ, напр., тотъ фактъ, что количество и многообразіе духовныхъ отправленій возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ мы двигаемся кверху по эволюціонной лѣстницѣ организмовъ. Съ другой стороны, изслѣдованіе явленій раздраженія заставляетъ автора сдѣлать выводъ, что работа, произведенная въ нервѣ при воздѣйствіи на него раздражителя, переходитъ также въ особую—*нервную* энергію, которая и распространяется по нерву и вызываетъ или внѣшнее дѣйствіе (въ мускулахъ) или освобождаетъ другія количества энергіи, обладающія такими же нервными свойствами (въ гангліяхъ, въ спинномъ и головномъ мозгу). Для представленія нашихъ духовныхъ процессовъ достаточно понятія нервной энергіи.

Изучая явленія проводимости нервнаго раздраженія мы получаемъ объективное знаніе о существованіи нервной энергіи, въ фактахъ же сознанія лежитъ субъективный источникъ нашихъ знаній о нервной энергіи.

Прослѣдимъ судьбу нервной энергіи въ тѣлѣ. Здѣсь можно различить три процесса.

Во-первыхъ, притокъ внѣшней энергіи къ частямъ тѣла, снабженнымъ нервами, можетъ вызвать возникновеніе нервной энергіи, которая распространится вдоль по нерву и вызоветъ на другомъ концѣ его превращеніе въ другую нервную энергію, которая можетъ проявиться либо въ формѣ дѣйствія, либо въ формѣ такихъ явленій, которыя связаны съ сознаніемъ и съ процессами, происходящими въ большомъ мозгу. Эти послѣднія явленія возникаютъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда внѣшніи раздраженія вызываютъ дѣятельность нервной энергіи, но обладаютъ свойствомъ самимъ освобождаться почти въ неограниченномъ количествѣ; первые процессы сознанія насываются *ощущеніями*, вторые—*мыслями*.

Имѣется столько классовъ ощущеній, сколько органовъ чувствъ. Ощущеніямъ присуща неодинаковая ясность и сознательность, послѣднія опредѣляются отношеніемъ даннаго ощущенія къ произвольнымъ дѣйствіямъ. Существуетъ непрерывный переходъ между сознательными ощущеніями, менѣе созна-

тельными и, наконецъ, такими, которыя становятся сознательными только при наступленіи измѣненій или нарушеній нормальнаго жизненнаго процесса. Это приводитъ уже къ переходу отъ ощущеній къ чувствованіямъ. Большинство послѣднихъ группируется около главныхъ чувствованій удовольствія или неудовольствія.

Стаціонарному току энергіи, характеризующему нашу нормальную жизнь, соотвѣтствуетъ нейтральный «чувственный токъ». Всякое содѣйствіе этому току энергіи вызываетъ удовольствіе, а всякое нарушеніе его—неудовольствіе.

Чувствованія удовольствія и неудовольствія являются, слѣдовательно, средствами, дѣйствующими въ цѣляхъ сохраненія организма и развитіе ихъ объясняется цѣлесообразностью. Поэтому съ одной стороны съ чувствованіемъ удовольствія связаны процессы поглощенія и накопленія энергіи (ѣда, питье), съ другой—при избыточномъ запасѣ энергіи (молодость) наиболѣе интенсивнымъ чувствомъ удовольствія сопровождается трата этого запаса (напр. половой актъ). «Чувствованія удовольствія не могутъ усиливать тока до энергіи безконечности, потому что соотвѣтствующая затрата энергіи всегда мѣшаетъ этому усиленію; дѣйствіе ихъ заключается въ самосохраненіи. Наоборотъ, чувствованія неудовольствія, если они продолжаются долго, вызываютъ и уменьшеніе тока, и уменьшеніе величины поглощаемой энергіи, вслѣдствіе чего организмъ все болѣе и болѣе оказывается въ неблагопріятныхъ условіяхъ; они слѣдовательно, дѣйствуютъ на организмъ въ сторону его саморазрушенія».

Сознаніе Оствальдъ разсматриваетъ, какъ особаго рода энергію, дѣйствующую въ центральномъ органѣ. Что не всякая нервная энергія вызываетъ сознаніе видно уже изъ того, что значительное число нервныхъ аппаратовъ дѣйствуетъ и тогда, когда сознаніе прекращается. Энергетическій характеръ сознанія авторъ «доказываетъ» и слѣдующимъ, если и не вполнѣ убѣдительнымъ, то все же остроумнымъ образомъ.

«Все наше знаніе о внѣшнемъ мірѣ зависитъ отъ процессовъ, протекающихъ въ нашемъ сознаніи. Изъ общихъ составныхъ частей этихъ данныхъ нашего опыта мы въ видѣ самаго общаго понятія получили *понятіе энергіи*, и исходя изъ свойствъ этихъ данныхъ опыта и ихъ взаимныхъ отношеній, мы стали различать различные роды энергіи, превращающіеся другъ въ друга. Поэтому, будетъ вполнѣ послѣдовательно, если мы источникъ всѣхъ этихъ данныхъ, само наше сознаніе, приведемъ въ связь съ этимъ наиболѣе общимъ понятіемъ и скажемъ вмѣстѣ съ Кантомъ: Всѣ наши представленія о внѣшнемъ мірѣ субъективны въ томъ отношеніи, что мы воспринимаемъ точно такія явленія его, которыя соотвѣтствуютъ свойствамъ нашего сознанія. Что всѣ внѣшнія явленія могутъ быть представлены, какъ процессъ превращенія энергій, находитъ самое простое объясненіе въ томъ, что даже сами процессы нашего сознанія имѣютъ энергетическій характеръ, и этотъ характеръ ихъ отпечатлѣнъ на всѣхъ внѣшнихъ явленіяхъ нашего опыта».

Сознаніе можетъ быть связано съ процессами нервной энергіи въ какомъ угодно широкомъ объемѣ, такъ какъ чувственныя впечатлѣнія всякаго рода могутъ быть процессомъ, называемымъ «направленіемъ вниманія», превращены въ сознательныя ощущенія. Такимъ образомъ, теченіе нервно-энергетическаго процесса можетъ быть нами произвольно снабжено свойствомъ сознательности;

при этомъ мы получаемъ *сознательныя ощущенія, сознательныя мысли* и *сознательныя дѣйствія*.

Итакъ, авторъ разсматриваетъ дѣятельность сознанія, какъ энергетическій процессъ, который можетъ присоединяться къ обыкновенному духовному процессу, точнѣе къ обыкновенному превращенію нервной энергіи и появленіе котораго обусловливаетъ дальнѣйшую затрату энергій. Изъ впечатлѣнія развивается ощущеніе въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, и возрастаніе его получаетъ, выступая наружу, характеръ вниманія. Своеобразіе сознательнаго мышленія проявляется въ припоминаніи и въ сравненіи, а своеобразіе сознательнаго дѣйствія—въ волѣ.

Такъ какъ только сознательно пережитыя явленія могутъ быть вызваны въ нашей памяти, то сознаніе можно считать средствомъ, которое облегчаетъ намъ накопленіе фактовъ и благодаря которому мы можемъ сравнивать прежнія переживанія съ новыми, образовать новыя понятія и такимъ образомъ предугадывать будущія явленія.

Наше «я», слѣдовательно, заключается въ нашихъ воспоминаніяхъ о томъ аппаратѣ, съ помощью котораго мы ихъ вызываемъ. Ребенокъ, не имѣющій еще никакихъ воспоминаній не имѣетъ еще своего «я», онъ еще не личность. Поэтому и единство, и самостоятельность нашего «я» состоитъ не въ его неизмѣняемости, а въ непрерывности его измѣненій и въ томъ фактѣ, что переживанія и воспоминанія, принадлежащія этому «я» возникли и существуютъ въ *одномъ* мозгѣ или умѣ и поэтому могутъ быть отнесены другъ къ другу. Разъ результатъ превращенія нервной энергіи достигаетъ внѣшняго міра—получается *дѣйствіе*; дѣйствія, протекающія безъ участія центральнаго мозгового аппарата называются рефлекторными, дѣйствія, сопровождающіяся сознаніемъ—волевыми. *Волѣ*, слѣдовательно, соотвѣтствуютъ только такіе процессы, при которыхъ организмъ выдѣляетъ энергію наружу; чѣмъ выше организмъ, тѣмъ шире и разнообразной эти процессы. Оствальдъ называетъ волевыми процессами только тѣ, которые сопровождаются сознаніемъ цѣли и средства и потому не считаетъ волевыми такія дѣйствія, которыя проявляются, напр., въ тропизмѣ и даже въ инстиктѣ. Инстиктивныя дѣйствія, по мнѣнію Оствальда, характеризуются тѣмъ, что они цѣлесообразны при нормальныхъ условіяхъ жизни и становятся безполезными и даже гибельными при измѣнившихся условіяхъ. Въ силу этого, переходъ отъ инстинктивныхъ дѣйствій къ сознательнымъ въ высшей степени полезенъ для сохраненія организма и дѣйствительно, въ эволюціи организмовъ, параллельно съ усложненіемъ условій жизни, мы видимъ все большее и большее усиленіе сознательности въ ущербъ инстинкту. Возникновеніе возбужденія воли предполагаетъ затрату энергіи, потому что само это возбужденіе есть энергетическій процессъ въ соотвѣтствующемъ органѣ. Процессъ этотъ разряжается другими формами нервной энергіи, которыя могутъ имѣть своимъ происхожденіемъ либо область ощущеній, либо область мышленія. При образованіи *волевой энергіи* происходитъ относительное разряженіе, а для этого въ соотвѣтствующемъ органѣ долженъ быть накопленъ запасъ энергіи (вѣроятно химической), чтобы могло совершиться превращеніе энергіи. Количество разряженій энергіи зависитъ, съ одной стороны отъ количества освобождающейся нервной энергіи (слѣдовательно, отъ силы ощущенія или мысли), а

съ другой—отъ того запаса энергіи, который можетъ быть превращенъ въ волевую энергію. Поэтому, возбужденія различной силы вызываютъ у одного и того же человѣка и возбужденіе воли различной силы, соотвѣтствующее относительному разрѣшенію. Съ другой стороны, побужденіе равной силы вызываютъ у различныхъ людей волевые акты различной силы, зависящіе отъ существующаго запаса способной къ превращеніямъ энергіи.

Тѣ индивидуумы, которые имѣютъ большой запасъ энергіи или способны пополнять его легко и скоро, будутъ болѣе сильны волею, и наоборотъ.

Какъ же относится Оствальдъ къ вопросу о *свободѣ воли?* Какъ и слѣдовало ожидать, онъ, признавая понятіе свободы воли, все же упраздняетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, какъ его обыкновенно разсматриваютъ. «Мы не должны спрашивать, свободна ли воля или нѣтъ, а должны только спросить, какъ мы соединяемъ наше ощущеніе свободной воли съ теоретическимъ требованіемъ, что все происходитъ согласно желѣзнымъ, вѣчнымъ законамъ». Духовные наши процессы происходятъ, конечно, закономѣрно и элементы, ведущіе къ какому-нибудь рѣшенію, не всѣ зависятъ отъ насъ, но тотъ способъ, которымъ эти элементы, приводятъ къ окончательному волевому процессу, есть уже слѣдствіе собственнаго нашего существа, а явленіе, само опредѣляющее свои отношенія, должно быть названо свободнымъ. Всѣ наши рѣшенія и дѣйствія обусловлены тѣмъ, что мы знаемъ думаемъ и ощущаемъ, что, слѣдовательно, образуетъ часть нашего собственнаго существа, а поэтому вся наша воля также, можетъ быть, названа свободной.

V.

Послѣднюю (двадцать первую) лекцію Оствальдъ посвящаетъ «*красотѣ и добру*».

Задачей и науки, и искусства является изученіе безконечнаго многообразія явленій и образованіе такимъ путемъ соотвѣтствующихъ понятій; наукой образуются отвлеченныя понятія, искусствомъ—конкретныя. И въ томъ и въ другомъ случаѣ работа заключается въ выдѣленіи общаго и повторяющагося и въ удаленіи частнаго и случайнаго.

Всякое художественное произведеніе есть переживаніе, отличающееся отъ всѣхъ другихъ переживаній только тѣмъ, что соотвѣтствующія впечатлѣнія наступаютъ не случайно, а вполнѣ цѣлесообразно выбраны и систематизированы. Эти впечатлѣнія вызываютъ соотвѣтствующія ощущенія и мысли, связанныя съ какимъ-нибудь наслажденіемъ или съ непосредственнымъ интересомъ.

Художественныя произведенія опредѣляются двумя факторами: во-первыхъ, тѣми средствами, съ помощью которыхъ вызываются чувственныя впечатлѣнія, во-вторыхъ, комплексомъ тѣхъ ощущеній и мыслей, которыя возникаютъ изъ этихъ впечатлѣній.

Принимая въ соображеніе оба эти принципа, Оствальдъ дѣлитъ искусства на *пространственныя* (живопись, ваяніе, архитектура*) и *временныя* (музыка, поэзія).

*) Архитектуру, впрочемъ, какъ не преслѣдующую только цѣли возбужденія пріятныхъ ощущеній, Оствальдъ относитъ вмѣстѣ съ художественными ремеслами въ переходную область.

«Временныя» искусства обращаются къ внутреннему нашему чувству и потому менѣе зависятъ отъ органовъ чувствъ. Съ какими же мыслями и ощущеніями связываемъ мы чувство удовольствія, возбуждаемое въ насъ художественными произведеніями?

Источникомъ всякаго чувства удовольствія, какъ мы уже говорили, Оствальдъ считаетъ «успѣшное превращеніе избыточной энергіи организма». Въ первыхъ начаткахъ художественныхъ произведеній элементомъ, возбуждающимъ удовольствіе, является «пространственный и временной ритмъ». Для иллюстраціи вспомнимъ то увлеченіе, съ которымъ ребенокъ повторяетъ непрерывно одну и ту же музыкальную фразу или складываетъ изъ палочекъ или кубиковъ примитивный орнаментъ. Здѣсь чувство удовольствія возникаетъ отъ ощущенія легкости выполненія, благодаря повторенію одного и того же мотива.

Въ музыкѣ этотъ принципъ является еще понынѣ основнымъ. Тоны, составляющіе гармонію и звучащіе одинъ за другимъ, связаны другъ съ другомъ простыми отношеніями соотвѣтствующихъ имъ колебаній, и составляютъ примитивную мелодію (сигналы охотниковъ, солдатъ).

Поэзія отличается отъ музыки тѣмъ, что она черпаетъ свой матеріалъ изъ внѣшняго міра. Поэтому, по мнѣнію Оствальда, ей гораздо труднѣе, чѣмъ музыкѣ, представить «тонкость, силу и многообразіе внутреннихъ нашихъ ощущеній» и для этой цѣли она охотно пользуется средствами музыки: ритмомъ и созвучіемъ. Здѣсь Оствальдъ дѣлаетъ довольно тонкое замѣчаніе. «Поэтому музыкѣ существуетъ опасность стать чисто разсудочной при слишкомъ большомъ развитіи формъ (контрапунктъ и фуга), между тѣмъ какъ поэзіи грозитъ та же опасность при слишкомъ сильномъ выдвиганіи матеріала мышленія и созерцанія. Съ другой стороны, для музыки опасно слишкомъ подробное, спеціализированное ощущеніе, такъ какъ воспроизведеніе его для слушателей или становится неточнымъ, или вообще не удается; та же опасность грозитъ поэзіи при слишкомъ подробномъ спеціализированіи случайныхъ явленій, связь которыхъ съ типическими формами не замѣчается уже читателями и слушателями».

Ни размѣръ нашего фельетона, ни цѣли его не позволяютъ намъ хотя бы вкратцѣ изложить болѣе подробно мысли Оствальда объ искусствѣ.

Кончаетъ свою книгу Оствальдъ небольшой экскурсіей въ область этики Всѣ дѣйствія человѣка, которыми онъ произвольно причиняетъ вредъ другимъ людямъ, говоритъ авторъ, называются злыми, добрыми же мы зовемъ такія дѣйствія, которыми человѣкъ облегчаетъ существованіе другихъ людей.

Дѣйствія человѣка тѣмъ выше съ моральной точки зрѣнія, чѣмъ больше эта жертва собственнымъ благомъ, которую этотъ человѣкъ принялъ своимъ дѣйствіемъ. «Наша радость доброму дѣлу характеризуется ощущеніемъ, что произошло нѣчто, что имѣетъ особое значеніе въ смыслѣ правильнаго и общаго устройства міра». Это нѣчто есть въ основѣ то же стремленіе къ самосохраненію, присущее всякому живому существу. Размноженіе Оствальдъ разсматриваетъ какъ удлиненіе индивидуальнаго существованія, поэтому любовь къ матери являтся выраженіемъ того же принципа самосохраненія, только перенесеннаго съ собственнаго тѣла на ту часть, которая отъ него отдѣлилась и

составила тѣло ребенка. Это же разсужденіе можно, по мнѣнію Оствальда, перенести на семью, племя, народъ.

Такимъ образомъ «существуетъ непрерывный переходъ отъ самаго грубаго эгоизма до самой безкорыстной доброты. Мотивъ, лежащій въ основѣ всякаго поведенія, остается всегда однимъ и тѣмъ же: это—стремленіе къ самосохраненію. Разница заключается только въ величинѣ того круга, который ограничиваетъ то, что мы называемъ своимъ. Чѣмъ этотъ кругъ больше, тѣмъ болѣе похвальнымъ, лучшимъ, моральнымъ мы считаемъ соотвѣтствующее дѣйствіе».

Но какъ великъ долженъ быть кругъ того, что мы зовемъ своимъ?

Здѣсь процессъ мысли Оствальда принимаетъ нѣсколько неожиданный характеръ: путемъ исключенія изъ этого круга сначала бактерій, затѣмъ коровъ и лошадей, а въ концѣ концовъ и «средняго человѣка», онъ приходитъ къ морали, довольно близкой къ нитцшеанству. «Въ *наилучшемъ* (?!) индивидуумѣ сконцентрирована такая полнота жизни и благопріятныхъ условій жизни, что значительныя жертвы для его развитія и сохраненія вполнѣ умѣстны. Но средній индивидуумъ, исчезновеніе котораго не оставитъ замѣтныхъ пробѣловъ въ мірѣ, не можетъ предъявить такихъ же притязаній на жизнь».

Страннымъ образомъ поддержку такой морали Оствальдъ видитъ «въ хорошихъ разсказахъ изъ русской народной жизни». Противорѣчія идутъ и дальше. Такъ, Оствальдъ утверждаетъ, что человѣкъ придавалъ донынѣ слишкомъ большое значеніе индивидууму, а книгу свою заканчиваетъ слѣдующею тирадой: «Человѣкъ тѣмъ лучше о себѣ заботится, чѣмъ больше кругъ людей, о которыхъ онъ заботится. Здѣсь лежатъ большею частью несознаваемые источники великихъ дѣлъ, которыми одна личность можетъ принести счастье многимъ, а въ возникающемъ здѣсь необъятномъ расширеніи собственнаго нашего «я» заключается причина того чувства высшаго счастья, которое ярко свѣтитъ тому, кому разъ удалось совершить такое дѣло».

VI.

Мы не можемъ здѣсь разбираться въ этихъ противорѣчіяхъ; намъ интересно отмѣтить только практическій, если хотите, соціологическій результатъ энергетической натурфилософіи, доведенной до конца: это, съ одной стороны, общее приниженіе личности, съ другой—возвышеніе ея въ лицѣ «наилучшихъ индивидуумовъ», съ одной стороны — обезличеніе, съ другой — духовный аристократизмъ.

Къ такимъ страннымъ, на первый взглядъ, выводамъ, и *должна* была придти энергетика. Чтобы освободиться отъ понятія матеріи *) и связанной съ нимъ атомной гипотезы, она вытравила изъ міропониманія индивидуальность, но въ то же время выводя самое понятіе объ энергіи изъ переживаній, ощущеній и мыслей, энергетическая философія должна была признать основное значеніе личности, по крайней мѣрѣ той, которая способна къ подобнаго рода абстрактнымъ построеніямъ. Отсюда конфликтъ и противорѣчіе.

Однимъ изъ главныхъ преимуществъ энергетическаго міропониманія передъ всѣми другими Оствальдъ видитъ въ томъ, что оно охватываетъ весь міръ: явленія «физическаго» и «духовнаго» міра.

Отчасти это такъ; но такая «всеобщность» возникла благодаря не энерге-

---

*) Между прочимъ, освободиться отъ этого такъ трудно, что и самъ Оствальдъ никакъ не можетъ избѣжать не только слова, но даже и понятія вещества. *В. А.*

тическому принципу, а позитивному началу, которымъ проникнута вся натуръфилософія Оствальда.

Собственно говоря, что такое все энергетическое «объясненіе» жизни, едва только намѣченное нами выше, какъ не болѣе или менѣе удачное описаніе происходящихъ явленій. Ясно, по крайней мѣрѣ, нынѣ, что матеріально-механическіе символы въ большинствѣ случаевъ нельзя примѣнить для такого описанія жизненныхъ явленій, такъ какъ и символы-то эти получились путемъ абстракціи, откинувшей отъ нихъ понятіе «живого». Энергетическіе же символы, наоборотъ, здѣсь очень удобны, такъ какъ и самое понятіе энергіи было установлено для жизненныхъ явленій.

Оствальдъ не даетъ нигдѣ, да и не можетъ дать общаго опредѣленія энергіи. «Энергія есть работа или все, что изъ работы возникаетъ и въ нее превращается». Понятіе же о работѣ цѣликомъ взято изъ явленій организованнаго міра. Ясно, что эти явленія описываются довольно удовлетворительно при помощи энергетическихъ символовъ.

Надо признать, что Оствальдъ обнаружилъ много глубины мысли и остроумія при подобномъ описаніи, но все же иногда излишнее увлеченіе этими символами только затемняетъ дѣло и авторъ не замѣчаетъ, какъ впадаетъ въ тавтологію *).

Что касается уничтоженія понятія матеріи и замѣны его (и въ организованномъ, и въ неорганизованомъ мірѣ) энергетическими символами, то по нашему здѣсь Оствальдъ глубоко неправъ. Неправъ съ двухъ точекъ зрѣнія: и съ педагогической (которую онъ тоже имѣетъ въ виду), и съ «философской».

Врядъ ли многіе согласятся съ нимъ, чтобы всѣ эти энергіи тяжести, объема, поверхности, различныя энергіи 80 химическихъ элементовъ, чтобы это замѣщеніе тѣла комплексомъ энергій было бы понятнѣе и педагогичнѣе старыхъ матеріально-механическихъ символовъ; для меня, по крайней мѣрѣ, послѣдніе въ тысячу разъ яснѣе.

Изъ того, что понятіе о движеніи установлено научно раньше, чѣмъ понятіе о теплотѣ, говоритъ Оствальдъ нельзя заключать о большой простотѣ перваго и писать, подобно Тиндалю, книги «Теплота, какъ родъ движенія». Если бы мы познакомились съ Петромъ раньше, чѣмъ съ Иваномъ, то описывали послѣдняго аналогіями съ первымъ и наоборотъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что Петръ проще Ивана (или обратно).

По нашему мнѣнію, это совсѣмъ не такъ.

При разсмотрѣніи вопроса объ образованіи понятій, мы должны исходить изъ основного понятія объ индивидуальности: оно должно было предшествовать всѣмъ остальнымъ. Поэтому ясное или неясное, но понятіе о «я» и «не я» есть основа всякаго міропониманія, будь то міропониманіе пуделя или философа.

Въ эволюціи такой индивидуальности прежде всего должны были выработаться геометрическія и матеріально-механическія понятія, такъ какъ организмъ, прежде всего, твердое движущееся тѣло. Вотъ почему всѣ такія понятія, какъ форма, объемъ, масса и движеніе, неразрывно связаны съ понятіемъ о движущемся индивидуумѣ, вотъ почему такія понятія намъ ясны и родственны и замѣнять ихъ гораздо болѣе сложными понятіями энергій нѣтъ никакой надобности.

Иное дѣло, когда въ совершающихся явленіяхъ мы не можемъ уловить

*) Впрочемъ, такая тавтологія часто замѣчается и въ тѣхъ частяхъ книги которыя трактуютъ о неорганизованномъ мірѣ. *В. А.*

чертъ индивидуальности: въ такихъ явленіяхъ (электрическія, магнитныя, частью химическія и явленія лучистой энергіи, а также явленія жизни) энергетическіе принципы находятъ широкое и вполнѣ законное примѣненіе. Но и здѣсь мы наблюдаемъ слѣдующій характерный въ исторіи науки фактъ: разъ только получается возможность свести явленія къ какому-либо индивидуальному началу, они становятся намъ яснѣе. Новѣйшее подтвержденіе этому мы находимъ въ теоріи электроновъ *).

Здѣсь мы входимъ въ область гипотезъ, а къ нимъ Оствальдъ относится вполнѣ отрицательно. Въ этомъ онъ, безсознательно, конечно, доходитъ даже до исторической неправды, утверждая, что наука развивалась не благодаря, а вопреки гипотезамъ. Между тѣмъ, достаточно было вспомнить работы Френеля и вообще развитіе всей кристаллоптики въ зависимости отъ развитія эѳирно-волновой теоріи свѣта, чтобы признать заслуги гипотезъ. А много-ли найдется химиковъ, которые станутъ отрицать громадное значеніе атомной гипотезы?! Да и самъ Оствальдъ разсказываетъ, какъ Эрстедъ, случайно замѣтивъ отклоненіе магнитной стрѣлки электрическимъ токомъ, тотчасъ же понялъ смыслъ «этого случайнаго открытія»: Эрстеду «казалось само собою понятнымъ, что такія двѣ сущности, организованныя такъ, очевидно, полярно, какъ магнетизмъ и электричество, должны находиться въ самыхъ тѣсныхъ соотношеніяхъ между собою и могъ быть только вопросъ о формѣ этого соотношенія».

Оствальдъ противопоставляетъ гипотезы закону. Законъ—абстракціи, такъ сказать, урѣзающія событія, гипотезы—модели явленій, придающія послѣднимъ нѣчто, чего въ нихъ нѣтъ и присутствіе чего мы доказать не можемъ. Но такъ-ли это? Соллипсисты, напр., утверждаютъ, что человѣкъ не можетъ «доказать» ничего, кромѣ наличности своего сознанія. Съ своей точки зрѣнія на «доказательства» они, можетъ быть, и правы, но предоставимъ уже рѣшеніе этого вопроса чистымъ философамъ; мы же знаемъ, какъ далекъ Оствальдъ отъ подобнаго рода доказательствъ и объясненій и такое рѣзкое противопоставленіе гипотезы закону можно объяснить только самогипнозомъ.

Намъ придется еще въ этомъ году въ другомъ отдѣлѣ журнала разсмотрѣть этотъ вопросъ болѣе детально и здѣсь мы удовольствуемся только слѣдующимъ.

Между закономъ и гипотезой, по нашему мнѣнію, разница только количественная: и тотъ и другая, конечно, абстракціи и, какъ таковыя, урѣзываютъ частности нашихъ переживаній, и тотъ и другая имѣютъ цѣлью охватить возможно большую группу явленій, но явленія, охватываемыя закономъ, болѣе однородны, чѣмъ тѣ, которыя стремится охватить гипотеза; съ этой точки зрѣнія гипотеза шире, чѣмъ законъ, и потому повѣрка ея должна быть болѣе трудной и болѣе разносторонней.

На этомъ мы и закончимъ нашъ фельетонъ; онъ такъ разросся, что, къ сожалѣнію, мѣста для другихъ научныхъ «злобъ дня» не осталось; но значеніе вопросовъ, поднятыхъ Оствальдомъ въ его книгѣ, такъ велико, а разработка и рѣшеніе ихъ талантливымъ и авторитетнымъ авторомъ такъ полна и оригинальна, что врядъ-ли читатель посѣтуетъ на этотъ невольный пробѣлъ.

В. Агафоновъ.

---

*) См. «Міръ Божій», декабрь 1902 г. «Научный обзоръ», статья проф. Ив. Ив. Боргмана: «Свѣтъ и электричество».

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ
„МІРЪ БОЖІЙ".

(ДВѢНАДЦАТЫЙ—XII—ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ отъ 25 до 30 листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «МІРЪ БОЖІЙ»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ.

Въ 1903 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, въ прежнемъ составѣ сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Отдѣлъ I. Беллетристика. Стихотворенія гг. Allegro, Бунина, Вейнберга, Маковскаго, Тана, Чюминой, Өедорова;—«Глафирина тайна», повѣсть М. Альбова; «Поединокъ», повѣсть А. Куприна; «Послѣднее путешествіе», Л. Нелидовой; «Мать и дочь», романъ И. Потапенки; «Странникъ», повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ, Тана; «Ожилъ» (изъ хроники города Пропадинска), Тана; «Человѣкъ», повѣсть С. Юшкевича; «Газетное человѣчество», разск. А. Яблоновскаго; «Феноменъ», разск. Хинъ. Очерки и разсказы г. г. Л. Андреева, И. Бунина, В. Вересаева, М. Горькаго, Л. Гуревичъ, С. Елпатьевскаго, М. Крестовской, А. Крандіевской, К. Станюковича, В. Сѣрошевскаго, Ан. Чехова, Ев. Чирикова. — «Молохъ», ром. Як. Вассермана, пер. съ нѣм. Л. Горбуновой; «Ернъ Уль», ром. Густ. Френсена, пер. съ нѣм. Л. Гуревичъ; очерки и разск. Стеф. Жеромскаго, Авр. Кагана, Киплинга, Реймонта, Шницлера и др.

Отдѣлъ II. Научныя статьи и сочиненія. I. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ: «Атомная гипотеза», В. К. Агафонова; «Древнія ископаемыя позвоночныя на сѣверѣ Россіи», проф. В. П. Амалицкаго; «Измѣненія климата въ минувшія эпохи земли», проф. К. И. Богдановича; «Двойное оплодотвореніе въ растительномъ царствѣ», акад. И. П. Бородина; «Современное состояніе вопроса о невронахъ», проф. А. С. Догеля; «Кометы въ русскихъ лѣтописяхъ», К. Д. Покровскаго; «Спектральный анализъ и его примѣненіе къ изслѣдованію небесныхъ явленій», проф. В. Церасскаго. — II. КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ: «Два момента въ творчествѣ Ан. Чехова», В. Альбова; «Эмиль Зола», Ев. Аничкова; «Очерки изъ исторіи русской журналистики» (къ 200-лѣтію печати), В. Богучарскаго; «Антокольскій, его жизнь и творчество», Ильи Гинцбурга; «Интеллигенція и демократія въ современной Франціи» Ев. Дегена; «Въ поискахъ за героемъ» (очеркъ изъ области современной драмы), Ев. Дегена; «Русскій романъ въ тридцатые годы», Н. Котляревскаго; «Успенскій и Чеховъ какъ художники», Д. Овсянико-Куликовскаго; «Достоевскій и Ничше», М. Х—на. III. ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ: «Русская эмиграція въ первой половинѣ XIX в.», В. Богучарскаго; «Исторія вѣрующей души» (Ламмене), Х. Г. Инсарова; «Николай Тургеневъ», А. Корнилова; «Очерки русской исторіи съ соціальной точки зрѣнія», ч. I. «Кіевскій періодъ», Н. Рожкова; «Русская провинція петровской эпохи», Н. Сторожева; «Лордъ Арчибальдъ Розбери и современное состояніе либеральной партіи въ Англіи», Ев. Тарле; «Политика и религіозная мысль на западѣ» (историческая справка) Ев. Тарле. IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ: «Критика историческаго матеріализма въ связи съ основн. проблемами соціологіи», Н. Бердяева; «Джонъ Рескинъ и политическая экономія», А. Рыкачева; «Очерки развитія экономической мысли въ Россіи», М. Туганъ-Барановскаго; «Біологическіе и соціальные факторы

преступности», Л. Шейниса. V. ФИЛОСОФІЯ. «Изъ лекцій по исторіи философіи права», вып. I: Греческія ученія; проф. П. Новгородцева; «А. Д. Градовскій и его теорія національнаго государства», Э. Радлова; «О современныхъ направленіяхъ въ философіи» (Гартманъ, Контъ, Спенсеръ, Ланге, Вундтъ, Паульсенъ), проф. Г. Челпанова. VI. ПУБЛИЦИСТИКА. «Вопросы университетскаго образованія». Ев. Лозинскаго; «Изъ перваго призыва» (Изъ жизни народной учительницы 60—70 годовъ), М. Лемке; «Рабочіе образовательные институты въ Швеціи», К. Грэнхагена. VII. ПЕРЕВОДНЫЯ НАУЧНЫЯ СОЧИНЕНІЯ. Въ приложеніи, съ отдѣльной нумераціей страницъ, будутъ помѣщены: «Земная кора» (очерки по исторіи развитія геологіи), проф. Саппера, пер. съ нѣм. подъ ред. В. Агафонова, съ многочисл. рисунками въ текстѣ; «Основанія экспериментальной психологіи», проф. Гейзера, пер. съ нѣм.; «Энциклопедисты», проф. Дюкро, пер. съ франц.

Постоянные отдѣлы. Критическія замѣтки. Отчеты о болѣе выдающихся произведеніяхъ и книгахъ русской и иностранной литературы.

На родинѣ. Свѣдѣнія и сообщенія о событіяхъ и фактахъ русской текущей жизни. Дополненіемъ къ этому отдѣлу служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, съѣздахъ, дѣятельности просвѣтительныхъ обществъ и т. п.

Изъ русскихъ журналовъ. Изложеніе болѣе интересныхъ и выдающихся статей, напечатанныхъ въ русскихъ журналахъ.

За границей. Свѣдѣнія и сообщенія изъ заграничной жизни. Дополненіемъ служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, особенностяхъ, культурныхъ явленіяхъ, выставкахъ, конгресахъ на Западѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ. Содержаніе болѣе интересныхъ статей, напечатанныхъ въ иностранныхъ журналахъ.

Научный фельетонъ. Въ этомъ отдѣлѣ съ будущаго года будутъ соединены два прежнихъ «Научный обзоръ» и «Научная хроника». Дѣлается это въ видахъ большей связности и популяризаціи разрозненныхъ явленій такой обширной области, какъ естествознаніе и техника. Веденіе этого отдѣла принялъ на себя В. К. Агафоновъ, завѣдующій естественно-научнымъ отдѣломъ въ журналѣ.

Библіографическій отдѣлъ. Рецензіи и подробные критическіе разборы русскихъ и переводныхъ книгъ по изящной словесности, публицистикѣ и всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ исключительно-спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для общеобразованныхъ читателей. **Новости иностранной литературы**, входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляются по иностраннымъ библіографическимъ изданіямъ, съ цѣлью знакомить читателей съ болѣе важными и интересными книгами, появляющимися за границей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ . .	8	руб.
Безъ доставки на годъ	7	»
За границу на годъ	10	»

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода . 4 р.
За границу . . . . 5 »

Безъ доставки по соглашенію съ конторой.

По третямъ года:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи:
въ январѣ . . . . 3 р.
» апрѣлѣ . . . . 3 »
» августѣ . . . . 2 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

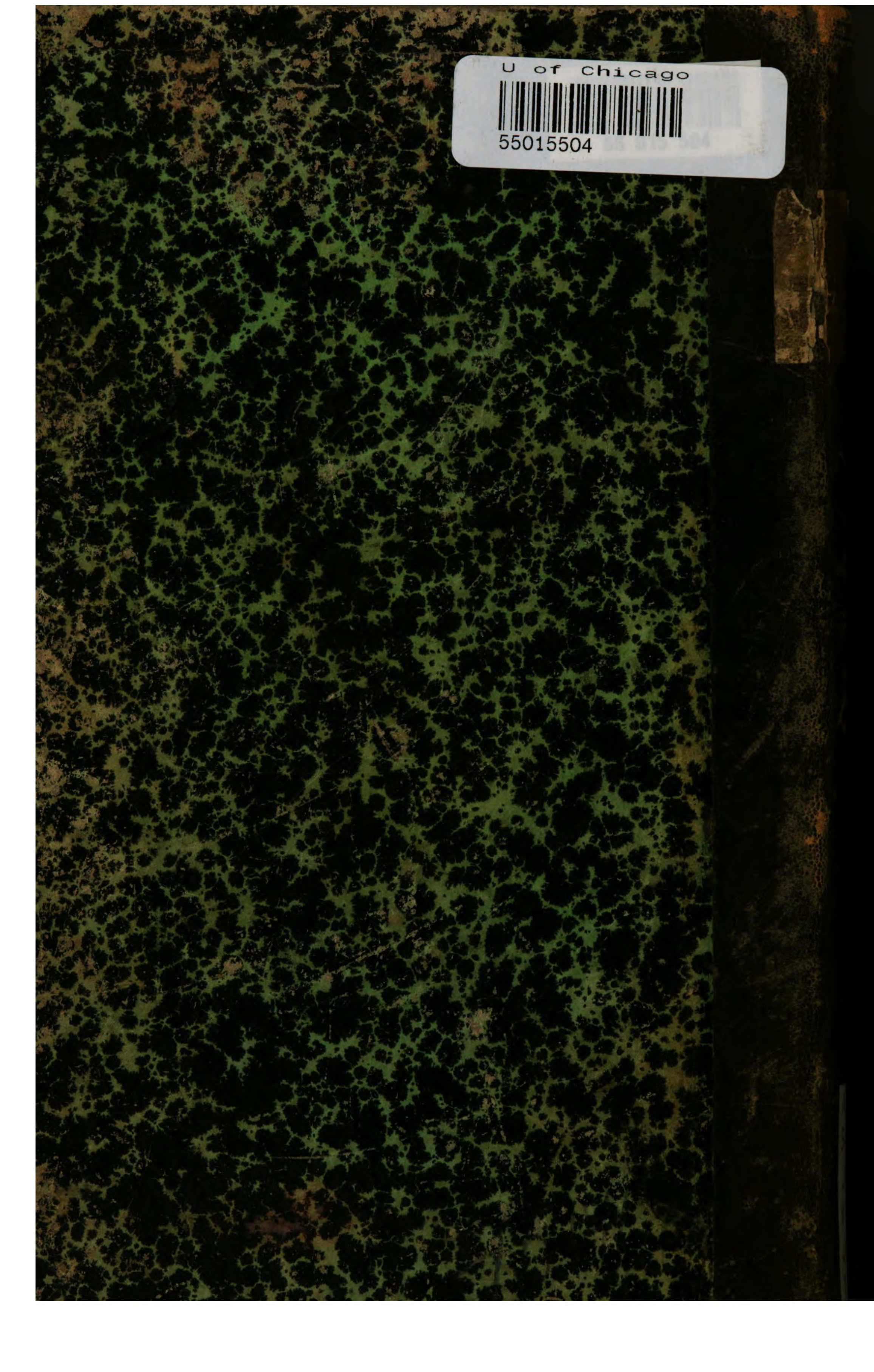
Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку безъ повышенія подписной платы.

Книжные магазины при годовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. Подписка по полугодіямъ и по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

Тип. Ѳ. Скороходова. Надеждин. 43.

AP 50
.M67
v.12
Jan
1903
Mir Bozhii

U of Chicago
55015504